97
А-23

Схиархимандритъ о. Агапитъ (Бѣловидовъ)

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

въ Бозѣ почившаго

ОПТИНСКАГО СТАРЦА

ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ

съ его портретомъ и факсимиле,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Еже видѣхомъ и слышахомъ, повѣдаемъ вамъ (1 Іоан. I, 3) *не въ премудрости слова* (1 Кор. I, 17).

БИБЛІОТЕКА
№ 7033
Вѣрейской Оптиной пустыни

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1900

Издание Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры
1992

Жизнеописаніе
оптинскаго старца
іеросхимонаха
АМВРОСІЯ

Подписано в печать 3.11.92 Формат 70x108
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 26 п.л.
Тираж 30 000 экз. Заказ N 2261.

Издание Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры

Издательство "Посад"
115587, г. Москва, ул. Михневская, д. 13, кв. 64

Ж 0403000000-012
Б53 (02-92)

ISBN 5-85 280-141-0

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском
полиграфкомбинате Министерства печати
Российской Федерации.
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Часть первая

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Главы.		*Стран.*
	Предисловіе	1
I.	Рожденіе и воспитаніе Александра Михайловича Гренкова, впослѣдствіи Старца Іеросхимонаха Амвросія	3
II.	Причины, побудившія Александра Михайловича поступить въ монастырь.	9
III.	Оптина Пустынь къ пріѣзду Александра Михайловича; его пріѣздъ и опредѣленіе въ монастырѣ въ число братства	19
IV.	Переходъ Александра Михайловича изъ монастыря въ скитъ, и начало его подвижнической жизни въ скиту.	26
V.	Отецъ Александръ—монахъ и іеромонахъ подъ крестомъ болѣзней.	35
VI.	Жительство іеромонаха Амвросія въ скиту до кончины блаженной памяти Старца Макарія	45
VII.	Первые годы самостоятельнаго старчествованія іеромонаха Амвросія до кончины скитоначальника Іеросхимонаха Иларіона . . .	58
VIII.	Общій взглядъ на подвигъ старчествованія іеросхимонаха Амвросія. А) Его внѣшняя обстановка и обыденная жизнь	74
IX.	Б) Воскресные и праздничные дни, и особые случаи.	86
X.	Нѣкоторыя общія наставленія Старца Амвросія, записанныя большею частію хибарочными посѣтительницами.	96
XI.	Основаніе Старцемъ Амвросіемъ Шамординской Казанской Горской женской общины.	109
XII.	Нравственный обликъ іеросхимонаха Амвросія, какъ Старца . .	118
XIII.	Евангельская любовь Старца Амвросія, выражавшаяся, по отношенію къ ближнимъ, а) вещественною помощію и б) мудрыми совѣтами.	127
XIV.	Еще нѣсколько случаевъ прозорливости Старца Амвросія, по разсказамъ мірскихъ лицъ, и его письменные совѣты и наставленія	143
XV.	Любовь Старца Амвросія къ ближнимъ, выражавшаяся, в) въ слѣдствіе его дѣйственной молитвы къ Богу сверхъ естественною помощію и исцѣленіемъ болѣзней тѣлесныхъ и душевныхъ. . .	153
XVI.	Сила слова старца Амвросія, его обращеніе съ посѣтителями и наружный видъ	172

Иеросхимонах Серафим.
Саровский.

Предисловіе.

Первою и главною побудительною причиною къ составленію предлагаемаго жизнеописанія Оптинскаго Старца, Батюшки іеросхимонаха Амвросія, послужилъ священный долгъ Оптинской обители сохранить благодарную память о своемъ родномъ дорогомъ Старцѣ и великомъ благодѣтелѣ, изливавшемъ милости свои не только на сожительствовавшихъ съ нимъ отцевъ и братій, но и на другихъ очень—очень многихъ лицъ, вдали отъ него жившихъ. Во вторыхъ, желалось составить жизнеописаніе Старца возможно—полное, собравъ разныя о немъ свѣдѣнія, появлявшіяся въ печати въ разное время и въ разныхъ духовныхъ журналахъ, а также и въ рукописяхъ, и устные о немъ разсказы близкихъ къ нему лицъ. Наконецъ, въ третьихъ, хотѣлось представить свѣдѣнія о жизни Старца тщательно провѣренныя; такъ какъ во всѣхъ, доселѣ вышедшихъ, жизнеописаніяхъ его замѣчаются погрѣшности.

Источники къ составленію жизнеописанія Старца Амвросія слѣдующіе:

1) Устные и письменные разсказы Оптинскихъ монаховъ, живших близко къ Старцу Амвросію, а также монахинь Шамординской общины и другихъ женскихъ монастырей, и нѣкоторыхъ мірскихъ лицъ, всею душею ему преданныхъ.

2) Скитская Лѣтопись въ рукописи, хранящаяся въ скитской библіотекѣ.

3) Нѣкоторыя свѣдѣнія о Старцѣ Амвросіи, извлеченныя изъ Архивовъ: Оптинскаго монастыря и Тамбовской и Калужской духовныхъ консисторій.

4) Письма Оптинскаго Старца Іеросхимонаха о. Амвросія, помѣщаемыя въ журналѣ «Душеполезное Чтеніе».

5) Сказаніе о жизни Оптинскаго Старца, Отца іеросхимонаха Амвросія, напечатанное въ «Душеполезномъ Чтеніи» 1892—1894 г.— Архимандрита Григорія (Борисоглѣбскаго).

6) Отецъ Амвросій. Е. Поселянина. Въ «Душеполезномъ Чтеніи» 1892 г.

7) Краткое сказаніе о жизни Оптинскаго Старца Іеросхимонаха о. Амвросія. Съ приложеніемъ избранныхъ его поученій. Брошюра. Изданіе Оптиной пустыни. Москва. 1893 г.

8) Іеросхимонахъ Амвросій Старецъ Оптиной пустыни. Изданіе Шамординской Казанской женской общины. Москва. 1892.

9) Тяжелая утрата. (Оптинскій Старецъ Амвросій). Θ. П. Ч—на. Брошюра, изданная въ пользу Шамординской женской общины. Москва. 1892.

10) Мелкія статьи объ Оптинскомъ Старцѣ Амвросіи, печатавшіяся въ разное время и въ разныхъ журналахъ.

Въ слѣдствіе неточности нѣкоторыхъ о Старцѣ Амвросіи свѣденій въ поименованныхъ его жезнеописаніяхъ, пришлось пользоваться ими, при составленіи предлагаемаго жизнеописанія, съ большою осторожностію.

Издаваемая теперь книга содержитъ въ себѣ двѣ части. Въ первой желалось, такъ сказать, нарисовать портретъ Старца Амвросія, т. е. показать, какъ онъ, мало по малу восходя отъ силы въ силу въ жизни духовной, достигъ наконецъ *въ мужа совершенна*, *въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. IV, 13). Во творой же части—показать, или по возможности раскрыть его особенную заслугу, содѣлавшую его столь славнымъ въ наше слабое, маловѣрное,—если не сказать болѣе, — время, т. е. его «старчествованіе», или руководствованіе ко спасенію душъ, ищущихъ спасенія, закончивъ послѣдними его днями.

Въ семъ, нелегкомъ для малоспособности автора, порученномъ ему трудѣ призываетъ онъ въ помощь молитвы почившаго о Господѣ, описываемаго Старца Амвросія, а вмѣстѣ, по его молитвамъ, и благосл овіеніе Божіе. *Архимандритъ Агапитъ.*

I.

Рожденіе и воспитаніе Александра Михайловича Гренкова, впослѣдствіи Старца Іеросхимонаха Амвросія.

Малъ бѣхъ въ братіи моей, и... Самъ Господь... помаза мя елеемъ помазанія Своего[1]).

Старецъ Іеросхимонахъ Амвросій родился 23-го ноября[2]) 1812 года, въ с. Большой Липовицѣ, Тамбовской губерніи и того же уѣзда, отъ пономаря Михаила Ѳеодоровича и жены его Маріы Николаевны Гренковыхъ. Новорожденнаго назвали во св. крещеніи Александромъ, въ честь Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго, память котораго пришлась въ самый день рожденія младенца. И такъ какъ св. Князь Александръ Невскій былъ тезоименитнымъ духовнымъ покровителемъ Государя Императора Александра Павловича[3]), а незадолго предъ тѣмъ былъ выгнанъ изъ Русскихъ предѣловъ гордый Наполеонъ съ своими безумно-разрушительными полчищами: то есть основаніе думать, что освободившаяся отъ оковъ своихъ Русь многострадальная праздновала теперь день Святого, тезоименитнаго своему Царю Благословенному, съ особеннымъ торжествомъ. Этимъ только, кажется, и можно объяснить, что въ день рожденія младенца Александра, какъ разсказывалъ самъ Старецъ, среди крестьянъ с. Липовицы замѣчалось, какъ сейчасъ увидимъ, какое-то особенное праздничное движеніе.

Былъ встарину среди духовенства такой обычай: во многихъ приходахъ всѣ члены причта церковнаго, или почти всѣ, были ближайшіе родственники. Такъ было въ свое время и въ Большой Липовицѣ. Дѣдъ Александра Михайловича о. Ѳеодоръ Гренковъ былъ

---

[1]) Псаломъ св. пр. Давида CL.

[2]) Самъ Старецъ Амвросій достовѣрно не зналъ дня своего рожденія, а потому, при разговорѣ о семъ, въ недоумѣніи повторялъ: „какой-то тутъ былъ праздникъ“. И такъ какъ самымъ близкимъ ко дню его рожденія былъ празднуемый всею св. Церковію великій праздникъ Введенія во храмъ Божіей Матери: то Старецъ думалъ, что именно въ этотъ праздникъ онъ и родился. Но по справкѣ оказалось слѣдующее: по Клировымъ вѣдомостямъ села Большой Липовицы, Тамбовскаго уѣзда „у пономаря Михаила Ѳедорова въ 1812 году *Ноября 23-го дня* подъ № 17 *значится рожденнымъ сынъ Александръ*. Воспріемники: Священникъ Іоаннъ Семеновъ и солдатская жена Анна Матѳеева“ (въ Архивѣ Тамбовской Духовной Консисторіи).

[3]) Самый день тезоименитства Императора Александра I былъ 30-го августа.

священникомъ, проходя вмѣстѣ съ тѣмъ и должность благочиннаго; а сынъ его Михаилъ причетникомъ, и со всѣмъ своимъ семействомъ жилъ въ домѣ отца. Предъ рожденіемъ Александра Михайловича, по случаю вышеупомянутаго празднества, къ священнику о. Ѳеодору съѣхалось очень много гостей. Потому готовившейся быть матерью младенца неудобно было оставаться въ домѣ, и она переведена была въ баню, гдѣ и разрѣшилась отъ бремени[1]). И такъ какъ, по случаю многолюдства, 23 ноября въ домѣ о. Ѳеодора была большая суматоха,—и въ домѣ былъ народъ, и передъ домомъ толпился народъ; то мать даже запамятовала, въ какой день родился ея сынъ. Впослѣдствіи, будучи уже въ Оптиной Іеросхимонахомъ, вспоминая объ этомъ обстоятельствѣ своего рожденія, Старецъ[2]) шутливо приговаривалъ: „какъ на людяхъ я родился, такъ все на людяхъ и живу".

У причетника Михаила Ѳеодоровича всѣхъ дѣтей было восемь человѣкъ, четыре сына и четыре дочери. По времени рожденія Александръ Михайловичъ былъ шестой[3]).

Въ дѣтствѣ Александръ былъ очень бойкій, веселый и смышленый мальчикъ. Онъ преданъ былъ дѣтскимъ забавамъ, такъ сказать, всѣмъ своимъ существомъ. Ими постоянно наполнялось его живое дѣтское воображеніе, и потому въ домѣ ему не сидѣлось. Поручала ему иногда мать покачать колыбель одного изъ младшихъ дѣтей своихъ. Мальчикъ обыкновенно садился за скучную для него работу, но лишь до тѣхъ поръ, пока мать, занятая домашними дѣлами, не упускала его изъ виду. Тогда осторожно пробирался онъ къ окну, также осторожно открывалъ его, и мгновенно исчезалъ изъ виду недовольной матери, чтобы порѣзвиться съ своими сверстниками. Разсказывалъ покойный Старецъ и еще о нѣкоторыхъ своихъ дѣтскихъ проказахъ: какъ онъ однажды полѣзъ было подъ крышу за голубями, но упалъ и ободралъ себѣ спину; между тѣмъ никому изъ домашнихъ не посмѣлъ сказать о семъ, боясь еще наказанія за шалость. А въ другой разъ, несмотря на замѣчаніе матери, не переставалъ стегать у себя на дворѣ одну смирную лошадку, которая, вышедши изъ тер-

---

[1]) О семъ Старецъ Амвросій передавалъ настоятельницѣ Шамординской общины м. Евфросиніи.

[2]) Должно различать старца по лѣтамъ отъ старца по опытности въ жизни духовной. О послѣднемъ сказано: *Старость честна немногольтна, ниже въ числѣ лѣтъ исчитается. Сѣдина же есть мудрость человѣкомъ, и возрастъ старости житіе нескверное* (Премудр. Сол. IV, 8—9).

[3]) Дѣти раждались въ такомъ порядкѣ: Марія, Евдокія, Параскева, Николай, Иванъ, Александръ, Петръ и Пелагія. Старшій сынъ Михаила Ѳеодоровича, Николай Михайловичъ, былъ Директоромъ одной изъ Кіевскихъ гимназій, второй Иванъ Михайловичъ на мѣстѣ отца—пономаремъ въ Большой Липовицѣ, третій Александръ Михайловичъ—описываемый Оптинскій Старецъ, и четвертый Петръ Михайловичъ служилъ столоначальникомъ въ Тамбовской Казенной Палатѣ. Изъ дочерей двѣ Марія и Параскева доживали послѣдніе дни своей жизни около своего брата Старца Іеросхимонаха Амвросія, при Оптиной пустыни, гдѣ и скончались.—Замѣтимъ при семъ, что штатъ при Липовицкой церкви, около времени рожденія Александра Михайловича, состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: 3-хъ священниковъ, 2 діаконовъ, 3 дьячковъ и 3 пономарей. Церковь была, какъ и теперь, во Имя Св. Живоначальной Троицы, съ придѣломъ во имя Трехъ Святителей (заимствовано изъ Клировыхъ вѣдомостей с. Большой Липовицы за 1814 годъ, хранящихся въ архивѣ Тамбовской духовной Консисторіи).

пѣнія, поранила его въ голову. Понятно, что за подобные поступки Александръ нелюбимъ былъ въ семьѣ. Къ нему не имѣли особеннаго расположенія ни дѣдъ, ни бабка, ни даже родная мать, которая болѣе любила старшаго своего сына Николая и младшаго Петра.

Смышленый Саша очень хорошо понималъ свое неловкое положеніе среди нелюбившей его родной семьи, хотя можетъ быть и не зналъ тому причины; а можетъ быть отчасти и зналъ, да не могъ и не умѣлъ вести себя такъ, чтобы заслужить любовь старшихъ членовъ семьи. Тѣмъ не менѣе по временамъ ему досадно было, что его младшій братишка пользуется, сравнительно съ нимъ, особенною всесемейною любовію. „Однажды,—такъ впослѣдствіи передавалъ самъ покойный Старецъ Амвросій,—очень раздосадованный этимъ, я рѣшился отмстить брату. Зная, что дѣдъ мой не любитъ шума, и что если мы дѣти бывало разшумимся, то онъ всѣхъ насъ безъ разбора, и праваго и виноватаго, отдеретъ за чубъ, я, чтобы подвести своего братишку подъ тяжелую руку дѣда, раздразнилъ его. Тотъ закричалъ, и выведенный изъ терпѣнія дѣдъ отодралъ и меня и его. А послѣднее-то мнѣ и нужно было. Впрочемъ мнѣ, и помимо дѣда, досталось за это порядкомъ и отъ матери и отъ бабки“. Вообще за излишнюю рѣзвость часто журили Александра и дѣдъ и бабка и мать.

Замѣтить нужно, что передавая нѣкоторымъ изъ посѣтителей обстоятельства своей дѣтской жизни, смиренный Старецъ приносилъ въ то же время какъ бы всенародную исповѣдь въ своихъ погрѣшностяхъ, укоряя и охуждая себя предъ слушателями; поэтому и начиналъ иногда свои разсказы такъ: „покаюсь предъ вами,—дѣлалъ я то и то“, дескать—вотъ какой я великій грѣшникъ!

Но если посеріознѣе взглянуть на дѣло, то окажется, что всѣ дѣтскія забавы и проказы Александра Михайловича не имѣли для него особенно укоризненнаго значенія. Это просто были порывы живого, слишкомъ подвижнаго нрава ребенка, которому, какъ говорятъ, просто не сидѣлось на одномъ мѣстѣ. Рожденный и воспитанный въ строго благочестивой семьѣ, гдѣ на всѣ дѣтскія, даже невинныя, рѣзвости Александра смотрѣли, какъ на весьма значительныя преступленія, и часто даже журили его за нихъ, мальчикъ очень далекъ былъ отъ всего, растлѣвающаго нравственность. Напротивъ онъ воспитывался въ строго религіозномъ направленіи. Напримѣръ: чтенію его первоначально обучали въ домѣ по славянскому букварю, часослову и псалтыри, такъ что въ основаніе научнаго его воспитанія полагались только однѣ святыя молитвы и Духомъ Божіимъ изреченные псалмы св. Царепророка. Каждый праздникъ отецъ бралъ его съ собою въ церковь, гдѣ онъ вмѣстѣ съ родителемъ на клиросѣ читалъ и пѣлъ. А дома у него всегда были предъ глазами эти скромныя, иногда благоговѣйныя, или по крайней мѣрѣ серіозныя лица близкихъ родныхъ. отъ которыхъ онъ никогда ничего худого не могъ не только видѣть, но даже и слышать, кромѣ конечно однихъ выговоровъ за его повидимому нескромность. О матери своей Старецъ даже всегда гово-

рилъ, что она была святой жизни. Самыя забавы мальчика Александра съ такими же простодушными дѣтьми, какъ и онъ самъ былъ, приносили ему не вредъ, а пользу; потому что избавляли его отъ унынія, отъ мрачной замкнутости въ себѣ, которая могла привиться къ нему вслѣдствіе постояннаго пребыванія среди тихо-серіозной семьи. О мести же Александра своему брату почти-что и не стоило бы упоминать, какъ единственномъ случаѣ его дѣтской несдержанности. Кто безъ грѣха?

Время текло своей обычно-неудержимой чредой, и уже давно настала пора родителямъ Александра позаботиться о его школьномъ образованіи, которое почему-то нѣсколько оттянулось. Мальчику минуло уже лѣтъ 12, когда родитель его включилъ въ первый классъ Тамбовскаго духовнаго училища. Бѣдность и неприглядность старой духовной школы, равно какъ и недостаточность въ пріемахъ преподавателей и въ преподаваемыхъ наукахъ, не мѣшали даровитому мальчику хорошо заниматься своимъ дѣломъ[1]). По прежнему онъ всегда былъ веселъ, и любилъ дѣтскія игры, безъ упущенія впрочемъ заданныхъ ему уроковъ. Послѣднее еще объясняется и тѣмъ, что въ тѣ былыя времена наставники духовныхъ училищъ обращались съ воспитанниками очень строго.

Изъ училищной жизни Александра ничего особенно замѣчательнаго неизвѣстно. Передавалъ только Старецъ по временамъ одинъ разсказъ о какомъ-то училищномъ портномъ, дѣлавшемъ для мальчиковъ платье, что ласковое обращеніе послѣдняго очень было ему по сердцу. „Когда я былъ мальчикомъ,—такъ говорилъ онъ,—былъ у насъ общій портной. Я былъ высокенькій, и онъ меня все Сашей звалъ; другихъ же моихъ товарищей такъ ласково не называлъ. Признаюсь, меня это очень затрогивало“.—Случай въ сущности почти не имѣющій значенія, но для Саши, проведшаго все время юности среди не очень расположенной къ нему семьи, и эта ласка портного была очень пріятна. Не по этому ли отчасти поводу у покойнаго Старца сложилось что-то въ родѣ поговорки: „отъ ласки у людей бываютъ совсѣмъ иные глазки“.

Въ іюлѣ 1830 года Александръ Гренковъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, назначенъ былъ къ поступленію въ Тамбовскую духовную семинарію. Въ семинаріи, какъ и въ училищѣ, благодаря своимъ богатымъ способностямъ, онъ учился очень хорошо. Наука давалась ему легко. Сказывалъ его товарищъ по семинаріи: [2]) „тутъ бывало на послѣднія копейки купишь свѣчку, твердишь—твердишь заданные уроки; онъ-же (Гренковъ) и мало занимается, а придетъ въ классъ, станетъ наставнику отвѣчать,—точно какъ по писанному,

---

[1]) Бѣдность не порокъ. Потому бѣдная и грязная старинная духовная школа не препятствовала выходить изъ ней такимъ свѣтильникамъ, какъ митрополиты Филаретъ Московскій и Филаретъ Кіевскій, Епископъ Ѳеофанъ Вышенскій затворникъ и еще многое множество Іерарховъ Россійской Церкви, и другихъ низшихъ служителей алтаря Господня, и даже нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ въ родѣ Графа Сперанскаго.

[2]) Василій Ѳеодоровичъ Свѣтозаровъ, о которомъ дальше придется говорить.

лучше всѣхъ“ Имѣя посему въ своемъ распоряженіи много свободнаго времени, и обладая отъ природы веселымъ и живымъ нравомъ, онъ и въ семинаріи склоненъ былъ къ увеселеніямъ. Любимымъ развлеченіемъ Александра Михайловича было поговорить съ товарищами, пошутить, посмѣяться; такъ что онъ всегда былъ—такъ сказать — душею веселаго общества молодыхъ людей.

Трудно при этомъ себѣ представить, чтобы стремленіе молодаго юноши къ увеселеніямъ, какъ и всей вообще семинарской молодежи, сдерживалось въ предѣлахъ умѣренности, если бы не было обуздываемо строгостію тогдашняго семинарскаго начальства. Покойный Старецъ вспоминалъ о бывшемъ въ его время семинарскомъ ректорѣ, молодомъ Архимандритѣ Іоаннѣ, который и скончался въ молодыхъ лѣтахъ въ Тамбовѣ, кажется отъ холеры. Человѣкъ былъ очень умный, дальновидный, благоразумно строгій и весьма искусный въ обращеніи съ наставниками и воспитанниками. Бывало, если узнаетъ, что кто-либо изъ наставниковъ опаздываетъ къ класснымъ занятіямъ, заранѣе придетъ въ классъ самъ.—„Гдѣ-же, спроситъ, наставникъ?“ На отвѣтъ учениковъ: „еще не приходилъ“, скажетъ: „послать!“ А самъ ходитъ по классу. Придетъ наставникъ, какъ водится, нѣсколько смущенный. Ректоръ, какъ будто нисколько не замѣчая его смущенія, встрѣтитъ его очень вѣжливо, также и скажетъ ему что-либо очень вѣжливое и привѣтливое, и тотъ часъ удалится изъ класса, давая наставнику разумѣть, что часъ занятія насталъ.

Съ воспитанниками обращался онъ также тихо, не гнѣвался, ни на кого не шумѣлъ, и никому изъ нихъ не дѣлалъ худыхъ отмѣтокъ по поведенію; а только придетъ бывало въ классъ и проговоритъ имъ такую напримѣръ внушительную рѣчь,—говорилъ онъ нѣсколько въ носъ: „я знаю всѣхъ васъ очень хорошо; знаю всѣ ваши способности и всѣ ваши наклонности. Я уже не буду обличать хорошихъ учениковъ; а вотъ вамъ для примѣра изъ низшихъ“. Называетъ фамилію: такой-то! Встаетъ. Ректоръ при всѣхъ начинаетъ говорить: ты склоненъ къ тому-то, къ тому-то и къ тому-то. Подымаетъ другаго ученика, и ему говоритъ въ обличеніе: а ты имѣешь наклонность вотъ къ чему и вотъ къ чему. Потомъ прибавитъ: „они потоварищески сознаются вамъ“. Дѣйствительно обличаемые сознавались, что ректоръ сказалъ сущую правду. Послѣ сего если какой воспитанникъ начнетъ лѣниться,—или уроки перестанетъ готовить, или въ классъ ходить, скажетъ ему только ректоръ: „смотри! обличу при всѣхъ;—такъ отъ куда только прилежаніе бралось! Вообще этого о. ректора по словамъ покойнаго Старца Амвросія, трепетали всѣ, и наставники и ученики, а въ числѣ послѣднихъ конечно и молодой Гренковъ.

Уроки Богословскихъ наукъ Александръ Михайловичъ слушалъ уже у другаго ректора, Архимандрита Адріана. Малый ростомъ, непредставительный собою, нѣсколько даже прихрамывавшій на одну ногу, этотъ о. ректоръ не имѣлъ той строгости и дальновидности,

какими обладалъ его предмѣстникъ. За то молодой Тамбовскій Владыка Арсеній (впослѣдствіи Кіевскій Митрополитъ) относился къ воспитанникамъ семинаріи очень строго. Самъ ѣздилъ на экзамены, и весьма внимательно испытывалъ ихъ въ знаніи преподаваемыхъ наукъ. Случалось даже, что плохо отвѣчавшихъ тутъ же безъ церемоній чѣмъ нибудь и наказывалъ. Такъ, пріѣхалъ онъ однажды на экзаменъ, и началъ по обычаю задавать вопросы по какому-то предмету ученикамъ; но къ великому его удивленію ученики не отвѣчали. Разстроенный Преосвященный началъ было ставить ихъ на колѣна. Между прочимъ оказалось, что воспитанники тутъ во все были не виноваты. На вопросъ Преосвященнаго: почему ученики не отвѣчаютъ? о. ректоръ сталъ извиняться тѣмъ, что они не успѣли повторить то, о чемъ спрашивалъ ихъ Владыка. Такъ зачѣмъ-же ты выставилъ это въ конспектѣ?—грозно и безцеремонно обратился Преосвященный къ бѣдному о. ректору, и задалъ ему строгій выговоръ.

Можно изъ сказаннаго видѣть, что все время молодости, и дома и въ школѣ, Александромъ Михаиловичемъ проведено было подъ строгостію, и даже можно сказать, подъ строгостію не простою, а восьма ощутительною. Но эта строгость была одною, можетъ быть, изъ главныхъ причинъ того, что Александръ Михайловичъ Гренковъ въ іюлѣ 1836-го года счастливо окончилъ курсъ семинарскихъ наукъ, съ степенью студента, подъ № 7, при очень добромъ поведеніи, какъ значилось въ его семинарскомъ аттестатѣ [1]).

Желательно теперь знать, къ какимъ наукамъ Александръ Михайловичъ имѣлъ особенное влеченіе, при изученіи преподаваемыхъ въ его время въ семинаріи? Основываясь на похвальныхъ отмѣткахъ по нѣкоторымъ предметамъ въ его аттестатѣ, можно съ достовѣрностію сказать, что любимымъ его занятіемъ было изученіе св. Писанія, Богословскихъ, историческихъ и словесныхъ наукъ. Если же принять во вниманіе то начало, которое полагалось въ основаніе его научнаго образованія въ дѣтствѣ, то можно отчасти видѣть изъ сего и причину, почему означенныя науки были ближе другихъ къ его сердцу.

Возымѣлъ было Александръ Михайловичъ нѣкогда еще охоту писать стихи. Такъ о семъ разсказывалъ нѣкогда самъ Старецъ окружавшимъ его слушателямъ: „признаюсь вамъ: пробовалъ я разъ писать стихи, полагая, что это легко. Выбралъ хорошее мѣстечко, гдѣ были долины и горы, и расположился тамъ писать. Долго, долго сидѣлъ я и думалъ, что и какъ писать; да такъ ничего и не написалъ“.—Изъ сего каждый ясно можетъ видѣть, что Александръ Михайловичъ совсѣмъ не знакомъ былъ съ даромъ творчества, даже не былъ простымъ, заурядымъ стихотворцемъ. Имѣлъ только онъ обыкновеніе, будучи Старцемъ, по временамъ въ шутливомъ тонѣ говорить свои наставленія слушателямъ въ риѳму; дабы, можетъ быть

---

[1]) Смотри въ приложеніи № 1, аттестатъ Александра Михайловича Гренкова.

по пословицѣ,[1]) грубая правда, въ устахъ его, не казалась очень груба для чувствительныхъ сердецъ. Но если онъ и не имѣлъ поэтическаго дара, то это нисколько неунижало и неунижаетъ его достоинства; ибо не всякій умный человѣкъ непремѣнно бываетъ и поэтъ.— Не слѣдуетъ еще при семъ упускать изъ вниманія того, что если Старецъ, какъ выше было замѣчено, высказывалъ иногда слушателямъ свои недостатки и неисправности: то все это было во первыхъ выраженіемъ его самоукоренія и самоухужденія предъ людьми, въ особенности смотрѣвшими на него, какъ на человѣка святаго. Для того онъ иногда и сравнивалъ себя въ этомъ случаѣ съ какимъ-то бездарнымъ Исихіемъ, монахомъ Кіевопечерской лавры, о которомъ передается такой разсказъ: Почувствовавъ влеченіе писать стихи, онъ вышелъ однажды, въ тихую лѣтнюю погоду, на берегъ Днѣпра, и сразу же написалъ одинъ стихъ:

„Тече, тече Днѣперъ тихій“.

Но послѣ сего онъ долго-долго сидѣлъ, и уже ничего не могъ прибавить къ написанному стиху, а только подписалъ:

„Сіи стихи“

„Писалъ отецъ Исихій“.

Смиренный Старецъ поневолѣ долженъ былъ предъ своими почитателями какъ-нибудь укрываться; ибо одаренъ былъ въ свое время отъ Всещедраго Господа такими высокими духовными дарованіями, предъ которыми всякая мірская поэзія меркнетъ, какъ звѣздный ночной свѣтъ предъ яркими лучами во всей красѣ блистающаго и всеоживляющаго солнца.

II.

Причины, побудившія Александра Михайловича поступить въ монастырь.

Судьбы Твоя бездна многа[2]).

Непрерѣкаемая истина, что *начало премудрости страхъ Господень*[3]). Но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что началомъ страха Божія бываетъ страхъ человѣческій. Ибо если мы не навыкнемъ прежде бояться людей, которыхъ видимъ; то какъ навыкнемъ бояться Бога, котораго невидимъ? Прилагая же эту истину къ жизни описываемаго Александра Михайловича, по необходимости должно придти къ такому заключенію. Такъ какъ онъ все время юности своей былъ подъ строгостію, направленною къ его религіозно-нравственному воспитанію, или подъ страхомъ человѣческимъ: то въ сердцѣ его, не-

---

[1]) Пословица, которую иногда повторялъ Старецъ: „правда груба, да Богу люба“.

[2]) Псал. XXXV, 7.

[3]) Притч. Солом. I, 7.

замѣтно для него самаго, печатлѣлись начатки страха Божія, который впослѣдствіи давалъ направленіе всей его жизни.

Александру Михайловичу, какъ молодому общительному весельчаку, никогда и въ голову не приходила мысль о монастырѣ. Такъ передавалъ о семъ самъ Старецъ: „въ монастырь я не думалъ никогда идти; впрочемъ другіе,—я и не знаю почему, — предрѣкали мнѣ, что я буду въ монастырѣ". — Почему же другіе предрекали ему это? Не иначе, какъ потому, что страхъ Божій, всажденный въ его сердцѣ, давалъ такое направленіе всѣмъ его поступкамъ, что все его поведеніе, не смотря на веселый его характеръ, во все не похоже было на поведеніе другихъ молодыхъ людей, склонныхъ къ міролюбію. Не имѣется въ намѣреніи дѣлать по этому поводу разныя предположенія и догадки. За это ручается прежде всего прилежное, сравнительно съ другими свѣтскими науками, изученіе Александромъ Михайловичемъ Слова Божія, которое и само, будучи живымъ и дѣйственнымъ,[1]) еще болѣе внѣдряло и укрѣпляло въ сердцѣ его страхъ Божій.

Продолжая повѣствованіе о себѣ, покойный Старецъ говоритъ: „Но вотъ разъ я сдѣлался сильно боленъ. Надежды на выздоровленіе было очень мало. Почти всѣ отчаялись въ моемъ выздоровленіи; мало надѣялся на него и самъ я. Послали за духовникомъ. Онъ долго не ѣхалъ. Я сказалъ: прощай Божій свѣтъ! И тутъ же далъ обѣщаніе Господу, что если Онъ меня воздвигнетъ здравымъ отъ одра болѣзни, то я непремѣнно пойду въ монастырь". Но что за причина такого обѣта молодаго человѣка, которому прежде въ голову и мысль о монастырѣ не приходила? — Страшно было проведшему время въ безпечной веселости, по смерти, являться на судъ Божій, опредѣляющій грѣшниковъ на вѣчное мученіе. Слѣдовательно причина обѣта его идти въ монастырь опять былъ страхъ Божій. Затѣмъ исполненіе обѣта, т. е. поступленіе въ монастырь, и вся послѣдующая подвижническая жизнь что имѣла своею главною причиною? — Страхъ Божій, который въ свою очередь имѣлъ своимъ основнымъ началомъ страхъ человѣческій, т. е. до извѣстнсго времени жизнь подъ строгостію.

За четыре года до поступленія въ монастырь, по словамъ самаго покойнаго Старца постигла его, какъ выше сказано, тяжкая болѣзнь, промыслительно направившая жизнь его къ доброй цѣли. Слѣдовательно это было за годъ до окончанія имъ семинарскаго курса; такъ какъ отъ окончанія имъ курса до поступленія въ монастырь (отъ 1836 г. до 1839 г.) прошло только три года. Самое дѣло показываетъ, что Александръ Михайловичъ, тотъ часъ по выздоровленіи, не имѣлъ возможности исполнить свой обѣтъ. Ему нужно было годъ доучиться до окончанія курса. Иначе если бы онъ вздумалъ, для исполненія своего обѣта, увольниться изъ Богословскаго класса, ему не

---

[1]) Евр. IV, 12.

дозволили бы сдѣлать это ни его родители, ни семинарское начальство. Между тѣмъ цѣлый годъ семинарской жизни, проведенный имъ въ кругу веселаго общества молодыхъ товарищей, не могъ не ослабить его ревности къ монашеству; такъ что и по окончаніи семинарскаго курса онъ не сразу рѣшился поступить въ монастырь.

Теперь настало для Александра Михайловича время борьбы съ самимъ собой,—тяжелая борьба! Чувствовалъ онъ что связалъ себя обѣтомъ предъ Господомъ посвятить всю свою жизнь на служеніе Ему въ чинѣ иноческомъ; но заманчивая жизнь мірская, исполненная разнообразныхъ чувственныхъ удовольствій, тянула душу его къ себѣ какъ магнитъ—желѣзо. Извѣстно, что борьба человѣка съ самимъ собою длится и во всю его жизнь. Но въ подобныхъ случаяхъ, при перемѣнѣ грѣхолюбивой мірской жизни на жизнь духовную монашескую, исполненную многоразличныхъ лишеній и искушеній, состоящую въ распятіи себя міру и сораспятіи Христу, борьба эта есть-такъ сказать—генеральная битва, изъ которой человѣкъ выходитъ или побѣдителемъ, или побѣжденнымъ. Потому покойный Старецъ Амвросій, сообразуясь съ наставленіемъ Препод. Іоанна Лѣствичника [1]), всѣмъ, кто только чувствовалъ въ сердцѣ своемъ искреннее желаніе работать Господу въ чинѣ иноческомъ, или что тоже ощущалъ въ себѣ званіе Божіе къ монашеству, совѣтовалъ въ міру не медлить, конечно смотря по обстоятельствамъ.

Предъ Александромъ Михайловичемъ молодымъ студентомъ, только что вышедшимъ изъ семинаріи, открывалось нѣсколько жизненныхъ дорогъ. Ему были открыты и двери высшей духовной школы-академіи; могъ бы онъ отдаться и пастырской дѣятельности, въ должности приходскаго священника; но связанный обѣтомъ, онъ уже не могъ теперь вязать себя чѣмъ либо инымъ. За лучшее онъ рѣшился избрать для себя такое мѣсто, которое не могло бы стѣснять его, въ случаѣ его полной рѣшимости оставить мірскую жизнь. Потому прежде всего онъ, по окончаніи курса семинарскихъ наукъ, поступилъ въ домъ къ одному помѣщику домашнимъ учителемъ его дѣтей. При воспоминаніи объ этомъ, Старецъ между прочимъ высказывался, съ какою благоразумною осторожностію относился онъ къ своимъ хозяевамъ. „Бывало, говорилъ онъ, размолвятъ мужъ съ женою, и оба обращаются ко мнѣ съ жалобами другъ на друга. Думаю себѣ,—какъ тутъ быть? Они хоть и поразмолвили, а черезъ часъ или два опять помирятся. А мнѣ если хоть разъ принять одну чью-либо сторону, нужно чрезъ это вооружить противъ себя другую. Такъ, бывало слушаю только ихъ жалобы, а самъ посматриваю на нихъ,

---

[1]) Лѣствица, въ русскомъ переводѣ, изданіе Оптивой пустыни. Слов. III, отд. 4. „Ощутивши пламень (ревности къ Богоугожденію) бѣги (изъ міра), ибо не знаешь, когда онъ угаснетъ, и оставитъ тебя во тьмѣ". И по словамъ Епископа Ѳеофана затворника, бываетъ такъ: „Господь зоветъ, зоветъ, да и замолчитъ, и отъ этого не только желаніе въ монастырь погаснетъ, но и самое желаніе душу спасать испарится". (См. Письма Епископа Ѳеофана въ „Душеполезномъ Чтеніи" за 1896 г. мартъ и апрѣль мѣсяцы 665 стран.).

да молча улыбаюсь. Вскорости конечно хозяева мои примирялись, и я былъ къ обоимъ имъ въ хорошихъ отношеніяхъ". Временемъ Александръ Михайловичъ былъ еще здѣсь свидѣтелемъ взаимныхъ отношеній гостей разночинцевъ. Это впрочемъ не касалось его личности; однако имѣло для него значеніе въ томъ отношеніи, что знакомило его съ обществомъ людей, бытъ которыхъ ему вовсе еще не былъ извѣстенъ.—Прибавлялъ къ сему покойный Старецъ, что въ молодости, гдѣ-бы онъ ни жилъ, всегда всѣ, находившіеся въ ссорахъ, искали его совѣта, и просили быть ихъ примирителемъ. А это уже одно показываетъ, что и при веселомъ своемъ характерѣ, онъ имѣлъ въ себѣ задатки жизни духовной.

Полтора года пробылъ Александръ Михайловичъ преподавателемъ частныхъ уроковъ въ означенномъ помѣщичьемъ домѣ. Но вотъ открылось свободное мѣсто наставника духовнаго училища въ г. Липецкѣ, и онъ, безъ сомнѣнія въ слѣдствіе предварительной просьбы, по опредѣленію семинарскаго начальства отъ 7 марта 1838 года, утвержденъ былъ въ должности учителя перваго класса училища, и вскорѣ явился къ мѣсту своего назначенія. Затѣмъ, въ слѣдствіе выбывшихъ одинъ за другимъ двухъ наставниковъ, переведенъ былъ во второй и наконецъ—въ нисшій классъ [1]) преподавателемъ греческаго языка, вмѣстѣ съ соединенными съ нимъ предметами [2]).

Къ пріѣзду Александра Михайловича въ Липецкъ учители духовнаго училища имѣли казенныя квартиры. Для сего на училищномъ дворѣ [3]) было два деревянныхъ корпуса,—одинъ окрашенный въ желтый цвѣтъ, стоялъ на дворянской улицѣ, а другой голубаго цвѣта былъ взади училищнаго двора. Въ первомъ, по преданію, вмѣстѣ съ другими жилъ и Александръ Михайловичъ. Примемъ еще къ свѣдѣнію, что одновременно съ нимъ были наставниками въ Липецкомъ училищѣ два товарища его по семинаріи, студенты, —вышеупомянутый Василій Ѳедоровичъ Свѣтозаровъ и Павелъ Степановичъ Покровскій. О послѣднемъ впрочемъ достовѣрно извѣстно, что онъ въ семинаріи шелъ курсомъ впередъ Александра Михайловича.

Имѣя отъ природы живой и веселый характеръ, Александръ Михайловичъ очень увлекался мірскими увеселеніями; любилъ пѣніе и музыку, и даже нѣкоторое время, какъ впослѣдствіи признавался, имѣлъ мысль поступить въ военную службу.—Впрочемъ теперешняя жизнь Александра Михайловича, среди товарищей,—другихъ наставниковъ, представляетъ его уже совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, сравнительно съ тѣмъ, каковъ онъ былъ въ школѣ, когда юностная жизнь его носила на себѣ отпечатокъ безпечной веселости. Самъ покойный Старецъ, въ откровенныхъ разговорахъ съ приближенными, давалъ

---

[1]) До 1852 года дѣленіе классовъ въ духовныхъ училищахъ было такое: первый, второй, нисшій и высшій.

[2]) Послужной списокъ Александра Михайловича Гренкова, при дѣлѣ объ опредѣленіи его въ число братства Оптиной пустыни въ 1840 году, въ Архивѣ Калужской духовной консисторіи.

[3]) Въ настоящее время духовное училище въ г. Липецкѣ на другомъ мѣстѣ.

понимать, какъ шло теперь его житье бытье. По своей врожденной способности любилъ онъ и теперь поговорить и пошутить. Но такъ какъ шутливость эта нерѣдко переходила границы; то, при вспоминаніи о данномъ имъ обѣтѣ идти въ монастырь, онъ всегда чувствовалъ угрызеніе совѣсти, которая не давала ему покоя. А шутить и говорить приходилось часто, и съ товарищами наставниками, и въ домахъ знакомыхъ людей, приглашавшихъ наставниковъ въ гости.

Говорятъ духовно-опытные мужи, что поползновенія людей, ищущихъ спасенія, разжигаютъ въ нихъ болѣе и болѣе ревность къ богоугожденію. Подобное было съ Александромъ Михайловичемъ. Въ его жизни, теперь еще не окрѣпшей, не остановившейся на пути благочестія, поползновенія слѣдовали за поползновеніями, раскаянія за раскаяніями, обѣщанія исправиться за обѣщаніями. Между тѣмъ укоры совѣсти время отъ времени давали себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе. Такъ рисуетъ самъ Старецъ свое тогдашнее положеніе: „послѣ выздоровленія я цѣлыхъ четыре года все жался, не рѣшался сразу покончить съ міромъ, а продолжалъ по прежнему посѣщать знакомыхъ, и не оставлялъ своей словоохотливости. Бывало, думаешь про себя: ну вотъ отнынѣ буду молчать, не буду разсѣяваться. А тутъ глядишь,—зазоветъ кто нибудь къ себѣ; ну разумѣвается не выдержу, и увлекусь разговорами. Но придешь домой, — на душѣ непокойно; и подумаешь: ну теперь уже все кончено навсегда,—совсѣмъ перестану болтать. Смотришь, опять позвали въ гости, и опять наболтаешь. И такъ вотъ я мучился цѣлыхъ четыре года“.

Для облегченія этого мученія, происходившаго отъ упрековъ совѣсти, для успокоенія этого неумолимаго судіи, Александръ Михайловичъ сталъ прибѣгать къ усердной молитвѣ. Въ ночное время, когда товарищи его наставники покоились уже на ложахъ своихъ, онъ становился предъ иконою Царицы небесной, именуемой „Тамбовской“—его родительскимъ благословеніемъ, и долго-долго—незримо и неслышимо для людей—молитвенные вопли его сокрушеннаго сердца возносились къ Пречистой и Преблагословенной Утѣшительницѣ скорбящихъ. Но исконный врагъ рода человѣческаго не дремалъ. Молитвенный подвигъ Александра Михайловича не могъ надолго оставаться не замѣченнымъ молодыми его товарищами. И вотъ, какъ всегда бываетъ, подъ вліяніемъ вражіимъ молодежь, и во время и не во время, и у мѣста и не у мѣста, стала осыпать его разными колкими насмѣшками. Въ особенности донималъ его одинъ изъ нихъ N. Принимая видъ какъ будто самаго близкаго сердечнаго участія въ Александрѣ Михайловичѣ, онъ въ присутствіи постороннихъ людей, съ серіознымъ, даже нѣсколько слезливымъ, выраженіемъ лица, съ вздохомъ начнетъ бывало говорить: „ахъ, какое у насъ горе большое!“— Что такое, спросятъ.—„Да вотъ Александръ Михайловичъ очень умный человѣкъ, а сошелъ съ ума. Да—да, съ ума сошелъ, съ ума сошелъ. Такъ жалко, такъ жалко бѣднаго“... А самъ все вздыхаетъ, и чуть-чуть не плачетъ; такъ что посторонній не знакомый слуша-

тель вполнѣ могъ принимать эту язвительную насмѣшку за сущую правду. Терпѣть подобныя колкости Александру Михайловичу почти было не въ мочь; однако по неволѣ нужно было терпѣть. Чтобы избѣжать насмѣшекъ своихъ товарищей наставниковъ, онъ сталъ для молитвы уходить на чердакъ, но и объ этомъ узнали. Тогда ему нужно было изыскивать для сего болѣе удобныя мѣста и времена, но теперь укрыться гдѣ-либо уже было трудно [1]).

Вблизи г. Липецка, по ту сторону рѣки Воронежа, виднѣется и теперь огромный, на подобіе Оптинскаго, казенный лѣсъ. Туда нерѣдко, въ свободное отъ занятія время, любилъ Александръ Михайловичъ уходить для уединенной прогулки и вѣроятно для богомыслія. Разъ въ такую прогулку онъ случайно подошелъ къ протекавшему ручейку, и сталъ прислушиваться къ его журчанію.—„Хвалите Бога! Храните Бога!“ —ясно слышались ему слова какъ будто выговаривающаго ручейка. „Долго стоялъ я, говорилъ, при воспоминаніи о семъ старецъ Амвросій, слушалъ этотъ таинственный голосъ природы, и очень удивлялся сему“.

Такъ проводилъ Александръ Михайловичъ свою жизнь въ Липецкѣ, живя вмѣстѣ съ другими наставниками. Отношенія же его къ дѣтямъ школьникамъ не представляютъ ничего особеннаго. По разсказамъ жившаго съ нимъ въ то время товарища, Павла Степановича Покровскаго, онъ какъ самъ всю свою молодость провелъ подъ строгостію, такъ и съ дѣтьми обращался строго, и не любилъ потакать лѣнивымъ и шалунамъ.

Самыя обстоятельства, въ которыхъ теперь поставленъ былъ Александръ Михайловичъ, показываютъ, что развязка его съ міромъ не могла быть острочиваема имъ на долгое время. Если бы онъ былъ отъ міра, міръ бы свое любилъ, по слову Спасителя, но такъ какъ онъ, по своимъ понятіямъ и поступкамъ, уже отрѣшался отъ міра, то и міръ сталъ теперь ненавидѣть его, и своими колкими насмѣшками—такъ сказать—гнать его отъ себя вонъ.

Проходило лѣто 1839 года. Вотъ уже половина іюля. Экзамены въ духовномъ училищѣ кончились, и школьники мальчики разбрелись по своимъ родительскимъ домамъ для лѣтняго отдыхновенія, которое въ прежнія времена продолжалось полтора мѣсяца. Два молодыхъ наставника, Александръ Михайловичъ и Павелъ Степановичъ, какъ свободные отъ обязанности училищной службы, согласились проѣхаться въ это время въ село Сланское Лебедянскаго уѣзда, къ родителямъ послѣдняго. Цѣль ихъ была та, чтобы изъ Сланскаго побывать у Троекуровскаго затворника о. Иларіона—испросить у него совѣта и благословенія на дальнѣйшее свое жительство, такъ какъ Троекурово отъ Сланскаго находится всего въ 30-ти верстахъ. Пріѣхали. Добрѣйшій и любвеобильнѣйшій родитель Павла Степановича,

---

[1]) Передавалъ о семъ іеромонахъ Оптиной пустыни о. Платонъ, въ мірѣ Павелъ Степановичъ Покровскій. товарищъ Александра Михайловича. Скончался 11-го сентября 1889 года.

священникъ о. Стефанъ Ѳеодотовичъ принялъ Александра Михайловича съ тою же родительскою любовію и радостію, какъ и роднаго своего сына Павла Степановича. Здѣсь отдохнувши немного, молодые люди рѣшились совершить прогулку въ Троекурово пѣшкомъ, тѣмъ паче, что пора была рабочая, и потому очень трудно было достать гдѣ-либо лошадь съ кучеромъ. Путь ихъ пролегалъ чрезъ село Сезеново (въ 7-ми верстахъ отъ Сланскаго), гдѣ въ то время подвизался въ затворѣ другой угодникъ Божій Иванъ Ивановичъ Сезеновскій [1]). Прибывши въ это село, наши путешественники пожелали было увидѣть сего затворника, и съ этою цѣлію подошли къ его уединенной келліи. То былъ небольшой двухъ-этажный каменный домикъ въ видѣ столба, кругомъ обсаженный деревьями, которыя садилъ боголюбецъ сей своими руками, при помощи нѣкоторыхъ преданныхъ ему людей, вблизи храма Божія. Прошедши семь верстъ подъ знойными лучами лѣтняго солнца, непривычные къ далекимъ переходамъ, молодые люди ощутили нѣкоторую усталость. Павелъ Степановичъ искалъ даже глазами мѣстечка, гдѣ бы пріотдохнуть. По счастію, къ келліи затворника примыкала длинная лавка, на одномъ концѣ которой уже сидѣла одна какая-то старушка, опершись палкою о землю. Какъ послѣ оказалось, это была послушница затворника Дарья Дмитріевна Кутукова, впослѣдствіи мудрая старица, храмостроительница и основательница Сезеновскаго женскаго монастыря. Не долго думая, Павелъ Степановичъ присѣлъ на другомъ концѣ лавки. Дотолѣ спокойно сидѣвшая женщина, придерживавшаяся въ свое время нѣсколько юродства, какъ вскочитъ; подбѣгла къ нему, затопала ногами, и грозно зашумѣла на него своимъ громкимъ голосомъ: „какъ ты смѣлъ сѣсть рядомъ съ женой?“ А сама палкой такъ и тычетъ ему въ глаза,—чуть-чуть не задѣнетъ по лицу. Сильно оскорбился Павелъ Степановичъ на эту женщину, и говоритъ своему спутнику: „пойдемъ отсюда, Александръ Михайловичъ; какіе тутъ живутъ святые“ [2])!.. Но Александръ Михайловичъ, какъ уже ощущавшій въ сердцѣ своемъ званіе Божіе къ иной лучшей жизни въ святой обители иноковъ, смиренно стоялъ передъ ними, и товарища своего упрашивалъ подождать, и послушницу умолялъ доложить о нихъ затворнику. Однако имъ не удалось видѣть сего святаго мужа. Съ увѣренностію можно полагать, что онъ прозрѣвалъ духомъ ихъ главную цѣль — идти собственно къ Троекуровскому затворнику о. Иларіону, къ которому и самъ онъ въ свое время относился, какъ къ старцу, за духовными совѣтами, а потому и не принялъ ихъ.

Продолжая путь чрезъ городъ Лебедянь, Александръ Михайловичъ съ Павломъ Степановичемъ добрались наконецъ и до Троеку-

---

[1]) Въ томъ же 1839 году 14 декабря затворникъ сей скончался.

[2]) Впослѣдствіи Павелъ Степановичъ и Дарья Дмитріевна были самыми искренними друзьями. При послѣдующихъ посѣщеніяхъ Павла Степановича, уже изъ Оптиной пустыни, когда онъ въ 1849 году поступилъ въ монахи, старица бывало въ шутку вспоминала: „а помнишь, какъ я тебя палкой-то“? Скончалась старица Дарія въ глубокой старости 85 или 86 лѣтъ 28 іюля 1858 года.

рова. Здѣсь оба они отечески приняты были о. Иларіономъ, который послѣ обычныхъ для него, вмѣстѣ съ посѣтителями трехъ великихъ поклоновъ предъ святыми иконами, тихо обратился къ нимъ съ кроткою улыбкою, желая узнать о цѣли ихъ посѣщенія. Когда же путники объяснились, старецъ отвѣтилъ каждому изъ нихъ, сообразуясь съ ихъ сердечнымъ расположеніемъ. Александру Михайловичу положительно сказалъ: „иди въ Оптину,“—прибавивъ къ сему знаменательныя слова: „ты тамъ нуженъ“ [1]). А Павелъ Степановичъ, какъ еще не имѣвшій особеннаго предрасположенія идти въ монастырь, самъ высказался предъ старцемъ: „а мнѣ было еще не хотѣлось, батюшка, идти въ монастырь“. О. Иларіонъ отечески снисходительно отвѣтилъ ему: „ну что жъ, Павелъ, ну поживи еще въ міру“, давая симъ разумѣть, что Всеблагій Промыслъ Божій и ему указываетъ тотъ же путь иноческой жизни, какъ и Александру Михайловичу, только не въ одно съ нимъ время.

Тутъ же Александру Михайловичу, скажемъ къ случаю, неожиданно пришлось увидѣться съ своимъ бывшимъ товарищемъ по семинаріи, священникомъ села Губина, о. Никандромъ Андреевымъ, имѣвшимъ особенную любовь и почтеніе къ старцу Иларіону, и потому часто посѣщавшимъ его. Разсказывалъ про это самъ о. Никандръ, что выходя однажды отъ старца, онъ увидѣлъ невдалекѣ отъ его келліи двухъ молодыхъ людей, сидѣвшихъ на бревнахъ. Подойдя ближе, онъ въ одномъ изъ нихъ узналъ Александра Михайловича Послѣ взаимныхъ привѣтствій и распросовъ, Александръ Михайловичъ объяснилъ о. Никандру и причину своего прихода къ о. Иларіону, и его старческій совѣтъ поступить въ монашество въ Оптину пустынь. Но это неожиданное пріятное свиданіе бывшихъ товарищей тѣмъ и закончилось.

Исполнивъ такимъ образомъ свое завѣтное сердечное желаніе—побывать у старца Иларіона, наши путешественники вернулись въ Сланское; и такъ какъ времени до перваго учебнаго мѣсяца сентября было еще много, то они вздумали проѣхаться въ Троицко-Сергіеву Лавру, для поклоненія мощамъ преп. Сергія Радонежскаго Чудотворца. Начались сборы. Александръ Михайловичъ преимущественно заботился объ удобствахъ помѣщенія. Онъ своими руками гнулъ изъ молодыхъ деревьевъ дуги, прикрѣплялъ ихъ къ задней части простой деревенской телѣги, и укрывалъ ихъ войлокомъ и рогожами, чтобы имѣть надежную защиту отъ дождя и солнечнаго зноя. Выйдетъ бы-

---

[1]) Покойный старецъ о. Амвросій, по глубокому смиренію своему, не могъ открыть сихъ словъ. На вопросъ любопытныхъ: „что вамъ, батюшка, говорилъ о. Иларіонъ, когда благословлялъ идти въ монастырь?“—онъ отвѣчалъ уклончиво: „уже не помню,—вѣдь времени прошло много; а кажется потому совѣтовалъ поступить въ Оптину, что тутъ были опытные въ духовной жизни старцы“. Но въ то время словъ о. Иларіона скрыть было нельзя, такъ какъ ихъ слышалъ бывшій вмѣстѣ съ Александромъ Михайловичемъ у затворника товарищъ его П. С. Покровскій. Да въ то время словамъ этимъ безъ сомнѣнія и не придавалось особеннаго значенія. Передалъ же эти слова младшій братъ Павла Степановича, Александръ Степановичъ Громовъ, жившій въ Липецкѣ мальчикомъ въ одной квартирѣ съ нимъ. Громовъ и теперь еще живъ.

вало къ нему Павелъ Степановичъ, посмотритъ на его работу, и скажетъ: „что ты дѣлаешь, Александръ Михайловичъ?!“—А онъ ему только отвѣтитъ: „э, не мѣшай, братъ, пожалуйста,—не твое дѣло“. Такимъ образомъ, въ недолгое время, изъ рукъ Александра Михайловича вышла покойная русская кибитка. Несмотря на рабочую пору, на самый—такъ сказать—разгаръ полевой работы, когда лошади до чрезвычайности хозяевамъ бываютъ нужны, Степанъ Ѳеодотовичъ, самъ занимавшійся хлѣбопашествомъ, не только не сталъ удерживать отъ сего душеполезнаго путешествія молодыхъ людей, но съ любовію далъ имъ собственную лошадь. А обязанность кучера принялъ на себя крестьянинъ села Сланскаго, Иванъ Ивановичъ Сорокинъ, жившій нѣкоторое время при Липецкомъ духовномъ училищѣ, въ качествѣ прислуги, и теперь бывшій человѣкомъ свободнымъ. Насталъ часъ отъѣзда. Помолившись Богу, молодые люди сѣли въ кибитку и тронулись въ дорогу, напутствуемые благословеніемъ и молитвою добрѣйшаго Степана Ѳеодотовича.

Такъ какъ путникамъ нашимъ нужно было проѣхать до Троицкой Сергіевой Лавры верстъ триста слишкомъ: то на одной лошадкѣ имъ въ одинъ только конецъ пришлось пропутешествовать съ недѣлю. Но вотъ, слава Богу, добрались. Здѣсь, въ обители великаго угодника Божія Преп. Сергія, при воспоминаніи о высотѣ его великихъ подвиговъ и трудовъ, при видѣ его нетлѣнныхъ благоухающихъ мощей, какъ знаменія особеннаго присутствія въ нихъ благодати Божіей, сердце Александра Михайловича, возгрѣваемое тою же благодатію Св. Духа, и само располагалось послѣдовать примѣру угодника Божія, въ трудахъ и подвигахъ пустыннаго жительства. Александръ Михайловичъ сразу сталъ не въ мѣру даже щедръ, — всѣ почти свои денжонки, необходимыя для обратнаго пути, роздалъ бѣднымъ; а бѣдняки, почуявъ его щедрость, наперерывъ лѣзли къ нему, прося подать Христа ради. Не имѣя же, чѣмъ ихъ удовлетворить, онъ сталъ просить у Покровскаго денегъ взаймы, обѣщаясь отдать ему при первой возможности. А откуда могла взяться эта возможность? Жалованье наставническое было въ то время скудное, такъ что могло удовлетворять потребности развѣ только тѣхъ однихъ, кто съ большою аккуратностію велъ свои расходы. Потому Павелъ Степановичъ и его уговаривалъ не быть черезчуръ щедрымъ, и въ просьбѣ наотрѣзъ отказалъ ему, сказавъ, что у самого денегъ нѣтъ. Благодаря этой разчетливости Павла Степановича, Лаврскіе богомольцы безъ нужды и благополучно возвратились въ Сланское, а оттуда вскорости и въ Липецкъ къ своей наставнической обязанности.

Принимая во вниманіе теперешнія обстоятельства Александра Михайловича, и его душевное благонастроеніе, можно бы казалось съ увѣренностію сказать, что уже настало для него теперь время благопріятное развязаться съ міромъ. Однако нѣтъ. Александръ Михайловичъ, по собственному его выраженію, все еще [illegible] міромъ не разставался. Какая же сему была причи[illegible]

БИБЛІОТЕКА
№ 7033

варивалъ его товарищъ Покровскій, какъ и самъ остававшійся въ міру на неопредѣленное время, отчасти же безъ сомнѣнія и собственные Александра Михайловича помыслы, подъ вліяніемъ духа искусителя, служили для него препинаніемъ: „еще молодъ, въ монастырь всегда можно поступить; и въ міру люди живутъ благочестиво, болтать теперь уже отнюдь не буду“, и подоб. Неизвѣстно доколѣ могла бы продлиться такая нерѣшительность Александра Михайловича, если бы не постигло его, по кознямъ вражіимъ, обычное искушеніе, которое Господь Своимъ дивнымъ Промысломъ обратилъ къ его душевной пользѣ,—къ конечной развязкѣ съ міромъ. Дѣло было такъ. Въ концѣ сентября кто-то изъ близкихъ къ Александру Михайловичу знакомыхъ гражданъ г. Липецка пригласилъ его съ другими наставниками училища на вечеръ. Пришли. За скромнымъ угощеніемъ начались по обычаю разговоры. Александръ Михайловичъ увлекся. Онъ такъ былъ веселъ, и такъ смѣшилъ всѣхъ, и гостей и хозяевъ, какъ едва ли когда-либо прежде. Это просто было искушеніе, попущенное ему Богомъ для того, чтобы онъ воочію увидѣлъ, и осязательно уразумѣлъ, что нельзя, никоимъ образомъ невозможно въ одно и тоже время работать двумъ господамъ—Богу и мамонѣ, что для жаждущей спасенія души необходимо всѣмъ сердцемъ возлюбить Единаго Бога, а міръ [1]) возненавидѣть; непросто только отклоняться отъ міра, отстраняться, а возненавидѣть совершенною ненавистію. Вечеръ между тѣмъ кончился. Всѣ были веселы и довольны. Гости, распростившись съ хозяевами, ушли во-свояси на покой. Неизвѣстно, какъ провелъ эту ночь Александръ Михайловичъ. По соображенію только можно заключать, что ночь эта была для него тревожная. Если и прежде въ подобныхъ случаяхъ онъ чувствовалъ укоры совѣсти, то что же было теперь?—Все былое безъ сомнѣнія живо представилось его воображенію: и обѣтъ данный Богу идти въ монахи, и опредѣленіе Божіе, переданное ему чрезъ Старца Иларіона, и его частыя и долгія молитвы, сердечныя воздыханія и слезы, и недавнее лаврское богомоленіе, и это трепетное горѣніе духа его на мѣстѣ вышеестественныхъ подвиговъ великаго Сергія; и послѣ всего этого такое неожиданное и весьма нежелательное поползновеніе—измѣна Богу... Горько!—Такъ, по замѣчанію глубокаго жизневѣда, затворника Епископа Ѳеофана, добрыя расположенія въ началѣ только что предпринятаго добраго житія бываютъ ненадежны, шатки, измѣнчивы [2]).

На другой же день, при первомъ свиданіи съ Покровскимъ: Александръ Михайловичъ въ секретномъ съ нимъ разговорѣ сказалъ, „уѣду въ Оптину“. Тотъ сталъ было его уговаривать: какъ же ты поѣдешь? Вѣдь только начались уроки—не отпустятъ. „Ну, что дѣлать? продолжалъ Александръ Михайловичъ, не могу больше жить

---

[1]) Міръ т. е. мірскія грѣховныя привычки, и то, что питаетъ и укрѣпляетъ эти привычки.

[2]) Письма Епископа Ѳеофана о христіанской жизни. Изд. 1860 года, выпускъ 3, стр. 148.

въ міру; уѣду тайно, только ты объ этомъ никому не говори". И вотъ въ скорости въ Липецкомъ духовномъ училищѣ случилось весьма странное событіе, надѣлавшее въ свое время много шума: наставникъ Гренковъ пропалъ. Смотрителемъ училища въ то время былъ священникъ соборной церкви (впослѣдствіи протоіерей) Филиппъ Евѳимовичъ Кастальскій, весьма добрый человѣкъ, съ академическимъ образованіемъ, товарищъ по академіи бывшему въ то время Епископу Тамбовскому, Преосвященному Арсенію. Этимъ неожиданнымъ случаемъ онъ поставленъ былъ въ весьма неловкое положеніе. Нужно было донести о семъ семинарскому начальству; но и жалко было Александра Михайловича; и за себя опасался, какъ бы не получить отъ начальства непріятности за то, что слабо управляетъ подчиненными. Такъ онъ и рѣшился молчать, пока разъяснится дѣло. Между тѣмъ Александръ Михайловичъ, вырвавшись изъ тѣнетъ мірскихъ, съ вѣрою въ Господа Спасителя, призывающаго всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ къ небесному вѣчному покою, безъ паспорта, съ однимъ семинарскимъ аттестатомъ, смиренно, на простой деревенской телѣжкѣ, съ прежнимъ кучеромъ Сорокинымъ [1]), поспѣшалъ къ тихому пристанищу, къ богоспасаемой Козельской Введенской Оптиной пустыни въ Калужской епархіи [2])—Такимъ образомъ на немъ исполнились слова Духоноснаго Пѣвца Давида: *егда падетъ, не разбіется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его* [3]).

III.

Оптина пустынь къ пріѣзду Александра Михайловича, его пріѣздъ и опредѣленіе въ монастырѣ въ число братства.

Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни [4]).

Прежде чѣмъ продолжать повѣствованіе о дальнѣйшей участи нашего счастливаго странника, такъ быстро и рѣшительно, при помощи Божіей, покончившаго съ міромъ, бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе Оптиной пустыни, въ которомъ она находилась къ его пріѣзду. Не имѣется впрочемъ здѣсь въ намѣреніи касаться ея внѣшняго благосостоянія; такъ какъ и Александръ Михайловичъ, поступая въ монастырь, гнался не за внѣшнимъ блескомъ. И такъ, что же это за Оптина пустынь была? Что за мѣсто, на которое указалъ ему, Духомъ Божіимъ вразумленный, Старецъ затворникъ о. Иларіонъ Троекуровскій? — Это мѣсто въ то время было обиталищемъ такихъ

---

[1]) Впослѣдствіи, будучи уже Старцемъ, случайно узнавъ о кончинѣ Сорокина, о. Амвросій перекрестился, и молитвенно вздохнулъ ко Господу о упокоеніи его души.

[2]) Всѣ означенныя выше, неизвѣстныя доселѣ, свѣдѣнія объ Александрѣ Михайловичѣ передавалъ вышеупомянутый Іеромонахъ Платонъ.

[3]) Псал. XXXVI, 24.

[4]) Псал. LIV, 8.

великихъ подвижниковъ, при видѣ которыхъ, въ душахъ благочестивыхъ посѣтителей, воскресала память о древнѣйшихъ временахъ монашества. И поистинѣ время то для Оптиной пустыни можно назвать самымъ блестящимъ періодомъ развитія въ ея насельникахъ жизни духовной. Вотъ краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ монастырѣ: Настоятель, игуменъ Моисей (Шутиловъ) былъ мудрый правитель обители, образецъ смиренія и терпѣнія въ молитвахъ и трудахъ иноческихъ для всей братіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ крайне нищелюбивъ и щедролюбивъ. Бѣднымъ, обращавшимся къ нему за помощію у него отказа не бывало. Съ рабочими людьми никогда о цѣнѣ не торговался, хотя бы они и не всегда добросовѣстно работали: — „Вѣдь подаемъ же, скажетъ, милостыню; такъ это та-же милостыня". Нестяжательность его была изумительная. Онъ — такъ сказать — сорилъ деньгами, такъ что временемъ у него буквально не оставалось ни копѣйки. Такъ и звали его всѣ: „гонитель денегъ". Случалось иногда такъ: прійдутъ къ нему рабочіе за разсчетомъ; а онъ, не имѣя денегъ, вынесетъ свою сумку и, потрясая передъ ними кверху дномъ, скажетъ: „ну вотъ смотрите, — нѣтъ ничего". И всѣ безусловно ему вѣрили, и безропотно ждали, когда будутъ деньги.

Іеросхимонахъ Левъ (Леонидъ) первый и главный насадитель Старчества [1]) въ Оптиной пустыни, по распоряженію Епархіальнаго начальства переведенный въ 1836 году изъ Скита въ монастырь, и жившій тамъ до самой блаженной своей кончины, послѣдовавшей 11 октября 1841 года [2]). Старецъ — наставникъ, высокой опытности духовной, мужъ святой жизни, прозорливецъ. Имѣлъ особенный даръ отъ Господа напоминать грѣхи забвенія людямъ, имѣвшимъ къ нему духовное отношеніе, какъ сказывалъ впослѣдствіи Старецъ Іеросхимонахъ Амвросій.

Доживавшій послѣдніе годы жизни, замѣчательный старецъ Архимандритъ Мельхиседекъ, удостоивавшійся въ свое время бесѣды съ святымъ угодникомъ Божіимъ, Святителемъ Тихономъ Задонскимъ, промѣнявшій свое видное положеніе на смиренную пустынную келлію, и за свою богоугодную жизнь удостоившійся блаженной кончины (въ 1841 году).

Флотскій Іеромонахъ Геннадій, своимъ благороднѣйшимъ поведеніемъ, ревностнымъ и благоговѣйнымъ исполненіемъ своей должности заслуживши искреннее почтеніе военныхъ чиновъ, удостоившійся быть дважды въ качествѣ духовника Императора Александра Благословеннаго, отличавшійся особеннымъ добродушіемъ ко всѣмъ и ласковостью, чрезъ что заслуживши общую любовь всего братства.

---

[1]) Желающій имѣть понятіе о старчествѣ можетъ прочитать о семъ въ жизнеописаніи Оптинскаго Старца Іеромонаха Леонида (въ схимѣ Льва) въ началѣ 2-й гл. Тамъ приведены мѣста изъ Отцевъ подвижниковъ, хорошо объясняющія этотъ предметъ. Дѣломъ этимъ занимался Скитскій Іеромонахъ Климентъ Зедергольмъ, подъ руководствомъ описываемаго старца Іеросхимонаха Амвросія.

[2]) Смотр. Жизнеописаніе Оптинскаго Старца Іеромонаха Леонида (въ схимѣ Льва) изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни.

Іеродіаконъ Меѳодій, терпѣливый страдалецъ, въ слѣдствіе паралича лишившійся употребленія языка и болѣе 20 лѣтъ лежавшій на одрѣ въ разслабленіи, съ великимъ смиреніемъ и благодареніемъ Господу несшій тяжелый крестъ сей; имѣлъ даръ прозорливости.

Іеродіаконъ Палладій, нестяжатель, строгій блюститель подвижническихъ правилъ, образцовый знатокъ церковнаго чиноположенія, созерцатель, на все въ природѣ видимой смотрѣвшій съ духовной стороны.“

Въ скиту: Начальникъ скита Іеромонахъ Антоній [1]), родной братъ Игумена Моисея, отличавшійся особенною кротостью и смиреніемъ, безпрекословнымъ послушаніемъ и беззавѣтною преданностью своему духовному отцу, и брату по плоти, Игумену Моисею; великій труженикъ и молитвенникъ, и терпѣливый страдалецъ, имѣвшій на ногахъ болѣе 30 лѣтъ ужасныя раны, и при всемъ томъ неоставлявшій тяжелыхъ трудовъ тѣлесныхъ и службъ церковныхъ до послѣдней возможности; прозорливецъ.

Іеросхимонахъ Макарій (Ивановъ), Старецъ—наставникъ высокой опытности духовной, сподвижникъ и собесѣдникъ Старца Іеросхимонаха Льва (Леонида), а поглубокому смиренію считавшій себя его ученикомъ, ангелъ во плоти, поистинѣ святой человѣкъ. Самъ Старецъ Леонидъ имѣлъ обыкновеніе иногда говорить такъ: „Моисей (настоятель) и Антоній великіе люди, а Макарій святъ“.

Бывшій Валаамскій Игуменъ Варлаамъ, уединенникъ, молитвенникъ, изливавшій обильныя слезы, что доказывали вѣки его глазъ опухшія и лишенныя рѣсницъ; крайній нестяжатель. У него въ келліи положительно ничего не было кромѣ щепокъ, и дверь келліи никогда не запиралась. Разъ въ корпусъ, гдѣ была его келья, во время утрени забрались воры, и кое-что унесли у его сосѣдей.— „А васъ, батюшка, спросилъ братъ сосѣдъ, воры обокрали?“ – Чего же красть то? Щепки что ли? отвѣчалъ старецъ улыбаясь; такъ я еще натаскаю“.

Іеросхимонахъ Іоаннъ изъ раскольниковъ, по собственному убѣжденію обратившійся къ православію, въ слѣдствіе прилежнаго чтенія Св. Писанія и усердной молитвы, отличавшійся нестяжательностью, дѣтскою простотою, совершеннымъ незлобіемъ и искреннимъ сочувствіемъ къ просившимъ у него совѣтовъ братіямъ, чрезъ что заслуживший всеобщую любовь братій.

Іеромонахъ Иннокентій (въ схимѣ Іовъ) духовный отецъ великаго старца Іеросхимонаха Макарія, труженикъ, любитель безмолвія, въ продолженіи 18-лѣтняго пребыванія своею въ скиту никогда ни съ кѣмъ не вступавшій въ праздные разговоры, и вообще устранявшійся бесѣдъ, и только предъ самою кончиною своего отворив-

---

[1]) 3-го Декабря 1839 года, по представленію Калужскаго Преосвященнаго Николая, опредѣленъ былъ настоятелемъ Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря какъ сказано въ его жизнеописаніи, изданномъ Оптиною пустынью.

шій дверь своей келліи для всѣхъ, желавшихъ получить отъ него назиданіе.

Схимникъ Вассіанъ, нестяжатель, неутомимый труженикъ, молитвенникъ и изумительный постникъ. При всегдашнемъ крайнемъ воздержаніи въ употребленіи суровой пищи, онъ въ первую и страстную седьмицы каждой св. четыредесятницы ничего не вкушалъ; а въ 1818 году поревновалъ провести два поста—Рождественскій и Великій въ строжайшемъ постѣ, по 40 дней не принимая никакой пищи [1]).

А сколько еще было въ монастырѣ и скиту ревнителей иноческихъ подвиговъ! Да и всѣ вообще братія Оптиной пустыни, руководимые такими опытными духовными вождями, какъ старцы Леонидъ и Макарій, носили на себѣ отпечатокъ Евангельскихъ добродѣтелей, которыя внушались имъ старцами и словомъ и примѣромъ. Всѣ отъ старцевъ до послушниковъ связаны были союзомъ взаимной любви искренней, святой.—Простота [2]) (нелукавство) кротость и смиреніе были по преимуществу отличительными признаками Оптинскаго братства. Сами Оптинскіе старцы смиренные, главнѣйшимъ образомъ старались насаждать и укоренять въ душахъ новоначальныхъ иноковъ эту боголюбезную добродѣтель, безъ которой спасеніе невозможно; какъ сказалъ о семъ великій свѣтильникъ церкви, Св. Златоустъ: „Безъ смиренномудрія невозможно, совершенно невозможно „спастись. Хотя бы ты постился, хотя бы молился, хотя бы творилъ милостыню, все это безъ смиренномудрія будетъ богопротивно; „тогда какъ, напротивъ, все сіе вожделѣнно, все любезно, все спа„сительно, если будетъ притомъ смиренномудріе“ [3]). Наставляемые старцами, младшіе братія всевозможно старались смиряться, не только предъ старшими, но и предъ равными, боясь даже взглядомъ оскорбить одинъ другаго и при малѣйшемъ оскорбленіи немедленно испрашивая другъ у друга прощеніе.

По внѣшности же Оптина пустынь не отличалась богатствомъ, особенно въ описываемое время. Отличалась она только своимъ безмолвнымъ мѣстоположеніемъ среди огромнаго густаго бора, удаленнымъ отъ мірскаго шума.

Итакъ, вотъ въ какой вертоградъ духовный поспѣшалъ наставляемый Промысломъ Божіимъ Александръ Михайловичъ. Здѣсь, среди давно уже цвѣтущихъ во всемъ великолѣпіи криновъ духовныхъ, должна была быть насаждена и юная лѣторасль—новая душа, ищущая спасенія; дабы *при исходищахъ водъ* благодатныхъ, въ обиліи истекав-

---

[1]) Обо всѣхъ перечисленныхъ старцахъ нѣкоторыя свѣденія помѣщены въ „Историческихъ описаніяхъ монастыря и Скита Оптиной пустыни.“ Объ нѣкоторыхъ же изъ нихъ есть и особыя жизнеописанія, какъ то: о настоятелѣ Архимандритѣ Моисеѣ, Игуминѣ Антоніи, о Старцахъ Іеросхимонахахъ Львѣ и Макаріи. Всѣ-изданія Оптиной Пустыни.—Нѣкоторыя впрочемъ свѣденія о перечисленныхъ старцахъ предлагаются здѣсь съ разсказовъ Оптинскихъ старожиловъ монаховъ.

[2]) Хорошо разъясняетъ эту добродѣтель Пр. Іоаннъ Лѣстовичникъ въ словѣ IV, отд. 21.

[3]) Бесѣда св. Іоанна Златоуста 33 на Еванг. Іоанна.

шихъ изъ устъ Богомудрыхъ старцевъ, возрастать и укрѣпляться въ жизни духовной, и *дати плодъ* сторичный *во время свое*. 8 Октября 1839 года. День воскресный. Въ Оптиной пустыни отправлялась поздняя Божественная Литургія. По Бѣлевской песчаной дорогѣ, пролегающей среди вѣковыхъ сосенъ и елей, далеко раскинувшихъ свои могучія зеленыя вѣтви, медленно педвигалась, по направленію къ Оптиной пустыни, знакомая намъ телѣжка, съ Александромъ Михайловичемъ во главѣ. Густый боръ долго заслонялъ отъ очей его предметъ сердечныхъ его желаній и исканій; такъ что, только уже подъѣхавши къ самому монастырю, онъ могъ увидѣть его. Но вотъ онъ уже въѣхалъ на гостинный дворъ, и остановился въ гостинницѣ.

Когда старецъ Иларіонъ благословлялъ Александра Михайловича поступить въ Оптину пустынь, то совѣтовалъ ему предварительно сходить или съѣздить туда, чтобы ознакомиться съ этою обителью, и потому Александръ Михайловичъ имѣлъ въ мысли съѣздить туда дня на два. „Но, пріѣхавши, такъ впослѣдствіи расказывалъ Старецъ Амвросій, я ничего не могъ въ два дня узнать и понять. Пришелъ къ Старцу Льву. Вижу, сидитъ онъ на кровати, самъ тучный, и все шутитъ и смѣется съ окружающимъ его народомъ. Мнѣ это на первый разъ не понравилось. Потомъ пошелъ я къ о. Игумену Моисею. Онъ спросилъ меня,—понравился ли мнѣ Старецъ. Я сказалъ, что народу около него много; а что старецъ непонравился—это скрылъ. Въ другой разъ, вижу я идетъ къ старцу Льву Скитскій Іеросхимонахъ о, Іоаннъ въ схимѣ. Его только что постригли въ схиму. Лицо у него ангелоподобное. Онъ очень мнѣ понравился, и я пошелъ за нимъ. Пришедши къ старцу, схимникъ поклонился ему въ ноги. Я смотрю. О Іоаннъ началъ говорить: „вотъ, батюшка, я сшилъ себѣ новый подрясникъ,—благословите его носить?“ Старецъ Левъ отвѣчалъ: „развѣ такъ дѣлаютъ? Прежде благословляются сшить, а потомъ носить. Теперь же, когда сшилъ, такъ ужъ и носи,—не рубить же его.“ —Тутъ я понялъ, продолжалъ Старецъ Амвросій, въ чемъ дѣло, (т. е. что монашество состоитъ главнымъ образомъ въ отсѣченіи своей воли). Съ тѣхъ поръ я полюбилъ старца Льва“ [1]).— Объяснивъ ему обстоятельства своей жизни и теперешнее свое положеніе, Александръ Михайловичъ изъявилъ ему и желаніе вступить въ число братства Оптиной пустыни. Съ истинно христіанскою любовію принялъ старецъ Левъ новаго пришельца, одобряя и благословляя его доброе намѣреніе служить Господу въ ликѣ иноковъ, и ободряя духъ его надеждою на помощь и милосердіе Божіе въ дѣлѣ семъ. По его благословенію, Александръ Михайловичъ отпустилъ своего кучера въ обратный путь, и остался навсегда въ Оптиной. Но предварительно ему благословлено было, пока устроятся его обстоятельства, погостить на монастырскомъ гостинномъ дворѣ. Для

[1]) Изъ записокъ настоятельницы Шамординской общины М. Ефросиніи. Въ запискахъ этихъ впрочемъ есть нѣкоторыя неточности.

сего онъ занялъ небольшой номерокъ во второмъ этажѣ одной изъ монастырскихъ гостинницъ. Корпусъ на сѣверъ отъ монастыря, при въѣздѣ въ ворота, съ лѣвой стороны по счету второй; а въ то время былъ первый и двухъ-этажный [1]).

Расположившись въ этомъ, болѣе чѣмъ скромномъ, помѣщеніи, Александръ Михайловичъ ходилъ къ службамъ Божіимъ, ежедневно посѣщалъ Старца Льва, по его благословенію, для откровенія помысловъ, и присматривался къ монастырской жизни. А для келейнаго занятія, чтобы не было скучно, ему поручено было и приличное келейное занятіе—переписывать рукопись подъ названіемъ: „Грѣшныхъ спасеніе“ (Ἁμαρτολῶν σωτηρία)—переводъ съ новогреческаго. Общее содержаніе ея: о борьбѣ со страстями [2]). Переписываніе этой рукописи, служа для него трудомъ тѣлеснымъ и развлеченіемъ, не могло въ то же время не доставлять ему и пользы душевной; ибо знакомило его съ превосходной наукой духовной жизни, по выраженію Св. Симеона Новаго Богослова, съ наукой наукъ и искусствомъ искусствъ.

Между тѣмъ о мѣстопребываніи Александра Михайловича узналъ по слуху (вѣроятнѣе всего отъ наставника Покровскаго) Смотритель Липецкаго училища Филиппъ Ефимовичъ, который, прождавши цѣлый мѣсяцъ, и не получая ни отъ кого и ни откуда вѣрнаго извѣстія объ отсутствующемъ наставникѣ, рѣшился въ началѣ ноября послать Оптинскому о. Настоятелю формальное отношеніе, въ которомъ просилъ увѣдомить его, если наставникъ Липецкаго училища Александръ Гренковъ дѣйствительно проживаетъ въ Оптиной пустыни [3]).

Узнавши о семъ отъ настоятеля о. Моисея, Александръ Михайловичъ спросилъ Старца Льва и вмѣстѣ Старца Макарія, который ежедневно приходилъ въ монастырь къ о. Льву,—ѣхать ли ему на родину для полученія отставки и окончанія своихъ дѣлъ. Оба старца рѣшительно отсовѣтовали ему эту поѣздку, сказавъ, что дѣло это они берутъ на себя [4]). А вмѣсто сего, безъ сомнѣнія по благословенію тѣхъ же старцевъ, Александръ Михайловичъ послалъ лично отъ себя Филиппу Ефимовичу письмо, въ которомъ подтверждалъ дошедшій до него слухъ о своемъ теперешнемъ мѣстопребываніи, просилъ у него прощенія въ томъ, что тайно уѣхалъ изъ Липецка, чѣмъ доставилъ ему безпокойство, и въ заключеніе просилъ его, ничтоже сумняся, донести семинарскому начальству о самовольной своей отлучкѣ въ чужую епархію [5]).—Получивши отъ Александра Михайловича такого содержанія письмо, смотритель очень былъ обрадованъ открытіемъ тайны неожиданнаго его исчезновенія изъ Липецка, а еще и

---

[1]) Недавно второй этажъ снятъ, по распоряженію бывшаго настоятеля о. Архимандрита Досиѳея.

[2]) Рукопись въ листъ, довольно объемистая, хранится въ Скитской библіотекѣ. Первая половина ея писана Александромъ Михайловичемъ; а остальная часть другой рукой.

[3]) Архивъ Козельской Введенской Оптиной пустыни.

[4]) Изъ записокъ Игумена Марка, бывшаго настоятелемъ Мещавскаго Георгіевскаго монастыря, теперь живущаго на покоѣ въ Оптиной пустыни.

Передавалъ о семъ Іеромонахъ Платонъ.

тѣмъ, что исходъ этого непріятнаго для начальника дѣла принялъ для послѣдняго благопріятный оборотъ. Теперь ждать долѣе было нечего, и Филиппъ Ефимовичъ донесъ о самовольной отлучкѣ наставника Гренкова Семинарскому начальству.

Одновременно, съ письмомъ къ Смотрителю училища, послано было Александромъ Михайловичемъ прошеніе къ Преосвященному Тамбовскому, Епископу Арсенію. Проситель писалъ, что въ сентябрѣ 1839 года якобы возродилось въ немъ желаніе поклониться мощамъ Преподобнаго Сергія, въ надеждѣ въ скоромъ времени возвратиться къ своей обязанности. Потому и отправился онъ въ путь безъ дозволенія начальства съ однимъ Семинарскимъ аттестатомъ. Заѣхавъ же предварительно въ Оптину пустынь, заболѣлъ, такъ что не въ состояніи былъ ни продолжать путь далѣе, ни возвратиться въ Липецкъ; а потому просилъ дозволенія у Оптинскаго о. Игумена Моисея пробыть въ сей обители до выздоровленія. Не зная о занимаемой имъ должности, о. Игуменъ дозволилъ. По усилившейся же болѣзни, теперь онъ Гренковъ чувствуетъ себя совсѣмъ неспособнымъ къ учительской должности, и уже намѣренъ поступить въ монашество. А потому проситъ Владыку простить ему его проступокъ, и, уволивъ отъ учительской должности, выдать ему билетъ на шесть мѣсяцевъ, съ коимъ, при слабомъ здоровьѣ, онъ могъ бы себя испытать въ иноческой жизни.

Прошеніе это, въ которомъ Александръ Михайловичъ сознавался въ самовольной отлучкѣ изъ училища, произвело на Преосвященнаго, именно вслѣдствіе его самоволія, непріятное впечатлѣніе. И вотъ, вмѣсто высылки ему шестимѣсячнаго билета, послѣдовала по этому дѣлу такая резолюція Тамбовскаго Владыки: „Отнестись въ Калужскую духовную консисторію, и объявивъ, что Тамбовское Епархіальное начальство не находитъ съ своей стороны препятствія къ увольненію учителя низшаго класса Липецкаго духовнаго училища Александра Гренкова въ Калужскую Епархію, для поступленія въ Оптину пустынь, по его желанію, просить увѣдомленія, согласно ли Калужское Епархіальное начальство на принятіе его въ свою Епархію. Для чего препроводить въ Калужскую консисторію послужной списокъ его“ [1]).

Между тѣмъ Александръ Михайловичъ, поживши еще нѣсколько времени на гостиницѣ, по благословенію Старца Льва, перешелъ въ монастырь, не одѣваясь въ монашеское платье. Это было въ первыхъ числахъ января 1840 года[2]).

---

[1]) Архивъ Калужской духовной консисторіи.

[2]) Такъ значится въ запискахъ Настоятельницы Шамординской общины, м. Евфросиніи. Тамъ прибавлено еще въ скобкахъ: т.-е. одѣлся въ монастырское платье.— Скобки наводятъ на ту мысль, что это собственное мнѣніе матушки настоятельницы, съ каковымъ согласиться нельзя. Потому что изъ нижеслѣдующаго разсказа объ Александрѣ Михайловичѣ видно, что о. Игуменъ Моисей въ мартѣ мѣсяцѣ 1840 года только допрашивалъ его, намѣренъ ли онъ совсѣмъ остаться въ Оптиной; а одѣтыхъ въ монашеское платье, какъ уже совсѣмъ принятыхъ въ монастырь, настоятели не допрашиваютъ. Принять еще во вниманіе должно, что бывшій въ то время Калужскимъ Епископомъ, Преосвященный Николай относился къ Оптиной пустыни во всѣхъ, ка-

Вслѣдствіе же означеннаго распоряженія Владыки Арсенія, и сношенія Тамбовской консисторіи съ Калужскою, полученъ былъ изъ послѣдней въ Оптиной пустыни, указъ отъ 7 марта 1840 года, съ требованіемъ отъ настоятеля оной, Игумена Моисея согласія на принятіе въ обитель учителя Гренкова[1]). Тогда о. Игуменъ, пригласивъ къ себѣ Александра Михайловича, спросилъ: „намѣрены ли вы у насъ остаться совсѣмъ, и быть пріукаженнымъ?“ Когда же послѣдній возразилъ, что желалъ бы пожить такъ—безъ пріуказки, поиспытать себя въ жизни монашеской, настоятель сказалъ: „Ну, ужъ теперь некогда себя испытывать; говорите что нибудь прямо,—да или нѣтъ, оставаться или возвращаться назадъ“. Объяснилъ ему и причину такого скораго требованія, передавъ содержаніе указа Калужской духовной консисторіи, съ запросомъ о немъ. Понятно, что послѣ этого Александръ Михайловичъ изъявилъ полное согласіе пріуказиться. Почему немедленно и посланъ былъ о. Игуменомъ въ Калужскую консисторію рапортъ о согласіи принять учителя Гренкова въ число братства Оптиной пустыни. И такимъ образомъ Александръ Михайловичъ былъ въ Оптиной пріукаженъ.—Въ то же время о пріуказкѣ въ монашество Гренкова дано было знать чрезъ Тамбовскую духовную консисторію и Преосвященному Тамбовскому Арсенію, которымъ, вслѣдствіе этого непріятнаго для него дѣла, послано было въ Семинарское правленіе такое распоряженіе: „окончившимъ курсъ студентамъ аттестатовъ въ руки не давать“. Но уже было поздно[2]).

Переписка эта объ Александрѣ Михайловичѣ тянулась долго. Отъ прибытія его въ Оптину до окончательной развязки дѣла прошло, безъ нѣсколькихъ дней, полгода и только 2-го апрѣля 1840 года послѣдовалъ указъ Калужской духовной консисторіи объ опредѣленіи его въ число братства, и засталъ его еще неодѣтымъ въ монашескій подрясникъ.

IV.

Переходъ Александра Михайловича изъ монастыря въ скитъ, и начало его подвижнической жизни въ скиту.

Сыне, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе[3]).

По полученіи указа изъ Калужской духовной консисторіи объ опредѣленіи Александра Михайловича Гренкова въ число братства

савшихся ея, дѣлахъ очень строго. Потому до окончанія дѣла объ Александрѣ Михайловичѣ, сему послѣднему и думать нельзя было о монашеской одеждѣ. Да и самъ онъ еще нѣсколько колебался въ мысляхъ о семъ, все хотѣлъ себя испытывать въ жизни монашеской, какъ сейчасъ увидимъ.

[1]) Архивъ Козельской Введенской Оптиной пустыни.

[2]) Такъ передано о семъ въ свое время самимъ покойнымъ Старцемъ Θ. Амвросіемъ бывшему Скитскому Іеромонаху Агапиту.

[3]) Сирах. II, I.

Оптиной пустыни, онъ вскорѣ затѣмъ одѣтъ былъ въ монашеское платье.

Самъ Старецъ Амвросій, какъ видно изъ записокъ настоятельницы Шамординской Общины М. Евфросиніи, лично передавалъ ей, что въ монастырѣ онъ былъ нѣкоторое время келейникомъ старца Льва и чтецомъ (т. е, вычитывалъ въ положенное время для старца молитвенныя правила, такъ какъ старецъ, по слабости силъ тѣлесныхъ, не могъ ходить въ храмъ Божій); за тѣмъ онъ былъ въ хлѣбнѣ, варилъ хмѣлины (дрожди), пекъ булки [1]), и былъ здоровъ.

Отношенія его къ старцу Льву были самыя искреннія. Почему и старецъ съ своей стороны относился къ Александру Михайловичу съ особенною нѣжно-отеческою любовію, называя его Сашей [2]). Такъ проводилъ поначалу Александръ Михайловичъ въ Оптиной пустыни дни свои.

Не долго впрочемъ пришлось ему пожить въ монастырѣ. Въ скитской лѣтописи сказано, что послушникъ Александръ Гренковъ въ ноябрѣ 1840 года переведенъ изъ монастыря въ скитъ [3]). Безъ сомнѣнія это сдѣлано было по благословенію старцевъ Льва и Макарія, которые вѣроятно находили, что ему полезнѣе было жить въ болѣе безмолвномъ мѣстѣ, и притомъ подъ ближайшимъ руководствомъ старца Макарія, тѣмъ паче что старецъ Левъ въ это время уже оканчивалъ свое земное странствіе. Но и послѣ перехода въ скитъ, новоначальный послушникъ Александръ не переставалъ ходить къ старцу Льву въ монастырь для пользованія душевнаго.

Первое послушаніе [4]) въ скиту, назначенное старцами Александру Михайловичу, было трудиться въ кухнѣ помощникомъ повара. И молодой послушникъ, уже понявшій цѣну безпрекословнаго послушанія Богомудрымъ старцамъ, не сталъ разсуждать, что послушаніе

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ отпечатанныхъ статьяхъ о старцѣ іеросхимонахѣ Амвросіи говорится, что онъ былъ письмоводителемъ старца Льва. Но въ жизнеописаніи Оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія сказано: „О. Макарій, и по переводѣ старца Льва изъ скита въ монастырь, посѣщалъ его ежедневно: то приходилъ за совѣтами по должности духовника, то приносилъ къ подписи старца приготовленныя, по его приказанію, письма, на коихъ онъ подписывался совмѣстно съ нимъ". Изъ этого видно, что письмоводителемъ у старца Льва былъ О. Макарій. Развѣ можетъ быть потому называли Алекс. Михайловича письмоводителемъ старца Льва, что по его благословенію, какъ выше было сказано, Александръ Михайловичъ переписывалъ рукопись: „Грѣшныхъ спасеніе".

[2]) Подобнымъ образомъ старецъ Левъ и другаго своего любимаго ученика и келейника Іакова называлъ Яшей, какъ видно изъ жизнеописанія старца.

[3]) Случалось,—нѣкоторые любопытствовали,—что значитъ слово скитъ. Въ удовлетвореніе ихъ приводимъ объясненіе сего слова. Скитъ по Коптски—Schiet,—собственно значитъ: пространная равнина. Этимъ именемъ въ древности называлась въ Египтѣ дикая песчаная пустыня, гдѣ изрѣдка попадались ключи, и то съ водой едва сносной для питья. Въ скитъ и дороги не было: путь направляли по теченію звѣздъ. Основателемъ пустынножительства въ скиту былъ преподобный Макарій Египетскій. Пустынники скита были строжайшіе подвижники. (см. въ „Душеполезномъ Чтеніи" 1896 г. май, стран, 74, подстрочіе).—По подобію сего, и у насъ въ Россіи болѣе уединенныя мѣста, при большихъ монастыряхъ, такъ сказать—отдѣленія сихъ монастырей, обычно называются скитами.

[4]) Должно различать послушаніе, какъ добродѣтель, отъ какого либо поручаемаго дѣла, которое въ монастыряхъ тоже обычно называется послушаніемъ, такъ какъ исполняется не по своей волѣ, а изъ послушанія распорядителямъ.

не по немъ, не по его силамъ, и проч. Ничего такого онъ не сказалъ, а принялъ это назначеніе старцевъ со смиреніемъ, какъ изъ устъ самаго Господа.

Послушаніе! — „Что такое послушаніе?“ спросили однажды на покосѣ Оптинскіе монахи одного простаго старца, умудреннаго опытомъ жизни духовной, котораго, въ слѣдствіе его старости, и изъ уваженія къ нему, не приглашали на труды монастырскіе, или на послушанія, но который, обладая крѣпостію силъ телѣсныхъ, самъ, до кончины своей, любилъ трудиться, и съ удовольствіемъ ходилъ вмѣстѣ съ братіями на покосъ. „Что такое послушаніе?“—На этотъ вопросъ простой старецъ далъ и отвѣтъ простой.—„Послушаніе?“—такъ началъ онъ,—а это вотъ что значитъ: вотъ я напримѣръ хожу на покосъ по своей волѣ,—я хожу съ охотой, и тружусь съ удовольствіемъ: А скажи мнѣ настоятель: старикъ! иди на покосъ на послушаніе; я ему скажу; не могу, не пойду“ [1]). Почтенный старецъ въ подобномъ случаѣ безъ сомнѣнія и не сказалъ бы такихъ грубыхъ словъ настоятелю. Этимъ онъ хотѣлъ только показать, какъ трудно жить въ послушаніи, съ отсѣченіемъ своей воли [2]). Между тѣмъ какъ послушаніе есть краеугольный камень на которомъ зиждется спасеніе монаха; ибо безъ искренняго послушанія нельзя пріобрѣсти смиреніе, а безъ смиренія, какъ выше было сказано, никакимъ образомъ невозможно спасеніе. Каждый по этому ясно можетъ видѣть, что новоначальный послушникъ, братъ Александръ, оказывая старцамъ такое беспрекословное послушаніе, начиналъ созидать свое спасеніе на твердомъ основаніи, а не *на пескѣ* суемудрія, своемыслія и своеволія, отъ которыхъ для монаха кромѣ вреда душевнаго ничего не бываетъ, и быть не можетъ.

Поваромъ главнымъ въ скиту былъ въ то время простодушный молодой послушникъ, изъ крестьянъ Тверской губерніи Герасимъ [3]), Ивановичъ Тумановъ, который по лѣтамъ былъ на годъ моложе Александра Михайловича, а поступленіемъ въ скитъ годомъ старше его. Оба они характера были веселаго, и любили поговорить. Только по началу Александръ Михайловичъ воздерживался отъ разговоровъ, какъ самъ о себѣ сказывалъ: „въ кухнѣ я больше все прималчивалъ; съ людьми боялся близко сходиться. Спросятъ если что у меня бывало,—скажу, а самъ не заговорю первый“. Прималчиваніе это, или воздержаніе отъ излишнихъ разговоровъ молодаго послушника отчасти понятно будетъ, если вспомнимъ, среди какихъ старцевъ подвижниковъ онъ жилъ. Отъ одного взиранія на нихъ, думается, сами собою смыкались уста. И вообще, Александръ Михайловичъ старался въ то время, по наставленію старцевъ, болѣе внимать себѣ: избѣгалъ близкихъ сношеній съ кѣмъ бы то ни было, исходя изъ

---

[1]) Разсказъ этотъ передавалъ описываемый старецъ іеросхимонахъ Амвросій

[2]) Св. отцы сравниваютъ послушаніе съ мученичествомъ. Наприм. у Преподобнаго Ѳеодора Студита въ 8 поученіи. Изданіе Оптиной пустыни.

[3]) Впослѣдствіи схимникъ Геннадій, прожившій въ скиту болѣе 60 лѣтъ, и мирно почившій о Господѣ 1899 года сентября 2 дня въ три часа по полудни.

келліи въ церковь, на молитвенныя правила, на послушанія, да къ Старцамъ. По окончаніи-же трапезы, когда всѣ братія расходились по своимъ кельямъ, и поваръ съ помощникомъ оставались наединѣ, они давали свободу своей откровенной рѣчи. Простодушнаго брата Герасима Александръ Михайловичъ уже не стѣснялся. Заведетъ самъ о чемъ нибудь разговоръ; а поваръ тому и очень радъ. Нужно мыть посуду; а онъ подойдетъ къ своему помощнику, любезно и съ улыбающимся лицемъ, потрепавъ его по плечу (привычка эта осталась у него на всю жизнь), скажетъ (говорилъ на О): „ну вотъ что: пока вода то горяча, давай-ко сядемъ, да поговоримъ". Молодые послушники садились обыкновенно на прилавокъ, и дружеская, непринужденная рѣчь лилась изъ устъ обоихъ, какъ быстро бѣгущая вода журчащаго ручейка. Тутъ нерѣдко вспоминались случаи изъ прожитой жизни, каковыхъ у собесѣдниковъ было немало. Впрочемъ всѣ эти воспоминанія сводились всегда у нихъ къ одному заключенію: „слава и благодареніе Премилосердому Господу, Своимъ дивнымъ Промысломъ избавившему насъ отъ всей этой мірской суеты и пустоты, и направившему ноги наши на путь миренъ, въ тихой обители труженіковъ Божіихъ!" Такъ бывало время незамѣтно и протечетъ. — „Однако, скажетъ поваръ, пора и посуду мыть". Попробуетъ воду, а она уже давно холодная. Начнутъ очагъ разводить, снова—здорова воду подогрѣвать. Хлопотъ сколько! Но уже среди удовольствія, получавшагося отъ обоюдныхъ толковъ молодыми послушниками, и труды забывались. И жили такимъ образомъ скитскіе повара во взаимной любви о Господѣ. Въ свое время они, вмѣстѣ съ братьями молились, въ свое время на кухнѣ трудились, и въ досужее короткое время наслаждались дружескою бесѣдою, — что было для нихъ нѣкотораго рода развлеченіемъ среди уединенной однообразной, трудовой жизни.

Но вотъ случилось препинаніе. Въ началѣ 1841 года (можетъ быть въ февралѣ или мартѣ) Герасиму нужно было отлучиться на родину въ свой губернскій городъ Тверь, дабы получить изъ казенной палаты засвидѣтельствованный увольнительный свой приговоръ отъ общества, который почему-то очень долго задержанъ былъ въ Палатѣ. Исполнивши свое дѣло, онъ возвратился въ скитъ. Въ отсутствіе его главенствовалъ въ поварнѣ уже Александръ Михайловичъ. И вотъ возвратившемуся съ родины, бывшему главному повару, Герасиму, сверхъ его чаянія и ожиданія, благословлено было старцами быть у него помощникомъ. Заговорило самолюбіе Герасима. Проходитъ день-другой, Герасимъ хмурится: придетъ на кухню, сядетъ на прилавкѣ, ботаетъ ногами, и ничего не дѣлаетъ.

— „Что-жъ ты ничего не дѣлаешь"! спрашиваетъ Александръ Михайловичъ.—„Я немиренъ", отвѣчаетъ смущенный Герасимъ.

Нужно при семъ замѣтить, что доколѣ страсть жива въ человѣкѣ, она требуетъ себѣ пищи; и если нѣтъ обстоятельствъ важныхъ, она по необходимости обнаруживается въ вещахъ маловажныхъ, или

даже и совсѣмъ ничтожныхъ. Тѣмъ не менѣе она сильно, властно, съ тиранствомъ боретъ человѣка, не пріобрѣтшаго навыка отражать страсть взаимнымъ противоборствомъ. Дотолѣ веселый, общительный, покорный человѣкъ, по принятіи лукаваго помысла и по согласіи съ нимъ, становится скучнымъ, задумчивымъ, унылымъ, непокорнымъ, ничѣмъ недовольнымъ, раздражительнымъ. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ, отъ которыхъ не избавленъ ни одинъ человѣкъ въ грѣшномъ мірѣ семъ, опытный въ жизни духовной старецъ бываетъ для искушаемаго неоцѣненнымъ и незамѣнимымъ сокровищемъ. Прійди только искушаемый братъ къ Старцу съ полною вѣрою и со смиреніемъ, раскрой предъ нимъ свою душу, скажи сущую правду—отъ какихъ именно помысловъ смущается душа, Старецъ отечески — снисходительно выслушаетъ, посочувствуетъ, поболитъ объ искушаемомъ, разъяснитъ—что требуетъ разъясненія, научитъ — какъ бороться со страстію, какъ прогонять смущающіе помыслы, кому и какъ молиться на нихъ; и самъ вознесетъ горячую молитву ко Господу Спасителю объ искушаемомъ. Не говоримъ уже о томъ, что самое откровеніе смущающихъ помысловъ, по замѣчанію опытныхъ въ жизни духовной людей, служитъ противъ нихъ надежнѣйшимъ врачевствомъ. И тотъ часъ послѣ сего духовнаго врачеванія опять въ душу брата возвращается прежній миръ и спокойствіе.

Такъ было и съ Герасимомъ. Объяснилъ онъ свое смущеніе Старцу О. Макарію, бывшему въ то время скитоначальникомъ и братскимъ духовникомъ, и вскорѣ по прежнему сталъ веселъ, покоенъ, доволенъ своею должностію помощника повара, и покоренъ новому повару, бывшему его помощникомъ.

На кухонномъ послушаніи въ скиту Александръ Михайловичъ провелъ цѣлый годъ. Надѣленный отъ Господа богатыми умственными способностями, какъ мы видѣли выше, онъ въ тоже время былъ человѣкъ дѣла (практикъ). Изучая собственнымъ опытомъ науку жизни духовной, онъ не упускалъ изъ виду и дѣлъ внѣшнихъ, такъ что то и другое у него было въ полномъ согласіи. Поставивъ себѣ задачею жить по заповѣдямъ Христовымъ, въ полномъ подчиненіи своему внутреннему судіи — совѣстѣ, по указанію мудрыхъ старцевъ, онъ не различалъ поручаемыхъ ему дѣлъ,—какія черныя, какія бѣлыя,— а въ каждое дѣло старался вникать и исполнять его со всевозможнымъ тщаніемъ и усердіемъ, какъ предъ лицемъ Всевидящаго Бога. Ибо то только у Господа дѣло и имѣетъ цѣну, которое дѣлается по совѣсти. Потому во всякомъ дѣлѣ Александръ Михайловичъ былъ исправенъ; а по любознательности своей усвоилъ много и другихъ знаній, которыя усвоивать не было для него необходимости. Будучи уже Старцемъ, и вспоминая свое прошлое, онъ обыкновенно говаривалъ: „Я прекрасно стряпалъ въ кухнѣ. Я тогда и хлѣбъ и просфоры научился печь. Я, помню—училъ просфорниковъ, какъ узнавать, готовы ли агнчіи просфоры, а то у нихъ все сырыя выходили. Надо воткнуть лучинку въ просфору, и если къ лучинкѣ тѣсто не

пристаетъ, то значитъ просфоры готовы; а если пристаетъ, то сыры. Просфорникомъ Александръ Михайловичъ можетъ быть и не былъ, однако такъ хорошо ознакомился съ этимъ дѣломъ, что и другихъ могъ учить. Впослѣдствіи онъ былъ хорошимъ знатокомъ строительнаго искуства; самъ чертилъ планы для постройки келлій, и построенныя по этимъ планамъ келліи оказывались самыми удобными для жилья. Узналъ прекрасно печное мастерство, такъ что своимъ знаніемъ и указаніями удивлялъ искусныхъ печныхъ мастеровъ.

Проходя въ скиту поварское послушаніе, Александръ Михайловичъ имѣлъ возможность очень часто посѣщать Старца О. Макарія, къ которому теперь привязался онъ всей своей любящей душой. Всегда, даже и въ послѣдніе годы своей жизни, онъ съ особенною любовію вспоминалъ объ этихъ посѣщеніяхъ, считая это великою милостію Божіею къ себѣ. „Какъ въ то время,—высказывался онъ,—Господь ко мнѣ былъ милостивъ! Къ старцу приходилось мнѣ по послушанію ходить каждый день, да и въ день-то побываешь не одинъ разъ: то сходишь (какъ къ начальнику Скита) благословиться на счетъ кушаній, то ударятъ къ трапезѣ“ [1]). А при этихъ посѣщеніяхъ Александръ Михайловичъ имѣлъ возможность говорить старцу и о своемъ душевномъ устроеніи, и получать отъ него мудрые совѣты, какъ поступать въ искусительныхъ случаяхъ, подобныхъ вышеописанному съ братомъ Герасимомъ, чтобы не искушеніе побѣждало человѣка, а человѣкъ при искушеніи выходилъ побѣдителемъ, и чтобы такимъ образомъ самое искушеніе доставляло пользу душѣ искушаемаго, а не вредъ.

Случаевъ же искусительныхъ въ монастырѣ бываетъ многое множество. А въ Оптиной пустыни, особенно въ тѣ былыя времена, Старцы духовные даже сами старались, по наставленію Св. Іоанна Лѣствичника, изыскивать такіе случаи для пріобрѣтенія подвизающимися въ дѣлѣ спасенія братіями вѣнцовъ терпѣнія [2]). Истинныхъ подвижниковъ они, въ присутствіи посторонихъ лицъ, подвергали иногда осмѣянію. Сами, стяжавшіе безгнѣвіе, временемъ казались гнѣвающимися, и осыпали ихъ бранью. А все это дѣлалось для того, что-бы искушаемый братъ, ощутивши въ себѣ движеніе гнѣва, порождаемаго гордостію, узнавалъ во первыхъ свою немощь, а во вторыхъ заботился и объ исцѣленіи своихъ душевныхъ язвъ чрезъ самоукореніе и смиреніе предъ Богомъ и людьми, и искреннее исповѣданіе и покаянную молитву; и чтобы наконецъ время отъ времени онъ все болѣе и болѣе укрѣплялся въ добромъ душевномъ устроеніи, и такимъ образомъ мало по малу восходилъ отъ силы въ силу, *дондеже* достигнетъ *въ мѣру возраста исполненія Христова* [3]).

Упомянуто было выше, что новоначальный послушникъ Алек-

---

[1]) Въ жизнеописаніи Старца Амвросія, составленномъ Архимандритомъ Григоріемъ, слова эти отнесены къ Старцу Льву; но это невѣрно.
[2]) Лѣствица. Слово IV отд. 27.
[3]) Ефес. IV, 13.

сандръ, имѣя своимъ ближайшимъ наставникомъ и руководителемъ духовнымъ Старца О. Макарія, не переставалъ въ тоже время, при удобныхъ случаяхъ, ходить изъ скита въ монастырь и къ Старцу О. Льву, къ которому также питалъ глубочайшую преданность и благоговѣлъ передъ его святынею. Мудрый же Старецъ, усматривая въ преданномъ ему ученикѣ искреннее желаніе спасенія и его разумный взглядъ на дѣло сіе, не любилъ давать пищи его самолюбію и тщеславію; а напротивъ своимъ, иногда даже суровымъ, обращеніемъ старался смирять молодаго послушника. Временемъ онъ даже не удостоивалъ его назѣанія по имени, какъ сказывалъ о семъ самъ Старецъ Амвросій, а называлъ Химерою [1]). Или вспоминалъ покойный Старецъ О. Амвросій такой случай: „стояла разъ у батюшки О. Льва какая то Сѣвская монахиня,—имени ея не припомню, Вѣдь у него,—кстати пояснялъ разсказчикъ,—просто было: и мужчины и женщины, и монахи и міряне—всѣ заодно бывали. Старецъ снялъ съ ея головы шапку, да на меня и надѣлъ“.—Тоже молодому послушнику постоять среди народа въ женской шапкѣ не очень-то пріятно. Можетъ быть кстати прозорливый Старецъ указывалъ этимъ на дальнѣйшую дѣятельность Александра Михайловича. Извѣстно, что, будучи впослѣдствіи самъ Старцемъ, онъ кажется не о комъ не имѣлъ столько заботъ и попеченій, какъ о монахиняхъ.

Но, проводя жизнь съ такими прискорбностями, Александръ Михайловичъ видѣлъ, и вполнѣ убѣжденъ былъ, что онъ обрѣлъ то, чего давно безотчетно жаждала душа его, что — какъ онъ теперь живетъ во смиреніи, такъ и слѣдуетъ жить для усовершенствованія въ жизни духовной; а потому душа его всегда была въ мирѣ и покоѣ, — каковое сокровище онъ не рѣшился бы промѣнять на всѣ блага міра сего. Онъ неоднократно писалъ и къ товарищамъ своимъ, учителямъ Липецкаго духовнаго училища, Василію Ѳедоровичу Свѣтозарову, и Павлу Степановичу Покровскому, и говорилъ о томъ духовномъ счастіи, которое ему открылось въ Святой Оптиной обители, приглашая ихъ обоихъ въ монастырь. Свѣтозаровъ [2]) скоро и послѣдовалъ призыву Александра Михайловича, но Покровскій долго медлилъ.

Между тѣмъ, уступая просьбѣ бывшаго своего товарища, Покровскій, чрезъ два года, по удаленіи Александра Михайловича изъ Липецка, именно въ 1841 году, въ свободное отъ учительскихъ за-

---

[1]) Однажды спросилъ кто-то Старца О. Льва,—что онъ разумѣлъ подъ словомъ: Химера. Старецъ отвѣчалъ: „видалъ ли ты, какъ цвѣтутъ огурцы. Есть цвѣтъ настоящій, и есть цвѣтъ безъ завязи, на которомъ не бываетъ огурца, т. е. пустоцвѣтъ. Это то и есть химера. Кстати сказать, что Старецъ Левъ и другихъ молодыхъ послушниковъ при случаяхъ именовалъ разными смирительными названіями. Покойный Оптинскій духовникъ Іеромонахъ Пименъ изъ малороссовъ сказывалъ о себѣ: „придешь бывало къ Батюшкѣ О. Льву; а онъ, завидѣвъ меня, проговоритъ: „а, малоросъ! приползъ“.

[2]) Свѣтозаровъ помѣстился въ скиту, вмѣстѣ съ Александромъ Михайловичемъ; чрезъ нѣсколько времени постриженъ былъ въ мантію и названъ Варсонофіемъ; а впослѣдствіи переведенъ былъ въ Малоярославецкій монастырь, гдѣ уже былъ іеромонахомъ и духовникомъ. Предъ смертію принялъ схимническій постригъ, съ именемъ Варнавы.

нятій время (въ іюлѣ или августѣ) рѣшился навѣстить его въ Скиту. Александръ Михайловичъ въ это время уже былъ постриженъ въ рясофоръ, и занималъ маленькую келлійку на скитской пасѣкѣ, проходя въ тоже время послушаніе повара. Войдя въ эту келлійку, Павелъ Степановичъ прежде всего пораженъ былъ ея крайней нищетой. Въ святомъ углу виднѣлась уже знакомая намъ маленькая икона Богоматери,—родительское благословеніе Александра Михайловича. На койкѣ валялось что-то вродѣ истертаго ветхаго полушубка, который служилъ и постилкой и изголовьемъ; а одѣвался онъ вѣроятно подрясникомъ, который носилъ на себѣ; за тѣмъ еще ветхая ряса съ клобукомъ. Больше онъ ничего не замѣтилъ. „Припоминая прежнюю жизнь своего товарища, когда онъ былъ наставникомъ училища, — какъ онъ чисто одѣвался, и сравнивая съ теперешнею его нищетой, —разсказывалъ Покровскій, мнѣ такъ было горько, что я не могъ удержаться отъ слезъ“. Таковъ былъ міролюбивый взглядъ Павла Степановича на бѣдную обстановку своего бывшаго товарища. Самъ же Александръ Михайловичъ смотрѣлъ на это совсѣмъ другими глазами. Въ этомъ-то именно онъ, между прочимъ, и полагалъ свое духовное счастіе, потому что обучался безпристрастію къ вещамъ.

Вѣроятно о. Александръ надѣялся, при содѣйствіи Богомудрыхъ старцевъ Льва и Макарія, убѣдить Покровскаго полюбить монашескую жизнь, съ ея внѣшнею нищетою и другими видимыми неудобствами, а потому вскорости и пригласилъ его пойдти съ нимъ въ монастырь къ о. Льву. Болѣзненный престарѣлый старецъ, несмотря на свою строго подвижническую жизнь, былъ, какъ упомянуто выше, тучнаго тѣлосложенія, которое сразу бросилось въ глаза не имѣвшему понятія о жизни духовной, міролюбивому Покровскому, и произвело на него непріятное впечатлѣніе. Старецъ понялъ его взглядъ, и тотчасъ же обличилъ его, выражаясь простонароднымъ языкомъ: „что глядишь мнѣ на пузо-то? Смотри, какъ бы и у тебя со временемъ того же не было“. Еще непріятное впечатлѣніе. Какъ на грѣхъ тутъ и еще вышло искушеніе. Въ это самое время ударили въ монастырѣ въ колоколъ къ вечернѣ. Старецъ, сидѣвшій на койкѣ, въ самоуглубленіи, съ великимъ благоговѣніемъ, произнесъ обычное іерейское славословіе Господу: „Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“. Выше сказано было, что болѣзненный старецъ, не имѣвшій возможности ходить въ храмъ Божій къ службамъ церковнымъ, выслушивалъ молитвенныя правила у себя въ келліи, во время отправленія церковныхъ службъ; а для сего назначаемы были имъ чтецы, въ числѣ которыхъ былъ нѣкогда и о. Александръ Гренковъ [1]). И вотъ ему вообразилось, что Старецъ сотворилъ обычное начало вечерняго правила.—„Аминь,—зачиталъ Александръ Михайловичъ,—Слава Тебѣ, Боже нашъ, Слава Тебѣ. Царю небесный“, и

[1]) Обязанность чтеца при Старцѣ Львѣ — о. Архимандритъ Григорій въ жизнеописаніи Старца Амвросія, протолковалъ такъ, что О. Александръ Гренковъ читалъ для Старца Льва письма и духовныя книги; но это ошибочно понято.

ир. Вдругъ Старецъ останавливаетъ его замѣчаніемъ: „Кто тебя благословилъ читать?“ О. Александръ, по Оптинскому обычаю, становится предъ Старцемъ на колѣна, кланяется въ ноги и проситъ прощенія. Старецъ принимаетъ видъ гнѣвающагося, и продолжаетъ: „какъ ты смѣлъ это сдѣлать?“ Продолжаются со стороны виновнаго учащенные поклоны и мольбы: „Простите ради Бога, Батюшка, — простите!“ Старецъ какъ будто выходитъ изъ себя. — Принять здѣсь во вниманіе слѣдуетъ наружный видъ Старца Льва. При плотномъ богатырскомъ тѣлосложеніи, онъ имѣлъ круглое смугловатое съ строгимъ выраженіемъ лицо, обрамленное небольшою бородой. Его густые, волнистые, длинные сѣдые волосы падали на плеча, точно львиная грива. Голосъ теноро-басъ громкій, и при случаѣ грозный. Принимая видъ гнѣвающагося человѣка, онъ, по собственнымъ словамъ Старца Амвросія, былъ настоящій левъ. На долгія смиренныя просьбы о. Александра, онъ, какъ будто вовсе не замѣчая ихъ, только стучалъ ногами, размахивалъ надъ его головою руками, и грозно восклицалъ: „ахъ ты, самочинникъ! ахъ ты, самовольникъ! Да какъ ты это смѣлъ сдѣлать безъ благословенія?“ Ужасно было видѣть это и слышать со стороны. И между прочимъ все это дѣлалось въ присутствіи его щепетильнаго товарища. Грозный выговоръ былъ оконченъ. Виновный получилъ отъ Старца прощеніе, и посѣтители товарищи распростились съ Старцемъ. Но о. Александръ понималъ благую цѣль грознаго Старцева выговора, и зналъ, — что дѣлалъ самъ, а потому и оставался благодушнымъ. Покровскому же это пришлось не по сердцу, и онъ скоро уѣхалъ изъ Оптиной.

Такимъ-то горькимъ опытомъ, такою-то дорогою кровавою цѣною мало по малу стяжавалъ о. Александръ боголюбезную добродѣтель смиренія, и такъ сказать — закаливался въ терпѣніи скорбей, которыя нерѣдко приходилось ему переносить отъ искренно любившаго его Старца о. Льва. Но бывало и такъ, что въ отсутствіи о. Александра, и можетъ быть тотчасъ же, по удаленіи его, послѣ строгаго выговора, изъ Старцевой келліи, о. Левъ, обращаясь къ присутствовавшимъ при семъ случаѣ посѣтителямъ, и указывая вслѣдъ уходившаго смиреннаго и терпѣливаго о. Александра, тутъ же приговаривалъ: „великій будетъ человѣкъ!“

На закатѣ дней своей трудничѐской Бого-угодной жизни Старецъ о. Левъ, прозрѣвая въ своемъ любимомъ молодомъ послушникѣ о. Александрѣ будущаго преемника по старчеству, поручилъ его особенному попеченію своего сотрудника, собесѣдника и сотаинника Старца о. Макарія. Такъ вспоминалъ о семъ самъ о. Амвросій: „Покойный Старецъ (о. Левъ) тогда призвалъ къ себѣ батюшку о. Макарія и говоритъ ему: вотъ человѣкъ больно ютится къ намъ Старцамъ. Я теперь ужъ очень сталъ слабъ. Такъ вотъ я и передаю тебѣ его изъ полы въ полу,—владѣй имъ, какъ знаешь“.

Говорятъ еще, чему можно вѣрить безъ сомнѣнія, что Старецъ

Левъ, указывая нѣкогда на Александра Михайловича, сказалъ о. Макарію: „Онъ будетъ тебѣ полезенъ“.

Но что сказать о постѣ и молитвѣ молодого подвижника, безъ которыхъ спасеніе не спѣется? Ибо разумный постъ тѣлесный, по ученію Св. Отцевъ подвижниковъ, есть основаніе жизни духовной [1]), а молитву Св. Іоаннъ Лѣствичникъ называетъ источникомъ добродѣтелей, причиной дарованій и пр.[2]). По примѣру своихъ Отцевъ наставниковъ, Льва и Макарія, о. Александръ не изнурялъ себя многодневнымъ постомъ; но, употребляя общую съ скитянами пищу, соблюдалъ строгую умѣренность, не выказывая такимъ образомъ себя предъ другими постникомъ, и чрезъ употребленіе всякой пищи смиряя тщеславный помыслъ. Впрочемъ умѣренность эта по времени доходила до того, что, какъ увидимъ ниже, ее поистинѣ можно назвать и строгимъ постомъ.—Молитва—сокровенное дѣланіе. О ней, можно сказать, *никтоже вѣсть, то чію духъ человѣка, живущій въ немъ*. Не о внѣшней молитвѣ говорится здѣсь, не о хожденіи на молитвенныя правила и церковныя богослуженія, на которыхъ бывалъ о. Александръ обще со всѣми скитскими братіями, а о внутреннемъ молитвенномъ настроеніи души его. О семъ можно только гадать. Молитву, какъ видѣли мы выше, Св. Лѣствичникъ назвалъ источникомъ добродѣтелей; а добродѣтельная жизнь о. Александра была у всѣхъ на виду; слѣдовательно въ немъ уже было, хотя можетъ быть въ зародышѣ, и источное начало. Да и какъ не быть ему молитвенникомъ, когда онъ полюбилъ молитву еще въ міру? А теперь въ тишинѣ скитской жизни, среди иноковъ подвижниковъ, подъ руководствомъ великихъ Старцевъ молитвенниковъ, при собственномъ неудержимомъ стремленіи къ богоугожденію, молитва должна была найдти себѣ просторъ въ его душѣ.

V.

Отецъ Александръ—монахъ и іеромонахъ подъ крестомъ болѣзней.

Объяша мя болѣзни смертныя [3]).

Можно видѣть изъ предыдущей главы, въ какихъ добродѣтеляхъ упражнялся молодой подвижникъ о. Александръ. Его всегдашнее смиреніе, выражавшееся въ безпрекословномъ послушаніи не только Старцамъ, но и молодымъ послушникамъ, какъ на пр. брату Герасиму, и въ безропотномъ терпѣніи наносимыхъ ему оскорбленій крайняя нищета, постъ и молитва, при искреннемъ откровеніи всѣхъ помы-

---

[1]) См. Славянск. Добротолюб. главы иноковъ Каллиста и Игнатія о безмолвіи и молитвѣ, гл. 30.

[2]) Лѣствица. Сл. XXVIII, отд. I.—Изданіе Оптиной пуст.

[3]) Псал. CXIV, 3.

словъ, чувствованій и пожеланій [1]) Старцамъ наставникамъ., Льву и Макарію, такъ расположили къ нему сердца ихъ, что одинъ другому поручилъ его особенному попеченію, „передавъ его изъ полы въ полу“. Думается, что эти полы великихъ Старцевъ подвижниковъ были для близкаго къ нимъ ученика подобіемъ милоти Иліиной, брошенной на Елисея. И если онъ можетъ быть не былъ сподобленъ отъ Господа сугубой благодати, изліянной на его Старцевъ: то безъ сомнѣнія никто изъ знавшихъ Старца Амвросія не будетъ отрицать того, что какими дарованіями духовными украсилъ Всеблагій Господь Старцевъ Льва и Макарія, тѣ же милости излилъ и на Старца Амвросія. Но милости Господни даромъ не даются, по слову Самого же Господа: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* [2]). Чѣмъ долѣе жилъ о. Александръ въ скиту, и чѣмъ болѣе совершенствовался въ жизни духовной, тѣмъ тяжелѣе становился его крестъ. Къ его скорбямъ невольнымъ и произвольнымъ, присоединились, какъ вскорѣ увидимъ, жестокія болѣзни тѣлесныя, которыя, по замѣчанію его, уже бывшаго Старцемъ, гораздо тяжелѣе скорбей. Ибо въ скорбяхъ,—прибавлялъ онъ,—человѣкъ можетъ находить утѣшеніе въ молитвѣ; а въ тяжкой болѣзни тѣлесной онъ и этого утѣшенія лишенъ.

11-го октября 1841 года преставился ко Господу, положившій въ Оптиной пустыни начало Старчества, великій Старецъ о. Лезъ. Въ день его погребенія всѣ скитяне ушли въ монастырь, чтобы отдать послѣдній долгъ Старцу наставнику,—помолиться въ послѣдній разъ, надъ его труженическимъ тѣломъ, объ упокоеніи его чистой души въ обителяхъ небесныхъ. Но о. Александръ, занятый своимъ поварскимъ послушаніемъ, и видя, что онъ остался при дѣлѣ одинъ, не имѣлъ возможности быть при его погребеніи, хотя и очень сего желалъ. О кончинѣ Старца скорбѣли всѣ, знавшіе его почитатели, и монашествующіе и міряне. Не безъ скорби о немъ конечно оставался и о. Александръ. Но эта общая скорбь была не безутѣшною; потому что послѣ о. Льва оставался въ Оптиной пустыни другой Старецъ, съ такими же, какъ и онъ, высокими дарованіями духовными, скитоначальникъ о. Макарій, къ которому о. Александръ давно уже привязанъ былъ всей душой, и попеченію котораго онъ порученъ былъ покойнымъ Старцемъ. Вскорѣ послѣ кончины блаженной памяти Старца о. Льва, послушаніе о. Александра въ поварнѣ замѣнено было другимъ послушаніемъ,—онъ сталъ келейникомъ Старца о. Макарія. Послушаніе это онъ, по собственнымъ его словамъ, проходилъ четыре года (съ осени 1841 г. до 2-го января 1846 г.).

Въ слѣдующемъ 1842 году въ жизни о. Александра совершилось весьма важное событіе. Онъ, по представленію своего начальства, и согласно разрѣшенію Св. Сѵнода, 29 ноября былъ постри-

---

[1]) Въ монашеской жизни все это извѣстно подъ общимъ названіемъ „откровенія помысловъ“.

[2]) Лук. XXI, 19.

женъ въ мантію, и нареченъ Амвросіемъ, во имя св. Амвросія Епископа Медіоланскаго, память котораго 7 декабря. Замѣтить при семъ должно, что самъ онъ по смиренію не желалъ монашескаго постриженія, какъ и прежде сего, постригa въ рясофоръ, и былъ постриженъ, повинуясь только волѣ старца своего, Іеросхимонаха Макарія, какъ самъ о семъ говорилъ. Въ это время новопостриженному было ровно 30 лѣтъ. Лѣта для постриженія, разумѣется, не молодые; но для человѣка, пришедшаго въ Оптину пустынь только три года тому назадъ, постриженіе въ эти годы—очень раннее. Когда покойный Старецъ о. Амвросій разсказывалъ объ этомъ окружавшимъ его слушателямъ, кто-то однажды замѣтилъ: „какъ тогда это ужъ очень скоро дѣлалось!“—„Да нѣтъ, возразилъ Старецъ, и тогда, бывало, лѣтъ по двѣнадцати живали послушниками до постриженія въ мантію. А это, такъ ужъ меня“... И старецъ махнулъ рукой, давая этимъ понять, что я-де совсѣмъ нестоющій человѣкъ, что мнѣ всю жизнь оказывали предпочтеніе не по заслугамъ.

Между прочимъ такое скорое постриженіе въ мантію о. Амвросія объясняется благопріятствовавшими тому обстоятельствами. Бывшій въ то время Калужскій Архипастырь Николай всегда расположенъ былъ къ скорѣйшему производству въ мантію и послѣдующія за тѣмъ степени священства людей, получившихъ полное школьное образованіе, и даже требовалъ отъ настоятелей монастырей, чтобы таковые ранѣе другихъ были представляемы къ постригу и рукоположенію. Старецъ о. Макарій, хорошо знавшій душу молодого подвижника о. Александра, и его пріуготовленность къ постригу въ мантію, несмотря на краткій срокъ его испытанія, съ любовію благословлялъ его на принятіе мантіи. А смиренный настоятель обители, о. Игуменъ Моисей, и самъ хорошо понимавшій о. Александра, вполнѣ согласенъ былъ съ волею Старца. Послано было, чрезъ духовную консисторію представленіе, по тогдашнему, въ Св. Сѵнодъ; но и тамъ дѣло не задержалось. Въ объясненіе этого почившій Старецъ Амвросій говорилъ: „тутъ все дѣло въ томъ, что тогда служилъ въ Сѵнодѣ одинъ мой товарищъ[1]), который мной весьма интересовался, но все еще не зналъ, гдѣ я нахожусь. А тутъ какъ разъ представленіе къ постриженію сдѣлали; онъ узналъ обо мнѣ, и сразу же ради меня выхлопоталъ немедленно разрѣшеніе на постриженіе“. Такъ что всегда, бывало, въ Оптиной пустыни получалось изъ Св. Сѵнода разрѣшеніе на постригъ въ мантію представляемыхъ послушниковъ къ великому посту слѣдующаго года, а на этотъ разъ оно пришло въ томъ же году къ октябрю мѣсяцу. Сравнительно съ прочими Оптинскими монахами, о. Амвросій, по сказаннымъ выше причинамъ, скоро возведенъ былъ и на степень іеродіаконства и іеромонашества. Дѣла такимъ образомъ, повидимому, шли своимъ обычнымъ порядкомъ; но все совершалось

---

1) По фамиліи Бѣльскій, одноклассникъ съ Александромъ Михайловичемъ Гренковымъ, и даже другъ его.

Премудрымъ Промысломъ Божіимъ, направляющимъ всѣ обстоятельства людей къ благимъ цѣлямъ. Такъ и почившій Старецъ Амвросій имѣлъ обыкновеніе, временемъ, говорить: „дѣла человѣческія, а— судъ Царевъ (Божій)". Если принять во вниманіе только одно то, что молодого инока Амвросія ожидалъ въ недалекомъ будущемъ крестъ болѣзней, и потому, если бы замедлилось его производство въ мантію и степени священства, не пришлось бы ему пожалуй быть и совсѣмъ іеромонахомъ, а слѣдовательно и духовникомъ; то и это было бы великимъ ущербомъ для имѣвшихъ быть его духовными дѣтьми.

Но что такое постригъ въ мантію? Мантія иначе называется малою схимою; а схимническое постриженіе отцы подвижники называютъ вторымъ крещеніемъ[1]). Первое крещеніе - водою, а второе— собственными слезами кающагося грѣшника. Потому постриженіе имѣетъ великое значеніе. Оно есть таинство[2]), въ которомъ искренно кающійся человѣкъ, по содѣяніи имъ уже послѣ крещенія грѣховъ, вновь вступаетъ въ завѣтъ съ Премилосердымъ Отцемъ небеснымъ, и такимъ образомъ опять возраждается въ жизнь духовную. Искренно возлюбившій жизнь по Богу, братъ пріуготовляется къ сему, приблизительно въ продолженіи пяти дней, постомъ и молитвою, при неопустительномъ хожденіи къ службамъ церковнымъ. Наканунѣ пострига, по исповѣданіи предъ духовникомъ всѣхъ, содѣянныхъ имъ отъ юности, грѣховъ, получаетъ въ нихъ разрѣшеніе въ таинствѣ покаянія. Затѣмъ, въ самое время пострига, при свидѣтельствѣ всей Церкви онъ даетъ обѣты Богу жить такъ, какъ требуетъ чинъ иноческій. Вслѣдствіе чего крестообразно постригаются власы его, въ знаменіе отрицанія себя, міра и всего, что въ мірѣ, и въ отрѣзаніе своей воли и всѣхъ похотей, во имя Отца и Сына и Св. Духа; при чемъ ему, какъ начинающему новую жизнь, дается и новое имя; затѣмъ онъ облачается въ монашеское одѣяніе, имѣющее духовное значеніе. Въ заключеніе, въ концѣ литургіи новопостриженный причащается Божественныхъ и Пречистыхъ, и все существо души и тѣла кающагося грѣшника освящающихъ и оживляющихъ, Святѣйшихъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Потому, по окончаніи сего таинственнаго духовнаго возрожденія грѣшника, и поется умилительная стихира: „Познаемъ, братіе, *таинства* силу, ибо отъ грѣха къ Отеческому дому возвратившагося блуднаго сына Преблагій Отецъ предъусрѣтъ лобызаетъ" и проч.[3]). Многіе присутствующіе со слезами выслушиваютъ это тайнодѣйствіе. О постригаемыхъ уже и говорить нечего.—Каждый изъ сего можетъ заключить, какое дѣйствіе на молодого подвижника о. Александра, всею душею стремившагося къ Богоугожденію, производило постриженіе его въ мантію.

---

[1]) См. въ требникѣ Послѣдованіе великаго Ангельскаго Образа. Въ оглашеніи говорится: „О новаго званія! О дара тайны! второе крещеніе пріемлеши днесь, брате".

[2]) Таинствомъ можно назвать уже потому, что въ составъ пострига входятъ два св. таинства—покаяніе и причащеніе.

[3]) Съ намѣреніемъ объяснено здѣсь значеніе пострига въ мантію, потому что многіе любопытствуютъ: что такое постриженіе въ мантію? для чего это постригаютъ?

По церковному уставу, соблюдаемому въ Оптиной пустыни, новопостриженные монахи пять дней проводятъ въ храмѣ Божіемъ безъисходно. Тамъ они и кушаютъ, и спятъ, во все время ни днемъ ни ночью не снимая съ себя монашеской одежды и клобука съ головы. На пятый день ихъ опять причащаютъ Животворящихъ Таинъ Христовыхъ, и отпускаютъ по кельямъ. Возрожденные въ жизнь новую иноки испытываютъ въ это время благодатныя утѣшенія, каковыхъ безъ сомнѣнія въ сугубой мѣрѣ сподоблена была боголюбивая душа молодого инока, подвижника о. Амвросія.

Вскорѣ, послѣ постриженія въ мантію, по благословенію Старца о. Макарія, и къ великому его утѣшенію, любимый его ученикъ о. Амвросій, какъ достойный, представленъ былъ къ посвященію въ іеродіакона. Воспитанный уже Старцами въ смиренномъ о себѣ мнѣніи, и считая себя недостойнымъ предстоять престолу Господню въ алтарѣ святомъ, онъ вмѣстѣ съ другимъ инокомъ, скитскимъ іеродіакономъ, Пафнутіемъ[1]), представленнымъ одновременно къ іеромонашеству, пошелъ къ Старцу Макарію отказываться[2]). „Входимъ къ нему въ келью, разсказывалъ покойный о. Амвросій, а онъ и начинаетъ намъ говорить самъ:

— „Ну, васъ назначили,—назначили. Это хорошо, хорошо“.

А мы мнемся, и ничего не можемъ ему на это отвѣтить. Но товарищъ мой былъ посмѣлѣе и заговорилъ первый.

— „Вотъ объ этомъ то мы и пришли поговорить съ вами, Батюшка. Вѣдь мы недостойны священнаго сана“.

— „Такъ и думайте, такъ и думайте всегда, что вы недостойны“, перебилъ его Старецъ. Ну, а я послѣ этого, разумѣется, и рта не могъ открыть“, прибавилъ разскащикъ.—Такъ успокоенный Старцемъ, молодой инокъ и былъ рукоположенъ въ іеродіакона 2 февраля 1843 г. Какъ смотрѣлъ вновь рукоположенный іеродіаконъ на свое служеніе? Положительно на это отвѣтить ничего нельзя; можно только гадать и умозаключать. Будучи впослѣдствіи Старцемъ, одному немощному іеродіакону, тяготившемуся отправленіемъ чреды священнослуженія, онъ сказалъ: „Братъ! не понимаешь дѣла, — вѣдь жизни причащаешься“.—Послѣднія слова произнесены были имъ съ особенною выразительностію.—Таковъ безъ сомнѣнія и былъ взглядъ молодого іеродіакона о. Амвросія на служеніе свое. Проникнутый глубокимъ смиреніемъ, сознаніемъ своей бѣдности и грѣховнаго умертвія, общаго всѣмъ людямъ, онъ приступалъ къ Чашѣ Жизни, какъ единственному всесильному врачевству, могущему оживлять омертвѣлыя души, и со вкушеніемъ плоти и крови Агнца Божія, за міръ закланнаго, вкушалъ сладость духовную неизглаголанную.—Вспоминая о семъ времени, поступившій въ 1844 году въ Оптину Пустынь, старожилъ о.

---

[1]) Впослѣдствіи — скитоначальникъ, и наконецъ настоятель Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря и архимандритъ; родомъ изъ дворянъ.

[2]) Въ Оптиной пустыни это былъ не единственный случай.

Игуменъ Ѳеодосій [1]), очевидецъ говорилъ, что въ санѣ іеродіакона Старецъ Амвросій служилъ всегда съ великимъ благоговѣніемъ.

По Оптинскому чиноположенію, въ свое время онъ отправлялъ въ монастырѣ чреду священнослуженія. Разъ, когда онъ служилъ такимъ образомъ въ монастырѣ позднюю литургію, пріѣхалъ въ Оптину Пустынь Малоярославецкій о. Игуменъ Антоній, бывшій Скитоначальникъ, хорошо извѣстный молодому служащему іеродіакону. „Во время чтенія часовъ, разсказывалъ покойный Старецъ Амвросій, входитъ онъ въ алтарь. По обычаю кланяюсь ему, и подхожу подъ благословеніе.—„Ну что, привыкаете ли?“ —обращается ко мнѣ смиренный о. игуменъ.

— „За вашими святыми молитвами, Батюшка, слава Богу, привыкаю“, довольно развязно отвѣтилъ я. Вдругъ о. игуменъ перемѣнилъ тонъ и рѣчь:—„Ко смиренію-то?“ — Я и не знаю, что отвѣчать.“—Такъ духовные Оптинскіе старцы даже свободную рѣчь, какъ знакъ сокровенной горделивости, ревнующихъ о спасеніи душъ старались врачевать приличнымъ замѣчаніемъ, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ.

Къ этому времени, думается, относится и еще передававшійся Старцемъ Амвросіемъ разсказъ о себѣ. Въ бытность Преосвященнаго Калужскаго Николая въ Оптиной пустыни, сей послѣдній обратилъ на молодого іеродіакона Амвросія особенное вниманіе. Главною же причиною сему вѣроятно было то, что когда старшій братъ о. Амвросія, Николай Михайловичъ учился въ Тамбовской семинаріи, въ это самое время Преосвященный Николай былъ ректоромъ въ Тамбовѣ, и хорошо помнилъ его, какъ даровитаго воспитанника; а въ слѣдствіе сего относился теперь хорошо уже и къ о. Амвросію.—„Шелъ Владыка въ этотъ разъ по дорожкѣ между скитомъ и монастыремъ“, такъ впослѣдствіи вспоминалъ Старецъ Амвросій. „Его по обычаю сопровождали о. игуменъ Моисей и батюшка о. Макарій. И я тутъ же былъ. Помню, что Владыка все со мною разговаривалъ, и хотѣлъ взять меня съ собою; а мнѣ тутъ было очень совѣстно и неловко“ [2]).

Пробывши почти три года іеродіакономъ, о. Амвросій въ концѣ 1845 года представленъ былъ къ посвященію въ іеромонаха. Съ смиреннымъ о. Амвросіемъ повторилась таже исторія, какъ и предъ посвященіемъ его въ санъ іеродіакона: тоже сознаніе предъ Старцемъ своего недостоинства, и подобный прежнему мудрый и властительный отвѣтъ Старца. Нужно было посему іеродіакону Амвросію ѣхать въ Калугу для посвященія. Раннимъ утромъ 7 декабря онъ,

---

[1]) Бывшій настоятель Перемышльскаго Лютикова Троицкаго монастыря, въ настоящее время живущій на покоѣ въ Оптинскомъ скиту.

[2]) Нѣкоторые изъ близкихъ къ Старцу Амвросію лицъ передавали, что разсказъ этотъ относится къ тому времени, когда Старецъ Амвросій былъ еще рясофорнымъ монахомъ. Но въ скитской лѣтописи отмѣчено, что преосвященный Николай посѣщалъ Оптину Пустынь въ сентябрѣ 1839 года, когда о. Амвросій еще не поступалъ въ монастырь, и за тѣмъ еще, уже почти чрезъ четыре года, 13 іюня 1843 года, когда онъ былъ уже іеродіакономъ.

вмѣстѣ съ другимъ ставленникомъ, монахомъ Гавріиломъ [1]), представленнымъ къ посвященію въ санъ іеродіакона, отправился въ дорогу. Былъ сильный холодъ. Не привыкшій къ дальнимъ зимнимъ переѣздамъ, слабый здоровьемъ о. Амвросій, довольно изнурившій себя постничествомъ, захватилъ въ это время сильную простуду. „Помню я, разсказывалъ самъ описываемый Старецъ, что какъ еще только привезли меня на первую станцію, я почувствовалъ сильную боль въ желудкѣ". Это должно быть и было началомъ тѣхъ почти безпрерывныхъ тяжкихъ болѣзней, которыя сопровождали его во всю жизнь до самаго гроба, въ продолженіи почти полустолѣтія.

Пріѣхавши въ Калугу, онъ вмѣстѣ съ о. Гавріиломъ представился къ Преосвященному Николаю, который принялъ ихъ очень ласково и милостиво. Въ разговорахъ съ о. Амвросіемъ Владыка вспомнилъ про старину, какъ онъ въ свое время, будучи архимандритомъ, занималъ должность ректора въ Тамбовской духовной семинаріи, именно въ то самое время, когда учился въ ней старшій братъ о. Амвросія Николай Михайловичъ Гренковъ, котораго хорошо помнилъ. Такъ поговоривши съ ставленниками, Преосвященный велѣлъ имъ готовиться къ рукоположенію, которое и совершено было 9 декабря. А 10 къ вечеру новопосвященные іеромонахъ Амвросій съ іеродіакономъ Гавріиломъ возвратились въ Оптину Пустынь. Погода все это время продолжалась холодная и бурная.

Нашлись въ Оптиной изъ маловнимавшихъ своему спасенію монаховъ, которые позавидовали скорому рукоположенію о. Амвросія въ іеромонаха. „Когда узнали братія о нашемъ посвященіи,—такъ послѣ вспоминалъ онъ,—кой-кто на меня покашивался". Но должно помнить, что монахи не ангелы, а только по возможности стремящіеся къ ангелоподобной жизни, которая стяжавается долговременнымъ бореніемъ съ своими грѣховными наклонностями.

Не смотря на слабость своего здоровья, молодой іеромонахъ Амвросій понуждался, на ряду съ прочими іеромонахами, хотя можетъ быть и не всегда, отправлять въ монастырѣ чреду священнослуженія. Но онъ уже такъ былъ слабъ, что, какъ самъ послѣ вспоминалъ, не могъ долго держать потиръ одной рукой. „Однажды много было причастниковъ, разсказывалъ онъ. Преподавая Пречистыя Тайны Христовы одной рукой, другою я держалъ потиръ. И вотъ почувствовалъ я, что рука моя стала слабѣть и нѣмѣть. Чтобы нѣсколько дать отдыхъ рукѣ, я пошелъ въ алтарь, поставить на малое время на престолъ св. Чашу; а въ слѣдъ за мной слышу голосъ какой-то женщины, подходившей къ причащенію: знать я, грѣшная, недостойна!.. „Ахъ, Боже мой, подумалъ я, тѣсно мнѣ отовсюду".

Кажется, къ этому времени относится и еще случай, разсказанный самимъ описываемымъ Старцемъ. Захотѣлось ему, вмѣстѣ съ

---

[1]) Впослѣдствіи—іеросхимонахъ, устроитель Казанскаго Бѣлокопытскаго, женскаго монастыря, гдѣ скончался и погребенъ. Изъ окончившихъ курсъ Калужской духовной Семинаріи.

товарищемъ своимъ по келейной, рясофорнымъ монахомъ о. Иродіономъ постриженнымъ въ монашество въ 1849 году съ именемъ Иларіона) для очищенія и исправленія желудка, полѣчиться сильнымъ слабительнымъ подъ названіемъ—Le Roï, которое въ то время между Оптинскими братіями было въ большомъ ходу.—„Какъ разъ къ этому времени, говорилъ Старецъ, подошла моя чреда священнослуженія. Лѣченіе это требовало питательной укрѣпляющей пищи. О. Иродіонъ кушалъ по этому хорошую уху съ рыбкой, а мнѣ, какъ служащему, нужно было въ пищѣ воздерживаться, да еще ежедневно оставаться совсѣмъ безъ ужина [1]). По этому вмѣсто пользы, прибавлялъ Старецъ, я почувствовалъ отъ лѣченія сего вредъ".

Въ слѣдствіе болѣзненности, отчасти же и по сану, іеромонахъ Амвросій теперь уже долженъ былъ оставить послушаніе келейника у Старца Макарія; а потому 2 января 1846 года онъ переведенъ былъ въ другую келью, которая находится въ сѣверо-западной части корпуса, отъ Скитской церкви на сѣверъ.—Сказывалъ иногда покойный Старецъ, что онъ въ скиту пять келлій перемѣнилъ: „жилъ и въ келліи о. Игнатія, и въ башнѣ" [2]). Эти перемѣщенія изъ келліи въ келлію, по замѣчанію вышеупомянутаго Скитскаго схимника о. Геннадія, безъ сомнѣнія были вскорѣ по поступленіи его въ Скитъ, когда онъ проходилъ послушаніе повара.

Здоровье іеромонаха Амвросія время отъ времени все болѣе и болѣе ослабѣвало, но онъ все еще былъ на ногахъ, и не переставалъ, хотя можетъ быть изрѣдка, служить. Въ Скитской Лѣтописи записанъ слѣдующій случай. 1846 года 19 августа, въ понедѣльникъ, въ шесть часовъ пополудни пожаловалъ въ Оптину Пустынь Калужскій Преосвященный Николай, который, проведши два дня въ занятіи дѣлами, 22 числа служилъ въ Козельскѣ Литургію, а 23 въ седьмомъ часу пополудни изволилъ посѣтить Скитъ. Изъ монастыря шелъ онъ въ сопровожденіи о. игумена Моисея. По назначенію Владыки, въ Скитской церкви началось немедленно всенощное бдѣніе св. Петру Митрополиту, Московскому Чудотворцу. Служилъ іеромонахъ Амвросій съ іеродіакономъ Гавріиломъ; а понамарилъ рясофорный монахъ Василій [3]). Всѣ трое, живущіе въ Скиту,—окончившіе курсъ наукъ въ семинаріи. На обоихъ клиросахъ пѣли скитскіе братія. Тутъ же въ церкви стояли и пѣвчіе архіерейскіе. Бдѣніе кончилось въ десятомъ часу. По окончаніи оной, благосло-

---

[1]) Въ Оптиной въ прежнія времена большая часть іеромонаховъ и іеродіаконовъ, наканунѣ служенія Литургіи, отказывали себѣ въ ужинѣ.

[2]) Пять келлій: на пасѣкѣ, въ келліи о. Игнатія, въ башнѣ, въ келейной у Старца Макарія и въ корпусѣ на сѣверной сторонѣ отъ церкви. Келлія, которую занималъ монахъ Игнатій впослѣдствіи переведенный въ монастырь, посвященный въ іеромонаха и скончавшійся въ 1897 году 2 ноября на 95 году отъ роду), находится въ сѣверо-западной части корпуса между сажелкой и кедровою рощею. Она очень мала,—аршинъ 5 длины и аршина 4 ширины. А келлія въ башнѣ на юго-восточномъ углу скита, тоже маленькая и самая уединенная,—безъ сосѣда, и удаленная отъ прочихъ братскихъ келлій. Теперь въ ней по неудобству никто не живетъ.

[3]) Вышеупомянутый Василій Ѳедоровичъ Свѣтозаровъ.

вивъ братію и прочихъ богомольцевъ, Владыка замѣтилъ своимъ пѣвчимъ: „вотъ такъ учитесь пѣть, какъ здѣсь пѣли монахи, тихо, скромно“. Всѣ скитскіе братіи провожали Преосвященнаго до святыхъ скитскихъ воротъ.

Чудная была ночь. Повсюду царила глубокая тишина; а съ лазури небесной привѣтливо глядѣла полная луна, обливая тихимъ серебристымъ свѣтомъ безмолвный скитъ и окружающій его гигантскій лѣсъ. Архипастырь остановился, и съ отеческою любовію произнесъ къ братьямъ слѣдующія слова: „Спасайтесь, отцы и братія. Имѣйте миръ и любовь между собою. Начальникамъ повинуйтесь“. Обратившись же къ стоявшему тутъ же іеромонаху Амвросію, онъ сказалъ: „А ты, О. Амвросій, помогай О. Макарію въ духовничествѣ. Онъ уже старъ становится. Вѣдь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская“. Сказаны были Преосвященнымъ эти слова іеромонаху Амвросію, потому что О. Игуменъ Моисей и духовникъ іеромонахъ Макарій предварительно просили его о семъ. За тѣмъ осѣнивъ всѣхъ Архипастырскимъ благословеніемъ, Владыка удалился изъ скита въ монастырь, гдѣ на слѣдующій день, отслуживъ литургію, отбылъ въ Калугу.

Іеромонаху Амвросію было всего только около 34 лѣтъ, когда, въ слѣдствіе ходатайства О. Игумена Моисея и Старца Макарія, онъ уже получилъ отъ своего Архипастыря назначеніе помогать Старцу Макарію въ духовничествѣ. Явно по сему, что не смотря на столь молодые годы, О. Игуменъ Моисей съ О. Макаріемъ прочили его въ старцы. Но Промыслу Божію угодно было вступающаго въ сію великую обязанность молодого іеромонаха предварительно подвергнуть жестокой и продолжительной болѣзни; дабы очистившись, какъ злато въ горнилѣ, онъ былъ *сосудъ въ честь, освященъ и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованъ* [1]).

Первую половину сентября іеромонахъ Амвросій былъ еще въ силахъ. Въ скитской лѣтописи сказано, что 16 сентября 1846 года онъ, по распоряженію монастырскаго начальства, отправленъ былъ на станцію, по Бѣлевской дорогѣ, за 18 верстъ отъ Оптиной пустыни, просить посѣтить обитель проѣзжавшаго въ то время изъ Курска въ С.-Петербургъ Высокопреосвященнаго Иліодора, Архіепископа Курскаго и Бѣлградскаго, котораго и дождался уже 18 числа въ полдень. Въ тотъ же день высокій гость и прибылъ въ Оптину.—Вскорѣ за тѣмъ іеромонахъ Амвросій серіозно заболѣлъ, и слегъ въ постель, такъ что его, какъ пришедшаго въ крайнее изнеможеніе, 26 октября во время утрени, особоровали и пріобщили Св. Христовыхъ Таинъ.

Съ тѣхъ поръ болѣзнь его стала все болѣе и болѣе усиливаться. Лѣченіе не помогало. И потому онъ вынужденъ былъ въ декабрѣ 1847 года дать подписку въ томъ, что желаетъ быть оставленнымъ

---

[1]) 2 Тим. II, 21.

въ обители за штатомъ, Въ этой подпискѣ онъ говорилъ такъ: „давняя моя болѣзнь: разстройство желудка и всей внутренности и разслабленіе нервовъ, — будучи усилена припадками закрытаго гемороя, съ осени 1846 года, довела тѣло мое до крайняго изнеможенія, отъ коего и медицинскія пособія, въ продолженіе года употребляемыя, меня возставить не могли, и не подаютъ никакой надежды къ излеченію. Почему я какъ нынѣ, такъ и впредь, исправлять череднаго служенія, и никакихъ монастырскихъ должностей нести не могу“.— Подписка эта представлена была Преосвященному Николаю, при прошеніи настоятеля монастыря Игумена Моисея съ старшею братіею, въ которомъ говорилось, что въ слѣдствіе положенія Св. Сунода, монашествующіе, оставляемые за штатомъ, должны быть подвергнуты медицинскому освидѣтельствованію; но іеромонаха Амвросія, по причинѣ совершеннаго разслабленія, не имѣется возможности представить въ епархіальный городъ; а потому и испрашивалось разрѣшеніе освидѣтельствовать его на мѣстѣ его пребыванія, и исключить изъ монашескаго штата.

По указу Калужской духовной Консисторіи, послѣдовавшему 29 марта 1848 года въ отвѣтъ на это прошеніе, приглашены были въ скитъ Козельскій уѣздный врачъ Г. Субботинъ, съ присутствующимъ въ Козельскомъ духовномъ правленіи, Вознесенскимъ Протоіереемъ О. Андреемъ Виноградовымъ. По освидѣтельствованіи больного, врачъ такъ опредѣлилъ его болѣзнь: „Отецъ іеромонахъ Амвросій имѣетъ болѣзненный желтый цвѣтъ лица, съ болѣзненно-блестящими глазами, всеобщую худобу тѣла; при высокомъ своемъ ростѣ и узкой грудной клѣткѣ—сильный, больше сухой кашель, съ болью при немъ въ груди, боль въ подреберныхъ сторонахъ, преимущественно въ правой; нытье подъ ложкой и давящую боль въ сторонѣ желудка; совершенное разстройство пищеваренія, упорные постоянные запоры, и частую рвоту не только слизями и желчію, но и принятою пищею; безсонницу, и наконецъ повременный ознобъ къ вечеру, смѣняющійся легкимъ жаромъ. Припадки эти означаютъ медленную изнурительную лихорадку, происшедшую въ слѣдствіе затверденія брюшныхъ внутренностей, преимущественно же желудка“.—Въ слѣдствіе, поэтому случаю монастырскаго рапорта, опредѣлено было епархіальнымъ начальствомъ іеромонаха Амвросія, какъ неспособнаго ни къ какимъ монастырскимъ послушаніямъ, исключить изъ штата братіи Оптиной пустыни, и оставить его на пропитаніи и призрѣніи оной пустыни [1]).

Такимъ то страдальческимъ путемъ Премилосердый и Всепремудрый Отецъ Небесный велъ своего избранника къ назначенной ему высокой цѣли!

---

[1]) Архивъ Козельской Введенской Оптиной пустыни.

VI.

Жительство іеромонаха Амвросія въ скиту до кончины блаженной памяти Старца Макарія.

Се нынѣ время благопріятно для спасенія [1]).

„Тогда Господь начинаетъ являть свою силу, говаривалъ покойный Старецъ Амвросій,—когда увидитъ, что всѣ человѣческія средства къ поданію помощи нуждающемуся въ ней человѣку истощены". Безъ сомнѣнія такъ говорилъ онъ по собственному опыту. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы могъ подумать, что, испытывая такую тяжкую неизлечимую человѣческими средствами и искусствомъ болѣзнь, терпѣливый страдалецъ останется живъ? Наоборотъ, положительно можно было утверждать, что послѣдній часъ жизни его уже пробилъ. Но дивны дѣла Господни! Невозможное отъ человѣкъ содѣлалось возможнымъ у Бога. Къ великому удивленію всѣхъ, знавшихъ приговореннаго уже къ смерти Іеромонаха Амвросія, здоровье его стало понемногу поправляться.

Въ лѣтнюю пору, какъ можно по всей вѣроятности полагать, 1848 года, [2]) выздоравливающій началъ выходить на воздухъ. „Помню, сказывалъ самъ Старецъ, въ лѣтній ясный, тихій день вышелъ я въ первый разъ изъ кельи, и побрелъ, опираясь на палку, едва передвигая ноги, по дорожкѣ за сажелкой. (Это самая уединенная дорожка внутри Скита, вдоль восточной стѣны). Первый на встрѣчу мнѣ попался игуменъ Варлаамъ [3]). „Ну что, спрашиваетъ, поправляешься"? „Да вотъ, отвѣчаю, слава милосердому Господу,—оставилъ на покаяніе".—О. игуменъ остановился, и, глядя на меня, началъ говорить смиряющимъ тономъ: „А что-жъ, ты думаешь.—лучше что ли будешь? Нѣтъ, не будешь лучше: хуже, хуже будешь".—Такъ Оптинскіе подвижники имѣли обыкновеніе при случаѣ смирять другъ друга. И самъ Старецъ Амвросій, впослѣдствіи, вспоминая о семъ, приговаривалъ: „вотъ теперь и самъ вижу, что сталъ хуже".

Осенью 1849 года, чрезъ десять лѣтъ по прибытіи о. Амвросія въ Оптину Пустынь, пріѣхалъ наконецъ и вышеупомянутый товарищъ его, Павелъ Степановичъ Покровскій. Его, какъ въ свое время и о. Амвросія, привелъ въ монастырь, данный имъ въ болѣзни Богу, обѣтъ. Давно Троекуровскій Старецъ О. Иларіонъ указывалъ Покровскому путь жизни въ обители иноковъ, и кажется не разъ это было; но онъ все колебался, потому что очень привязанъ былъ къ свѣт-

---

[1]) 2 Кор. VI, 2.

[2]) Въ этомъ году поступилъ въ монастырь іеромонахъ Геронтій, которому Старецъ Макарій уже благословилъ относиться къ іеромонаху Амвросію, какъ къ Старцу. А это конечно не могло быть до его выздоровленія.

[3]) Вышеупомянутый Валаамскій игуменъ. Видъ лица, тонъ рѣчи, и вообще обращеніе съ людьми имѣлъ по виду суровыя; скончался въ декабрѣ 1849 года.

ской жизни. Какъ долго продолжалось бы это колебаніе мысли Покровскаго, неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего онъ сталъ бы отлагать поступленіе въ монастырь до неопредѣленнаго времени. Но вотъ насталъ страшный 1848 годъ. Пришло лѣто, и въ Липецкъ пожаловала непрошенная гостья—холера. Десятки гробовъ ежедневно сносились горожанами на кладбища. Заболѣлъ холерою и Павелъ Степановичъ, и такъ сильно заболѣлъ, что призванный на помощь,—городовой врачъ нашелъ болѣзнь его въ послѣдней степени развитія, и тутъ же при одрѣ умирающаго, въ присутствіи его товарищей,—прочихъ наставниковъ духовнаго училища, произнесъ свой рѣшительный приговоръ: „готовьте къ завтраму гробъ". Съ этими словами врачъ удалился, не предписавъ никакого лѣкарства, не подавъ даже никакого совѣта къ облегченію отчаяннаго положенія уже совсѣмъ умирающаго. Отчетливо слышалъ я этотъ страшный приговоръ врача, и хорошо понималъ, разсказывалъ впослѣдствіи самъ Покровскій. Вижу, что надежды на выздоровленіе ждать мнѣ уже не откуда; а умирать, охъ, какъ не хотѣлось. Думаю, — что дѣлать? Съ горячею молитвою обратился я къ Единому Всесильному Врачу, и мысленно далъ такой обѣтъ: Господи! если Ты избавишь меня теперь отъ смерти, то немедленно по выздоровленіи уйду въ монастырь". Молитва страдальца была услышана,— онъ пережилъ ужасную ночь. Утромъ пришелъ вчерашній врачъ уже не какъ къ больному, а чтобы только взглянуть на умершаго. При входѣ въ комнату, онъ вопросительно обратился къ товарищамъ Павла Степановича: „ну что,—покойникъ"? Нѣтъ, живъ, отвѣчаютъ ему.—„Быть не можетъ,—покажите мнѣ его".—Посмотрѣвъ на приговореннаго имъ къ смерти больного, онъ только пожалъ плечами, и сказалъ: „Ну, это чудо". Затѣмъ вскорѣ и удалился. Между тѣмъ Покровскій, Богъ далъ, выздоровѣлъ, и чрезъ годъ съ небольшимъ явился въ знакомый уже ему Оптинскій Скитъ.—Впродолженіе цѣлаго десятилѣтія о. Амвросій не прерывалъ съ нимъ переписки, склоняя его къ монашеству. И разъ какъ-то попросилъ у него чаю, не потому впрочемъ, что нуждался въ немъ; а только для поддержанія братскаго общенія. Покровскій рѣзко отвѣтилъ: „Ты вѣдь монахъ: какой же тебѣ чай [1])? Теперь, пріѣхавъ въ холодную погоду, онъ сильно перезябъ, и отправился прямо въ скитъ къ о. Амвросію. Прежніе друзья очень обрадовались другъ другу. Пріѣзжій попросилъ хозяина напоить его чаемъ. — „Вѣдь монахи не должны пить чай", кротко и съ любовію замѣтилъ ему о. Амвросій, и угостилъ его, какъ друга. Новоприбывшій Покровскій сначала поступилъ послушникомъ въ монастырь, но чрезъ годъ, вѣроятно по собственному его желанію, переведенъ былъ въ скитъ, и помѣщенъ въ одномъ корпусѣ съ о. Амвросіемъ, только въ другой половинѣ.

Но возвратимся къ описываемому Старцу Амвросію. Почувство-

[1]) Узкій взглядъ большей части мірянъ на жизнь иноковъ. Думаютъ, что вся святость монаха должна ограничиваться одними внѣшними подвигами, чтобъ по нѣсколько дней ничего не ѣсть, не пить и пр.

вавъ облегченіе своей долговременной и тяжкой болѣзни, онъ возимѣлъ было желаніе поѣхать въ Кіевъ для поклоненія святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ и для свиданія съ старшимъ братомъ. „Пять лѣтъ, такъ разсказывалъ самъ покойный Старецъ, собирался я ѣхать въ Кіевъ, съ намѣреніемъ кстати заѣхать и на родину для того, чтобы постричь мать свою старушку тайно въ мантію, но никакъ не пришлось поѣхать".

Прибавимъ къ сему, что Старецъ Амвросій, во все время жительства своего въ монастырѣ, по причинѣ болѣзненности, и никуда далеко изъ него не ѣздилъ. Былъ только разъ въ Бѣлевѣ (въ 40 верстахъ отъ Оптиной) и то за послушаніе, по порученію Старца Макарія.

„Мать моя, продолжалъ разсказывать покойный Старецъ, всегда была слабая, больная. Помню, что она и лѣтомъ сидѣла все на печкѣ, но прожила дольше отца, несмотря на то, что онъ былъ крѣпкаго здоровья. Отецъ скончался 60 лѣтъ, а мать 75. Она жила благочестиво, спасалась по-своему. Но если бы я ее постригъ, то она могла бы спутаться, и никуда бы не попала (ни въ мірскія, ни въ монахини). И я благодарю Бога, что мнѣ не удалось это сдѣлать". Разсказывая кое-что о себѣ, Старецъ еще говорилъ: „три брата мои похожи на мать, а я на отца". Объ отношеніяхъ же къ своимъ братьямъ и прочимъ роднымъ такъ передавалъ: „Братъ мой Николай (директоръ Кіевской гимназіи) двадцать лѣтъ не переписывался со мной. Но вотъ дошелъ какъ-то до меня слухъ, что онъ постовъ не соблюдаетъ. Я написалъ ему письмо, чтобы соблюдалъ посты, а онъ на это мое письмо цѣлый годъ не отвѣчалъ. Я спрашиваю Петра (меньшаго брата, бывшаго столоначальникомъ Тамбовской Казенной Палаты) нѣтъ ли слуху про Николая. Онъ мнѣ отвѣчаетъ: „Пишу тебѣ буквально его слова: нашъ пустынникъ написалъ мнѣ нравственное наставленіе, которое легче сказать, нежели исполнить на дѣлѣ".—Я былъ моложе брата Николая на шесть лѣтъ. Онъ меня въ свое время училъ грамотѣ, и наказывалъ—за вихоръ дралъ. А когда я написалъ ему наставленіе, это ему не понравилось. Послѣ я писалъ ему,—какъ бы съ нимъ повидаться. А онъ мнѣ отвѣчаетъ: „съѣдемся мы два старика,—о чемъ будемъ говорить? Мы разныхъ убѣжденій". У меня всѣ братья умные, продолжалъ смиренный Старецъ, не такіе, какъ я. Второй мой братъ не доучился и поступилъ на мѣсто отца причетникомъ. Онъ былъ добрый и гостепріимный. Когда бывало мы, съ младшимъ братомъ, пріѣдемъ къ нему изъ семинаріи, онъ запряжетъ тройку и катаетъ насъ. Но вотъ люди стали надъ нимъ смѣяться: „что ты ихъ катаешь? Они у тебя господа, а ты ихъ кучеръ". Ему стало обидно и онъ заплакалъ".—На вопросъ: бѣдно онъ живетъ?—Старецъ отвѣчалъ: „ни бѣдно, ни богато,—ему братья помогаютъ. Два брата у меня холостые, а этотъ причетникъ женатъ. У него было семь человѣкъ дѣтей.—Было у меня четыре сестры. Двѣ померли, а одна

60 лѣтъ живетъ у брата, точно игуменья. А племянница у меня— матушка попадья[1])".

Впослѣдствіи эта матушка попадья, овдовѣвши въ молодыхъ лѣтахъ, неоднократно посѣщала Старца Амвросія въ Оптиной пустыни, и въ первый разъ пріѣзжала вмѣстѣ съ своимъ родителемъ. За нею и другіе родственники навѣщали Старца, который всегда принималъ ихъ всѣхъ съ родственною любовію и оказывалъ имъ возможную помощь. Двѣ сестры его, оставшіяся въ живыхъ, какъ выше было замѣчено, даже и дни свои окончили при Старцѣ. А двѣ его внучки помѣщены были имъ еще при жизни въ Шамординской общинѣ, гдѣ живутъ и доселѣ. Вообще отношенія Старца Амвросія къ своимъ родственникамъ были самыя искреннія, любовныя. И если онъ въ свое время написалъ старшему брату нравоученіе, то побужденіемъ къ сему опять-таки была родственная любовь.

Съ теченіемъ времени здоровье о. Амвросія хотя, какъ мы видѣли, нѣсколько и поправилось, но совершенно не возстановилось, и разные его недуги болѣе или менѣе давали себя чувствовать уже во всю послѣдующую его жизнь до самой кончины. То усиливался у него катарръ желудка и кишекъ, открывалась рвота, то ощущалась нервная боль, то простуда съ лихорадочнымъ ознобомъ и просто жестокая лихорадка. Къ тому же еще стали появляться гемморроидальныя кровоистеченія, которыя по временамъ до того изможда ли страдальца, что онъ лежалъ въ постели точно мертвый. Несмотря на это онъ не только никогда не скорбѣлъ о своихъ болѣзняхъ, но даже считалъ ихъ необходимыми для своего духовнаго преуспѣянія. Вѣруя вполнѣ и уразумѣвая собственнымъ опытомъ, что *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни*[2]), онъ никогда и не желалъ себѣ совершеннаго оздравленія. И другимъ потому всегда говаривалъ: „монаху не слѣдуетъ серіозно лѣчиться, а только подлѣчиваться", для того, конечно, чтобы не лежать въ постели и не быть въ тягость другимъ.— Такъ и самъ онъ постоянно подлѣчивался. На столѣ у него потому всегда стояло много пузырьковъ съ разными лѣкарствами. Докторъ же приглашался только въ крайнихъ случаяхъ, когда уже очень усиливалась болѣзнь. Зная же изъ ученія отцовъ подвижниковъ, что тѣлесная болѣзнь выше и крѣпче поста и трудовъ и подвиговъ тѣлесныхъ, онъ въ напоминаніе себѣ и въ назиданіе и утѣшеніе своимъ ученикамъ недужнымъ имѣлъ обыкновеніе говорить: „Богъ не требуетъ отъ больного подвиговъ тѣлесныхъ, а только терпѣнія со смиреніемъ и благодаренія".

Имѣть терпѣніе со смиреніемъ и благодареніе среди тяжкихъ и продолжительныхъ болѣзней — подвигъ великій. Поневолѣ и каждый страдалецъ терпитъ постигшую его болѣзнь, иной даже съ ропотомъ. Но терпѣть съ сознаніемъ, что болѣзнь есть должное возмездіе чело-

---

[1]) Изъ записокъ Шамординской настоятельницы м. Евфросиніи.
[2]) 2 Кор. IV, 16.

вѣку за грѣхи его, и потому смиренно благодарить Господа за сіе, какъ очистительное средство противъ заразы грѣховной, это—удѣлъ немногихъ избранниковъ Божіихъ, отъ нихъ же единъ и былъ о. Амвросій. Выше мы видѣли, что послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, онъ довольно поздоровѣлъ. Каково же было теперь его жительство въ періодъ времени до осени 1860 года, именно до кончины Старца о. Макарія, когда послѣ него онъ самъ сдѣлался главнымъ Старцемъ? Тѣ же добродѣтели, въ которыхъ упражнялся онъ прежде, видны въ немъ и теперь.—Такъ,—онъ былъ крайне нестяжателенъ. Въ келіи его попрежнему царила полная нищета. Хаживалъ къ нему въ то время нерѣдко изъ монастыря, по благословенію Старца Макарія, вышеупомянутый молодой послушникъ Ѳеодоръ (Игуменъ Ѳеодосій). При воспоминаніи о семъ, онъ говоритъ, что въ келіи батюшки о. Амвросія было весьма просто. Въ переднемъ углу стояло нѣсколько иконъ. Около двери висѣли ряса и подрясникъ съ мантіей. Затѣмъ кровать съ постланнымъ на ней холщевымъ, набитымъ соломой, тюфякомъ и такой же подушкой. Вотъ и все было ея убранство. Замѣтилъ онъ еще подъ койкой у него плетушку, которая, вѣроятно, служила ему вмѣсто комода или сундука, гдѣ хранились у него шерстяные чулки и фланелевыя рубашки, въ которыхъ онъ имѣлъ крайнюю нужду.—„Это плетушка-то для чего у васъ, Батюшка?“ полюбопытствовалъ Ѳеодоръ. Желая скрыть отъ него свою крайнюю нестяжательность, смиренный о. Амвросій сказалъ по своему обыкновенію въ шутливомъ тонѣ: „Да вотъ хочу гусыню на яйца сажать“. Посмѣялись, конечно, и гость и хозяинъ, но тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ употребленіи пищи о. Амвросій, какъ и прежде, соблюдалъ крайнее воздержаніе. Не смотря на болѣзненное состояніе желудка, онъ продолжалъ, по временамъ, довольствоваться и трапезною пищею. Нужно при семъ замѣтить, что въ Оптинскомъ скиту хотя готовятъ довольно вкусно, но пища круглый годъ, исключая шесть сплошныхъ седмицъ, готовится съ постнымъ масломъ, а въ посты, въ положенные св. Церковію дни, даже и вовсе безъ масла. И для людей съ здоровыми желудками бываетъ иногда ощутительна недостаточность питанія такою пищею, для о. Амвросія же съ испорченнымъ болѣзненнымъ желудкомъ это было тѣмъ паче. Однако онъ не переставалъ, когда имѣлъ возможность, вмѣстѣ съ братіями ходить въ трапезу. Итакъ какъ онъ еще, при болѣзненности желудка, не въ старыхъ лѣтахъ лишился зубовъ въ верхней челюсти, то и стѣснительно было для него кушать съ братіями изъ одного блюда. А потому, по благословенію Старца о. Макарія, когда братія садились въ трапезѣ за столъ, о. Амвросій шелъ въ кухню, куда вела дверь изъ трапезы, и тамъ въ особой маленькой комнаткѣ, гдѣ хранилась скитская посуда и рѣзался хлѣбъ, въ одно время съ братіями садился кушать. Для смягченія же довольно грубой постной пищи, онъ имѣлъ продырявленный, на подобіе терки, ковшъ, сквозь который предварительно и протиралъ подаваемую въ блюдѣ пищу, напр., щи

или горохъ. Иногда же по крайней нуждѣ готовилъ у себя въ кельи картофельный супъ [1]). Чай пилъ каждый день. Впослѣдствіи, будучи главнымъ Старцемъ, онъ нерѣдко говаривалъ: „счастливъ тотъ монахъ, который можетъ довольствоваться трапезною пищею“. Это, конечно, потому, что у монаха, готовящаго для себя отдѣльно пищу, по этому самому пропадаетъ очень много времени, которое онъ могъ бы употреблять съ пользою для своей души.

Послушаніе его къ своему Старцу, Батюшкѣ о. Макарію, какъ и всегда, было безпрекословное. Вышеупомянутый о. Игуменъ Маркъ, какъ увидимъ ниже, относившійся къ іеромонаху Амвросію, какъ къ Старцу, и потому часто посѣщавшій его, пишетъ: „казалось, что у о. Амвросія не было своей воли въ распоряженіи даже келейными мелочными вещами, а во всемъ воля Старца и во всемъ давался имъ отчетъ Старцу о. Макарію; какъ онъ мнѣ однажды лично выразился: въ этой вещи, даваемой тебѣ, нужно дать отчетъ Старцу“.—Въ отношеніи же общихъ скитскихъ послушаній, теперь Старцемъ Макаріемъ поручались іеромонаху Амвросію, сообразно съ его саномъ и возрастомъ духовнымъ, приличныя занятія. Пребывая въ отдѣльномъ отъ Старца Макарія корпусѣ, онъ ежедневно ходилъ къ нему, когда дозволяло здоровье, и здѣсь вопервыхъ усердно помогалъ Старцу въ обширной перепискѣ съ искавшими отъ послѣдняго пользы духовной; а во вторыхъ, вмѣстѣ съ другими [2]), занимался приготовленіемъ къ изданію святоотеческихъ и другихъ душеполезныхъ книгъ, каковыхъ до кончины Старца Макарія было шестнадцать изданій. Въ особенности онъ дѣятельно помогалъ Старцу въ переложеніи Лѣствицы съ древнеславянскаго, во многихъ мѣстахъ темнаго нарѣчія, на упрощенный, удобопонятный ново-славянскій языкъ. И такъ какъ печатаніе славянской Лѣствицы зависитъ непосредственно отъ Св. Сунода, то Оптинскіе Старцы и передали туда этотъ трудъ, не ища отъ сего изданія собственныхъ выгодъ, а единственно имѣя въ виду духовную пользу любителей назидаться чтеніемъ книгъ отеческихъ [3]).

Нужно впрочемъ замѣтить, что о. Амвросій, какъ іеромонахъ, будучи главнымъ дѣятелемъ среди скитскаго ученаго люда, вовсе не имѣлъ, приписываемаго ему нѣкоторыми, хорошаго знанія древнихъ языковъ. Это можно видѣть изъ разсказа о немъ товарища его о. Павла Покровскаго, которому, какъ хорошему латинисту, поручено было Старцемъ Макаріемъ перевести съ латинскаго на русскій языкъ поученія препод. Аввы Исаіи.—„Въ темныхъ мѣстахъ, говорилъ

---

[1]) Впослѣдствіи, когда о. Амвросій былъ уже самостоятельнымъ Старцемъ, пріѣхавшій къ нему какой-то докторъ, въ разговорѣ съ монахомъ Климентомъ Задергольмомъ, спросилъ сего послѣдняго: „что вы ѣдите?“ О. Климентъ началъ отвѣчать: супъ картофельный... Докторъ въ удивленіи: „картофельный?! Такъ вы бы уже еще солому что-ль ѣли“.

[2]) Монахъ Ювеналій—нынѣ Архіепископъ Виленскій, рясофорный монахъ Левъ Кавелинъ, впослѣдствіи Архимандритъ Леонидъ, Намѣстникъ Троицкой Сергіевой Лавры, и рясофорный монахъ Павелъ Покровскій, впослѣдствіи іеромонахъ Платонъ.

[3]) Передавалъ о семъ покойный скитскій іеромонахъ Климентъ Зедергольмъ.

онъ, обращался я за помощію къ Амвросію, а онъ прямо отвѣчалъ мнѣ: все, братъ, забылъ". Но о. Амвросій имѣлъ то достоинство, что, перечитавши съ особеннымъ вниманіемъ, подъ руководствомъ мудраго Старца Макарія, всѣ извѣстныя въ то время творенія отцовъ подвижниковъ, онъ могъ правильно понимать смыслъ этихъ твореній, имѣя въ пособіи къ этому собственный опытъ жизни [1]). А кромѣ того онъ прекрасно понималъ славянскій языкъ, и очень любилъ его.

Можно думать, что эти книжныя занятія имѣли для о. Амвросія и весьма важное воспитательное значеніе въ жизни духовной. Одинъ изъ участниковъ этихъ занятій, между прочимъ, пишетъ: „Какъ щедро были награждены мы за малые труды наши! Кто изъ внимающихъ себѣ не отдалъ бы нѣсколькихъ лѣтъ жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши: это объясненія Старца Макарія, на такія мѣста писаній отеческихъ, о которыхъ, не будь этихъ занятій, никто изъ насъ не посмѣлъ бы и вопросить его; а если бы и дерзнулъ на сіе, то несомнѣнно бы получилъ смиренный отвѣтъ: „я не знаю сего, это не моей мѣры; можетъ быть ты достигъ ея, а я знаю лишь: даруй ми Господи зрѣти моя прегрѣшенія! Очисти сердце, тогда и поймешь" [2]).

А молитва? Что сказать о сей царицѣ добродѣтелей? что о. Амвросій проходилъ подвигъ высокой умной молитвы—это несомнѣнно. Будучи уже главнымъ Старцемъ, на вопросъ одного любопытника: „что это такое, Батюшка, умная молитва?" О. Амвросій, окинувъ его своимъ серіознымъ проницательнымъ взглядомъ, отвѣтилъ только: „учитель молитвы—Самъ Богъ". А въ другой разъ, въ особенно веселомъ настроеніи духа, при разговорѣ о томъ же предметѣ, невольно высказался: „трудное это, братъ, дѣло—всего разломитъ". И тутъ же сталъ подшучивать надъ однимъ подвижникомъ, проходившимъ умную молитву, „какъ онъ только что начнетъ свою молитву, а тамъ, глядишь, то тотъ идетъ съ дѣломъ, то другой, и перервутъ его молитвенный подвигъ". Но когда о. Амвросію удобнѣе было обучаться сему искусству искусствъ, какъ не въ описываемый періодъ времени? Въ Оптинскомъ краткомъ жизнеописаніи Старца Амвросія сказано, что съ самаго начала самостоятельнаго старчествованія онъ „оставилъ затворническія правила". Эти правила безъ сомнѣнія и составляли его келейныя упражненія въ усвоеніи непрестанной умной Іисусовой молитвы. Спросилъ однажды Старецъ Макарій своего любимаго ученика о. Амвросія: „угадай, кто получилъ свое спасеніе безъ бѣдъ и скорбей?" Разсказывая о семъ другимъ, смиренный о. Амвросій приписывалъ это безскорбное спасеніе Старцу Макарію. Но въ жизнеописаніи Старца Макарія сказано, что „про-

---

[1]) Безъ жизненнаго опыта въ твореніяхъ отцовъ подвижниковъ весьма много непонятнаго.—„Что такое значитъ,—спросилъ одинъ высокопоставленный человѣкъ Оптинскаго о. Архимандрита Моисея,—сколько разъ читалъ я Лѣствицу и все что-то въ головѣ ничего не остается?"—Да, ужь это требуетъ дѣла, отвѣтилъ мудрый Старецъ.

[2]) См. въ жизнеописаніи Оптинскаго Старца іеросхимонаха Макарія главу „о изданіи переводовъ святоотеческихъ книгъ".

или горохъ. Иногда же по крайней нуждѣ готовилъ у себя въ кельи картофельный супъ [1]). Чай пилъ каждый день. Впослѣдствіи, будучи главнымъ Старцемъ, онъ нерѣдко говаривалъ: „счастливъ тотъ монахъ, который можетъ довольствоваться трапезною пищею". Это, конечно, потому, что у монаха, готовящаго для себя отдѣльно пищу, по этому самому пропадаетъ очень много времени, которое онъ могъ бы употреблять съ пользою для своей души.

Послушаніе его къ своему Старцу, Батюшкѣ о. Макарію, какъ и всегда, было безпрекословное. Вышеупомянутый о. Игуменъ Маркъ, какъ увидимъ ниже, относившійся къ іеромонаху Амвросію, какъ къ Старцу, и потому часто посѣщавшій его, пишетъ: „казалось, что у о. Амвросія не было своей воли въ распоряженіи даже келейными мелочными вещами, а во всемъ воля Старца и во всемъ давался имъ отчетъ Старцу о. Макарію; какъ онъ мнѣ однажды лично выразился: въ этой вещи, даваемой тебѣ, нужно дать отчетъ Старцу".—Въ отношеніи же общихъ скитскихъ послушаній, теперь Старцемъ Макаріемъ поручались іеромонаху Амвросію, сообразно съ его саномъ и возрастомъ духовнымъ, приличныя занятія. Пребывая въ отдѣльномъ отъ Старца Макарія корпусѣ, онъ ежедневно ходилъ къ нему, когда дозволяло здоровье, и здѣсь вопервыхъ усердно помогалъ Старцу въ обширной перепискѣ съ искавшими отъ послѣдняго пользы духовной; а во вторыхъ, вмѣстѣ съ другими [2]), занимался приготовленіемъ къ изданію святоотеческихъ и другихъ душеполезныхъ книгъ, каковыхъ до кончины Старца Макарія было шестнадцать изданій. Въ особенности онъ дѣятельно помогалъ Старцу въ переложеніи Лѣствицы съ древнеславянскаго, во многихъ мѣстахъ темнаго нарѣчія, на упрощенный, удобопонятный ново-славянскій языкъ. И такъ какъ печатаніе славянской Лѣствицы зависитъ непосредственно отъ Св. Сунода, то Оптинскіе Старцы и передали туда этотъ трудъ, не ища отъ сего изданія собственныхъ выгодъ, а единственно имѣя въ виду духовную пользу любителей назидаться чтеніемъ книгъ отеческихъ [3]).

Нужно впрочемъ замѣтить, что о. Амвросій, какъ іеромонахъ, будучи главнымъ дѣятелемъ среди скитскаго ученаго люда, вовсе не имѣлъ, приписываемаго ему нѣкоторыми, хорошаго знанія древнихъ языковъ. Это можно видѣть изъ разсказа о немъ товарища его о. Павла Покровскаго, которому, какъ хорошему латинисту, поручено было Старцемъ Макаріемъ перевести съ латинскаго на русскій языкъ поученія препод. Аввы Исаіи.—„Въ темныхъ мѣстахъ, говорилъ

---

[1]) Впослѣдствіи, когда о. Амвросій былъ уже самостоятельнымъ Старцемъ, пріѣхавшій къ нему какой-то докторъ, въ разговорѣ съ монахомъ Климентомъ Задергольмомъ, спросилъ сего послѣдняго: „что вы ѣдите?" О. Климентъ началъ отвѣчать: супъ картофельный... Докторъ въ удивленіи: „картофельный?! Такъ вы бы уже еще солому что-ль ѣли".

[2]) Монахъ Ювеналій—нынѣ Архіепископъ Виленскій, рясофорный монахъ Левъ Бавелинъ, впослѣдствіи Архимандритъ Леонидъ, Намѣстникъ Троицкой Сергіевой Лавры, и рясофорный монахъ Павелъ Покровскій, впослѣдствіи іеромонахъ Платонъ.

[3]) Передавалъ о семъ покойный скитскій іеромонахъ Климентъ Зедергольмъ.

онъ, обращался я за помощію къ Амвросію, а онъ прямо отвѣчалъ мнѣ: все, братъ, забылъ". Но о. Амвросій имѣлъ то достоинство, что, перечитавши съ особеннымъ вниманіемъ, подъ руководствомъ мудраго Старца Макарія, всѣ извѣстныя въ то время творенія отцовъ подвижниковъ, онъ могъ правильно понимать смыслъ этихъ твореній, имѣя въ пособіи къ этому собственный опытъ жизни [1]). А кромѣ того онъ прекрасно понималъ славянскій языкъ, и очень любилъ его.

Можно думать, что эти книжныя занятія имѣли для о. Амвросія и весьма важное воспитательное значеніе въ жизни духовной. Одинъ изъ участниковъ этихъ занятій, между прочимъ, пишетъ: „Какъ щедро были награждены мы за малые труды наши! Кто изъ внимающихъ себѣ не отдалъ бы нѣсколькихъ лѣтъ жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши: это объясненія Старца Макарія, на такія мѣста писаній отеческихъ, о которыхъ, не будь этихъ занятій, никто изъ насъ не посмѣлъ бы и вопросить его; а если бы и дерзнулъ на сіе, то несомнѣнно бы получилъ смиренный отвѣтъ: „я не знаю сего, это не моей мѣры; можетъ быть ты достигъ ея, а я знаю лишь: даруй ми Господи зрѣти моя прегрѣшенія! Очисти сердце, тогда и поймешь" [2]).

А молитва? Что сказать о сей царицѣ добродѣтелей? что о. Амвросій проходилъ подвигъ высокой умной молитвы—это несомнѣнно. Будучи уже главнымъ Старцемъ, на вопросъ одного любопытника: „что это такое, Батюшка, умная молитва?" О. Амвросій, окинувъ его своимъ серіознымъ проницательнымъ взглядомъ, отвѣтилъ только: „учитель молитвы—Самъ Богъ". А въ другой разъ, въ особенно веселомъ настроеніи духа, при разговорѣ о томъ же предметѣ, невольно высказался: „трудное это, братъ, дѣло—всего разломитъ". И тутъ же сталъ подшучивать надъ однимъ подвижникомъ, проходившимъ умную молитву, „какъ онъ только что начнетъ свою молитву, а тамъ, глядишь, то тотъ идетъ съ дѣломъ, то другой, и перервутъ его молитвенный подвигъ". Но когда о. Амвросію удобнѣе было обучаться сему искусству искусствъ, какъ не въ описываемый періодъ времени? Въ Оптинскомъ краткомъ жизнеописаніи Старца Амвросія сказано, что съ самаго начала самостоятельнаго старчествованія онъ „оставилъ затворническія правила". Эти правила безъ сомнѣнія и составляли его келейныя упражненія въ усвоеніи непрестанной умной Іисусовой молитвы. Спросилъ однажды Старецъ Макарій своего любимаго ученика о. Амвросія: „угадай, кто получилъ свое спасеніе безъ бѣдъ и скорбей?" Разсказывая о семъ другимъ, смиренный о. Амвросій приписывалъ это безскорбное спасеніе Старцу Макарію. Но въ жизнеописаніи Старца Макарія сказано, что „про-

---

[1]) Безъ жизненнаго опыта въ твореніяхъ отцовъ подвижниковъ весьма много непонятнаго.—„Что такое значитъ,—спросилъ одинъ высокопоставленный человѣкъ Оптинскаго о. Архимандрита Моисея,—сколько разъ читалъ я Лѣствицу и все что-то въ головѣ ничего не остается?"—Да, ужь это требуетъ дѣла, отвѣтилъ мудрый Старецъ.

[2]) См. въ жизнеописаніи Оптинскаго Старца іеросхимонаха Макарія главу „о изданіи переводовъ святоотеческихъ книгъ".

хожденіе имъ умной молитвы, по степени тогдашняго духовнаго возраста его, было преждевременнымъ и едва не повредило ему". Главною же причиною сего было то, что о. Макарій не имѣлъ при себѣ постояннаго руководителя въ этомъ высокомъ духовномъ дѣланіи. Отецъ же Амвросій, имѣя въ своемъ Старцѣ Макаріи, уже восшедшемъ на высоту жизни духовной, опытнѣйшаго духовнаго наставника, могъ обучаться умной молитвѣ дѣйствительно *безъ бѣдъ*, т. е. минуя козни вражіи, вводящія подвижника въ прелесть, и *безъ скорбей*, бывающихъ вслѣдствіе нашихъ несмысленныхъ худыхъ, иногда повидимому благовидныхъ, настойчивыхъ желаній, считая въ тоже время скорби, приходящія отвнѣ, душеполезными и спасительными. Да и вся, съ самаго начала, иноческая жизнь о. Амвросія, подъ окормленіемъ мудрыхъ Старцевъ, шла ровно, безъ особыхъ преткновеній, направляемая къ бо́льшему и бо́льшему совершенствованію духовному. А что стяжаніе, при помощи Божіей, высокой умной моливы есть,—такъ сказать,—вѣнецъ или завершеніе спасенія, содѣваемаго на землѣ человѣкомъ, можно видѣть изъ словъ Св. Іоанна Лѣствичника, который опредѣлилъ молитву „пребываніемъ и соединеніемъ человѣка съ Богомъ [1]); ибо кто соединился съ Богомъ и пребываетъ въ Немъ, тотъ хотя еще находится въ семъ бренномъ тѣлѣ, но уже спасенъ. Это, между прочимъ, указываетъ еще и на то, что въ послѣдніе годы жизни Старца Макарія о. Амвросій достигъ уже высокаго совершенства въ жизни духовной. Ибо, какъ въ свое время Старецъ Левъ называлъ о. Макарія святымъ, также теперь и Старецъ Макарій относился къ о. Амвросію.

Избавившись отъ вышеупомянутой смертельной болѣзни, о. Амвросій, по слабости здоровья, болѣе уже не отправлялъ церковныхъ Богослуженій, но въ храмъ Божій еще ходилъ, гдѣ и сообщался Пречистыхъ Таинъ Христовыхъ, вѣроятно по схимнически—разъ въ мѣсяцъ, какъ дѣлалъ это и старецъ его о. Макарій. Въ это время о. Амвросій, вслѣдствіе болѣзненности, лѣто и зиму носилъ упомянутыя выше фланелевыя рубашки и шерстяные чулки, и часто, по причинѣ испарины, то и другое перемѣнялъ. А потому онъ постоянно имѣлъ при себѣ мѣшокъ съ рубашками и чулками, такъ что когда и въ церковь шелъ, мѣшокъ этотъ несъ съ собою. И такъ какъ скитскій храмъ въ то время имѣлъ расположеніе домовой церкви, —собственно переднюю часть занимала церковь, а въ задней части были отдѣленія на подобіе комнатъ, то въ семъ-то мѣстѣ о. Амвросій по потребности и перемѣнялся. Келлійныя же правила вычитывалъ для него ежедневно жившій рядомъ съ нимъ въ особой кельи братъ, назначенный ему для послуженія.

Не смотря однако на то, что теперь о. Амвросій взошелъ уже на высокую степень духовнаго совершенствованія, Старецъ Макарій подвергалъ его иногда весьма тяжкимъ испытаніямъ и лишеніямъ,

---

[1]) Лѣствица Оптинскаго изд. Слово XXVIII, отд. 1.

воспитывая въ немъ строгаго подвижника нищеты, смиренія, терпѣнія и другихъ иноческихъ добродѣтелей, по слову св. писанія: *иже щадитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего, любяйже наказуетъ прилежно* [1]). И: *наказуй сына, и возлюбитъ тя* [2]). Лишь только замѣтитъ бывало Старецъ возлюбленнаго ученика своего безъ дѣла, можетъ быть вслѣдствіе болѣзненности или крайняго переутомленія, какъ тотъ часъ же строго и зашумитъ на него: „Амвросій, Амвросій! что ничего не дѣлаешь? что ничего не дѣлаешь?“—Принимая близкое участіе въ своемъ другѣ и товарищѣ, Павелъ Степановичъ нарочно придетъ бывало къ Старцу и станетъ защищать его: „батюшка! вѣдь онъ человѣкъ больной“. „А я развѣ хуже тебя знаю“, — скажетъ Старецъ. „Но вѣдь выговоры и замѣчанія монаху, это щеточки, которыми стирается грѣховная пыль съ его души; а безъ сего монахъ заржавѣетъ“. Умѣлъ, говорятъ, Старецъ Макарій при случаѣ пробирать и подобно Старцу Льву. Такъ однажды безцеремонно выгналъ о. Амвросія вонъ изъ кельи за одну немилосердную барыню, которую и самъ долгое время не принималъ.

А утѣшенія вещественныя каковы были у Старца Макарія?— „Иду одинажды по скиту, разсказывалъ самъ о. Амвросій вдругъ мнѣ на встрѣчу батюшка, гдѣ-то онъ взялъ крошечную баночку варенья,—вышиною не больше вершка, и, подавая мнѣ ее, говоритъ: на-ко, на-ко тебѣ для услажденія гортани отъ горести, ею-же сопротивникъ напои [3]). — Подарокъ повидимому маловажный, если не сказать болѣе, но какъ высоко цѣнились подобные дары всѣми любимаго и любвеобильнаго Старца, который вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ дѣломъ обучалъ своихъ учениковъ, чтобы они не были притязательны, и за малые дары были благодарны къ своимъ благодѣтелямъ.

Такъ-то взлелѣянный особенною попечительностію и молитвами Старца Макарія, о. Амвросій, какъ выше было замѣчено, внимательно перечитавшій всѣ извѣстныя въ то время творенія отцовъ подвижниковъ, и подъ руководствомъ своего Старца хорошо усвоившій ихъ ученіе, а также и собственнымъ опытомъ проходившій науку духовной жизни, вслѣдствіе вышеупомянутаго назначенія своего Архипастыря Епископа Николая, паче же изволеніемъ Верховнаго Архипастыря и Владыки міра, подготовлялся уже теперь быть въ Оптиной Старцемъ и духовнымъ руководителемъ душъ къ вѣчному спасенію.

Разсказывалъ о себѣ іеромонахъ Оптиной пустыни о. Геронтій [4]), что еще въ 1848 году, тотчасъ по поступленіи его въ монастырь, Старецъ Макарій благословилъ ему относиться къ о. Амвросію, какъ къ Старцу за духовными совѣтами. — „Придешь, бывало, къ нему, такъ говорилъ о. Геронтій, скажешь что нужно; а онъ развернетъ книгу и заставитъ меня прочитать отвѣтъ на мое недоумѣніе. Въ то

---

[1]) Притч. XIII, 25.
[2]) Притч. XXVIII, 17.
[3]) Слова изъ молитвы, положенной послѣ 19 каѳизмы въ псалтири.
[4]) Скончался 7 сентября 1899 года.

время я возымѣлъ было ревность къ высокимъ иноческимъ подвигамъ; но о. Амвросій вразумилъ меня, что ревность моя была не по разуму, и заставлялъ меня прочитывать Св. Исаака Сирскаго въ Добротолюбіи. Впрочемъ замѣчу, что въ продолженіи пятилѣтняго срока, начиная съ 1848 года, ходили на совѣтъ къ о. Амвросію только немногіе изъ монастырскихъ и скитскихъ братій, и не иначе какъ по благословенію Старца Макарія: о. Амвросій хотя и старчествовалъ, но какъ бы прикровенно".

Скитскій схимонахъ о. Геннадій (бывшій братъ Герасимъ—поваръ) тоже говорилъ о себѣ, что „не рѣдко навѣщалъ о. Амвросія, имѣя нужду спросить совѣтъ по какому либо дѣлу" и также присовокупляетъ, что его посѣщали монастырскіе и скитскіе братія для совѣтовъ и откровенія помысловъ.

А въ скитской лѣтописи сказано, что 8 мая 1852 года, на праздникъ Вознесенія Господня, Старецъ Макарій, по случаю своего близкаго отъѣзда въ Москву (вслѣдствіе приглашенія его Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, который коротко зналъ Старца и любилъ искренно отеческою любовію) пригласилъ всѣхъ скитскихъ братій къ себѣ на чай, при чемъ объявилъ, что въ отсутствіе свое поручаетъ смотрѣніе за порядкомъ іеромонаху Пафнутію, а назиданіе духовное іеромонаху Амвросію.

Поступившій въ 1854 году въ Оптину пустынь вышеупомянутый достопочтеннѣйшій о. Игуменъ Маркъ (теперь живущій здѣсь на покоѣ) такъ же говоритъ, что Старецъ Макарій въ то время благословилъ ему обращаться съ откровеніемъ помысловъ къ о. Амвросію. Прекрасно рисуетъ о. Игуменъ Маркъ теперешнее положеніе своего старца іеромонаха Амвросія и свое къ нему духовное отношеніе. „Сколько могъ я замѣтить, говоритъ онъ, о. Амвросій жилъ въ это время въ полномъ безмолвіи. Ходилъ я къ нему почти ежедневно для откровенія помысловъ, и всегда почти заставалъ его за чтеніемъ свято-отеческихъ книгъ; если же не заставалъ его въ кельѣ, то это значило, что онъ находится у Старца Макарія, которому помогалъ въ перепискѣ съ относившимися къ Старцу за духовными совѣтами, или трудился въ переводахъ свято-отеческихъ книгъ. — Иногда же я заставалъ его лежащимъ на кровати и слезящимъ, но всегда сдержанно и едва примѣтно. Мнѣ казалось, что Старецъ Амвросій всегда ходилъ предъ Богомъ, или какъ бы ощущалъ присутствіе Божіе, по слову псалмопѣвца: *прозрѣхъ Господа предо мною выну* [1]); а потому все, что ни дѣлалъ, старался Господа ради и въ угодность Господу творить. Чрезъ сіе онъ всегда былъ сѣтованенъ, боясь какъ бы чѣмъ не оскорбить Господа,—что отражалось и на лицѣ его. Видя такую сосредоточенность своего Старца, я въ присутствіи его всегда былъ въ трепетномъ благоговѣніи. Да иначе мнѣ и нельзя было быть.— Ставшему мнѣ по обыкновенію предъ нимъ на колѣна и получившему

---

[1]) Псал. XV, 8.

благословеніе, онъ бывало весьма тихо сдѣлаетъ вопросъ: „что скажешь, брате, хорошенькаго!“ Озадаченный его сосредоточенностію и благоумиленіемъ, я бывало скажу: простите Господа ради, Батюшка, —можетъ быть я не во время пришелъ.—„Нѣтъ, скажетъ Старецъ, говори нужное, но вкратцѣ“. И, выслушавъ меня со вниманіемъ, преподастъ полезное наставленіе съ благословеніемъ, и отпуститъ съ любовію. —Наставленія же онъ преподавалъ не отъ своего мудрованія и разсужденія, хотя и богатъ былъ духовнымъ разумомъ. Если онъ училъ духовно относившихся къ нему, то въ чинѣ учащагося, и предлагалъ не свои совѣты, а непремѣнно дѣятельное ученіе Св. Отцовъ. Для сего, бывало, раскроетъ книгу того или другого отца, найдетъ, сообразно съ устроеніемъ пришедшаго брата, главу писанія, велитъ прочитать и затѣмъ спроситъ, какъ братъ понимаетъ ее. Если кто не понималъ прочитаннаго, то Старецъ разъяснялъ содержаніе свято-отеческаго ученія весьма толково. И все это дѣлалось съ безграничною отеческою любовію и благопожеланіемъ. — Случалось же иногда и такъ, что, неистово воспламенившись гнѣвомъ на ближняго за какое либо личное оскорбленіе моего самолюбія, приду, бывало, къ нему на откровеніе, еще не успокоившись, и стану высказывать свою безразсудную печаль и огорченіе, безъ самоукоренія, вопреки ученію Св. Отцовъ подвижниковъ, а напротивъ съ обвиненіемъ ближняго, и даже по причинѣ засѣвшаго въ душѣ непріязненнаго чувства, съ такимъ желаніемъ, чтобы Старецъ сейчасъ же строго вразумилъ огорчившаго меня брата. Выслушавъ все съ свойственнымъ ему невозмутимымъ спокойствіемъ и сочувствіемъ моему горю, болѣзненный Старецъ бывало скажетъ плачевнымъ тономъ: „Брате, брате! я человѣкъ умирающій“. Или: „я сегодня—завтра умру. Что я сдѣлаю съ этимъ братомъ? Вѣдь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться предъ братомъ,—и успокоишься“. Выслушавъ такой жалобно произносимый отвѣтъ, оцѣпенѣешь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко сознавъ свою виновность, смиренно падешь въ ноги Старцу, прося прощенія, и, получивъ отъ него разрѣшеніе и благословеніе, пойдешь успокоеннымъ и утѣшеннымъ, какъ на крыльяхъ полетишь.—Случалось мнѣ приходить къ Старцу весьма рано—часовъ въ пять утра. По обычной молитвѣ, получивъ позволеніе войти въ келью, я всегда находилъ его трезвеннымъ и бодрымъ, какъ бы совершенно не спавшимъ, и отечески—любезнымъ сверхъ моего чаянія; неудовольствія же за раннія мои посѣщенія у него почти не проявлялось.—Кто былъ внимателенъ къ себѣ и помнилъ его назидательныя слова или наставленія Старца Макарія, таковымъ братомъ о. Амвросій оставался всегда весьма доволенъ, оказывалъ къ нему вниманіе, и даже приближалъ къ себѣ. Къ согрѣшающимъ, но чистосердечно кающимся и исправляющимся былъ снисходителенъ и милостивъ паче мѣры. Онъ не различалъ богатаго отъ убогаго, достойнаго отъ недостойнаго, по примѣру Господа, ядшаго и пившаго съ мытарями и блудницами, лишь бы заблуждшихъ возвратить на путь истины и привлечь къ страху

Божію. Никогда не порицалъ онъ чужихъ согрѣшеній, и не терпѣлъ онъ клеветы на ближняго, строго относясь къ клеветникамъ, не разбирая лицъ".—Переданныя здѣсь достопочтенными отцами свѣдѣнія объ о. Амвросіи показываютъ теперь, между прочимъ кромѣ вышеописанныхъ добродѣтелей новаго Старца, особенную въ немъ сосредоточенность или вниманіе къ себѣ, соединенное со страхомъ Божіимъ или всегдашнимъ хожденіемъ въ вездѣ присутствіи Божіемъ, съ проявленіемъ даже духовныхъ дарованій, именно—дарованія плача и разума духовнаго.

Поручая духовному окормленію о. Амвросія нѣкоторыхъ изъ братій, Старецъ Макарій въ то же время знакомилъ его съ нѣкоторыми боголюбивыми посѣтителями обители, искавшими духовнаго окормленія. По его благословенію и указанію, іеромонахъ Амвросій часто велъ душеполезныя бесѣды и въ хибаркѣ, примыкавшей къ кельѣ Старца со внѣ ограды скитской, гдѣ принимался женскій полъ, ибо входъ въ скитъ женщинамъ возбраненъ. Но такъ какъ о. Амвросій, несмотря на слабое свое здоровье, вслѣдствіе молодости, обладалъ бодростію духа, имѣлъ особенную способность говорить съ людьми, что въ свое время служило для него даже нѣкотораго рода удовольствіемъ, при томъ же бесѣдовалъ онъ, по указанію Старца Макарія, только съ нѣкоторыми посѣтителями, а все бремя старчествованія лежало на пріутружденномъ лѣтами и болѣзнію Старцѣ Макаріи [1]), то бесѣды эти не были для него утомительны. Онъ съ ревностію и любовію занимался этимъ, назначеннымъ ему отъ Старца послушаніемъ, имѣя въ то же время возможность на всякое недоумѣніе получить вскорости обстоятельный отвѣтъ изъ устъ самого Старца Макарія. А потому Старецъ Макарій, видя своего преданнѣйшаго ученика и сына духовнаго, своего будущаго замѣстителя по старчеству, безъ отягощенія бесѣдующимъ съ посѣтителями о яже на пользу душевную, проходя мимо, шутя погрозится на него бывало палкой и скажетъ: „Смотри, помянешь ты это времячко". Или иногда, указывая на него, окруженнаго толпой, шутливо промолвитъ: „Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросій-то у меня хлѣбъ отнимаетъ, хлѣбъ отнимаетъ".

По порученію Старца Макарія, о. Амвросій ходилъ, какъ и самъ Старецъ Макарій, для бесѣды съ посѣтителями и на гостинницу. Мѣшокъ съ рубашками и чулками былъ обыкновенно неизмѣннымъ его спутникомъ. Какъ только нужно бывало на гостинницу идти, навалитъ себѣ его на плечо и пойдетъ.

Въ это время духовному окормленію о. Амвросія уже поручены были относившіяся къ Оптинскимъ Старцамъ монахини Борисовской пустыни, Курской губерніи. И потому, когда онѣ пріѣзжали въ Оптину, онъ по обязанности немедленно отправлялся къ нимъ на гостинницу.

---

[1]) Какъ видно изъ жизнеописанія Старца Макарія, онъ страдалъ занятіемъ духа.

Ходилъ онъ, по благословенію о. Макарія, и къ мірскимъ по сѣтителямъ.

Послалъ однажды Старецъ о. Амвросія на гостинницу къ какой-то пріѣзжей богатой госпожѣ, которая готовилась къ причащенію Св. Таинъ. Наслышавшись объ о. Амвросіи много хорошаго, она стала говорить ему о своихъ какихъ-то неудачахъ, вызывавшихъ въ ней чувство огорченія, въ надеждѣ услышать отъ него сочувствіе къ себѣ. Но онъ, выслушавъ ея рѣчь, спокойно сказалъ: „по дѣламъ вору и мука“. Не понравились эти слова госпожѣ, и она прекратила съ о. Амвросіемъ разговоръ; а онъ немедленно удалился въ свою келью. На слѣдующій день послѣ обѣдни, Старецъ Макарій пошелъ въ гостинницу поздравить оную госпожу съ принятіемъ Св. Таинъ, взявъ съ собою и о. Амвросія. Увидѣвъ его, она сказала: „ну, ужъ, батюшка, повозилась я съ вашимъ словечкомъ,—чуть-чуть причастія не отложила,—всю вечерню объ этомъ продумала и утреню; пришла къ обѣднѣ, а сама все никакъ не успокоюсь; только уже во время Херувимской согласилась, что вы правду сказали“. Прямое, правдивое слово возымѣло свое дѣйствіе, и богатая знатная госпожа, хотя съ трудомъ, но согласилась, что достойно терпитъ неудачи, и отъ простыхъ словъ о. Амвросія получила великую душевную пользу.

Въ пятидесятыхъ годахъ пріѣхало въ Оптину богатое семейство господъ Ключаревыхъ,—отецъ и мать съ малолѣтнимъ сыномъ и бабушка послѣдняго. Цѣль ихъ была та, чтобы поступить въ монашество,—отцу въ Оптину пустынь, а матери съ малюткой и старушкой жить или тутъ же при обители, или въ Бѣлевскомъ женскомъ монастырѣ. Но такъ какъ развязка такихъ лицъ съ міромъ была для нихъ очень тяжела, и потому преимущественно на первыхъ порахъ требовали они особеннаго участія Старца Макарія: то, вѣроятнѣе всего, по этимъ причинамъ Старецъ поручилъ ихъ попеченію о. Амвросія, какъ болѣе человѣка свободнаго. Вслѣдствіе этого онъ и посѣщалъ ихъ едва ли не каждый день, на гостинномъ дворѣ, гдѣ они занимали особый небольшой корпусъ. Господа Ключаревы, видя, съ какимъ усердіемъ посѣщаетъ ихъ добрый о. Амвросій и съ какою заботливостію входитъ въ ихъ положеніе, и зная его слабенькое здоровье, для облегченія его стали посылать за нимъ лошадку. Запрягутъ, бывало, въ барскій экипажъ одну лошаденочку и посылаютъ въ скитъ за о. Амвросіемъ. Понятно, одна лошадь не могла быстро везти такую тяжесть. И вотъ случалось иногда,—пока о. Амвросій доѣдетъ до назначеннаго мѣста, Старецъ Макарій успѣетъ придти туда пѣшкомъ. Увидитъ о. Амвросія и опять шутливо скажетъ: „Амвросій, Амвросій! Хлѣбъ у меня отнимаетъ, хлѣбъ у меня отнимаетъ“. А иногда среди разговора съ близкими, къ случаю скажетъ: „о. Амвросій васъ не броситъ“.

Но вотъ объ этой ѣздѣ о. Амвросія на гостинницу въ экипажѣ узналъ смиренный настоятель подвижникъ, о, архимандритъ Моисей. Не въ монашескомъ духѣ показался ему этотъ поступокъ о. Амвросія.

Нужно замѣтить, что мудрый настоятель имѣлъ обыкновеніе обличать отцовъ и братій въ чемъ-либо неблаговидномъ или монашески неприличномъ большею частію тонкими намеками. На этотъ разъ въ то самое время, какъ ѣхать о. Амвросію на гостинницу, онъ вышелъ на ту самую дорогу, пролегающую среди лѣса, и сталъ въ сторонѣ задомъ къ дорогѣ. Показался экипажъ. Старецъ-настоятель, какъ стоялъ задомъ къ дорогѣ, такъ и оставался въ этомъ положеніи, пока проѣхалъ мимо его о. Амвросій, какъ будто ничего не видалъ и все что-то копался палочкой въ кустахъ. Совѣсть подсказала о. Амвросію, что настоятель находитъ поступокъ его неблагоприличнымъ, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ ходить на гостинницу по прежнему пѣшкомъ, съ обычнымъ своимъ на плечахъ мѣшкомъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что о. Амвросій былъ уже теперь въ полномъ смыслѣ помощникомъ по старчеству о. Макарію, и находился къ нему въ такомъ же отношеніи, въ какомъ былъ въ свое время и о. Макарій къ Старцу Льву. И всякому явно, что не случайныя обстоятельства поставили о. Амвросія въ такое видное положеніе. Причиною того была его смиренная подвижническая жизнь, за которую, какъ должная дань, приносились ему теперь отъ всѣхъ, знавшихъ его, уваженіе и любовь. Теперь уже и тѣ монахи, которые, по немощи человѣческой, нѣкогда завидовали его быстрому производству въ санъ іеромонашескій, стали относиться къ нему также съ уваженіемъ. Самъ Старецъ Макарій, по словамъ схимника о. Геннадія, питалъ къ нему особенную любовь. И всѣ указывали на о. Амвросія, по замѣчанію того же о. Геннадія, какъ на прямого преемника Старца Макарія.

Такъ текло и протекло время жизни о. Амвросія до тѣхъ поръ, когда Господу угодно было взять чистую душу Старца Макарія въ блаженныя обители горняго Іерусалима небеснаго, вмѣстѣ со святыми ангелами и душами праведныхъ воспѣвать Ему вѣчное „аллилуія“.

VII.

Первые годы самостоятельнаго старчествованія іеромонаха Амвросія, до кончины скитоначальника іеросхимонаха Иларіона [1])

Не можетъ градъ укрытися верху горы стоя, ниже вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ [2]).

Сильные духомъ люди промыслительно посѣщаемы бываютъ отъ Господа и сильными испытаніями. Тяжела была предсмертная болѣзнь великаго оптинскаго старца Макарія; велико было и терпѣніе

---

[1]) Скончался 1873 года 18 сентября.
[2]) Матѳ. V, 14. 15.

его. Оно изумляло посѣщавшихъ его врачей. Во все время болѣзни онъ подкрѣплялся молитвою и частымъ причащеніемъ Пречистыхъ Таинъ Христовыхъ. О. Амвросій, какъ ближайшій и преданнѣйшій ученикъ старца, почти не отходилъ отъ него, и въ удобное время, по его желанію, прочитывалъ для него нѣкоторыя статьи изъ писаній св. отцовъ. — „Прочиталъ я однажды ему какую-то статью, разсказывалъ послѣ о. Амвросій; а онъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: вотъ какъ, братъ, люди-то жили, а мы что съ тобой? Живемъ, очертя голову“ [1]). Такъ старецъ и на смертномъ одрѣ смирялся и смирялъ. 7-го сентября 1860 года послѣдовала блаженная кончина старца Макарія; но здоровье о. Амвросія настолько было изнурено болѣзнями, что на торжественныя его похороны 10 сентября онъ не могъ и въ ризы облачиться.

Между тѣмъ, приближаясь къ кончинѣ, старецъ Макарій прямо не назначилъ себѣ преемника по старчеству. На вопросъ учениковъ: „какъ намъ быть безъ васъ, батюшка?“—Онъ указалъ имъ въ алфавитномъ патерикѣ отвѣтъ Аввы Исаака Скитскаго на точно такой же вопросъ. Тамъ написано: „Сказывали объ Аввѣ Исаакѣ,—когда онъ былъ близокъ къ преставленію, собрались къ нему старцы и вопросили: „что мы будемъ дѣлать безъ тебя, Отче? Онъ же сказалъ: „вы видѣли, какъ я велъ себя предъ вами; если хотите подражать сему, сохраняйте и вы заповѣди Божіи, и Богъ пошлетъ благодать свою, и сохранитъ мѣсто сіе; если же не будете сохранять заповѣдей, не пребудете на мѣстѣ семъ. И мы также скорбѣли, когда отходили отъ насъ къ Господу отцы наши: но, соблюдая заповѣди Господни и завѣщанія старцевъ, жили такъ, какъ будто они были съ нами. Поступайте такъ и вы, и спасетесь!“ [2]).

Самъ святитель Московскій Митрополитъ Филаретъ, какъ выше было замѣчено, лично знавшій оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія и съ любовію относившійся къ нему за его высокія душевныя качества, не зналъ о его преемникѣ. А потому, сочувствуя великой потерѣ оптинскихъ иноковъ, въ лицѣ почившаго старца Макарія, онъ такъ писалъ намѣстнику Троицкой Сергіевой Лавры Архимандриту Антонію: „Оптинскіе лишились о. Макарія. Думаю, остались отъ него добрые духовные наслѣдники; но найдется ли, кто могъ бы поддержать ихъ въ единствѣ духа и возглавить?“ [3]).

Тѣмъ не менѣе преемникъ іеросхимонаху Макарію по старчеству, какъ видно изъ предыдущей главы, давно уже былъ предназначенъ въ лицѣ смиреннаго іеромонаха Амвросія. И на предложенный старцу Макарію вопросъ о преемникѣ можно было отвѣтить

---

[1]) Впослѣдствіи старецъ Амвросій не умѣлъ хорошо и объяснить этаго выраженія: „очертя голову“. По его мнѣнію, сравнивалось съ этимъ, вѣроятно, какое-то сказочное, суевѣрное, таинственное очертаніе, въ которомъ якобы человѣкъ можетъ быть сохраненъ отъ грозящихъ ему опасностей.

[2]) Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ св. отцовъ, стр. 115.

[3]) Письмо Митрополита Филарета къ намѣстнику Сергіевой Лавры Арх. Антонію. Часть IV Москва 1884 г. стран. 251.

каждому: „пріиди и виждь“. — Но такъ какъ о. Амвросій по лѣтамъ былъ молодъ, ему было только 48 лѣтъ, внутренняя же духовная жизнь его, кромѣ Бога и старца Макарія, да еще нѣкоторыхъ духовныхъ мужей, никому не была вполнѣ извѣстна, а обнаружиться во внѣшнихъ дѣлахъ не было времени, то товарищи его— прочіе ученики старца Макарія, и тѣмъ паче старшіе по лѣтамъ и по поступленію въ обитель іеромонахи, не иначе могли смотрѣть на него, какъ на человѣка зауряднаго. Ибо, и по слову Спасителя, *нѣсть пророкъ безъ чести, токмо во отечествіи своемъ и въ сродствѣ и въ дому своемъ* [1]). По этому, вѣроятно, и умирающій старецъ не могъ прямо указать имъ на него, какъ на своего преемника. И если старецъ—святой мужъ не могъ прямо указать преемника себѣ, тѣмъ паче не могли здѣсь имѣть никакого значенія человѣческіе выборы. Тутъ требовались дѣла, какъ сказалъ Самъ Господь; *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла* [2]). И самъ старецъ Амвросій впослѣдствіи, въ подобныхъ случаяхъ, восхвалять человѣка и прямо опредѣлять ему какое-либо назначеніе, не имѣлъ обыкновенія, а повторялъ старинную русскую пословицу: „толкачъ муку покажетъ“. То-есть, время и обстоятельства покажутъ, каковъ человѣкъ и достоинъ ли онъ своего назначенія.

Выше мы видѣли, что о. Амвросій, не въ долгомъ времени по поступленіи въ монастырь, настолько преуспѣлъ въ жизни духовной, что еще съ 1848 года, по благословенію своего духовнаго отца и наставника—старца Макарія и богомудраго настоятеля о. Архимандрита Моисея, началъ уже старчествовать, успѣшно руководствуя своими духовными совѣтами и наставленіями относившихся къ нему въ дѣлѣ спасенія. Теперь же, по прошествіи двѣнадцати лѣтъ старчествованія его, въ зависимости отъ старца Макарія, онъ уже настолько былъ подготовленъ къ сему великому служенію, что вполнѣ могъ быть и замѣстителемъ своего предшественника, — что и было на самомъ дѣлѣ. И вотъ, теперь исполнились слова Троекуровскаго старца о. Иларіона, двадцать одинъ годъ тому назадъ сказанныя имъ молодому человѣку Александру Михайловичу Гренкову: „иди въ Оптину,—ты тамъ нуженъ“. Дѣйствительно, онъ теперь въ Оптиной крайне былъ нуженъ, ибо никто, кромѣ его, изъ монашествующихъ во всей обители не могъ занять мѣсто старца Макарія, дабы проходить сіе великое служеніе съ такою честію и славою, и при томъ такъ продолжительно, какъ судилъ Господь болѣзненному старцу Амвросію.

По прошествіи сорока дней поминовенія новопреставленнаго старца Макарія, въ скиту послѣдовала передвижка старшихъ братій. Скитоначальникъ іеромонахъ Пафнутій перешелъ изъ соборной кел-

---

[1]) Марк. VI, 4.
[2]) Матѳ. V, 16.

ліи [1]) въ келлію почившаго старца Макарія, а въ соборную перебрался іеромонахъ Иларіонъ, бывшій у старца Макарія келейникомъ. Равнымъ образомъ и старецъ іеромонахъ Амвросій, будучи уже схимникомъ, [2]) теперь оставилъ свои затворческія правила, а съ ними и свою тѣсную келлію, свидѣтельницу молитвенныхъ его подвиговъ, и перешелъ въ другой корпусъ. вблизи скитской ограды, съ правой стороны колокольни, и до отъѣзда своего въ Шамординскую женскую общину, почти цѣлыхъ тридцать лѣтъ бодренно стоялъ на Божественной стражѣ, всею своею любящей душей предавшись служенію ближнимъ, входя во всѣ человѣческія скорби, печали и немощи, помогая словомъ, дѣломъ и дарованіями духовными. На западной сторонѣ означеннаго корпуса, между нимъ и оградой вскорѣ, по указанію новаго старца, устроено было теплое помѣщеніе, называемое „Хибаркой“ для пріема женскаго пола, какъ и при корпусѣ съ лѣвой стороны скитскихъ воротъ, гдѣ жилъ и скончался старецъ о. Макарій.

Между тѣмъ въ началѣ своего старчествованія, о. Амвросій, если смотрѣть по человѣчески, очутился какъ будто среди несовсѣмъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Не смотря на то, что маститый старецъ о. Архимандритъ Моисей безъ сомнѣнія радовался духомъ, видя принятаго имъ подъ свое крыло неопереннаго птенца Александра Михайловича, сравнительно такъ скоро успѣвшаго стать на степень Старца, могущаго руководить другихъ къ блаженству вѣчному путемъ, такъ называемаго, „старчества“, о введеніи и упроченіи котораго въ Оптиной пустыни онъ и молился такъ горячо въ свое время: однако, по кончинѣ своего духовнаго отца Старца Макарія, имѣвшаго пребываніе въ скиту, о. Архимандритъ избралъ себѣ духовникомъ не Старца Амвросія, а жившаго въ монастырѣ, своего младшаго родного брата о. Игумена Антонія, котораго и самъ былъ доселѣ духовнымъ отцемъ, во все время ихъ совмѣстнаго пребыванія. Такъ что при этомъ необычномъ избраніи, о. Игуменъ Антоній нѣсколько поусомнился. Но о. Архимандритъ очень просто разрѣшилъ это сомнѣніе брата, сказавъ: „вѣдь Апостолъ велитъ другъ другу исповѣдать согрѣшенія“.

---

[1]) Такъ называется особая келлія, куда всѣ скитяне ежедневно собираются для исполненія общихъ молитвенныхъ правилъ, кромѣ субботы и воскреснаго дня, когда, по скитскому уставу, положено отправленіе службы въ церкви.

[2]) Неизвѣстно когда старецъ Амвросій принялъ постригъ въ схиму. Вѣроятнѣе всего, можно думать, въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ отчаянно былъ боленъ; потому что въ Оптиной пустыни издавна установился обычай—послушниковъ въ предсмертной болѣзни тайно въ келліи постригать въ мантію, а мантейныхъ монаховъ—въ схиму. Достовѣрно покрайней мѣрѣ извѣстно то, что старецъ Амвросій постриженъ былъ въ схиму до 1865 года. Въ мартѣ сего года постриженъ былъ келейно въ схиму приблизившійся къ кончинѣ о. игуменъ Антоній, родной братъ бывшаго Оптинскаго настоятеля о. Архимандрита Моисея. И вотъ когда старшія братія приходили къ нему поздравить его съ принятіемъ великаго ангельскаго образа, и нѣкоторые между прочимъ, высказывались предъ нимъ такъ: „а мы думали, Батюшка, что вы, постригшись тайно, никому не скажете о семъ“, старецъ отвѣчалъ: „да ужъ зачѣмъ же скрывать-то? Сказано: *все являемое свѣтъ есть* (Ефес. V, 13). Когда передано было о семъ старцу Амвросію, онъ, сидя по обыкновенію на своей койкѣ, сказалъ: „а я вотъ свѣтъ-то свой и скрылъ“. Съ тѣхъ поръ обнаружилось постриженіе въ схиму старца Амвросія.

Такимъ образомъ съ самаго начала настоятель какъ будто нѣсколько отклонился отъ молодого Старца. Это разъ. А второе то, что іеромонахи и іеродіаконы и прочіе старшіе братія, какъ прежде исповѣдывались у братскаго духовника—скитоначальника іеромонаха Пафнутія, такъ и теперь продолжали исповѣдываться у него же. Третье, наконецъ, и мірянамъ о. Амвросій былъ мало извѣстенъ. Такимъ образомъ на долю новаго Старца Амвросія оставались только нѣкоторые изъ молодыхъ братій, да монахи, порученные ему Старцемъ Макаріемъ и вновь поступающіе послушники, — и то не всѣ. Изъ мірскихъ же людей, хорошо знавшихъ покойнаго Старца Макарія, нѣкоторые стали относиться къ новому Старцу Амвросію даже съ непріязнію. Одной, напримѣръ, барынѣ, которую кончина о. Макарія повергла въ глубокое горе, сказали, что въ Оптиной новый Старецъ, котораго очень хвалятъ, и что его зовутъ Амвросій.—„Какъ! воскликнула она въ негодованіи, чтобы я послѣ Макарія пошла къ этому монаху, который все вертѣлся въ батюшкиныхъ кельяхъ и расхаживалъ съ мѣшечкомъ! Это невозможно“. И только по времени, какъ-то случайно вступивши въ бесѣду съ о. Амвросіемъ, вышла уже отъ него въ умиленіи и, какъ люди по обыкновенію впадаютъ въ крайность, то прежде корила его, а теперь стала превозносить уже выше Старца Макарія. „Я знала обоихъ, говорила она, но чувствую, что о. Амвросій еще выше“.—Изъ сказаннаго, между прочимъ, видно, что какъ будто о. Амвросій по началу промыслительно оставленъ былъ на пробу, чтобы достоинство его по времени обнаружилось само собой на дѣлѣ.

Но вотъ скоро обстоятельства монастырскія измѣнились. Чрезъ два года, именно 16 іюня 1862 года скончался почтенный Оптинскій настоятель, послѣ котораго, по чиноположенію общежительныхъ монастырей, братія должна была избрать изъ среды своей новаго настоятеля. Пріѣхавшій на погребеніе о. Архимандрита Моисея,—Калужскій Преосвященный Григорій II, предавъ тѣло покойнаго землѣ, благословилъ братіи немедленно приступить къ избранію новаго настоятеля, подъ вѣдѣніемъ Благочиннаго Калужскихъ монастырей Архимандрита Герасима, бывшаго въ то время ректоромъ Калужской семинаріи (впослѣдствіи Епископа Астраханскаго). Старцу Амвросію, конечно, давно уже было извѣстно, что преемникомъ о. Архимандрита Моисея долженъ быть скитскій іеромонахъ о. Исаакій Антимоновъ. Но сей послѣдній, знавшій также о грозившей ему участи, со слезами на глазахъ умолялъ Старца Амвросія избавить его отъ тяжкаго креста, которымъ считалъ настоятельство, и потому Старецъ счелъ за лучшее до времени помолчать о немъ. А можетъ быть онъ еще думалъ, что такъ какъ устами покойнаго Старца Макарія изъявлена воля Божія о преемникѣ о. Архимандрита Моисея: то обстоятельства, устрояемыя Промысломъ Божіимъ, сами собой должны были сложиться въ пользу избранія на настоятельство о. Исаакія. Но дѣла приняли другой оборотъ. Голоса братій на выборахъ раздѣлились.

Большая часть пожелала избрать старѣйшаго іеромонаха о. Пафнутія, который былъ немалое время скитоначальникомъ и братскимъ духовникомъ. Меньшая, состоявшая изъ болѣе почетныхъ и уважаемыхъ, по жизни и значенію въ обители лицъ, высказались за о. Исаакія. Между этими послѣдними первый подалъ за него голосъ одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Старцу Макарію учениковъ его,—іеромонахъ Иларіонъ, впослѣдствіи скитоначальникъ и духовникъ всего Оптинскаго братства, назначенный покойнымъ Старцемъ, совмѣстно съ іеросхимонахомъ Амвросіемъ, проходить трудъ духовнаго окормленія душъ, ищущихъ спасенія, или, короче сказать, старчествовать.— Вмѣстѣ съ нимъ избирателями о. Исаакія были: іеромонахъ Леонидъ Кавелинъ, бывшій послѣ Архимандритомъ, намѣстникомъ Троицкой Сергіевой Лавры, іеромонахъ Флавіанъ, впослѣдствіи казначей Оптиной пустыни, іеромонахъ Гавріилъ и другіе. Узнавъ о большинствѣ поданныхъ въ пользу о. Пафнутія голосовъ, Старецъ Амвросій (какъ передавалъ бывшій Оптинскій настоятель о. Архимандритъ Досиѳей) немедленно пошелъ въ монастырь къ Владыкѣ, и между прочимъ встрѣтившимся ему на пути нѣкоторымъ изъ братій прямо заявилъ: „Батюшка о. Макарій при жизни назначилъ о. Исаакія преемникомъ о. Архимандриту Моисею, и потому я иду теперь къ Преосвященному объяснить это". Возражать Старцу никто не сталъ и не смѣлъ. На вопросъ Владыки о причинѣ его молчанія, Старецъ Амвросій, по словамъ скитскаго схимонаха о. Геннадія, сослался на просьбу самаго о. Исаакія не подавать за него голоса; но, зная завѣтъ о. Макарія быть о. Исаакію преемникомъ о. Архимандрита Моисея, рѣшился въ такомъ случаѣ вовсе не высказываться. Узнавъ же о волѣ покойнаго Старца Макарія, Преосвященный, какъ значится въ запискахъ о. Игумена Марка, когда доложили ему объ избраніи новаго настоятеля, сказалъ: „хотя и не достаетъ числа голосовъ на сторонѣ о. Исаакія, но по моему изволенію и по избранію о. Макарія, да будетъ настоятелемъ обители о. Исаакій. Богъ да благословитъ!" Обратившись затѣмъ къ о. Пафнутію, Владыка сказалъ: „а васъ, о. Пафнутій, я не забуду; вы должное свое получите и при томъ въ скоромъ времени.—Преподавъ за симъ всей братіи архипастырское благословеніе, Владыка отбылъ въ Калугу.—Такъ приведена была въ исполненіе воля покойнаго Старца Батюшки о. Макарія, вѣрнѣе же сказать изреченная симъ Старцемъ воля Божія. И іеромонахъ Исаакій, никогда не желавшій настоятельской чести, съ тугою сердечною и горькими слезами принялъ титулъ Строителя Оптиной пустыни.

Вскорѣ за симъ скитоначальникъ о. Пафнутій опредѣленъ былъ настоятелемъ Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря, и долженъ былъ покинуть Оптинскій скитъ. На мѣсто его назначенъ былъ новымъ строителемъ о. Исаакіемъ, съ совѣта, конечно, Старца Амвросія сейчасъ упомянутый ближайшій ученикъ Старца Макарія—іеромонахъ Иларіонъ, бывшій въ свое время, какъ выше сказано, у покойнаго Старца келейникомъ вмѣстѣ съ о. Амвросіемъ. Въ тоже время

на мѣсто стараго казначея, по желанію новаго о. настоятеля, избранъ былъ новый казначей — скитскій іеромонахъ о. Флавіанъ. И вотъ, дѣла въ обители были тогда въ такомъ порядкѣ: Самъ Старецъ Амвросій имѣлъ своимъ духовнымъ отцомъ смиреннаго подвижника, бывшаго ученикомъ Старцевъ Леонида и Макарія, монастырскаго іеромонаха Пимена [1]), который исповѣдывался у скитоначальника о. Иларіона, а о. Иларіонъ — у Старца Амвросія. Новый строитель о. Исаакій также имѣлъ своимъ духовнымъ отцомъ Старца Амвросія. Такимъ образомъ между начальствующими лицами въ Оптиной пустыни установилась тѣсная духовная связь, узломъ которой или центромъ—если можно такъ сказать—былъ Старецъ Амвросій. За начальствующими лицами, вслѣдствіе отбытія изъ скита братскаго духовника Пафнутія, многіе и изъ старшихъ братій также стали относиться къ Старцу Амвросію. Монашествующія изъ разныхъ женскихъ обителей давно уже осаждали Старца. Время отъ времени и число мірскихъ посѣтителей стало увеличиваться. А все это было потому, что и монашествующіе и мірскіе чувствовали и на дѣлѣ испытывали великую пользу душевную отъ духовныхъ совѣтовъ и наставленій Старца Амвросія. Такъ, скоро возженный, въ лицѣ Старца Амвросія, свѣтильникъ Промысломъ Божіимъ поставленъ былъ на свѣщницѣ. И хотя формально настоятельствовалъ въ Оптиной пустыни строитель Исаакій, но духовно главенствовалъ надъ всѣми и надъ самимъ настоятелемъ Старецъ Амвросій, безъ воли и совѣта котораго ничего важнаго въ обители не предпринималось, и тѣмъ паче не совершалось. И благо было смиренному настоятелю, добровольно предавшему себя въ послушаніе мудрому старцу. Впослѣдствіи, когда Старецъ этотъ скончался, о. Исаакій, будучи уже въ санѣ Архимандрита, съ сердечною скорбію говорилъ: „двадцать девять лѣтъ провелъ я настоятелемъ при Старцѣ, и скорбей не видалъ. Теперь же должно быть угодно Господу посѣтить меня грѣшнаго скорбями“ [2]). Не подумалъ бы кто, что Старецъ, вмѣшиваясь въ дѣла настоятеля, стѣснялъ свободу его,—нѣтъ, нисколько; потому что взаимныя отношенія Старца и настоятеля имѣли своимъ основаніемъ христіанскую любовь и смиреніе, вслѣдствіе которыхъ и самъ Старецъ относился къ настоятелю съ глубокимъ уваженіемъ, смиренно испрашивая у него же благословеніе на болѣе важныя дѣла. Онъ только подавалъ настоятелю мудрые совѣты, что и привлекло сего послѣдняго добровольно подчиниться волѣ Старца. Такія истинно монашескія отношенія между

---

[1]) Говорятъ, что іеромонахъ Пименъ у себя въ келіи по ночамъ никогда не ложился спать на койку, а только короткое время проводилъ въ дремотѣ, сидя на стулѣ. Доказательствомъ сему служитъ то, что койка у него всегда была завалена разными вещами,—книгами, одеждою и под. и видно было, что вещи эти никогда не снимались.

[2]) Извѣстно, что, по кончинѣ Старца Амвросія, доходы монастырскіе сократились такъ, что обитель должна была входить въ долги. Къ концу жизни о. Архимандрита Исаакія долговъ на обители было уже тысячъ десять, если не болѣе. И только благодаря опытности и хозяйственной распорядительности вступившаго по смерти о. Архимандрита Исаакія, въ управленіе Оптиною пустынью Архимандрита Досиѳея, скончавшагося 31 марта 1900 г. обитель освободилась отъ долговъ.

Старцемъ и настоятелемъ имѣли неотразимо благотворное вліяніе и на все Оптинское братство. Повсюду между братіями царили любовь и согласіе.

По началу, какъ только о. Амвросій сдѣлался самостоятельнымъ Старцемъ, онъ имѣлъ при себѣ одного только келейника, послушника С. Д. изъ гражданъ Смоленской губерніи, который временемъ служилъ ему и за писаря [1]). Но когда посѣтителей и получаемыхъ писемъ стало увеличиваться, тогда потребовались Старцу и лишніе помощники, каковыхъ Господь и не преминулъ послать ему. Въ концѣ 1862 или въ началѣ 1863 года [2]) пріѣхалъ въ Оптину пустынь извѣстный ученому міру, нѣкто Константинъ Карловичъ Зедергольмъ, впослѣдствіи іеромонахъ Климентъ, окончившій курсъ въ Московскомъ Университетѣ, магистръ греческой словесности, служившій нѣкоторое время чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода Графѣ Александрѣ Петровичѣ Толстомъ. Онъ прибылъ сюда съ тою цѣлію, чтобы остаться навсегда въ числѣ скитскаго братства, и остался, и съ тѣхъ поръ до самой своей кончины, послѣдовавшей весною 1878 г., неотлучно былъ при Старцѣ о. Амвросіи въ качествѣ главнаго письмоводителя.—О семъ человѣкѣ, до самой его кончины, Старецъ Амвросій имѣлъ особенное попеченіе. Нужно замѣтить, что іеромонахъ Климентъ, при всей добротѣ своего сердца и чистотѣ своихъ убѣжденій, намѣреній и стремленій, былъ очень вспыльчивъ, и сильно разстраивался всякими мелочами. Въ такихъ случаяхъ Старецъ, если можно такъ выразиться, няньчился съ нимъ, какъ матка съ дѣткой. Долго—долго, бывало, сквозь запертыя двери доносились звуки, съ одной стороны тревожнаго плаксиваго голоса о. Климента, а съ другой—ободрительной и утѣшительной рѣчи Старца.—Въ замѣнъ одного келейника, не отличавшагося особеннымъ здоровьемъ, явились въ скитъ почти одновременно два молодыхъ человѣка, съ двухъ противоположныхъ концовъ Россіи, изъ Москвы— Максимъ, впослѣдствіи іеромонахъ Михаилъ [3]), и изъ Малороссіи—Іоаннъ, теперь іеромонахъ Іосифъ, Скитскій Старецъ. И первый лѣтъ двадцать слишкомъ находился при Старцѣ, а второй оставался и до самаго послѣдняго отъѣзда его изъ Оптиной въ Шамординскую общину. Указывая нѣкогда на этого Ивана, въ присутствіи нѣкоторыхъ, Старецъ сказалъ: „этотъ Иванъ будетъ полезенъ и намъ и вамъ“. Этимъ старшимъ келейникамъ послѣ въ свое время помогали еще одинъ или два молодыхъ послушника. На всѣхъ дѣла доставало.

Въ 1862 году болѣзненнаго Старца Амвросія постигла новая болѣзнь. Въ концѣ сего года въ зимнее время онъ поѣхалъ изъ скита въ монастырь для того, чтобы навѣстить новопостриженныхъ

---

[1]) Письмоводителей своихъ Старецъ Амвросій называлъ не иначе, какъ писарями. Обычное смирительное Старческое названіе.

[2]) Въ жизнеописаніи о. Климента Зедергольма годъ поступленія его въ обитель означенъ такъ: 1862—1863.

[3]) Скончался 21 декабря 1897 года; не задолго до смерти постриженный келейно въ схиму.

монаховъ, которые имъ, какъ духовнымъ отцомъ, приняты были отъ Евангелія. Въ числѣ постриженныхъ въ это время былъ и монахъ Анатолій, изъ окончившихъ курсъ Калужской Духовной Семинаріи, впослѣдствіи скитоначальникъ, Старецъ. Во время этой поѣздки о. Амвросій какими-то судьбами вывалился изъ саней и получилъ вывихъ руки. При неудачномъ леченіи, онъ долго и сильно страдалъ. Здоровье его, и безъ того слабое, теперь еще болѣе ослабѣло, такъ что съ сего времени онъ уже не могъ ходить въ храмъ Божій на церковныя богослуженія, даже и сообщался Св. Таинъ Христовыхъ въ кельѣ, и до самой кончины своей, въ зимнее время не могъ выходить на воздухъ,

Въ 1865 году простился Старецъ Амвроссій съ послѣднимъ Оптинскимъ великимъ духовнымъ мужемъ о. Игуменомъ Антоніемъ, бывшимъ (вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ о. Архимандритомъ Моисеемъ) основателемъ и устроителемъ Оптинскаго скита. Онъ скончался въ этомъ году 7-го августа. Обращавшіеся къ нему за духовными совѣтами, монахи и міряне, теперь также стали обращаться къ Старцу Амвросію. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе Старецъ Амвросій жилъ, тѣмъ болѣе умножалось число его посѣтителей, а вмѣстѣ и получаемыхъ имъ писемъ. Къ нему шли и писали люди разныхъ званій и состояній, пола и возраста. Слава теперь о немъ уже далеко стала распространяться. Онъ сталъ извѣстенъ и великому святителю Московскому Митрополиту Филарету, который въ томъ же 1865 году, съ однимъ бывшимъ въ Москвѣ Оптинскимъ монахомъ, прислалъ Старцу на благословеніе образокъ Спаса Нерукотвореннаго. Этимъ, думается, святитель выразилъ свое желаніе, дабы Всеблагій Господь помогъ новому Старцу поддержать Оптинское братство въ единствѣ духа и возглавить, какъ прежде писалъ намѣстнику Сергіевой Лавры, о. Архимандриту Антонію.

Къ концу описываемаго періода жизни Старца Амвросія, онъ, какъ значится въ скитской лѣтописи, неоднократно подвергался обычной своей жестокой болѣзни —геморроидальному кровоистеченію. Такъ онъ опасно заболѣлъ 28 августа 1868 года. Кровотеченіе продолжалось ежедневно цѣлыхъ пять недѣль. По случаю отсутствія изъ Козельска уѣзднаго врача, онъ девять дней оставался безъ медицинской помощи. И только 6 сентября пріѣхалъ изъ Бѣлева, по приглашенію, врачъ Куявскій, который и подалъ страдальцу нѣкую помощь. Впрочемъ упорная болѣзнь Старца совершенно не прекращалась. По сему бывшій въ это самое время въ Оптиной пустыни почитатель Старца Амвросія и его духовный сынъ—графъ Александръ Петровичъ Толстой, вмѣстѣ съ другими духовными дѣтьми уважаемаго Старца, предложили о. Игумену Исаакію послать монаха въ с. Калуженку (верстахъ въ 70 отъ Оптиной) съ просьбою къ тамошнему священнику привезти въ монастырь извѣстную святыню — чудотворную Калуженскую Икону Божіей Матери, чтобы всѣмъ вмѣстѣ духовнымъ чадамъ Старца Амвросія помолиться предъ нею объ его

исцѣленіи. Святую икону не замедлили привезти, и въ келліяхъ Старца отслуженъ былъ молебенъ съ акаѳистомъ Царицѣ Небесной, а затѣмъ и келейное бдѣніе.—Послѣ сего хотя еще немалое время страдалъ Старецъ, но уже то было хорошо, что среди оптинскаго братства оживилась надежда на милость и помощь Матери Божіей, которая и не посрамила уповавшихъ. Между тѣмъ 17 сентября Старецъ былъ особорованъ, а 22 числа того же мѣсяца пріѣхалъ изъ Калуги, по приглашенію, докторъ Бабушкинъ, и облегчилъ болѣзнь Старца.

Но едва только успѣлъ болѣзненный Старецъ нѣсколько оправиться отъ своей жестокой болѣзни, какъ 1-го Ноября, отъ несоблюденія осторожности, послѣ принятія ванны, простудился и снова заболѣлъ. Простуда и геморрой бросились на правый глазъ, въ которомъ сдѣлалось воспаленіе, такъ что Старецъ мѣсяца два не могъ читать.

Въ лѣтнее время и прежде Старецъ Амвросій имѣлъ обыкновеніе ѣздить на нѣсколько дней для отдыха на монастырскую дачу, гдѣ рыбная ловля. Теперь же въ 1869 году ослабленный тяжкою и продолжительною болѣзнію, онъ по преимуществу имѣлъ нужду въ этомъ отдыхѣ. Означенная дача находится верстахъ въ десяти отъ монастыря, на берегу р. Жиздры. Мѣстоположеніе ея прекрасное. Съ одной стороны сосновый лѣсъ громадныхъ размѣровъ, а съ прочихъ сторонъ мѣсто открытое, поемные луга монастырскіе, рѣка; а за ней поля и крестьянское селеніе. Но можетъ быть именно такое то мѣстоположеніе и было не совсѣмъ по сердцу пустыннолюбивому Старцу Амвросію. А потому когда въ концѣ шестидесятыхъ годовъ настоятелю о. Игумену Исаакію удалось, въ глубинѣ лѣса, купить у одной старушки помѣщицы принадлежавшіи ей участокъ рощи, и устроить тамъ новую небольшую дачу, извѣстную въ первое время подъ именемъ Аристарховой [1]), Старецъ началъ ѣздить туда, и отдѣлилъ было тамъ особую келлійку для пріема посѣтителей, которые теперь уже отъискивали его вездѣ, куда бы онъ ни поѣхалъ. Но помѣщеніе это оказалось тѣснымъ и неудобнымъ. А потому нѣкоторые духовныя дѣти предложили Батюшкѣ построить для себя особую келлійку, чтобы на будущее время лѣтомъ онъ, по временамъ, могъ уѣзжать туда для отдыха, и жить тамъ съ большимъ удобствомъ. Старецъ согласился. Глубже въ лѣсъ,—семь минутъ ходьбы отъ Аристарховой дачи,—была небольшая поляна, окруженная со всѣхъ сторонъ на далекое пространство лиственнымъ лѣсомъ. И здѣсь-то предположилъ Старецъ устроить для себя особую келлію. Того же года 2 сентября, когда совершается празднованіе чудотворной Калуженской иконѣ Божіей Матери, Батюшка находился въ лѣсной Аристарховой дачѣ. Сюда, по его благословенію, въ тотъ же день при-

---

[1]) Такъ называлась дача по имени монаха Аристарха, который первый, по опредѣленію монастырскаго начальства, тамъ хозяйствовалъ. Была еще издавна собственно скитская дача; но тамъ неудобно было Старцу жить, потому что туда часто наѣзжали о. Игуменъ Исаакій съ скитоначальникомъ о. Иларіономъ.

были изъ монастыря его письмоводитель монахъ Климентъ Зедергольмъ и недавно поступившій послушникъ Михаилъ Евгеньевичъ Струковъ [1]), съ маленькимъ своимъ сынкомъ Евгеніемъ. Приведши ихъ на мѣсто, назначенное для постройки кельи, Старецъ сказалъ: благословите, братіе, келью здѣсь построить". Всѣ молчали. Тогда Старецъ, взявъ руку отрока Евгенія, перекрестилъ ею назначенное мѣсто, заставивъ его повторять за собою слова: „Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Богъ благословитъ на добро тутъ пожить". Такъ смиренный Старецъ, привыкшій всегда жить въ отсѣченіи своей воли, все дѣлать съ благословенія старшихъ, и не имѣя теперь при себѣ никого, кто бы благословилъ предполагаемое имъ дѣло, пожелалъ принять благословеніе отъ невиннаго отрока. Назидательный примѣръ! Но вотъ вскорѣ за симъ, именно къ празднику Рождества Пресвятой Богородицы, прибылъ изъ Калуги Преосвященный Григорій. Отслуживъ въ этотъ день въ монастырѣ Литургію, Владыка посѣтилъ скитъ и Старца Амвросія. Въ это время, среди бесѣды съ Владыкою, Старецъ испросилъ у него Архипастырское благословеніе на построеніе пустынной кельи.—Того же 8 сентября выданы были и первыя деньги на покупку для кельи лѣса полѣсовщику Николаю Александрову, котораго хата находилась неподалеку отъ лѣсной монастырской дачи. Всею душею преданный Старцу полѣсовщикъ изъявилъ полное усердіе наблюдать за постройкой Старцевой кельи, сказавъ: „какъ мнѣ не хлопотать, когда Батюшка о. Амвросій хочетъ просвѣтить нашу сторону".

Лѣтомъ слѣдующаго 1870 года, по плану Старца Амвросія, на указанномъ имъ мѣстѣ построенъ былъ для него небольшой корпусъ, со всѣми потребными приспособленіями, и обнесенъ плетневой оградой. Въ одной сторонѣ этой ограды вблизи корпуса поставлена была просторная хибарка для бесѣды съ посѣтительницами, гдѣ между прочимъ онѣ и такъ могли бы посидѣть въ ожиданіи Старцемъ пріема. Внутри ограды вырыта большая сажелка, а за оградой другая, и въ обѣ пущена рыба. Усердные послушники Старца тутъ же, не далеко отъ его корпуса, насадили ягодъ—малины, крыжовнику, смородины, земляники. Въ другой сторонѣ ограды посажено было и нѣсколько грядъ картофеля. И вотъ новая дача для Батюшки была такимъ образомъ готова. Одна часть вновь построеннаго корпуса — большая, съ высокимъ потолкомъ, предназначена была Старцемъ для собственнаго помѣщенія, вмѣстѣ съ неизмѣннымъ его спутникомъ для послуженія, монахомъ Іосифомъ, — теперешнимъ Оптинскимъ Старцемъ. Въ другой части—меньшей помѣщались небольшая кухня и чуланъ; а надъ кухней устроена была уютная низенькая келлійка для письмоводителя и нѣкоторыхъ, навѣщавшихъ впослѣдствіи Старца, гостей. Ночь на 13-е іюля и самый день провелъ Батюшка въ лѣсной Аристарховой дачѣ, а къ вечеру перебрался во вновь построенную имъ

[1]) Впослѣдствіи настоятель Можайскаго Лужецкаго Ѳерапонтова монастыря, Архимандритъ Макарій. Скончался 10 апрѣля 1900 года.

лѣсную келью. Здѣсь первымъ дѣломъ Старца было освятить новое мѣсто пребыванія молитвою. Пріѣхавшій сюда къ этому времени Оптинскій Іеросхимонахъ Ѳеодотъ, съ нѣсколькими пѣвчими, въ тотъ же вечеръ отслужилъ всенощное бдѣніе Божіей Матери, св. Іоанну Предтечѣ (во имя коего основанъ Оптинскій скитъ) и св. Амвросію Медіоланскому. По окончаніи бдѣнія, Батюшка со всѣми, находившимися въ это время при немъ, иноками въ первый разъ расположился въ новой своей кельѣ на ночлегъ. Утромъ 14 числа тѣмъ же о. Ѳеодотомъ отслуженъ былъ молебенъ Спасителю, св. Николаю Чудотворцу, Пр. Макарію Египетскому и св. благовѣрному князю Александру Невскому [1]). Въ слѣдъ затѣмъ прибыли изъ монастыря о. казначей Флавіанъ и духовникъ Старца Амвросія Іеромонахъ Пименъ. Новоприбывшіе, вмѣстѣ съ о. Ѳеодотомъ, соборне отслужили еще молебенъ Божіей Матери, св. Іоанну Предтечѣ и св. Амвросію, съ водоосвященіемъ. Послѣ чего о. Пименомъ прочтена была молитва, егда кто имать внити въ домъ новъ, и вмѣстѣ съ о. Анатоліемъ окроплена была новая келлія и вся дача св. водою. Конецъ сего духовнаго торжества заключенъ былъ скромнымъ монашескимъ угощеніемъ съѣхавшихся къ тому времени гостей, между которыми были Скитоначальникъ Іеромонахъ Иларіонъ и обратившійся изъ католичества Сергей (Станиславъ) Михайловичъ Барановичъ.

Какое пріятное впечатлѣніе производила на любителей уединенія эта лѣсная Батюшкина дача, въ особенности въ тихіе теплые майскіе дни! Утро. Привѣтливое солнце выплываетъ изъ за чащи деревъ. Яркіе лучи его играютъ разнообразными переливами цвѣтовъ на зеленой муравѣ, усѣянной кристалловидными каплями росы. Кругомъ лѣсъ въ невозмутимой тишинѣ. Со всѣхъ сторонъ несется пѣніе безчисленнаго множества мелкихъ лѣсныхъ птичекъ. Все это щебечетъ, свиститъ, звенитъ, трещитъ и сливается въ одну общую неумолчную торжественно-хвалебную пѣснь Создателю, уносящуюся въ небесную высь, и тамъ замирающую отдаленнымъ эхомъ. Совсѣмъ забывалась мірская суета. И вотъ сюда-то, въ это уединенное мѣстечко, нѣсколько лѣтъ къ ряду, Старецъ Амвросій уѣзжалъ изъ скита, стараясь избирать недѣлю съ будничными днями, и гостилъ здѣсь дней пять-шесть. Къ празднику же онъ возвращался въ скитъ, гдѣ слушалъ обыкновенно келейное праздничное бдѣніе, и исповѣдывалъ готовившихся служить—Настоятеля, Іеромонаховъ и Іеродіаконовъ, и другихъ исповѣдниковъ, если были; а затѣмъ и опять удалялся на свою дачу.—Съ особеннымъ радушіемъ принималъ онъ здѣсь приходившихъ навѣстить его близкихъ къ нему монаховъ. Придутъ бывало на вечеръ человѣка два. Ихъ тамъ угостятъ скромнымъ ужиномъ. Уснутъ усталые путники, и Старецъ уже не велитъ будить ихъ рано, даже и для слушанія утренняго правила. Когда гости вста-

---

[1]) Во имя пр. Макарія Егип., въ скиту есть придѣлъ; а имя св. князя Александра Невскаго Старецъ Амвросій, какъ упомянуто выше, имѣлъ отъ крещенія.

нутъ и, прослушавъ вмѣстѣ съ Старцемъ часы, подойдутъ къ нему подъ благословеніе съ извиненіемъ, что проспали утреню, онъ отечески снисходительно скажетъ: „ну, ужъ мы гостей не безпокоимъ [1])“. А самъ онъ сидитъ на своей койкѣ такой благообразный; лицо свѣтлое, улыбающееся, любящее; либо что вибудь начнетъ разсказывать, или иногда сидитъ въ какомъ то самоуглубленіи. Если начнутъ что спрашивать, онъ все какъ будто не дослышитъ: „а? что?—повтори“.

Не рѣдко посѣщалъ здѣсь Старца другой замѣчательный Оптинскій подвижникъ, послушникъ Елиссей, пятьдесятъ два года прожившій въ святой обители, и по смиренію своему во все это время отказывавшійся отъ всякихъ монастырскихъ отличій и повышеній. Онъ жилъ, можетъ быть, въ верстѣ отъ Старцевой дачи въ маленькой хатѣ, или караулкѣ, и караулилъ лѣсъ. Съ какою любовію и даже уваженіемъ всегда принималъ Батюшка о. Амвросій сего старца послушника!

Приведемъ здѣсь на память кое что изъ его жизни, Удивительно было смиреніе сего раба Божія Елиссея. Однажды о. Игуменъ Исаакій сталъ предлагать ему постричься въ мантію, или хоть въ рясофоръ, и даже требовалъ сего съ угрозою.—„Иначе говорилъ онъ, я тебя пошлю въ кухню“.—„А вотъ мнѣ, отвѣчалъ Елиссей, и рясофоръ.“—„Я тебя на поклоны поставлю“ продолжалъ грозить о. Игуменъ. — „А вотъ мнѣ и мантія“, отвѣчалъ смиренный подвижникъ. Пребывая долгое время въ лѣсномъ уединеніи, онъ поистинѣ сдѣлался какъ бы дитя природы. Лѣсныхъ птичекъ зимою онъ изъ рукъ кормилъ. Выйдетъ на воздухъ, посыплетъ себѣ на голову, на бороду и на руки коноплянаго сѣмени, и лишь только проговоритъ: „птички, птички, птички!“ какъ со всѣхъ сторонъ онѣ налетятъ на него,—какія сядутъ на голову, на бороду, какія на руки, и всего его облѣпятъ. Не разъ Оптинскіе монахи были очевидцами этой картины. Случалось Елиссею, во время обхода лѣса, и съ волками встрѣчаться, но они его не трогали, и проходили мимо. Въ глубокой старости, на 75 году отъ роду, онъ былъ пораженъ параличемъ въ своей лѣсной кельѣ, и перевезенъ въ монастырскую больницу. Такъ передавалъ одинъ братъ о своемъ посѣщеніи больного: „Во вторникъ (26 апрѣля 1877 г.) посѣтилъ я больного о. Елиссея (братія звали его отцемъ по уваженію къ нему), который, при слабости большой, очень терпѣливо и благодушно относился къ болѣзни своей. На вопросъ мой,—какъ онъ себя чувствуетъ,—отвѣтилъ: чувствуетъ слабость, пищи не можетъ употреблять, и съ воскресенія ничего не ѣлъ. Говорилъ, что онъ очень утѣшенъ тѣмъ, что Богъ сподобилъ его особороваться и сообщиться св. Тайнъ. На слова мои, что быть можетъ теперь скоро кончатся всѣ его страданія, и Господь утѣшитъ

[1]) Въ бытность Старца на новой монастырской дачѣ, тоже прибыли къ нему какіе-то Оптинскіе монахи. На утро главный дачникъ сталъ было будить ихъ на правило. Но Батюшка какъ бы съ обидой на него. „дуракъ! развѣ къ тебѣ сюда молиться идутъ? Они и въ монастырѣ намолятся; а имъ нужно отдохнуть. Такова была любовь незабвеннаго отца.

его тамъ за терпѣніе, сказалъ: „Слава Богу! Онъ и здѣсь утѣшалъ меня,— даровалъ мнѣ любить, восхвалять и прославлять Его! Съ Богомъ и здѣсь и тамъ, — вездѣ хорошо. Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, яко съ нами Богъ! „Говорилъ о желаніи своемъ, чтобы погребли его на новомъ кладбищѣ, съ боку часовни, между часовнею и церковію во имя всѣхъ святыхъ.—„Я жилъ тамъ, прибавилъ онъ, люблю тамошнее мѣсто и часовню.“ — Просилъ я его святыхъ молитвъ. Онъ сказалъ: „я молюсь, и вы не забывайте меня; ходите на мою могилку, тамъ я всегда буду съ вами духомъ; и мнѣ пріятно будетъ, когда будете посѣщать мою могилку“. — 30 мая, въ понедѣльникъ, послѣ ранней обѣдни въ монастырѣ, которую служилъ прежній казначей іеросхимонахъ о. Савва, было совершено должностнымъ казначеемъ о. Флавіаномъ отпѣваніе послушника Елиссея пустынника. Положили его, согласно его завѣщанію, на кладбищѣ всѣхъ святыхъ. Въ то время, когда Елиссей проходилъ послушаніе старшаго повара въ братской кухнѣ, Іеросхимонахъ Савва былъ у него помощникомъ [1]).

Возвратимся теперь къ своему главному предмету. Въ февралѣ 1871 года старецъ Амвросій опять заболѣлъ своею обычною тяжкою болѣзнію. Но вотъ 24 числа сего мѣсяца получена была имъ съ Аѳона большая ($1^1/_2$ арш. вышины и 1 арш. ширины) икона св. Великомученика и цѣлебника Пантелеимона [2]), написанная на кипарисной доскѣ, заказанная для него Бѣлевскою монахинею Дарьею Петровною Полотновою, вмѣстѣ съ другими Бѣлевскими монахинями. Въ тотъ же день въ келліяхъ Старца отправлено было Угоднику Божію бдѣніе, а на другой день отслуженъ ему молебенъ съ акаѳистомъ. И съ этого дня болѣзнь Старца, безпокоившая его около недѣли, и не уступавшая никакимъ врачебнымъ средствамъ, прекратилась.

Съ наступленіемъ лѣта поѣздки Старца въ лѣсную келью по обычаю возобновились. Нерѣдко гостилъ тамъ съ нимъ и письмоводитель его о. Климентъ Зедергольмъ, который въ свободные часы прогуливался по рощѣ съ какою нибудь свято-отеческою книгою подъ мышкой, опираясь на трость, которая раскладывалась, и могла замѣнять собою стулъ для сидѣнія. Поутомившись нѣсколько отъ ходьбы, онъ подъ вѣтвями деревъ садился на свой искуственный стулъ, и углублялся въ чтеніе книги. Между тѣмъ Старецъ занимался съ Боголюбивыми посѣтителями, которыхъ стало приходить и пріѣзжать на дачу очень много. Такъ оживилась эта безлюдная дикая пустыня. Смотря на это оживленіе, о. Климентъ съ восторгомъ повторялъ: *процвѣла есть пустыня, яко кринъ.*

Но къ сожалѣнію этотъ кринъ сколько доставлялъ утѣшенія

---

1) Разсказъ о подвижникѣ Елиссеѣ сначала есть устное преданіе; а конецъ заимствованъ изъ скитской лѣтописи.

2) Икона эта въ настоящее время находится въ скитскомъ Предтечевомъ храмѣ, въ хорошемъ краснаго дерева кіотѣ, на лѣвой сторонѣ.

Старцу и окружавшимъ его почитателямъ; столько же, можно сказать, и былъ причиною ихъ общихъ скорбей. Въ это лѣто своего гощенія на дачѣ отъ непосильныхъ занятій съ посѣтителями Старецъ опять тяжко заболѣлъ; 8 августа у него открылось сильное геммороидальное кровотеченіе, продолжавшееся цѣлый мѣсяцъ. Въ болѣзни своей Батюшка въ это время прибѣгалъ болѣе къ врачевству духовному къ заступленію Царицы Небесной. 17 августа принесена была въ его келью, изъ своего монастыря здѣшняя Калуженская икона Божіей Матери, предъ которою отслуженъ былъ молебенъ съ акаѳистомъ, а 18 числа принесена была къ Старцу изъ Козельска чудотворная икона Божіей Матери Ахтырская, предъ которою также отслужили молебенъ съ акаѳистомъ. Наконецъ 30 августа привезена была изъ Мещевскаго Георгіевскаго монастыря чудотворная икона Божіей Матери. „Всѣхъ Скорбящихъ радости“, и предъ сею иконою всѣ окружавшіе страдальца, вмѣстѣ съ нимъ, усердно молились о его выздоровленіи. Около 10-го сентября болѣзнь его прекратилась. Такъ писалъ о семъ въ послѣдствіи самъ Старецъ Томскому Епископу Петру: [1]). „Здоровье мое въ настоящее время, болѣе прежняго неисправно. Лѣтомъ, по примѣру прежнихъ годовъ, уѣзжалъ я нѣсколько разъ для отдыха въ устроенную мною въ семидесятомъ году лѣсную келью. И хотя тамъ въ утренніе и вечерніе часы имѣлъ свободу отъ посѣтителей, но зато въ остальное время они такъ меня обременяли, что къ концу лѣта я выбился изъ силъ, и въ августѣ заболѣлъ: открылось геммороидальное кровотеченіе, продолжавшееся цѣлый мѣсяцъ. Потомъ, благодареніе Господу, по немногу сталъ поправляться; но послѣ этой болѣзни, я замѣтно сталъ слабѣе прежняго“. — Дѣйствительно въ этотъ разъ Старецъ Амвросій, какъ замѣтно было, очень обезсиленъ былъ своею тяжкою болѣзнію. Пользовавшіе его доктора запретили ему на отрѣзъ принимать посѣтителей, кто бы они ни были, и съ какими бы нуждами ни приходили; такъ какъ самъ Старецъ, во исполненіе заповѣди Спасителя—положить душу свою за други своя,—на это никакъ бы не рѣшился, и при малѣйшей возможности не переставалъ бы принимать посѣтителей. Чтобы показать всѣмъ крайнюю опасность Старцева здоровья, и пріостановить ихъ просьбы, со всегдашнимъ стучаніемъ въ дверь Старцевой кельи, они прикрѣпили къ ней записочку, въ которой было написано: „Врачи запрещаютъ Старцу принимать посѣтителей“. Слѣдовали за тѣмъ подписи врачей: „Овсянниковъ и Базалевъ“. Вскорѣ по какой-то нуждѣ пришелъ было къ Старцу настоятель Обители о. Игуменъ Исаакій, но и его не пустили. Прочитавъ наклеенную на

---

[1]) Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ былъ Епископомъ Уфимскимъ, а за тѣмъ Томскимъ; послѣдніе же годы своей жизни настоятельствовалъ въ Московскомъ Новоспасскомъ Ставропигіальномъ монастырѣ, гдѣ и скончался 27 мая 1889 г. (Церк. вѣд. 1889. № 23) Съ Старцемъ Амвросіемъ Святитель этотъ коротко былъ знакомъ; потому что, бывши еще воспитанникомъ Московской духовной Академіи, въ свободное отъ учебныхъ занятій время пріѣзжалъ погостить въ Оптиной пустыни, и за просто ходилъ вмѣстѣ съ братіями на покосъ съ граблями.

двери надпись, онъ только проговорилъ ее по своему съ горькой улыбкой: „Гмъ! *враги* (вмѣсто врачи) запрещаютъ Старцу принимать". и немедленно удалился.

Въ концѣ сего года, именно въ Декабрѣ, Старца опять постигла помянутая ужасная болѣзнь. Въ слѣдствіе чего, на день своего Ангела 7 декабря, онъ и гостей не могъ принимать; а гости принимались и угощались въ келліяхъ о. Климента. Но слава и благодареніе милосердію Божію, Батюшка въ этотъ разъ все таки не особенно страдалъ и непродолжительно.

Во весь описанный періодъ старчествованія Іеросхимонаха Амвросія, Скитоначальникъ о. Иларіонъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ его въ дѣлѣ семъ. Но вотъ 18 сентября 1873 года этотъ наставникъ и врачъ духовный, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, мирно преставился ко Господу. Болѣзненному Старцу Амвросію прибавилось въ слѣдствіе этого дѣла и труда; потому что нѣкоторыя изъ духовныхъ дѣтей о. Иларіона, послѣ его кончины стали относиться къ Старцу Амвросію. А кромѣ того нужно было, особенно на первыхъ порахъ успокоивать и утѣшать скорбящихъ и плачущихъ духовныхъ чадъ, лишившихся своего отца и наставника. Ибо хотя мѣсто покойнаго заступилъ другой іеромонахъ, о. Анатолій (Зерцаловъ), принявъ начальствованіе въ скиту, духовничество и старчествованіе; но, тотъчасъ по принятіи на себя этихъ трудныхъ должностей, онъ и самъ требовалъ руководства старца Амвросія, а иногда и ободренія и утѣшенія. Кромѣ же сего требовалось не мало времени, чтобы привыкнуть къ новому духовнику пожелавшимъ имѣть къ нему духовное отношеніе.

И такъ, время до блаженной кончины Скитоначальника и Старца Іеросхимонаха Иларіона, какъ мы видимъ, Старецъ Амвросій проводилъ то и дѣло въ тяжкихъ гемороидальныхъ болѣзняхъ и страданіяхъ, которыя до того обезсилили его, что онъ долгое время не могъ самъ переходить изъ кельи въ келью, а переводили его подъ руки келейники.

Но все это еще было такъ сказать, у всѣхъ на виду; а что ощущалъ въ себѣ самъ Старецъ, это и выразить трудно. Однажды на общемъ благословеніи онъ объяснилъ своимъ посѣтительницамъ, что всю ночь не спалъ. Всѣ начали распрашивать, — отъ чего, да какъ же это. Старецъ и говоритъ: „вотъ всѣ могутъ говорить о своихъ болѣзняхъ, а я и не говори; начнутся оханья, слезы; потому если и скажу иногда, то только часть; а если бы знали все, что я чувствую... Иногда такъ прижметъ, что думаю, — вотъ пришелъ конецъ. Въ другой же разъ сказалъ: „все скрывалъ свои болѣзни; а теперь ужъ хочу говорить,—можетъ быть легче будетъ".

VIII.

Общій взглядъ на подвигъ старчествованія іеросхимонаха Амвросія. А) Его внѣшняя обстановка и обыденная жизнь.

Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу твоему притекъ, вопію Ти: возведи отъ тли животъ мой, многомилостиве [1]).

Внѣшняя обстановка Старца Амвросія была самая скромная. Онъ занималъ небольшой корпусокъ, какъ выше упомянуто, съ правой стороны, при входѣ въ скитскія св. ворота, находящіяся подъ колокольнею,—корпусокъ ничѣмъ не отличавшійся отъ прочихъ домиковъ, наполняющихъ скитъ, даже сравнительно съ нѣкоторыми нѣсколько меньше. Съ параднаго крыльца, извнутри скита, дверь въ небольшой корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго простыя низенькія скамьи для приходящихъ монаховъ и простыхъ посѣтителей мужескаго пола. Направо первая дверь въ небольшую пріемную келлію, гдѣ Старецъ занимался съ почетными лицами. Такъ и называлась эта келлія „почетнымъ мѣстомъ“. Передній уголъ ея занятъ былъ св. иконами. На стѣнахъ висѣло нѣсколько картинъ, между которыми можно было видѣть портреты: Государя Императора Александра II, митрополитовъ Филарета и Иннокентія Московскихъ, Филарета, Арсенія и Іоанникія Кіевскихъ, Калужскихъ іерарховъ—Григорія II, Владиміра и Анастасія, Молдавскаго Старца Паисія Величковскаго, и другихъ духовныхъ старцевъ, оптинскихъ и не-оптинскихъ. Диванъ, стулья, столъ и этажерка съ книгами духовнаго содержанія, дабы посѣтители, въ ожиданіи старцева пріема, могли на досугѣ заняться чтеніемъ. Въ кельѣ этой въ особенности наблюдалась чистота. Рядомъ съ пріемной маленькая келейка келейника о. Михаила. Противъ пріемной дверь въ келлію самого Старца Амвросія, которая всегда была на крючкѣ, и отпиралась только во время служеній келейныхъ бдѣній и еще въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Келлія Старца была съ переднею, въ которой висѣла его простая, иногда даже заплатная одежда: подрясника два ваточныхъ, подрясника два холодныхъ, балахонъ, легонькая мѣховая ряска изъ малороссійскихъ бѣленькихъ смушекъ. Тутъ же хранились его мантія и ряска изъ тонкаго мухояра и клобукъ. На полкѣ надъ дверью находились богослужебныя книги, и еще нѣкоторыя. Тутъ же въ углу полочка, занятая лѣкарственными пузырьками. Самая келлія Старца вся увѣшана была св. иконами и портретами духовныхъ лицъ, большею частію принесенными въ даръ Старцу его почитателями. Между иконами особенное вниманіе заслуживали: а) маленькая икона (вершка 4 вышины) Божіей Матери,

[1]) Воскресный ирмосъ 6-го гласа.

именуемая „Тамбовскою“,—родительское благословеніе Старца Амвросія. Предъ нею теплилась неугасимая лампада. б) Икона Божіей Матери „Скоропослушницы“ (вершковъ 12 вышины), присланная въ даръ Старцу изъ Москвы изъ Аѳонской часовни, гдѣ она находилась, какъ о семъ говорили въ свое время, лѣтъ тридцать, если не больше. в) Вышеупомянутая большая икона Св. Великомученика и Цѣлебника Пантелеимона, предъ которою также горѣла неугасимая лампада. г) Большая картина на полотнѣ Пр. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, въ срединѣ которыхъ нѣсколько выше, изображеніе Божіей Матери съ распростертыми руками, а пониже церковь. Икона эта стояла надъ койкою Старца Амвросія, въ его изголовьи (какъ и теперь стоитъ на томъ же мѣстѣ. д) Икона Нерукотвореннаго Спаса художественной работы. Между портретами можно было видѣть портреты двухъ Филаретовъ Митрополитовъ Московскаго и Кіевскаго, оба въ скуфейкахъ, висѣвшіе надъ койкою Старца, также портреты: Троекуровскаго затворника Иларіона, Вышенскаго затворника Епископа Ѳеофана, Протоіерея Ѳеодора Александровича Голубинскаго, Кронштадтскаго Протоіерея о. Іоанна Ильича Сергіева, Оптинскихъ Старцевъ Іеросхимонаховъ: Льва и Макарія, Архимандрита Моисея и брата его Игумена Антонія, и еще много другихъ духовныхъ замѣчательныхъ лицъ. У восточной стѣны стоялъ письмоводительскій небольшой столикъ, гдѣ писарь обязанъ былъ подъ диктовку Старца писать письма. Въ святомъ углѣ аналой въ видѣ шкафчика, съ слѣдованною на немъ псалтырью и другими потребными книгами для вычитыванья положенныхъ правилъ. Далѣе вдоль южной стѣны другой столъ, на которомъ стояли нѣкоторыя иконы, подсвѣчники съ восковыми свѣчами, и лежало нѣсколько духовныхъ книгъ. Вдоль западной стѣны стояла койка, на которой Старецъ Амвросій давалъ покой своему многострадальному тѣлу. Сзади койки печка, въ зимнее время вся заваленная чулками и увѣшанная фланелевыми рубашками. Къ сѣверной сторонѣ приставленъ былъ шкапъ, весь наполненный Отеческими и другими духовно-нравственными книгами. Между шкапомъ и печкой дверь. Затѣмъ табуретки три-четыре и два старинныхъ кресла для почетныхъ посѣтителей. Рядомъ съ келліею Старца келлія другого его келейника о. Іосифа (теперешняго Старца), тоже вся въ иконахъ и портретахъ. Далѣе къ этой келліи пристроена была маленькая кухня, для приготовленія болѣзненному Старцу незатѣйливой пищи, гдѣ помѣщался и поваръ послушникъ. Противъ входныхъ дверей съ параднаго крыльца, пройдя весь корридоръ, дверь въ хибарку, или пристроенное довольно просторное отдѣленіе для женскаго пола, состоявшее изъ нѣсколькихъ комнатъ и корридора, который велъ въ заднюю еще хибарку, изъ которой уже выходъ на улицу. И здѣсь было множество иконъ, между которыми особенно выдающеюся была большая Аѳонская икона Божіей Матери, именуемая „Достойно есть“; а также и множество портретовъ духовныхъ лицъ. Тутъ же около хибарки были чуланы для склада книгъ и другихъ разныхъ вещей.—Такова была внѣшняя об-

становка Старца Амвросія. Теперь посмотримъ на его обыденную жизнь.

Однажды, во время постигшей его тяжкой болѣзни, онъ видѣлъ знаменательный сонъ. „Казалось мнѣ, — такъ передавалъ самъ Старецъ близкимъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, монахамъ Анатолію и Клименту, — будто нахожусь въ своей келліи. Вдругъ входитъ ко мнѣ какой-то человѣкъ, по виду лицо начальственное, и со властію повелѣваетъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Выхожу изъ келліи. Представляется бурная темная ночь. Предо мною какъ будто волнуется море, или большое озеро. У берега лодка, на которой сидятъ гребцы; но въ темнотѣ невозможно отчетливо разсмотрѣть ихъ. По манію моего вожатаго, я сѣлъ въ эту лодку, и она отчалила отъ берега. Сердитыя волны начали перебрасывать ее, какъ легкое перо. Я былъ въ сильномъ страхѣ за свою жизнь. Но вотъ вдали, черезъ зіяющую бездну, среди непроницаемой тьмы, показался мнѣ необыкновенный свѣтъ, и я увидѣлъ какой-то городъ такой дивной красоты, что во всю свою жизнь нигдѣ и ничего подобнаго не видалъ. Къ нему приковалось все мое вниманіе. Море, волны, буря — все было забыто; и я былъ въ какомъ-то сладостномъ упоеніи до тѣхъ поръ, пока лодка причалила къ противоположному берегу. Ея толчокъ бортомъ о землю вывелъ меня изъ забвенія. Вышедши за своимъ вожатымъ на берегъ, я, по его указанію, вошелъ въ какой-то домъ, гдѣ находились два незнакомыхъ мнѣ человѣка. Одинъ впрочемъ, принявъ отъ меня благословеніе, самъ назвалъ себя Всеволодомъ Княземъ Чешскимъ; а другой казался мнѣ русскимъ Княземъ Борисомъ Владиміровичемъ; затѣмъ я вскорѣ проснулся“ [1]). Послѣ сего, разсказаннаго Старцемъ, сновидѣнія, отцы Анатолій и Климентъ ежегодно съ трепетомъ встрѣчали дни памяти св. Князей Вячеслава и Бориса [2]), думая, что въ какой-нибудь изъ этихъ дней Батюшка о. Амвросій долженъ отойти въ жизнь вѣчную. Однако опасеніямъ этимъ не суждено было сбыться.

Что же знаменовало это таинственное сновидѣніе Старца Амвросія? Кажется, имъ обрисовалось все его подвижническое Старческое жительство. День будничный у него обыкновенно начинался молитвословіемъ. Келейники въ свое время попеременно читали положенныя скитскія правила; а Старецъ слушалъ, или стоя на своей койкѣ, на которой ложился для отдохновенія, или большею частію, по немощи, сидя на тутъ же устроенномъ для него сѣдалищѣ спиной къ печкѣ, къ которой примыкала задняя часть его койки. Когда же былъ боленъ, во время чтенія лежалъ, а правила все-таки никогда не упускалъ. Для слушанія утренняго правила по началу онъ вставалъ часа въ четыре утра, звонилъ въ звонокъ, на который являлись къ нему

---

[1]) Разсказывалъ о семъ сновидѣніи Старца Амвросія покойный Скитоначальникъ Іеросхимонахъ Анатолій.

[2]) Память св. Вячеслава князя Чешскаго Православная Церковь празднуетъ дважды въ году, 28 сентября и 4 марта, а св. Бориса 24 іюля.

келейники и прочитывали: утреннія молитвы, двѣнадцать избранныхъ псалмовъ и первый часъ. Затѣмъ, послѣ краткаго отдыха, Старецъ слушалъ часы—третій и шестой, съ изобразительными, и смотря по дню—канонъ съ акаѳистомъ, Спасителю или Божіей Матери, каковые акаѳисты онъ всегда выслушивалъ стоя. И хотя каноны эти съ акаѳистами, по скитскому уставу, положено было читать въ соборной братской кельи во время вечерни; но такъ какъ въ это время дня у Старца былъ особый наплывъ посѣтителей, и ему уже некогда было отправлять вечерню съ своими келейниками, то онъ всячески старался ежедневно неупустительно выслушивать ихъ утромъ. Чтеніе совершалось внятно, отчетливо. По словамъ самого Старца Амвросія, онъ всегда любилъ слушать хорошее чтеніе, и другихъ училъ сему. Описанныя правила всегда были у Старца съ болѣе или менѣе продолжительными остановками. Прослушавъ напр. половину утренняго правила, и чувствуя ослабленіе силъ, онъ отпускалъ отъ себя келейныхъ, и отдохнувши нѣсколько, звалъ опять, и дослушивалъ правило. Также было и во время часовъ.—Можетъ быть и другія, болѣе важныя, причины заставляли Старца дѣлать эти перерывы, именно—упражненіе наединѣ въ умной молитвѣ, о чемъ можно предполагать съ вѣроятностію.

Выслушавъ положенныя молитвословія, Старецъ начиналъ умываться. Кто нибудь изъ келейниковъ ставилъ возлѣ его койки мѣдный тазъ на табуретку, и начиналъ понемногу лить на руки ему тепловатую воду изъ большого чайника; а онъ на колѣнахъ, нагнувшись надъ тазомъ, умывался всегда безъ мыла и затѣмъ утирался. Во время этого дѣйствія, со стороны келейниковъ начинались вопросы.—„Батюшка! вотъ тотъ-то въ такихъ-то обстоятельствахъ находится,—что ему благословите дѣлать? Или, вотъ та-то проситъ благословеніе на такое-то дѣло, благословите или нѣтъ? и проч. и проч. Старецъ и свое дѣло дѣлалъ, и вмѣстѣ отвѣчалъ на вопросы.—Кстати нелишне упомянуть здѣсь, что онъ никогда не мылся въ банѣ; а вмѣсто сего, по совѣту доктора Бабушкина, принималъ ванну не болѣе одного раза въ годъ. Изрѣдка еще мылъ голову теплою водою.—Послѣ умыванья Старецъ подкрѣплялся чаемъ, среди котораго диктовалъ письма, и затѣмъ выходилъ къ посѣтителямъ на дѣло и на дѣланіе свое даже до вечера.

Впрочемъ такъ было до семидесятыхъ годовъ, когда силы Старца были покрѣпче; а послѣ сего, при умножавшемся годъ отъ году числѣ посѣтителей, вслѣдствіе крайняго переутомленія, онъ и на правило утреннее вставалъ позже, часовъ въ пять, и по выслушаніи часовъ, съ канономъ и акаѳистомъ, нерѣдко ложился на койку для кратковременнаго отдыха. Случалось иногда и такъ, что келейники будили болѣзненнаго Старца, и противъ воли подымали его. Вставая, онъ бывало промолвитъ: „Охъ! все больно“... Въ зимнее время онъ весьма часто простужался. Встанетъ съ опухшимъ лицомъ, съ лихорадочнымъ ознобомъ, или ревматическими болями въ тѣлѣ, умоется, начнетъ

растираться спиртомъ, или какою либо мазью. Келейники же все-таки задаютъ вопросы, а Старецъ едва слышнымъ голосомъ отвѣчаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начнутся у Старца переодѣванья и переобуванья, которыя въ продолженіи дня повторялись много разъ. О своемъ нездоровьѣ онъ и въ письмахъ къ близкимъ лицамъ неоднократно писалъ въ родѣ слѣдующаго: „О себѣ скажу, что а по утрамъ ощущаю большую тяжесть, какъ бы пуды на мнѣ висятъ“ [1]). Или: „На этихъ дняхъ мнѣ прихворнулось паче обычнаго. Отъ приходящихъ простудилъ лицо въ испаринѣ. Простуда перешла на больную внутренность, и сдѣлалось въ родѣ желудочной лихорадки, и теперь еще не совсѣмъ прошло“ [2]). Или такъ: „слабость и болѣзненность усиливаются, и переодѣванія и переобуванія утроились; жара и холода равно не выношу. Въ мѣру только одинъ семнадцатый градусъ тепла; а выше и ниже дурно вліяетъ. Вотъ тутъ и умудряйся около одного градуса вертѣться, и какъ одинъ этотъ градусъ удержать, когда постоянно подходятъ натуральныя печки, и своими толками умножаютъ жаръ“ [3]).

За умываньемъ, какъ выше замѣчено, слѣдовало чаепитіе. Старецъ, какъ не слѣзая съ койки умывался, такъ тутъ же садился и для чаепитія, спиной къ подушкамъ, поджавши ноги по восточному. Келейникъ подавалъ ему на подносѣ предварительно маленькую чашечку какао, и тоненькій ломтикъ французской булки, — здоровому человѣку разъ въ ротъ положить. Впослѣдствіи какао замѣнено было чашкою кофе безъ молока. Старецъ бралъ подносъ къ себѣ на колѣна, и начиналъ кушать. Въ это время, неподалеку отъ него, обязанъ былъ сидѣть за письменнымъ столомъ кто либо изъ его „писарей“. Когда живъ былъ О. Климентъ Зедергольмъ, онъ за этимъ дѣломъ былъ почти безсмѣнно. Старецъ и кушалъ и въ то же время диктовалъ кому нибудь нужное письмо. Послѣ какао ему подавали еще двѣ такихъ же маленькихъ чашечки некрѣпкаго чаю. Не смотря на свою болѣзненность, Старецъ не имѣлъ обыкновенія пить чай въ накладку, а только немного подслащенный. При семъ, на особомъ хрустальномъ блюдечкѣ, подавались ему мелко-мелко наколотые кусочки сахару, которыми онъ и восполнялъ недостающую сладость. Нужно замѣтить, что въ Оптинскомъ Скиту, вслѣдствіе Старческаго преданія, установился обычай для всѣхъ Скитскихъ пить чай утромъ и вечеромъ не болѣе какъ по три чашки. Старецъ Амвросій строго держался этого правила. Но вотъ иногда за диктованіемъ письма онъ забудетъ, сколько выпилъ чашекъ; а можетъ быть только покажетъ видъ, что забылъ. Спроситъ у подходящаго келейника: „Сколько я выпилъ?“ Отвѣтитъ: три. — „Врешь, — двѣ“. — Заспоритъ Старецъ съ келейникомъ. — Ну — когда я еще налью, — скажетъ келейникъ. „Ну, бери, ну — тебя совсѣмъ“, — заключитъ Старецъ. Между тѣмъ все онъ дѣ-

---

[1]) Изъ письма къ настоятельницѣ N общины. Сборникъ. Москва 1895 г., стр. 26.
[2]) „Душеполезное Чтеніе“. Январь 1895 г., стр. 79.
[3]) Изъ письма къ одной настоятельницѣ 8 марта 1884 г. — „Душеполезное Чтеніе“. Апрѣль 1895 г. стр. 671.

лалъ и говорилъ съ нравственною цѣлію, чтобы и ученики его, глядя на примѣръ своего учителя, старались строго соблюдать Старческіе уставы, не презирая ихъ за кажущуюся малость.—Послѣ утренняго чая у Старца, вслѣдствіе болѣзненности его желудка, начиналась отрыжка, вмѣстѣ съ принятою пищею, на подобіе легкой рвоты, такъ что почти все, что выпивалось и съѣдалось, въ скорости извергалось вонъ.

Пока Старецъ диктовалъ письмо, мало-по-малу подходили къ его жилью посѣтители,—съ одной стороны извнутри Скита мужчины, а со внѣ женскій полъ. Не успѣлъ онъ еще окончить нужное письмо; а ужъ народъ началъ и въ дверь стучаться, и звонить въ проведенный снаружи къ его кельѣ колокольчикъ. Выйдетъ келейникъ. Просятъ доложить. Тотъ обыкновенно отвѣчаетъ: „Старецъ занятъ“. Въ скорости опять со стороны нетерпѣливыхъ посѣтителей стукъ и звонъ; опять та же просьба, и опять тотъ же отвѣтъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе нетерпѣніе посѣтителей увеличивалось, и уже доходило до ропота. Стукъ и звонъ все чаще и чаще повторялся. Выходившему келейнику уже безцеремонно говорили: „что же вы не докладываете?“ или: „вы не хотите доложить“, и подобн.—Въ хибаркѣ набьются вмѣстѣ съ мірскими, монахини изъ разныхъ монастырей. Кто говоритъ: „я вотъ уже живу здѣсь, и хожу къ Старцу цѣлую недѣлю, и никакъ не могу до него дойти“; а иная говоритъ: „а я—двѣ“. Лишь только выйдетъ къ нимъ келейникъ, какъ въ сотню голосовъ къ нему: „доложите, доложите“. Желая хоть сколько нибудь успокоить посѣтительницъ, онъ спроситъ: „какъ о васъ доложить?“ Каждая конечно сказываетъ, откуда прибыла. Но гдѣ же ему въ такой суматохѣ всѣхъ упомнить? Своеобразно докладывалъ о нихъ О. Михаилъ; прійдетъ къ Старцу и скажетъ: „въ хибаркѣ васъ, Батюшка, ждутъ“.—„Кто тамъ?“—спроситъ Старецъ.—„Московскія, Вяземскія, Тульскія, Бѣлевскія, Каширскія, и прочіе народы“.—„Скажи, чтобы подождали“. Выйдетъ опять. „Ну что, спросятъ, докладывали?“—„Докладывалъ“.—„Что же?“—„Велитъ подождать“.—„Да вы должно быть не докладываете“.—Такъ часто нѣкоторыя малодушествовали и роптали даже на самого Старца за то, что очень долго приходилось имъ ждать отдѣльнаго занятія съ нимъ, думая, что онъ не хочетъ ихъ принять, и что онѣ понапрасну теряютъ время въ ожиданіи. Между тѣмъ болѣзненный Старецъ, подготовляясь выходить къ посѣтителямъ, перемѣнялся, переодѣвался, переобувался, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ кѣмъ либо изъ братій, съ однимъ, или вдругъ съ нѣсколькими, когда велся какой либо общій разговоръ. Слушая назидательную рѣчь Старца, присутствовавшіе въ то же время помогали ему въ переодѣваніи и переобуваніи: снимали сапоги и отсырѣвшіе чулки, подавали сухіе, и проч. Такъ всегда бывало. Наконецъ можетъ быть уже около часовъ десяти дня, если не позже, выходилъ онъ и къ давно ожидавшимъ его посѣтителямъ. Пройдется по корридору, гдѣ бывали мужчины, кого на ходу благословитъ, кому

скажетъ нѣсколько словъ; съ особенными же нуждами принималъ отдѣльно въ зальчикѣ, и занимался по нѣскольку времени. Потомъ проходилъ въ хибарку, и тамъ уже оставался надолго. Замѣтить при семъ надобно, что не всѣ приходили къ болѣзненному Старцу за дѣломъ, а нѣкоторыя только отнимали у него время, и тѣмъ въ особенности отягощали его. Вспоминалъ онъ часто посему слова покойнаго О. Игумена Антонія, который говаривалъ, что „признакъ учениковъ Христовыхъ есть тотъ,—аще любовь имутъ между собою, а признакъ моихъ ученицъ,—аще вражду и несогласіе имутъ между собою". И прибавлялъ: „вотъ пріѣзжали ко мнѣ дочки съ великими скорбями, а всѣ эти скорби стоятъ того, чтобы наплевать, да ногой растереть" [1]). Посему Старецъ Амвросій и въ письмахъ къ близкимъ лицамъ жаловался на такое отягощеніе. Напримѣръ: „Старость, слабость, безсиліе, многозаботливость и многозабвеніе, и многіе безполезные толки не даютъ мнѣ и опомниться. Одинъ толкуетъ, что у него слабы голова и ноги, другой жалуется, что у него скорби многи; а иной объясняетъ, что онъ находится въ постоянной тревогѣ. А ты все это слушай, да еще отвѣтъ давай; а молчаніемъ не отдѣлаешься,—обижаются и оскорбляются. Недаромъ повторяется иногда поговорка: толкуй больной съ подлѣкаремъ. Больному желается объяснить свое положеніе, а подлѣкарю скучно слушать; а дѣлать нечего—слушаетъ, не желая еще болѣе раздражить и растревожить больного толкуна" [2]). Впрочемъ хотя и писалъ такъ смиренный Старецъ о своемъ скорбномъ положеніи, однако понуждался, по возможности принимать всѣхъ, и терпѣливыхъ и малодушныхъ; такъ что эти послѣднія, послѣ полученнаго отъ бесѣды со Старцемъ утѣшенія, очень сожалѣли о своемъ нетерпѣніи. Иногда онъ встрѣчалъ таковыхъ шутливо-привѣтливыми словами: „Терпѣлъ Елисей, терпѣлъ Моисей, терпѣлъ Илія, такъ потерплю жъ и я".

Но вотъ насталъ полдень; уже двѣнадцать или болѣе часовъ,—время обѣдать. Не отпуская посѣтителей, онъ шелъ въ смежную, съ своею келліею,—вышеупомянутую келью О. Іосифа, своего келейника; и тамъ, полулежа около стола отъ утомленія, вкушалъ пищу, которая состояла изъ двухъ блюдъ,—ухи изъ свѣжей рыбы, не очень жирной (стерляжью уху напр. не могъ кушать), и кисель изъ картофельной муки съ клюквеннымъ морсомъ. Къ сему подавался бѣлый или ситный хлѣбъ. Самую рыбу по болѣзненности желудка никогда не ѣлъ, ни свѣжую ни соленую (исключая нѣсколькихъ кусочковъ голландскихъ сельдей), ни вареную, ни жареную. Въ употребленіи пищи онъ старался, сколько доставало у него силъ и возможности, слѣдовать указаніямъ Церковнаго устава; и потому въ постные дни, когда не полагалась рыба, ему вмѣсто ухи, готовили похлебку или картофельный супъ, къ которому онъ подмѣшивалъ нѣсколько особо приготовленной

---

[1]) „Душеполезное Чтеніе". Мартъ 1895 г., стр. 445. Говорилъ это вышеупомянутый О. Игуменъ Антоній, братъ Оптинскаго Настоятеля Архимандрита Моисея.

[2]) „Душеполезное Чтеніе". Апрѣль 1895 г., стр. 666.

гречневой кашицы. Все это заправлено было подсолнечнымъ масломъ. Безъ сомнѣнія кушалъ бы Старецъ въ положенные св. Церковью дни, и безъ елея, если бы не страдалъ внутренностями.

Какъ-то пришла ему мысль обойтись безъ масла, и чтобы постная пища была не очень сурова, велѣлъ заправить ее толчеными грецкими орѣхами. Случилась тутъ какая-то знакомая Старцу Игуменья, которую онъ и вздумалъ попотчивать этимъ снадобьемъ.—„Да это что же у васъ такое Батюшка?—сказала она,—это рвотное“.

Но въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Старецъ подвижникъ, при всей своей слабости тѣлесной, понуждался употреблять еще трапезную пищу съ коноплянымъ масломъ. Потомъ, когда желудокъ его сталъ отказываться отъ этой пищи, стали готовить ему келейники вышеупомянутый супъ, и сперва заправляли его подсолнечнымъ масломъ пополамъ съ коноплянымъ, и наконецъ уже, вслѣдствіе усилившейся болѣзненности его желудка съ однимъ подсолнечнымъ. А затѣмъ внутренности Старца въ такое пришли настроеніе, что по временамъ онъ никакой не могъ прибрать себѣ пищи. О семъ онъ писалъ такъ: „Болѣзненныя прижимки во всемъ тѣлѣ есть, и отъ холоду и отъ невольнаго голоду. Много вещей есть, да многое нельзя ѣсть. Слабый желудокъ и неисправныя кишки не дозволяютъ. Впрочемъ, по старой привычкѣ, я все таки понуждаюсь ѣсть, хотя послѣ и приходится большую тяготу понесть отъ головной боли и отъ рвотной доли. А кромѣ того и пріѣзжіе и приходящіе докучаютъ, сидѣть подолгу въ хибаркѣ скучаютъ. Вотъ такъ мы день за день и живемъ, и несправедливыми слывемъ, въ пріемѣ приходящихъ и пріѣзжающихъ. А виновата моя немощь и неисправность предъ Богомъ и людьми“ [1]). Между тѣмъ Старецъ не только никогда не скорбѣлъ о своей болѣзненности, но напротивъ всегда былъ въ веселомъ настроеніи духа и даже часто шутилъ. Прочитали ему однажды, какъ одинъ отецъ семейства нянчилъ своего малютку, и утѣшая его припѣвалъ пѣсенку: „дри-та-та, дри-та-та, вышла кошка за кота“. И вотъ однажды обратился кто-то къ болѣзненному Старцу съ участіемъ, и сказалъ: „что, Батюшка, катарръ мучитъ васъ?“ Усмѣхнувшись отвѣтилъ Старецъ: „да, братъ, дри-та-та, дри та-та“.

Пищи съѣдалось Старцемъ не болѣе, какъ сколько можетъ съѣсть трехлѣтній малютка. Обѣдъ его длился десять или пятнадцать минутъ, въ продолженіи которыхъ опять таки келейники задавали ему о разныхъ лицахъ вопросы, и получали отъ него отвѣты. Но иногда, чтобы хоть сколько нибудь оразнообразить время, и тѣмъ облегчить отуманенную голову, Старецъ приказывалъ кому нибудь изъ близкихъ, во время своего обѣда, что-нибудь легкое почитать. Любилъ иногда прослушать напр. одну или двѣ басни Крылова. Книга эта всегда почти лежала при немъ на столѣ въ келейной. Доставилъ ему однажды кто-то сочиненіе какого-то господина о русскихъ монастыряхъ, въ

[1]) „Душеполезное Чтеніе“. Мартъ 1895 г. стр. 449.

которыхъ къ сожалѣнію почтенный сочинитель кромѣ грязи ничего не замѣтилъ. Старецъ прослушалъ эту книгу съ грустно-серіознымъ выраженіемъ лица, и никакого своего мнѣнія не высказалъ о ней.

По окончаніи обѣда, Старецъ, если былъ слабъ, тутъ же, лежа на койкѣ, принималъ кого понужнѣе, или вдругъ принималъ всѣхъ на общее благословеніе, сначала мужескій полъ, а послѣ и женскій. Набьется полная келья. На этихъ общихъ пріемахъ Старецъ вразумлялъ нуждающихся мѣткимъ словомъ, нерѣдко пословицами, понятными тому, къ кому онѣ относились. Или разсказывалъ что-нибудь такое, что служило отвѣтомъ на сокровенную мысль кого-либо изъ присутствовавшихъ. Иногда заставлялъ кого-нибудь изъ посѣтительницъ [1]) прочитать, болѣе подходящую къ дѣлу, басню Крылова; затѣмъ скажетъ нѣсколько назидательныхъ словъ въ шутливомъ тонѣ; и наконецъ преподавъ каждой благословеніе, направится къ своей кельѣ. За нимъ во сто голосовъ: „Батюшка! батюшка! мнѣ словечко сказать, мнѣ пару словъ“. Но усталый болѣзненный Старецъ коекакъ, при помощи келейниковъ, протискивался сквозь толпу, уходилъ въ свою келью, и запирался извнутри на крючекъ, чтобы и туда народъ не нахлынулъ. А келейники уже выводили всѣхъ вонъ по неволѣ.

Если же Старецъ послѣ обѣда имѣлъ довольно силъ, то онъ выходилъ преподать общее благословеніе въ хибарку. Предварительно появлялся келейникъ, и закрывалъ всѣ окна, чтобы не было сквознаго вѣтра. Всѣ сидящія поднимались съ своихъ мѣстъ, становились по обѣимъ сторонамъ, оставляя небольшой проходъ для Батюшки. Наконецъ дверь отворялась, и на порогѣ появлялся Старецъ въ бѣломъ балахонѣ, сверху котораго всегда и зимою и лѣтомъ носилъ легонькую мѣховую ряску, и въ ваточной шапкѣ на головѣ. Выйдя изъ двери, и остановясь на ступенькѣ, онъ всегда молился предъ поставленною здѣсь иконою Божіей Матери „Достойно есть“, и проходилъ далѣе, внимательно вглядываясь въ просившихъ у него благословенія, и осѣняя ихъ крестнымъ знаменіемъ. Изъ толпы слышались вопросы, на которые онъ давалъ простые, но мудрые отвѣты. Иногда Старецъ садился, и тогда всѣ присутствовавшіе становились вокругъ него на колѣни, съ глубокимъ вниманіемъ слушая его бесѣду, смыслъ которой всегда заключалъ въ себѣ полезное нравоученіе, или обличеніе чьихъ-либо недостатковъ. Чаще всего предлагалъ онъ совѣты о терпѣніи, снисхожденіи къ немощамъ ближняго и понужденіи себя къ добру, говоря, что *Царствіе Божіе нудится* [2]), что *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ Царствіе Божіе* [3]) и: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* [4]). Иногда эти поучительныя бесѣды, или общія благословенія застигалъ часъ отдыха, и келейникъ напоминалъ ему объ этомъ. Тогда Батюшка снималъ ша-

[1]) Большею частію заставлялъ крѣпкую на ухо помѣщицу Елизавету Николаевну Теличееву, еще и теперь живущую на гостинномъ дворѣ.
[2]) Матѳ. 11, 12.
[3]) Дѣян. 14, 22.
[4]) Матѳ. 10, 22.

почку, раскланивался и говорилъ по обычаю въ шутливомъ тонѣ: „очень признателенъ вамъ за посѣщеніе; отецъ N... говоритъ, что пора...“ Въ иной же разъ келейникъ скажетъ: „Батюшка ужъ два часа“; а Батюшка отвѣтитъ: „ты переведи ихъ назадъ, и будетъ часъ“. Это значило, что Старецъ намѣревался сказать еще что-либо на пользу.—Лѣтомъ въ теплые дни выходилъ онъ благословлять на воздухъ; и появленіе его было истинною радостію для всѣхъ, томившихся ожиданіемъ. Отъ самаго крыльца хибарки устроены были на столбикахъ жерди, по одну сторону которыхъ стоялъ народъ, а по другую сторону шелъ согбенный Старецъ, преподавая всѣмъ по ряду благословеніе, и временемъ останавливаясь, давалъ по вопросамъ отвѣты. За оградку къ Старцу, безъ его позволенія и благословенія, зайдти никто не смѣлъ; а если бы кто отважился на это, долженъ былъ, по назначенію Старца, положить нѣсколько поклоновъ.

Не всегда впрочемъ такъ свободно и безъ отягощенія обращался и бесѣдовалъ Старецъ съ посѣтителями. Часто, и едва ли не чаще, онъ не только утомлялся, но и переутомлялся, особенно если, какъ нерѣдко случалось, съ утра чувствовалъ себя нехорошо. Такъ напр. писалъ онъ одному лицу: „О здоровьѣ своемъ не знаю какъ и сказать тебѣ. Писалъ тебѣ о тяготахъ. И я, особенно послѣднія три недѣли, чувствую какую-то тяготу въ тѣлѣ, такъ что по утрамъ съ трудомъ разламываюсь, чтобы взяться за обычное многоглаголаніе съ посѣтителями; и потомъ такъ наглаголишься, что едва добредешь до кровати въ часъ или болѣе. Вотъ ты и суди, и разсуди прю мою съ человѣки праведными и неправедными. На лбу ни у кого не написано, кто онъ таковъ; а говоритъ, что ему потолковать нужно, и не хочетъ знать, что мнѣ недосужно, да и отъ немощи и усталости это очень натужно. Есть пословица: какъ ни кинь, все выходитъ клинъ. Не принимать нельзя, а всѣхъ принимать нѣтъ возможности, и силъ не достаетъ“ [1]). Преподавъ черезъ силу благословеніе, Старецъ направлялся къ себѣ для отдохновенія. Народъ по обычаю толпился около него; подымался шумъ и суматоха; нѣкоторыя хватались за края его одежды, чтобы сказать „словечко“. Старецъ едва выбирался изъ толпы, нерѣдко оставляя въ рукахъ народа и верхнюю свою мѣховую ряску, которую уже послѣ келейники приносили ему въ келью. А тутъ еще бывали иногда самолюбицы, которыя всячески домогались, чтобы Старецъ выдѣлялъ ихъ изъ другихъ, оказывалъ бы имъ особенное вниманіе; въ противномъ же случаѣ очень оскорблялись на него. Такъ однажды истомленный Старецъ, съ потупленнымъ взоромъ, едва бредетъ среди толпы народной, а вслѣдъ его слышится чей-то голосъ: „Этакая злоба! прошелъ и не взглянулъ“.

Бывали, хотя весьма рѣдко, и такіе дни, въ которые Старецъ послѣ обѣда вовсе не отдыхалъ, можетъ быть потому, что чувствовалъ въ себѣ довольно силъ обойтись безъ отдыха; или просто такъ

---

[1]) „Душеполезное Чтеніе“. Январь 1895 г., стр. 81.

не спалось. Тогда онъ звалъ къ себѣ писаря, и диктовалъ кому-нибудь письмо. Такимъ образомъ у него минуты одной не проходило въ праздности.—Во время отдыха Старца уже никто не безпокоилъ. Народъ уходилъ на гостинницу. Двери кругомъ запирались,—и въ хибаркѣ и въ скиту на парадномъ крыльцѣ. Тутъ еще продѣвался засовъ, съ надписью келейника о. Михаила: „просимъ шламбомъ не вынимать".—Послѣ краткаго полуденнаго отдыха, часа въ три Старецъ былъ опять на ногахъ, и если чувствовалъ здоровье свое порядочнымъ, опять шелъ къ посѣтителямъ толковать; если же былъ слабъ, принималъ народъ въ кельѣ о. Іосифа, лежа на его койкѣ. Тутъ онъ среди толковъ съ народомъ и чай пилъ часовъ въ пять вечера. И опять и опять принималъ и толковалъ, толковалъ и принималъ.—Такъ какъ въ продолженіи дня въ келліяхъ Старца постоянно толпился народъ, и многіе приходили къ нему съ грязными ногами, то столько нанашивали ему въ келлію грязи, что на другой день младшій келейникъ долго, долго бывало трудится надъ очищеніемъ ея.

Часовъ въ восемь Старецъ ужиналъ,—подавалось на столъ тоже что и въ обѣдъ. И среди ужина келейники кое-о комъ и кое-о чемъ спрашивали Старца, а онъ не переставалъ отвѣчать. Или же опять заставлялъ почитать что-нибудь. Вскорѣ послѣ ужина, если силы Старца окончательно изнемогали, онъ ограничивался преподаніемъ всѣмъ общаго благословенія. Если же силы еще не совсѣмъ оставляли его, то опять начинались обычные пріемъ и толки, которые и продолжались иногда часовъ до одиннадцати ночи. Поспѣшно выходя для этой цѣли въ хибарку, или возвращаясь оттуда чрезъ корридоръ, гдѣ въ это время сидѣли на скамьяхъ братія монахи, въ ожиданіи также Старцева пріема, и разговаривали между собою о нужномъ и ненужномъ, Старецъ мимоходомъ скажетъ: „народъ! не разѣвай ротъ", - давая тѣмъ разумѣть, чтобы не праздословили и не праздномыслили. Наединѣ же съ кѣмъ-либо изъ праздномыслившихъ замѣтитъ иногда: „а ты бы, чѣмъ такъ то сидѣть, прошолъ бы чоточку съ молитвою Іисусовою".—Если же Старецъ замѣчалъ монаховъ, сидѣвшихъ въ безполезной задумчивости; то останавливался по недосугу на краткое время, и разсказывалъ какой-либо смѣшной анекдотъ, чтобы разогнать мракъ унынія, въ родѣ слѣдующаго: жилъ какой-то въ монастырѣ Іеромонахъ, который подписывалъ свое имя такъ,—напишетъ сначала букву ъ, а затѣмъ добавитъ—монахъ, и выходило ъмонахъ.—Или: какой-то настоятель поручилъ монаху одного мальчика, чтобы смотрѣть за его поведеніемъ. Замѣтивъ, что мальчикъ опускаетъ утреннія службы, монахъ однажды спросилъ его: „ты, когда приходишь къ утрени, что тамъ поютъ?"—„Да тамъ поютъ,—отвѣтилъ мальчикъ,—Боже мой! ахъ Боже мой!"—А въ церкви, по случаю великопостнаго времени, пѣлось: Заутра услыши гласъ мой, Царю мой и Боже мой.—Или разскажетъ извѣстный анекдотъ о томъ, какъ мужикъ разсыпалъ мѣру гороха, а собралъ двѣ, и проч.

Разсказанный Старцемъ легонькій анекдотецъ заставлялъ конечно всѣхъ, любившихъ батюшку, улыбнуться и встрепенуться.—Ходили братія къ Старцу и во всякое время дня, когда кому бывало нужно, но большею частію послѣ вечерняго правила, когда были свободны отъ послушаній.

Среди толковъ съ народомъ въ зимнее время, не выходя изъ келліи, Старецъ, какъ выше упомянуто, часто получалъ сильную простуду отъ одного холоднаго воздуха, если посѣтители, не обогрѣвшись, входили къ нему прямо съ улицы. И хотя келейники, по приказанію Старца, заботились о томъ, чтобы приходившіе предварительно обогрѣвались въ тепломъ корридорѣ, но за всѣми услѣдить было нельзя. Истомленный цѣлодневнымъ напряженнымъ трудомъ, Старецъ, захватившій иногда простуду, чувствовалъ по временамъ вечеромъ дурноту въ головѣ, иногда съ позывомъ на рвоту. Но тутъ опять было горе,—тошнило, томило, а рвоты не было, такъ какъ желудокъ былъ пустъ. Хорошо было, если удавалось Старцу вызвать какъ-нибудь маленькую рвоту; тогда онъ чувствовалъ облегченіе. Въ противномъ же случаѣ томленіе продолжалось.

Несмотря на крайнее обезсиленіе и болѣзненность Старца, день всегда заключался вечернимъ молитвеннымъ правиломъ, состоявшимъ изъ малаго повечерія, канона Ангелу Хранителю и вечернихъ молитвъ. Отъ цѣлодневныхъ почти безпрерывныхъ докладовъ, келейники, то и дѣло при томъ приводившіе къ Старцу и выводившіе посѣтителей, едва стояли на ногахъ; однако поперемѣнно читали означенныя молитвословія. Часто, несмотря на усиленное напряженіе, глаза слипались, уста смыкались, и чтецъ отъ налегавшей дремоты то и дѣло спотыкался въ чтеніи; а самъ Старецъ временемъ лежалъ на койкѣ почти безъ чувствъ. По окончаніи правила, онъ по обычаю у предстоящихъ испрашивалъ прощеніе, елика согрѣши дѣломъ, словомъ и помышленіемъ. Въ заключеніе келейники принимали отъ Старца благословеніе, и направлялись къ выходу. Зазвонятъ иногда часы. Слабымъ, едва слышнымъ, голосомъ спроситъ Старецъ: „сколько это?“ отвѣтятъ—двѣнадцать.—„Опоздали“, скажетъ.

Спать ложился Батюшка всегда одѣтымъ, лѣтомъ въ балахонъ, а зимой въ ватный подрясникъ, опоясанный непремѣнно кожанымъ поясомъ. На головѣ имѣлъ всегда шапку монашескую, а въ рукахъ чотки. Снималъ только сапоги, оставаясь въ однихъ чулкахъ. Богу извѣстно, какъ проводилъ Старецъ ночные часы. Только, по приходѣ къ нему на утреннее правило, келейники замѣчали, что во время ночи онъ перемѣнилъ нѣсколько фланелевыхъ рубашекъ; изъ чего можно видѣть, что непрерывнаго сна не имѣлъ.—Тѣмъ заканчивались суточные труды Старца.—На слѣдующій день его опять ожидали тѣже безпрерывные толки, съ болѣзненными прижимками недугованіями, и проч. и проч.

IX.

Б) Воскресные и праздничные дни и особые случаи.

Въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею [1]).

Наканунѣ каждаго воскреснаго и праздничнаго дня Старецъ о. Амвросій выслушивалъ у себя въ келліи бдѣніе. По началу, въ шестидесятыхъ годахъ, служилъ всегда эти бдѣнія преданный духовный сынъ его, Іеросхимонахъ Гавріилъ [2]). Тутъ же около двери стояли человѣка два-три пѣвчихъ. Скитоначальникъ о. Анатолій, бывшій въ то время простымъ монахомъ, пѣлъ басомъ. Келейники были въ качествѣ чтецовъ; а писарь о. Климентъ—канонархомъ.—По времени обстоятельства измѣнялись. Такъ какъ общее положеніе въ Скиту—отправлять церковную службу только дважды въ недѣлю—въ субботу и воскресенье и еще въ нѣкоторые дни, по какому-либо случаю установленные: то нездоровые и немощные скитяне вмѣсто того, чтобы идти слушать бдѣніе въ монастырь, испрашивали у Старца благословеніе быть на его келейномъ бдѣніи; и Старецъ конечно благословлялъ. Умножилось такимъ образомъ число молящихся, среди которыхъ были и пѣвцы. Потому, чтобы въ келліи Старца не было тѣсно и душно, пѣвчимъ велѣно было стоять въ передней, а наконецъ и въ корридорѣ, куда во время службы растворялись двери Старцевой келліи. Въ самой келліи Старца оставался одинъ служащій іеромонахъ, да еще можетъ быть кто либо изъ близкихъ къ нему. Впослѣдствіи и въ хибаркѣ оставались нѣкоторыя, по благословенію Старца, послушать сквозь дверь его келейное бдѣніе и помолиться.—Въ лѣтнее время неоднократно пріѣзжалъ въ Оптину пустынь покойный Графъ Александръ Петровичъ Толстой, бывшій Оберъ-Прокуроръ Св. Сѵнода, и всегда любилъ присутствовать на келейномъ бдѣніи у Старца. Бывали и другіе, подобные Графу, богомольцы. Самъ же Старецъ, и среди бдѣній, никогда почти не оставался безъ обычнаго своего дѣла. Во время чтенія паремій, каѳизмъ и канона онъ или кого либо исповѣдывалъ въ келліи о. Іосифа, или принималъ посѣтителей, кого не успѣлъ принять днемъ, или же наконецъ подкрѣплялся вечернею трапезою. Всегда только онъ выслушивалъ шестопсалміе и величаніе праздничное съ чтеніемъ Евангелія, стоя на своей койкѣ, какъ можно было замѣтить, съ глубокимъ вниманіемъ. Величаніе подпѣвалъ. Голосъ у него, несмотря на старость, былъ свѣтлый и пріятный теноркъ. Пѣлъ онъ всегда отъ души, и по слову

---

[1]) 2 Кор. XI, 27.

[2]) Вышеупомянутый монахъ Гавріилъ, который вмѣстѣ съ Іеродіакономъ Амвросіемъ, ѣздилъ въ свое время въ Калугу для посвященія.

Св. Писанія, *разумно* [1]). Если же посѣтителей и исповѣдниковъ у Старца во время его келейнаго бдѣнія не было, то большую часть службы онъ слушалъ сидя въ самоуглубленіи, а иногда отъ утомленія и лежа.—Нерѣдко можно было въ это время видѣть на лицѣ его слезы. Если Старецъ съ своими дѣлами не успѣлъ управиться, а бдѣніе до шестопсалмія уже отслужили; въ такомъ случаѣ служба на нѣсколько минутъ прерывалась, и Старца дожидались. По окончаніи келейнаго бдѣнія, которое, съ промежутками и пожданіемъ, продолжалось часа три, и отходило почти вмѣстѣ съ бдѣніемъ, отправлявшимся въ храмѣ, усталые келейники для усталаго Старца прочитывали конецъ вечернихъ молитвъ, начиная съ молитвы „Владыко Человѣколюбче“; и получивъ благословеніе, отходили на отдыхъ.

Утромъ, если въ скиту была своя литургія, которая обыкновенно начиналась всегда не раньше шести часовъ, Старецъ съ келейниками вставалъ за полчаса или за часъ передъ службой, прослушивалъ часы съ изобразительными, и отпускалъ келейниковъ въ церковь, а самъ оставался одинъ съ Единымъ Богомъ. Только это короткое время и было единственнымъ временемъ, когда онъ могъ побыть въ безмолвіи. Какъ онъ проводилъ это время, уже никому не извѣстно. А приходившіе изъ церкви келейники, вмѣстѣ съ писаремъ, заставали его всегда почти сидѣвшимъ на своей койкѣ, съ поджатыми ногами, за чтеніемъ книги: или посланій Апостольскихъ, или псалтыри, или Добротолюбія, или пр. Максима исповѣдника, или наконецъ Исаака Сирина. Всѣ эти книги онъ читалъ непремѣнно на славянскомъ нарѣчіи; потому что, какъ выше замѣчено, очень любилъ Славянскій языкъ. На книгахъ онъ иногда дѣлалъ собственноручно замѣтки; напр. какъ помнится, подъ словами Апостола Павла: *дадеся ми пакостникъ плоти ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ* [2]), подписано было Старцемъ въ видѣ подстрочія: „Александръ ковачъ“. — Въ Добротолюбіи же и въ книгѣ св. Исаака Сирина было очень много для памяти подчеркнутыхъ Старцемъ мѣстъ. Возвратившіеся изъ церкви писарь и келейники, предварительно входили съ молитвой къ Старцу, и получали отъ него благословеніе; а Старецъ, сидя за книгой, тутъ же иногда укажетъ кому нибудь изъ нихъ особенно назидательную въ книгѣ коротенькую статейку, и дастъ прочитать; потомъ отпускалъ всѣхъ ихъ подкрѣпиться чаемъ, и самъ подкрѣплялся. Скоро затѣмъ писарь возвращался къ Старцу, и начиналась обычная диктовка писемъ, а тамъ подходили посѣтители и посѣти-

---

[1]) Псал. XLVI, 7.—Но онъ не былъ, какъ нѣкоторые ошибочно думаютъ, искуснымъ пѣвцомъ. Временемъ онъ даже не могъ хорошо различать тоны, какъ самъ разсказывалъ о себѣ. Пришлось ему, еще во время іеродіаконства, участвовать въ архіерейскомъ служеніи, и послѣ ектеніи сугубой говорить прочія ектеніи. Регенту архіерейскаго хора пожелалось было задать молодому іеродіакону свой тонъ; но какъ не ухитрялся онъ сего достигнуть чрезъ довольно громкое съ клироса гуденіе, іеродіаконъ Амвросій и хорошо слышалъ долетавшій до него звукъ регента, но никакъ не могъ попасть въ его тонъ, и всѣ ектеніи до Херувимской пѣсни проговорилъ по своему. Впрочемъ это не великое дѣло.

[2]) 2 Кор. XII, 7.

тельницы; начинались по прежнему стукъ, звонъ, шумъ, ропотъ. И—такъ уже до глубокаго вечера опять все по будничному. Иногда же отъ большаго въ праздничный день прилива посѣтителей Старецъ утруждался больше, чѣмъ въ будни.—Если же въ скиту своей службы не было, то Старецъ оставлялъ при себѣ одного келейника для прочтенія часовъ, а прочихъ отпускалъ въ монастырь къ ранней обѣднѣ, которая всегда по праздникамъ начинается тамъ въ пять часовъ.

Съ нѣкоторою особенностію встрѣчались и проводились Старцемъ великіе праздники—Рождества Христова и св. Пасхи. Недѣли за двѣ до праздника Старецъ продиктовывалъ такъ называемое „общее поздравленіе", которое и переписывалось въ немаломъ количествѣ экземпляровъ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что эти общія поздравленія имѣютъ свою исторію. Въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ ихъ еще не было. Но вотъ главный писарь о. Климентъ подалъ Старцу мысль, ради такихъ великихъ праздниковъ, разсылать нѣкоторымъ, особенно преданнымъ ему, духовнымъ дочерямъ въ женскихъ обителяхъ самыя краткія поздравленія въ родѣ визитныхъ карточекъ. Писалось на маленькихъ клочкахъ почтовой бумаги такъ: „Сестра о Господѣ, мать такая-то! Поздравляю тебя съ праздникомъ Рождества Христова, или Воскресенія Христова". Поздравленіе это заканчивалось собственноручною подписью Старца: „Іеромонахъ Амвросій". — Но такія кратчайшія поздравленія скоро оказались Батюшкѣ не по вкусу. Къ празднику Рождества Христова 1869 года и къ Пасхѣ 70-го онъ уже самъ продиктовалъ краткія общія поздравленія съ праздниками. Приближался за тѣмъ опять праздникъ Рождества Христова. По установившемуся уже обычаю нужно было и опять готовить общія поздравительныя письма. Старецъ обратилъ теперь на это особенное вниманіе, сказавъ: „ужъ если писать, такъ написать должно что-нибудь полезное и назидательное"; и продиктовалъ первое глубоко-назидательное общее поздравленіе, въ которомъ, изъяснивъ таинство наступающаго праздника, приглашалъ унылыхъ и нечувственныхъ, со смиреніемъ и зазрѣніемъ себя, усердно и съ благоговѣніемъ внимать въ сіе время, чтенію и пѣнію церковному, и отъ нихъ, какъ отъ источника жизни и безсмертія, почерпать утѣшеніе, вразумленіе и спасеніе милостію и человѣколюбіемъ Сына Божія. — Съ этого времени уже до самой кончины своей готовилъ Старецъ, замѣчательныя по своему содержанію, рождественскія и пасхальныя общія поздравленія [1]). —Удивительно памятливъ былъ Старецъ. Въ продолженіи двадцати одного года онъ диктовалъ эти поздравленія, и не смотря на то, что никогда не справлялся о содержаніи продиктованныхъ въ прежніе годы писемъ, всегда говорилъ непремѣнно о разныхъ предметахъ.

Но вотъ наставалъ канунъ праздника. Келейники заботились о возможной чистотѣ Старцевыхъ келлій. Число постороннихъ посѣти-

[1]) Эти общія поздравленія изданы отъ Оптиной пустыни особою брошюрою, подъ заглавіемъ: „Поученія І. Амвросія въ общихъ праздничныхъ привѣтствіяхъ 1870—1891 г. Москва, 1892 г."

телей сравнительно уменьшалось, такъ какъ каждый заботился встрѣтить праздникъ у себя дома. Старецъ въ это время больше занятъ бывалъ исповѣдниками, и при томъ изъ своихъ братій. Иногда неспѣшно переходилъ онъ по какой-либо нуждѣ изъ келліи въ келлію. Лицо такое свѣтлое, святолѣпное. Видно было, что благодатный миръ и невозмутимая тишина наполняли его чистую душу. Любящее сердце его отверсто было ко всѣмъ. Отечески-ласковое слово, взглядъ или прикосновеніе рукой вызывали иногда у окружавшихъ его слезы умиленія.—Нѣсколько раньше обычнаго Старецъ ложился для краткаго отдыха; а въ самую полночь, когда въ монастырѣ ударяли къ утрени, вставалъ. Служащій іеромонахъ и пѣвчіе были на готовѣ. Изъ двухъ, имѣвшихся для келейнаго служенія, ризъ ради праздника подавалась получше. Зажигались предъ св. иконами свѣчи, и начиналась утреня, которая отходила нѣсколько раньше монастырской. Затѣмъ болѣзненный Старецъ ложился опять для отдыха, который впрочемъ скоро прерывался; потому что монастырскіе пѣвчіе, тотъ часъ по окончаніи утрени, приходили въ скитъ поздравлять Старца съ праздникомъ, а за ними и всѣ скитскіе братія. Въ праздникъ Рождества Христова славили Христа, а на Пасху пѣли девятую пѣснь пасхальнаго канона, съ возглашеніемъ за здравной ектеніи о Старцѣ. Послѣ чего Старецъ со всѣми пришедшими къ нему, сидя на своей койкѣ, христосовался, и одѣлялъ красными яйцами.—Предъ литургіей Старецъ по обычаю прослушивалъ праздничные часы, и отпускалъ всѣхъ своихъ келейниковъ въ монастырь къ обѣднѣ, которая начиналась порану. Въ скиту въ первые дни этихъ праздниковъ своей службы не бываетъ. — По окончаніи литургіи хотя посѣтителей, съ обычными нуждами и скорбями, почти не было; за то много было поздравляющихъ съ праздникомъ, а среди поздравителей замѣшивались иногда и толкуны. Потому Старецъ и въ эти великіе праздники былъ въ непрестанной молвѣ. На другой день праздниковъ—Рождества Христова и св. Пасхи въ скиту всегда служилъ литургію настоятель монастыря о. Архимандритъ Исаакій соборне; а послѣ, вмѣстѣ со служащими іеромонахами и іеродіакономъ, шелъ къ Старцу поздравлять его съ праздникомъ. Старецъ съ любовію принималъ дорогихъ гостей, и самъ усѣвшись на своей постелькѣ, съ поджатыми ногами, кушалъ съ гостями чай. Легкій разговоръ о чемъ-либо съ близкими, въ особенности съ старшими братіями, былъ для него нѣкотораго рода развлеченіемъ. Любилъ онъ послушать новости—церковныя и общественныя, и самъ поразскажетъ—бывало что-либо. Откушавъ чаю, о. Архимандритъ въ первые дни помянутыхъ великихъ праздниковъ всегда обѣдалъ въ скитской трапезѣ; а Старецъ принималъ у себя поздравителей и простыхъ посѣтителей.

Среди обычнаго теченія жизни бывали изрѣдка особенные случаи, которые нѣсколько разнообразили жизнь Старца. Такъ напр. получались имъ по почтѣ замѣчательныя иконы. Первая такая икона была Святителя Амвросія Медіоланскаго, около аршина вышины, и затѣмъ

въ особомъ ковчежцѣ часть мощей сего угодника Божія. А потомъ Аѳонцы въ разное время прислали нѣсколько иконъ: вышеупомянутую св. великомученика Пантелеимона и Божіей Матери „Достойно есть“, обѣ большихъ размѣровъ и замѣчательно искуснаго писанія, и еще изъ Московской Аѳонской часовни икону „Скоропослушницы“. Все это принималъ Старецъ, какъ великую милость Божію, какъ проявленіе особеннаго благоволенія къ нему Матери Божіей и святыхъ. Непремѣнно въ первый же вечеръ, по полученіи иконы, служилось келейное бдѣніе Божіей Матери, или тому угоднику Божію, въ честь котораго получалась икона, предъ которою Старецъ и молился съ особеннымъ благоговѣніемъ и умиленіемъ, лобызая оную. Временемъ, какъ упомянуто было, изъ с. Калуженки привозили въ Оптину пустынь, особенно чтимую всѣми благочестивыми жителями Калужской епархіи, чудотворную икону Божіей Матери, именуемую Калуженскою. Слушая бдѣніе или молебенъ предъ нею, Старецъ едва сдерживалъ слезы, которыя иногда и противъ его воли буквально текли ручьями, по свидѣтельству очевидца протоіерея с. Калуженки о. Александра Соколова, всегда сопровождавшаго въ Оптину св. икону. Что-то трогательно-праздничное ощущалось въ это время и въ душахъ всѣхъ окружавшихъ Старца молитвенника; живѣе вѣрилось въ ходатайство предъ Богомъ Матери Божіей и святыхъ за людей православныхъ.

Но особенною торжественностію и великолѣпіемъ отличался день Ангела Старца Амвросія, седьмое декабря, празднованіе памяти Святителя Амвросія Медіоланскаго. Старецъ глубоко чтилъ своего духовнаго покровителя. Съ вечера какъ въ монастырѣ, такъ и въ Скиту, и особо въ келліи Старца отправлялось бдѣніе Святителю Амвросію. Кажется въ началѣ семидесятыхъ годовъ однимъ скитскимъ іеромонахомъ Антоніемъ [1]) составлена была особая полная служба съ акаѳистомъ св. Амвросію Медіоланскому, и Старецъ съ того времени у себя въ келліи всегда выслушивалъ эту службу съ акаѳистомъ. Въ самый день Батюшкина Ангела въ монастырѣ и скиту отправлялись соборныя литургіи, съ молебнами св. Амвросію, и съ возглашеніемъ Старцу Амвросію многолѣтія. Въ скиту служилъ и самъ настоятель о. Игуменъ Исаакій. Послѣ молитвы о здоровьи Старца, предварительно всѣ скитскіе братія, какъ самые близкіе къ Старцу, сожители его, во главѣ съ о. Игуменомъ и скитоначальникомъ, являлись къ нему въ келлію; пѣли тропарь и кондакъ святому; діаконъ возглашалъ ектенію и многолѣтіе Старцу, и затѣмъ почтительно приносили ему поздравленіе съ днемъ Ангела. Болѣзненный Старецъ по обычаю, въ своемъ простомъ, иногда заплатномъ подрясникѣ, сидѣлъ съ поджатыми ногами на своей койкѣ; а всѣ братія, не исключая даже скитоначальника кромѣ конечно о. Игумена, подходя къ нему, кла-

[1]) Впослѣдствіи Архимандритъ, настоятель Переяславскаго Троицкаго Данилова монастыря. Скончался на покоѣ въ Оптиной пустыни 22 марта 1889 г., принявъ постригъ въ схиму съ именемъ Авраамія.

нялись ему въ ноги. Съ іеромонахами Старецъ цѣловался рука въ руку, прочимъ всѣмъ преподавалъ благословеніе. Затѣмъ всѣ скитяне, по приглашенію любвеобильнаго Старца, размѣщались въ разныхъ уголкахъ его келліи: о. Игуменъ и скитоначальникъ съ іеромонахами оставались въ Старцевой келліи съ самимъ Старцемъ, прочіе кто въ заликѣ, кто въ келліяхъ Старцевыхъ келейниковъ, а кто и въ хибаркѣ, въ которую въ это время еще не впускали женскій полъ. Поили всѣхъ сладкимъ чаемъ, съ прекрасной мягкой сдобной булкой.— Послѣ скитскихъ братій приходили къ Старцу монастырскіе пѣвчіе, тоже съ поздравленіемъ, которое совершалось такимъ же порядкомъ. Въ трапезѣ скитской и монастырской было веліе утѣшеніе. Но въ то время какъ братія должны были трапезовать, старшіе изъ нихъ, іеромонахи и іеродіаконы, во главѣ съ о. Игуменомъ, и нѣкоторые изъ почетныхъ постороннихъ гостей собирались въ келліи Старца на закуску, которую вѣрнѣе можно было назвать великолѣпнымъ обѣдомъ. Самъ Старецъ съ о. Игуменомъ и болѣе почетными гостями, располагался въ заликѣ,—гости за столомъ, а Старецъ—на мягкомъ диванѣ, по обычаю своему, съ поджатыми ногами, которыя не могли терпѣть холода отъ пола. Среди угощенія шла непринужденная бесѣда о разныхъ, подходящихъ ко времени предметахъ. Самъ Старецъ шутилъ. Подавали напр. однажды среди обычной закуски жаркое, котораго Старецъ, какъ упомянуто выше, никогда не кушалъ, по причинѣ, какъ говорилъ онъ, слабости своего желудка, а по мнѣнію нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, можетъ быть и по воздержанію, вслѣдствіе схимническихъ обѣтовъ. Посмотрѣлъ Старецъ на рыбу, да и промолвилъ: „эхъ хорошо кушанье-то! Ну, дай хоть понюхаю, коли ѣсть нельзя“. Подвесъ келейникъ жаркое къ носу Старца. Онъ понюхалъ. „Ну, говоритъ, неси далѣе“. Произошелъ конечно общій смѣхъ.—Всѣхъ гостей бывало до полсотни, если не болѣе. Но вслѣдъ за первымъ столомъ набирался другой столъ, нѣсколько меньшій численностію, для менѣе почетныхъ лицъ. Затѣмъ набиралась полная хибарка монахинь, и даже мірскихъ особъ, пріѣзжавшихъ съ разныхъ сторонъ поздравить дорогого Батюшку со днемъ его Ангела. Всѣхъ ихъ поили сладкимъ чаемъ и одѣляли по куску пирога. Среди этихъ угощеній не обходилось иногда и безъ непріятностей. Утомленные суетой келейники или какъ-нибудь забудутъ подать какой-либо гостьѣ чаю, или еще что-нибудь случится. Сейчасъ послышится ропотъ. А, по пословицѣ,—невѣсткѣ бывали и отместки. Кромѣ того келейники дадутъ знать о семъ Старцу. Но самъ Старецъ всегда снисходительно относился къ этимъ нетерпѣливымъ роптуньямъ, и послѣ угощенія, выходя къ нимъ на общее благословеніе, у нихъ же просилъ прощенія въ своей неисправности. Разъ какъ-то вышелъ, и такимъ умильнымъ тономъ проговорилъ: „простите меня, матери и сестры! съ любовію готовъ бы всѣхъ васъ всѣмъ удовлетворить; но вы вѣдь знаете немощь мою. А это все тамъ у васъ о. Михаилъ (келейникъ),—кого чаемъ, а кого „величаемъ“.—Отсутствовавшимъ же бѣднымъ мона-

хинямъ въ Бѣлевскій женскій монастырь посылались возами бѣлые хлѣбы и пироги. Въ послѣобѣденное время, всѣ монастырскіе братія, числомъ до 300 человѣкъ, попеременно приходили поздравить Старца со днемъ Ангела, а затѣмъ отправлялись въ скитскую трапезу, гдѣ ихъ поили чаемъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, одѣляли сластями и подносили пившимъ по стакану пива.

Всѣ издержки на эти угощенія ежегодно принимала на себя одна изъ самыхъ преданныхъ Старцу духовныхъ его дочерей, вышеупомянутая богатая помѣщица, Александра Николаевна Ключарева, которая изъ особеннаго расположенія и уваженія къ Старцу Амвросію, приняла, при постригѣ въ мантію, и имя Амвросіи. Въ заключеніе, сама матушка Амвросія готовила у себя въ этотъ день ужинъ, кстати и по случаю своихъ имянинъ, на который приглашалось также немало разнаго рода гостей.— Такимъ образомъ, въ день Ангела Старца Амвросія, никто изъ близкихъ къ нему, по возможности, не былъ забытъ.

Къ особымъ случаямъ въ жизни Старца Амвросія можно отнести и посѣщенія его Калужскими Владыками, каковыя посѣщенія приходились большею частію въ лѣтнее время, когда Преосвященные обыкновенно ѣздятъ для обозрѣнія своихъ епархій. Для встрѣчи своего Архипастыря, Старецъ одѣвался во все Іеромонашеское облаченіе,— рясу, мантію и клобукъ; выходилъ на крылечко своей келліи, при входѣ на которое Святителя кланялся ему въ ноги, принималъ благословеніе, и вводилъ его въ заликъ. Здѣсь иногда наединѣ съ Архипастыремъ проводилось имъ нѣсколько времени во взаимной бесѣдѣ. При посѣщеніи Владыкъ Старецъ всегда держался обычной своей дѣтской простоты. Если во время бесѣды съ Архипастыремъ у него сырѣли ноги,— отъ чего онъ всегда испытывалъ сильную головную боль,— то онъ нисколько не стѣсняясь, тотчасъ же испрашивалъ у Святителя благословеніе переобуться, и тутъ же при немъ переобувался. Особенное благоговѣніе питалъ Старецъ къ покойному Архіепископу Григорію. Всегдашній отзывъ Старца о семъ Святителѣ былъ таковъ: „уменъ, и святъ“. Потому каждое слово сего Архипастыря онъ считалъ выраженіемъ воли Божіей, и всегда чрезъ О. Игумена Исаакія, нерѣдко посѣщавшаго по дѣламъ Калугу, обращался къ нему за рѣшеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ относительно внѣшней и внутренней жизни обители, если почему либо затруднялся брать это рѣшеніе на себя, совѣтуя и самому О. Игумену вопрошать въ такихъ случаяхъ Архипастыря, какъ самимъ Богомъ поставленнаго, и поступать согласно его волѣ. Дивно было и смиреніе Владыки Григорія. Выслушавъ отъ Оптинскаго настоятеля какой либо Старцевъ вопросъ, онъ не сразу его рѣшалъ, а сначала самъ спрашивалъ О. Игумена: „а какъ смотритъ на это Старецъ?“ И уже послѣ рѣшалъ вопросъ, сообразуясь съ мнѣніемъ самого Старца. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ прямо говорилъ: „Да это уже какъ самъ Старецъ рѣшитъ,— я не беру этого на себя“.

Этотъ благостный и монахолюбивый Владыка настолько былъ внимателенъ къ трудамъ и подвигамъ Старца Амвросія въ отношеніи его служенія страждущему человѣчеству, что представилъ его въ 1870 году къ рѣдкой въ то время наградѣ—золотому наперсному кресту, который и полученъ былъ имъ по почтѣ 13-го сентября означеннаго года.—За Севастопольскую кампанію бронзовый крестъ Старецъ давно уже имѣлъ. И въ этихъ крестахъ онъ всегда встрѣчалъ посѣщавшихъ его Владыкъ; надѣвалъ иногда и въ другихъ важныхъ случаяхъ. Полученіе Старцемъ наперснаго креста сильно повліяло на него. Съ краскою въ лицѣ, съ навернутыми на глазахъ слезами, считая себя по смиренію недостойнымъ такой награды, онъ долго не рѣшался надѣвать присланный ему крестъ. Но наконецъ усиленныя просьбы множества Старцевыхъ почитателей заставили его подчиниться общеустановленному церковному порядку. Какая была по этому случаю радость для Старца и всѣхъ окружавшихъ его духовныхъ дѣтей,—можетъ каждый представить себѣ.

Въ 1887 году изволилъ посѣтить Оптину пустынь Великій Князь Константинъ Константиновичъ, который провелъ не малое время въ душеполезной бесѣдѣ съ Старцемъ, и послѣ съ любовію относился къ нему.

Въ томъ же году въ іюлѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Оптину Высокопреосвященный Іоанникій, митрополитъ Московскій (нынѣ Кіевскій) въ сопровожденіи епархіальнаго Архіерея Владиміра. Старцу сказано было встрѣтить высокаго гостя, вмѣстѣ съ скитскою братіей въ церкви, для чего онъ и пришелъ въ церковь. Не зная о семъ, Владыка Митрополитъ посѣтивши скитскій храмъ, и помолившись по обычаю предъ св. иконами, сказалъ: „Ну теперь пойти къ Старцу“. Но лишь только обернулся назадъ, какъ тотчасъ увидалъ предъ собою самого Старца. Удивленный такою неожиданностію, Высокопреосвященный милостиво изволилъ замѣтить ему: „Зачѣмъ вы трудились приходить сюда? Я самъ непремѣнно буду у васъ“. И попросилъ его тотчасъ же удалиться въ келлію. Дѣйствительно, Митрополитъ посѣтилъ его въ келліи, долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, и выйдя изъ келліи Старца, почтительно простился съ нимъ.

24-го августа 1888 года служилъ въ Оптиной позднюю литургію новый Калужскій Архипастырь Преосвященный Анастасій[1]), который вскорѣ послѣ литургіи, въ сопровожденіи настоятеля обители и нѣкоторыхъ братій, осматривалъ монастырь и скитъ, и затѣмъ навѣстилъ Старца Амвросія. По причинѣ поздняго времени, недолго сидѣлъ Владыка съ Старцемъ, сказавъ, что еще навѣститъ его. И навѣстилъ 26-го августа утромъ, послѣ ранней обѣдни, предъ самымъ отъѣздомъ въ Калугу.—Проводивъ Владыку, Старецъ вышелъ по обычаю въ хибарку преподать благословеніе ожидавшимъ, среди которыхъ много

[1]) Нынѣ Епископъ Воронежскій, бывшій въ Калугѣ послѣ Епископа Владиміра (нынѣ Нижегородскаго), замѣстителя Калужской каѳедры, по кончинѣ Архіепископа Григорія.

было Шамординскихъ сестеръ. Обошелъ, благословилъ всѣхъ, и вернувшись сѣлъ близъ образа Божіей Матери „Достойно есть“, на коммодикъ у шкафа, а ноги поставилъ на стулъ, и началъ говорить: „Небось вамъ хочется знать, что говорилъ мнѣ Владыка? Вотъ что: скажи, говоритъ, настоятельницѣ (Шамординской), чтобы она спрашивала всѣхъ, вновь поступающихъ: зачѣмъ онѣ пришли, —спасаться и трудиться, или хлѣбъ даромъ ѣсть? Спаситель сказалъ народу: „вы не потому пришли, и не потому радуетесь, что видѣли и слышали Меня, а потому что ѣли и насытились“. Потомъ еще сказалъ Владыка: не надо строптивыхъ совсѣмъ принимать; а сначала испытать; а кого раньше приняли, не узнавши, и кто оказался таковымъ, того прогнать. А то въ монастырѣ хотятъ все своей воли; а „своя воля царя болѣ“. А про Оптину сказалъ Владыка такъ: „здѣсь я вижу, чуть что не такъ, сейчасъ сожмутъ,—не разойдется, не дадутъ воли,—кого въ пекарню, кого въ просфорню, кого въ огородъ,—сейчасъ скрутятъ“. А братія говорятъ про Владыку. что онъ „простъ да тонокъ“. А каковъ Преосвященный въ обращеніи, спросили Старца.—„Очень простъ, но премудръ“, отвѣтилъ Старецъ. „А какъ понравилось ему въ Шамордино“, еще спросили.—„Владыка говорилъ съ улыбкою, что хорошо поютъ“,—отвѣчалъ Батюшка; и затѣмъ прибавилъ: „онъ какъ истинный монахъ, не коритъ и не хвалитъ“.—Вотъ и вы, Батюшка, никогда насъ не хвалите, сказала какая-то.—„Да чтожъ васъ хвалить, отвѣтилъ Старецъ, когда вы сами себя хвалите“ [1]).

Разнообразилась нѣсколько жизнь Старца еще посѣщеніемъ духовныхъ Старцевъ монаховъ. Одинъ изъ таковыхъ былъ въ свое время Благочинный Калужскихъ монастырей, настоятель Тихоновой пустыни, почтенный Архимандритъ Моисей, почти одновременно съ Старцемъ Амвросіемъ поступившій въ число братства Оптиной пустыни, и вмѣстѣ съ нимъ жившій немалое время, хотя одинъ въ монастырѣ, а другой въ скиту. Побесѣдовать съ этимъ настоятелемъ Старецъ считалъ за удовольствіе. Вдвоемъ съ нимъ запрется въ своей кельѣ часа на два, и уже въ это время отнюдь никого не принималъ, ни изъ своихъ, ни изъ постороннихъ.

Любилъ такъ же Старецъ побесѣдовать и съ мірскими благочестивыми, въ особенности образованными, людьми, каковыхъ бывало у него не мало. Посѣщали Старца и свѣтскіе писатели, какъ напр. Достоевскій [2]) и В. С. С. О первомъ изъ нихъ Старецъ, съ свойственною ему проницательностію, отозвался: „это кающійся“; а о второмъ далъ неодобрительный отзывъ. Были у Старца Амвросія: извѣстный М. П. Погодинъ и Юркевичъ профессоръ Московскаго университета. При Старцѣ проживалъ немалое время К. Н. Леонтьевъ.

---

[1]) Изъ брошюры „Тяжелая утрата“, стран. 88—89.

[2]) Достоевскій былъ въ Оптиной однажды на короткое время, какъ посторонній наблюдатель. Старецъ Амвросій никогда не имѣлъ съ нимъ общенія и переписки. Объ отзывѣ Старца Амвросія о Достоевскомъ и В. С. С. смотри въ „Душеполезномъ Чтеніи“. Январь 1892 г., стр. 46.

Нерѣдко бывали у него: покойная графиня Протасова Императорская фрейлина, и семейство князей О..... Къ нему пріѣзжали и инородцы, напр. съ графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ пріѣзжали погостить въ Оптиной греки, получавшіе воспитаніе въ Россіи на счетъ графа; черкесы, обратившіеся въ православіе; гостили нѣкоторое время въ скиту двое датчанъ, изъ которыхъ одинъ принялъ православіе; пріѣзжала Абиссинская царевна, и другіе подобные. Всѣхъ ихъ принималъ Старецъ, какъ близкихъ родныхъ, и участливо относился къ ихъ положенію, не упуская такъ же изъ вниманія чего либо замѣчательнаго изъ ихъ народной жизни. Вслѣдствіе общей любви и уваженія къ Старцу, немало пріѣзжало въ Оптину лицъ католическаго и другихъ неправославныхъ вѣроисповѣданій, которые, по его благословенію, принимали тутъ же православіе. Изъ нихъ въ особенности извѣстенъ вышеупомянутый Сергѣй (Станиславъ) Михайловичъ Барановичъ, бывшій нѣкогда вице-губернаторомъ въ Калугѣ, принявшій православіе въ Оптиной пустыни 7 ноября 1868 года; Либавскій гражданинъ, проживавшій въ Орлѣ, Фердинандъ Христіановичъ Розенъ, принявшій православіе 26 іюля 1868 года, воспріемникомъ котораго былъ самъ Старецъ Амвросій; шведка Марія Каролина Орръ изъ Гельсингфорса присоединенная къ православію 23 февраля 1869 года, сказывавшая, что по принятіи православія, она чувствовала великое душевное утѣшеніе; лютеранка изъ города Бѣлева, Вильгельмина Карловна урожденная Куссъ, съ дочерью Маріею, и католичка полька, бывшая въ замужествѣ за русскимъ, Елена Титова, присоединенныя къ православію 15-го марта 1869 года, также по присоединеніи ощущавшія великую духовную радость. Было послѣ и еще много присоединеній къ православію, при дѣятельномъ участіи Старца Амвросія.

Находимъ не лишнимъ упомянуть и о томъ, что у Старца Амвросія былъ и графъ Л. Н. Толстой[1]). Пришелъ онъ въ Оптину, кажется въ концѣ семидесятыхъ годовъ пѣшкомъ, въ крестьянской одеждѣ, въ лаптяхъ и съ котомкой за плечами. Скоро впрочемъ открылось его графское достоинство. Пришелъ онъ купить что то въ монастырскую лавку, и началъ при всѣхъ раскрывать свой туго набитый деньгами портмоне, и потому вскорѣ узнали, кто онъ таковъ. Какъ по виду крестьянинъ, онъ пріютился въ простонародной гостинницѣ. Одного бѣднаго дьячка спросилъ Старецъ Амвросій, гдѣ остановился.— „Да тамъ, отвѣчалъ тотъ, съ графомъ въ простонародной“.—Этотъ, представлявшій изъ себя какого-то особеннаго человѣка, лично былъ у Старца, и сказалъ ему, указавъ на свою одежду, какъ онъ живетъ.— „Да чтожъ изъ этого?“—воскликнулъ Старецъ, съ улыбкою поглядывая на него. Неизвѣстенъ подлинный отвѣтъ Старца графу, но смыслъ его таковъ: одна внѣшность безъ внутренняго содержанія, что тѣло

[1]) Графъ Л. Н. Толстой былъ у Старца Амвросія только однажды, какъ свидѣтельствуетъ Старецъ І. Іосифъ и прочіе Оптинскіе братія и въ Шамординѣ. Впрочемъ нѣкоторые говорятъ, что Толстой былъ въ Оптинѣ дважды.

безъ души. Всѣ труды и подвиги тѣлесные и даже самоумерщвленія, если они не направлены къ исполненію заповѣдей Евангельскихъ, къ пріобрѣтенію добродѣтелей, и въ особенности смиренія, не только не приносятъ пользы душѣ человѣка, но наоборотъ приносятъ ей величайшій вредъ,—совершенно ее погубляютъ.

Наконецъ, особеннымъ днемъ въ году для Старца было 7-е сентября, день кончины его Старца, Батюшки О. Макарія, къ которому какъ выше замѣчено, всегда питалъ онъ беззавѣтную любовь. Такъ какъ въ этотъ день, со времени кончины Старца Макарія, дозволено было пускать въ скитъ женскій полъ: то къ этому числу ежегодно собиралось многое множество монахинь и мірянокъ почтить его память молитвеннымъ поминовеніемъ, а кстати и осмотрѣть сокровенный для нихъ скитъ[1]). 7-го сентября потому въ особенности Старецъ Амвросій былъ въ совершенной осадѣ отъ женщинъ, которыя цѣлый день окружали его корпусъ со всѣхъ сторонъ.

Такъ, среди непрестанныхъ трудовъ и ежедневной суеты, среди многоразличныхъ скорбей, напастей и болѣзней,—этихъ волнъ и волненій моря житейскаго, плыла къ тихой пристани ладія Старца Амвросія. Но окриляемый живою вѣрою въ Промыслъ Божій и непостыдною надеждою, онъ своимъ любящимъ сердцемъ такъ былъ прикованъ къ неизреченной красотѣ горняго града Іерусалима небеснаго, что, какъ казалось окружавшимъ его, или почти—или совсѣмъ ихъ не замѣчалъ.

X.

Нѣкоторыя общія наставленія Старца Амвросія, записанныя большею частію хибарочными посѣтительницами.

Сотове медовніи словеса добрая. [2])

Какое пріятное впечатлѣніе производила старцева хибарка на посѣтительницъ, описываетъ одна изъ нихъ такъ: „Какъ радостно забьется сердце, когда, идя по темному сосновому лѣсу, увидишь въ концѣ дорожки скитскую колокольню, а съ правой стороны убогую келлійку смиреннаго подвижника! Какъ легко на душѣ, когда сидишь въ этой тѣсной и душной хибаркѣ, и какъ свѣтло кажется при ея таинственномъ полусвѣтѣ! Сколько людей перебывало здѣсь! И приходили сюда, обливаясь горькими слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаянныя—утѣшенными и ободренными; невѣрующія и сомнѣвающіяся—вѣрными чадами Церкви. Здѣсь жилъ „Батюшка“ — источникъ столькихъ благодѣяній и утѣшеній. Ни званіе человѣка, ни состояніе не имѣли никакого значенія въ его глазахъ. Ему нужна была только душа человѣка, которая настолько была

---

[1]) Съ 1899 года дозволеніе пускать въ скитъ женскій полъ отмѣнено.

[2]) Притч. Сол. XVI, 24.

дорога для него, что онъ, забывая себя, всѣми силами старался спасти ее, поставивъ на истинный путь. Съ утра до вечера, удрученный недугомъ, Старецъ принималъ посѣтителей, подавая каждому по потребности. Слова его принимались съ вѣрой, и были закономъ. Благословеніе его, или особенное вниманіе считалось великимъ счастіемъ; и удостоившіяся этого выходили отъ него крестясь, и благодаря Бога за полученное утѣшеніе".

Совѣты же и наставленія свои, которыми Старецъ Амвросій пользовалъ души приходившихъ къ нему съ вѣрою, преподавалъ онъ или часто въ уединенной бесѣдѣ, или вообще всѣмъ окружавшимъ его, въ формѣ самой простой, отрывочной и нерѣдко шутливой. Вообще нужно замѣтить, что шутливый тонъ назидательной рѣчи Старца былъ его характерной чертой.

„Какъ жить?"—слышался старцемъ со всѣхъ сторонъ общій и весьма важный вопросъ.—По своему обыкновенію онъ отвѣчалъ въ шутливомъ тонѣ: „жить—не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всѣмъ мое почтеніе". — Такой тонъ старцевой рѣчи вызывалъ часто улыбку на уста легкомысленныхъ слушателей. Но если посеріознѣе вникнуть въ это наставленіе, то каждый увидитъ въ немъ глубокій смыслъ. — „Не тужить", т. е. чтобы сердце не увлекалось неизбѣжными для человѣка скорбями и неудачами, направляясь къ Единому Источнику сладости вѣчной — Богу; чрезъ что человѣкъ, при безчисленныхъ и разнобразныхъ невзгодахъ, можетъ успокоивать себя, мирясь съ ними, или „смиряясь".—„Не осуждать", „не досаждать".—Ничего нѣтъ обыкновеннѣе между людьми осужденія и досажденія, этихъ исчадій погибельной гордости. Ихъ однихъ достаточно къ тому, чтобы низвести душу человѣка во дно адово; между тѣмъ какъ онѣ большею частію и за грѣхъ не считаются.— „Всѣмъ мое почтеніе" — указываетъ на заповѣдь Апостола: *честію другъ друга большa творяще* [1]).—Сводя всѣ эти мысли къ одной общей, мы видимъ, что въ вышеприведенномъ изреченіи проповѣдывалось Старцемъ главнымъ образомъ смиреніе,—эта основа жизни духовной, источникъ всѣхъ добродѣтелей, безъ котораго, по ученію Св. Іоанна Златоуста, какъ упомянуто прежде, невозможно спастись.

На предлагавшійся Старцу общій вопросъ: „какъ жить?"—иногда отвѣчалъ онъ и нѣсколько иначе: „нужно жить нелицемѣрно, и вести себя примѣрно; тогда наше дѣло будетъ вѣрно, а иначе выйдетъ скверно". Или такъ: „жить можно и въ міру, только не на — юру, а жить тихо." — Но и эти наставленія Старца клонились также къ пріобрѣтенію смиренія.

„Мы должны, еще говорилъ Старецъ, жить на землѣ такъ, какъ колесо вертится,—чуть только одной точкой касается земли, а остальными непремѣнно стремится вверхъ; а мы какъ заляжемъ на землю, такъ и встать не можемъ".

---

[1]) Римл. XII, 10.

О смиреніи: „чтобы жить въ монастырѣ, надо терпѣнія не возъ, а цѣлый обозъ“. И еще: „чтобы быть монахиней, надо быть либо желѣзной, либо золотой“.— Батюшка пояснялъ это такъ: желѣзной— значитъ имѣть большое терпѣніе, а золотой—большое смиреніе“.

„Если кто тебя обидитъ, не разсказывай никому кромѣ старца, и будешь мирна. Кланяйся всѣмъ, не обращая вниманія, отвѣчаютъ ли тебѣ на поклонъ, или нѣтъ. Смиряться нужно предъ всѣми, и считать себя хуже всѣхъ. Если мы не совершили преступленій, какія совершили другіе, то это можетъ быть потому, что не имѣли къ тому случая,—обстановка и обстоятельства были другія. Во всякомъ человѣкѣ есть что нибудь хорошее и доброе; мы же обыкновенно видимъ въ людяхъ только пороки, а хорошаго ничего не видимъ“.

Сказалъ Старецъ однажды на общемъ благословеніи: „Богъ посѣщаетъ Своею милостію только смиренныхъ“. Послѣ этого, немного помолчавъ, вдругъ прибавилъ: „будите готови, не вѣсте бо ни дне ни часа“... Чрезъ нѣсколько минутъ, тутъ же на общемъ благословеніи, извѣстили Батюшку о кончинѣ одного скитскаго послушника (Алексѣя Кронштадскаго).

О томъ, что безъ смиренія невозможно спастись, Старецъ разсказывалъ примѣръ: „Одна Г-жа видѣла во снѣ Господа Іисуса Христа и предъ Нимъ толпу народа. На Его зовъ первою подошла къ Нему дѣвушка крестьянка, а потомъ мужикъ въ лаптяхъ и еще всѣ люди крестьянскаго сословія.—Г-жа подумала, что и ее за доброту и вообще за всѣ ея добродѣтели Онъ также возметъ. Каково же было ея удивленіе, когда она увидѣла, что Господь пересталъ уже и звать! Она рѣшилась было сама напомнить о себѣ Господу, но Онъ совсѣмъ отвратился отъ нея. Тогда она упала на землю, и начала смиренно сознаваться, что она дѣйствительно хуже всѣхъ, и недостойна быть въ Царствіи небесномъ“.—Батюшка затѣмъ прибавилъ: „а вотъ такія-то и годятся; такихъ-то тамъ и надо“ [1]).

На слова одной, стоявшей около старца: „гордость мѣшаетъ во всемъ“, онъ отвѣтилъ: а ты закутайся въ смиреніе; тогда если и небо къ землѣ прильнетъ, не страшно будетъ“.

Очень многимъ и гордиться-то вовсе нечѣмъ. По этому поводу Старецъ передавалъ такой разсказъ: „одна исповѣдница говорила духовнику, что она горда.—Чѣмъ же ты гордишься? спросилъ онъ ее; ты вѣрно знатна?—Нѣтъ, отвѣтила она.—Ну, талантлива?—Нѣтъ.—Такъ стало быть богата? — Нѣтъ.—Г-мъ! въ такомъ случаѣ можешь гордиться,—сказалъ напослѣдокъ духовникъ.

На вопросъ: какъ это праведники, зная что они хорошо живутъ по заповѣдямъ Божіимъ, не возносятся своею праведностію?—Старецъ отвѣтилъ: „они не знаютъ, каковъ ожидаетъ ихъ конецъ“.—Потому, прибавлялъ онъ, „спасеніе наше должно содѣваться между страхомъ

---

1) См. въ приложеніи № 2 подлинное письмо этой Г-жи, гдѣ видѣніе описано въ подробности.

и надеждою. Никому ни въ какомъ случаѣ не должно предаваться отчаянію, но не слѣдуетъ и надѣяться чрезмѣрно.

Вопросъ: можно ли желать совершенствованія въ жизни духовной?—Отвѣтъ Старца: „не только можно желать, но и должно стараться совершенствоваться въ смиреніи, т. е. въ томъ, чтобы считать себя въ чувствѣ сердца хуже и ниже всѣхъ людей и всякой твари".

Человѣку грѣшнику естественно и необходимо смиряться. Если же онъ не смирится, то смирятъ его обстоятельства, промыслительно устрояемыя къ его душевной пользѣ. Въ счастіи онъ обыкновенно забывается, и все приписываетъ себѣ—своей безсильной силѣ и мнимой власти; но лишь посѣтитъ его какое-либо несчастіе, проситъ пощадѣнія даже и у воображаемаго врага. Истину эту Старецъ выражалъ притчею: „Человѣкъ какъ жукъ. Когда теплый день и играетъ солнце, летитъ онъ, гордится собою и жужжитъ: всѣ мои лѣса, всѣ мои луга! всѣ мои луга, всѣ мои лѣса! — А какъ солнце скроется, дохнетъ холодомъ и загуляетъ вѣтеръ,—забудетъ жукъ свою удаль, прижмется къ листку, и только пищитъ: не спихни!"

Или еще разсказывалъ Старецъ, какъ иногда нечаянно обстоятельства смиряютъ человѣка: „Разъ кто-то устроилъ у себя обѣдъ, и разослалъ своихъ слугъ приглашать гостей. Одинъ изъ приглашаемыхъ и спрашиваетъ присланнаго къ нему неаккуратнаго слугу: неужели у твоего господина получше тебя никого не нашлось послать ко мнѣ? На это посланный отвѣчалъ: хорошихъ-то по хорошимъ разослали, а меня послали къ вашей милости".

Говорилъ и еще Старецъ Амвросій въ назиданіе своимъ ученицамъ о смиреніи: „Пришелъ было къ настоятелю о. архимандриту Моисею одинъ посѣтитель; но не заставъ его дома, отправился къ его родному брату, упомянутому выше о. игумену Антонію. Среди разговора гость и спросилъ о. игумена: скажите, батюшка, какого вы держитесь правила?—О. Антоній отвѣчалъ: „много было у меня правилъ; жилъ я въ пустыни и по монастырямъ, и все разныя были правила; а теперь осталось одно мытарево: Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному!.

При этомъ Батюшка еще разсказалъ, какъ „одна все хотѣла странствовать туда и сюда—и въ Кіевъ и въ Задонскъ; а старецъ одинъ и говоритъ ей: все это тебѣ не на пользу; а сиди-ко лучше дома, и твори мытареву молитву".

„Лишь только смирится человѣкъ, говаривалъ Старецъ, какъ тотъ часъ же смиреніе поставляетъ его въ предверіи царства небеснаго", которое, прибавимъ къ сему апостольскія слова, *нѣсть брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ*[1]).

„Царствіе Божіе, говорилъ еще Старецъ, не въ словахъ, а въ силѣ; нужно меньше толковать, больше молчать, никого не осуждать, и всѣмъ мое почтеніе".

---

[1]) Римл. XIV, 17.

О терпѣніи: „Когда тебѣ досаждаютъ, никогда не спрашивай,— зачѣмъ и почему. Въ Писаніи этого нигдѣ нѣтъ. Тамъ напротивъ сказано: если кто ударитъ тебя въ десную ланиту, обрати ему и другую.— Въ десную ланиту на самомъ дѣлѣ ударить неудобно; а это разумѣть нужно такъ: если кто будетъ на тебя клеветать, или безвинно чѣмъ нибудь досаждать,— это будетъ означать удареніе въ десную ланиту. Не ропщи, а перенеси ударъ этотъ терпѣливо, подставивъ при семъ лѣвую ланиту, т.-е. вспомнивъ свои неправыя дѣла. И если можетъ быть ты теперь невиненъ, то прежде много грѣшилъ; и тѣмъ убѣдишься, что достоинъ наказанія".

„Батюшка! научите меня терпѣнію", сказала одна сестра. „Учись, отвѣтилъ Старецъ, и начинай съ терпѣнія находящихъ и встрѣчающихся непріятностей".—„Не могу понять, какъ можно не возмущаться обидами и несправедливостями".—Отвѣтъ Старца: „будь сама справедлива, и не обижай никого".

Если кто либо изъ братіи, по малодушію и нетерпѣливости, скорбѣлъ о томъ, что его нескоро представляютъ къ мантіи, или къ іеродіаконству и іеромонашеству, Старецъ имѣлъ обыкновеніе такъ говорить въ назиданіе: „это, братъ, все придетъ въ свое время,— все дадутъ; добрыхъ дѣлъ никто не дастъ".

О монашескомъ послушаніи: „Отъ чего это Батюшка, спросила одна особа, игуменьѣ дано право распоряжаться монахинями, какъ крѣпостными?"—Старецъ отвѣтилъ: „Болѣе, чѣмъ крѣпостными. Крѣпостныя могли хоть за глаза поворчать на своихъ господъ и побранить ихъ; а у монахинь и это право отнято,—монахиня сама добровольно отдаетъ себя въ крѣпостное право".

О раздражительности: „Никто не долженъ оправдывать свою раздражительность какою нибудь болѣзнію,— это происходитъ отъ гордости. А *гнѣвъ мужа*, по слову св. Апостола Іакова, *правды Божія не содѣловаетъ*[1]). Чтобы не предаваться раздражительности и гнѣву, не должно торопиться".

Бесѣдуя о зависти и памятозлобіи, Старецъ сказалъ: „Нужно заставлять себя, хотя и противъ воли, дѣлать какое нибудь добро врагамъ своимъ; а главное — не мстить имъ, и быть осторожнымъ, чтобы какъ нибудь не обидѣть ихъ видомъ презрѣнія и уничиженія".

Одна особа спросила: „мнѣ непонятно, Батюшка, какъ это вы не только не гнѣваетесь на тѣхъ, кто объ васъ нехорошо говоритъ, но и продолжаете любить ихъ".—Старецъ много этому смѣялся, и сказалъ: „У тебя былъ маленькій сынъ; сердилась ли ты на него, если онъ что и не такъ дѣлалъ и говорилъ? Не старалась ли напротивъ какъ нибудь покрывать его недостатки?"

О любви: „Любовь, говорилъ Старецъ словами Апостола, все прощаетъ, долготерпитъ, не осуждаетъ, ничего чужого не желаетъ, не завидуетъ".

---

[1]) Глава 1, ст. 20.

„Любовь покрываетъ все. И если кто дѣлаетъ ближнимъ добро по влеченію сердца, а не движимый только долгомъ; то таковому діаволъ мѣшать не можетъ; а гдѣ—только по долгу, тамъ онъ все-таки старается помѣшать тѣмъ или другимъ".

„Трудящемуся Богъ посылаетъ милость, а любящему утѣшеніе".

„Любовь конечно выше всего. Если ты находишь, что въ тебѣ нѣтъ любви, а желаешь ее имѣть: то дѣлай дѣла любви, хотя сначала безъ любви. Господь увидитъ твое желаніе и стараніе и вложитъ въ сердце твое любовь. А главное когда замѣтишь, что погрѣшила противъ любви, сейчасъ же исповѣдуй это старцу. Это можетъ быть иногда отъ дурного сердца, а иногда и отъ врага. Сама ты не можешь этого разобрать; а когда исповѣдуешь, врагъ и отойдетъ".

„Кто имѣетъ дурное сердце, не долженъ отчаяваться; потому что съ помощію Божіею человѣкъ можетъ исправить свое сердце. Нужно только внимательно слѣдить за собою, и не упускать случая быть полезнымъ ближнимъ, часто открываться старцу, и творить посильную милостыню. Этого конечно нельзя сдѣлать вдругъ, но Господь долготерпитъ. Онъ тогда только прекращаетъ жизнь человѣка, когда видитъ его готовымъ къ переходу въ вѣчность, или же когда не видитъ никакой надежды на его исправленіе".

„Если будешь принимать людей Бога ради: то, повѣрь, всѣ будутъ къ тебѣ хороши".

„Чтобы человѣку исправить себя, не надо вдругъ налегать, а какъ тянутъ барку: тяни-тяни-тяни, отдай-отдай!—Не все вдругъ, а понемногу.—Знаешь рожонъ на кораблѣ? Это такой шестъ, къ которому привязаны всѣ веревки корабля; и если тянутъ за него, то потихоньку и все тянется; а если взять сразу, то все испортишь отъ потрясенія" [1]).

„Безстрастными вѣдь не сейчасъ можно сдѣлаться; а всякій разъ, чувствуя свою грѣховность, говори: Господи, прости мнѣ! Господь Одинъ силенъ вложить въ сердце человѣка любовь".

О милостыни Старецъ Амвросій говорилъ: „Св. Димитрій Ростовскій пишетъ: если пріѣдетъ къ тебѣ человѣкъ на конѣ, и будетъ у тебя просить, подай ему. Какъ онъ употребитъ твою милостыню, ты за это не отвѣчаешь".

Еще: „Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: начни отдавать неимущимъ — что тебѣ не нужно, что у тебя валяется; потомъ будешь въ состояніи давать больше и даже съ лишеніемъ себя, а наконецъ уже готовъ будешь отдать и все, что имѣешь".

На вопросъ — какъ понимать слова Писанія: будите мудри яко змія, — Старецъ объяснилъ: „Змѣя, когда нужно ей перемѣнить старую свою кожу на новую, проходитъ чрезъ очень тѣсное, узкое мѣсто,

---

[1]) Подобное наставленіе у приснопамятнаго Старца І. Серафима Саровскаго: „Все дѣлай потихоньку, полегоньку и невдругъ: добродѣтель не груша,—ее вдругъ не съѣшь" (Лѣтопись Серафимо-Дивѣевскаго монастыря. Свящ. Л. М. Чичагова. 1896 г. стран. 344).

и такимъ образомъ ей удобно бываетъ оставить свою прежнюю кожу: такъ и человѣкъ, желая совлечь свою ветхость, долженъ идти узкимъ путемъ исполненія Евангельскихъ заповѣдей.— При всякомъ нападеніи змѣя старается оберегать свою голову. Человѣкъ долженъ болѣе всего беречь свою вѣру. Пока вѣра сохранена, можно еще все исправить".

„Я говорила какъ-то Батюшкѣ, пишетъ его духовная дочь, объ одной семьѣ, что мнѣ всѣхъ ихъ очень жаль,—они ни во что не вѣрятъ, ни въ Бога, ни въ будущую жизнь; жаль именно потому, что они, можетъ быть, и невиноваты въ этомъ сами,—ихъ воспитывали въ такомъ невѣріи, или были другія какія причины.—Батюшка закачалъ головой, и такъ гнѣвно сказалъ: „Безбожникамъ нѣтъ оправданія. Вѣдь всѣмъ, всѣмъ рѣшительно, и язычникамъ проповѣдуется Евангеліе; наконецъ по природѣ всѣмъ намъ отъ рожденія вложено чувство познанія Бога; стало быть сами виноваты. Ты спрашиваешь, можно ли за такихъ молиться. Конечно, молиться за всѣхъ можно".— „Батюшка!—говорила я вслѣдъ за тѣмъ, вѣдь не можетъ ощущать въ будущей жизни полнаго блаженства тотъ, котораго близкіе родные будутъ мучиться въ аду?" А Батюшка на это сказалъ: „нѣтъ, тамъ этого чувства уже не будетъ;—про всѣхъ тогда забудешь. Это все равно какъ на экзаменѣ. Когда идешь на экзаменъ, еще страшно, и толпятся разнородныя мысли; а пришла—взяла билетъ (по которому отвѣчать) про все забыла".

Пришелъ къ Старцу какой-то господинъ, невѣрующій въ существованіе бѣсовъ. Батюшка разсказалъ ему слѣдующее: „Пріѣхалъ одинъ баринъ въ деревню въ гости къ своимъ знакомымъ, и выбралъ самъ себѣ комнату для ночлега. Ему говорятъ: не ложитесь тутъ,— въ этой комнатѣ неблагополучно. Но онъ не повѣрилъ, и только надъ этимъ посмѣялся. Легъ; но вдругъ слышитъ ночью, что кто-то дуетъ ему прямо въ лысину. Онъ укрылся съ головою одѣяломъ. Тогда этотъ кто-то перешелъ къ его ногамъ, и сѣлъ на постели. Гость испугался, и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать оттуда, увѣрившись собственнымъ опытомъ въ существованіи темной силы".—Но и послѣ сего разсказа, господинъ сказалъ: „воля ваша, Батюшка, я даже не понимаю, что это за бѣсы".—На это Старецъ отвѣтилъ: „вѣдь и математику не всѣ понимаютъ; однако она существуетъ". И еще прибавилъ: „какъ же бѣсы не существуютъ, когда знаемъ изъ Евангелія, что Самъ Господь велѣлъ бѣсамъ войти въ стадо свиней?"—Господинъ возразилъ: „но вѣдь это иносказательно?"—„Стало быть, продолжалъ убѣждать Старецъ, и свиньи иносказательны,—и свиней не существуетъ. Но если существуютъ свиньи, значитъ существуютъ и бѣсы".

Нѣкоторые, говорилъ еще Старецъ, отрекались отъ вѣры въ Бога изъ подражанія другимъ и по ложному стыду. И вотъ случай: одинъ такъ-то не вѣрилъ въ Бога. А когда, во время войны на Кавказѣ, пришлось ему драться, онъ въ самый разгаръ сраженія, когда летѣли мимо его пули, пригнулся, обнялъ свою лошадь, и все время читалъ: Пресвятая Богородице спаси насъ!—А потомъ, когда, вспоминая объ

этомъ, товарищи смѣялись надъ нимъ, онъ отрекся отъ своихъ словъ". — За тѣмъ Батюшка прибавилъ: „да, лицемѣріе хуже невѣрія".

О лѣности и унынiи: „Скука унынію внука, а лѣни дочь. Чтобы отогнать ее прочь, въ дѣлѣ потрудись, въ молитвѣ не лѣнись; тогда и скука пройдетъ, и усердіе придетъ. А если къ сему терпѣнія и смиренія прибавишь, то отъ многихъ золъ себя избавишь".

„Когда найдетъ хандра, не забудь укорять себя; вспомни, сколько ты виновата предъ Господомъ и передъ собою, и сознай, что ты недостойна ничего лучшаго, и ты тотъ часъ почувствуешь облегченіе. Сказано: многи скорби праведнымъ; и: многи раны грѣшнымъ. Такова жизнь наша здѣсь,—все скорби и скорби; а ими-то и достигается царствіе небесное. Когда будешь непокойна, повторяй чаще: взыщи мира и пожени й.

О нечувствіи и безстрашіи, по поводу внезапной смерти С..., Батюшка сказалъ: „вотъ смерть-то не за горами, а за плечами; а намъ хоть колъ на головѣ теши".

Еще говорилъ: „если на одномъ концѣ деревни будутъ вѣшать, на другомъ концѣ не перестанутъ грѣшить, говоря: до насъ еще не скоро дойдутъ".

О покаяніи. Чтобы дать надлежащее понятіе о силѣ и важности покаянія, Старецъ раздавалъ брошюры: „О покаяніи" Пр. Марка Подвижника. Между прочимъ говорилъ: „Какое нынѣ настало время! Бывало, если кто искренно раскается въ грѣхахъ, то уже и перемѣняетъ свою грѣховную жизнь на добрую; а теперь часто бываетъ такъ: человѣкъ и разскажетъ на исповѣди всѣ свои грѣхи въ подробности, но затѣмъ опять за свое принимается".

Передавалъ еще Старецъ назидательный разсказъ: „Сидѣлъ бѣсъ въ образѣ человѣка, и болталъ ногами. Видѣвшій это духовными очами спросилъ его: что же ты ничего не дѣлаешь? — Бѣсъ отвѣчалъ: да мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ только ногами болтать;—люди все дѣлаютъ лучше меня".

О силѣ покаянія разсказывалъ слѣдующее: „Одинъ все грѣшилъ и каялся, — и такъ всю жизнь. Наконецъ покаялся и умеръ. Злой духъ пришелъ за его душой и говоритъ: онъ мой.—Господь же говоритъ: нѣтъ,—онъ каялся.—Да вѣдь хоть каялся, и опять согрѣшалъ, — продолжалъ діаволъ. Тогда Господь ему сказалъ: если ты, будучи золъ, принималъ его опять къ себѣ послѣ того, какъ онъ Мнѣ каялся: то какъ же Мнѣ не принять его послѣ того, какъ онъ, согрѣшивъ, опять обращался ко Мнѣ съ покаяніемъ? Ты забываешь, что ты золъ, а Я благъ".

„Самооправданіе, говорилъ Старецъ,—большой грѣхъ. Сказано въ Писаніи: *егда пріиму время: Азъ правоты возсужду* [1]).

„Грѣхи какъ грецкіе орѣхи,—скорлупу расколешь, а зерно выковырить трудно".

---

[1]) Псал. LXXIV, 3.

„Три степени для спасенія. Сказано у св. Іоанна Златоустаго: а) не грѣшить, б) согрѣшивши каяться, в) кто плохо кается, тому терпѣть находящія скорби".

„Бываетъ, такъ говорилъ Батюшка, что хотя грѣхи наши чрезъ покаяніе и прощаются намъ, но совѣсть все не перестаетъ упрекать насъ. Покойный Старецъ о. Макарій для сравненія показывалъ иногда свой палецъ, который давно когда-то былъ порѣзанъ; боль давно прошла, а шрамъ остался. Такъ точно и послѣ прощенія грѣховъ остаются шрамы, т. е. упреки совѣсти".

„Хотя Господь и прощаетъ грѣхи кающимся, но всякій грѣхъ требуетъ очистительнаго наказанія. Наприм. благоразумному разбойнику Самъ Господь сказалъ: днесь со Мною будеши въ раи; а между тѣмъ послѣ этихъ словъ перебили ему голени; а каково было еще на однихъ рукахъ, съ перебитыми голенями, повисѣть на крестѣ часа три? Значитъ ему нужно было страданіе очистительное.—Для грѣшниковъ, которые умираютъ тотчасъ послѣ покаянія, очищеніемъ служатъ молитвы Церкви и молящихся за нихъ; а тѣ, которые еще живы, сами должны очищаться исправленіемъ жизни и милостынею, покрывающею грѣхи".

„Креста для человѣка (т. е. очистительныхъ страданій душевныхъ и тѣлесныхъ) Богъ не творитъ. И какъ ни тяжекъ бываетъ у иного человѣка крестъ, который несетъ онъ въ жизни; а все же дерево, изъ котораго онъ сдѣланъ, всегда выростаетъ на почвѣ его сердца". — Указывая себѣ на сердце, Батюшка прибавлялъ: „древо при исходищахъ водъ,—бурлятъ тамъ воды" (страсти).

Въ иное же время, прилагая къ себѣ высказанную истину, говорилъ: „вотъ я напримѣръ всегда былъ болгуномъ,—любилъ съ людьми поговорить, поразвлечься; Господь и устроилъ такъ, что пришлось мнѣ всю жизнь свою толковать съ народомъ. Теперь и радъ бы помолчать, да не приходится".

„Когда человѣкъ, говорилъ еще Старецъ, идетъ прямымъ путемъ, для него и креста нѣтъ. Но когда отступитъ отъ него, и начнетъ бросаться то въ ту, то въ другую сторону; вотъ тогда являются разныя обстоятельства, которыя и толкаютъ его опять на прямой путь. Эти толчки и составляютъ для человѣка крестъ. Они бываютъ конечно разные, кому какіе нужны".

„Иди, куда поведутъ; смотри—что покажутъ, и все говори: да будетъ воля Твоя!"

„Бываетъ крестъ мысленный,—смущаютъ иногда человѣка грѣховные помыслы; но человѣкъ не бываетъ въ нихъ виновенъ, если не соизволяетъ имъ. Говорилъ Старецъ примѣръ: „Одна подвижница [1]) долгое время обуреваема была нечистыми помыслами. Когда же явившійся ей Господь отогналъ ихъ отъ нея, она воззвала къ Нему: гдѣ

[1]) Екатерина Сенейская, о которой упоминаетъ Св. Димитрій Ростовскій въ первой части своихъ твореній, въ статьѣ: Врачевство духовное на смущеніе помысловъ, отъ различныхъ книгъ отеческихъ вкратцѣ собранное.

Ты былъ доселѣ, о сладкій мой Іисусе?—Господь отвѣтилъ: былъ въ твоемъ сердцѣ. — Она же сказала: какъ же это могло быть? вѣдь сердце мое было исполнено нечистыхъ помысловъ. И сказалъ ей Господь: потому разумѣй, что Я былъ въ твоемъ сердцѣ, что ты никакого расположенія не имѣла къ нечистымъ мыслямъ, а болѣе старалась избавиться отъ нихъ, но, не имѣя возможности, болѣзновала о семъ,—и этимъ уготовила Мнѣ мѣсто въ сердцѣ твоемъ".

„Иногда посылаются человѣку страданія безвинно для того, чтобы онъ, по примѣру Христа, страдалъ за другихъ. — Самъ Спаситель прежде пострадалъ за людей. Апостолы Его также мучились за Церковь и за людей. Имѣть совершенную любовь и значитъ страдать за ближнихъ".

Во всѣхъ же дѣлахъ требуется человѣку помощь Божія. Старецъ говорилъ: *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи* [1]). Это значитъ: если Господь не благословитъ что, то напрасны будутъ труды, *всуе будетъ бдѣть стрегій*, и ничего не устережетъ; и напрасно человѣкъ тотъ будетъ рано вставать,—не пойдутъ дѣла его безъ благословенія Божія".

А потому требуется всегда и во всемъ просить помощи Божіей,—требуется усердная молитва.

„Отъ чего люди грѣшатъ?"—задавалъ иногда Старецъ вопросъ, и самъ же рѣшалъ его: „или отъ того, что не знаютъ, что должно дѣлать и чего избѣгать; или если знаютъ, то забываютъ; если же не забываютъ, то лѣнятся, унываютъ. Наоборотъ: такъ какъ люди очень лѣнивы къ дѣламъ благочестія, то весьма часто забываютъ о своей главной обязанности—служить Богу; отъ лѣности же и забвенія доходятъ до крайняго неразумія или невѣдѣнія. Это три исполина,—уныніе или лѣность, забвеніе и невѣдѣніе, — отъ которыхъ связанъ весь родъ человѣческій нерѣшимыми узами. А за тѣмъ уже слѣдуетъ нерадѣніе со всѣмъ сонмищемъ злыхъ страстей. Потому мы и молимся Царицѣ небесной: Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми твоими и всесильными мольбами отжени отъ мене смиреннаго и окаяннаго раба твоего уныніе, забвеніе, неразуміе, нерадѣніе, и вся скверная, лукавая и хульная помышленія" [2]), и проч.

Многимъ заповѣдывалъ Старецъ Амвросій, и письменно и устно, молиться краткою молитвою Іисусовою: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго".

Такъ писалъ онъ къ одной особѣ: „Богъ да благословитъ оставить обычное правило, и постоянно держаться молитвы Іисусовой, которая можетъ успокоивать душу болѣе, нежели совершеніе большого келейнаго правила. Изъ прежнихъ опытныхъ старцевъ по имени Василій объяснялъ это такъ: держащійся большого келейнаго правила, когда исполняетъ оное, подстрекаемъ бываетъ тщеславіемъ и возношеніемъ; когда же почему-либо не можетъ исполнить своего

[1]) Псал. CXXVI, 1.
[2]) Послѣдняя молитва въ утреннихъ молитвахъ.

правила, то смущается. А держащійся постоянно молитвы Іисусовой одинаково пребываетъ въ смиренномъ расположеніи духа, какъ бы ничего не дѣлающій, и возноситься ему нечѣмъ“ [1]).

На словахъ же Старецъ прибавлялъ: „Да и чѣмъ въ самомъ дѣлѣ человѣку тутъ возноситься?—Оборванный, ощипанный проситъ милостыни: помилуй, помилуй! — а подастся ли милость, это еще кто знаетъ“.

Говорилъ еще Старецъ: „одинъ братъ спросилъ другого: кто тебя обучилъ молитвѣ Іисусовой? — А тотъ отвѣчаетъ: бѣсы. — Да какъ же такъ?—Да такъ,—они безпокоятъ меня помыслами грѣховными, а я все творилъ, да творилъ молитву [2]),—такъ и привыкъ“.

„А когда тебя начнетъ копать (т. е. когда во время молитвы станетъ безпокоить раздражительность на кого-либо) молись такъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, *помилуй насъ грѣшныхъ!*“

Одинъ братъ жаловался Старцу, что во время молитвы множество бываетъ разнообразныхъ помысловъ.—Старецъ на это сказалъ: „ѣхалъ мужикъ по базару; вокругъ него толпа народу, говоръ, шумъ; а онъ все на свою лошадку: но-но! но-но! — такъ по-маленьку, по-маленьку и проѣхалъ весь базаръ. Такъ и ты, чтобы ни говорили помыслы, все свое дѣло дѣлай—молись!“

Для руководства къ разумному моленію молитвою Іисусовою Старецъ раздавалъ брошюры подъ заглавіемъ: „Толкованіе на Господи помилуй“.

Дабы подвигнуть лѣнивыхъ и унылыхъ къ упражненію въ этой молитвѣ, Батюшка передавалъ слѣдующій разсказъ о силѣ Имени Іисусова: „У одного боголюбца былъ обученный говорить скворецъ, который постоянно слыша произносимую хозяиномъ молитву: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго,— и самъ навыкъ ее повторять. Разъ лѣтомъ вылетѣлъ онъ въ растворенное окно на улицу, а тутъ и налетѣлъ было на него ястребъ; но скворецъ, по привычкѣ, въ испугѣ проговорилъ Іисусову молитву, и тотчасъ ястребъ отскочилъ отъ него. Такъ, даже безсмысленно произносимая молитва послужила во спасеніе отъ угрожавшей бѣды“.

Чтобы люди не оставались въ безпечности, и не возлагали всю свою надежду на постороннюю молитвенную помощь, Старецъ повторялъ обычную народную поговорку: „Боже-то поможи,—да и самъ мужикъ не лежи“.—И еще говорилъ: „Премудрость созда себѣ домъ; а потомъ она сказала: кто неразуменъ, обратись сюда! И скудоумныхъ приглашала: идите, ѣшьте хлѣбъ мой и пейте вино, еже растворихъ вамъ, и просите разума вѣдѣнія“.—А Т. сказала: Батюшка! чрезъ кого же намъ просить, какъ не черезъ васъ?—Старецъ отвѣтилъ: „и сама проси; ты вспомни,—двѣнадцать Апостоловъ просили

---

[1]) Письма Старца Амвросія къ настоятельницѣ N Общины.

[2]) Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: „бей супостатовъ Именемъ Іисусовымъ, ибо нѣтъ сильнѣйшаго оружія ни на небѣ ни на землѣ“. (Сл. XXI, отд. 7).

Спасителя за жену Хананеянку, но Онъ не услышалъ ихъ; а сама стала просить, упросила".

Но такъ какъ молитва есть сильнѣйшее оружіе противъ невидимаго врага, то онъ и старается всячески отвлекать отъ ней человѣка. Передавалъ Старецъ такой разсказъ: „На Аѳонѣ у одного монаха былъ скворецъ—говорунъ, котораго монахъ очень любилъ, увлекаясь его разговорами Но вотъ странно, — лишь только монахъ начнетъ исполнять свое молитвенное правило, скворецъ тутъ и разговорится, и не даетъ молиться монаху. Разъ на свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова монахъ подошелъ къ клѣткѣ и говоритъ: скворушка, Христосъ воскресе! — А скворецъ отвѣчаетъ: вотъ то-то и бѣда наша, что воскресъ, — и тутъ же околѣлъ; а въ келліи монаха разлилось нестерпимое зловоніе. Тогда понялъ монахъ свою ошибку, и раскаялся".

Что Богъ главнѣе всего смотритъ на внутреннее молитвенное настроеніе души человѣка, Старецъ говорилъ: „Пришелъ какъ-то къ упомянутому выше о. Игумену Антонію одинъ больной ногами и говоритъ: батюшка, у меня ноги болятъ, — не могу класть поклоны, и это меня смущаетъ. О. Антоній отвѣтилъ ему: да ужъ въ Писаніи сказано: *сыне даждь ми сердце*, а не ноги".

Одна монахиня сказала Старцу, что видѣла во снѣ икону Божіей Матери и услышала отъ Ней: „принеси жертву". — Батюшка спросилъ: „что же ты принесла жертву?"—Та отвѣтила: „что же я принесу? У меня ничего нѣтъ".—Тогда Батюшка сказалъ: „въ псалмахъ написано: *жертва хвалы прославитъ мя*" [1]).

О силѣ крестнаго знаменія передавалъ Старецъ такой разсказъ: „Любилъ одинъ лишнее выпивать. Въ такомъ видѣ онъ гдѣ-то заблудился, и ему представилось, что кто-то подходитъ къ нему, наливаетъ изъ графина въ стаканъ водки, и предлагаетъ выпить. Но вотъ заблудившійся, предварительно, по своей привычкѣ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и вдругъ все исчезло; а вдали послышался лай собаки. Пришедши въ себя, онъ увидѣлъ, что забрелъ въ какое-то болото, и находится въ весьма опасномъ мѣстѣ; и если бы не лай собаки, не выбраться бы ему оттуда".

О пожившихъ во смиреніи и простотѣ: „Пришелъ одинъ молодой человѣкъ въ какой-то Московскій монастырь, и сталъ просить настоятеля принять его въ число братіи. Настоятель же, смотря на его кротость, посовѣтовалъ ему лучше поступить въ Оптину пустынь. Молодой человѣкъ послушался, прибылъ въ Оптину и немедленно принятъ былъ о. архимандритомъ Моисеемъ, который сказалъ о немъ Старцу о. Макарію. Помѣстили его отдѣльно въ письмоводительской. Послушникъ этотъ всегда держалъ себя какъ старецъ, — въ церкви стоялъ тихо, опустивши глаза, и съ строгимъ благоговѣніемъ и смиреніемъ; безъ благословенія настоятеля изъ церкви не уходилъ. И

---

[1]) Псал. XLIX, 23.

вотъ когда онъ умиралъ, все улыбался". Тутъ Батюшка еще прибавилъ: „вѣроятно ему было видѣніе, и умеръ тихо. Избранники Божіи всегда такъ; имъ особенно покровительствуетъ Богъ. Кто отдаетъ себя Промыслу Божію, о томъ бываетъ особенное попеченіе Божіе".

При разговорѣ о Дарьюшкѣ странницѣ Старецъ, вздохнувъ, сказалъ: „Да, Господь почиваетъ въ простыхъ сердцахъ. Золото вездѣ видно, и вездѣ проглянетъ, не смотря даже на угловатость; а другой какъ ни кудрявься, все золотомъ не будетъ". На замѣчаніе, что Дарьюшка хорошо умерла, Батюшка сказалъ: „отъ того и кончина была хорошая, что жила хорошо. Какъ поживешь, такъ и умрешь.

О томъ, какъ трудно искореняются грѣховные навыки въ человѣкѣ, и какъ сильно дѣйствуетъ на него примѣръ другихъ, Старецъ говорилъ: „Какъ на пойманную въ табунѣ одичалую лошадь когда накинутъ арканъ и поведутъ, она все упирается, и сначала идетъ бокомъ; а потомъ когда присмотрится, что прочія лошади идутъ спокойно, и сама пойдетъ въ рядъ: такъ и человѣкъ".

О сѣтяхъ діавольскихъ: „Паукъ лѣнивый сидитъ на одномъ мѣстѣ, выпуститъ ниточку и ждетъ,—какъ только попадется муха, сейчасъ и голову ей долой; а муха-то жужжитъ". При этомъ Батюшка многозначительно прибавилъ: „Зажужжимъ!—Такъ и врагъ всегда протягиваетъ сѣти; какъ кто попадется, сейчасъ ему и голову долой". Затѣмъ Старецъ обратился къ кому-то и говоритъ: „смотри, — не будь мухой, а то также зажужжишь".

Какъ же быть?—самъ собою возникаетъ вопросъ; человѣкъ немощенъ, а враги хитры. По этому поводу Старецъ Амвросій между прочимъ передавалъ назидательный разсказъ: „Какой-то отецъ послалъ своего сына въ лѣсъ за дѣломъ; а сынъ и говоритъ: батюшка, какъ же я тамъ буду одинъ?—я ничего не знаю.—„Ничего,—ступай, отвѣчаетъ ему отецъ, нужда всему научитъ".—Онъ поѣхалъ; но вотъ въ лѣсу сломались у него сани. Вспомнилъ онъ слова отца,—нужда всему научитъ,—и давай кричать: нужда!—А она отвѣчаетъ ему: а! (эхо). Ждалъ—ждалъ онъ, кричалъ—кричалъ, и никто не пришелъ къ нему на помощь. Тогда онъ слѣзъ, самъ кое-какъ поправилъ сани, пріѣхалъ къ отцу и говоритъ: обманулъ ты меня, батюшка,—вѣдь нужда-то не пришла мнѣ на помощь. — „Да какъ же ты справился-то?" — Да такъ уже кое-какъ. — „Вотъ это-то самое, что ты кое-какъ справился,—и означаетъ, что нужда научила тебя какъ поступить" [1]).

Вышелъ какъ-то Старецъ въ хибарку, чтобы преподать благословеніе и говоритъ: „У хозяина были гуси, — онъ и ласкаетъ ихъ: те-жа, те-жа; а они все тѣже".

Былъ Старецъ нездоровъ, и на общемъ благословеніи сказалъ:

---

[1]) Этимъ разсказомъ Старецъ указывалъ на то, что Промысломъ Божіимъ такъ устрояются обстоятельства въ жизни человѣка, что поневолѣ и горячо помолится и поищетъ и спроситъ опытнаго наставника, что ему дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ. Нужда научитъ.

„Ну ужъ меня сегодня прихватило! Если еще нѣсколько разъ такъ повторится, то едва ли долго проживу. Да вѣдь надо же когда-нибудь и на тотъ свѣтъ пойти“.—Только не теперь, Батюшка, возражаютъ ему; какъ же мы безъ васъ останемся? Вамъ еще надо съ нами пожить. — На это Батюшка сказалъ: „Да съ вами-то мнѣ иногда уже очень трудно бываетъ. Вотъ я васъ училъ, — кажется все вамъ говорилъ, всему училъ; только не знаю, выучилъ ли чему-нибудь. Вотъ я и больной задавалъ себѣ этотъ вопросъ. По крайней мѣрѣ имѣйте миръ между собою“.

Много и еще было назидательныхъ изреченій Старца Амвросія. Нѣкоторыя изъ нихъ тутъ же въ разныхъ мѣстахъ жизнеописанія и помѣщены.

XI.

Основаніе Старцемъ Амвросіемъ Шамординской Казанской Горской женской общины.

Кромѣ внѣшнихъ попеченіе... церквей [1]).

Со всѣхъ концовъ Россіи прибѣгали къ Старцу Амвросію за совѣтами, и письменно и словесно, и монашествующіе и міряне, по всевозможнымъ дѣламъ. Кто искалъ духовнаго утѣшенія, кто просилъ разрѣшенія сомнѣній въ вѣрѣ, кто — наставленія, какъ вести жизнь. Желающіе посвятить себя иноческой жизни просили у Старца благословенія, въ какую обитель поступить, и какъ тамъ жить, какъ относиться къ роднымъ, и какъ устроить домашнія дѣла свои. Но въ особенности много было заботъ у Старца о женщинахъ — вдовахъ, бѣдныхъ дѣвицахъ и дѣтяхъ сиротахъ. Ибо очень — очень много было такихъ женщинъ и дѣвицъ, которыя, проводя благочестивую жизнь, не имѣли средствъ поступить въ женскую обитель, и не знали гдѣ главу приклонить.

Почти всѣ женскіе монастыри въ Россіи принимаютъ въ число сестеръ только такихъ, которыя въ состояніи купить для себя келлію, сдѣлать хотя небольшой взносъ въ обитель, и содержать себя своими средствами или трудами; такъ какъ монастыри эти не имѣютъ возможности доставлять полное содержаніе монашествующимъ. И рѣдко — рѣдко гдѣ примутъ въ монастырь женщину безъ взноса денегъ, разсчитывая на одну ея тѣлесную силу и здоровье, какъ могущую исполнять тяжелыя монастырскія послушанія. Поэтому многія изъ нихъ живутъ въ селахъ по кельямъ, и трудятся, чтобы только пропитать себя, а успѣвшія помѣститься въ обители живутъ въ безпрерывныхъ трудахъ. Для здоровыхъ впрочемъ такая жизнь еще не очень обременительна; да и сами онѣ твердо убѣждены, что Богъ

---

[1]) 2 Кор. XI, 28.

труды любить, и что они исходатайствуютъ имъ вѣчное спасеніе. Иное дѣло—женщина съ плохимъ здоровьемъ. Ее нигдѣ въ женскомъ монастырѣ не примутъ, — даже если бы она и средства небольшія имѣла, изъ опасенія, что въ случаѣ продолжительной болѣзни и неспособности къ трудамъ, она можетъ обременить монастырь. – Вотъ такихъ-то бѣдныхъ и обездоленныхъ Старецъ всегда старался пристроить къ какому либо мѣсту.

По возможности онъ склонялъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ состоятельныхъ людей къ устроенію женскихъ общинъ, и самъ, сколько могъ, содѣйствовалъ сему. Его попеченіемъ устроена женская община въ г. Кромахъ Орловской губерніи. Особенно много заботъ онъ употреблялъ на устройство Гусевской женской общины въ Саратовской губерніи. По его же благословенію устроялись благотворителями— Козельщанская община въ Полтавской губерніи и Пятницкая въ воронежской. Старцу приходилось не только разсматривать планы, давать совѣты и благословлять людей на дѣло; но и защищать какъ благотворителей, такъ и насельницъ общинъ, отъ различныхъ злоключеній и препинаній со стороны нѣкоторыхъ недоброжелательныхъ мірянъ. По этому случаю входилъ онъ иногда даже въ переписку съ епархіальными Архіереями и членами Св. Сунода.

Послѣдняя женская обитель, надъ которою Старецъ Амвросій особенно потрудился, была Шамардинская Казанская Горская община. Положено было основаніе этой общинѣ какъ будто случайно. Многіе изъ усердныхъ почитателей Старца Амвросія, дабы имѣть возможность почаще видѣть дорогого батюшку, выражали ему свое желаніе жить къ нему поближе. Нашелся даже одинъ богатый Московскій господинъ который просилъ Старца купить для него не подалеку отъ Оптиной пустыни, небольшую дачку, за которую конечно обѣщался заплатить деньги, что-бы ему можно было тамъ проживать съ своимъ семействомъ. Старецъ, любившій всѣхъ искреннею любовію, старался по возможности удовлетворять благочестивыя желанія относившихся къ нему. Принялъ участіе и въ этомъ господинѣ.

Верстахъ въ 12 отъ Оптиной, по большой Калужской дорогѣ, нѣсколько влѣво стоитъ деревня Шамардино, Перемышльскаго уѣзда. Еще нѣсколько подальше, можетъ быть съ версту, жилъ старичокъ, бѣдный помѣщикъ, Василій Поліевктовичъ Калыгинъ вдвоемъ съ своею супругою старушкою. При личномъ свиданіи съ этимъ помѣщикомъ, посѣщавшимъ иногда Оптинскій скитъ, Старецъ Амвросій среди разговора полюбопытствовалъ, не согласится ли онъ продать свое имѣніе. Калыгинъ согласился съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему съ старушкой дано было мѣсто въ Оптинской монастырской гостинницѣ, дожить послѣдніе свои дни. Вскорости имѣніе Калыгина и было куплено. Деньги за него по благословенію Старца, были уплачены извѣстною бывшею помѣщицею, монахинею Амвросіею Ключаревою. Самъ Старецъ не могъ этого сдѣлать; потому что хотя онъ и много получалъ съ разныхъ сторонъ денегъ; но какъ скоро они приходили

къ нему, такъ скоро и расходились. То отдавалъ онъ Скитоначальнику на поминъ, то раздавалъ бѣднымъ, а то—самую впрочемъ малую часть — употреблялъ на лампадное масло и восковыя свѣчи для отправленія келейныхъ своихъ молитвословій.

Покупка Калыгинскаго имѣнія совершена была въ осеннее время 1871 года. Замѣчательно, что за годъ до продажи имѣнія, старику Калыгину было особенное видѣніе,—ему представлялась въ его имѣніи церковь въ облакахъ. На святкахъ Старецъ Амвросій посылалъ своего келейника о. Михаила освидѣтельствовать купленное имѣніе. Кромѣ 200 десятинъ земли, цѣннаго въ этомъ имѣніи ничего не оказалось. На верху крутой высокой горы, недалеко отъ ската, стоялъ болѣе чѣмъ скромный деревянный одноэтажный домикъ Калыгиныхъ, въ 26 аршинъ длины и 12 арш. ширины. Одну половину дома занимали старики хозяева. Внутренность ея представляла простую крестьянскую избу, съ русскою печью и маленькими окнами. А гдѣ была пріемная, тамъ были погребъ и подвалъ. Другая же часть безъ пола служила вмѣсто амбара, для склада потребныхъ хозяйственныхъ вещей, какъ-то: ржи, овса и проч. Еще неподалеку стояла рига и нѣсколько закутъ для скота. Видно было, что время давно уже наложило на все это разрушительную печать тлѣнія. Крыша на домѣ соломенная отъ времени почернѣла, углы кое-гдѣ посгнили, а закуты до того обветшали, что въ стѣнахъ ихъ образовались широкія разщелины, сквозь которыя могла пролазить скотина. За то видъ отсюда на окрестности прекрасный. Весь огромный горный скатъ покрытъ густымъ лиственнымъ лѣсомъ. А тамъ глубоко—глубоко у подошвы горы въ ложбинѣ, среди изумрудной зелени, серебряной лентой изгибается небольшая рѣчка Серена. За нею луга, и далѣе вправо къ юго-западу — холмистая мѣстность, сливающаяся съ голубымъ небомъ. Все это лѣтомъ зелѣнѣетъ и пестрѣетъ отъ множества мелкихъ цвѣтовъ, разсыпанныхъ щедрою Творческой рукой Лѣвѣе на юго-востокъ глазъ любопытнаго наблюдателя, чрезъ крестьянскія поля, засѣянныя разнымъ зерновымъ хлѣбомъ, пробѣгаетъ пространство верстъ на 10-ть, если не болѣе. И тамъ въ конечной дали виднѣется Оптинскій хуторъ надъ р. Жиздрою, а за нимъ вѣковой боръ, отуманенный прозрачною воздушной синевой. Далѣе на востокѣ—деревня Шамардино. Еще далѣе кругомъ—луга, поля и перелѣски.

Наступила весна. Старецъ опять послалъ въ купленное имѣніе того же своего келейника о. Михаила нѣсколько поисправить обветшавшій домъ. Порученіе Старца было по возможности исполнено. Но вотъ Московскій господинъ, для котораго батюшка и купилъ имѣніе, по какимъ-то своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, отказался отъ него, и Старецъ нисколько въ этомъ ему не противорѣчилъ. Такимъ образомъ пріобрѣтенное покупкою имѣніе оставалось, такъ сказать,— на шеѣ Старца благодѣтеля. „Какъ быть? что дѣлать? — какъ бы въ недоумѣніи разсуждалъ онъ. При свиданіи съ м. Амвросіею Ключаревою, на деньги которой и куплено было Калыгинское имѣніе, Ба-

тюшка вдругъ обращается къ ней съ такими словами: „Вотъ м. Амвросія, жребій тебѣ выпадаетъ взять это имѣніе для себя. Будешь жить тамъ, какъ на дачѣ съ своими внучками; а мы,—прибавилъ Старецъ можетъ быть въ утѣшеніе ея,—будемъ ѣздить къ тебѣ въ гости".

Замѣтить здѣсь нужно, что у Ключаревой былъ единственный сынъ, который въ свое время былъ женатъ. Первая жена его, родивши двухъ дочекъ близнятъ, сама вскорѣ скончалась. Отецъ ихъ женился на другой; а эти полусироты остались на попеченіи своей бабушки, и жили вмѣстѣ съ ней. Крестнымъ отцомъ ихъ, по желанію Ключаревой, былъ Старецъ Амвросій, который о нихъ чрезвычайно заботился. Въ будущее обезпеченіе этихъ своихъ внучекъ м. Амвросія, по благословенію Старца, и рѣшилась оставить за собой купленное имъ имѣніе. Теперь она—вдова, и была полновластною распорядительницею всего своего богатаго имущества.

Опять о. Михаилъ посланъ былъ теперь уже для того, чтобы поправить домъ получше. По окончаніи же дѣла, въ началѣ лѣта, м. Амвросія могла уже переѣхать туда съ своими внучками и домашнею женскою прислугою на жительство. Домъ Калыгина былъ обновленъ такъ, что самъ бывшій хозяинъ удивился,—что было и что стало. И хотя все въ немъ носило на себѣ отпечатокъ простоты; тѣмъ не менѣе было уютно, и довольно помѣстительно; а съ водвореніемъ въ немъ новыхъ жильцовъ повѣяло отъ него новою жизнію и веселостію. Въ первое же лѣто покупки имѣнія т. е. въ 1872 году, Старецъ Амвросій пріѣхалъ навѣстить Ключареву, и посмотрѣть мѣстность. Тутъ же онъ благословилъ ей построить новый корпусъ для себя и для сестеръ послушницъ (бывшихъ ея крѣпостныхъ), число которыхъ при м. Амвросіи было немаленькое; а вмѣстѣ съ тѣмъ проговорилъ: „у насъ здѣсь будетъ монастырь".—Но какими судьбами могло это случиться! Законныя наслѣдницы купленнаго имѣнія, внучки м. Амвросіи, теперь были еще малютки, которымъ впереди улыбалась долголѣтняя и, вѣроятнѣе всего, супружеская жизнь. Такъ можно было думать по-человѣчески; такъ и думала бабушка этихъ малютокъ.

Между тѣмъ по благословенію Старца Амвросія, и по его указанію и плану на другой же годъ, послѣ покупки сего имѣнія (1873 г.), Ключарева начала строить здѣсь новый деревянный большой одноэтажный, на высокомъ каменномъ фундаментѣ домъ. Въ этомъ домѣ заранѣе опредѣлялась келлія и для пріема дорогого гостя батюшки о. Амвросія, въ случаѣ его пріѣзда. А пріѣзжалъ онъ сюда съ своимъ келейникомъ (теперешнимъ Старцемъ Іеромонахомъ Іосифомъ) въ каждое лѣто одинъ разъ, и гостилъ здѣсь сначала сутокъ по двое и по трое, а впослѣдствіи и по недѣлѣ. Старецъ безъ сомнѣнія и тогда вполнѣ былъ увѣренъ, что здѣсь будетъ св. обитель, а потому особенно интересовался этимъ мѣстомъ. Пойдетъ бывало ходить, и все осматриваетъ; но вдругъ остановится на какомъ либо мѣстѣ, и велитъ вымѣрить его длину и ширину, и поставить колушки. Вѣро-

ятно уже тогда онъ обдумывалъ и назначалъ, какія гдѣ должны быть постройки.

Но вотъ новый домъ Ключаревой былъ готовъ. Замѣчательно, что въ немъ большой залъ по указанію Старца, занималъ восточную часть, а кельи для ея внучекъ приходились на сѣверъ, не смотря на то, что такое расположеніе самой Ключаревой и не нравилось. Не разъ послѣ Батюшка вспоминалъ, какъ м. Амвросія (Ключарева) скорбѣла, что его планъ не согласенъ былъ съ ея желаніемъ. „Она строила дѣтямъ домъ, говаривалъ онъ, а намъ нужна церковь".

Въ приготовленный такимъ образомъ домъ Ключарева помѣстила на жительство своихъ внучекъ, а съ ними вмѣстѣ и сестеръ послушницъ (бывшихъ ея крѣпостныхъ), которыя ей долго служили. Многія изъ нихъ живы до сихъ поръ, и называются Ключаревскими. Къ этимъ женщинамъ по времени стали присоединяться ихъ родственницы, даже и молодыя, искавшія тишины и молитвы, потому что благочестивое настроеніе м. Амвросіи Ключаревой отражалось на всемъ, что было къ ней близко. Въ новомъ имѣніи и тогда уже текла жизнь, близкая къ монашеской. — Сама же Ключарева продолжала жить по прежнему на гостинномъ дворѣ при Оптиной Пустыни, впрочемъ такъ, что съ своими внучками она почти была неразлучна: то сама подолгу гостила въ имѣніи, то ихъ брала къ себѣ.

Она всячески съ своей стороны заботилась о томъ, чтобы дать имъ хорошее свѣтское воспитаніе. Для сего когда дѣти стали выростать, она просила у Старца благословеніе пріискать для нихъ француженку, для лучшаго обученія ихъ французскому языку, и вмѣстѣ съ тѣмъ одѣвать ихъ получше. Но къ великому огорченію Ключаревой Старецъ ей въ этомъ отказалъ. Ключарева въ этомъ разѣ не понимала Старца; силилась заставить себя исполнять его совѣты; но это было для ней очень тяжело, и она много страдала.

А дѣвочки уже подвижничали. Свое воздержаніе онѣ довели до того, что отказывались отъ мяса, и ѣли его только по убѣжденію батюшки. Онѣ часто молились; очень любили Оптинскія длинныя службы, и такъ твердо знали ихъ порядокъ, что сами служили всенощныя, съ іерейскими возгласами.—Когда бабушка, по этому случаю, выражала за нихъ Старцу опасенія, онъ говорилъ: „пусть молятся, — онѣ слабаго здоровья". Но бабушка не понимала того, что онъ хотѣлъ этимъ выразить. А другимъ Старецъ прямо говорилъ: „ничего,—онѣ знаютъ, что готовятся туда"...

Разъ пріѣхала въ Оптину посѣтить Старца близкая его духовная дочь Г-жа А. А. Шишкова [1]). Зашла она кстати и къ Ключаревой. Послѣдняя съ печалію разсказывала своей посѣтительницѣ, что батюшка не благословляетъ ей взять къ внучкамъ своимъ француженку. „Вы знаете, говорила м. Амвросія, можно ли въ нашемъ кругу не знать иностранныхъ языковъ? Вѣдь дѣти будутъ вращаться

[1]) О сей госпожѣ будетъ говориться и далѣе. Всѣ разсказы о ней заимствованы изъ „Душеполезнаго Чтенія" за май мѣсяцъ 1893 года.

въ свѣтѣ; да и совѣтуетъ одѣвать ихъ проще. Вы нынче будете у Батюшки,—попросите у него благословенія пріискать мнѣ иностранку къ дѣтямъ. И о платьицахъ спросите".

„Прихожу я къ батюшкѣ,—такъ передавала Г-жа Шишкова,—и между прочимъ говорю ему: „Теперь я живу въ Москвѣ, и мнѣ бы было очень легко и удобно пріискать иностранку къ внучкамъ Г-жи Ключаревой; я бы съ радостію исполнила это порученіе,—не благословите ли?" Тутъ же и о платьяхъ упомянула. Но батюшка мнѣ отвѣтилъ такъ: „нѣтъ, ты этого не дѣлай; дѣтямъ не надо француженки. Я къ нимъ помѣстилъ отличную благочестивую русскую особу, которая ихъ наставитъ, и приготовитъ къ будущей жизни. Знаешь ли,—дѣти жить не будутъ; а на мѣсто ихъ въ имѣніи будутъ за нихъ молитвенницы. Ты только этого не говори м. Амвросіи". Чтобы утѣшить Ключареву, я ей сказала, что батюшка приказалъ немного повременить. Но о всемъ слышанномъ тутъ же разсказала мужу моему". Между тѣмъ Ключарева, въ заботахъ о временной будущности своихъ внучекъ, вслѣдствіе благословенія и настойчивыхъ совѣтовъ Старца Амвросія, по близости къ Калыгинскому имѣнію, пріобрѣла для нихъ же еще дачу—Рудново, а затѣмъ и еще двѣ дачи Преображенское и Акатово, сама впрочемъ не понимая настоящей цѣли Старца,—къ чему это онъ совѣтовалъ ей со всѣхъ сторонъ новой дачи прикупать лѣса,—точно предстояло строить цѣлый городъ. Опредѣлила она также для малютокъ небольшую часть своего капитала, впрочемъ съ условіемъ, чтобы, въ случаѣ неожиданной кончины ея внучекъ, въ Калыгинскомъ имѣніи, близъ д. Шамардина, устроена была женская община; а прочія три пріобрѣтенныя ею дачи и съ капиталомъ послужили къ устроенію этой общины. Вѣроятно эта обмолвка была сдѣлана ею, по совѣту Старца, провидѣвшаго близкую кончину дѣтей.

Хорошо было жить сестрамъ послушницамъ на новомъ мѣстѣ. Объ одномъ только онѣ скучали и много скорбѣли, что церковь была далеко отъ нихъ въ селѣ. И вотъ м. Амвросія, желая удовлетворить этой ихъ насущной потребности, по благословенію Старца, стала хлопотать о разрѣшеніи выстроить домовую церковь. Въ 1881 году на это разрѣшеніе уже и послѣдовало было согласіе Владыки Григорія. Но тутъ случились непредвидимыя обстоятельства. Всѣмъ русскимъ памятно злосчастное 1-е марта 1881 года. Царь державный былъ убитъ. Это возмутительное событіе, по замѣчанію многихъ наблюдательныхъ Калужанъ, такъ повліяло на преданнаго всею душой Царю и Отечеству престарѣлаго Владыку Григорія, что онъ, не успѣвши оформить дѣло о домовой Шамардинской церкви, заболѣлъ смертельною болѣзнію, и 13-го марта того же года скончался. Въ это же время заболѣла и сама м. Амвросія Ключарева; проболѣла все лѣто, и въ августѣ 23 числа также скончалась. Недаромъ Старецъ говорилъ предъ тѣмъ: „куйте желѣзо, пока горячо". Такимъ образомъ когда новый Владыка Преосвященный Владиміръ, 1-го авгу-

ста, въ первый разъ пріѣхалъ посѣтить Оптину, о домовой церкви въ новомъ имѣніи Ключаревой уже и рѣчи не могло быть. По праву наслѣдства, по завѣщанію покойницы, хозяйками вновь пріобрѣтенныхъ Ключаревою имѣній, съ небольшимъ капиталомъ, теперь остались двѣ маленькія ея внучки, которымъ было по десятому году. Онѣ съ своими нянями и сестрами послушницами продолжали по прежнему жить въ означенномъ новомъ домѣ. Распорядительницею по дому и хозяйству, по благословенію Старца Амвросія, теперь сдѣлалась на нѣкоторое время одна изъ самыхъ приближенныхъ къ покойной Ключаревой; старушка монахиня Алимпія.

Прошло послѣ сего еще съ годъ времени. Дѣвочки по прежнему жили въ простотѣ. Тихія и кроткія, онѣ нѣжно любили одна другую и никогда не разлучались. Никогда не шалили; одѣвались просто; любили выслушивать долгія монастырскія богослуженія, любили тихую уединенную жизнь иноческую; временемъ дѣлали прогулки съ своими добрыми и благочестивыми нянями, которыя теперь замѣняли имъ родныхъ матерей, и не столько занимались науками, сколько подготовлялись къ будущей жизни. Огонекъ любви Божіей все ярче и ярче разгорался въ сердцахъ батюшкиныхъ крестницъ. Имъ жить оставалось немного, но онѣ не боялись смерти. Не разъ онѣ говорили своимъ нянямъ: „мы не хотимъ жить дольше 12 ти лѣтъ; что хорошаго въ этой жизни“. Думается, что о своей близкой кончинѣ онѣ предупреждены были старцемъ, и чрезъ духовныя наставленія заранѣе подготовлены были къ сему. Между тѣмъ такая жизнь дѣвочекъ не понравилась ихъ родителю, проживавшему съ своею второю женой въ Калугѣ и, кстати замѣтимъ, не имѣвшаго отъ нея дѣтей.—Онъ вознамѣрился взять ихъ къ себѣ, и опредѣлить въ пансіонъ. Имъ руководила въ этомъ дѣлѣ главнымъ образомъ таже мысль, которая смущала и его мать, покойницу Ключареву: дѣтямъ придется вращаться въ свѣтѣ, потому и необходимо дать имъ свѣтское воспитаніе. Старецъ Амвросій, которому молодой Ключаревъ объяснилъ свое желаніе, не противорѣчилъ сему. По его благословенію и содѣйствію, дѣвочки опредѣлены были въ Орловскій пансіонъ, гдѣ начальницею въ то время была нѣкая сердобольная благочестивая и преданная Старцу Амвросію особа Г-жа Чибисова. Проучившись зиму, онѣ должны были на лѣтнія каникулы выбыть изъ пансіона. Отецъ намѣревался взять ихъ къ себѣ, чтобы начать знакомить ихъ съ свѣтскою жизнію, и уже наняль для нихъ дачу. Но все это не по сердцу было благочестиво настроеннымъ малюткамъ, и онѣ всей душой рвались въ Оптину подъ крылышко своего крестнаго батюшки О. Амвросія, котораго любили безграничною любовію. И всеблагій Господь внялъ ихъ дѣтскимъ сердечнымъ желаніямъ, и такъ устроилъ, что онѣ, съ дозволенія своего-же родителя, предварительно пріѣхали въ Оптину повидаться съ батюшкой. Это было весною 1883 года. Но прибывши въ Оптину, дѣвочки 31-го мая вдругъ обѣ заболѣли дифтеритомъ,—сначала одна, а потомъ другая,—и чтобы не заражались

болѣе одна отъ другой постигшею ихъ болѣзнію были разъединены, —одна лежала въ одной комнатѣ, другая въ другой. Обѣ напутствуемы были исповѣдію и причастіемъ Св. Христовыхъ Таинъ, и видимо приближались къ концу. Пока были въ силахъ, часто писали къ Батюшкѣ записочки, въ которыхъ просили его св. молитвъ и благословенія. 4-го іюня сначала скончалась Вѣра. Ходившія за обѣими больными сестры послушницы не сказали объ этомъ оставшейся въ живыхъ Любови изъ опасенія, какъ бы не обезпокоить ее, и тѣмъ не ускорить часа ея смерти. Но бывшая въ дремотѣ больная, вдругъ очнувшись, спросила сидѣвшую подлѣ нея сестру: „Вѣра умерла?“ Та начала было говорить, что жива, но она быстро возразила: „Какъ жива? Мнѣ сейчасъ няня сказала, что умерла“. А няни тутъ вовсе не было. И такъ она осталась при своемъ убѣжденіи. 8-го іюня и Любовь отрѣшилась отъ здѣшней многоскорбной жизни, соединившись съ своею дорогою Вѣрою; дабы какъ родились онѣ вмѣстѣ и росли, такъ вмѣстѣ и предстать предъ Лице возлюбившаго ихъ небеснаго Жениха.—За семь лѣтъ говорилъ Старецъ Г-жѣ Шишковой о кончинѣ этихъ дѣтей.

Въ силу духовнаго завѣщанія покойной Амвросіи Ключаревой, теперь въ бывшемъ Калыгенскомъ имѣніи должна была возникнуть женская обитель. Старецъ Амвросій, которому открыты были Господомъ судьбы этой будущей обители, и по благословенію и распоряженію котораго все тамъ дѣлалось и устроялось, понятно принималъ въ дѣлѣ открытія общины самое живое участіе. Между тѣмъ предъ Старцемъ открылось теперь широкое поле для благотворительности. Тотъ часъ по кончинѣ дѣтей наслѣдницъ, еще до открытія общины, въ ихъ имѣніи, закипѣла тамъ работа. Строились корпусъ за корпусомъ. Но желавшихъ поступить въ открывающуюся общину столько вдругъ нахлынуло, что едва построятъ домъ, какъ уже вдвое болѣе ждутъ новаго помѣщенія. А кого Старецъ принималъ и помѣщалъ въ устрояемую имъ общину? Большею частію находившихся въ крайнѣй бѣдности вдовъ и сиротъ, а еще слѣпыхъ, хромыхъ, болѣзненныхъ и вообще самыхъ обездоленныхъ судьбою женщинъ и дѣвицъ. Приходитъ напр. къ батюшкѣ молодая женщина, оставшаяся больною вдовою въ чужой семьѣ. Свекровь ее гонитъ и говоритъ: „ты бы горемычная хоть бы удавилась,—тебѣ не грѣшно“. Старецъ внимательно выслушиваетъ ее, всматривается и наконецъ говоритъ: „ступай въ Шамардино“ [1]). Или вотъ примѣръ. Разсказывалъ бывшій Благочинный Оптиной пустыни, іеросхимонахъ Иларіонъ: „Замужняя моя сестра подверглась тяжкому недугу, и мужъ оставилъ ее на произволъ судьбы. Привезли ее больную въ Оптину къ Старцу. Было лѣто. Батюшка вышелъ къ больной; посмотрѣлъ на нее, и благословивъ, шутливо промолвилъ мнѣ: „ну, этотъ хламъ то у насъ сойдетъ; отвезть ее въ Шамардино!“ Около десяти лѣтъ прожила она

[1]) По деревнѣ и самую обитель назвали и называютъ просто „Шамардино“.

тамъ въ богадѣльнѣ и скончалась, бывъ постриженна предъ кончиною келейно въ схиму". — Или еще: приходитъ одинъ бѣднякъ изъ Сибири, и отдаетъ батюшкѣ свою малолѣтнюю дочку: „возьмите, говоритъ онъ, у нея нѣтъ матери,—что я съ ней буду дѣлать?" Старецъ и эту отправляетъ въ Шамардино. Изъ такихъ-то дѣвочекъ сиротъ образовался тамъ дѣтскій пріютъ. Среди пріютянокъ есть одна, принятая Старцемъ съ двухъ лѣтъ. Батюшка тогда спросилъ ее: „Кѣмъ ты будешь?" Ребенокъ, еле умѣвшій говорить, ясно произнесъ: — „истинной монашкой". — „Смотри—не обмани", заключилъ Батюшка. Изъ убогихъ же дѣвицъ и женщинъ образовалась богадѣльня человѣкъ на пятнадцать. А сколько такихъ было по кельямъ, сколько еще по дачамъ общины! — „Батюшка, у васъ именно что монастырь", пробовалъ иногда пошутить по этому поводу съ Старцемъ его духовникъ, смиренный старичекъ О. Ѳеодоръ. — „А что?" — „Да въ какую келью ни войдешь, — тамъ слѣпая, тамъ хромая, а тутъ и вовсе безъ ногъ, — поневолѣ всѣ уединенныя". [1]). — „Ладно! ужъ начнешь"... отзывался Старецъ, прекращая шутку. Не любилъ, когда такъ-то, бывало, вздумаешь ему „хорошее" словцо сказать, вспоминалъ О. Ѳеодоръ. [2]). — Кстати упомянуть еще здѣсь, что у Старца благодѣтеля въ Козельскѣ нанятъ былъ особый домъ для призрѣнія тѣхъ изъ женскаго пола, которыя не имѣли полнаго разсудка.

Но вотъ время было начать снова хлопотать о разрѣшеніи построить въ ключаревскомъ имѣніи церковь, а кстати и объ открытіи женской общины. Преемникъ Преосвященнаго Григорія, Епископъ Владиміръ сочувственно отнесся къ этому желанію Старца Амвросія и всѣхъ Шамардинскихъ сестеръ. Въ бытность свою въ Оптиной, пріѣхавши посмотрѣть мѣсто, гдѣ предполагалась новая община, онъ высказался Старцу такъ: „Вы хорошее мѣсто выбрали; я постараюсь дать сему дѣлу ходъ". Вскорѣ за тѣмъ и устроена была домовая церковь въ новомъ большомъ домѣ покойной владѣлицы. Тамъ потребовалось дѣла немного. Къ большому залу, обращенному на востокъ, пристроенъ былъ только алтарь; а иконостасъ поновленъ былъ старый изъ Оптинской, во имя праведной Анны и пр. Маріи Египетской, церкви [3]). И домовая церковь была готова.

Незадолго предъ тѣмъ именно въ 1882 году пріѣхала къ Старцу Тульская помѣщица, вдова среднихъ лѣтъ, Софья Михайловна Янькова, урожденная Болотова, которая въ слѣдствіе собственнаго же-

---

1) Монахъ значитъ—уединенный, одинъ.

2) Давно слѣпой. И какъ еще при жизни Старца жилъ въ общинѣ, для отправленія службъ церковныхъ и для напутствованія сестеръ, такъ и теперь тамъ же доживаетъ послѣдніе дни свои, — духовничествуетъ, — и еще иногда по памяти служитъ панихиды.

3) Церковь въ Оптиной Пустыни, во имя праведной Анны и пр. Маріи Египетской, незадолго предъ симъ, усердіемъ и попеченіемъ Старца Амвросія, была вся перестроена, и поставлено было въ ней два новыхъ иконостаса, — по правую сторону во имя вышеозначенныхъ святыхъ, а по лѣвую—во имя Святителя Амвросія Медіоланскаго и св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго, двухъ ангеловъ, или духовныхъ покровителей Старца Амвросія.

ланія, по благословенію и указанію Старца вскорѣ вступила во второй бракъ съ жившимъ вблизи Оптиной Пустыни помѣщикомъ пожилыхъ лѣтъ, Николаемъ Ивановичемъ Астафьевымъ, тоже вдовцемъ. Однако новобрачнымъ недолго пришлось вмѣстѣ жить. Астафьевъ скоро послѣ брака заболѣлъ, а потомъ черезъ годъ съ двумя мѣсяцами, и скончался. А Софья Михайловна послѣ того сдѣлалась самою преданною почитательницею и послушницею Старца Амвросія. Когда готовилась къ открытію въ Ключаревскомъ имѣніи женская община, въ которой начальствовала, какъ выше упомянуто, старица м. Алимпія, болѣзненная и къ управленію малоспособная, а нужно было по дѣламъ открывающейся общины часто ѣздить то въ Калугу, то въ Москву и въ другія мѣста, Старецъ Амвросій всегда посылалъ съ порученіями Софью Михайловну, какъ женщину умную, способную, благонамѣренную и имѣвшую прекрасный даръ слова. Такимъ образомъ къ освященію домовой церкви и открытію вмѣстѣ общины, въ лицѣ сей особы, Старцемъ приготовлена была и первая достойная настоятельница, которую онъ всегда называлъ своею правою рукой. Освященъ былъ храмъ Преосвященнымъ Владиміромъ 1-го октября 1884 года, на праздникъ Покрова Божіей Матери. Въ этотъ праздникъ Батюшка на весь день затворился въ своей кельѣ и молился.

Когда еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, Старецъ въ первый разъ вошелъ въ новоотстроенный Ключаревскій домъ, и увидѣлъ въ залѣ большую Казанскую Икону Божіей Матери; остановился предъ нею, долго на нее смотрѣлъ, и наконецъ сказалъ: „ваша Казанская Икона Божіей Матери несомнѣнно чудотворная: молитесь ей и храните ее“. Во имя этой то святой Иконы и была освящена первая домовая церковь въ новомъ Ключаревскомъ имѣніи; почему и открытая здѣсь женская община стала называться Казанскою; по высокой горѣ, на которой расположена община — Горскою, а по близости д. Шамардина – Шамардинскою.

XII.

Нравственный обликъ Іеросхимонаха Амвросія, какъ Старца.

Ко всѣмъ заповѣдямъ Твоимъ направляхся, всякъ путь неправды возненавидѣхъ[1]).

Изъ сказаннаго впереди о Старцѣ Амвросіи можно уже отчасти видѣть, каковъ былъ сей человѣкъ. Прибавимъ къ сему еще нѣчто.

Когда окружавшіе его монахи, по какому либо случаю, заводили иногда рѣчь о великихъ подвигахъ св. отцевъ, онъ всегда имѣлъ обыкновеніе говорить: „намъ уже не жить такъ, какъ они жили“.

---

[1]) Псал. CXVIII, 127. 128.

Однако, всматриваясь ближе въ свѣтлую личность описываемаго Старца, съ удивленіемъ можно сказать: какихъ только заповѣдей не былъ онъ исполнителемъ, какихъ добродѣтелей, такъ сказать, не воплотилъ въ себѣ! Для примѣра остановимъ свое вниманіе на заповѣдяхъ о блаженствахъ, исполняющій которыя поистинѣ исполняетъ всякую правду, или весь законъ.

Нищета духовная, или смиреніе было основою всей подвижнической жизни Старца Амвросія. Преподавая мудрые совѣты, какъ выше было упомянуто, знатнымъ и даже знатнѣйшимъ лицамъ, Старецъ въ то же время и самъ искалъ совѣта у другихъ, не полагаясь на свой разумъ и при богатствѣ разсужденія. По кончинѣ своего Старца Макарія, не имѣя къ кому бы обратиться за совѣтомъ въ своей обители, какъ самъ содѣлавшись главнымъ Старцемъ, онъ обращался сначала къ своему Архипастырю Григорію. А по времени, узнавши чрезъ достовѣрныхъ людей объ одномъ сокровенномъ, странствующемъ, духовномъ Старцѣ, тотъ часъ постарался съ нимъ сблизиться, и уже постоянно писалъ къ нему секретныя письма собственно для того, чтобы все дѣлать съ совѣтомъ другого, въ чемъ видѣлъ выраженіе воли Божіей, боясь поступать по своей волѣ.

Смиреніе же заставляло Старца всѣ свои труды и подвиги, сколько было возможно, укрывать отъ любопытныхъ, или самоукореніемъ, или шутливою рѣчью, или иногда даже несовсѣмъ благовидными поступками, или просто молчаніемъ и сдержанностію; такъ что и самые близкіе къ нему люди временемъ смотрѣли на него, какъ на человѣка самаго обыкновеннаго. Онъ держался заповѣди св. Исаака Сирина: „Изливай на всѣхъ милость свою, и буди спрятанъ отъ всѣхъ“ [1]). По кончинѣ Московскаго Митрополита Филарета, Старецъ Амвросій, при воспоминаніи о немъ разсказывалъ въ общее назиданіе себѣ и другимъ, что святитель сей держался такой спрятанности, что келейные его не только не знали его сокровенной жизни, но не могли даже видѣть, какъ онъ умывался. „Принеси, скажетъ келейнику, воды и иди“. Случалось, что келейникъ оставался, и хотѣлъ помочь Старцу умыться; но онъ повторялъ: „вѣдь тебѣ сказано,— иди“. Представлялъ Старецъ Амвросій въ примѣръ спрятанности или сокровенности и покойнаго Старца своего Макарія: „Мудрецъ былъ Старецъ (Макарій), говаривалъ онъ; я четыре года былъ его келейникомъ, пользовался и руководствованіемъ его, а такъ во всю жизнь разгадать его и не могъ“. Точно также поступалъ и Старецъ Амвросій. Во все время дня и ночи келейные входили къ нему по звонку, и не иначе какъ съ молитвой; и потому никогда не могли замѣтить въ немъ какихъ либо выдающихся особенностей.

Или вотъ еще примѣры Старцева смиренномудрія: однажды разсматривали портретъ подвижника Василиска, приложенный къ его житію. Кто-то и сказалъ, что вотъ-де у него уста ужъ очень какъ-то

---

[1]) Духовно-подвиж. слова св. Исаака Сирина. Слово 9-е.

свѣтлы; вѣроятно это потому, что онъ умеръ съ молитвою Іисусовою на устахъ.—„Да, это очень можетъ быть, сказалъ Батюшка. А вотъ въ Глинской пустыни умеръ одинъ старецъ,—такъ у него часа три послѣ смерти рука все перебирала четки. А я вотъ грѣшный и не знаю, когда только ихъ перебиралъ, добавилъ Батюшка со вздохомъ, и печально махнулъ рукой. Я даже и въ монастырѣ-то пожалуй всего только одинъ годъ прожилъ. Какъ только взяли къ батюшкѣ О. Макарію въ келейники, такъ съ тѣхъ поръ все и живу на базарѣ".— Ну, ужъ у васъ, батюшка, не на рукахъ, а вотъ тамъ—въ сердцѣ молитва-то безъостановочно перебирается, сказалъ кто-то.—„Ну, нѣтъ,—на базарѣ не переберешь", отвѣтилъ Старецъ, и быстро перешелъ къ бесѣдѣ о другомъ предметѣ.

Одна пріѣзжая посѣтительница сказала Старцу: Батюшка! мы о васъ ужъ очень много хорошаго слышали.—А онъ ей въ отвѣтъ: „славны бубны за горами, а подойдешь—лукошко".

Одна изъ собесѣдницъ Старца сказала ему: Батюшка! вы похожи на св. Александра Невскаго. Сколько онъ трудовъ перенесъ! И вы то же перенесли ихъ очень много.—„Да у него-то труды, а у меня все толки", отвѣтилъ онъ.

Въ другой разъ Батюшкѣ сказали: какой вы премудрый! всѣхъ-то приводите къ вѣрѣ, да къ Господу Богу, самыхъ отчаянныхъ и непокорныхъ.—На это Батюшка отвѣтилъ: „нѣтъ, что я могу немощный?"

Говорили какъ-то еще Старцу объ его многоплодномъ служеніи на пользу св. Церкви Христовой. Онъ на это сказалъ: „я ничего не дѣлаю, а только лежу. Меня всѣ хвалятъ понапрасну. Горе тому человѣку, котораго хвалятъ больше его дѣлъ".

Разъ спросили у батюшки: кто будетъ такъ милостивъ до насъ, родимый батюшка, если васъ Господь возметъ отъ насъ? Старецъ отвѣтилъ: „много есть людей гораздо лучше меня".

8-го октября 1879 года исполнилось сорокъ лѣтъ съ поступленія Батюшки въ монастырь. Послѣ обѣдни пришли къ нему съ поздравленіями и съ просфорами. Старецъ сказалъ „несите просфоры въ ту комнату; надо еще потолковать, съ чѣмъ пришли вы поздравлять".— За тѣмъ, благословивши всѣхъ, Батюшка сказалъ: „прожилъ я здѣсь 40 лѣтъ, и не выжилъ 40 рѣпъ; истинно—чужія крыши покрывалъ, а своя раскрыта стоитъ; а вотъ мнѣ уже доходитъ 67-й годъ".

Въ письмѣ отъ 31 декабря 1860 года, къ одной особѣ, обратившейся къ О. Амвросію, какъ къ Старцу, писалъ онъ такъ: „Давно собирался я успокоить Васъ, многозаботливая NN, касательно боязни Вашей, что будто я оставлю Васъ, и не буду писать къ Вамъ. Ежели я, по слабости моего характера, не отказался отъ васъ, не знавши Васъ какъ должно; а согласился на предложеніе Ваше, не желая оскорбить Васъ, въ крайней нуждѣ духовной находящуюся: то теперь ли могу оставить Васъ, когда я, по недостатку истиннаго разсужденія, презрѣвъ свою душу, и собственное спасеніе оставилъ на произволъ судьбы, мняся заботиться о душевной пользѣ ближняго. Не знаю,

есть ли кто неразумнѣе меня. Будучи немощенъ крайне тѣломъ и душею, беруся за дѣло сильныхъ и здоровыхъ душевно и тѣлесно. О, дабы простилъ мнѣ Всеблагій Господь неразуміе мое за молитвы блаженнаго отца нашего (Макарія)![1]).

Въ письмахъ къ другимъ лицамъ Старецъ нерѣдко просилъ молиться о немъ, глаголющемъ и не творящемъ, или не исполняющемъ тѣхъ уроковъ нравственности, которые преподавалъ другимъ.—Вообще, онъ какъ будто не видѣлъ, или не хотѣлъ видѣть своихъ всегдашнихъ трудовъ и подвиговъ любви и самоотверженія, и терпѣливаго перенесенія постоянныхъ, часто жестокихъ недуговъ, все это принимая, какъ заслуженное наказаніе за грѣхи свои, нерѣдко и въ письмахъ къ разнымъ лицамъ повторяя по сему случаю Евангельское слово: *воздастся комуждо по дѣломъ его*[2]).

Но живя самъ въ смиреніи, безъ котораго, какъ выше говорено было, невозможно спасеніе, Старецъ и въ относившихся къ нему всегда желалъ видѣть эту необходимѣйшую добродѣтель; и къ смиреннымъ относился весьма благосклонно, какъ на оборотъ терпѣть не могъ горделивыхъ; такъ что иныхъ довольно ощутительно билъ, кого палкой, кого кулакомъ, или осыпалъ безчестіями.—Жаловалась какъ-то Старцу одна женщина, что отъ скорбей она чуть-чуть съ ума не сошла.—„Дура!—воскликнулъ при всѣхъ Старецъ, вѣдь съ ума-то сходятъ люди умные; а ты-то какъ-же сойдешь съ ума, когда у тебя вовсе его нѣтъ?“—Или: одна жаловалась Батюшкѣ, что у ней украли шаль. А онъ съ улыбкою отвѣтилъ: „шаль-то взяли, а дурь-то осталась“. Старецъ обобщалъ иногда понятія „дуракъ“ и „гордый“.—Не любилъ онъ также, проистекающаго изъ тщеславія, щегольства.—Пріѣхала къ нему одна духовная дочь, молодая женщина, въ платьѣ, обшитомъ стеклярусомъ, нити котораго такъ и дрожали, ударяясь одна о другую Батюшка улыбнулся, глядя на нее, прищурился и промолвилъ: „ишь—какая стала,—какія игрушечки на себя навѣсила!“—„Мода, Батюшка“,—отвѣтила та.—„Э—эхъ, на полгода ваша мода“.

При глубокомъ же смиреніи, не смотря на свой веселый характеръ, и не смотря на свою сдержанность или спрятанность, Старецъ Амвросій нерѣдко и противъ своей воли проливалъ слезы. Онъ плакалъ, какъ выше было упомянуто, среди службъ и молитвословій, отправлявшихся по какому либо случаю въ его кельѣ; въ особенности, если бывало по желанію просителей, отправлялся молебенъ съ акаѳистомъ предъ особенно чтимою имъ келейною иконою Царицы Небесной „Достойно есть“. Во время чтенія акаѳиста, онъ стоялъ около двери, неподалеку отъ св. иконы, и умиленно взиралъ на благодатный ликъ Всепѣтой Богоматери. Всѣмъ и каждому можно было видѣть, какъ слезы струились по его исхудалымъ ланитамъ. Онъ всегда

---

[1]) Сборникъ писемъ Оптинскаго Старца І. О. Амвросія. Выпускъ 2-й. Москва. 1897 г., стран. 36-я.

[2]) Матѳ. XVI, 27.

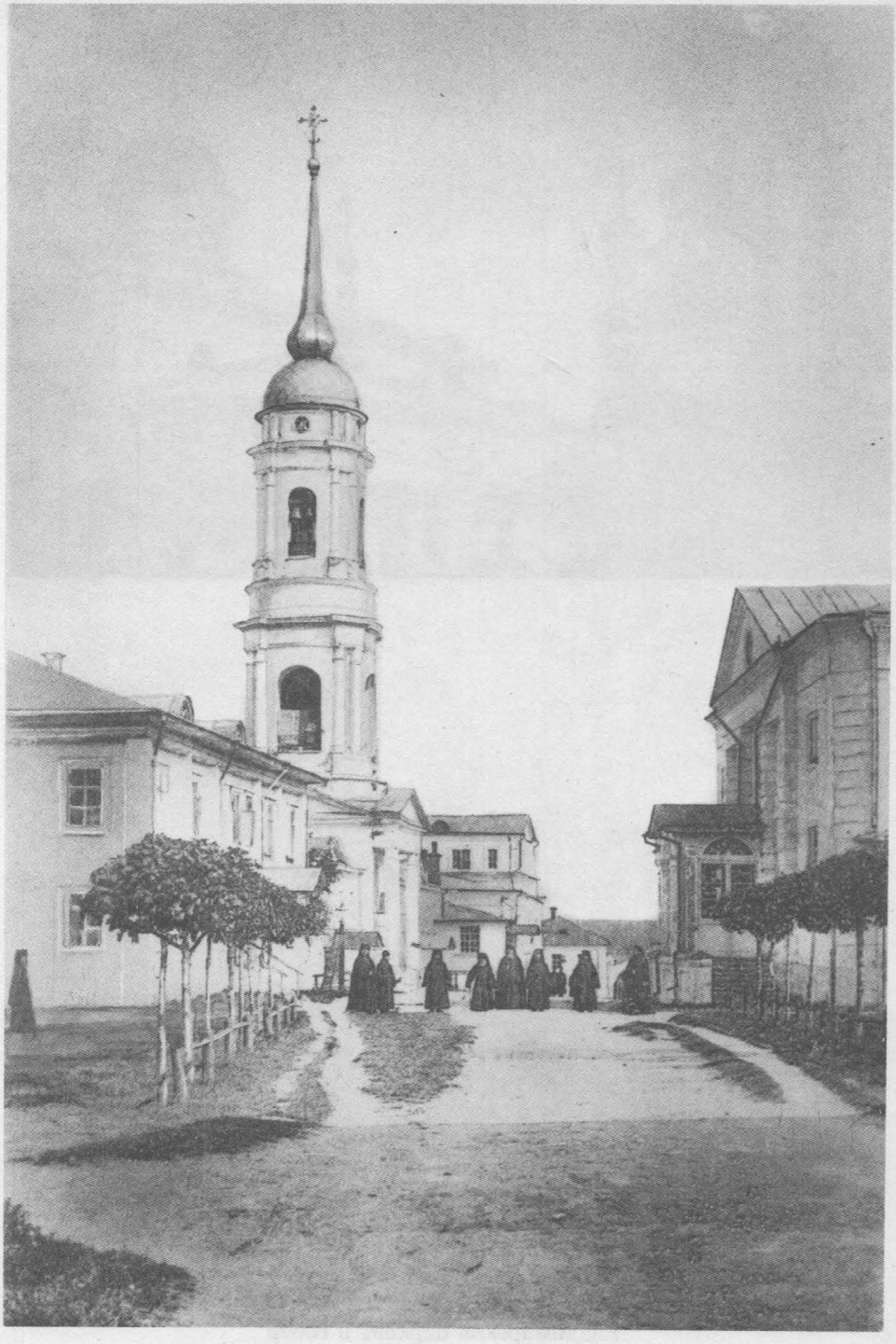
скорбѣлъ и болѣзновалъ, иногда до пролитія слезъ, о нѣкоторыхъ изъ духовныхъ чадъ своихъ, недуговавшихъ душевными недугами. Плакалъ о себѣ, плакалъ о частныхъ лицахъ; скорбѣлъ и болѣзновалъ душею и о всемъ дорогомъ ему отечествѣ и о благочестивыхъ царяхъ русскихъ. Такъ по случаю убіенія Императора Александра II, онъ въ глубокой скорби писалъ къ одной особѣ: „Не знаю что вамъ написать объ ужасномъ настоящемъ времени и жалкомъ положеніи дѣлъ въ Россіи. Есть одно утѣшеніе въ пророческихъ словахъ св. Давида: *Господь разоряетъ совѣты языковъ, отметаетъ же мысли людей, и отметаетъ совѣты князей. Совѣтъ же Господень во вѣкъ пребываетъ*[1]). Господь попустилъ Александру II умереть мученическою кончиною; но силенъ Онъ подать помощь свыше Александру III переловить злодѣевъ, зараженныхъ духомъ антихристовымъ... Антихристъ, по объясненію толковниковъ св. Писанія, долженъ придти во время безначалія на землѣ. А пока онъ еще сидитъ на днѣ ада, то дѣйствуетъ чрезъ предтечей своихъ. Сперва онъ дѣйствовалъ чрезъ разныхъ еретиковъ... а теперь чрезъ образованныхъ нигилистовъ сталъ дѣйствовать нагло и грубо паче мѣры“[2]). Впрочемъ когда нѣкоторые изъ приближенныхъ къ Старцу, по случаю неслыханнаго злодѣянія, были въ большомъ смущеніи, Старецъ въ утѣшеніе ихъ, при мысли о восшествіи на престолъ Императора Александра III благонадежно въ восторгѣ радости воскликнулъ: „Живъ Господь, и живы души наши!“

Появлялись у Старца въ свое время и слезы радости духовной. Въ особенности можно это было видѣть, при слушаніи имъ стройнаго нотнаго пѣнія нѣкоторыхъ перковныхъ пѣснопѣній. Тутъ онъ не могъ сдерживаться, между тѣмъ какъ неземная радость свѣтилась въ лицѣ его.

Но находя скорбѣніе о своей грѣховности необходимымъ и для всякаго человѣка грѣшника, Старецъ, если видѣлъ въ комъ-либо изъ относившихся къ нему разсѣянность и невнимательность къ себѣ, ткнетъ бывало ему въ лицо пальцемъ и промолвитъ: „у, безболѣзненное сердце!“ Повторялъ также иногда для назиданія учениковъ своихъ слова Препод. Ефрема Сирина: боли болѣзнь болѣзненнѣ, да мимотечеши суетныхъ болѣзней болѣзни.

Отъ истиннаго плача, соединеннаго со смиреніемъ, по ученію св. Лѣствичника, происходитъ кротость. Это боголюбезное свойство имѣлось потому въ душѣ Старца Амвросія,—такъ сказать,—по естественному сцѣпленію добродѣтелей. Сколько ни приходилось ему испытывать разнаго рода скорбей, напастей и болѣзней; но ничто не могло сильно разстроить его, онъ всегда былъ веселъ и покоенъ. Лежа на одрѣ болѣзни, онъ временемъ по обычаю своему шутилъ съ окружавшими его монахами; самъ пребывая въ крайнемъ изнеможеніи, утѣшалъ малодушныхъ, или чрезъ силу проговореннымъ словомъ, или

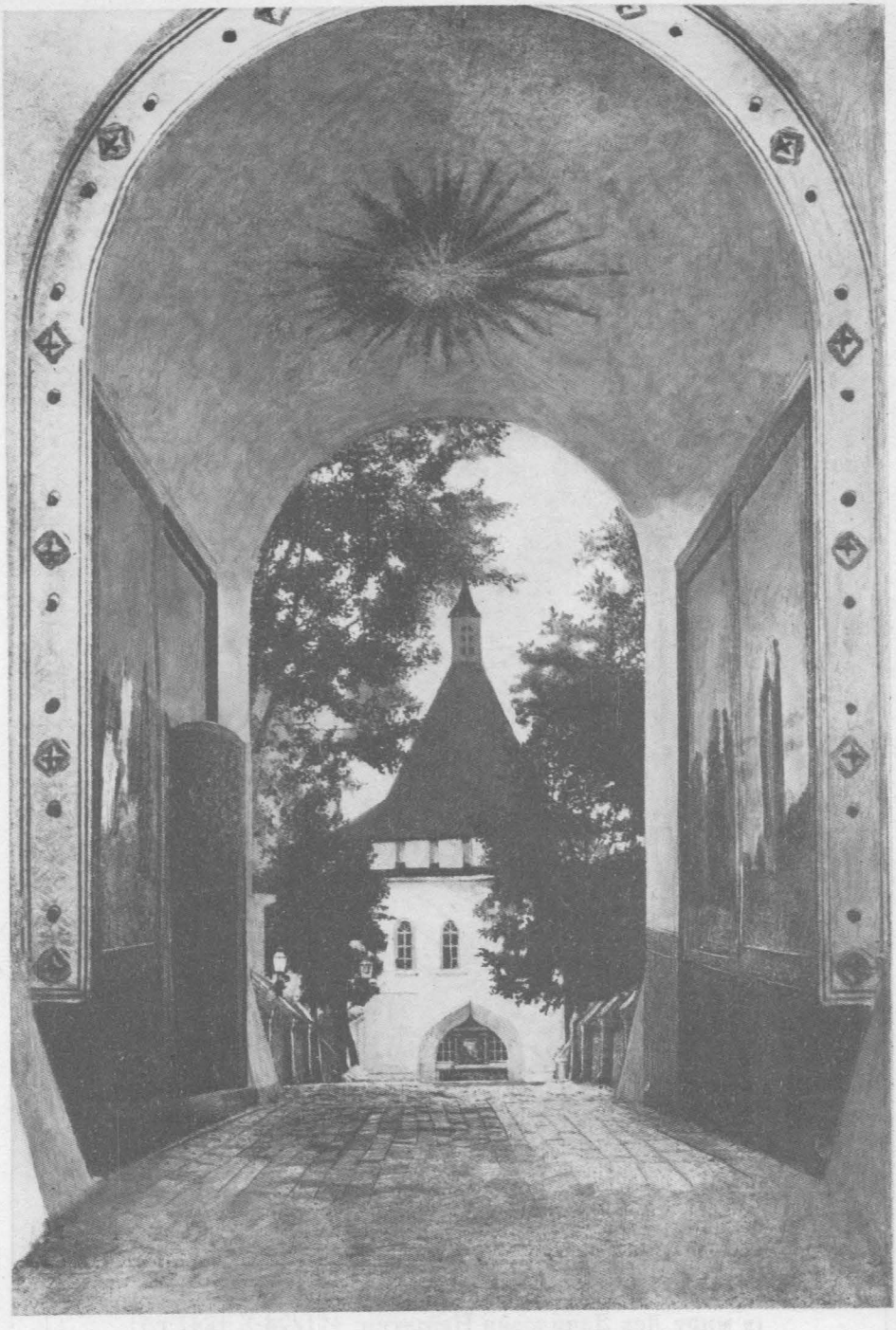
[1]) Псал. XXXII, 10. 11.
[2]) Письма къ Превосходительной NN. Стр. 22. 23.



Оптина Пустынь. Внутри монастыря

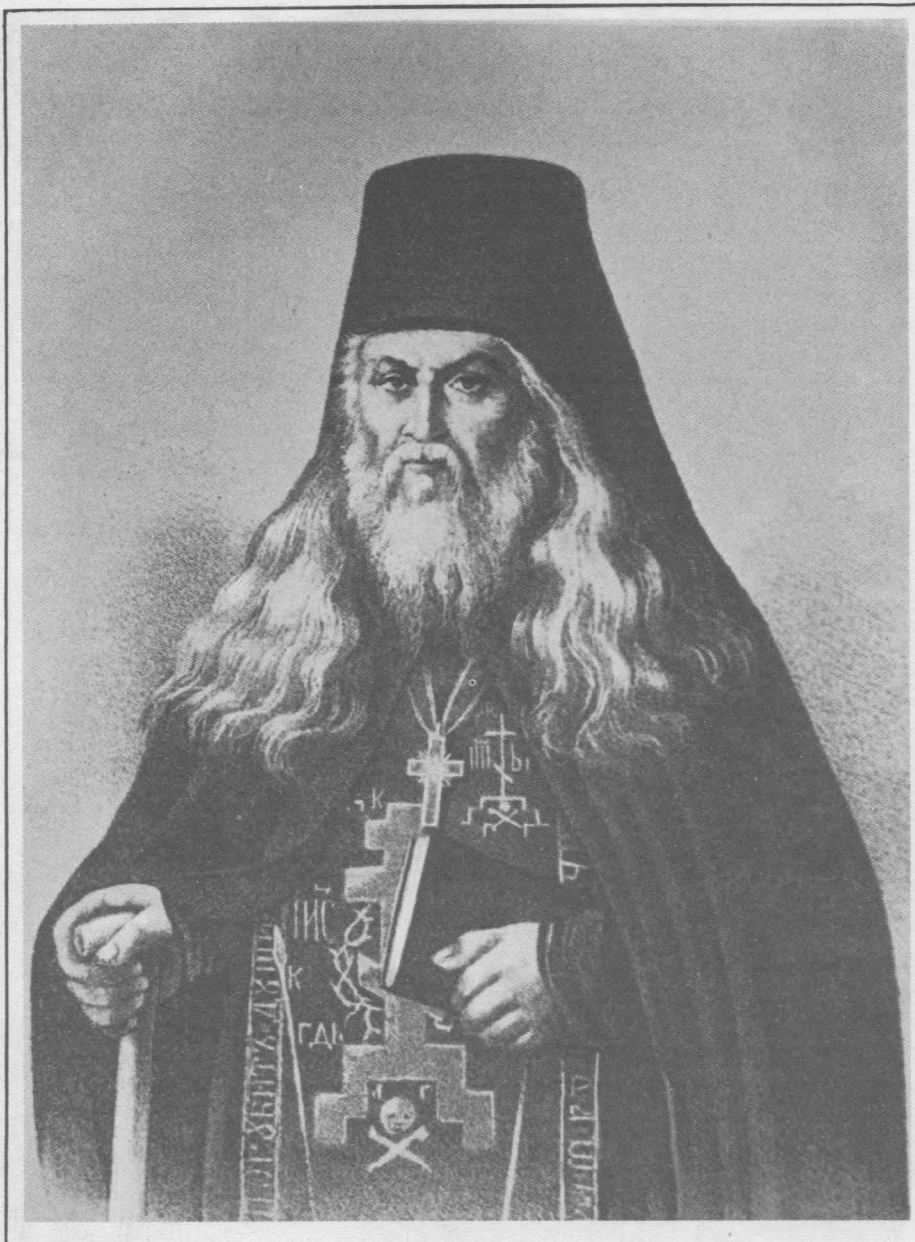
Оптина Пустынь. Казанская церковь

Владимирская церковь и собор
в честь Введения Божией Матери во храм



Святые ворота. Вид от колокольни

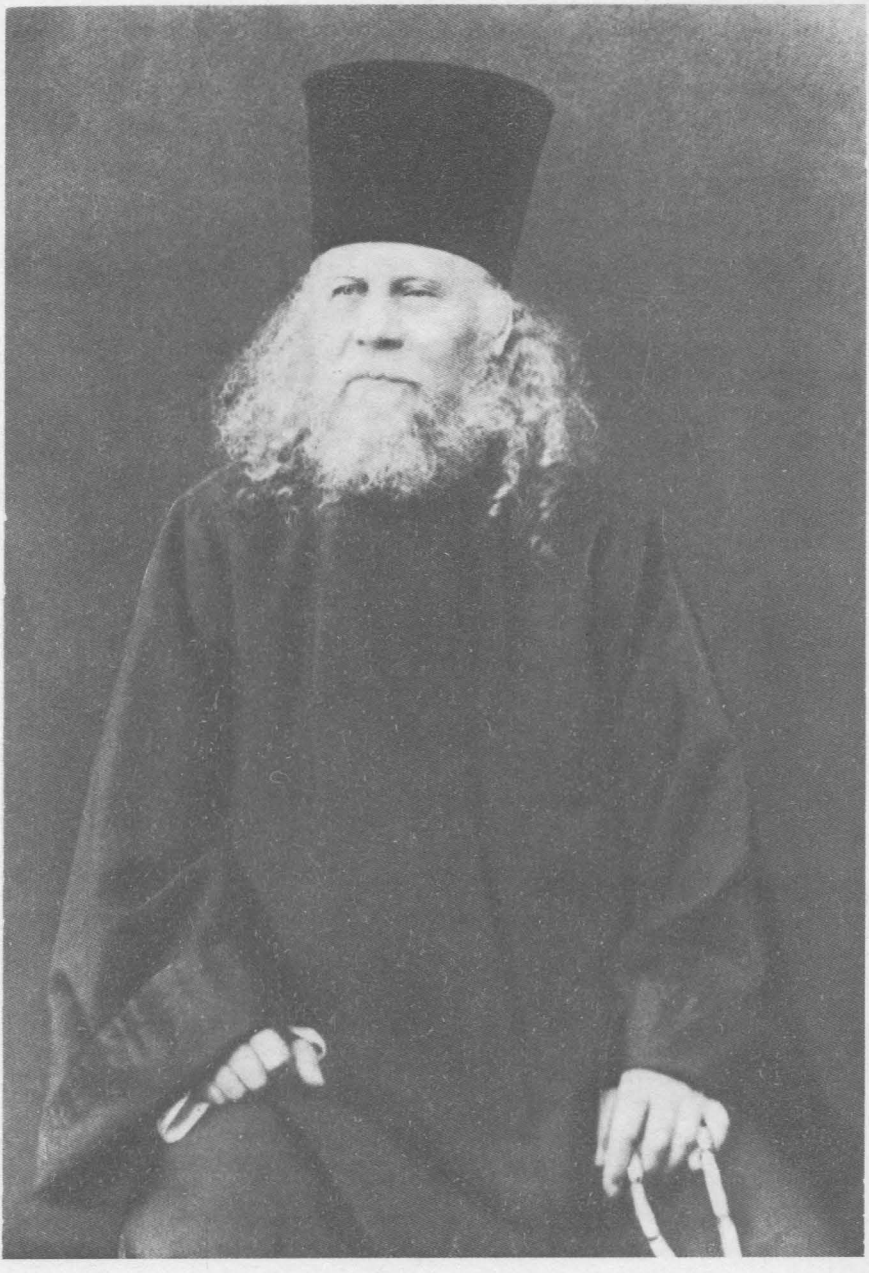
Колокольня и главный вход от Святых ворот



Первый оптинский старец
иеросхимонах Лев (Леонид)
(в миру Лев Данилович Наголкин; +11/24.X 1841 г.)

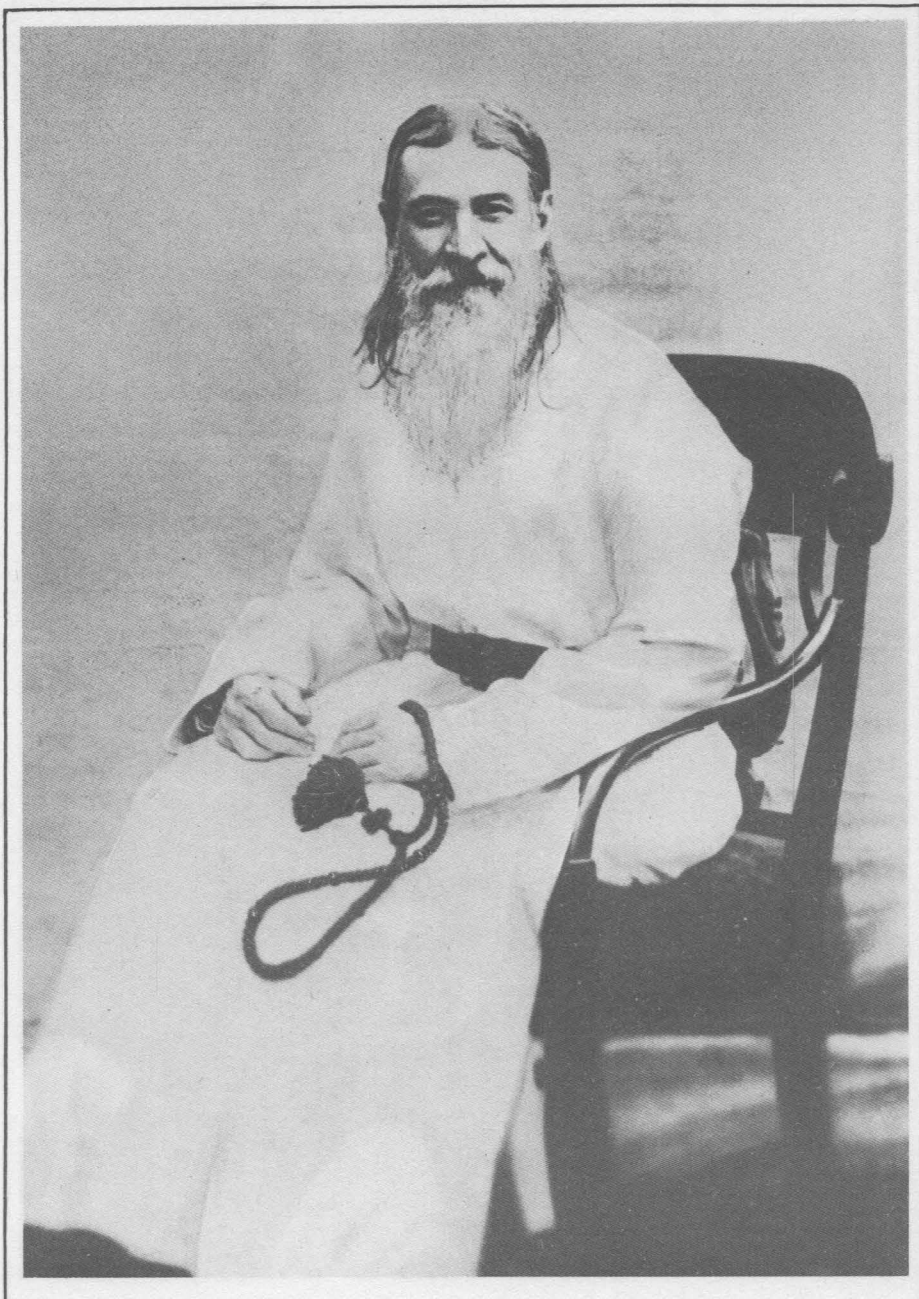
Старец иеросхимонах Макарий
(в миру Михаил Иванович Иванов; + 7/20.IX 1860 г.).
Скитоначальник

Старец схиархимандрит Моисей
(в миру Тимофей Иванович Путилов;
+ 16/29.VI - 1862 г.). Настоятель обители



Старец иеросхимонах Анатолий
(в миру Алексей Моисеевич Зерцалов;
+ 25.I/7.II 1894 г.). Скитоначальник

Старец схиархимандрит Исаакий
(в миру Иван Иванович Антимонов; + 1894 г.).
Настоятель обители



Старец иеросхимонах Иосиф
(в миру Иван Литовкин ; + 9/22.V 1911 г.)
Скитоначальник

Столп Оптинского Духа - старец иеросхимонах
Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков;
+ 10/23.X 1891 г.)

Вид Козельской Оптиной Пустыни с северной стороны

Святые врата Иоанно-Предтеченского скита

Внутренний вид монастыря

Отец Амвросий в начале старчества

отечески-ласковымъ взглядомъ, или прикосновеніемъ ослабѣвшей руки. Обыкновенно когда Старецъ находился въ сильной болѣзни,—а это было нерѣдко,—всѣ почти скитскіе братія, въ особенности недавно поступившіе послушники, были въ унынiи.—Былъ въ скиту одинъ послушникъ уже пожилыхъ лѣтъ, съ лысиной на головѣ И. Ѳ. По случаю тяжкой болѣзни Старца, разстроенный пришелъ онъ въ его келейную въ надеждѣ,—нельзя ли хоть молча получить благословеніе отъ Старца. Надежда его не обманула. Съ тугою сердечною онъ подошелъ къ лежавшему на койкѣ страдальцу, поклонился по обычаю въ ноги, и протянулъ руки, чтобы принять благословеніе.—Преподавъ благословеніе, Старецъ слегка ударилъ его по головѣ, шутливо проговоривъ едва слышнымъ голосомъ: „ну ты, лысый игуменъ!..“—„Какъ гора свалилась съ плечъ моихъ, сказывалъ послѣ послушникъ, такъ легко—легко стало на душѣ“. Пришедши же въ свою келью, онъ мѣста не находилъ отъ радости. Все ходитъ по кельѣ, да твердитъ: „Боже мой! что же это такое? Батюшка-то, Батюшка-то, самъ едва дышетъ, а все шутитъ“.—Множество было подобныхъ примѣровъ. И такъ какъ Старецъ часто сильно недуговалъ, а совершенно здоровымъ и никогда не былъ, то между близкими къ нему,—на вопросъ—„какъ здоровье батюшки?“ сложился даже общій отвѣтъ: „онъ веселенькій“. Такъ всегда душа Старца находилась въ тихомъ и мирномъ устроеніи. Однако замѣтимъ при семъ, что строптивость нѣкоторыхъ, упорство и настойчивость жить и дѣйствовать по своему, и его по временамъ выводили изъ терпѣнія, и заставляли приходить въ негодованіе.

Такъ какъ всякій, стяжавшій смиреніе съ плачемъ, явственно видитъ всѣ грѣховныя прираженія къ душѣ своей, и употребляя противъ нихъ самыя дѣйствительныя врачевства, все болѣе и болѣе алчетъ и жаждетъ правды, или оправданія предъ Господомъ, ища помощи Божіей съ великимъ рвеніемъ, и такимъ образомъ совершенствуясь въ жизни духовной: то и смиренный и плакавшій Старецъ Амвросій, какъ увидимъ ниже (гдѣ ублажаются чистые сердцемъ), ясно видѣлъ всѣ малѣйшія грѣховныя пятна души своей, омывая ихъ водою слезъ своихъ и отирая лентіемъ покаянія.—Ясно видимы были имъ, прибавимъ къ сему, пятна грѣховныя и въ душахъ всѣхъ, приходившихъ къ нему. А потому неменѣе алкалъ онъ и жаждалъ правды, или праведности предъ Господомъ, и въ душахъ ближнихъ, какъ и въ своей. Со скорбію, и даже съ нѣкоторымъ праведнымъ негодованіемъ смотрѣлъ онъ на тѣхъ изъ относившихся къ нему, которые, по неразумію и нерадѣнію своему, нечисто или и совсѣмъ не открывали ему своихъ помысловъ грѣховныхъ,—чѣмъ легко врачуются души отъ сихъ, свойственныхъ имъ, недуговъ.—„Врагъ нашъ невидимый, говорилъ къ таковымъ Старецъ, самъ же вложитъ мысль грѣховную въ душу человѣка, да тутъ же и запишетъ ее, какъ его собственную, дабы впослѣдствіи на страшномъ судѣ Божіемъ обвинить человѣка“.—Приводя при случаѣ, къ назиданію нѣкоторыхъ изъ уче-

никовъ своихъ, слова Псалмопѣвца: *вси путіе Господни милость и истина* [1]), Старецъ Амвросій такъ ихъ протолковывалъ: „къ ближнимъ мы должны оказывать всякую милость, всякую снисходительность; а отъ себя истязывать всякую истину, всякую правду". — Касательно и внѣшнихъ отношеній къ братіямъ и посѣтителямъ, Старецъ строго держался правдивости или безпристрастія ко всѣмъ, и никому не давалъ воли или потачки, и не оказывалъ незаслуженнаго предпочтенія. — Говорилъ онъ какъ-то съ одною духовною своею дочерью. Пріѣхала въ это время почетная женщина, о которой сочли нужнымъ немедленно доложить ему. — „У меня всѣ равны, — сказалъ Старецъ, — мышка и маленькая, да пойди, — поймай ее". Нѣкоторые осуждали его, что онъ принималъ все богатыхъ, а бѣднымъ отказывалъ. Да, онъ принималъ скорѣе богатыхъ, но только не деньгами, а смиреніемъ. Потому нерѣдко и случалось такъ, что смиренные богачи недолго ожидали пріема Батюшки, а бѣдные роптуны по недѣлѣ и больше ходили къ нему, да и то иные не могли совсѣмъ попасть. А кромѣ сего Старецъ еще такъ разсуждалъ: „бѣднаку, привыкшему къ терпѣнію, легче подождать лишнее время, нежели человѣку высокопоставленному". При всемъ томъ смиренное расположеніе посѣтителей всегда брало перевѣсъ.

О милостивости Старца Амвросія нужно ли говорить? Кто изъ знавшихъ его не сподоблялся его милости, выражавшейся въ различныхъ видахъ? Онъ, по его же вышеприведеннымъ словамъ, желалъ бы всѣхъ и всѣмъ удовлетворить. Но о семъ будетъ сказано ниже въ послѣдующихъ главахъ „о любви Старца". Ибо, по замѣчанію отцевъ подвижниковъ, милость и любовь, различаются только одними именами. — Здѣсь же упомянемъ только о томъ, что Старецъ, опытомъ дознавшій цѣну милосердія и сострадательности къ ближнимъ, поощрялъ и дѣтей своихъ духовныхъ къ этой добродѣтели, обнадеживая ихъ въ полученіи милости отъ Милостиваго Бога за милость, оказываемую ими ближнимъ. — Къ монахинѣ, завѣдывавшей дѣтскимъ пріютомъ, и всей погруженной въ заботы о дѣтяхъ, пріѣхала родственница, и очень много говорила о Богѣ и о душевномъ спасеніи. Монахиня же, опомнившись, какъ за своими хлопотами о дѣтяхъ, она мало думаетъ о душѣ, со скорбію сказала Старцу: „вотъ, батюшка, мірская пріѣхала, да все о душѣ говоритъ и думаетъ; а у меня все Таньки да Машки изъ головы не выходятъ". — Въ успокоеніе ея Старецъ, усмѣхнувшись, отвѣтилъ: „ну, мы съ тобой, видно, и на томъ свѣтѣ съ Машками да Таньками покажемся", — обнадеживая ее тѣмъ, что дѣла милости, по слову Писанія, сильны избавить отъ вѣчной смерти.

Что сказать о чистотѣ сердца Старца Амвросія? *Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ* [2]). Но Господь, прославляющій угодниковъ Своихъ, иногда и

[1]) Псал. XXIV, 10.
[2]) 1 Кор II, 11.

противъ воли ихъ, открываетъ сокровенное, славы ради Имени Своего и прославленія вѣрныхъ рабовъ своихъ. Прежде всего замѣтимъ, что Старецъ, несмотря на свою болѣзненность и постоянные труды, всегда готовился къ принятію Св. Таинъ постомъ и молитвою. Выше мы видѣли, что и во все время своего монашествованія онъ былъ строгимъ постникомъ и неустаннымъ молитвенникомъ. Но въ это время онъ старался, сколько дозволялъ ему слабый его организмъ, усугублять постъ и молитву; хотя по глубокому смиренію своему въ нѣкоторыхъ письмахъ и говорилъ, что онъ никогда постникомъ не былъ; а касательно молитвы даже со скорбію высказывался такъ: „а я вотъ грѣшный и не знаю, когда только перебиралъ чотки". Причащался же Старецъ Святыхъ и Животворящихъ Таинъ Христовыхъ часто, — недѣли черезъ три, черезъ двѣ, а то и чрезъ недѣлю, если былъ очень слабъ, и каждый разъ непремѣнно исповѣдывался. Разсказывалъ по этому случаю іеромонахъ Оптиной пустыни о. Платонъ, бывшій нѣкоторое время духовникомъ Старца Амвросія: „Какъ назидательна была исповѣдь Старца! какое смиреніе и сокрушеніе сердечное выказывалъ онъ о грѣхахъ своихъ! Да и о какихъ грѣхахъ? О такихъ, которые мы и за грѣхи не считаемъ. Напр. по болѣзненности своего желудка, слѣдовательно по крайней необходимости, ему приходилось иногда, вопреки уставу св. Церкви, въ среду или пятокъ скушать кусочка два-три сельди голландской. И этотъ грѣхъ исповѣдывалъ Старецъ предъ Господомъ со слезами. Онъ стоялъ въ это время на колѣнахъ предъ св. Иконами, какъ осужденникъ предъ страшнымъ и неумолимымъ Судіею, чая милости отъ дающаго милость, думается даже, какъ можно полагать, съ смиреннымъ помысломъ, подастся ли милость, отпустится ли грѣхъ [1]). Посмотрю, посмотрю на плачущаго Старца, прибавлялъ о. Платонъ, да и самъ заплачу". Въ назначенный день, большею частію воскресный, въ концѣ литургіи приносилъ въ келлію Старца въ дароносицѣ часть Св. Даровъ іеромонахъ, большею частію близкій къ Старцу, и поставлялъ сосудецъ на особо приготовленномъ для сего столикѣ. Старецъ всегда въ это время бывалъ въ сосѣдней келліи о. Іосифа. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ являлся въ свою келлію, облаченный въ схиму, и полагалъ земной поклонъ предъ Пречистыми Тайнами. Затѣмъ, прослушавши отъ іеромонаха положенныя въ требникѣ молитвы на случай, когда нужно скоро причастить трудно больного, Старецъ въ епитрахили и поручахъ, испрашивалъ прощеніе у всѣхъ отсутствовавшихъ отцевъ и братій, самъ, сложивши крестообразно руки, читалъ обычныя молитвы: Вѣрую Господи и исповѣдую... и съ величайшимъ благоговѣніемъ пріобщался Пречистыхъ Таинъ Христовыхъ. Заканчивалось все это слушаніемъ обычныхъ благодарственныхъ молитвъ. Все это не свидѣтельствуетъ ли о чистотѣ сердца описываемаго Старца Амвросія? Замѣчали келейные его, что послѣ

[1]) Подобные примѣры покаянія видимъ въ „Лѣствицѣ" св. Іоанна. Слово 5, отд. 17-е и далѣе.

причащенія Св. Таинъ онъ какъ бы вновь возраждался не только духовно, но и тѣлесно.

Послѣ исчисленныхъ добродѣтелей Старца Амвросія возможно ли было не быть ему миротворцемъ?—„Батюшка! спрашивали нѣкоторые, отъ чего это мира нѣтъ въ душѣ?“ Старецъ отвѣчалъ на это псаломскими словами: *Миръ многъ любящимъ законъ Твой* [1]). Онъ говорилъ это по собственному опыту. Ибо всю жизнь свою располагавшій по закону Божію, или по заповѣдямъ Евангельскимъ, могъ ли онъ не имѣть въ душѣ своей мира? Потому собственно и видали его всегда веселымъ и спокойнымъ. Стяжавъ же, при помощи благодати Божіей, миръ съ самимъ собою, и ощутивъ въ душѣ своей сладость сего мира, могъ ли онъ не быть проповѣдникомъ мира и миротворцемъ? Сказано въ Божественномъ Писаніи: *въ мирѣ мѣсто Его* [2]). Слѣдовательно гдѣ миръ, тамъ и Богъ, а съ нимъ и вся уготованная человѣку благая. Поэтому Старецъ всѣми силами старался водворять миръ между враждующими. И чего чего не дѣлалъ онъ въ этихъ случаяхъ? То отечески убѣждалъ, говоря, что враждующіе оскорбляютъ Бога—благодѣтеля, оскорбляютъ своихъ Ангеловъ Хранителей, радуютъ только діавола враждотворца; то угрожалъ праведнымъ судомъ Божіимъ и вѣчными муками; то обѣтованіемъ грядущихъ благъ вѣчныхъ старался растеплить холодное сердце человѣконенавистника. И какъ радъ бывалъ Старецъ когда удавалось ему привлечь враждующихъ къ миру! Разъ какъ то, по кознямъ вражіимъ, два изъ старшихъ іеромонаховъ завражловали другъ на друга. Послѣ долгихъ усилій, и безъ сомнѣнія усердной молитвы къ Господу, ему наконецъ удалось примирить ихъ. Съ свѣтящимся на лицѣ восторгомъ Старецъ повторялъ всѣмъ и каждому: „Ну, слава Богу! хоть какъ нибудь, да помирились. Худой миръ лучше хорошей войны“.

Можно назвать Старца Амвросія и гонимымъ правды ради. Терпѣлъ онъ и поношеніе, и оглаголаніе, и ложную клевету. Ибо какъ выше было сказано ежедневно терпѣливо переносилъ отъ малодушныхъ посѣтителей ропотъ и осужденіе, а иногда и грубости, даже и отъ своихъ келейныхъ, съ которыхъ никогда не взыскивалъ за свои личныя обиды. Нашелся однажды даже и такой человѣкъ, который съ револьверомъ въ рукѣ среди дня пришелъ въ скитъ и сѣлъ у Старца на крыльцѣ, въ ожиданіи его выхода, съ намѣреніемъ застрѣлить его; и только, благодаря ловкости одного монастырскаго кузнеца, былъ обезоруженъ. Но Старецъ никогда не оскорблялся на своихъ недоброжелателей, а напротивъ относился къ нимъ съ сердечнымъ участіемъ.—Много досаждала Старцу одна особа, а онъ все терпѣлъ. Спросили его,—какъ онъ ее терпитъ? Старецъ отвѣчалъ: „если здѣсь, гдѣ я стараюсь ее успокоить, ей все-таки такъ тяжело; каково же ей будетъ тамъ, гдѣ всѣ ей будутъ противорѣчить? Какъ же ее не терпѣть?“ — А частые жестокіе недуги тѣлесные не были ли для

[1]) Псал. CXVIII, 165.
[2]) Псал. LXXV, 3.

Старца тяжелѣе всякихъ гоненій? — Впрочемъ Старецъ потерпѣлъ нѣчто, подобное гоненію и въ собственномъ смыслѣ. Но объ этомъ предметѣ да подастъ Господь помощь подробнѣе высказать далѣе въ своемъ мѣстѣ.

Вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей есть любовъ. О ней то и имѣется говорить въ послѣдующихъ главахъ.

XIII.

Евангельская любовь Старца Амвросія, выражавшаяся по отношенію къ ближнимъ а) вещественною помощію и б) мудрыми совѣтами.

Иже аще соблюдетъ слово Его (Божіе) *по истинѣ въ семъ любы Божія совершенна есть* [1]).

Плодомъ, или вѣнцомъ всѣхъ добродѣтелей Старца Амвросія, пріобрѣтенныхъ имъ чрезъ исполненіе заповѣдей Евангельскихъ, является любовь къ Богу и ближнимъ. Это не та любовь, которую въ большей или меньшей мѣрѣ имѣетъ и ощущаетъ въ себѣ и каждый изъ насъ грѣшныхъ. Наша любовь непостоянная, себялюбивая, иногда лицемѣрная, грѣховная. Потому, когда однажды пропѣли для Старца положенный на ноты стихъ Апостола: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія* и пр. [2]), Старецъ съ серіознымъ выраженіемъ лица, и какъ будто нѣсколько смущенный, говорилъ вслухъ всѣхъ: „кто разлучитъ? да все насъ разлучаетъ отъ Бога". Въ число другихъ включалъ себя здѣсь Старецъ конечно по смиренію. Но его любовь была постоянная, безкорыстная и всеобъемлющая; такая любовь, о которой сказано: *крѣпка яко смерть любы* [3]). Эта любовь Старца Амвросія въ отношеніи къ Богу проявлялась въ неуклонномъ исполненіи имъ Евангельскихъ заповѣдей, по слову Самого Господа: *Аще кто любитъ Мя слово мое соблюдетъ* [4]), о чемъ и говорено было выше; по отношенію же къ ближнимъ обнаруживалась въ состраданіи и милостивости ко всѣмъ людямъ. Любить ближнихъ такъ, чтобы желать имъ всякаго счастія, благословляемаго Богомъ, и стараться доставить имъ это счастіе, — было жизнію и дыханіемъ его. Смотря на человѣка какъ на образъ Божій, и всегда памятуя, что *милуяй нища взаимъ даетъ Богови* [5]) и что *милостыня очищаетъ грѣхи* [6]), онъ старался всемѣрно по возможности удовлетворять нужды всѣхъ просителей, съ какими бы кто ни обращался къ нему. Къ этому были направлены а) всѣ вещественныя приношенія, которыя Господь посылалъ ему

---

1) Іоан. II, 5.
2) Римл. VIII, 35.
3) Пѣсн. Пѣсн. VIII, 6.
4) Іоан. XIV, 23.
5) Прем. Сол. XIX, 17.
6) Сирах. III, 30.

чрезъ благотворителей, б) свое опытное знаніе и в) духовныя дарованія, которыми ущедрилъ его Богъ. Такимъ образомъ Старецъ помогалъ нуждающимся а) деньгами и вещами, б) совѣтами и наставленіями устными и письменными и наконецъ в) своею дѣйственною, пріятною Богу, молитвою. Но сей послѣдній предметъ будетъ содержаніемъ дальнѣйшей главы.

а) Вещественная помощь Старца у всѣхъ была на виду. Приносимыя ему вещи онъ раздавалъ чрезъ келейниковъ по потребности монашествующимъ; присылаемыя же деньги дѣлилъ на три части,— одну часть отсылалъ скитоначальнику на нужды скита и на поминъ благодѣтелей; другую часть опредѣлялъ на бѣдныхъ, и наконецъ третію самую малую часть отдѣлялъ на лампадное масло и восковыя свѣчи для отправленія своихъ келейныхъ бдѣній и другихъ молитвословій. Милостыня всѣмъ, ежедневно приходившимъ къ нему, бѣднымъ подавалась имъ также чрезъ келейныхъ. Въ иныхъ же исключительныхъ случаяхъ подавалъ Старецъ и самъ. Разъ какъ-то онъ поспѣшно выходитъ изъ хибарки въ свою келью, и тутъ же мимоходомъ обращается къ своему писарю: „вотъ тамъ,—говоритъ,—пришла вдова съ сиротами,—малъ-мала-меньше. Всѣхъ сиротъ человѣкъ пять, а ѣсть нечего. Сама горько плачетъ и проситъ о помощи. А самый маленькій ничего не говоритъ, а только смотритъ мнѣ въ глаза, поднявъ ручки грабельками. О—о! да какъ же не дать-то ему!“ Старецъ тотъ часъ-же полѣзъ за деньгами. Руки отъ волненія трясутся, лице подергивается, слезы и противъ воли просятся изъ глазъ. Между тѣмъ какъ сладостная улыбка царитъ на его устахъ отъ радости, что Всеблагій Господь сподобилъ его отереть слезы несчастныхъ.

Но, помогая людямъ, Старецъ Амвросій старался по возможности доставлять имъ, то, что они потеряли, и хорошо понималъ, что если нищему нуженъ кусокъ хлѣба, — человѣку, жившему въ довольствѣ и всего лишившемуся, требуется большая помощь. Г. С., глава немалой семьи, принадлежащей къ старинному русскому роду, въ молодости служилъ въ кирасирахъ, потомъ въ гражданской службѣ, много потерялъ въ жизни по своей добротѣ, и очутился безъ мѣста и безъ средствъ къ существованію. Въ это время Шамардинская настоятельница, услыхавъ объ ихъ несчастіи, уговорила Г-жу С. поѣхать къ старцу Амвросію, При свиданіи съ ней, Старецъ сказалъ: „она пріѣхала къ намъ, и долго отъ насъ не уѣдетъ.“ Но первое свиданіе съ Старцемъ смутило Г-жу С.—Говоря о своемъ мужѣ, она хотѣла сказать: „у него большой недостатокъ — излишняя доброта“. А Старецъ, считавшій плѣшивость внѣшнимъ признакомъ доброты людей, вдругъ перебилъ ее, воскликнувъ съ усмѣшкою: „плѣшивый!? и я тоже“. При чемъ сдернулъ съ головы своей шапку. Мужъ Г-жи С. дѣйствительно былъ плѣшивъ; но веселость Старца не понравилась ей.—Скоро однако она увидѣла на дѣлѣ, что такое этотъ веселый Старецъ. Всю немалочисленную семью онъ принялъ на свое попеченіе, обезпечилъ ее помѣщеніемъ и содержаніемъ. — Одна жи-

тельница Кіева, услышавъ про эту семью, нарочно пріѣхала въ Шамардино, чтобы самой убѣдиться въ справедливости разсказа объ этой семьѣ. Около церкви она разговорилась съ хорошо одѣтой барыней; спросила и про семью С.—„Это мы; я С.,“—сказала хорошо одѣтая барыня; и Кіевской женщинѣ оставалось только удивляться, какой видъ имѣютъ люди, которымъ помогаетъ Старецъ Амвросій.

Зажился въ Оптиной баринъ, добрый душой, съ старинными привычками. У него были опредѣленные и немалые доходы, но сбереженій не было. Старецъ находитъ, что ему нужно вернуться въ міръ къ его прежней полезной дѣятельности, и спрашиваетъ вдругъ: „Ну, а когда же вы ѣдете?“ Баринъ принимаетъ слова Старца за прямое указаніе, что ему пора ѣхать.—„Но вы знаете, батюшка, отвѣчаетъ онъ, что мнѣ подняться дорого стоитъ, а лишнихъ денегъ у меня нѣтъ“. Батюшка будто не замѣчая отвѣта, переходитъ къ другому разговору.—Чрезъ нѣсколько дней къ барину приходитъ довѣренное батюшки лицо, и говоритъ: „я слышалъ, что вы желали бы достать денегъ,—я могу предложить вамъ взаймы“. Баринъ едва можетъ настоять на томъ, чтобы взяли отъ него росписку.

Помогая бѣднымъ лично и чрезъ келейныхъ, Старецъ не забывалъ и относившихся къ нему за помощію письменно. Ежегодно къ великимъ праздникамъ Рождества Христова и св. Пасхи разсылалось имъ по нѣсколько десятковъ денежныхъ писемъ въ разныя мѣста къ немогущимъ явиться къ нему за милостынею лично. Посылалось рубля по три, по пяти и болѣе. Къ концу жизни Старца такихъ, разсылавшихся къ великимъ праздникамъ, денежныхъ писемъ возросло до двухъ сотъ. Но уже въ это время, и при такомъ количествѣ, Старецъ не могъ разсылать денегъ помногу, а посылалъ въ каждомъ конвертѣ и безъ письма только по одному рублю. Бывали, хотя рѣдко, случаи, когда онъ посылалъ одному лицу рублей по сто и болѣе. Нѣкоторыя бѣдныя монахини почти, можно сказать, содержались на его счетъ.

Любы, сказано, *всему впру емлетъ* [1]). Потому Старецъ Амвросій вѣрилъ всякому несчастію, и когда у него просили, не начиналъ допытываться, нѣтъ ли обмана. Въ Козельскѣ въ его время много было бѣдныхъ оборванныхъ молодыхъ бобылей, которые часто ходили къ Старцу и все просили у него на паспортъ. Одинъ изъ нихъ даже смѣялся и прямо говорилъ: „мы все О. Амвросія обманываемъ: скажемъ, что на паспортъ надо; онъ по рублю насъ одѣлитъ, а мы возьмемъ, да пропьемъ“.—Слышавшіе замѣчали имъ: „не проведете, дураки, батюшку. Онъ все знаетъ; а только что онъ жалѣючи подаетъ вамъ, чтобы не пошли вы на большую дорогу“. — И такихъ людей онъ старался ободрять вѣрою во всесильную помощь Божію и вселять въ нихъ надежду, что и они могутъ стать на новый путь.

Наконецъ, многолюдная Шамардинская обитель, куда Старецъ принималъ, какъ выше замѣчено, множество бѣдныхъ и больныхъ, не

---

[1]) 1 Кор. XIII, 7.

служитъ ли наглядным доказательствомъ его любви и милосердія къ ближнимъ. Всѣхъ ихъ собиралъ онъ и покоилъ, какъ собираетъ кокошъ птенцовъ своихъ подъ крылья; всѣхъ ихъ согрѣвалъ любовію, какъ доилица грѣетъ чадъ своихъ.

б) Теперь представимъ примѣры, какъ Старецъ помогалъ ближнимъ своими мудрыми совѣтами и наставленіями, которыя были плодомъ отчасти его опытности, главнымъ же образомъ—слѣдствіемъ полученнаго имъ отъ Господа благодатнаго дара разсужденія и прозорливости. Напримѣръ: какъ много произведено было по его планамъ и указаніямъ построекъ въ скиту, на монастырскихъ дачахъ, и въ особенности въ упоминаемой Шамардинской женской общинѣ, и всѣ эти постройки всегда оказывались годными и удобными. Такъ что въ этихъ случаяхъ ошибокъ у Старца не бывало.

Одинъ посторонній наблюдатель пишетъ: „Кто пріѣзжалъ (въ Шамардино) видѣть Батюшку, прежде всего поражался необыкновеннымъ строемъ обители. Здѣсь нѣтъ ни лавокъ, ни купли, ни продажи, ни начальствующихъ, ни подчиненныхъ; здѣсь все—отъ Батюшки. Это центръ, которымъ все двигается, все живетъ.—Пораженный въ первый мой пріѣздъ туда такимъ полнымъ безпрекословнымъ подчиненіемъ каждому его слову, я многихъ спрашивалъ: отчего такъ охотно, свободно готовы всѣ исполнять его волю?—и получалъ отъ разныхъ лицъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что всякій на себѣ испыталъ, что только то хорошо бываетъ, на что Батюшка благословитъ; а если кто и рѣшался иногда не исполнить его совѣта, тотъ самъ видѣлъ, что выходило дурно, безъ удачи, безъ пользы“ [1]).

Или вотъ частные случаи мудрыхъ старческихъ совѣтовъ іеросхимонаха Амвросія.—Приходитъ къ Старцу богатый Орловскій помѣщикъ, и между прочимъ объявляетъ, что хочетъ устроить водопроводъ въ своихъ обширныхъ яблоновыхъ садахъ.—„Люди говорятъ, начинаетъ Старецъ, съ своихъ обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ словъ,—люди говорятъ, что вотъ какъ всего лучше“. И подробно описываетъ водопроводъ. Помѣщикъ, вернувшись въ деревню, начинаетъ читать объ этомъ предметѣ. Оказалось, что Батюшка описалъ послѣднія изобрѣтенія по этой части. Помѣщикъ снова пріѣхалъ въ Оптину.—„Ну что водопроводъ?“ спрашиваетъ Старецъ. Водопроводъ устроенъ по указанію Старца, и уже успѣлъ принести великую пользу: у сосѣднихъ садоводовъ урожай яблокъ плохой, а у этого помѣщика богатый, и яблоки прекрасные.

Одинъ молодой человѣкъ, послѣ нѣкоторыхъ объясненій съ Старцемъ, сказалъ, что хочетъ устроить у себя душъ. Батюшка сочувствуетъ ему.—„Тебѣ, говоритъ, нужно, чтобъ онъ мало мѣста занималъ? Что-жъ, это можно; вотъ какъ сдѣлай...“ Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Слѣдуетъ объявленіе, что появились новые усовершенствован-

---

[1]) Брошюра: „Тяжелая Утрата“. Стр. 21, 22.

ные души. Оказалось, что они устроены, какъ задолго предъ симъ объяснилъ молодому человѣку Старецъ Амвросій.

Случаи прозорливости Батюшки О. Амвросія были многочисленные и нерѣдко поразительные. Ознакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Преосвященнѣйшій Епископъ Калужскій Макарій изволилъ передать о себѣ слѣдующее: Когда онъ былъ еще мірскимъ священникомъ, законоучителемъ въ Орловскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, пришлось ему, вмѣстѣ съ о. ректоромъ Орловской духовной семинаріи Архимандритомъ N, быть въ Оптиной пустынѣ у Старца Амвросія. Побесѣдовавъ съ гостями, Старецъ на прощаніи подарилъ имъ обоимъ по книжкѣ одинаковаго содержанія, именно —о монашествѣ. — „Я, какъ священникъ, говорилъ Владыка, подумалъ тогда, къ чему мнѣ такая книга?“ И Старецъ, какъ-бы опомнившись, сказалъ: „да, вамъ бы не то“; но затѣмъ присовокупилъ: „ну, да такъ и быть“. По времени овдовѣвъ, бывшій священникъ и законоучитель, какъ извѣстно принялъ монашество.

Разсказывалъ бывшій благочинный Оптиной пустыни іеросхимонахъ Иларіонъ. Живя въ міру, я ежегодно ѣздилъ въ Оптину пустынь, гдѣ въ числѣ братства находился мой братъ іеродіаконъ Пафнутій. Въ каждый изъ такихъ пріѣздовъ я считалъ долгомъ быть у батюшки О. Амвросія, и принять отъ него благословеніе. Однажды Старецъ и говоритъ мнѣ: „Пора къ намъ“. Отвѣчаю ему: „узы держатъ, батюшка, — я женатъ“. На это Старецъ сказалъ: „Еще не дозрѣлъ!“ Въ тотъ же годъ померла моя мать; а чрезъ два года я поступилъ въ Оптину. Такъ исполнилось приглашеніе Старца: „пора къ намъ“. Вмѣстѣ со мною прибыла и жена моя, и жила почти 13 лѣтъ на скотномъ дворѣ монастыря. Скончалась въ 1882 году, принявъ келейно постригъ въ схиму.

Передалъ два разсказа іеромонахъ Оптиной пустыни Паисій.

1) Въ прежнее время, а именно въ 70-хъ годахъ, нѣкоторые изъ братій посылались для сбора пожертвованій на нашу св. Обитель. Посылали и меня. Однажды передъ тѣмъ, какъ ѣхать, прихожу я къ батюшкѣ О. Амвросію получить его св. благословеніе. Благословивъ меня, Старецъ, обратившись къ бывшимъ тутъ братіямъ, сказалъ: „знаете ли, это человѣкъ великій,—его въ міру уважаютъ. Копѣчекъ пять съ половиною онъ намъ привезетъ“. Поѣздивши по сбору, я привезъ настоятелю деньги, которыхъ оказалось 550 рублей. Тогда я понялъ слова Старца, что означало пять съ половиною копѣчекъ.

2) Назначили меня къ переводу въ Лихвинскій Добрый монастырь, вмѣстѣ съ іеромонахомъ Оптиной пустыни О. Анатоліемъ, который опредѣленъ былъ въ настоятеля сего монастыря. Назначено было съ нимъ кромѣ меня въ этотъ монастырь еще нѣсколько человѣкъ изъ братій Оптиной пустыни. Ѣхать мнѣ туда не хотѣлось. Прихожу къ Старцу, и высказываю ему свою скорбь. А онъ и отвѣчаетъ мнѣ: „нынче дашь подписку въ согласіи на переводъ, а завтра

пріѣдешь обратно". Задумался я надъ словами Старца. Но подписавши согласіе свое на переводъ въ Добрый монастырь, я на другой же день отправился туда. Пріѣзжаю. Встрѣчаетъ меня О. Анатолій и говоритъ: „Не наше, братъ, здѣсь мѣсто; поѣдемъ назадъ въ Оптину". Такъ мы съ нимъ въ тотъ же день и уѣхали изъ Добраго монастыря обратно въ Оптину пустынь.

Разсказывалъ іеросхимонахъ Оптиной пустыни Кипріанъ[1]). Съ дѣтства у меня было желаніе побывать на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ. Въ 1838 году, когда мнѣ было 22 года, я отправился въ Кіевъ, и по пути заѣхалъ въ Оптину пустынь, гдѣ въ то время Старцемъ былъ О. Левъ. Онъ не благословилъ мнѣ ѣхать въ Кіевъ, сказавъ, что мѣсто мое въ Оптиной пустыни. Такъ я и остался здѣсь; но проживъ съ полгода, принужденъ былъ возвратиться домой, вслѣдствіе несогласія моихъ родителей на поступленіе мое въ монастырь. Послѣ сего я прожилъ въ міру лѣтъ 40; женился и имѣлъ дѣтей.—Въ 1874 году пріѣхалъ я опять въ Оптину, уже съ семействомъ, поговѣть. Старчествовалъ въ это время О. Амвросій. Открылъ я ему свое завѣтное желаніе побывать на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ. На это онъ мнѣ сказалъ: „съѣздить туда можно, но мѣсто твое все-таки будетъ въ Оптиной". Слова Старца скоро оправдались. Чрезъ два года съ половиной скончалась моя жена, и я поступилъ въ Оптину пустынь въ монашество.

Передалъ два разсказа іеромонахъ Оптиной пустыни Дороѳей.

1) Пришелъ я однажды къ Старцу, и долго дожидался его пріема. Времени было уже десять часовъ вечера. Сижу я, и по легкомыслію своему думаю про себя: „вотъ всѣ называютъ Старца святымъ. А какая это святость, когда заставляетъ такъ долго дожидаться своего выхода. Придется изъ за этого и правило вечернее опустить и утреню проспать. За всѣхъ ему грѣхъ будетъ". Вдругъ слышу въ эту минуту голосъ Старца изъ его кельи: „Сейчасъ! сейчасъ!" Смотрю, батюшка выходитъ. Благословивши меня, онъ берется за мою бороду, и слегка ударяя меня по щекѣ, говоритъ: „вотъ, монахини иногда по мѣсяцу живутъ въ гостинницѣ, дожидаясь, пока мнѣ придется ихъ принять. Другая, можетъ быть, пріѣхала за тысячу верстъ, и тоже терпитъ и дожидается. Ихъ нужно впередъ отпустить. Изъ за нихъ я отказываю иногда и братіямъ въ пріемѣ.—Всѣхъ сразу я не могу принять. А ты и немного не хочешь подождать. Мнѣ одному за всѣхъ грѣхъ будетъ!" Вразумленный словами Старца, я послѣ сего, спокойный и радостный, пошелъ отъ него въ свою келью, и уже никогда не дерзалъ роптать на него, если иногда и подолгу приходилось дожидаться его выхода. Замѣчу вообще, что иногда бывало и не приметъ Старецъ, а между тѣмъ все-таки уйдешь отъ него успокоеннымъ и обрадованнымъ.

2) Впослѣдствіи я проходилъ послушаніе старшаго эконома на

---

[1]) Скончался 26 апрѣля 1899 года.

конномъ дворѣ. Бывало, какъ ходишь по навозу, такъ за недосугомъ прямо и пойдешь въ церковь. А нѣкоторые изъ братій подшучивали надо мной: „о. Дороѳей, отъ тебя навозомъ пахнетъ“. Слова эти причиняли мнѣ скорбь. Однажды я и говорю объ этомъ Старцу, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Пусть смѣются; еще обгонишь ихъ; еще и намъ будутъ завидовать“. И что-же? слова Старца сбылись. Давно уже я сподобился священнаго сана, а шутившіе надо мной остались взади.

Передалъ три разсказа скитскій іеромонахъ Венедиктъ.

1) О себѣ. По окончаніи курса въ Смоленской духовной Семинаріи, я занялъ мѣсто священника въ с. Чеботовѣ Дорогобужскаго уѣзда. Имя мое было Викторъ Дьяконовъ. Вскорѣ заболѣла моя жена, повидимому, впрочемъ неопасно. Заходитъ въ это время къ намъ въ домъ странникъ, который держалъ путь въ Оптину пустынь. Я послалъ съ нимъ рубль денегъ для передачи батюшкѣ о. Амвросію, прося его помолиться о болящей. По приходѣ странника въ монастырь, Старецъ, при свиданіи съ нимъ, спрашиваетъ его: „ты тѣмъ же путемъ назадъ пойдешь?“ Тотъ отвѣчаетъ: тѣмъ же. „Зайди же опять къ о. Виктору, говоритъ ему Батюшка, и благодари его, что онъ меня помнитъ. Скажи, что и я его не забылъ“. Замѣчу при семъ, что будучи еще воспитанникомъ средняго отдѣленія семинаріи, я былъ у о. Амвросія лично на благословеніи. Поступивъ же во священника, я всегда поминалъ его на проскомидіи. Старецъ это и припомнилъ. „Подвигъ его ждетъ“, продолжалъ Старецъ. „Пусть возращаетъ садъ, и чаще поливаетъ, плодовъ много будетъ. Іюль мѣсяцъ будетъ для него скорбный; мы увидимся съ нимъ“.—29 іюля того же года скончалась моя жена, и я отправился въ Оптину пустынь. Прихожу къ Старцу; а онъ подаетъ мнѣ чотки и книгу „Царскій путь креста Господня“, и велитъ готовиться къ монашескому чину,—продать всѣ пожитки, какіе у меня были, и подать прошеніе Владыкѣ объ увольненіи въ заштатъ по болѣзни; что я и исполнилъ. Прибылъ затѣмъ къ Батюшкѣ въ скитъ, и въ непродолжительномъ времени былъ постриженъ въ мантію, съ именемъ Венедикта.

2) О постороннемъ лицѣ. Смоленской губерніи, Юхновскаго уѣзда села Ѳедоткова Павелъ Семеновичъ Соколовъ, по окончаніи курса наукъ въ Смоленской духовной Семинаріи, занялъ мѣсто сельскаго учителя. Нѣсколько разъ онъ лично просилъ у Старца Амвросія благословенія поступить во священника. Но Батюшка всегда отклонялъ его просьбу, совѣтуя подождать. Прошло такъ два года. Павелъ Семеновичъ вновь обратился къ Батюшкѣ письменно, выражая желаніе занять мѣсто священника въ городѣ Вязьмѣ. Старецъ на этотъ разъ отвѣчалъ ему: „Надъ тобою терновый вѣнецъ виситъ, и скоро онъ на тебя низойдетъ,—подожди“. Такъ и случилось. Спустя мѣсяца два Павелъ Семеновичъ заболѣлъ и скончался.

3) О другомъ постороннемъ лицѣ. Въ городѣ Дорогобужѣ Смоленской губерніи у одной благородной вдовы была единственная дочь

невѣста, за которую сваталось много жениховъ. Нерѣдко бывали онѣ лично у Старца, чтобы испросить у него благословеніе на бракъ; но батюшка все говорилъ имъ: „подождите“. Нашелся наконецъ женихъ весьма хорошій, который нравился и матери и дочери; и потому мать лично опять стала просить у Старца благословенія выдать дочь въ замужство. Но Батюшка велѣлъ и этому жениху отказать, прибавивъ къ сему: „у ней такой будетъ женихъ замѣчательный, что всѣ позавидуютъ ея счастью. Вотъ, прежде мы встрѣтимъ Святую Пасху. А какъ на этотъ день солнце весело играетъ! Воспользуемся зрѣніемъ этой красоты. Да не забудь же ты,—припомни, посмотри!“— Насталъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Невѣста первая вспомнила батюшкины слова: „Мама! а помнишь, что намъ Батюшка о. Амвросій совѣтывалъ посмотрѣть на восходящее солнышко!“ Вышли. Дочь вдругъ распростерла крестообразно руки, и воскликнула: „мама! мама! я вижу Господа, воскресшаго въ славѣ. Я умру, умру до Вознесенія“. Мать была этимъ очень поражена, и говоритъ: „что ты дитя, Господь съ тобою. Не можетъ быть этого. Ты ничѣмъ не больна, ты здорова“. Но дочь продолжала утверждать: „А я вамъ говорю, что умру, потому что не напрасно сказано въ словѣ Божіемъ: „Не бо узритъ человѣкъ Бога, и живъ будетъ!“ Слова дѣвицы оправдались. За недѣлю до праздника Вознесенія Господня у ней заболѣли зубы, и отъ этой, повидимому, неопасной болѣзни она скончалась.

Сообщилъ четыре разсказа о себѣ скитскій іеромонахъ Нектарій.

1) Въ скитъ я поступилъ въ 1876 году. Чрезъ годъ послѣ сего батюшка о. Амвросій благословилъ меня обращаться, какъ къ духовному отцу, къ начальнику скита іеромонаху Анатолію, что и продолжалось до самой кончины сего послѣдняго въ 1894 г. Къ Старцу же Амвросію я обращался лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. При всемъ этомъ я питалъ къ нему великую любовь и вѣру. Бывало, придешь къ нему, и онъ послѣ нѣсколькихъ словъ моихъ, обнаружитъ всю мою сердечную глубину, разрѣшитъ всѣ недоумѣнія, умиротворитъ и утѣшитъ. Попечительность и любовь ко мнѣ недостойному со стороны Старца нерѣдко изумляли меня, ибо я сознавалъ, что ихъ недостоинъ. На вопросъ мой объ этомъ, духовный отецъ мой іеромонахъ Анатолій отвѣчалъ, что причиной сему—моя вѣра и любовь къ Старцу; и что если онъ относится къ другимъ не съ такою любовью, какъ ко мнѣ, то это происходитъ отъ недостатка въ нихъ вѣры и любви къ Старцу и что таковъ общій законъ: какъ кто относится къ Старцу, такъ точно и Старецъ относится къ нему.

2) Помню, что года черезъ два, по поступленіи моемъ въ скитъ, вышло распоряженіе начальства о высылкѣ изъ обители всѣхъ неуказныхъ послушниковъ, подлежавшихъ военному призыву. И мнѣ, вмѣстѣ съ другими, монастырскій письмоводитель уже объявилъ о высылкѣ меня изъ скита. Но къ счастію моему, по св. молитвамъ Старца, опасность эта миновалась. Письмоводитель вскорѣ вновь объ-

явилъ мнѣ, что я отшелъ отъ воинской повинности только на двадцать пять дней.—Прихожу къ Батюшкѣ, и благодарю его за его молитвенную помощь; а онъ мнѣ сказалъ: „Если будешь жить по-монашески, то и на будущее время никто тебя не потревожитъ, и ты останешься въ обители навсегда". Слова Старца оправдались. По милости Божіей я доселѣ живу въ скиту.

3) Какъ-то по внушенію вражію я началъ колебаться помысломъ, сомнѣваясь въ дарѣ прозорливости Батюшки о. Амвросія, и въ великомъ значеніи старчества въ дѣлѣ руководствованія братіи въ духовной жизни. Мысль эту я затаилъ въ себѣ, и не открывалъ никому. Сомнѣніе начало разростаться во мнѣ и колебать вѣру въ Старца. Но Господь чуднымъ образомъ вразумилъ меня. Въ нашъ скитъ ходилъ одинъ изъ жителей гор. Козельска по имени Капитонъ. Разсказалъ онъ мнѣ, какъ Старецъ, по своей прозорливости, совѣтовалъ ему послать своего сына въ Курскъ для пріисканія какого-либо дѣла, но за непослушаніе оба—отецъ и сынъ были наказаны. (Подробнѣе о семъ будетъ сказано ниже). Этому случаю я весьма удивился и вразумился, что великая благодатная сила обитаетъ въ Старцѣ.

4) Къ сожалѣнію были среди братства нѣкоторые, порицавшіе Старца. Приходилось мнѣ иногда выслушивать дерзскія и безсмысленныя рѣчи такихъ людей, хотя я всячески старался защищать Старца. Помню, что послѣ одного изъ подобныхъ разговоровъ, явился мнѣ во снѣ духовный отецъ мой іеромонахъ Анатолій, и грозно сказалъ: „никто не имѣетъ права обсуждать поступки Старца, руководясь своимъ недомысліемъ и дерзостью; Старецъ за свои дѣйствія дастъ отчетъ Богу; значенія ихъ мы не постигаемъ".

Передалъ два разсказа скитскій монахъ Іоиль.

1) О себѣ. Находясь въ міру, я былъ женатъ, но чрезъ четыре года овдовѣлъ. Въ это время братъ мой отправился въ Оптину къ Старцу Амвросію, и я пожелалъ чрезъ брата узнать, какъ Старецъ благословитъ мнѣ жить. Возвратившись, братъ передалъ мнѣ отвѣтъ Старца: „Пусть годокъ подождетъ жениться, и пріѣдетъ къ намъ". Подумалъ я: не хотятъ ли меня сдѣлать монахомъ? О поступленіи въ монастырь я тогда не имѣлъ намѣренія. Годъ прошелъ, и я вступилъ во второй бракъ, не побывавъ предварительно въ Оптинѣ, и не получивъ отъ Старца на это благословенія. Но прошло три съ половиною мѣсяца, и вторая жена моя померла. Чрезъ два мѣсяца послѣ сего я поѣхалъ въ Оптину. Прихожу къ Старцу. Онъ мнѣ и говоритъ: „Поди сюда. Гдѣ твоя жена? Почему ты не послушался меня?" Я отвѣчаю: „Простите, Батюшка! Вотъ я пріѣхалъ спросить васъ о томъ, долженъ ли я жениться, или поступить въ монастырь?" Батюшка на это сказалъ: „третьяго брака нѣтъ. Прямой твой долгъ оставаться въ монастырѣ и быть монахомъ". Послѣ этого я вернулся домой, а чрезъ два мѣсяца уже совсѣмъ прибылъ въ Оптину, и поступилъ въ число братства въ скитъ.

2) О постороннемъ лицѣ. Былъ у меня знакомый купецъ. Жилъ онъ благочестиво, подавалъ милостыню и усердно посѣщалъ службы церковныя. Пріѣхалъ онъ къ Батюшкѣ о. Амвросію, и спросилъ, какъ ему жить. Старецъ далъ такой отвѣтъ: „Живи, какъ живешь. Только каждый постъ пріобщайся Св. Таинъ“. Купецъ послушалъ совѣта Старца, и чрезъ недолгое время скончался. Кончина его была истинно христіанская со всѣми напутствованіями.

Передалъ пять разсказовъ скитскій монахъ Гурій.

1) Года черезъ три, по поступленіи моемъ въ скитъ въ 1887 году, пріѣхалъ ко мнѣ племянникъ, сынъ роднаго моего брата. Когда онъ пришелъ къ Батюшкѣ о. Амвросію попросить благословенія жениться, Старецъ велѣлъ ему погодить, сказавъ, что ему придется еще нѣкоторое время пожить въ амбарѣ. Предсказаніе Старца оправдалось. Чрезъ годъ домъ брата моего сгорѣлъ, и ему съ семьей и упомянутымъ молодымъ человѣкомъ пришлось во время постройки новаго дома жить въ амбарѣ. Пожаръ этотъ нанесъ брату большіе убытки. Получивши объ этомъ извѣстіе, я началъ о семъ скорбѣть, и открылъ скорбь свою Батюшкѣ. А онъ, утѣшая меня, говоритъ: „не печалься,—братъ твой обстроится, и будетъ жить еще лучше прежняго“. Дѣйствительно, братъ выстроилъ себѣ новый домъ, и живетъ по настоящее время въ бо́льшемъ достаткѣ, чѣмъ прежде.

2) При поступленіи моемъ въ скитъ, Батюшка, благословивъ меня, прибавилъ: „О. Архимандриту (Исаакію) не показывайся на глаза. Иначе, какъ только онъ увидитъ тебя, то переведетъ въ монастырь. Жизнь монастырскую ты не понесешь, и чрезъ это можешь разстроиться“. Помня предостереженіе Старца, я избѣгалъ встрѣчаться съ о. Архимандритомъ. Но вотъ чрезъ четыре года послѣ сего, на Пасху, когда бываетъ общая братская трапеза въ монастырѣ, я подхожу по окончаніи оной, вмѣстѣ съ другими братіями, подъ благословеніе къ о. Архимандриту; такъ какъ уклониться отъ сего мнѣ было неудобно въ это время. Взглянувши на меня, онъ тотчасъ велѣлъ перевести меня въ монастырскую просфорню, обѣщая сдѣлать меня тамъ старшимъ. И если это не состоялось, то только потому, что самъ Старецъ принялъ во мнѣ участіе, и я былъ оставленъ въ скиту.

3) Около того же времени заболѣлъ я горячкою. Болѣзнь усиливалась, и я уже началъ опасаться за свою жизнь. Посѣтившіе меня братія замѣтили, что у меня начали чернѣть ногти. Сочтя это за признакъ приближенія смерти, пошли къ Старцу испросить его благословенія на постригъ меня въ мантію и схиму. Но Старецъ не благословилъ, сказавъ, что я выздоровлю на другой день. По св. молитвамъ Батюшки, дѣйствительно я на другой же день почувствовалъ себя настолько хорошо, что могъ встать съ постели, и окончательно оправился. Болѣзнь моя продолжалась около мѣсяца.

4) Замѣчательный случай былъ еще съ скитскимъ послушникомъ Максимомъ. За недѣлю до кончины его Батюшка началъ говорить

ему: „Подъ камнемъ симъ лежитъ Ларинъ Максимъ; имъ бы только жить да веселиться, а они изволили на тотъ свѣтъ переселиться". Максимъ принялъ слова Батюшки въ томъ смыслѣ, что его переведутъ въ монастырь, и очень запечалился. Я былъ въ то время поваромъ, а Максимъ моимъ помощникомъ. Начали въ трапезѣ мыть полъ. Но Максимъ почему-то уклонился отъ сего дѣла, и ушелъ въ свою келью. Дѣло было утромъ. Настало время обѣда, а Максимъ не является. Прошло еще часа три. Нѣкоторые изъ братій пошли къ нему въ келью, но уже не застали его въ живыхъ.

5) Былъ въ скиту уставщикъ іеромонахъ о. Палладій. Отслужилъ онъ однажды въ скитской церкви въ воскресный день литургію, чувствуя себя здоровымъ. Но вотъ Батюшка въ тотъ же день присылаетъ къ нему келейника и велитъ ему немедленно особороваться и постричься въ схиму. О. Палладій былъ очень этимъ удивленъ, и сказалъ келейнику, что онъ здоровъ. Батюшка еще въ другой и третій разъ присылаетъ къ нему келейника съ тѣмъ же предложеніемъ, но тотъ продолжалъ отказываться. Наступилъ понедѣльникъ. Утромъ въ этотъ день Батюшка въ четвертый и послѣдній разъ присылаетъ къ о. Палладію келейника опять съ тѣмъ же предложеніемъ. Но пока онъ дѣлалъ приготовленія къ соборованію, съ нимъ сдѣлался ударъ. Впрочемъ хотя отнялся у него языкъ, однако онъ былъ въ памяти. Его успѣли особоровать и причастить Св. Христовыхъ Таинъ. Вечеромъ въ тотъ же день онъ и скончался.

Передалъ три разсказа монастырскій монахъ Геннадій.

1) Сильно смущали меня хульные помыслы. Пришелъ я по сему случаю къ Батюшкѣ о. Амвросію поздно вечеромъ,—было уже темно. Вышелъ Батюшка въ корридоръ, и началъ поочередно благословлять братію, стоявшую на колѣнахъ. Подходитъ и ко мнѣ. Лица моего онъ не могъ видѣть въ темнотѣ; но вдругъ, обращаясь ко мнѣ говоритъ: „Ты что?" И началъ по лицу моему гладить рукой, какъ бы смывая съ него грязь, и затѣмъ благословилъ, и ничего мнѣ не сказалъ. Но я внезапно почувствовалъ, что на душѣ у меня стало легко. Помыслы хульные отступили отъ меня, и радость наполнила мое сердце.

2) Былъ еще такой случай. Лѣтъ черезъ десять, по поступленіи въ обитель, исполнялъ я огородное послушаніе. Старшимъ былъ монахъ Наумъ. Приходилось мнѣ тогда часто обращаться съ женщинами, которыя нанимались для уборки огорода, и я почувствовалъ, что меня стали безпокоить нечистые помыслы. Опять пришелъ я къ Батюшкѣ. Опять онъ выходитъ въ корридоръ, и начинаетъ благословлять братію; смотритъ при этомъ на меня, и закрываетъ глаза свои локтемъ руки. Такъ онъ повторилъ это нѣсколько разъ. Понялъ я тогда, что Старецъ провидѣлъ мою внутреннюю брань, и указалъ мнѣ средство противъ нея,—храненіе очей.

3) Послѣ кончины моего брата я, по благословенію Батюшки о. Амвросія, отправился домой, и привезъ съ собой двухъ сиротъ,

племянника лѣтъ 10 и племянницу лѣтъ 7. Мальчика опредѣлилъ въ монастырскую рухлядную, а дѣвочку помѣстилъ въ пріютъ Шамординской общины. Спустя года полтора послѣ этого, получилъ я изъ Шамордина извѣстіе, что дѣвочка опасно заболѣла. Прихожу къ Старцу и сказываю ему свою печаль. Старецъ спрашиваетъ объ этомъ у сестеръ, пріѣхавшихъ въ тотъ же день изъ Шамордина; но онѣ сказали, что дѣвочкѣ лучше, и опасности никакой нѣтъ. Такъ я и ушелъ отъ Батюшки. Но послѣ узналъ отъ другихъ, что въ тотъ же день, по уходѣ отъ Старца братіи, часовъ около 11 вечера, онъ вдругъ подошелъ къ иконѣ и началъ пѣть: „со святыми упокой". Оказалось, что въ это самое время скончалась моя племянница въ Шамординскомъ пріютѣ.

Передалъ два разсказа о себѣ монастырскій монахъ Павлинъ.

1) Имѣя съ юныхъ лѣтъ расположеніе къ иноческой жизни, я всячески желалъ поступить въ монастырь; но никакъ не надѣялся, чтобы согласились на это мои родители; потому что я былъ старшій сынъ въ семьѣ. Отправился я съ однимъ товарищемъ въ Оптину къ Батюшкѣ о. Амвросію, для полученія отъ него благословенія, и разрѣшенія вопроса касательно намѣренія моего сдѣлаться монахомъ. Мнѣ было тогда 18 лѣтъ. По приходѣ въ келью Старца, первый его вопросъ ко мнѣ былъ: „А родители тебя отпускаютъ въ монастырь?" Очень я удивился прозорливости Старца, который въ этотъ разъ высказалъ мнѣ многое, касавшееся моей прошлой жизни, о чемъ онъ ни въ какомъ случаѣ и ни отъ кого знать не могъ. При этомъ нѣчто и предсказалъ мнѣ, что и исполнилось со мною впослѣдствіи. Сказалъ мнѣ Батюшка, чтобы я приходилъ въ Оптину, когда отбуду воинскую повинность. Не надѣялся я, что буду освобожденъ отъ сей повинности; но случилось такъ, что, по св. его молитвамъ, меня уволили по второй льготѣ, и я вскорѣ послѣ сего поступилъ въ Оптину въ число братства. Это было въ 1882 году.

2) Не задолго до кончины Старца Амвросія былъ я у него въ Шамординѣ. Благословивъ меня, онъ сказалъ: „За то, что ты не открылъ мнѣ нѣкоторыя изъ своихъ мыслей, тебѣ попустится искушеніе". Такъ и случилось. Въ томъ же году, простудившись при носкѣ дровъ, я едва не умеръ; и выздоровленіе свое отношу къ св. молитвамъ Старца обо мнѣ, хотя его уже не было въ это время въ живыхъ.

Разсказывалъ монастырскій монахъ Мелетій. Лѣтъ тридцать назадъ, а можетъ быть и болѣе, одна моя родственница, молодая дѣвушка лѣтъ 17 или 18, приходила съ моею сестрою къ Батюшкѣ о. Амвросію, и просила его помолиться, чтобы послалъ ей Богъ хорошаго жениха. На это Старецъ отвѣтилъ: „Не безпокойся,—у тебя будетъ женихъ, хорошій женихъ. Твоей свадьбѣ всѣ позавидуютъ". Дѣвушка поняла эти слова въ прямомъ смыслѣ, и весьма обрадовалась, что выйдетъ замужъ за хорошаго человѣка. Но что же случилось? Спустя мѣсяцъ по приходѣ ихъ домой, она захворала, и скон-

чалась. Гробъ ея несли дѣвицы; и покойница лежала въ немъ вся убранная цвѣтами, точно невѣста. Было тогда лѣто, день ясный, и много народу провожало ея гробъ. Нельзя было и не позавидовать такому погребенію, какъ предсказывалъ Старецъ.

Передалъ два разсказа о себѣ монахъ Оптиной пустыни Мисаилъ.

1) Живя въ міру, былъ я однажды очень боленъ. Въ это время я выписалъ изъ Кіево-Печерской Лавры каталогъ духовныхъ книгъ, съ намѣреніемъ, по выздоровленіи, выписывать книги для чтенія. Но, выздоровѣвши, я забылъ и о каталогѣ и о книгахъ. Лѣтъ чрезъ 15 послѣ сего я поступилъ въ Оптину пустынь, и желая выписать новый каталогъ, пришелъ къ Батюшкѣ о. Амвросію, получить на это отъ него благословеніе. Но каково же было мое удивленіе, когда Старецъ отвѣтилъ мнѣ: „Живи съ старымъ каталогомъ“. О чемъ онъ никакъ не могъ знать.

2) Другой случай прозорливости Старца. Поступивши въ Оптину пустынь въ 1881 году, и одѣвшись въ послушническое платье, я пришелъ къ Старцу Амвросію принять отъ него благословеніе, и между прочимъ сказалъ: „хотя я и одѣлся, Батюшка, въ платье послушника, но меня все-таки не покидаетъ мысль поѣхать на Аѳонъ, и остаться тамъ въ числѣ братіи“. На это Батюшка мнѣ отвѣтилъ: „придетъ время, — побываешь и на Аѳонѣ“. Чрезъ четыре года я дѣйствительно уѣхалъ на Аѳонъ; но пробывши тамъ два мѣсяца, возвратился въ Оптину. Трудна показалась мнѣ Аѳонская иноческая жизнь. Такъ и пришлось мнѣ на Аѳонѣ только побывать.

Передалъ три разсказа монастырскій монахъ Гавріилъ.

1) У одной моей родственницы мѣщанки была дочь дѣвица, которая ходила въ Оптину пустынь, и была на благословеніи у Старца о. Амвросія, прося его св. молитвъ, чтобы Богъ послалъ ей жениха. Батюшка ей отвѣтилъ, что женихъ у нея будетъ, но только не молодой, лѣтъ сорока. Дѣйствительно, къ дочери ея присватался женихъ лѣтъ сорока, и свадьба была совершена. Это было въ 1869 году.

2) Въ селѣ Перевѣсовѣ Ефремовскаго уѣзда жили двѣ дѣвушки родственницы. Семьи ихъ имѣли хорошій достатокъ. Одна постарше рѣшилась не выходить замужъ; а другая ждала жениха. Между прочимъ пошелъ ей уже 24-й годъ, а жениха все не было. Рѣшились обѣ онѣ пойти въ Оптину къ Батюшкѣ о. Амвросію, спросить его о томъ, какъ имъ жить. Старшей Батюшка благословилъ оставаться дѣвушкою и учиться грамотѣ; а младшей сказалъ, что ей пріищется женихъ, и при томъ еще молодой. Такъ и случилось. Первая осталась дѣвицею, а вторая вышла замужъ за молодого человѣка.

3) Разсказывалъ (вышеозначенному монаху Гавріилу) покойный Оптинскій монахъ Александръ, бывшій гостинникъ. Въ городѣ Новосилѣ, откуда и самъ онъ родомъ, былъ одинъ изъ лицъ духовнаго сана, который почему-то вообще не долюбливалъ монаховъ. Но жена его, имѣя вѣру къ Старцу О. Амвросію, иногда пріѣзжала въ Оп-

тину тайкомъ отъ мужа. Случилось, что въ домѣ ихъ появилось такое множество крысъ, что почти невозможно было въ немъ и жить. Мужъ послалъ свою жену къ какому-то заклинателю, чтобы онъ своими заговорами отогналъ отъ ихъ дома крысъ; но жена, не заставши дома заклинателя, отправилась въ Оптину пустынь къ Старцу Амвросію. Въ то время, какъ она подходила къ кельѣ Старца, онъ, увидавши ее, подозвалъ къ себѣ и сказалъ: „А что крысы тебѣ еще не отгрызли носъ?“ Упала она Старцу въ ноги и разсказала, что дѣйствительно крысы ихъ одолѣли, и что она нарочно пріѣхала къ нему просить его св. молитвъ объ избавленіи отъ постигшей ихъ напасти. Старецъ постарался ее успокоить. Возвратившись домой, она узнала отъ своего мужа, что въ ея отсутствіе крысы внезапно изчезли изъ ихъ дома, повинуясь заговору заклинателя. Но когда она разсказала ему, что не заклинатель выгналъ крысъ, а святыя молитвы Старца Амвросія, у котораго она была, мужъ ея раскаялся въ своемъ заблужденіи, и съ тѣхъ поръ началъ почитать Батюшку О. Амвросія и вообще благоволить къ монахамъ.

Бывшій уставщикъ Оптиной пустыни, іеромонахъ Никонъ, поминая часъ смертный, спросилъ какъ-то Старца Амвросія: „гдѣ-то мнѣ, Батюшка, придется умереть?“ — „Ты ляжешь съ великими людьми“, отвѣтилъ Старецъ. Года черезъ три послѣ кончины Старца скончался и Оптинскій настоятель Архимандритъ Исаакій, должность котораго принялъ Архимандритъ Досиѳей, бывшій настоятель Мещовскаго Георгіевскаго монастыря. Отпросившись по нуждѣ у новаго настоятеля въ Петербургъ, іеромонахъ Никонъ тамъ вскорости и скончался, и похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ съ великими людьми.

Сообщила три разсказа о себѣ монахиня Бѣлевскаго монастыря Варвара Николаевна Тереховская.

1) Бывши Петербургской барышней, я съ 18 и до 50 лѣтъ имѣла желаніе поступить въ монастырь, и томилась сердцемъ, что никакъ не могла осуществить его, болѣе потому, что находилась подъ Августѣйшимъ покровительствомъ. Посѣщая часто въ лѣтнее время св. мѣста, я по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божьяго, попала и въ Оптину пустынь; это было въ 1876 году. Остановилась на гостинницѣ, и проживши уже цѣлую недѣлю, я только что узнала отъ какой-то монахини, что есть въ Оптиной пустыни, именно въ скиту, Старецъ необыкновенный. — „Намъ (т. е. мнѣ и прислугѣ) никого не нужно; мы пріѣхали только Богу помолиться“, отвѣчала я. — „Да вы только взгляните на него, какой благодатный!“ проговорила монахиня. Рѣшилась я пойдти въ сосновый лѣсъ посмотрѣть его. Вижу, что весьма обыкновенный монахъ благословляетъ за рѣшеткой огромную толпу народа. Не слыхавши никогда въ то время о Старцахъ, подошла я ближе посмотрѣть на него. Этотъ батюшка монахъ дошелъ и до меня барышни Петербургской, благословилъ и улыбаясь шепнулъ: „тебѣ надо жить въ монастырѣ“. Меня какъ стрѣлой поразили эти слова, и я невольно тутъ же высказала при всѣхъ: „это

просто на диво всему міру, какъ это неизвѣстный мнѣ человѣкъ могъ угадать мою постоянную думу точь-въ точь, и заявить мнѣ истину, таившуюся десятки лѣтъ въ сердцѣ моемъ, и вѣдомую только Единому сердцевѣдцу Богу". — По его св. молитвамъ вскорѣ все споспѣшествовало къ исполненію моего завѣтнаго желанія жить въ святой обители.

2) Когда настало время отправляться мнѣ изъ Оптиной домой, Старецъ при прощаніи сказалъ мнѣ; „ты немолодая, слабая и очень больная. Тебѣ надо два доктора лѣчить тебя". Я въ удивленіи отвѣтила: „какіе два доктора? Вы ошибаетесь; я совершенно здорова". И посмѣялась словамъ Старца. 16 августа возвратилась я во-свояси. Но вотъ что со мной случилось. 8 Сентября послѣ обѣдни, выпивши чашку кофе, я попросила было другую; но вдругъ, безъ всякой повидимому причины, сильно заболѣла изнурительной лихорадкой и воспаленіемъ. Пригласили доктора нѣмца, да и другого придворнаго. Утромъ пріѣзжалъ врачъ нѣмецъ, а вечеромъ придворный докторъ К. отъ Великой Княгини А. П (основавшей Кіевскій Княжескій монастырь). Опять я видѣла въ этомъ дивную прозорливость Старца Амвросія.

3) Не смотря на такіе случаи, могущіе каждаго убѣдить въ прозорливости Старца, я все-таки не имѣла къ нему довольно вѣры. Тогда Батюшка О. Амвросій пожелалъ еще сильнѣе убѣдить меня въ томъ, что всѣ слова его основаны на истинѣ, и утвердить меня въ вѣрѣ, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ по благодати, пребывающей въ немъ. Прожила я годъ въ одномъ изъ женскихъ монастырей. И вотъ посѣтили меня столичные гости, которые, побывавъ въ Оптиной, намѣревались отправиться чрезъ Тихонову пустынь въ Москву и далѣе. Батюшка О. Амвросій благословляетъ меня сопровождать гостей въ Тихонову пустынь. Я отказываюсь, потому что тамъ никого не знаю, и мнѣ тамъ нечего дѣлать, а болѣе потому, что не съ кѣмъ мнѣ ѣхать назадъ въ Оптину. Старецъ говоритъ: тамъ есть кому тебя проводить,—три купца Вяземскіе, которые имѣютъ сильное желаніе ко мнѣ пріѣхать, и не рѣшаются, въ ожиданіи милости Божіей, кто бы ихъ навѣрное довелъ до меня; а ты будешь ихъ путеводительницей". — Напишите имъ записку отъ себя, чтобы они поберегли меня", возразила я. Батюшка же отвѣтилъ при всѣхъ, присутствовавшихъ въ хибаркѣ: „да я ихъ совсѣмъ не знаю, и никогда не видалъ". И такъ я поѣхала съ гостями Петербургскими въ Тихонову пустынь, смѣясь и не довѣряя словамъ Старца. Какъ въ самомъ дѣлѣ возможно человѣку, слабому, смертному, знать, что, за 65 верстъ разстоянія отъ него, люди неизвѣстные, чужіе ему, помышляютъ, чего желаютъ и что намѣреваются дѣлать! Однако всѣ пророческія слова его исполнились точь — въ точь. Гости мои изъ Тихоновой пустыни уѣхали. Осталась я одна. Но предъ моимъ возвращеніемъ оттуда не оказалось ни одного богомольца, даже и пѣшіе всѣ ушли, и ни одного экипажа. — „Что дѣлать, какъ быть?

Вотъ что со мной сдѣлали на чужой сторонѣ; и не вернуться мнѣ теперь въ свою св. обитель", —прошептала я и въ скорби заплакала. Подходитъ гостинникъ рясофорный о. Николай (нынѣ о. Наѳанаилъ іеромонахъ), разспрашиваетъ о причинѣ горькихъ моихъ слезъ, утѣшаетъ, что тутъ есть богомольцы и обнадеживаетъ достать экипажъ изъ сосѣдней деревни. Успокоившись отъ воображаемой мною скорби, я начинаю спрашивать: „кто-же эти богомольцы,—дворяне?" —„Нѣтъ, отвѣчаетъ о. Николай, простые купцы. Первая истина словъ Батюшки О. Амвросія. На мой вопросъ:—„Откуда они?" —Отвѣчаетъ гостинникъ: эти купцы недалече отъ насъ, Вяземскіе. Вторая истина пророческихъ словъ Старца. — „Сколько ихъ, 5—6 человѣкъ?—„Нѣтъ только трое". Третья истина сказаннаго Старцемъ. Я согласилась съ ними ѣхать къ святому, благодатному, прозорливому Батюшкѣ Оптинскому Старцу О. Амвросію, и довести ихъ до него, разсказавши имъ дорогою, какъ онъ духомъ провидѣлъ ихъ благое намѣреніе и наперодъ сказалъ о нихъ все то, о чемъ было выше упомянуто. Дивны дѣла Твои, Господи! „Когда настанетъ, разсуждали купцы, та счастливая минута, чтобъ намъ всѣмъ тремъ увидѣть благодатнаго Старца, насладиться его бесѣдой и излить ему всѣ скорби сердечныя и невзгоды житейскія!" Послѣ же бесѣды съ нимъ они вышли отъ него утѣшенные и радостные.

Разсказывала монахиня Бѣлевскаго монастыря Варвара Энгельгардтъ. — Въ 1875 году братъ мой, окончивъ курсъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, поступилъ на службу офицеромъ въ артиллерію. За тѣмъ чрезъ два года въ 1877 году онъ назначенъ былъ въ составъ дѣйствующей арміи противъ Турокъ. Въ то время ему было около 20 лѣтъ. Сама я тогда жила въ Засимовской пустыни Верейскаго уѣзда Московской губерніи. Однажды, я получила письмо отъ одного изъ товарищей моего брата, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ ужасную вѣсть о томъ, что онъ застрѣлился. Въ страшномъ горѣ я отправилась въ Оптину пустынь къ Старцу Амвросію. Являюсь къ нему вся въ слезахъ и все разсказала. Батюшка, какъ могъ, постарался меня утѣшить. На вопросъ мой, — можно ли мнѣ молиться за брата, батюшка отвѣчалъ, что Церковь за самоубійцъ не молится, но что онъ дастъ мнѣ молитву, по которой можно мнѣ келейно молиться за брата. Прихожу я къ нему на другой день. Батюшка встрѣчаетъ меня радостный, и объявляетъ, что братъ мой живъ и здоровъ. На вопросъ мой: увижу-ли я его? Батюшка отвѣчалъ, что узнаю о немъ лѣтъ черезъ десять. Предсказаніе Батюшкино исполнилось. Чрезъ 10 лѣтъ я получила изъ Америки письмо отъ брата, который извѣщалъ меня, что онъ живъ и здоровъ, и проситъ у меня прощенія, что такъ долго не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей.

Часто отвѣчалъ Старецъ на мысли людей. Примѣры сего бывали на общихъ благословеніяхъ.—Одна монахиня стала думать, какъ это Батюшкѣ удается руководить столько человѣкъ, — Оптинскихъ, Ша-

мординскихъ и мірянъ, когда у всякаго свои наклонности, и всякому нужно указать свой путь. Въ тотъ же день Старецъ, выйдя на общее благословеніе, заводитъ такую рѣчь: „Вотъ что слыхивалъ я отъ стариковъ: задумала царица Екатерина вторая крѣпостныхъ на волю отпустить, и созвала къ себѣ на совѣтъ высшихъ въ государствѣ людей. Всѣ собрались, и царица къ нимъ вышла; только митрополита ждутъ,—не ѣдетъ. Долго ждали его; наконецъ дождались. Прибылъ и извиняется, что ко времени не поспѣлъ,—у Казанскаго собора карета сломалась,—„Сѣлъ я, говоритъ онъ, на паперти, пока другую искали, и мудрое услыхалъ я слово. Гонитъ мимо меня мужикъ стадо гусей. Ихъ-то много, а онъ съ хворостиною одинъ; а идутъ гуси ровно,—ни одинъ не отстаетъ. Подивился я и спросилъ мужика; а онъ мнѣ въ отвѣтъ: потому я одинъ съ ними и управляюсь, батюшка, что крылья у нихъ у всѣхъ связаны“. Услышала царица это слово и говоритъ: „вопросъ рѣшенъ, — не уничтожаю крѣпостнаго права“.

Другая монахиня, которой Старецъ совѣтовалъ перейти въ Шамордино, но которая опасалась, что по смерти Старца будетъ ей тутъ безъ него тяжело,—долго носила въ себѣ эту мысль, не высказывая Батюшкѣ. Вотъ онъ, въ ея присутствіи, и говоритъ на общемъ благословеніи: „Знаете ли вы, что старцы при жизни своей никогда своей обители не оставляютъ; неужели же отступятся отъ нея послѣ кончины? Нѣтъ,—все будетъ съ ней, какъ и прежде.

Нѣкоторымъ монахинямъ, никогда не бывши въ ихъ кельяхъ, Старецъ вподробности разсказывалъ, гдѣ что у нихъ стоитъ, и гдѣ что лежитъ,—словомъ—всю ихъ келейную обстановку.

XIV.

Еще нѣсколько случаевъ прозорливости Старца Амвросія, по разсказамъ мірскихъ лицъ, и его письменные совѣты и наставленія.

Прежде всего предлагается здѣсь боголюбивымъ читателямъ извлеченіе изъ статьи преданной старцу Амвросію духовной дочери его, достопочтенной А. А. Шишковой, ея собственными словами. „Въ одно изъ моихъ посѣщеній Старца, такъ говоритъ эта Г жа, онъ благословилъ меня книгою „Царскій путь креста Господня, вводящій въ жизнь вѣчную“, прибавивъ: „чаще читай ее“. Я ему сказала: „вы мнѣ уже такую книгу дали въ прошлый разъ“.—„А прочла ли ты ее?“ возразилъ Старецъ.—„Кажется, что читала“, былъ мой отвѣтъ. „То то, кажется; не развернувъ ее подарила“. Тутъ я вспомнила, что именно я это сдѣлала, и попросила прощеніе. Батюшка съ своей обычной добротою, подавая мнѣ снова книгу, сказалъ: „читай же эту почаще“. Не говорю еще о множествѣ случаевъ самой поразительной его прозорливости, неоднократно выражаемой всему нашему семейству.

Въ Тамбовской губерніи, пишетъ та же Г-жа Шишкова, оправдывался еще пророчественный намекъ Батюшки О. Амвросія. Его родственница была за мужемъ за священникомъ Троекуровскаго женскаго монастыря (въ 20 верстахъ отъ нашего имѣнія). При назначеніи мужа ея въ эту обитель священникомъ, она ѣздила къ Батюшкѣ испросить благословеніе построиться тамъ; ибо до тѣхъ поръ находилась въ наемномъ неудобномъ помѣщеніи. Батюшка не далъ ей на это благословенія, сказавъ: „подожди еще десять лѣтъ, а тамъ—что Богъ дастъ". Жена священника съ нетерпѣніемъ ожидала приближенія этого десятаго года. Ей прискучило жить въ чужомъ домѣ, и она неоднократно говорила монахинямъ: „что-то будетъ въ нынѣшнемъ году, вѣдь это 10-й, не случилось бы чего съ нами, какъ бы не умеръ мужъ мой". Онъ былъ болѣзненный. Но вотъ приблизился конецъ десятаго года и внезапно заболѣваетъ жена священника; дѣлается жаръ, горячка, а на третьи сутки ея уже не стало. Священникъ, какъ вдовецъ, долженъ былъ оставить женскую обитель. И такъ за десять лѣтъ Батюшка предупредилъ ущербъ, который бы долженъ понести священникъ, при переходѣ въ другое мѣсто, остановивъ желаніе ихъ строиться.

Послушаемъ теперь разсказъ одной женщины, Пелагеи Глаголевой, которая писала въ скитъ отъ 30 іюля 1892 года слѣдующее:

Оставшись вдовою 22 лѣтъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, я поселилась у матери тоже вдовы, обремененной многочисленной семьей и располагающей очень ограниченными средствами. Первое время я потерялась и не знала, что дѣлать. По совѣту добрыхъ людей я потянулась къ Старцу Амвросію. Это было въ 1880 году,—поѣхала я съ дѣвушкой компаніонкой. Насъ Батюшка принялъ немедленно, полулежа на постелькѣ. Когда мы вошли, то при одномъ взглядѣ на него какое-то благоговѣйное чувство охватило меня, и слезы обильныя полились изъ глазъ моихъ. Батюшка съ свойственной ему добротою обласкалъ насъ, и сказалъ, чтобъ я успокоилась въ гостинницѣ; и если не могу высказать, что я желаю знать отъ него на словахъ, то чтобы написала и передала чрезъ его келейника,—что я и сдѣлала. Исписавъ листъ почтовой бумаги кругомъ, я поставила свою фамилію—Глаголева. Явившись на общее вечернее благословеніе, я была поражена, когда Батюшка изъ множества народа вызвалъ меня словами: „Ну, Глаголева, ты мнѣ столько наглаголила, что я долженъ на твои вопросы отвѣчать по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю. Ты вдова, а у насъ хлѣбъ даровой. Поживи въ нашей обители, а я каждый день буду тебѣ отвѣчать на одинъ изъ заданныхъ тобою вопросовъ".—Что и исполнялъ съ пунктуальною точностію. Между прочимъ я попросила благословенія Старца Амвросія на открытіе мастерской,—что можно было сдѣлать только съ дѣтской вѣрой въ Бога; потому что ни я, ни четыре сестры мои дѣвушки не умѣли взять иголки въ руки. Батюшка на это сказалъ: „всякій честный трудъ Господь благословитъ". Я выписала мастерицу изъ Москвы,

платила ей 15 рублей ежемѣсячно. И благословеніе Божіе, по молитвамъ Старца, видимо было на нашей семьѣ. Мы зарабатывали 40—50 рублей въ мѣсяцъ, что и продолжалось два года до выхода въ замужество сестры и меня самой. — Въ то время, когда я была у Батюшки, за меня засватался одинъ господинъ, но Батюшка положительно сказалъ: „куда ему жениться? — ему и путь-то другой предстоитъ;“ — что и сбылось. Онъ поступилъ въ монастырь. Но вотъ еще сдѣлалъ мнѣ предложеніе человѣкъ состоятельный. Я написала о семъ Старцу, объяснивъ, что женихъ мой любитъ выпить. На что онъ отвѣчалъ такъ: „выйдти можно, если онъ только состоятельный, добрый и здоровый человѣкъ“. А такъ какъ всѣ эти задатки были въ моемъ женихѣ, то я и рѣшилась выйдти, и,—благодарю милостиваго Бога,—была сравнительно съ нимъ покойна и счастлива. Могла даже помочь матери моей тѣмъ, что взяла на воспитаніе младшую сестру свою. И теперь, потерявъ его около года, я имѣю хоть маленькія средства къ жизни, и выдала на его счетъ двухъ сестеръ моихъ, круглыхъ сиротъ.

Будучи молодой женщиной, я такъ пристрастилась къ картежной игрѣ, что положительно убивала свое здоровье, проводя безсонныя ночи за этимъ безсмысленнымъ развлеченіемъ. Играла конечно на деньги, и много проигрывала. Незадолго до отъѣзда моего изъ Оптиной, я стала на колѣни около постели Батюшки и, цѣлуя его благословляющія ручки, стала просить его карточку. Это было на общемъ благословеніи. Онъ дѣлаетъ мнѣ только одной понятный укоризненный видъ и говоритъ: „Пустое ты затѣяла,—просишь карточки. Развѣ мы тутъ въ монастырѣ въ карты играемъ?“ Прошло двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ; а я какъ будто сейчасъ слышу этотъ тихій тонкій упрекъ, отъ котораго въ то время вся кровь бросилась мнѣ въ лицо. Невозможно высказать, что я въ то время перечувствовала. Я разумѣется, сконфуженная, стала пояснять, что желаю получить его фотографію. Тогда онъ, принимая одному ему свойственный, пронизывающій душу, взглядъ, отвѣтилъ: „О! это можно; а я не понялъ“. И съ этими словами отодвинулъ ящикъ стола, стоявшаго около кровати, вынулъ фотографическій портретъ и подалъ мнѣ. Руки всѣхъ, бывшихъ на благословеніи, потянулись къ Батюшкѣ тоже съ просьбой благословить и ихъ портретами; но Батюшка сказалъ: „что вы? что вы? всего моего состоянія не хватитъ, если я буду давать всѣмъ карточки“. И изъ всей толпы получила еще карточку какая-то молодая дѣвушка. И что же? моя душа окаянная, даже послѣ этого обличенія, не содрогнулась отъ этого сердечнаго толчка. И я опять играла и играла; такъ какъ врагу пріятно было держать меня въ своихъ рукахъ. И только сильная болѣзнь, посланная мнѣ Всемилостивымъ Господомъ, спасла меня отъ этой безумной пагубной привычки. Благодарю Всещедраго Владыку моего и почившаго молитвенника Батюшку О. Амвросія: присылаемыя имъ ко мнѣ письма не остались безъ добрыхъ послѣдствій. Берегу карточку Старца. Она

часто, въ минуты скорби, напоминаетъ мнѣ о той любви и терпѣніи, какія имѣлъ О. Амвросій при своемъ болѣзненномъ состояніи, такъ какъ ни одна душа христіанская не ушла отъ него безъ отрады и утѣшенія. Въ теченіи той недѣли, которую я провела подъ привѣтливою сѣнію Оптиной пустыни, самыми лучшими минутами для меня были тѣ, которыя проводила на общихъ благословеніяхъ почившаго Батюшки. Сколько доброты, милосердія, любви таилось въ этой чудной, сильной, вѣрующей душѣ, сохранившейся въ такомъ повидимому хиломъ тѣлѣ! Такъ все живо представляется. Собрались мы однажды на вечернее благословеніе. Подходитъ монахиня къ Батюшкѣ и говоритъ: „благословите Батюшка, — боимся ночевать въ номерѣ". Когда же Батюшка спросилъ, что за причина такой боязни, монахиня отвѣчала: „да вотъ, Батюшка, надъ моей кроватью такъ нависъ потолокъ, что угрожаетъ смертельной опасностію", Батюшка добродушно улыбнулся и сказалъ: „хоть ты и монахиня, но надо сказать тебѣ истинную правду, что ты дуракъ набитый; (это выраженіе было, какъ я замѣтила, у него обычнымъ въ отношеніи къ простонародью). Вотъ что по этому поводу я тебѣ разскажу: одинъ молодой человѣкъ, возвратившись ночью домой, увидѣлъ свѣтъ въ своей квартирѣ. Это его ужасно поразило, потому что ключъ отъ квартиры былъ у него въ карманѣ. Чтобъ удовлетворить своему любопытству, онъ подходитъ къ окну, и что же видитъ? У него по комнатѣ ходитъ онъ самъ. Это до такой степени испугало его, что онъ опрометью бросился бѣжать за рѣку къ своему брату, гдѣ и провелъ ночь. На утро вмѣстѣ съ братомъ онъ приходитъ домой, и что же видитъ? надъ его кроватью провалился потолокъ. Такъ, вотъ какъ Господь спасаетъ и хранитъ тѣхъ, которые неготовы еще явиться предъ милосердіемъ Божіимъ. Совѣтую тебѣ идти, — спокойно ложиться спать. Если Господу угодно, то онъ сохранитъ тебя". Сему подобные разсказы остаются въ памяти не однихъ людей благовоспитанныхъ; ихъ легко запоминаютъ и простолюдины, эти истинныя дѣти природы. И передаются эти маленькіе разсказы изъ устъ въ уста, какъ сказанные любимымъ Старцемъ О. Амвросіемъ, и разумѣется приносятъ несомнѣнную пользу. Такъ и въ этомъ случаѣ монахиня ушла совершенно успокоенная.

По случаю двухъ дорогихъ потерь, въ теченіи полгода, (я потеряла отца и мужа), у меня до того расшаталось здоровье и нервы, что я положительно не могла слышать ни музыки, ни пѣнія, отъ которыхъ мнѣ дѣлалось дурно. Въ свой пріѣздъ я разжаловалась Батюшкѣ о своемъ состояніи, и онъ посовѣтовалъ мнѣ проѣхать къ угоднику Божію Тихону, и искупаться въ цѣлебномъ колодцѣ, что я и исполнила. И хотя я была больна потомъ другими болѣзнями, но нервная мучительная, благодаря Бога, болѣе не возвращалась.

Однажды Батюшка спросилъ меня: „какія у тебя средства къ жизни?" Я сказала, что никакихъ, Батюшка, кромѣ выигрышнаго билета, на который я надѣюсь выиграть. Онъ ударилъ меня по го-

ловѣ своимъ костыликомъ (знакъ его особеннаго благоволенія) и сказалъ: „никогда не выиграешь, дуракъ набитый; и если встрѣтится надобность, то продай его“. Эта необходимость въ скоромъ времени открылась, а именно: матери моей нужно было заплатить повинности по дому, и другаго источника кромѣ моего билета не предвидѣлось; такъ что я заложила его для этой нужды, и разумѣется не могла выкупить обратно. Но какъ, прежде мною упомянуто, я вышла замужъ, то уже ни въ чемъ не имѣла недостатка. — Въ день своего отъѣзда, я стала просить Батюшку О. Амвросія благословить меня побывать у него хоть еще разъ въ жизни, на что онъ отвѣтилъ: „Куда тебѣ дураку набитому? Ты не умѣешь деньги собирать“. (опять намекъ на картежную игру). И что же? При всѣхъ моихъ усиліяхъ, въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, мнѣ не удалось, по складывавшимся обстоятельствамъ, оторвать четвертной билетъ, чтобъ посѣтить Батюшку; хотя, скажу откровенно, душой рвалась къ нему. Такъ исполнились слова всѣмъ извѣстнаго и великаго прозорливца. Желала бы хоть теперь, если угодно будетъ Создателю моему, посѣтить могилку незабвеннаго любвеобильнаго Старца Амвросія. Твердо вѣрую, что, любя насъ, бывъ съ нами въ тѣлѣ, онъ не оставляетъ и теперь, живя духомъ у Престола Вседержителя. И сердце и совѣсть подсказали бы отвѣты на просьбы и думы на дорогой могилѣ.

Слѣдуютъ за симъ еще нѣсколько, подобныхъ прежнимъ разсказовъ [1]).

Пріѣзжаютъ къ Старцу изъ Петербурга двѣ сестры. Младшая невѣста, съ веселымъ настроеніемъ; старшая—тихая, задумчивая, богомольная. Одна проситъ благословенія вступить въ бракъ, а другая въ монастырь. Старецъ невѣстѣ подаетъ чотки; а старшей говоритъ: „какой монастырь? — ты замужъ выйдешь, да не дома, вотъ тебѣ что!“ — и назвалъ губернію, куда онѣ никогда не ѣздили. — Обѣ возвращаются въ столицу. Невѣста узнаетъ, что женихъ ей измѣнилъ. Это произвело въ ней страшную перемѣну, потому что ея привязанность была глубока. Она постигла суетность того, что прежде ее занимало, ея мысли обратились къ Богу, и вскорѣ она поступила въ монастырь. Между тѣмъ старшая получила письмо изъ дальней губерніи отъ забытой тетки, набожной женщины, жившей по сосѣдству съ женскимъ монастыремъ. Она звала ее присмотрѣться къ жизни монахинь. Но вышло иначе: живши у тетки, племянница познакомилась съ человѣкомъ уже немолодымъ, очень подходящимъ къ ней по характеру, и вышла за него замужъ.

У одного, близкаго къ старцу, монаха изъ петербургскаго свѣта, сестра замужемъ, за помѣщикомъ, часто посѣщавшимъ Оптину. Од нажды Батюшка заводитъ съ этимъ помѣщикомъ такой разговоръ: „говорятъ, около тебя имѣніе выгодное продается, — купи.“ Старецъ любилъ употреблять слово „говорятъ“ для прикрытія своей прозор-

[1]) Разсказы эти, почти всѣ, заимствованы изъ статьи подъ заглавіемъ „Отецъ Амвросій“ Поселянина, помѣщенной въ Душеполезномъ Чтеніи за 1892 годъ.

ливости. Помѣщикъ удивился. — „Продается, Батюшка, и какъ бы хорошо купить; да это мечта одна. Имѣніе большое; просятъ чистыми деньгами хоть дешево, а у меня денегъ нѣтъ". — „Денегъ? — повторилъ тихо Батюшка, деньги-то будутъ". Потомъ они перешли къ другимъ разговорамъ. На прощаньи О. Амвросій сказалъ: „слышишь, имѣнье то купи". Помѣщикъ отправился домой на своихъ. По дорогѣ жилъ его дядя богатый, но очень скупой старичекъ, избѣгаемый всею родней. Такъ случилось, что остановиться было негдѣ, и пришлось заѣхать къ дядѣ. Во время бесѣды дядя спрашиваетъ: „отъ чего ты не купишь имѣніе, которое около тебя продается? хорошая покупка". А тотъ отвѣчаетъ: „что спрашиваешь, дядюшка? откуда мнѣ столько денегъ взять?" — „А если деньги найдутся? Хочешь взаймы дамъ?" Племянникъ принялъ это за шутку, но дядя не шутилъ. Имѣніе было куплено, и новый владѣлецъ пріѣхалъ распорядиться. Не прошло и недѣли, какъ барину докладываютъ, что пришли купцы торговать лѣсъ. Стали говорить о цѣнѣ, и они сразу назначили за лѣсъ ту цѣну, за которую было куплено все имѣніе.

Въ послѣднее время своей жизни О. Амвросій однимъ своимъ настоятельнымъ совѣтомъ, съ виду нѣсколько страннымъ, оказалъ великую помощь дѣламъ князей Л. Этотъ случай особенно замѣчателенъ по сложности благопріятныхъ обстоятельствъ, начало которыхъ лежало въ наставленіи Старца Амвросія.

Незадолго до кончины Старца заѣхалъ къ нему за благословеніемъ управляющій, державшій путь въ Петербургъ за небольшимъ наслѣдствомъ. Батюшка ему вдругъ говоритъ: „Тебѣ не въ Петербургъ ѣхать надо; поѣзжай на Курскъ". Эти слова Старца очень удивили его; но изъ Калуги онъ взялъ билетъ на Курскъ и отправился. Въ вагонѣ онъ разговорился съ однимъ помѣщикомъ. Тотъ имѣлъ желаніе идти въ монастырь и искалъ человѣка, который бы взялъ въ аренду его имѣніе съ тѣмъ, чтобы ежегодно выплачивать ему небольшое содержаніе. А если бы онъ заслужилъ его довѣріе, помѣщикъ и совсѣмъ могъ бы уступить ему свое имѣніе на очень удобныхъ условіяхъ. Въ вагонѣ они и сговорились.

Бѣдную мѣщанку за красоту засваталъ богатый купецъ; а Старецъ говоритъ матери: „вашему жениху отказать надо". Мать такъ и вскинулась: „что ты, Батюшка?—да намъ и во снѣ такой не снился; послалъ Богъ сиротѣ; а ты отказать". А Батюшка въ отвѣтъ: „этому откажите, у меня для дочери твоей другой женихъ есть лучше этого". —„Да какого намъ лучше надо?—не за князя же ей выходить;" — толкуетъ свое мать.—„Такой у меня великій женихъ, что и сказать трудно; откажите купцу". Купцу отказали; а дѣвушка заболѣла и умерла. Тогда поняли, о какомъ женихѣ говорилъ Старецъ.

Одна молодая дѣвушка говорила своей родственницѣ монахинѣ предъ общимъ благословеніемъ: „у меня конфекты въ рукѣ; ужасно мнѣ хочется дать ихъ Батюшкѣ, да боюсь,—неловко такъ безъ коробки". Скоро появился Старецъ; всѣ стали на колѣни. Остановив-

шись предъ молодой дѣвушкой, онъ молча разжалъ ея руку, взялъ конфекты, и пошелъ далѣе.

Мелочей для Старца не существовало. Онъ зналъ, что все въ жизни имѣетъ свою цѣну и свои послѣдствія; и потому не было вопроса, на который бы онъ не отвѣчалъ съ участіемъ и желаніемъ добра. Однажды остановила Старца женщина, которая была нанята помѣщицей ходить за индюшками; но индюшки почему-то у нея колѣли, и хозяйка хотѣла ее расчесть. — „Батюшка! — обратилась она къ нему со слезами, — помоги; силъ моихъ нѣтъ; сама надъ ними не доѣдаю, — пуще глазъ берегу, а колѣютъ. Согнать меня барыня хочетъ. Пожалѣй меня, родимый“. Присутствующіе смѣялись надъ бабой. А Старецъ съ участіемъ распросилъ ее, какъ она ихъ кормитъ, и далъ совѣтъ, какъ ихъ содержать иначе, благословилъ ее и отпустилъ. Тѣмъ же, которые смѣялись надъ ней, онъ замѣтилъ, что въ этихъ индюшкахъ вся ея жизнь. Послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что индѣйки у бабы уже не колѣли.

Но, преподавая совѣты, Старецъ не имѣлъ обыкновенія настойчиво требовать, чтобы они непремѣнно исполнялись, и никогда не связывалъ относившихся къ нему какимъ либо запрещеніемъ. И если видѣлъ, что совѣтъ кому либо не по сердцу, всегда прибавлялъ, какъ при личныхъ разговорахъ, такъ и въ письмахъ: „впрочемъ смотрите сами, и какъ найдете для себя болѣе удобнымъ, такъ и поступите“.—Такъ всегда снисходительно относился Старецъ и къ немощамъ человѣческимъ. Однако иногда прибавлялъ въ назиданіе просившимъ у него совѣтовъ: „когда говорю, надобно слушать съ перваго слова; тогда будетъ послушаніе по волѣ Божіей. Я мягкаго характера, уступлю, но не будетъ пользы для души.“ Но такъ какъ, по пословицѣ, —„своя воля царя болѣй“, и для всѣхъ она одинаково дорога; то Старцу—понятно—часто приходилось уступать. Въ такомъ случаѣ онъ говорилъ: „какъ хочешь“, или „можешь такъ поступить“; но никогда не давалъ на дѣло благословенія. Находились же такіе люди, которые и дѣла желали вести по своей волѣ, и вмѣстѣ просили на это у Старца благословенія, и все приставали: какъ же вы мнѣ, Батюшка, благословите? Что же вы мнѣ скажете? Старецъ съ огорченіемъ въ шутливомъ тонѣ отвѣчалъ иногда такъ: „что реку человѣку чудаку, или что возглаголю творящему свою волю? „Такими и подобными шуточными отвѣтами онъ кое-какъ отдѣлывался отъ настойчивыхъ неумѣстныхъ требованій отъ него благословенія. А иному настойчивому своевольнику скажетъ: „такъ то, братъ, обычай то у насъ бычій, а умъ то телячій.“ Тутъ онъ и самъ посмѣется и посѣтитель вмѣстѣ съ нимъ, можетъ быть даже не замѣчая того, что получилъ отъ Старца и выговоръ и наставленіе; и только уже послѣ пойметъ Старческія слова, и не оскорбится на Старца.

Къ сему присовокупить здѣсь можно, что просившіе отъ Старца

и получавшіе въ дѣлахъ своихъ совѣты, за неисполненіе ихъ, нерѣдко терпѣли несчастія.

Теща,—бывшаго въ міру женатымъ, вышеупомянутаго Оптинскаго монаха Гавріила, пріѣхала къ Старцу О. Амвросію съ своею дочерью дѣвушкой, для которой имѣлся въ виду женихъ, за котораго она и намѣревалась выдать ее замужъ. Батюшка благословилъ этой дѣвушкѣ идти въ монастырь. Но по пріѣздѣ домой, дѣвица, вопреки благословенію Старца, все-таки вышла замужъ за означеннаго жениха. Только жизнь ихъ семейная оказалась неудачною. Мужъ сталъ пить, а отъ того въ домѣ разстройство и нищета.

Иной примѣръ. Молодой крестьянинъ изъ-подъ Тихоновой пустыни, что около Калуги (верстъ 60 отъ Оптиной) задумалъ жениться, потому что старуха мать ослабѣла, а другихъ женщинъ въ домѣ не было. Пошелъ онъ на праздникъ. Успенія къ Старцу; а тотъ посовѣтовалъ ему подождать до Покрова; между тѣмъ мать очень недовольна была совѣтомъ Старца. Пришелъ — на Покровъ; а Батюшка гоьоритъ: „обожди до Крещенія,—тогда посмотримъ“. Старуха очень разстроилась,—малому покоя отъ нея нѣтъ. Пришелъ онъ къ Старцу на Крещенье, и объявляетъ, что матерней брани терпѣть не можетъ. А Батюшка ему въ отвѣтъ: „боюсь, что не послушаешь меня; а мой совѣтъ: никакъ тебѣ жениться не надо,—обожди“. Но крестьянинъ ушелъ и женился; а чрезъ два мѣсяца послѣ свадьбы умеръ.

Приведемъ теперь разсказъ о вышеупомянутомъ жителѣ г. Козельска Капитонѣ. У него былъ единственный сынъ, взрослый юноша, ловкій, красивый. Отецъ рѣшился отдать его въ люди и привелъ его къ Старцу, чтобы получить отъ него благословеніе на задуманное дѣло. Сидятъ оба въ корридорѣ, и около нихъ нѣсколько монаховъ. Выходитъ къ нимъ Старецъ. Капитонъ, получивши съ сыномъ благословеніе, объясняетъ, что хочетъ сына отдать въ люди. Старецъ одобряетъ намѣреніе, и совѣтуетъ отправляться сыну въ Курскъ. Капитонъ начинаетъ Старца оспаривать:—„въ Курскѣ, говоритъ, у насъ нѣтъ знакомыхъ; а благословите, Батюшка, въ Москву“. Старецъ въ шутливомъ тонѣ отвѣчаетъ: „Москва бьетъ съ носка, и колотитъ досками; пусть ѣдетъ въ Курскъ“. Но Капитонъ все-таки не послушалъ Старца, и отправилъ сына въ Москву, гдѣ тотъ вскорѣ поступилъ на хорошее мѣсто. У хозяина строилось въ это время какое-то зданіе, гдѣ находился только что нанявшійся къ нему юноша. Вдругъ упало сверху нѣсколько досокъ, которыя и раздробили ему обѣ ноги. Тотъчасъ же телеграммой увѣдомленъ былъ о семъ отецъ. Съ горькими слезами пришелъ онъ къ Старцу повѣдать о своемъ горѣ. Но горю этому помочь уже нельзя было. Больного сына привезли изъ Москвы. Долго онъ хворалъ, и хотя раны закрылись, но онъ уже остался на весь вѣкъ калѣкой, неспособнымъ ни къ какой работѣ.

Къ нѣкоторымъ посѣтителямъ Старецъ обращался съ обличеніями. Подошелъ какъ то къ нему молодой человѣкъ изъ мѣщанъ, съ рукой на перевязи, и сталъ жаловаться, что никакъ не можетъ ее выле-

чить. При Старцѣ въ это время былъ одинъ монахъ и нѣсколько мірянъ. Не успѣлъ тотъ договорить: „все болитъ и шибко болитъ“; какъ Батюшка его перебилъ: „и будетъ болѣть,—зачѣмъ мать обидѣлъ?“ Но, вѣроятно замѣтивъ смущеніе и смиреніе въ обличаемомъ, тотъ часъ измѣнилъ тонъ рѣчи: „ты ведешь-то себя хорошо ли, хорошій ли ты сынъ? Не обидѣлъ-ли?“ Нужно замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ Старецъ не спѣшилъ подавать помощь, считая болѣзнь достойнымъ въ сей жизни возмездіемъ человѣку, ниспосланнымъ правосудіемъ небеснымъ, дабы временнымъ наказаніемъ избавить его отъ наказанія вѣчнаго. Такъ онъ писалъ и въ письмѣ къ одной монахинѣ, заботившейся объ уврачеваніи какой-то недужной сестры, болѣзнь которой имѣла свою причину въ порочной жизни: „Посмотри на Апостола Павла, что онъ творитъ. Не повелѣваетъ ли онъ предать таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ его спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа? Вотъ примѣръ истиннаго человѣколюбія. А ты заботишься избавить человѣка отъ изможденія плоти, чтобы доставить ему временное спокойствіе, прикрываясь можетъ быть и мнимою пользою душевною [1]).

Кромѣ словесныхъ, лично преподаваемыхъ Старцемъ Амвросіемъ, совѣтовъ, множество разсылалось имъ писемъ къ тѣмъ людямъ, которые по обстоятельствамъ не всегда имѣли возможность прійти или пріѣхать къ нему сами. По различію лицъ и ихъ положеній и душевныхъ расположеній, содержаніе Старцевыхъ писемъ самое разнообразное. Общее содержаніе писемъ къ монашествующимъ: безропотность, смиреніе, самоукореніе, терпѣніе находящихъ скорбей и преданіе себя въ волю Божію. Въ письмахъ же къ мірскимъ особамъ или разрѣшаются нѣкоторыя недоумѣнія касательно вѣроученія православнаго, или дѣлаются указанія, какъ поступать въ житейскихъ дѣлахъ, истолковываются нѣкоторые знаменательные сны, и пр. и пр. О достоинствѣ этихъ писемъ излишне и говорить. Оно давно признано всѣми благомыслящими искателями пользы душевной [2]).

По благословенію Старца, заботившагося о духовной пользѣ ищущихъ спасенія православныхъ христіанъ, и подъ его непосредственнымъ руководствомъ, нѣкоторые Оптинскіе монахи занимались переводомъ отеческихъ книгъ съ греческаго и латинскаго языка на русскій и составленіемъ душеполезныхъ книгъ. Такъ въ его время переведены были книги: 1) Двѣнадцать словъ пр. Симеона Новаго Богослова, 2) Девяносто пять словъ съ завѣщаніемъ препод. Ѳеодора Студита, 3) Послѣдовало 2-е исправленное изданіе Лѣствицы на русскомъ языкѣ. Изданы: 4) Жизнеописаніе Оптинскаго Старца Іеромонаха Леонида (въ схимѣ Льва), 5) Жизнеописаніе настоятеля Малоярославецкаго монастыря Игумена Антонія (бывшаго начальникомъ Оптинскаго Скита; и скончавшагося на покоѣ въ Оптиной пустыни)

---

[1]) „Душеполезное Чтеніе“ за 1898 г. мартъ. Стран. 552.

[2]) Для примѣра въ приложеніи подъ № 3 помѣщаются четыре письма Старца І. Амвросія къ разнымъ лицамъ.

6) Письма того же Игумена Антонія къ разнымъ лицамъ, 7) Царскій путь Креста Господня и 8) Послѣдовало 2-е исправленное и дополненное изданіе историческаго описанія Оптиной пустыни [1]). Всѣ эти книги, какъ и прежнія Оптинскія изданія, напр. поученія пр. Аввы Дороѳея, Лѣствица и др. — всегда имѣлись у Старца Амвросія въ достаточномъ количествѣ. Ими дарилъ онъ, по усмотрѣнію, болѣе почетныхъ посѣтителей.

А сверхъ того у него никогда не переводились мелкія брошюры для раздачи прочимъ посѣтителямъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны были: 1) Совѣты ума своей душѣ пр. Марка подвижника, 2) О вещахъ возбраняющихъ ко спасенію, съ душеполезными бесѣдами Старца Зосимы и 3) Толкованіе на „Господи помилуй“. О достоинствѣ этихъ брошюръ Старецъ такъ писалъ нѣкогда къ Графу А. П. Толстому: „Объемъ этихъ книжечекъ по видимому очень малый, но содержаніе ихъ велико, весьма велико. Въ нихъ хотя кратко, но ясно и практически изложено, какъ долженъ всякій христіанинъ Евангельское ученіе приспособлять къ образу своей жизни, чтобы получить милость Божію, и наслѣдовать вѣчное блаженство. Не знаю, какъ вамъ понравятся эти книжки; а всѣ принимающіе эту духовную милостыню съ большимъ усердіемъ принимаютъ ее, и очень довольны остаются [2]).

Кромѣ этихъ брошюръ, Старецъ во множествѣ раздавалъ: 1) вышеупомянутое „слово Пр. Марка Подвижника О покаяніи“, и вновь переведенныя на русскій языкъ и изданныя 2) „Пр. Іоанна Дамаскина слово о страстяхъ и добродѣтеляхъ“, и 3) „Бесѣду на шестой псаломъ Св. Анастасія Синаита“.

Въ переводахъ и вообще въ изданіи отъ Оптиной Пустыни душеполезныхъ книгъ, — не лишне здѣсь упомянуть, главными дѣятелями были: языковѣдъ, монахъ Климентъ Зедергольмъ (впослѣдствіи іеромонахъ) и монахъ Анатолій Зерцаловъ (впослѣдствіи скитоначальникъ и старецъ). Имъ помогалъ нѣсколько въ книжныхъ занятіяхъ еще одинъ молодой скитскій послушникъ.

Благословляя означенныхъ лицъ на книжные труды, Старецъ, по обычаю своему, разсказалъ имъ шутливый, и между прочимъ назидательный, анекдотъ: „Утонулъ одинъ монахъ. Дѣло о семъ поступило въ судъ. Собрались судьи, и начали толковать, — какъ озаглавить дѣло. Одинъ изъ старинныхъ писакъ предлагаетъ надписать такъ: о потонутіи монаха. Ему говорятъ; это неловко. — Другой старичекъ также предлагаетъ озаглавить: О потопленіи монаха. — Ему возражаютъ: но вѣдь монаха никто не топилъ. — Наконецъ, одинъ изъ молодыхъ современныхъ научниковъ сказалъ: О потонувшемъ монахѣ. И всѣ согласились“. — Этимъ анекдотомъ Старецъ давалъ книжнымъ

---

[1]) У О. Архимандрита Григорія перечисляются и изданія другихъ книгъ; но надъ ними І. Амвросій трудился, въ числѣ другихъ, еще при жизни Старца І. Макарія, и подъ его руководствомъ.

[2]) Сборникъ писемъ и статей Опт. Старца І. Амвросія. 7. 1, стр. 28. Москва. 1894 г.

людямъ разумѣть, что старшіе въ поручаемыхъ имъ дѣлахъ не должны пренебрегать мнѣніемъ и младшаго. Какъ и Св. Апостолъ учитъ: *аще ли иному откроется сѣдящу, первый да молчитъ* [1]).

XV.

Любовь Старца Амвросія къ ближнимъ, выражавшаяся, въ слѣдствіе его дѣйственной молитвы къ Богу, сверхъестественной помощію и исцѣленіемъ болѣзней тѣлесныхъ и душевныхъ.

Много можетъ молитва праведнаго [2]).

Многіе обращались къ Старцу Амвросію съ прошеніемъ его святыхъ молитвъ объ исцѣленіи отъ тяжкихъ болѣзней, и большею частію въ крайнихъ случаяхъ, когда врачебное искуство оказывалось безсильнымъ. Въ такихъ случаяхъ чаще всего Старецъ совѣтывалъ воспользоваться таинствомъ елеосвященія, чрезъ которое болящіе нерѣдко исцѣлялись. При чемъ онъ объяснялъ и лично и въ письмахъ, что посредствомъ сего св. Таинства человѣкъ получаетъ разрѣшеніе отъ всѣхъ забвенныхъ и недоумѣнныхъ грѣховъ, и что объ этомъ таинствѣ многіе неправильно понимаютъ, откладывая его до самой смерти. —Во всѣхъ же вообще болѣзняхъ Старецъ назначалъ служить молебны предъ мѣстными чудотворными иконами, или посылалъ въ Тихонову пустынь (верстахъ въ 18 отъ Калуги) помолиться угоднику Божію Тихону Калужскому, и покупаться въ его цѣлебномъ колодцѣ, и случаи исцѣленій, по св. молитвамъ угодника Божія, были многочисленны. Должно при семъ замѣтить, что упоминаемая здѣсь Калужская Тихонова пустынь недавно прославилась чудотвореніями своего Божія угодника. Въ шестидесятыхъ годахъ объ этихъ чудесахъ еще почти и не слышно было, а потому и богомольцевъ тамъ было мало, и братіи въ монастырѣ было немного. Но вотъ Старецъ Амвросій чаще и чаще сталъ посылать къ Пр. Тихону одержимыхъ различными недугами, душевными и тѣлесными, и безъ сомнѣнія усердно молилъ сего угодника Божія о ниспосланіи чрезъ него помощи имъ, и чудесныя исцѣленія все чаще и чаще стали повторяться; такъ что многіе больные уже и безъ указанія Старца Амвросія, сами шли и ѣхали въ Тихонову пустынь помолиться и покупаться. Безъ сомнѣнія смиренный Старецъ Амвросій поступалъ такъ, если не совсѣмъ во избѣжаніе, (чего и нельзя было сдѣлать) то по крайней мѣрѣ ради умаленія собственнаго прославленія отъ своихъ почитателей. Въ подтвержденіе сего приведемъ здѣсь одинъ частный случай.

Нѣкто изъ высокопоставленныхъ лицъ, бывши лѣтомъ 1897 года въ Оптиной пустыни и у Скитскаго Старца І. Іосифа, разсказалъ

---

[1]) 1 Кор. XIV. 30.
[2]) Іак. V, 16.

ему слѣдующее: Когда еще былъ живъ Старецъ Амвросій, у гостя посѣтителя была жестокая боль въ ногахъ. И такъ какъ никакія медицинскія средства не помогали, то онъ, чрезъ знакомую ему помѣщицу М. И. Куколевскую, жившую въ то время на гостинницѣ при Оптиной пустыни, письменно обратился къ Старцу Амвросію за совѣтомъ, что ему дѣлать для облегченія тяжкой болѣзни. Въ это самое время прошелъ слухъ, что въ Задонскѣ ожидается открытіе мощей какого-то подвижника Пахомія, и потому копали тамъ землю, въ надеждѣ обрѣсти его тѣло. Старецъ чрезъ Куколевскую же письмомъ посовѣтывалъ больному съѣздить въ Задонскъ, отслужить тамъ панихиду о упокоеніи подвижника Пахомія, взять часть раскопанной земли съ его могилы, и растереть ею больныя ноги. Больной въ точности исполнилъ совѣтъ Старца, и не поддававшаяся медицинскимъ пособіямъ болѣзнь совершенно прошла; между тѣмъ какъ въ Задонскѣ никакихъ мощей не обрѣли.

Впрочемъ не всегда такъ прикровенно дѣйствовалъ Старецъ Амвросій. По данной ему благодати Божіей, исцѣлялъ онъ и непосредственно; и такихъ примѣровъ, можно сказать, было безчисленное множество. Приведемъ здѣсь выдержку изъ статьи вышеупомянутой А. А. Шишковой.

„Читая разныя описанія объ Оптинскомъ Старцѣ О. Амвросіи, не могу я умолчать о бывшемъ отъ него мнѣ исцѣленіи и о прозорливости его, которымъ была сама свидѣтелницею. Достовѣрно извѣстно, что подобныхъ примѣровъ можно насчитать тысячи; ибо не только иногда, но и ежедневно Старецъ проявлялъ ихъ при каждомъ посѣтителѣ. Этимъ такъ и прославился сей праведный Старецъ Божій, чистый душею, крѣпкій вѣрою и любовію къ Богу и ближнимъ. Какъ отрадно было бывать въ его тѣсной маленькой кельѣ, какъ въ Оптинскомъ скиту, такъ и въ Шамординѣ! Не могу вспомнить безъ слезъ о милостивомъ, веселомъ лицѣ Батюшки и о его привѣтливомъ голосѣ.—Въ 1877 году я очень хворала, почти годъ, сильною горловою болѣзнію, вслѣдствіе давнишней простуды на вершинѣ снѣговыхъ Пиринейскихъ горъ; едва могла глотать одну жидкую пищу. Жила я тогда въ деревнѣ, и лѣчилась. Доктора, видя, что болѣзнь моя усиливается, посовѣтовали мнѣ ѣхать въ Москву, созвать консиліумъ, и жить за границей въ тепломъ климатѣ. Въ это время въ сосѣдній женскій Троекуровскій монастырь пріѣхала Г-жа Ключарева, жившая со своими внучками при Оптиной пустыни, гдѣ вблизи у нея было свое имѣніе. Узнавъ, что я такъ хвораю, она предложила монахинямъ того монастыря передать мнѣ ея совѣтъ, — обратиться къ Оптинскому Старцу О. Амвросію письменно, и просить его молитвъ; ибо знала всю чудодѣйственную силу ихъ. Сначала я не обратила вниманія на эти слова. Но, видя ухудшеніе своего болѣзненнаго состоянія, рѣшилась написать Старцу, (хотя и не знала его) прося его молитвъ за меня болящую. Батюшка скоро мнѣ отвѣтилъ: „пріѣзжай въ Оптину, ничто же сумнясь; только отслужи молебенъ Спасителю,

Божіей Матери, св. Іоанну воину и св. Николаю чудотворцу". Предложеніе поѣхать въ Оптину меня сильно устрашило, ибо я знала, какой трудный и длинный путь предстояло мнѣ совершить; между тѣмъ какъ отъ истощенія силъ я не могла вставать. Какъ я поѣду. —думалось мнѣ. Но слова подчеркнутыя—„ничто же сумнясь". подкрѣпили мой духъ и мои силы, и я, не смотря на просьбу дѣтей не ѣхать и на убѣжденіе доктора, пригласила священника, отслужила молебенъ и на другой же день поѣхала тихонько въ каретѣ до Ефремова; оттуда по желѣзной дорогѣ до г. Калуги; а тамъ на лошадяхъ въ Оптину пустынь. Вездѣ, конечно, долго отдыхала, по случаю сильной слабости и утомленія. По пріѣздѣ въ Оптину, я просила узнать у Батюшки въ скиту, когда могу къ нему пріѣхать. Онъ приказалъ мнѣ сказать, что-бы я сейчасъ отдыхала, а на другой день пошла бы къ обѣднѣ и оттуда къ нему. Едва могла я ходить; но все это я исполнила за молитвами Старца, видимо подкрѣпившаго меня. Когда я взошла къ Батюшкѣ въ комнату съ Г-жею Ключаревою, она, вставши передъ нимъ на колѣни, начала со слезами просить: „Батюшка! исцѣлите ее, какъ вы умѣете исцѣлять".—Сильно Старецъ разгнѣвался на эти слова и приказалъ Г-жѣ Ключаревой немедленно удалиться. Мнѣ же сказалъ: „Не я исцѣляю, а Царица небесная; обратись и помолись Ей".—Въ углу комнаты висѣлъ образъ Пресвятой Богородицы. Потомъ онъ спросилъ, гдѣ болитъ горло. Я показала правую сторону онаго. Старецъ съ молитвою три раза перекрестилъ больное мѣсто. Тутъ же какъ будто нѣкую бодрость я получила. Принявъ благословеніе у Батюшки, и поблагодаривъ его за милостивый пріемъ, я удалилась. Прихожу въ гостинницу, гдѣ меня ожидалъ мужъ и одна знакомая дама В. Д. Мусинъ-Пушкина. При нихъ-то я попробовала проглотить кусочекъ хлѣба, чтобы удостовѣриться, лучше ли мнѣ стало за молитвами Старца. Прежде я не могла глотать ничего твердаго. И вдругъ, какая же была моя радость! —я безъ боли, очень легко, могла все ѣсть, и до сихъ поръ ниразу боль не возвращалась,— вотъ уже прошло тому 15-ть лѣтъ [1]). Какъ же мнѣ, прибавляетъ Г-жа Шишкова, въ благодарность къ такому благодѣтелю, не выразить теперь во всеуслышаніе это чудное исцѣлѣніе для прославленія столь дивнаго любвеобильнаго Старца"!

Затѣмъ предложимъ вниманію читателей разсказъ вышеупомянутой, знакомой Анисьи Андреевны Шишковой,—Г-жи Варвары Дмитріевны Мусинъ-Пушкиной. Вотъ ея собственныя слова: „Позволяю себѣ изложить, какъ умѣю, разсказъ о благодѣяніи Божіемъ, оказанномъ моему сыну, по св. молитвамъ досточтимаго Старца Оптиной пустыни, Отца Амвросія, которое вспоминаю съ глубокимъ чувствомъ умиленія и благодарности къ почившему любвеобильному молитвеннику. 27 мая 1878 года четырнадцати-лѣтній сынъ нашъ Дмитрій заболѣлъ непонятнымъ для насъ недугомъ: страданіемъ уха, го-

[1]) Статья о Старцѣ Амвросіи писана Г-жею Шишковою въ 1893 г. „Душеполезное Чтеніе". май мѣсяцъ.

ловы и челюстей, съ сильною течью изъ праваго уха и жаромъ, доходившимъ по временамъ до 40 градусовъ. При этмъ онъ лишился слуха. Ночью онъ стоналъ, кричалъ отъ боли и бредилъ. Его сонъ былъ безпокойный, прерывистый; но часто ночи проходили совсѣмъ безъ сна. Мы приписывали эти страданія внутреннему нарыву въ ухѣ и очень боялись послѣдствій. Приглашенный докторъ — спеціалистъ по ушнымъ болѣзнямъ г. Бѣляевъ, по тщательномъ осмотрѣ больного, объявилъ намъ, что у нашего сына очень серьезный случай ушного катарра, происшедшаго вслѣдствіе воспаленія средняго уха, и что этотъ упорный катарръ произвелъ прободеніе барабанной перепонки. Эта болѣзнь признается неизлѣчимою. Докторъ Бѣляевъ, между прочимъ, сталъ насъ утѣшать, говоря, что надежда есть на молодые годы больного, что въ этой болѣзни необходимо большое терпѣніе, что въ отдаленномъ будущемъ можно надѣяться на поправку и п. Присутствіе же нарыва онъ положительно отрицалъ. Послѣ двухъ недѣль, то усиливающихся, то ослабѣвающихъ страданій, докторъ посовѣтывалъ намъ перевезти нашего сына въ деревню на чистый воздухъ, такъ какъ у больного явилось сильное малокровіе, страшная блѣдность и упадокъ силъ; отсутствіе аппетита было тоже чрезмѣрное; отсюда недовольство и раздражительность. Повинуясь совѣту врача, мы бережно перевезли сына въ деревню (въ Можайскомъ уѣздѣ, Московской губерніи), надѣясь на благотворное вліяніе перемѣны воздуха. Въ самый день пріѣзда, страданія больного до того усилились, что лицо его искажалось, глаза съ трудомъ открывались, и очень часто мучительные крики стали раздаваться по всему дому. Хотя первоначальнаго жара, появлявшагося въ Москвѣ часто и періодически почти не повторялось; но страданія и слабость съ каждымъ днемъ усиливались, такъ что больному трудно было приподнимать голову съ подушки, и малѣйшій шумъ или даже звукъ причинялъ ему крайнія страданія. Вообще состояніе его казалось безнадежнымъ, но Господь великъ и милостивъ. 24 іюня мой мужъ пріѣхалъ изъ Москвы въ деревню, и предложилъ мнѣ ѣхать всей семьей помолиться и поговѣть въ Оптину пустынь, и тамъ попросить благословенія и святыхъ молитвъ Старца Отца Амвросія. — Уѣзжая, мы поручили больного сына попеченію учителя и старой няни, которые оба его любили и въ которыхъ мы были увѣрены.

Пріѣхавъ 26 іюня въ Оптину пустынь, мужъ мой, двѣ дочери, племянникъ, воспитанница наша, горничная и я—всѣ мы отправились въ скитъ къ о. Амвросію, и передали Батюшкѣ о состояніи нашего больного сына, переносившаго нестерпимыя муки, и просили его св. молитвъ о болящемъ. Батюшка спокойно отвѣтилъ намъ, привѣтливо улыбаясь: „ничего, ничего, — успокойтесь, все пройдетъ; молитесь только Богу.“ Каждый день мы стали посѣщать о. Амвросія, и Батюшка былъ настолько милостивъ, что бесѣдовалъ съ нами подолгу и тѣмъ подкрѣплялъ насъ всѣхъ, говоря, что „молитва родителей доходна до Бога: вѣруйте только въ его милосердіе и молитесь, а

Господь васъ утѣшитъ". Мы говорили ему, что не надѣемся на свои грѣшныя молитвы, а уповаемъ на его ходатайство и св. молитвы. Онъ далъ намъ понять, что Господь насъ обрадуетъ. По совѣту и благословенію Старца, мы пробыли въ Оптинѣ еще три дня, чтобы поговѣть. Исповѣдь у него оставила въ насъ глубокое впечатлѣніе. Отговѣвъ и причастившись св. Христовыхъ Таинъ въ самый день памяти св. Апостоловъ Петра и Павла, мы еще были у батюшки, и опять, по его благословенію, остались еще на три дня, не смотря на то, что получали объ сынѣ неудовлетворительныя извѣстія. Батюшка каждый день повторялъ: „не безпокойтесь, — Господь васъ утѣшитъ, вѣруйте только въ Его милосердіе".

1-го іюля получивъ извѣстіе объ сынѣ, что его невыносимо-болѣзненное состояніе ухудшается съ каждымъ днемъ, и что повидимому надо ожидать близкаго конца, мы рѣшились не медля, принявъ благословеніе о. Амвросія, тотъ-часъ пуститься въ обратный путь. Но Батюшка благословилъ насъ выѣхать только на другой день. 2 іюля, тотъ-часъ послѣ ранней обѣдни, въ 9 часовъ утра мы всѣ пришли къ Старцу. Онъ всѣхъ насъ благословилъ съ лаской и напутственнымъ словомъ, и, обращаясь къ моему мужу и ко мнѣ, сказалъ: „не безпокойтесь и не огорчайтесь; поѣзжайте съ миромъ: надѣйтесь на милосердіе Божіе, и вы будете утѣшены. Молитесь Богу, молитесь Богу! Вы будете обрадованы". Потомъ онъ мнѣ подалъ два небольшіе креста, надѣтые на пояски съ вытканными на нихъ молитвами: одна св. Тихону Задонскому, а другая — св. Николаю Чудотворцу,—для меня и для нашего сына со словами: „передай сыну мое благословеніе". Уходя, мы еще разъ усердно просили его молитвъ. „Хорошо, хорошо", отвѣчалъ онъ поспѣшно; и тотчасъ прибавилъ: „и вы молитесь Богу". Благословивши всѣхъ, онъ насъ отпустилъ.

Чрезъ часъ мы пустились въ обратный путь домой къ сыну. На станцію (въ 10 верстахъ отъ имѣнія) мы прибыли 3 іюля, въ 4 часа утра. Кучера, ожидавшіе насъ съ экипажами, передали намъ, что страданія нашего сына съ нашего отъѣзда все усиливались, и состояніе его здоровья ухудшалось съ каждымъ днемъ; особенно 2 іюля онъ страдалъ невыносимо, и крики его раздирали душу каждаго, до кого они доносились. Сна не было цѣлый день, также какъ и двѣ предыдущія ночи, и силы больного совсѣмъ упали. Учитель и няня собирались уже послать въ Москву за докторомъ, когда получена была наша телеграмма о нашемъ возвращеніи изъ Оптиной. Съ невыразимымъ трепетомъ и сердечной тоской мы поѣхали со станціи. Я безсознательно относилась къ окружающему. Внутри у меня какъ то все замерло; какое-то страшное чувство стало закрадываться въ душу и овладѣло мною. Мнѣ не вѣрилось, что ему можетъ быть хуже, а вмѣстѣ съ тѣмъ я боялась, что онъ умретъ, что такимъ образомъ прекратятся его мучительныя страданія, и что къ этому относились слова Батюшки: „все пройдетъ". Вдругъ, не доѣзжая двухъ

верстъ до нашего имѣнія, мысли мои были прерваны внезапной остановкой нашего экипажа. Воспитатель нашего сына на всемъ скаку подъѣзжалъ къ намъ, и въ эту минуту я подумала, что вѣрно все кончено, и его уже вѣтъ на свѣтѣ... Но воспитатель Г. М., которому больной нашъ былъ порученъ, объявилъ намъ съ необычной радостію, что съ больнымъ нашимъ сыномъ произошелъ какой-то необыкновенный случай, или кризисъ (такъ онъ назвалъ) и что онъ въ настоящее время совершенно здоровъ. — „Здоровъ?“.—Ушамъ не вѣрилось.—„Да, повторилъ онъ, слава Богу, Дмитрій совершенно здоровъ“. Въ короткихъ словахъ онъ передалъ намъ, какъ чудесное выздоровленіе совершилось. Послѣ мучительныхъ проведенныхъ сутокъ (2 іюля) умирающій мальчикъ, изнуренный и разбитый, заснулъ вдругъ крѣпкимъ сномъ—въ 11 часовъ ночи (со 2 на 3 іюля) и сонъ его былъ тихъ и покоенъ. Такимъ образомъ онъ проспалъ до четырехъ съ половиною часовъ утра (3 іюля). Когда онъ проснулся, то былъ совершенно здоровъ, бодръ и силенъ. Течь изъ уха прекратилась, и слухъ вернулся; осталась только блѣдность. Теперь онъ встаетъ, прибавилъ въ заключеніе воспитатель, и одѣвается, хочетъ васъ встрѣтить на ногахъ. Онъ такъ радъ, что вы вернулись. Трудно передать то, что мы почувствовали при этомъ извѣстіи. Слезы радости и глубокой благодарности къ Господу текли изъ глазъ нашихъ. Въ душѣ мы горячо славили и благодарили Бога и любвеобильнаго молитвенника о. Амвросія. Все прошедшее вспомнилось намъ: всѣ ужасныя страданія нашего сына въ продолженіи пяти недѣль, его страшное изнеможеніе, его невозможность не только одѣваться и вставать съ постели, но и поднимать даже голову съ подушки; потеря слуха, безсонныя ночи, стоны и болѣзненные крики и наконецъ наше мучительное безпокойство о его жизни, и, въ крайнемъ случаѣ, о потерѣ для него образованіи и возможности чѣмъ бы то ни было заниматься; и тутъ же пришли намъ на память утѣшительныя слова отца и благодѣтеля нашего. Невыразимая благодарность, горячая признательность наполняли наши сердца. То не были простыя чувства, но они были смѣшаны съ неразъяснимымъ духовнымъ восторгомъ; мы спѣшили домой. Мы не ѣхали, а летѣли. Когда мы вошли въ залу нашего дома, дверь Митиной комнаты отворилась, и на порогѣ ея явился еще страшно блѣдный, но здоровый и веселый сынъ нашъ. Голова его была еще укутана бѣлыми платками. Въ эту минуту онъ напоминалъ собою воскресшаго Лазаря. Онъ радостно бросился насъ обнимать, и обоюднымъ распросамъ не было конца. Я передала ему привезенный мною крестъ, присланный ему о. Амвросіемъ, и Митя приложился къ нему, и надѣлъ на себя съ благоговѣніемъ. Съ этого дня силы его болѣе и болѣе укрѣплялись, аппетитъ вернулся; течь изъ уха болѣе не возвращалась, и слухъ сталъ одинаково хорошъ на оба уха. Чрезъ недѣлю онъ уже могъ приняться за умственныя занятія, и ѣздилъ верхомъ; сталъ готовиться къ экзамену, который послѣ болѣзни былъ отложенъ до Августа. Въ

началѣ Августа сынъ нашъ выдержалъ отлично экзаменъ (въ IV классъ военной гимназіи). А 25-го того же мѣсяца мы отправились съ нимъ въ Оптинскую обитель, и были съ нимъ у Старца, дорогого о. Амвросія, который сына моего обласкалъ, и нѣсколько разъ принималъ въ свою келью. Въ этомъ же году мы пригласили докторовъ на консиліумъ, и г. Бѣляевъ, послѣ долгаго осмотра нашего, сына, не могъ опредѣлить, въ какомъ именно ухѣ было прободеніе барабанной перепонки; и только послѣ того, какъ мы указали ему правое ухо, онъ замѣтилъ небольшой рубецъ, и долженъ былъ признать это дѣло сверхестественнымъ. — Вотъ совершенно истинная, хотя можетъ быть неумѣлая, передача чудеснаго событія, совершившагося въ нашей семьѣ, по молитвамъ любвеобильнаго, дорогаго Старца Оптиной пустыни, родного Батюшки, отца Амвросія, память о которомъ никогда не изгладится изъ нашихъ признательныхъ сердецъ. Варвара Мусинъ-Пушкина [1]).

Слѣдуетъ еще нѣсколько разсказовъ разныхъ лицъ, получившихъ по молитвамъ Старца Амвросія, исцѣленіе отъ болѣзней неисцѣльныхъ, или крайне опасныхъ.

Московская учительница Г-жа М. П-а, рожденная К—ня Д ая, имѣла къ Старцу великую вѣру. Ея единственный сынъ былъ при смерти отъ брюшного тифа. Оторвавшись отъ него, она полетѣла въ Оптину и умоляла Батюшку помолиться о сынѣ. „Помолимтесь вмѣстѣ“, сказалъ ей Старецъ, и оба стали рядомъ на колѣна. Чрезъ нѣсколько дней мать вернулась къ сыну, который встрѣтилъ ее на ногахъ. — Въ тотъ самый часъ, какъ Старецъ молился за него, наступила перемѣна, и выздоровленіе пошло быстро. Опять эта госпожа, уже съ выздоровѣвшимъ сыномъ, лѣтомъ 1881 года была въ Оптиной, и прожила тамъ болѣе, чѣмъ думала. Ея мужъ, находившійся въ южныхъ губерніяхъ, безпокоился о нихъ, и наконецъ назначилъ телеграммой день, когда за ними вышлетъ лошадей на станцію. М. П-а пошла проститься съ Батюшкой. О. Амвросій, никогда и никого безъ особенной причины не задерживавшій, объявилъ, что не благословляетъ ей ѣхать. Она стала доказывать, что не можетъ больше жить въ Оптиной; а онъ сказалъ: „я не благословляю ѣхать сегодня. Завтра праздникъ; отстоите позднюю обѣдню—и тогда увидимъ“. Она вернулась на гостинницу, гдѣ ожидавшій ее сынъ былъ очень недоволенъ Батюшкинымъ рѣшеніемъ, тѣмъ болѣе, что не было никакихъ причинъ оставаться; но мать послушалась Старца. На слѣдующій день Батюшка сказалъ: „теперь съ Богомъ, поѣзжайте“. За Курскомъ они узнали, что съ поѣздомъ, который шелъ наканунѣ и съ которымъ они хотѣли было ѣхать, случилась Кукуевская катастрофа.

Мѣщанка г. Ливенъ, Вѣра Леонтьева Васильева увѣдомляла письменно покойнаго Оптинскаго О. Архимандрита Исаакія, что у ней года три или болѣе болѣлъ лѣвый бокъ. Лѣчили и доктора, но

---

[1]) Изъ Душеполезнаго Чтенія за августъ 1893 года.

помощи не было, Бывши въ іюнѣ 1887 года въ Оптиной, больная спросила Батюшку о. Амвросія, чѣмъ бы ей полѣчиться. Старецъ велѣлъ подать ей бумагу и карандашъ, и тутъ же записалъ траву, которую она должна была взять изъ аптеки и пить. Исполнивши совѣтъ Старца, больная выздоровѣла. Въ томъ же письмѣ Васильева прибавила, что она еще въ одно время была въ такомъ положеніи, что должна бы была на вѣки погибнуть, но, по молитвамъ Старца, была сохранена. Еще: мужъ ея страдалъ внутреннею болѣзнію — въ желудкѣ и кишкахъ. И вотъ увидѣла она во снѣ, будто пришла къ Старцу и усердно просила его сказать, чѣмъ бы полѣчить мужа. Батюшка до трехъ разъ сказалъ ей, чтобы пить укропъ. По совѣту, полученному во снѣ отъ Старца, мужъ ея сталъ пить укропъ, и почувствовалъ облегченіе.

Государственная крестьянка С. Манаенокъ, Лебедянскаго уѣзда, Тамб. губ., Анисья Ф. Монаенкова имѣла такую сильную боль въ поясницѣ и нижней части живота, что не могла ни ходить, ни лежать. Медицинскія средства не помогали. По освидѣтельствованіи больной акушерками, признано было, что у нея внутри язва. Почему и совѣтовали ей ѣхать въ Москву для операціи, если только она желаетъ остаться въ живыхъ. Но она предварительно пріѣхала къ Старцу Амвросію, чтобы получить отъ него благословеніе на эту поѣздку, и скоро была имъ принята. — „Дурка! — сказалъ Старецъ, зачѣмъ въ Москву? Я травки дамъ". Вскорости выслалъ онъ ей съ однимъ монахомъ травы. Стала она пить ее, и болѣзнь прекратилась.

Въ бытность, лѣтомъ 1898 года, Оптинскаго іеромонаха о. Венедикта въ Калужской Тихоновой пустыни, дворянка Данковскаго уѣзда, Рязанской губ., дѣвица Марья Тимофеевна Турчанинова передала ему записку въ которой ею объяснено, что съ самаго дѣтства страдала она кровотеченіемъ изъ носа, но въ 1890 году исцѣлена была Старцемъ о. Амвросіемъ.

Однажды лѣтомъ, разсказывалъ Оптинскій монахъ о. Памво, пришлось мнѣ быть въ Калугѣ. На возвратномъ пути въ Оптину пустынь догналъ меня священникъ съ женою и мальчикъ лѣтъ 11-ти.

Разговорившись про Батюшку о. Амвросія, священникъ о. Іоаннъ сказалъ, что приходъ его не далеко отъ станціи Подборокъ, въ селѣ Алоповѣ, и что мальчикъ этотъ его сынъ рожденъ по св. молитвамъ Старца о. Амвросія. Жена священника подтвердила слова мужа. „Истинная правда, сказала она мнѣ. У насъ дѣтокъ не было. Мы скучали, и часто пріѣзжали къ Батюшкѣ, который насъ утѣшалъ, говоря, что онъ молится за насъ Господу Богу. У насъ и родился вотъ этотъ самый мальчикъ. Кромѣ его у насъ дѣтей нѣтъ".—Священникъ разсказалъ при этомъ слѣдующее: „Въ одно время заболѣлъ у нашего сына глазъ. Поѣхали мы съ женой и съ нимъ въ Козельскъ къ доктору, но предварительно заѣхали въ Оптину, и пришли къ о. Амвросію. Старецъ, благословивъ мальчика, началъ слегка ударять по больному глазу. У меня волосъ дыбомъ всталъ изъ

опасенія, что Старецъ повредитъ мальчику глазъ. Мать заплакала. И что же оказалось? Приходимъ мы отъ Старца въ гостинницу, и мальчикъ заявляетъ намъ, что глазу его лучше, и боль въ немъ утишилась, а за тѣмъ и совсѣмъ прошла. Поблагодаривъ Батюшку, мы возвратились домой, славя и благодаря Бога".

Разсказывалъ о себѣ скитскій монахъ о. Несторъ слѣдующее: „1873 года 1 декабря я, съ нѣкоторыми изъ братіи, былъ постриженъ въ мантію, отъ которой принялъ меня подъ свое духовное руководство приснопамятный Старецъ, блаженной памяти, Батюшка о. Амвросій. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года я имѣлъ намѣреніе побывать на своей родинѣ. Для благополучнаго начала этого дѣла пошелъ я помолиться на священной могилкѣ нашихъ приснопамятныхъ Старцевъ, молитвы коихъ я, по совѣту Старца—моего отца духовнаго, всегда призывалъ себѣ на помощь во всѣхъ моихъ нуждахъ и скорбяхъ, и особенно въ болѣзняхъ. Затѣмъ пошелъ къ настоятелю Батюшкѣ о. Игумену Исаакію, объяснилъ ему мою покорную просьбу, которую онъ благосклонно выслушалъ и говоритъ: „Что же у Старца былъ"? Отвѣчаю: нѣтъ, Батюшка, еще не былъ.—„Ну, такъ иди къ нему,—что онъ скажетъ. А я, братъ, рѣшаю рѣшенное. Если онъ благословитъ и найдетъ, что эта поѣздка не послужитъ тебѣ во вредъ, то я удерживать не стану; но только долго не заживайся тамъ; а чѣмъ скорѣй въ свою келійку, тѣмъ лучше; иноку въ міру долго жить—знаешь—не полезно; тамъ хорошо, только не для нашего брата". Пошелъ я къ Старцу очень воодушевленный, но въ этотъ день не могъ его видѣть, такъ какъ у него было много народу, и мірянъ и монахинь; и онъ, занимаясь съ ними съ самаго утра, очень изнемогъ. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что если уже о. Игуменъ соизволяетъ, то Батюшка и тѣмъ болѣе не будетъ противорѣчить,—навѣрное благословитъ мое путешествіе, и потому нѣкоторымъ изъ братій сказалъ, что я собираюсь ѣхать на родину, и что это почти рѣшено. На самомъ же дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе. Я и раньше не одинъ разъ слегка заговаривалъ объ этомъ со Старцемъ, но каждый разъ онъ какъ-то мало обращалъ вниманія на мои слова, какъ бы это было что-то несбыточное, или совсѣмъ не нужное. И такъ, я больше недѣли къ нему ходилъ, но все какъ-то неудачно,—все не приходилось поговорить съ нимъ одному безъ другихъ. Наконецъ я пошелъ къ нему съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы добиться толку, и чѣмъ нибудь рѣшить окончательно; а то уже мнѣ наскучили спрашивающіе братія о моей поѣздкѣ, и почему я не ѣду. Съ этою мыслію вошелъ къ Батюшкѣ въ келью, помолился на св. иконы, а потомъ поклонился ему, чтобы принять благословеніе. Благословляя меня, онъ сказалъ: „Богъ благословитъ доброе творить". Еще ничего не успѣлъ я ему сказать, а только хотѣлъ начать говорить; а онъ уже отвѣчаетъ на мои мысли:—„Ты пришелъ рѣшать насчетъ своей поѣздки". Говорю: „Точно такъ, Батюшка.—„Вотъ что, братъ, не возвѣщается мнѣ тебя отпустить; какъ ты хочешь, смотри самъ, чтобы послѣ не рас-

каяваться, когда будетъ уже поздно". Я крайне былъ озадаченъ этою неожиданностію. Говорю ему: „Что же, милостивый Батюшка, вѣроятно со мной дорогой что-нибудь можетъ случиться неблагопріятное"? Батюшка говоритъ: „я, братъ, дара пророчества не имѣю; не знаю, что можетъ случиться съ тобой, а вотъ—что мнѣ возвѣстилось объ тебѣ, то и говорю; да, правду сказать, что-то мнѣ жалко тебя отпускать". Эти слова Батюшка такъ милостиво отечески мнѣ сказалъ, что я даже не могъ удержаться отъ слезъ; такъ почему-то заныло мое сердце, и мнѣ очень стало жалко разставаться со Старцемъ. Говорю: „Батюшка, я уже рѣшаюсь остаться,—не поѣду".— „И благо тебѣ, сказалъ Старецъ, родина не уйдетъ; можно и на будущій годъ тамъ побывать, если будемъ живы и здоровы". Говорю ему: „Простите, Батюшка, за мою откровенность: предъ братіями мнѣ будетъ неловко; совѣстно, что столько времени собирался, ходилъ къ о. Игумену проситься, и потомъ остаюсь". На что Батюшка положительно сказалъ: „Что за бѣда? Стыдъ не дымъ, въ глаза не лѣзетъ. Монаху, братъ, стыдно исполнять свою волю, такъ что лучше быть ученикомъ ученика, нежели жить по своей волѣ. Объ этомъ и въ отеческихъ писаніяхъ сказано. Стыдно не только передъ другими, но передъ Богомъ и своею совѣстью,—она судья не подкупный, безкорыстный. А послушаться совѣта своего отца духовнаго не стыдно, но душеспасительно и необходимо; и кто не слушаетъ добраго совѣта, тотъ бываетъ наказанъ. Спрашивать у тебя никто не будетъ,—никому нѣтъ надобности; а если кто и спроситъ, скажи,— вѣрно нѣтъ воли Божіей на мое путешествіе. Добрые люди обѣщали мнѣ выслать денегъ на дорогу, но почему-то не выслали, поэтому я и не поѣду; коротко и ясно". —Послѣ этихъ мудрыхъ и любвеобильныхъ словъ Старца, присущихъ его ангельскому сердцу, такъ мнѣ стало отрадно на душѣ. Я готовъ былъ благодарить Старца, что онъ меня не отпустилъ, точно онъ меня оградилъ отъ какой-то бѣды. Я самъ себѣ не могъ дать отчета, куда дѣвалось мое непреодолимое желаніе—послѣдній разъ побывать на родинѣ, о которой я такъ давно мечталъ; точно это было сновидѣніе, а не дѣйствительность. Батюшка далъ мнѣ свѣжій тонкокожій апельсинъ и сказалъ: „Вотъ тебѣ для утоленія жажды"! Чѣмъ утѣшилъ меня до глубины души. Но думалъ ли я, что со мною будетъ не болѣе, какъ черезъ недѣлю, такая сильная и нестерпимая жажда, которой не было возможности утолить? Итакъ, пошелъ я отъ Старца какъ бы въ какой великій праздникъ, когда онъ, не щадя своихъ слабыхъ силъ, утѣшалъ всѣхъ насъ, какъ сердобольная мать, любящая чадъ своихъ. Весь этотъ день я очень отрадно провелъ. Вещи, приготовленныя для поѣздки, я всѣ убралъ, во избѣжаніе напоминанія объ оной; но на слѣдующій день напала какая-то безотчетная тоска и уныніе, точно я ждалъ себѣ какой бѣды; и такъ продолжалось цѣлую недѣлю. Послѣ чего я совершенно неожиданно и, казалось мнѣ, почти безъ всякой причины заболѣлъ смертельно тифозной горячкой. Гдѣ бы я могъ про-

студиться, рѣшительно не знаю. Погода тогда была теплая и самая благопріятная.—первыя числа мая. Болѣзнь во мнѣ быстро развивалась и не поддавалась лѣченію. Быстрый упадокъ силъ. Жаръ во всемъ тѣлѣ и особенно въ мозгу былъ нестерпимый. Разлилась по всему тѣлу желчь; даже глаза, какъ мнѣ послѣ передавали, были залиты желчью; ногти почернѣли, какъ у покойника. Къ довершенію этихъ моихъ страданій, спустя дней десять, у меня появились на затылкѣ два черныхъ пятнышка, которыя потомъ соединились въ одно цѣлое, и образовался корбункулъ. Это еще новое мое страданіе не поддается описанію; особенно когда врачи дѣлали мнѣ операцію. Говорятъ, что я стоналъ, какъ трудно умирающій. Я былъ между жизнію и смертію. Врачи: монастырскій о. Нифонтъ и Козельскій—Кустовъ заявили, что надежды на выздоровленіе никакой нѣтъ. Меня особоровали, и каждый день пріобщали Св. Таинъ, даже въ полночь, когда я былъ уже совсѣмъ плохъ. Затѣмъ, по благословенію настоятеля и Старца, постригли меня въ схиму, какъ обыкновенно постригаютъ близкихъ къ смерти монаховъ. Мнѣ тогда было только 28 лѣтъ. Отцы и братія приходили со мною прощаться. Память мнѣ не измѣнила,—я всѣхъ узнавалъ, но былъ такъ слабъ, что не могъ глаза открыть, и говорить мнѣ было весьма трудно, а также и слышать разговоръ другихъ. Наконецъ пришелъ проститься и благословить меня въ загробный міръ нашъ о. Игуменъ. Здѣсь былъ нашъ докторъ о. Нифонтъ. Хотя слабо, но все таки слышу. О. Игуменъ говоритъ доктору: „вотъ, отче, наша жизнь! Давно ли онъ приходилъ ко мнѣ совершенно здоровымъ, просясь на родину? Хорошо, что Старецъ такъ благоразумно,—вѣрно уже по внушенію Божію,—сдѣлалъ, что, какъ я слышалъ, отсовѣтовалъ ему ѣхать; а я думалъ его отпустить. Вотъ и отпустилъ бы на тотъ свѣтъ! А послѣ было бы на совѣсти". Докторъ говоритъ: „Батюшка, онъ простудился не теперь,—у него давняя простуда. Онъ еще великимъ постомъ, и не однажды, приходилъ ко мнѣ просить лѣкарства, жалуясь на головную боль; говорилъ, что у него бываетъ то жаръ, то ознобъ; испарина бываетъ по ночамъ, послѣ чего слабость во всемъ тѣлѣ. Это простудное лихорадочное состояніе, отъ котораго я его только подлѣчивалъ, но основательнаго лѣченія не было. Потому болѣзнь у него таилась и, такъ сказать, созрѣвала до поры до времени; и вотъ пришло время—она вступила въ свои права, несмотря на то, что теперь май мѣсяцъ. Онъ непремѣнно дорогой бы заболѣлъ и умеръ, но только вѣроятно скорѣе. Здѣсь мы его все-таки лѣчимъ. Да наконецъ трудно больныхъ много укрѣпляетъ пріобщеніе Св. Таинъ. А въ дорогѣ, конечно, этого ничего бы не было. Теперь его каждый день пріобщаютъ, послѣ чего онъ бываетъ повеселѣе. Мы съ Козельскимъ докторомъ даже не рѣшались дѣлать операцію, несмотря на то, что она была необходима; думали—не вынесетъ, тутъ же и кончится; но Старецъ мнѣ сказалъ съ увѣренностью: вынесетъ; даже можно надѣяться, что больной поправится.— По общему же нашему мнѣнію, съ докторомъ Ку-

стовымъ, это казалось невозможнымъ". О. Игуменъ подошелъ ко мнѣ и, благословивъ меня, сказалъ: „Прости о. Несторъ! Ты, насколько возможно, приготовленъ, а тамъ да будетъ воля Божія! Намъ всѣмъ необходимо когда-нибудь умирать; это путь неизбѣжный, только, приведи Господи, съ чистымъ покаяніемъ умереть". Въ продолженіи моей болѣзни, я мысленно призывалъ себѣ на помощь молитвы Старца, отца моего духовнаго, Батюшки Амвросія, а въ часы невыносимыхъ моихъ страданій даже и посылалъ къ нему просить его св. молитвъ, чтобы мнѣ или умереть, или хотя малое имѣть облегченіе; такъ какъ не было возможности терпѣть. Но каждый разъ, какъ придутъ бывало отъ Старца и скажутъ: „Батюшка о тебѣ молится, и посылаетъ тебѣ благословеніе", мнѣ станетъ нѣсколько легче и какъ будто отраднѣе. Помню, одинъ разъ—это было рано утромъ, и навѣрно Старецъ въ это время отдыхалъ послѣ утренняго правила, мнѣ такъ были трудно, что я рѣшился его побезпокоить, т. е. попросить его св. молитвъ. Посланный скоро возвратился и принесъ мнѣ отъ Батюшки запечатанный пузырекъ Св. воды изъ Почаева, которую онъ велѣлъ вылить въ бутылку, добавить чистой воды, чтобы была она полная и давать мнѣ по немногу пить и примачивать ею голову. Ходившіе за мною добрые люди—братія, (и особенно одинъ изъ нихъ,—спаси ихъ Господи и помилуй!) исполняли усердно надлежащее, и, за молитвы Старца, съ этого времени мнѣ стало лучше: жаръ хотя медленно, но все-таки началъ постепенно ослабѣвать, и я мало-по-малу началъ оживать къ удивленію многихъ, а особенно врачей моихъ, которые окончательно приговорили меня къ смерти; такъ что въ послѣднее время уже ничѣмъ меня не лѣчили, а оставили на волю Божію. Городской же докторъ болѣе не навѣщалъ меня. Поправлялся я очень медленно. Болѣе двухъ мѣсяцевъ пробылъ въ больницѣ, изъ которой хотя и вышелъ, но еще слабымъ и глухимъ. Докторъ нашъ о. Ниѳонтъ съ недоумѣніемъ послѣ того спрашивалъ Старца,—какимъ чудомъ я остался живымъ; тогда какъ по ихъ общему мнѣнію, насколько имъ открыла наука, это казалось почти невозможнымъ.—На это богомудрый Старецъ сказалъ ему слѣдующее: „невозможное отъ человѣкъ возможно есть отъ Бога, который живитъ и мертвитъ, убожитъ и богатитъ. Надъ такими трудно и безнадежно больными исполняется слово Богоотца пророка Давида, который говоритъ: наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя. Можетъ быть и за его безпрекословное послушаніе онъ остался живымъ; а если бы не послушался, то очень можетъ быть и умеръ бы безпомощнымъ. Смерть его ожидала гдѣ-нибудь въ дорогѣ. Видно еще и не ѹ пріиде часъ воли Божіей этому быть. Послушаніе, брате, дѣло великое".

Разсказывала монахиня Шамординской общины Агриппина. „Весною 1882 года на Пасху заболѣло у меня горло,—образовалась въ немъ рана, и я не могла ни ѣсть, ни пить. Докторъ объявилъ, что у меня горловая чахотка, и я должна ожидать смерти. Отправилась

я къ Батюшкѣ. Онъ и говоритъ мнѣ: „изъ колодезя, что за скитомъ, бери въ ротъ воды, и ежедневно полощи горло до трехъ разъ". Черезъ три дня онъ самъ позвалъ меня къ себѣ. Доставъ изъ подъ подушки три яйца и, скушавъ желтки, вложилъ бѣлки одинъ въ другой. Потомъ благословилъ о. Іосифу, бывшему келейнику, принести воды изъ колодезя. Благословивъ воду, онъ велѣлъ ею растереться мнѣ въ кельѣ, а яичные бѣлки съѣсть. По приходѣ въ келью, меня растерли водой, и дали мнѣ яичные бѣлки, которые я проглотила безъ боли. Послѣ этого я спала цѣлыя сутки и, проснувшись, почувствовала, что болѣзнь моя прошла, и я совершенно выздоровѣла. Не медля, я отправилась къ Старцу. Монахини меня не узнали, подумавъ, что это не я, а родная моя сестра. Батюшка же встрѣтилъ меня и благословилъ, сказавъ при этомъ, что исцѣлилъ меня св. Тихонъ Калужскій. Съ тѣхъ поръ я не страдала горломъ. Когда я объявила доктору о своемъ исцѣленіи, онъ сказалъ, что это совершилось надо мною чудо, и что болѣзнь моя естественными средствами не могла быть излѣчена".

Иногда Старецъ Амвросій, во избѣжаніе людской славы, по примѣру своего предшественника Старца Льва, придерживался нѣсколько какъ бы полуюродства. Если кому что предсказывалъ, то не рѣдко, какъ выше было упомянуто, въ шутливомъ тонѣ, такъ что слушатели смѣялись; если хотѣлъ подать помощь кому либо въ болѣзни, ударялъ, какъ по больному глазу мальчика, рукою, или иногда палкой по больному мѣсту, и болѣзнь проходила. Пришелъ напримѣръ, къ Старцу одинъ монахъ съ ужасною зубною болью. Проходя мимо его, Старецъ ударилъ его изо всей силы кулакомъ въ зубы, и еще весело спросилъ: „ловко?"—„Ловко, Батюшка, отвѣчалъ монахъ при общемъ смѣхѣ, да ужъ больно очень". Но, выходя отъ Старца, онъ ощутилъ, что боль его прошла, да и послѣ уже не возвращалась [1]).

Былъ еще подобный примѣръ съ вышеупомянутымъ монахомъ Памвою: „Однажды, такъ разсказывалъ онъ, у меня сильно разболѣлись зубы. Прихожу я къ Батюшкѣ о. Амвросію на его келейное бдѣніе, какъ это и прежде не рѣдко случалось, помогать читать и пѣть. Жалуюсь ему на свою зубную боль, которая была очень сильна. Батюшка ударилъ меня слегка по щекѣ. Братія, бывшіе въ келіи Старца, переглянулись и усмѣхнулись, думая вѣроятно, что Старецъ ударяетъ меня за какую нибудь ошибку въ пѣніи или чтеніи. Въ ту же минуту я почувствовалъ, что зубная боль моя утихла. Подхожу къ братіямъ и говорю: „Вамъ смѣшно, а для меня удивительно. Боль зубная у меня прошла".—Такихъ примѣровъ было множество, такъ что крестьянки, страдавшія головными болями, узнавши о подобныхъ дѣйствіяхъ Старца, сами нерѣдко подклоняли ему свои головы и говорили: „Батюшка „Абросимъ", побей меня,—у меня голова болитъ".

Были еще болѣе удивительные случаи. Не выѣзжая никуда по

---

[1]) Изъ вышеупомянутой статьи Поселянина.

болѣзненности изъ обители, Старецъ Амвросій въ тоже время являлся за сотни верстъ людямъ, которые никогда его не видали и даже не слыхали о немъ; или предостерегалъ отъ какой либо опасности, или давалъ больнымъ наставленіе, какъ избавиться отъ болѣзни, или тутъ же исцѣлялъ.—Такъ разсказывала вышеупомянутая монахиня Бѣлевскаго монастыря, Варвара Николаевна Тереховская. Въ 1883 г. пріѣхала къ покойному Батюшкѣ о. Амвросію жена одного сельскаго священника и спрашиваетъ сестеръ монахинь, сидѣвшихъ въ хибаркѣ въ ожиданіи его благословенія: „гдѣ тутъ найти мнѣ благодѣтеля моего, монаха Амвросія, который спасъ мужа моего отъ смерти? Я пріѣхала цѣловать его ножки".—Что такое случилось у васъ? какимъ образомъ спасъ? когда? какъ? раздались вопросы со всѣхъ сторонъ, —пожалуйста раскажите. Батюшка о. Амвросій прилегъ отдохнуть, не приметъ васъ сейчасъ, а вы пока своимъ разсказомъ займите насъ всѣхъ, съ вами находящихся. — „Едва и теперь могу я опомниться отъ ужаса злодѣйскаго покушенія,—такъ начала сельская матушка свое повѣствованіе. Мужъ мой, священникъ села N, готовился служить Божественную Литургію, и наканунѣ спалъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, а я у себя въ спальнѣ крѣпко заснула. Но вдругъ чувствую, что кто-то меня будитъ. Слышу голосъ: „вставай скорѣе, а то мужа убьютъ". Я открыла глаза; вижу стоитъ монахъ."—Тфу,— какая бредня!—Бѣсъ искушаетъ",—проговорила я; перекрестилась и отвернулась. Но не успѣла я заснуть, какъ во второй разъ толкаетъ меня кто-то, не даетъ мнѣ спать и повторяетъ тѣже слова: „вставай, а то убьютъ мужа". Смотрю,—тотъ же монахъ. Я опять отвернулась, перекрестилась, и хочу опять заснуть. Но монахъ опять дергаетъ меня за одѣяло и говоритъ: „скорѣй, какъ можно скорѣй бѣги,—вотъ сейчасъ убьютъ". Я вскочила съ постели, побѣжала въ залъ, который отдѣлялъ кабинетъ мужа отъ моей спальни, и что же вижу? Кухарка моя идетъ съ огромнымъ ножемъ въ кабинетъ моего мужа, и уже она въ дверяхъ его. Побѣжала я, вырвала сзади съ плеча ея огромный ножъ и спрашиваю: „что это такое значитъ?"—„Да я хотѣла, отвѣчаетъ, мужа твоего убить за то, что онъ немилосердный попъ,— людей не жалѣетъ твой батька. Я ему покаялась въ грѣхѣ своемъ, а онъ наложилъ на меня много поклоновъ на каждый день; я просила его помиловать меня, убавить поклоны, такъ нѣтъ,—не хочетъ. Онъ меня не милуетъ, и я его не помилую". Тогда я, подъ видомъ отнести ножъ, распорядилась послать за урядникомъ, и вскорѣ виновную отвезли въ полицію. А мужъ мой священникъ, ничего не зная о случившемся, отслужилъ обѣдню, и мы затѣмъ поѣхали съ нимъ къ моей замужней сестрѣ, бывшей также за священникомъ сосѣдняго села. Тамъ я разсказала ей, кто спасъ моего мужа. Сестра повела меня въ свою спальню, и я вдругъ увидѣла на стѣнѣ фотографію того монаха, который являлся мнѣ. Спрашиваю: „откуда это у тебя?"—„Изъ Оптиной".—„Какая Оптина? Что это такое? Скажи скорѣй, гдѣ живетъ этотъ монахъ, ангелъ Божій, посланный съ неба

спасать отъ убійства". Схватила карточку его, цѣловала, прикладывала къ головѣ себѣ и мужу и рѣшилась непремѣнно лично благодарить его и расцѣловать его ручки и ножки. И вотъ теперъ я, слава Богу, здѣсь у спасителя моего мужа!"

Еще разсказъ той же монахини Тереховской. „Въ 1881 году Генеральша Соколова, пріѣхавши на станцію г. Мценска, и не заставши поѣзда, слышитъ всхлипы и рыданія, а затѣмъ и видитъ Орловскую даму богато одѣтую, заливающуюся слезами.—„Не могу ли я облегчить ваше горе?"—спросила Соколова,—„Я никого не знаю въ этомъ г. Мценскѣ, а дѣло у меня очень важное. Дочь моя, говорила плачущая дама, лежитъ три года больная. Доктора не въ состояніи помочь ей. Явился ей монахъ, не во снѣ, а въ явѣ, и сказалъ: „Ты обманула угодника Божія Николая Чудотворца; обѣщалась съѣздить къ нему помолиться, и не исполнила, вотъ и лежишь теперь. Сними мѣрку съ твоего роста; попроси, кто бы за тебя поставилъ ему свѣчу, заказанную въ твой ростъ; когда сгоритъ эта свѣча, тогда и ты выздоровѣешь.—Вотъ я, мать ея, для того и пріѣхала сюда, въ г. Мценскъ". Генеральша Соколова отвезла эту даму въ Никольскій соборъ въ своемъ экипажѣ, заказала въ ростъ ея дочери огромную толстую свѣчу, которую потомъ вставили въ желѣзо, и прибили къ полу.—Свѣча сгорѣла, и больная барышня, по пророченію монаха, выздоровѣла. По времени генеральша Соколова, при свиданіи съ упомянутою дамою и выздоровѣвшею дочерью, показала имъ фотографію Батюшки О. Амвросія, и выздоровѣвшая дѣвица и мать ея заявили, что никто иной избавилъ страдавшую отъ болѣзни, какъ этотъ монахъ, на карточкѣ изображенный, который назвалъ себя Амвросіемъ.

Передавалъ вышеупомянутый скитскій іеромонахъ о. Венедиктъ: Г-жа А. Д. Карбоньеръ была тяжко больна, и лежала на одрѣ нѣсколько дней, не вставая. Въ одно время она увидѣла, что Старецъ Амвросій входитъ въ ея комнату, подходитъ къ постелѣ, беретъ ее за руку и говоритъ: „вставай, полно тебѣ болѣть!" И потомъ въ виду ея скрылся. Она въ тоже время почувствовала себя настолько крѣпкою, что встала отъ болѣзненнаго одра своего, и на другой день отправилась пѣшкомъ изъ г. Козельска въ Шамардино, (гдѣ проживалъ тогда Батюшка) поблагодарить его за исцѣленіе. Батюшка ее принялъ, но разглашать объ этомъ до кончины своей не благословилъ.

Упомянутый выше монахъ Гавріилъ передалъ разсказъ Шамординской монахини Анастасіи Карповой, скончавшейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ: у одного богатаго помѣщика служилъ за жалованіе бѣдный дворянинъ, имѣвшій большую семью. Когда же помѣщикъ продалъ свое имѣніе, новый владѣлецъ отказалъ дворянину въ занимаемой имъ должности, и положеніе его сдѣлалось очень затруднительнымъ,—не чѣмъ было жить и содержать себя и семью. Возложивши все упованіе на Бога, бѣднякъ рѣшился идти за совѣтомъ въ Оп-

тину, къ Батюшкѣ о. Амвросію. Вскорѣ затѣмъ видитъ онъ въ окно какого-то странника въ монашеской шапкѣ и съ палочкой. Любилъ онъ принимать странниковъ, и по этому тотъ часъ пригласилъ его къ себѣ. Угостилъ чѣмъ Богъ послалъ, разсказалъ свое горе, упомянулъ и о томъ, что собирается къ Старцу Амвросію. Странникъ сказалъ, что О. Амвросій переѣхалъ изъ Оптиной въ Шамордино и посовѣтывалъ ему не откладывать своихъ сборовъ; сказалъ еще при этомъ, что если онъ будетъ медлить, то не застанетъ О. Амвросія. Посидѣвши, странникъ пошелъ въ путь. Но такъ какъ смеркалось, то хозяйка посовѣтовала мужу догнать его и пригласить переночевать у нихъ. Но странника ни на дворѣ, ни на улицѣ не оказалось, и нигдѣ найти его не могли, — что ихъ очень тогда удивило. Вскорѣ дворянинъ пришелъ въ Шамордино, и къ великому своему удивленію, увидѣвши Старца Амвросія, призналъ въ немъ того самаго странника, который не за долго предъ тѣмъ посѣтилъ ихъ домъ. Дворянинъ упалъ ему въ ноги, и намѣревался было разсказать ему о томъ, какъ онъ видѣлъ его въ своемъ домѣ, въ видѣ странника; но Старецъ сказалъ: „Молчи! молчи!“ Затѣмъ, указавъ на какую то барыню, стоявшую тутъ же въ его пріемной кельѣ, сказалъ: „вотъ у ней будешь служить и успокоишься“. Барыня эта была богатая помѣщица и дала ему хорошее мѣсто въ своемъ имѣніи.

Монахиня Каширскаго женскаго монастыря, Тульской губерніи Иларіона Пономарева [1]) передавала о себѣ письменно слѣдующее: „Будучи сильно больна, дня за два до Николина дня (6 декабря 1888 г.), я скорбѣла и плакала о томъ, что въ настоящій праздникъ по болѣзни буду сидѣть въ кельѣ, не имѣя возможности пойдти въ храмъ Божій. И такъ сильно вся я разболѣлась, что въ девять часовъ вечера легла въ постель и заснула. Но вотъ вижу во снѣ: подходитъ ко мнѣ Батюшка О. Амвросій и говоритъ: „что ты прежде времени скорбишь?“ Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ такъ сильно ударилъ меня въ правое ухо, что у меня кровь потекла изъ него.—„Ступай, прибавилъ онъ, въ церковь, дура, на праздники!“ Проснувшись, я увидѣла, что подушка, на которой я лежала, и халатъ, въ которомъ была одѣта, были залиты кровью. Но въ тотъ же часъ я почувствовала себя совершенно здоровою, и слѣдовъ болѣзни моей не оставалось.

По молитвамъ Старца Амвросія прилагались людямъ лѣта жизни и, какъ уже выше былъ приведенъ одинъ примѣръ, разрѣшалось неплодство матерей. Разсказывалъ іеромонахъ Оптинской пустыни Леонтій—ризничій слѣдующее: „Ливенскій купецъ Сергѣй Мартиновичъ Абрашинъ, проживающій въ селѣ Плоховѣ, Калужской губерніи, Жизринскаго уѣзда, женатъ былъ вторымъ бракомъ. Отъ второй жены у него было десять человѣкъ дѣтей, но всѣ они умирали въ младенческомъ возрастѣ. Нѣкоторые только доживали до году, а остальные умирали, проживши нѣсколько мѣсяцевъ. Со скорбію своею жена Аб-

[1]) Племянница бывшаго скитоначальника Оптинской Пустыни Іеромонаха Иларіона.

рашина (моя родная сестра) Марья ѣздила къ Батюшкѣ о. Амвросію. Однажды какъ-то Старецъ призвалъ меня къ себѣ и говоритъ: „вотъ сестра твоя все скорбитъ, что у нея дѣти умираютъ. На, вотъ, тебѣ икону, пошли ей". Это было 5 февраля, года въ точности не упомню. На иконѣ было изображеніе Божіей Матери „Взысканіе погибшихъ". (Празднуется 5 февраля). Поблагодаривши Батюшку, я взялъ подаренную имъ икону, и послалъ сестрѣ, описавши, по какому случаю посылается ей эта икона. У сестры вскорѣ затѣмъ родилась дочь, которую она назвала Пелагіею. Лѣтомъ того же года сестра моя пріѣзжала къ Старцу благодарить его и привезла новорожденную. Послѣ сего она ежегодно пріѣзжала въ Оптину для принятія благословенія у Старца. Когда исполнилось Пелагіи 16 лѣтъ, по благословенію Старца, она была отдана за мужъ за Бѣлевскаго купца В. Н. Рыбакова. Оба они живы до сихъ поръ, и живутъ счастливо; имѣютъ двоихъ дѣтей. Нужно замѣтить при этомъ, что у Пелагеи, въ теченіи первыхъ четырехъ лѣтъ, по выходѣ замужъ, не было дѣтей. Скорбѣла она объ этомъ, и пріѣзжала по этому случаю къ Старцу, который всегда обнадеживалъ ее, что дѣти у нея будутъ. Дѣйствительно, чрезъ четыре года, родился у нея сынъ, котораго она, въ честь Старца, назвала Амвросіемъ, а затѣмъ родилась дочь, названная Маріей. Дѣти живы и въ настоящее время.

Проникнутый любовію къ страждущему человѣчеству, ущедренный отъ Господа многоразличными дарованіями благодати Божіей, Старецъ Амвросій своими св. молитвами избавлялъ нѣкоторыхъ и отъ разныхъ худыхъ и пагубныхъ привычекъ.

Расказывалъ монахъ Оптиной пустыни Порфирій: „Однажды пріѣхалъ къ Старцу крестьянинъ Тульской губерніи, который страдалъ отъ пьянства, и такъ какъ не могъ отстать отъ этой пагубной привычки, то хотѣлъ нѣсколько разъ наложить на себя руки. Пришелъ онъ къ Батюшкѣ, а говорить ничего не можетъ. Но Старецъ самъ въ обличеніе сказалъ ему, что онъ страдаетъ отъ винопитія за то, что еще будучи мальчикомъ, кралъ деньги у дѣдушки, который былъ церковнымъ старостою, и на эти деньги покупалъ вино. Далъ ему травки, чтобы пилъ дома. Крестьянина этого я знаю; онъ отъ запойства избавился и до сихъ поръ живъ и здоровъ".

Петербургскій житель Алексѣй Степановичъ Маіоровъ, чрезмѣрно пристрастясь къ куренію табаку, чувствовалъ отъ этого вредъ для своего здоровья. Когда совѣты Петербургскихъ его друзей противъ этой страсти оказались безуспѣшными, тогда онъ письменно обратился къ Старцу Амвросію, прося заочно у него совѣта, какъ бы отстать отъ этой страсти. Въ отвѣтъ на эту просьбу Старецъ прислалъ Маіорову письмо отъ 12 октября 1888 года, въ которомъ было написано слѣдующее: „Пишете, что не можете оставить табакъ курить. Невозможное отъ человѣкъ — возможно при помощи Божіей; только стоитъ твердо рѣшиться оставить, сознавая отъ него вредъ для души и тѣла; такъ какъ табакъ разслабляетъ душу, умножаетъ

и усиливаетъ страсти, омрачаетъ разумъ и разрушаетъ тѣлесное здоровье медленной смертію. — Раздржительность и тоска—это слѣдствіе болѣзненности души отъ табако-куренія. — Совѣтую вамъ употребить противъ этой страсти духовное врачество: подробно исповѣдайтесь во всѣхъ грѣхахъ съ семи лѣтъ и за всю жизнь, и причаститесь св. Таинъ, и читайте ежедневно, стоя, Евангеліе по главѣ, или болѣе; а когда нападетъ тоска, тогда читайте опять, пока не пройдетъ тоска; опять нападетъ—и опять читайте Евангеліе.—Или вмѣсто этого кладите наединѣ по 33 большихъ поклоновъ, въ память земной жизни Спасителя и въ честь Святыя Троицы".—Получивъ съ почты письмо, Алексѣй Степановичъ прочиталъ его и закурилъ папироску, какъ объяснялъ о семъ въ особой своеручной запискѣ; но вдругъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ, а вмѣстѣ и отвращеніе къ табачному дыму, и ночью не курилъ. На другой день принимался, по привычкѣ, но уже машинально, закурить папироску четыре раза, а дымъ глотать не могъ отъ сильной боли въ головѣ. И отсталъ отъ куренія легко, между тѣмъ какъ въ предшествовавшіе два года, какъ ни принуждалъ себя отвыкнуть отъ куренія, не могъ; и хотя сдѣлался боленъ, но все-таки курилъ по 75 разъ въ день. „Вотъ тогда-то, когда сталъ чувствовать свою болѣзнь и познался свое безсиліе къ искорененію этой страсти, обратился я, пишетъ Маіоровъ, заочно, по совѣту добрыхъ людей, къ Старцу о. Амвросію, съ искреннимъ раскаяніемъ и просьбой его молитвъ обо мнѣ.—Затѣмъ, когда я пріѣхалъ къ нему, чтобы лично его благодарить, онъ коснулся палочкою больной головы моей, и я съ тѣхъ поръ боли въ головѣ не чувствую никакой".

Въ Борисовской женской пустыни, Курской губер., въ числѣ сестеръ обители находилась одна молодая послушница, которая такъ пристрастилась къ одному мірскому семейству, что часто, несмотря на запрещеніе М. Игумени, посѣщала его, при томъ даже противъ своего желанія. По совѣту нѣкоторыхъ сестеръ, она письменно обратилась къ Батюшкѣ о. Амвросію, открывъ свою немощь, и просила его св. молитвъ. Батюшка явился ей во снѣ: будто какой-то благолѣпный Старецъ привелъ ее къ иконѣ Божіей Матери и сказалъ: „помолимся Царицѣ Небесной"! Съ этими словами Старца послушница проснулась, и разсказала сестрамъ видѣніе. Ей объяснили, что это являлся ей Старецъ Амвросій, котораго она до того времени никогда не видала. Вскорѣ за тѣмъ она получила отвѣтъ отъ Батюшки на свое письмо, который весьма ее успокоилъ. Когда ей послѣ сего опять приходило желаніе пойдти для свиданія съ упомянутымъ семействомъ, она всегда прочитывала старческое письмо, и желаніе ея проходило. Впослѣдствіи она совершенно освободилась отъ этой привычки, и начала жить по монашески, прекративъ близкое знакомство съ мірянами. (Разсказъ этотъ переданъ Борисовскою схимницею Леонидою Литовкиною).

Теперь предложимъ вниманію читателей два случая, какъ Ста-

рецъ Амвросій избавлялъ людей отъ вражескихъ искушеній. — Разсказывалъ вышеупомянутый іеромонахъ Дорофей. „По поступленіи моемъ въ 1874 году въ Оптину пустынь, мнѣ поручено было поварское послушаніе. Прошло полгода, и вотъ въ кельѣ моей начались по ночамъ вражескія страхованія. Представлялось мнѣ, будто ко мнѣ приходитъ какой то старикъ, который невнятно произноситъ молитву; посуда въ кельѣ гремѣла безъ всякой причины; кровать моя тряслась, и на меня наваливался врагъ. А когда бывало при этомъ отъ страха я закричу или вздохну, то слышу явственно голосъ и слова: „ужъ хуже этого нѣтъ,—охъ!“ Пошелъ я сначала къ о. Анатолію, и разсказалъ ему о вражескихъ страхованіяхъ; но тотъ послалъ меня къ Батюшкѣ о. Амвросію. Старецъ, выслушавъ меня, сказалъ, что бояться я не долженъ; а для отгнанія вражескаго страха долженъ произносить молитву Іисусову. Послѣ сего всѣ страхованія прекратились, и я всегда спокойно оставался въ кельѣ.

Монахиня Ржищевскаго монастыря, Кіевской губер., Паисія писала о себѣ Оптинскому Старцу о. Іосифу, въ апрѣлѣ 1898 года слѣдующее: У меня были хульные помыслы на св. Церковь и св. Иконы. Я писала Батюшкѣ, что мысленно грѣшу, а чѣмъ именно— не объясняла. Когда же къ Старцу пріѣхала, онъ тотъ часъ позвалъ меня, и будто хотѣлъ со мною заняться. Я стала предъ нимъ по обычаю на колѣни. А онъ размахнулъ сначала свою лѣвую руку и ударилъ меня въ лѣвую щеку слегка; потомъ правою ударилъ въ правую щеку покрѣпче; наконецъ, какъ что-то поговоривъ самъ съ собою, такъ больно ударилъ меня въ лѣвую щеку, что въ глазахъ у меня потемнѣло, и я упала. Откуда только Старецъ силы взялъ. Затѣмъ онъ ушелъ; а я, едва опомнившись, поднялась и ушла изъ хибарки. Думаю себѣ: „Ничего! Вотъ такъ Старецъ! За что прибилъ? Ну, да только онъ и видѣлъ меня. Больше я къ нему не пойду“. Пришла въ номеръ, раздѣлась и легла. Со мною сдѣлался жаръ и лихорадка. Приходитъ товарка, которая со мной пріѣхала.—„Что, говоритъ, съ вами? Отъ чего вы ушли?“—„Заболѣла“, отвѣчаю ей. Она на другой день идетъ къ батюшкѣ, а я лежу больна. На третій день она зоветъ и меня съ собой къ Старцу. Я опять не хотѣла идти. Но у меня появилась какая-то жалость къ Батюшкѣ, и я скоро встала и пошла. При свиданіи съ нимъ, онъ мнѣ ни слова,—почему я не приходила къ нему въ прошедшіе дни, и отъ чего я больна; и я ему ни слова. Домой же возвратилась я съ великою радостію и спокойствіемъ, да и думаю: куда же это мои хульные помыслы дѣвались? — Тогда только я поняла, что Старецъ меня билъ, — этимъ врага отъ меня отгонялъ. — Я радуюсь духомъ, что нашъ Батюшка во святыхъ. Когда я отправляла къ вамъ это письмо, я вспомянула его отеческую любовь, и такое сильное охватило меня чувство, что я заболѣла, и три недѣли была больна горячкой. Меня пріобщили. Л. и М. отчаялись было уже въ моей жизни. Въ это время я видѣла во снѣ Батюшку, будто занимается съ народомъ въ церкви, и

такъ скоро сказалъ мнѣ: „я былъ живъ, и есмь живъ, я не забылъ тебя, и скоро позову“. Теперь, слава Богу, поздоровѣла, только слаба“.

Въ заключеніе вышеприведенныхъ примѣровъ прозорливости и исцѣленія разныхъ смертельныхъ недуговъ Старцемъ Амвросіемъ, находимъ нужнымъ сказать, что это только малѣйшая часть; потому что въ продолженіи болѣе чѣмъ тридцатилѣтняго его старчествованія подобные примѣры, какъ выше замѣтила А. А. Шишкова, повторялись едва ли не каждый день. Отъ того и имя Оптинскаго Старца Амвросія сдѣлалось извѣстнымъ не только по всей Россіи, но и за предѣлами ея.

XVI.

Сила слова Старца Амвросія, его обращеніе съ посѣтителями и наружный видъ.

Бѣ бо уча ихъ яко власть имѣя [1]).

Выше изложенное о Старцѣ Амвросіи ясно показываетъ, что онъ за свою добродѣтельную жизнь надѣленъ былъ отъ Господа высокими духовными дарованіями. Самое слово его, растворенное солію благодати Божіей, имѣло особую силу и было могуче — дѣйственно. Не говоримъ уже о томъ, что всѣ съ вѣрою обращавшіеся къ Старцу, смиренно преклоняли предъ нимъ свои выи, съ готовностію исполнять всякое его слово: много было и изъ нерасположенныхъ, по невѣденію, къ нему людей, при первомъ съ нимъ знакомствѣ, перемѣнявшихъ свой свирѣпый нравъ въ агнчую кротость [2]).

До знакомства съ Старцемъ Амвросіемъ, нѣкоторые относились къ нему подозрительно. Инымъ даже казалось страннымъ, когда имъ совѣтовали поѣхать въ Оптину.—„Что у насъ съ нимъ можетъ быть общаго? Навѣрное какой-нибудь лицемѣръ, который ищетъ славы. Знакомая удочка; да только попадутъ на нее одни простецы“. Такъ нѣкоторые разсуждали, и не хотѣли ѣхать въ Оптину; а для успокоенія своей совѣсти старались не вѣрить тому, что разсказывали о Старцѣ. Кто же изъ таковыхъ по любопытству заѣзжалъ въ Оптину, начиналъ большею частію съ осужденія. Въ Оптиной принято между монахами ради смиренія становиться предъ Старцемъ на колѣна. По доброй волѣ поступали такъ и нѣкоторые міряне. Самъ же Старецъ незнакомыхъ, изъ высшаго круга, мірскихъ посѣтителей всегда приглашалъ садиться противъ него на стулъ; иногда даже упрашивалъ не стоять предъ нимъ на колѣнахъ. А сколько насчетъ этого бывало не хорошихъ рѣчей!—„Съ какой стати мнѣ предъ всякимъ монахомъ

---

[1]) Матѳ. VII, 29.

[2]) Слѣдующіе за симъ примѣры, кромѣ одного, взяты изъ статьи Поселянина „Отецъ Амвросій“.

на колѣни становиться! Вотъ гдѣ ихъ смиреніе". Точно кому-то было досадно, что люди идутъ къ Старцу, и кто-то старался сѣять смуту. И когда приходила минута перваго свиданія, нѣкоторые смотрѣли на него съ недовольнымъ сердцемъ, и съ желаніемъ разоблачить стараго монаха. Но иногда это недовѣріе разомъ разсѣявалось, и уступало мѣсто самому теплому чувству.

У Старца въ лѣтній день множество народу. Одна молодая женщина, которую уговорили посѣтить Батюшку, находится въ раздраженномъ состояніи, что ее заставляютъ ждать. Вдругъ дверь широко отворяется. Старецъ съ яснымъ лицомъ появляется на порогѣ, и громко говоритъ: „кто здѣсь нетерпѣливые, пойдите ко мнѣ". Приближается къ молодой женшинѣ, и ведетъ ее къ себѣ. Послѣ бесѣды съ нимъ она становится частой гостьей Оптиной и посѣтительницей Батюшки о. Амвросія.

Одна сестра изъ большой помѣщичьей семьи, часто бывавшая у Старца, долго умоляла свою любимую сестру съ очень живымъ и нетерпѣливымъ характеромъ поѣхать вмѣстѣ съ ней въ Оптину. Та наконецъ соглашается, чтобы доставить удовольствіе сестрѣ, но всю дорогу громко ворчитъ; а пришедши къ Старцу, и сидя въ пріемной, чѣмъ то возмущается: „я не стану на колѣни, къ чему это униженіе"? Она быстро ходитъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Отворяется дверь, такъ что ее совсѣмъ закрываетъ въ ея углу. Всѣ опускаются на колѣни. Старецъ подходитъ прямо къ двери, откидываетъ ее и весело спрашиваетъ: „Что это за великанъ тутъ стоитъ"? И затѣмъ шопотомъ говоритъ молодой дѣвушкѣ: „Это—Вѣра пришла смотрѣть лицемѣра". Знакомство сдѣлано. Вѣра выходитъ замужъ, вдовѣетъ и возвращается подъ крылышко Батюшки въ Шамордино. Онъ часто напоминалъ ей, какъ Вѣра пришла къ лицемѣру, и еще другую ея мысль въ первые дни ихъ знакомства, именно: бывши тогда молодою дѣвушкой, она зашла въ монастырскую лавку купить портретъ Старца. Ей сказали, что можно купить за 20 копѣекъ.—„Боже мой, подумала она, какъ мало! Я бы и много рублей дала. Какой Батюшка дешевый"!—Въ тотъ же день, на общемъ благословеніи, Старецъ, проходя мимо нея, ласково взглянулъ, погладилъ по головѣ, и тихонько промолвилъ: „такъ батюшка дешевый, дешевый"!

Одна молодая дѣвушка съ хорошимъ образованіемъ случайно попала къ Старцу Амвросію, была имъ поражена, и умолила его принять ее въ Шамордино. Ея мать пріѣхала, по ея словамъ, вырвать изъ „этого ужаснаго монашескаго міра" свою дочь. Съ негодованіемъ и упреками вошла она къ Батюшкѣ. Старецъ предложилъ ей стулъ. Прошло нѣсколько минутъ разговора, и раздраженная мать невольно, не понимая сама,—что съ нею дѣлается, встаетъ со стула и опускается около Старца на колѣни. Бесѣда длится. Въ скоромъ времени съ дочерью монахинею соединяется и мать монахиня.

Вотъ Старецъ ходитъ по скиту, опираясь на свою палку; много мужчинъ подходятъ къ нему. Нѣсколько сзади идетъ келейникъ.

Одинъ іеромонахъ подводитъ къ Батюшкѣ двухъ молодыхъ людей. Они очень хорошо одѣты, и имѣютъ очень воспитанный видъ. Но старшій совершенно равнодушенъ относительно вѣры въ Бога; а другой довольно вѣрующій. Одному до о. Амвросія дѣла нѣтъ; а другой почему-то очень осуждалъ его, когда о немъ разсказывали; а теперь очень недоволенъ, что нѣсколько дней подъ рядъ Старецъ не могъ ихъ принять. Онъ усиленно слѣдитъ за Старцемъ и старается отгадать, что это за человѣкъ. Іеромонахъ проситъ благословить ихъ. Батюшка, скоро, не глядя, благословляетъ и идетъ дальше. Нѣсколько крестьянъ изъ дальней губерніи поджидаютъ его.—„Мы къ тебѣ съ поклономъ, говорятъ они. Прослышали, что у тебя ножки болятъ; вотъ тебѣ мягкіе сапожки сдѣлали,—носи ихъ на здоровье“. Старецъ беретъ ихъ сапоги, и говоритъ съ каждымъ. А второй изъ молодыхъ людей все это видитъ. И вдругъ ему представилась трудовая жизнь Старца, и всѣ чужія бремена, которыя онъ подъемлетъ, и вѣра, съ которою на него смотрятъ всѣ эти люди, и любовь крестьянъ, принесшихъ ему сапожки; и сомнѣнія, лежавшія камнемъ у него на сердцѣ, исчезли. Онъ опять близъ Батюшки, и робко говоритъ: „Батюшка! благословите меня“. Старецъ обертывается, весело смотритъ на него, и начинаетъ съ нимъ говорить о его ученіи и жизни. Онъ всю дорогу думаетъ о Батюшкѣ; и на слѣдующее лѣто опять пріѣзжаетъ къ нему, уже по влеченію сердца.

Подходитъ къ о. Амвросію измученный человѣкъ, потерявшій всѣ устои и не отыскавшій цѣли жизни. Онъ искалъ ее въ обширномъ трудѣ, въ бесѣдѣ Толстого,—и отовсюду бѣжалъ. Онъ говоритъ Батюшкѣ, что пришелъ его посмотрѣть. — „Что-жъ, смотрите“!— отвѣчаетъ Старецъ. Встаетъ затѣмъ съ своей кроватки, выпрямляется во весь ростъ, и вглядывается въ человѣка своимъ яснымъ взоромъ. Отъ этого взора какое-то тепло, нѣчто похожее на примиреніе, льется въ наболѣвшую душу. Невѣрующій поселяется близъ Батюшки, и всякій день ведетъ съ нимъ долгую бесѣду. Онъ хочетъ вѣры, но еще не можетъ вѣровать. Проходитъ много времени. Въ одно утро онъ говоритъ Батюшкѣ: „я увѣровалъ“.

Приходитъ къ Старцу какой-то господинъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія (такъ передавалъ Оптинскій іеромонахъ Паисій) и проситъ доложить объ немъ. Когда же Старецъ вышелъ къ нему въ корридоръ, посѣтитель чуть не бросился на него, и началъ съ великою яростью и злобою его поносить. Батюшка поспѣшилъ пригласить его въ пріемную. Пришедшій господинъ кричитъ на Старца, и приводитъ какіе-то тексты изъ Евангелія и посланій Апостольскихъ. Въ отвѣтъ ему на разные доводы Батюшка говоритъ: „что, если я налью вамъ въ одну чашку: щей, каши, супу и т. п. и спрошу, что вы кушали? какой вы дадите на это отвѣтъ?“ Господинъ видимо былъ озадаченъ такими словами Старца, и говоритъ ему: „вижу, что у тебя въ устахъ благодать, а у меня бѣсъ“. Старецъ отвѣчаетъ ему: „въ тебѣ бѣса нѣтъ; а только вижу я, что вокругъ тебя много

бѣсовъ, и они тебѣ шепчутъ". Потомъ господинъ опять что-то началъ громко говорить. Старецъ поспѣшилъ уйти отъ него, сказавъ чрезъ келейника, чтобы приходилъ къ нему завтра послѣ обѣдни. Господинъ однако не желалъ уходить, не смотря на упрашиванія его. Ушелъ же онъ только тогда, когда Старецъ выслалъ ему какую-то книжечку. Послѣ этого онъ къ Старцу уже не являлся. Слышно было, что онъ пріѣзжалъ съ Дона.

Съ людьми, болѣе образованными и тонкими, Старцу было больше хлопотъ. Одинъ очень добрый монахъ, въ міру имѣвшій высокую ученую степень, удивлялся тому, какъ, при всей своей любви къ Батюшкѣ, онъ нехорошо съ нимъ обращался, и не смотря на то Батюшка всегда былъ къ нему снисходителенъ, если не сказать болѣе. Монахъ зналъ, что къ Старцу ѣздятъ люди за тысячу верстъ, и по цѣлымъ днямъ ждутъ сказать ему нѣсколько словъ; а самъ приходилъ къ Батюшкѣ, не приготовившись, — о чемъ спросить, и объявлялъ: „хотѣлъ я вамъ, Батюшка, что-то сказать, да забылъ". Старецъ посовѣтовалъ ему записывать вопросы; но онъ продолжалъ ходить къ нему по прежнему, и разъ сказалъ, будто слагая вину на самого Старца: „вижу я, Батюшка, что все мы съ вами говоримъ не приготовившись". — „Ну, чтожъ, отвѣчалъ Батюшка, не можешь готовиться, — ходи такъ". А въ другой разъ монахъ сказалъ: „мнѣ кажется, что я хожу къ вамъ безъ пользы". Батюшка тихо отвѣчалъ: „а все-таки ходи".

Какъ неотразимо вліятельно было слово Старца Амвросія, послушаемъ еще о семъ разсказъ достопочтеннаго москвича В. В. Яшерова [1]).

„Мое знакомство съ о. Амвросіемъ, пишетъ онъ, произошло при довольно своеобразныхъ обстоятельствахъ. Въ 1882 году, во время своего отпуска изъ Южной Болгаріи, я, живя въ Москвѣ, встрѣтился и познакомился съ одной женщиной, родственницей очень близкаго мнѣ семейства. Эта женщина и была причиною моего знакомства и сближенія съ праведнымъ Старцемъ; ибо онъ былъ ея постояннымъ духовнымъ отцемъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Надо замѣтить, что это была замѣчательно религіозная особа; въ посты напр. она ежедневно посѣщала всѣ церковныя службы, являясь въ церковь ранѣе всѣхъ и уходя послѣдней. Мнѣ, человѣку тогда съ другимъ совсѣмъ направленіемъ, все это казалось ни чѣмъ инымъ, какъ ханжествомъ и даже недугомъ душевнымъ. Но вскорѣ мнѣ пришлось перемѣнить свой образъ мыслей.

Между прочимъ моя знакомая, вдобавокъ ко всему сказанному, до такой степени увлекалась послушаніемъ еще мнѣ тогда неизвѣстному какому-то Оптинскому Старцу, что была готова исполнить всякое его малѣйшее требованіе или желаніе. Въ одинъ Октябрскій день эта особа показала мнѣ полученную ею чрезъ какую-то монахиню

[1]) Разсказъ этотъ взятъ изъ журнала „Русскій паломникъ" за 1896 годъ, №№ 34, 35 и 36.

записку отъ О. Амвросія, писанную карандашемъ, въ которой ей приказывалось немедленно бросить все и пріѣхать къ нему въ Оптину. Что особенно ее безпокоило,—это приписка—взять съ собою пенсіонную книжку: „Видно, Батюшка надолго вызываетъ меня", говорила она съ грустью. Напрасно я убѣждалъ ее не вѣрить никакимъ „Старцамъ", или „юродивымъ", и оставаться дома. На слѣдующее утро я получилъ отъ нея по городской почтѣ записку, что, не смѣя ослушаться Батюшки, она уѣзжаетъ въ Оптину; а чрезъ восемь дней ко мнѣ пришло отъ нея увѣдомленіе, что О. Амвросій приказываетъ ей остаться въ Оптиной на весь Рождественскій постъ; а пока отсылаетъ ее въ женскій монастырь въ Бѣлевѣ.

Это письмо меня сильно раздражило, чтобы не сказать болѣе. Считая поведеніе моей знакомой плодомъ окончательнаго душевнаго разстройства, и обвиняя въ этомъ исключительно Старца Амвросія, я взялъ два большихъ листа почтовой бумаги, и написалъ ему длиннѣйшее письмо, въ которомъ въ самыхъ вѣжливыхъ и почтительныхъ выраженіяхъ высказалъ много рѣзкостей, приправляя каждую текстами Св. Писанія, и протолковывая эти тексты на свой ладъ. Не прочитавъ написаннаго, я тотчасъ отправилъ письмо по почтѣ. И что же? Чрезъ пять дней моя знакомая возвратилась; разсказала мнѣ, что, къ ея изумленію, О. Амвросій не только остался доволенъ моимъ письмомъ, но приказалъ ей немедленно возвратиться въ Москву; прислалъ мнѣ просфору и просилъ передать мнѣ свое желаніе видѣть меня въ Оптиной. Я былъ тронутъ такимъ результатомъ моего посланія, и рѣшилъ исполнить желаніе Старца при первой возможности, чувствуя себя виноватымъ предъ нимъ за необузданность моего пера.

На четвертой недѣлѣ великаго поста 1883 года я выѣхалъ въ Оптину, чрезъ Тулу и Калугу; изъ послѣдняго города пришлось ѣхать верстъ 60 на почтовыхъ. Я выѣхалъ изъ Калуги въ понедѣльникъ утромъ, и въ Оптину пріѣхалъ уже позднимъ вечеромъ. Утомленный дорогой, я наскоро напился чаю, и легъ спать. Когда я сидѣлъ на другой день утромъ за чаемъ, ко мнѣ явился келейникъ О. Амвросія съ приглашеніемъ „пожаловать къ Батюшкѣ".—Я нисколько впрочемъ не удивился этому, предполагая, что ему доносятъ о каждомъ пріѣзжемъ.

Оптинская пустынь состоитъ изъ двухъ частей: собственно монастыря съ храмами, корпусами монашескихъ келлій, скотными и конными дворами, которые, кстати сказать, содержатся въ образцовомъ видѣ, какъ по постройкамъ, такъ и относительно животныхъ, гостинницами и разными хозяйственными зданіями,—и скита, гдѣ въ то время жили только строгіе подвижники. Въ ограду скита женщины не допускаются. Мы съ послушникомъ пошли мимо собора, чрезъ фруктовый садъ, пересѣкая всю площадь монастыря, и вышли наконецъ за ограду. Передъ нами во всѣ стороны густо раскинулся оголенный зимою лѣсъ, а прямо убѣгала тропинка, протоптанная среди

высокихъ сугробовъ снѣга,—массою почитателей преподобнаго Старца. Она-то и вела, чрезъ лѣсъ, къ скиту, отстоящему отъ монастыря на полверсты. Мы вышли на поляну,—и предъ нами открылась бѣлая ограда. Вправо отъ входныхъ воротъ видѣлся небольшой бѣлый, каменный флигелекъ, одною половиною выходившій наружу, а другою прятавшійся внутри ограды.

Предъ крылечкомъ наружной части домика, который женщины почему-то называютъ „хибаркой“, стояла толпа человѣкъ въ пятьдесятъ женщинъ, и высокородныхъ и простаго званія, въ ожиданіи увидѣть О. Амвросія. Большая часть изъ нихъ пришли или пріѣхали изъ-далека, и во всѣхъ ихъ царила твердая вѣра, что у него онѣ найдутъ и утѣшеніе въ горѣ, и добрый совѣтъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, и даже исцѣленіе въ болѣзняхъ. Но случалось, что, походивши безуспѣшно къ завѣтному крылечку нѣсколько дней подъ рядъ, иная богомолка, не принятая Старцемъ, въ сильномъ смущеніи должна была уѣзжать ни съ чѣмъ домой, такъ и не видавъ его.

Войдя въ ограду, мы повернули направо къ внутреннему крыльцу флигеля, который оказался обширнѣе, чѣмъ представлялось снаружи. Прямо съ крыльца дверь отворялась въ корридоръ, раздѣлявшій флигель пополамъ: направо первая комната небольшая, но чисто меблированная,—пріемная для мужчинъ, налѣво собственное помѣщеніе О. Амвросія; а далѣе комнаты для послушниковъ и для пріема женщинъ. Послушникъ, принявъ отъ меня пальто, пригласилъ войти въ пріемную направо, пока доложитъ Батюшкѣ. Чрезъ минуту онъ вышелъ и сказалъ, что Батюшка проситъ меня подождать немного, пока окончитъ бесѣду съ посѣтителемъ. Я принялся осматривать пріемную. Приглашеніе послушника пожаловать къ Батюшкѣ прервало мой осмотръ, и я отправился въ слѣдъ за нимъ по корридору, уставленному по обѣ стороны скамьями, на которыхъ ожидали съ десятокъ посѣтителей.

Повернувъ на лѣво, чрезъ маленькую переднюю, я прошелъ въ узенькую дверь и очутился въ каморкѣ аршина четыре въ длину и около трехъ въ ширину, съ довольно низкимъ потолкомъ. Прямо противъ двери было небольшое окно и подъ нимъ маленькій столикъ съ выдвижнымъ ящикомъ и шкапчикомъ; правой стороны я не помню, ибо лѣвая сторона каморки привлекла все мое вниманіе. На постели, аршинъ двухъ съ половиною длины и четверти три ширины, сдѣланной изъ досокъ, покрытыхъ тонкимъ, дюйма въ два, ковромъ или матрасомъ (не разглядѣлъ), полулежалъ на лѣвомъ боку въ черномъ поношенномъ подрясникѣ и такой же скуфейкѣ, облокотясь лѣвою рукою на ситцевую подушку, и перебирая правою зерна четокъ, маленькій старичекъ, съ небольшою клинообразною бородкой, съ проницательными добрыми глазами и чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ,—рѣшительный контрастъ старцу, рисовавшемуся въ моемъ воображеніи! Я остановился, ожидая приглашенія приблизиться. Старичекъ,

внимательно и не шевелясь, вглядывался въ меня съ минуту. Наконецъ онъ немного приподнялся, улыбнулся, и сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою подойти. Я подошелъ, и поневолѣ долженъ былъ опуститься на колѣно, чтобы принять его благословеніе. Благословивъ меня, О. Амвросій взялъ мою руку, еще пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, и мягкимъ и веселымъ голосомъ произнесъ: „такъ вотъ онъ какой, этотъ свирѣпый защитникъ своего счастья!“ — Я пробормоталъ что-то въ родѣ извиненія; но онъ остановилъ меня и, указавъ на лежащее на столѣ мое письмо, продолжалъ: „нечего извиняться! Я очень доволенъ этимъ письмомъ, чему доказательствомъ служитъ мое желаніе васъ видѣть. Какая это на васъ форма?“ — Я отвѣтилъ, что я командую Южно-Болгарской дружиной, и что это форма Восточно-румелійскихъ войскъ. — „Первое названіе хорошо, а второму и быть бы не слѣдовало!“ — серьезно произнесъ онъ. — „Мнѣ очень пріятно, Батюшка, слышать, что вы совершенно согласны въ вашемъ взглядѣ съ покойнымъ Скобелевымъ и со всѣми истинно-русскими! — отвѣтилъ я съ почтительнымъ поклономъ. — „Вы, вѣдь, были и въ Сербіи добровольцемъ, какъ мнѣ говорила С.? Кстати какъ ея здоровье? Я слышалъ, что она была больна послѣ поѣздки въ Петербургъ“. — Слава Богу, поправилась, сказалъ я. Старецъ опять улыбнулся и сказалъ: „я васъ не удерживаю болѣе; вы видѣли, сколько людей ожидаютъ слова утѣшенія. Ступайте, мы потомъ поговоримъ. Да, вы надолго пріѣхали сюда?“ — Я думаю еще съѣздить взглянуть на вашъ знаменитый городъ Козельскъ, и выѣхать изъ Оптиной въ четвергъ. — „Вотъ и прекрасно! Значитъ, вы можете и отговѣть здѣсь.“ — Отецъ Амвросій! сегодня вторникъ, когда же я успѣю отговѣть? Четвергъ послѣ завтра! — возразилъ я немного удивленнымъ тономъ. — „Для истиннаго покаянія нужны не годы и не дни, а одно мгновеніе“, замѣтилъ онъ серьезно, почти строго: „сегодня вы будете у вечерней службы, завтра у заутрени и преждеосвященной обѣдни, а послѣ вечерни придете ко мнѣ на исповѣдь; въ четвергъ [1]) пріобщитесь Св. Таинъ, и вечеромъ можете выѣхать въ Москву“.

Выйдя изъ ограды, я обратилъ вниманіе на какое-то особое движеніе въ группѣ женщинъ. Любопытствуя узнать въ чемъ дѣло, я приблизился къ нимъ. Какая-то довольно пожилая женщина, съ болѣзненнымъ лицемъ, сидя на пнѣ, разсказывала, что она шла съ больными ногами пѣшкомъ изъ Воронежа, надѣясь, что Старецъ Амвросій исцѣлитъ ее, что, пройдя пчельникъ, въ семи верстахъ отъ монастыря, она заблудилась, выбилась изъ силъ, попавъ на занесенныя снѣгомъ тропинки, и въ слезахъ упала на сваленное бревно; но что къ ней подошелъ какой-то старичекъ въ подрясникѣ и скуфейкѣ, спросилъ о причинѣ ея слезъ и указалъ ей клюкой направленіе пути. Она пошла въ указанную сторону и, повернувъ за кусты, тотчасъ

---

1) Вѣроятно въ этотъ день, по какому нибудь случаю, была преждеосвященная литургія, какъ это въ Оптиной пустыни и бываетъ, напр. по случаю поминовенія.

увидала монастырь. Всѣ рѣшили, что это—или монастырскій лѣсникъ, или кто либо изъ келейниковъ; какъ вдругъ на крылечко вышелъ уже знакомый мнѣ служка, и громко спросилъ: „гдѣ тутъ Авдотья изъ Воронежа?“ Всѣ молчали, переглядываясь. Служка повторилъ свой вопросъ громче, прибавивъ, что ее зоветъ Батюшка.—„Голубушки мои! Да вѣдь Авдотья изъ Воронежа, я сама и есть!“—воскликнула только что пришедшая разсказчица съ больными ногами, приподымаясь съ пня. Всѣ молча разступились, и странница, проковылявъ до крылечка, скрылась въ его дверяхъ. Мнѣ показалось страннымъ, какъ успѣлъ О. Амвросій узнать такъ быстро объ этой странницѣ, и откуда она пришла. Я рѣшился дождаться ея возвращенія.

Минутъ черезъ пятнадцать она вышла изъ домика, вся въ слезахъ, и на посыпавшіеся на нее вопросы, чуть не рыдая, отвѣчала, что старичекъ, указавшій ей дорогу въ лѣсу, былъ никто иной, какъ самъ Отецъ Амвросій, или кто либо ужъ очень похожій на него. Въ большомъ раздумьи вернулся я въ гостинницу.—Что же это такое? думалось мнѣ. Положимъ сходство; но во первыхъ въ монастырѣ нѣтъ никого похожаго на О. Амвросія; а во вторыхъ два такія странныя совпаденія: О. Амвросій, какъ всѣмъ извѣстно было, по болѣзненности въ зимнее время до теплыхъ лѣтнихъ дней не могъ выходить изъ келліи, а тутъ вдругъ въ холодное время явился въ лѣсу указателемъ дороги странницѣ; и за тѣмъ чрезъ какіе нибудь полчаса, почти въ минуту ея прихода къ его „хибаркѣ“ онъ уже знаетъ о ней подробно.

Я рѣшился исполнить обрядъ моего короткаго говѣнья по всѣмъ правиламъ религіи: выдержалъ постъ по-монастырски и всѣ церковныя службы также. Въ среду вечеромъ послѣ вечерни, я прямо изъ церкви отправился въ скитъ, Старецъ принялъ меня только чрезъ полчаса послѣ моего прихода. Войдя въ коморку, я засталъ его въ томъ же положеніи, какъ и въ первый разъ и, ставъ на колѣна, принялъ благословеніе. „Ну, теперь я могу поговорить съ тобою подолѣе, подвинься сюда поближе“, сказалъ мнѣ ласково Старецъ. Я предполагалъ, что мнѣ порядкомъ достанется на исповѣди, ибо не говѣлъ цѣлыхъ шесть лѣтъ, и приготовился вынести грозу. О. Амвросій началъ меня распрашивать о моемъ дѣтствѣ, воспитаніи, службѣ, болѣе замѣчательныхъ лицахъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться въ жизни, о моемъ несчастномъ бракѣ, о Сербіи, Болгаріи и Турціи, пересыпая завязавшійся разговоръ замѣчаніями и улыбками. Я, который и въ церкви-то не могъ стоять на колѣняхъ, вслѣдствіе боли въ ногахъ, не замѣтилъ, что нашъ разговоръ продолжался часъ и семь минутъ,—до того разговоръ Старца былъ милъ, увлекателенъ и разумно-наставителенъ! Съ каждой его фразой, мнѣ казалось, что я болѣе и болѣе сродняюсь съ нимъ и душею и сердцемъ.

—„Передай мнѣ епитрахиль и крестъ“, сказалъ мнѣ вдругъ

Отецъ Амвросій, помолчавъ минуты двѣ. Я подалъ то и другое. Надѣвъ на себя епитрахиль, онъ приказалъ мнѣ нагнуться и, накрывъ епитрахилемъ, началъ читать разрѣшительную молитву. Я живо выдернулъ изъ-подъ-нея голову и воскликнулъ: „Батюшка! А исповѣдь? Вѣдь я грѣшникъ великій!“ Старецъ взглянулъ на меня, если такъ можно выразиться, ласково—строгимъ взглядомъ, накрылъ опять епитрахилью и докончивъ молитву, далъ поцѣловать крестъ.—„Можешь идти теперь, сынъ мой! Завтра, послѣ литургіи, зайди ко мнѣ“. И ласково отпустилъ меня.

Никогда въ жизни не совершалъ я такой чудной прогулки, какъ въ этотъ разъ, отъ скита до монастыря. Точно какое-то громадное облегченіе чувствовалось во всемъ существѣ моемъ; а вокругъ меня лучи полнаго мѣсяца такъ и играли миріадами алмазныхъ искръ по снѣгу полянъ и фантастическимъ хлопьямъ, причудливо лѣпившимся кой-гдѣ по вѣтвямъ оголенныхъ деревьевъ.—Я и не замѣтилъ, какъ дошелъ до своего номера и какъ затѣмъ заснулъ.

На слѣдующій день, пріобщившись Св. Таинъ, послѣ литургіи, я отправился къ моему новому духовному отцу. Старецъ ласково встрѣтилъ меня, благословилъ просфорою и подарилъ получасовою бесѣдою, въ которой высказалъ мнѣ нѣсколько наставленій и указаній въ пути моей жизни, которыхъ я никогда не забуду, и которыя по нынѣ служатъ часто мнѣ и утѣшеніемъ и поддержкой въ трудныя минуты. Прощаясь, онъ опять благословилъ и поцѣловалъ меня, и далъ завернутую въ бумагу просфору для передачи его духовной дочери.

При выходѣ моемъ изъ скита, меня встрѣтилъ послушникъ отца Игумена пустыни, съ приглашеніемъ на стаканъ чаю. Маститый Старецъ встрѣтилъ меня привѣтливо, поздравилъ съ принятіемъ Св. Таинъ; также благословилъ просфорою, а при прощаніи подарилъ мнѣ книгу.

Вернувшись въ гостинницу, я засталъ приготовленный для меня прекрасный грибной обѣдъ. Распорядившись относительно лошадей, я потрапезовалъ въ обществѣ о. гостинника и, отслушавъ вечерню, помчался на почтовой тройкѣ, по направленію къ Калугѣ, унося съ собой самое лучшее воспоминаніе о привѣтливой Оптиной пустыни, а въ сердцѣ своемъ — любовь и уваженіе къ Старцу Отцу Амвросію, этому великому наставнику и цѣлителю душъ и сердецъ человѣческихъ“.

А вотъ и еще разсказъ, подобный предъидущему. — Родитель Шамординской монахини Екатерины Лебедевой, по ея собственнымъ словамъ, былъ человѣкъ невѣрующій. Случайно пріѣхавъ въ Оптину, онъ остановился на гостинницѣ, гдѣ въ то время гостинникомъ былъ монахъ Ѳеодосій (впослѣдствіи іеромонахъ). Только что пріѣхавшій гость почувствовалъ въ душѣ сильное смущеніе, и уже засуетился уѣзжать изъ обители.—„Лошадей, лошадей скорѣе!“—шумитъ онъ.—Успокоивъ нѣсколько гостя обѣщаніемъ, что за лошадями сейчасъ

пошлютъ, монахъ предложилъ ему, въ ожиданіи лошадей, пройтись по монастырю. — „Но я къ Старцу не пойду“, рѣшительно сказалъ гость.—„Да я и не прошу васъ“. отвѣтилъ монахъ.—Походили по монастырю. — „Ну теперь, приглашаетъ монахъ, посмотримъ скитъ, — тамошнюю пасѣку, садъ, цвѣты“... Пошли въ скитъ, и тамъ походили. Между прочимъ подошли къ корпусу, гдѣ жилъ Старецъ, Батюшка о. Амвросій, — „Не угодно ли теперь посмотрѣть келлію Старца?“ продолжаетъ монахъ. Вошли. Въ пріемной находилось нѣсколько человѣкъ, и въ томъ числѣ господинъ, съ которымъ пришедшій разговорился. Разговоръ этотъ задержалъ его въ пріемной, и въ это время вышелъ Батюшка. Тотъ часъ всѣ присутствовавшіе приблизились къ нему; но случайно вошедшій гость намѣренно отошелъ и сталъ вдали, не желая принимать благословеніе. Старецъ же благословивъ всѣхъ, прямо направился къ стоявшему вдали посѣтителю, пристально на него посмотрѣлъ, благословилъ и положилъ руку на его голову. Тогда онъ опустился на колѣни, и принялъ благословеніе. Батюшка сейчасъ же, взявъ его за руку, повелъ къ себѣ, и самъ началъ съ нимъ бесѣду. Гость пораженъ былъ прозорливостью Батюшки, который напоминалъ ему разные случаи въ его жизни, какъ будто всегда жилъ съ нимъ. Бесѣда была продолжительная и имѣла рѣшающее вліяніе на посѣтителя. Онъ самъ выразилъ желаніе поговѣть и исповѣдаться, тогда какъ до этого 16 лѣтъ не пріобщался. Въ Оптиной онъ прожилъ около 2 мѣсяцевъ и съ сожалѣніемъ разставался съ ней. Къ Батюшкѣ до конца жизни питалъ благоговѣніе, и чтилъ его какъ святаго.

Говоря о силѣ слова Старца Амвросія, не неумѣстно сказать здѣсь нѣсколько словъ и вообще о его обращеніи съ многочисленными и разнообразными посѣтителями, а кстати и о его внѣшнемъ видѣ. Наружное обращеніе его съ ними вполнѣ соотвѣтствовало его внутреннему благодатному любвеобильному настроенію души. Онъ всѣмъ желалъ добра и пользы душевной, но подавалъ каждому то и столько, что и сколько каждый могъ вмѣстить по своему душевному устроенію. Люди, которые не нуждались въ его духовныхъ совѣтахъ, а должны были видѣть его по какому-либо дѣлу, всѣ отзывались о немъ: „очень умный человѣкъ“! Старецъ могъ говорить о всякомъ вопросѣ, поддерживалъ бесѣду столько времени, сколько требовало приличіе, и разставался съ такими посѣтителями. Тутъ онъ былъ очень выдержанъ, въ высшей степени вѣжливъ—и только, стараясь при томъ не выказывать тѣхъ внутреннихъ сторонъ, до которыхъ этимъ людямъ не было никакого дѣла. За то съ преданными ему людьми Батюшка былъ совершенно другой. Онъ всегда оставался добрымъ и ласковымъ, но въ такія отношенія влагалъ самую искреннюю задушевность. Впрочемъ и здѣсь, смотря по людямъ, было у него большое различіе: съ людьми высокородными въ обращеніи онъ соблюдалъ крайнее приличіе, съ простыми же обращался по-просту, называя нерѣдко, какъ выше мы видѣли, кого дурой, кого дуракомъ.

Названіями же этими близкіе къ Старцу лица не только не обижались, но даже принимали ихъ какъ похвалу, временемъ разстрогиваясь до слезъ; ибо сердца таковыхъ ощущали, что они исходили изъ доброжелательнаго, любящаго, облагодатствованнаго сердца.

Стяжавъ отъ Господа даръ прозорливости, Старецъ не имѣлъ обыкновенія прямо и рѣзко обличать кого-либо предъ людьми; но такъ искусно обличалъ, что обличеніе его не смотря на присутствіе множества народа, понятно было только одному тому, къ кому оно относилось. И не грозою, а любовію умѣлъ Батюшка вести людей къ исправленію, вселяя въ души ихъ вѣру, что не все потеряно, и можно, при Божіей помощи, одолѣть врага. До конца Старецъ сохранилъ свою природную живость, которая была выраженіемъ разносторонности, доброты и заботливости его характера. — Когда люди, знавшіе Батюшку, входили къ нему съ своими скорбями и невзгодами, душамъ ихъ становилось вдругъ легко и свободно. Все какъ то прояснялось, и было невыразимо утѣшительно.—Ничто не могло сравниться съ тѣмъ счастьемъ, какое испытывали духовныя дѣти Старца Амвросія, при свиданіи съ нимъ послѣ долгой разлуки. Это однѣ изъ тѣхъ минутъ, которыхъ описать нельзя, а нужно пережить.

По виду Батюшка о. Амвросій былъ благообразный Старецъ, немного выше средняго роста, и нѣсколько отъ старости сутуловатъ. Будучи съ молоду очень красивымъ, какъ передавали о семъ знавшіе его въ то время лично, онъ и въ старости не потерялъ пріятности въ своемъ лицѣ, не смотря на его блѣдность и худобу. На головѣ спереди имѣлъ небольшую лысину, которая впрочемъ нисколько его не безобразила, и даже какъ будто шла къ его лицу, а назади нѣсколько прядей короткихъ темнорусыхъ съ просѣдью волосъ; на лбу двѣ три морщины, которыя при случаѣ совершенно сглаживались; глаза свѣтлокаріе, живые, проницательные, видящіе душу насквозь; губы обыкновенныя; борода довольно длинная, рѣдкая, сѣдая, въ концѣ раздвоенная.

Батюшку нельзя себѣ представить безъ участливой улыбки, отъ которой вдругъ становилось какъ то весело и тепло,—безъ заботливаго взора, который говорилъ, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ для васъ придумаетъ и скажетъ что-нибудь очень полезное, — и безъ того оживленія во всемъ,—въ движеніяхъ, въ горящихъ глазахъ,—съ которымъ онъ васъ выслушиваетъ, и по которому вы хорошо понимаете, что въ эту минуту онъ весь вами живетъ, и что вы ему ближе, чѣмъ сами себѣ.

Отъ живости Батюшки выраженіе его лица постоянно мѣнялось. То онъ съ лаской глядѣлъ на васъ, то смѣялся съ вами одушевленнымъ молодымъ смѣхомъ, то радостно сочувствовалъ, если вы были довольны, то тихо склонялъ голову, если вы разсказывали что-нибудь печальное, то на минуту погружался въ размышленіе, когда вы хотѣли, чтобъ онъ сказалъ вамъ, какъ поступить въ какомъ либо дѣлѣ, то рѣшительно принимался качать головой, когда отсовѣтывалъ ка-

кую нибудь вещь, то разумно и подробно, глядя на васъ, все ли вы понимаете, начиналъ объяснять, какъ надо устроить ваше дѣло.

Иногда въ лицѣ Батюшки являлось безпокойное выраженіе. Ему хотѣлось вамъ что-то сказать, но онъ не желалъ обнаружить, что знаетъ это, и старался, чтобъ вы сами спросили у него. —Напримѣръ Батюшка благословилъ вамъ начать какое нибудь дѣло, и ему хочется назвать полезнаго для этого дѣла человѣка, о которомъ вы ему не говорили, котораго онъ не видалъ, не слыхалъ, но о которомъ знаетъ по своей прозорливости. — „Ну, а какъ же, начинаетъ Батюшка, заботливо и немного безпокойно глядя на васъ, вѣдь тебѣ одному не управиться, тебѣ надо понятливаго человѣка". — „Ахъ, да, вспоминаете вы, я и забылъ спросить; у меня есть въ виду человѣкъ", и вы въ нѣсколькихъ словахъ опредѣляете этого человѣка. — „Ну вотъ—вотъ,—подхватываетъ радостно Батюшка, еще не дослушавъ; его—его! Ты говоришь,—онъ расторопный (а вы можетъ быть еще и не успѣли этого сказать)—такого сюда и надо". — Во время бесѣды на васъ зорко глядятъ выразительные глаза Батюшки. Вы чувствуете, что эти глаза видятъ все, что въ васъ есть дурного и хорошаго; и васъ радуетъ, что это такъ, и что въ васъ не можетъ быть для него тайны.

Иногда же это доброе, ласковое, пріятное лицо Старца Амвросія какъ-то особенно преображалось, озаряясь благодатнымъ свѣтомъ. И бывало такъ большею частію или во время или послѣ молитвы, преимущественно въ утренніе часы. — Однажды Старецъ съ вечера назначилъ прійдти къ себѣ двумъ супругамъ, имѣвшимъ до него важное дѣло, въ тотъ часъ утра, когда онъ не начиналъ еще пріема. Они вошли къ нему въ келлію. Старецъ сидѣлъ на постелѣ въ бѣломъ монашескомъ балахонѣ и въ шапочкѣ. Въ рукахъ у него были чотки. Лицо его преобразилось. Оно особенно какъ-то просвѣтлѣло, и все въ келліи его приняло видъ какой-то торжественности. Пришедшіе почувствовали трепетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ охватило невыразимое счастье. Они не могли промолвить слова, и долго стояли въ забытьи, созерцая ликъ Старца. Вокругъ было тихо, и Батюшка молчалъ. Они подошли подъ благословеніе. Онъ безмолвно осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. Они еще разъ окинули взоромъ эту картину, чтобъ навсегда сохранить ее въ сердцѣ. Старецъ все съ тѣмъ же преображеннымъ ликомъ былъ погруженъ въ созерцаніе. Такъ они и вышли отъ него, не сказавъ ему ни слова [1]).

Подобный примѣръ. Пришелъ по обычаю къ Старцу, въ концѣ утренняго правила, его письмоводитель, вышеупомянутый скитскій іеромонахъ о. Венедиктъ. Старецъ, отслушавъ правило сѣлъ на свою кровать. о. Венедиктъ подходитъ подъ благословеніе, и къ великому своему удивленію видитъ лицо Старца свѣтящимся. Но лишь только получилъ онъ благословеніе, какъ этотъ дивный свѣтъ скрылся.—

---

[1]) Изъ статьи „Отецъ Амвросій" Поселянина.

Спустя немного времени, о. Венедиктъ опять подошелъ къ Старцу, когда тотъ уже находился въ другой кельѣ и занимался съ народомъ, и по простотѣ своей спросилъ: „или вы, Батюшка, видѣли какое видѣніе?“ —Старецъ, не сказавъ ему ни слова, только слегка стукнулъ его по головѣ рукой. Знакъ особеннаго старческаго благоволенія!

Еще разсказъ вышеупомянутаго о. Игумена Марка. „Въ бытность Старца въ Шамординской обители, пишетъ онъ, въ одно время, именно на страстной недѣлѣ я, какъ готовившійся къ причащенію Божественныхъ Тайнъ, вхожу къ нему въ келью для исповѣди, и къ изумленію моему вижу на его лицѣ полную сосредоточенность, глубокое вниманіе къ чему-то имъ созерцаемому и трепетное благоговѣніе. Лицо его при томъ было покрыто радостнымъ румянцемъ. Увидѣвъ сіе, я подался назадъ изъ кельи, и только, спустя нѣкоторое время, опомнившись, вошелъ къ Старцу. Припоминая видѣнное, я и теперь прихожу въ великое удивленіе“.

А Шамординскія монахини сказываютъ, что имъ и нерѣдко приходилось видѣть лицо Старца прославленнымъ неземною славою.

Каждый теперь изъ сказаннаго, въ особенности изъ послѣднихъ главъ, ясно можетъ видѣть, что—какъ замѣчено было выше—какими духовными дарованіями ущедрилъ Господь наставниковъ въ жизни духовной и руководителей Старца Амвросія, —іеросхимонаховъ Льва и Макарія: тѣми же дарованіями украшенъ былъ и Старецъ Амвросій,—именно—даромъ прозорливости, даромъ исцѣленій и высокимъ духовнымъ разсужденіемъ.—Это троица великихъ Оптинскихъ Старцевъ, единонравная и нераздѣльная (и погребены всѣ вмѣстѣ), дерзновенно, какъ мы вѣруемъ, предстоящая престолу Господню, и молящаяся о чадахъ своихъ духовныхъ и о всемъ мірѣ.

Конецъ первой части.

Часть вторая

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Главы. *Стран.*

I. Старческое окормленіе іеросхимонахомъ Амвросіемъ нѣкоторыхъ лицъ. (Три разсказа) 1
II. Записанныя слова Отца Амвросія, Старца Оптиной пустыни. (Разсказъ четвертый Г-жи N. N. въ рукописи) 8
III. Изъ воспоминаній одной духовной дочери покойнаго, незабвеннаго Оптинскаго Старца, Отца Амвросія 17
IV. Старческое окормленіе. (Продолженіе предыдущаго разсказа) . 26
V. Старческое окормленіе. (Продолженіе предыдущаго разсказа. Чудесные случаи и изреченія Старца Амвросія) 40
VI. Старческое окормленіе. (Продолженіе предыдущаго разсказа) . . 51
VII. Кончина первой Шамординской начальницы Софьи Михайловны Астафьевой, и ея преемница. 66
VIII. Первый и второй пріѣздъ Старца Амвросія въ Шамординскую женскую Общину въ 1888 и 1889 годахъ, при новой начальницѣ монахинѣ Евфросиніи, и его тамъ пребываніе 77
IX. Перемѣщеніе Старца Амвросія изъ Оптинскаго Скита въ Шамординскую Общину. 93
X. Келейная жизнь Старца Амвросія въ Шамординской женской Общинѣ, и его попеченіе о ней. 103
XI. Скорбныя обстоятельства Старца Амвросія въ Шамординской Общинѣ, и его предсказанія о близкой своей кончинѣ 114
XII. Послѣдніе дни жизни Старца Амвросія 122
XIII. Кончина Старца Амвросія, чинъ погребенія и поминальная въ Шамординѣ трапеза. 132
XIV. Перенесеніе тѣла Старца Амвросія въ Оптину пустынь, преданіе его землѣ, поминальная въ Оптиной трапеза, и заключительныя о старцѣ свѣдѣнія. 142

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. Аттестатъ Александра Михайловича Гренкова III
№ 2. Подлинное письмо Г-жи П. Л—ой. . . . . —
№ 3. Четыре письма Іеросхимонаха Амвросія къ разнымъ лицамъ . . IV
№ 4. Слово іеромонаха Григорія (Борисоглѣбскаго, впослѣдствіи архимандрита) сказанное 13-го Октября, въ концѣ литургіи, предъ совершеніемъ чина погребенія надъ тѣломъ почившаго о Господѣ Старца, Іеросхимонаха Амвросія. XI
№ 5. Рѣчь о. іеромонаха Трифона. XIX
№ 6. Рѣчь Преосвященнѣйшаго Виталія, Епископа Калужскаго и Боровскаго XXI
№ 7. Послѣдняя надгробная рѣчь іеромонаха Григорія (Борисоглѣбскаго, впослѣдствіи архимандрита) XXII

I.

Старческое окормленіе Іеросхимонахомъ Амвросіемъ нѣкоторыхъ лицъ. (Три разсказа).

Въ первой части жизнеописанія Старца Амвросія имѣлось въ виду, какъ замѣчено было въ предисловіи, показать, каковъ былъ этотъ Старецъ, т. е. какъ и какой достигъ онъ высоты жизни духовной. Теперь же, въ сей второй части, желается, по возможности, предварительно обрисовать его Старческое духовное окормленіе лицъ, предававшихъ себя въ полное ему послушаніе. И хотя не мало представлено уже было примѣровъ его прозорливости и молитвенной помощи людямъ въ многоразличныхъ ихъ нуждахъ, душевныхъ и тѣлесныхъ: но все это были только частные случаи. Въ настоящій же разъ представимъ примѣры, какъ Старецъ руководилъ, или располагалъ всею жизнію преданныхъ ему лицъ: какъ онъ тщательно вникалъ во всѣ духовныя ихъ нужды, не упуская изъ вниманія повидимому самыхъ маловажныхъ обстоятельствъ, нерѣдко повторяя въ такихъ случаяхъ старинную мудрую поговорку: „отъ грошевой свѣчи Москва сгорѣла“, давая этимъ разумѣть, что все великое, и доброе и злое, начинается всегда съ малаго, и даже едва примѣтнаго; какъ въ иныхъ случаяхъ выказывалъ послушнику самую нѣжную отеческую любовь и снисходительность, въ иныхъ же случаяхъ былъ строгъ и неумолимъ; такъ что искренно относившіеся къ нему, питая къ нему беззавѣтную любовь сыновнюю, въ то же время чувствовали къ нему глубокое уваженіе и страхъ; какъ онъ обличалъ ихъ съ милостію, именно такъ, что среди большой толпы народа могъ понимать обличеніе только одинъ обличаемый; какъ иногда по своей прозорливости напоминалъ во время исповѣди забвенные грѣхи, исцѣлялъ ихъ тѣлесныя болѣзни, предварялъ ожидавшія ихъ опасности, избавляя отъ нихъ своими дѣйственными къ Богу молитвами, и проч. и проч. Задачу эту помогутъ намъ разрѣшить устные разсказы о себѣ и собственноручныя записки искренно относившихся въ свое время къ почившему Старцу Амвросію лицъ, изъ монаховъ, монахинь и мірскихъ людей. Разсказы эти и приводятся здѣсь. Прибавимъ къ сему, что этихъ разсказовъ немного, — всего шесть. Но они достаточны для того, чтобы освѣтить любознательнымъ читателямъ тотъ путь „старчества“, или духовнаго руководствованія, который введенъ въ Опти-

ной пустыни Старцемъ о. Леонидомъ, и которымъ за тѣмъ велъ Старецъ Амвросій своихъ духовныхъ чадъ, каковыхъ—необходимо замѣтить—были у него тысячи.

1) Записка Оптинскаго Іеромонаха о. Мелхиседека.—Въ Оптину пустынь я прибылъ въ сентябрѣ 1860 года. Предъ приходомъ моимъ скончался Старецъ о. Макарій, который жилъ въ скиту. При мнѣ и похоронили его. Съ самаго поступленія моего въ обитель Старцемъ и духовнымъ отцемъ моимъ былъ о. Амвросій. Только лѣтъ за пять до кончины онъ передалъ меня другому духовнику о. Анатолію, начальнику Скита, продолжая оставаться моимъ Старцемъ.

Чрезъ полгода, по поступленіи въ обитель, началъ я, по дѣйствію врага, смущаться, и задумалъ уйти изъ Оптиной. Прихожу къ Старцу Амвросію, и объясняю ему свое смущеніе. Старецъ отвѣчаетъ мнѣ: „необходимо читать книгу аввы Дорооея, и знать ее, какъ солдатъ знаетъ пункты военной службы. Безъ сего нѣтъ утвержденія въ духовной жизни; и монахъ не можетъ жить правильно. Если уйдешь изъ монастыря и возвратишься опять, то цѣна тебѣ будетъ грошъ". Чаще я началъ послѣ этого ходить къ Батюшкѣ для откровенія помысловъ, назидаясь его словами. Смущеніе продолжалось мѣсяца два-три и за тѣмъ окончательно прошло.

Какъ-то однажды онъ мнѣ замѣтилъ: „безъ поддержки, т. е. духовнаго руководства Старца, въ монастырѣ не проживешь. — Ты вотъ про меня говорилъ другимъ; что-бы я тебѣ ни говорилъ, другимъ не передавай. А если будешь поступать по-своему, то ко мнѣ и не ходи". Въ началѣ моего поступленія въ Оптину какъ-то говорю я Старцу, что у насъ въ обители не скоро даютъ постригъ. На это онъ отвѣтилъ мнѣ: „Внутреннее нужно соблюдать, а о внѣшнемъ нечего безпокоиться".

Въ первый годъ, по поступленіи моемъ въ обитель, мнѣ было назначено послушаніе помогать о. І. разбирать книги въ скитской библіотекѣ. Взялъ я тамъ одну книгу; а о. І. вырвалъ ее у меня изъ рукъ, говоря, что книгъ нельзя читать безъ благословенія Старца. Пошелъ я къ Старцу, и разсказалъ ему свою скорбь. Старецъ отвѣчаетъ: „Если не велѣлъ тебѣ о. І. читать взятую тобою книгу, то и не слѣдуетъ ее читать; читай творенія св. Отцовъ".

Батюшка строго запрещалъ хожденіе по кельямъ, а также и пріемъ къ себѣ братій, безъ особенной и притомъ крайней нужды. На вопросъ мой: что отвѣчать тѣмъ изъ братій, которые по легкомыслію своему будутъ смущаться такимъ моимъ поведеніемъ? Старецъ сказалъ: „Отвѣчай такимъ, что о. Архимандритъ не велѣлъ тебѣ ходить по кельямъ".

Лѣтъ черезъ двѣнадцать, по поступленіи моемъ въ обитель, я получилъ отъ родителя моего, священника села Лещанова Пензенской губерніи, письмо о томъ, что онъ близокъ къ смерти. Собрался было я ѣхать на родину. Прихожу къ Старцу, и объясняю ему свое на-

мѣреніе; а онъ отвѣчаетъ: „Сказано въ св. писаніи: остави мертвыя погребсти своя мертвецы,—не ходи“. Такъ я и остался.

Спрашиваю Старца: отчего я испытываю иногда тоску смертельную? Старецъ отвѣчаетъ: „Что дѣлать? Запустилъ себя. Порядка нѣтъ во внѣшнемъ устроеніи образа жизни“.

Говорю еще: „что это, Батюшка, я очень не покоенъ? Старецъ указалъ на причину сего въ предшествовавшей жизни.

Еще однажды спрашиваю: отъ чего я, будучи поставленъ на клиросъ, испытываю робость? Старецъ отвѣчаетъ: „Отъ тщеславія“.

Говорю еще: трудно мнѣ къ утрени вставать; какъ быть? Старецъ отвѣчаетъ: „Тягость бываетъ отъ недостатка ревности и страха Божія.—Если не будешь ходить, то тебѣ будетъ стыдно и грѣшно. Если же когда по болѣзни не будешь у церковныхъ службъ, то объ этомъ долженъ мнѣ сказывать“.

Чай пить съ хлѣбомъ не благословлялъ. Также совѣтовалъ всегда ходить въ трапезу. Сказываю ему: „Батюшка! Утромъ мнѣ ѣсть хочется, какъ быть?“ Батюшка отвѣчаетъ: „Это растлѣнная природа тянетъ. Оставь это, чай пить можно, но безъ хлѣба, и не болѣе какъ по три чашки, а четвертую можно только по нездоровью“. — Разъ я выпилъ какъ-то пять чашекъ чаю. Объясняю ему это. Старецъ гнѣвно замѣтилъ: „Помни себя“.

Говорю ему, что иногда опускаю пятисотницу [1]). Старецъ отвѣчаетъ: „Когда будешь умирать, горько жалѣть объ этомъ будешь; только тогда уже поздно“. Сказываю ему, что поклоны земные при этомъ класть затрудняюсь. Старецъ отвѣчаетъ на это: „Не можешь наклоняться въ землю, клади поясные поклоны; если и поясныхъ не можешь класть, твори молитву Іисусову устами. Св. Пророкъ Давидъ сказалъ: Хвала Его во устѣхъ моихъ. По немощи,—по болѣзни это допускается“.

Еще говорилъ: „всякій за себя одного будетъ отвѣчать предъ Богомъ“.

2) Разсказъ схимонахини Шамординской общины Матери Параскевы. Начало монашества я полагала въ Бѣлевскомъ женскомъ монастырѣ Тульской губерніи, въ который поступила въ 1854 году, 15-ти лѣтъ отъ роду. Проживши въ семъ монастырѣ 17 лѣтъ, я все это время чувствовала себя совершенно здоровою, и никакихъ болѣзней не знала. Проходила я послушаніе клиросной. Въ теченіи первыхъ шести лѣтъ духовнымъ отцемъ моимъ и старцемъ былъ о. Макарій Оптинскій. Въ 1860 году, осенью пріѣзжалъ онъ въ послѣдній разъ къ намъ въ монастырь, ибо всѣ сестры монастыря были его духовныя дочери, въ томъ числѣ и я. Приходитъ онъ ко мнѣ въ келью. Поставивши свой костыль въ сторонѣ, ложится на мою кровать, и говоритъ мнѣ: „ты будешь больна, и долго будешь лежать“. Я заплакала и сказала ему: „Батюшка! на кого же вы меня оставите?“

[1]) Пятисотница—келейное правило монаха, состоящее изъ 500 краткихъ молитвъ: 300 Іисусовыхъ, 100 Божіей Матери, 50 Ангелу-хранителю и 50 всѣмъ святымъ.

О. Макарій отвѣчалъ: „Не скорби. Послѣ меня у тебя будетъ такой же Старецъ, и даже еще лучше меня". Когда Батюшка уѣхалъ отъ насъ; чрезъ три недѣли пришла вѣсть о его кончинѣ (7-го сентября 1860 г.). По кончинѣ Старца Макарія, духовнымъ моимъ отцемъ сдѣлался о. Амвросій.

Теперь разскажу о томъ, почему именно Старецъ о. Амвросій имѣлъ обо мнѣ особенное попеченіе, и оказывалъ покровительство мнѣ недостойной. Родной матери своей я лишилась 14 лѣтъ отъ роду. Проводила моя мать жизнь благочестивую; особенно любила благотворить неимущимъ всякаго рода, подавая обильную милостыню. У насъ были большія денежныя средства, и матушка моя пользовалась ими во славу Божію и во благо ближнимъ. За недѣлю до кончины явился ей Ангелъ Господень и сказалъ, что она скончается въ первый день св. Пасхи. Матушка всѣмъ намъ объявила объ этомъ извѣщеніи, и начала со страстной недѣли готовиться къ переходу въ вѣчность, будучи совершенно здоровою. Никто не вѣрилъ, что она скончается, видя ея цвѣтущее здоровье. Въ великую субботу матушка пріобщилась св. Таинъ. Вотъ насталъ первый день св. Пасхи 1853 г. Придя отъ обѣдни, мы похристосовались и разговѣлись; а матушка не разговлялась, и легла въ передній уголъ подъ св. иконы. Собрались мы всѣ дѣти и родственники вокругъ нея. Она велѣла положить всѣмъ намъ по три земныхъ поклона о упокоеніи души ея, простилась съ нами, и съ молитвою къ Богу предала Ему свою душу, съ радостнымъ лицемъ, мирно и безболѣзненно. Такова была ея блаженная кончина. Множество нищей братіи сопровождало ея гробъ до церкви, и оттуда до кладбища. Когда я въ первый разъ, по поступленіи въ Бѣлевскій монастырь, пришла къ о. Амвросію, будучи въ то время совершенно здоровою; то замѣтила, что Старецъ, вышедши изъ Скита, стоитъ около угловой башни (что въ правую сторону отъ его хибарки) и съ кѣмъ-то разговариваетъ, хотя около него никого не было. Народу тогда было много, и всѣ ожидали Батюшку у воротъ скита. Наконецъ Батюшка ушелъ въ хибарку. Я осталась дожидаться, чтобы получить отъ Старца святое благословеніе на путь. Тогда Старецъ меня еще не зналъ. Вдругъ, вижу, выбѣгаетъ изъ св. воротъ келейникъ Батюшки и спрашиваетъ: „гдѣ тутъ Бѣлевская монахиня такая-то?" называя меня по имени. Я подошла къ нему, и онъ повелъ меня въ хибарку. Благословивъ меня, Батюшка объявилъ мнѣ, что сейчасъ явилась ему покойная моя матушка (а это было въ два часа дня), и съ нею онъ разговаривалъ около башни. Сказалъ при этомъ, въ чемъ матушку похоронили, и всѣ примѣты ея, и что имя ея Хіонія, что она просила его, чтобы онъ не оставилъ меня своимъ покровительствомъ. Я сему весьма удивилась, и возблагодарила Бога. Съ тѣхъ поръ Батюшка всегда оказывалъ мнѣ свое покровительство до самой своей блаженной кончины, послѣдовавшей въ октябрѣ 1891 г.

Послѣ предсказанія о. Макаріемъ о имѣвшей постигнуть меня болѣзни, я одиннадцать годовъ была здорова. Но вотъ однажды я

отправилась изъ монастыря для подачи милостыни въ тюремный замокъ. Поднимаясь на гору, я почувствовала, что ноги мои точно подкосились, и я упала. Въ теченіи трехъ лѣтъ послѣ сего, я хотя и ходила, но съ великимъ трудомъ. Чрезъ три же года, въ великомъ посту, однажды почти вдругъ окончательно у меня отнялись не только ноги, но и руки. Послѣ этого, я уже не владѣла ими въ теченіи восьми лѣтъ т. е. до 1882 года.

Однажды Батюшка о. Амвросій присылаетъ мнѣ письмо, и благословляетъ меня побывать въ Оптиной. Это было въ 1882 году. Привезли меня въ Оптину, и принесли къ Батюшкѣ сестры на рукахъ. Увидѣвъ меня плачущую, Батюшка говоритъ: „о чемъ ты плачешь? Или о томъ, что тебя Богъ посѣтилъ такою болѣзнію?“ Отвѣчаю: „плачу потому, что у меня руки и ноги не владѣютъ,—не могу ни ѣсть, ни пить“ Батюшка говоритъ: „Ты не отчаявайся; Богъ тебя не оставитъ. Ты долго будешь больная лежать“. Въ это время, взявъ обѣ мои руки, онъ началъ гладить ихъ отъ кисти до плеча, что продолжалось около двухъ часовъ. Посмотрѣлъ Батюшка на часы, и сказалъ: „вотъ теперь четыре часа; несите ее на гостинницу“. Когда меня принесли въ келью на гостинницѣ, и поставили самоваръ, я вдругъ свободно взяла чайную ложку, сама себѣ удивляясь. На другой день, послѣ пріобщенія Св. Таинъ, я опять была у Старца. Поздравивъ меня съ принятіемъ Св. Таинъ, Батюшка опять въ теченіи двухъ часовъ гладилъ мои руки; но вдругъ, бросивъ ихъ, сказалъ: „тебя не только никакіе доктора не вылечатъ, но даже и Угодники Божіи тебѣ не помогутъ. Тебѣ болѣзнь назначена отъ Бога. Но руками будешь владѣть“. — Послѣ сего Старецъ благословилъ меня и отпустилъ. — Въ тотъ же день, по прибытіи отъ Батюшки, я получила полное владѣніе обѣими руками. Но болѣзнь ногъ осталась въ томъ же положеніи, и продолжается до настоящаго времени. Ходить я не могу. Послѣ сего возвратилась я въ Бѣлевъ, и прожила тамъ два года. Замѣчу при этомъ, что въ Бѣлевскомъ монастырѣ я терпѣла во все время моей болѣзни, по неразумію нѣкоторыхъ, великія скорби. И только помощь Божія, за святыя молитвы Старца Амвросія, и расположеніе ко мнѣ покойной матушки игуменіи Павлины, которая была жизни духовной, покрывали меня отъ злокозненнаго невидимаго врага. Нѣкоторыя монахини духовной жизни, имѣя разумъ духовный, также расположены были ко мнѣ. Батюшка зналъ о моихъ скорбяхъ, и велѣлъ терпѣть. Когда-же я высказывала Старцу, что нѣкоторыя считаютъ меня какъ бы находящеюся въ прелести; онъ совѣтовалъ не обращать на это никакого вниманія и переносить все терпѣливо. Во время скорбей, Господь посылалъ мнѣ, за Св. молитвы Старца Амвросія, много благодатныхъ утѣшеній, о которыхъ я всегда сообщала Батюшкѣ изъ опасенія обмана со стороны врага. А иначе я не вынесла бы великихъ скорбей, воздвигнутыхъ на меня врагомъ, и могла бы впасть въ отчаяніе. Но Господь меня сохранилъ. За тѣмъ я вторично получила отъ Старца Амвросія письмо, въ которомъ онъ приглашалъ

меня къ себѣ. Пріѣхала къ нему. Принявъ меня весьма ласково, онъ предложилъ мнѣ поселиться въ новоустроенной имъ Шамардинской Общинѣ. Переѣздъ мой въ эту общину совершился въ 1884 году. Живу я здѣсь уже тринадцать лѣтъ. Въ Шамардинѣ Старецъ построилъ мнѣ новую прекрасную келью, въ которой я пребываю до сихъ поръ, благословляя Бога, и молясь о упокоеніи души блаженнаго о. Амвросія.

Разскажу теперь объ одномъ весьма замѣчательномъ случаѣ, которому удивлялся даже и самъ Старецъ. Лежу я однажды въ кельѣ, ибо тогда уже не владѣла ногами. Было два часа дня, и въ кельѣ моей совершенно свѣтло. — Вижу ясно, входитъ въ келью смерть (какъ описана она въ видѣніи препод. Ѳеодоры) въ образѣ скелета человѣческаго, вся обвѣшанная пилочками, молоточками и разными другими орудіями, и съ косой за плечами. Подходитъ ко мнѣ, и наноситъ мнѣ молоткомъ ударъ по спинному хребту. Чувствую, что спина у меня онѣмѣла. Въ это время раздается голосъ: „оставь ее! Ей еще нужно жить на землѣ“. Но смерть опять занесла надо мною руку, чтобы нанести другой ударъ. Въ эту минуту снова раздается невидимый голосъ, запрещая касаться меня. Смерть и еще заноситъ руку, для нанесенія удара въ третій разъ. Слышу опять голосъ: „Оставь ее! Ей нужно жить; она еще неготова. Или къ монахинѣ Глафирѣ,—та совершенно готова для перехода въ вѣчность“. Послѣ этого смерть изчезла. Помню, что, во все это время, я находилась въ бодрственномъ состояніи, и до сихъ поръ въ памяти моей сохранились всѣ подробности этого посѣщенія меня смертію и спасенія отъ нея.—Входитъ моя сокелейница мать Агрипина, и я разсказываю ей все происшедшее. На другой день мать Агрипина отправилась послѣ утрени въ монастырскую больницу, чтобы навѣстить лежавшую тамъ больную монахиню Глафиру, и узнала, что она скончалась въ 4 часа утра, и ее уже опрятали и положили въ гробъ. Батюшка о. Амвросій нерѣдко при случаѣ напоминалъ мнѣ это дивное посѣщеніе меня смертію, когда находился въ Шамардинѣ.

3) Разсказъ схимонахини Борисовской женской пустыни Курской губерніи, матери Леониды. Проживши въ Борисовской пустыни около девяти лѣтъ, я съ одною старицею того монастыря, схимонахинею Лаврентіею, отправилась въ Оптину пустынь. Старецъ о. Макарій, былъ тогда еще живъ; это было въ 1857 году. О. Макарій, преподавъ мнѣ душеспасительныя наставленія и благословеніе, сказалъ, чтобы я читала книгу препод. Аввы Дороѳея. Потомъ прибавилъ, что пришлетъ ко мнѣ о. Амвросія и книгу Препод. Дороѳея. Вскорѣ батюшка Амвросій пришелъ ко мнѣ на гостинницу. Старица М. Лаврентія въ это время уѣзжала къ роднымъ, и я оставалась одна. Батюшка о. Амвросій произвелъ на меня съ перваго раза сильное и весьма пріятное впечатлѣніе. Особенно назидательна была для меня его бесѣда о значеніи монашеской жизни и о богоугожденіи вообще. О. Амвросій ходилъ ко мнѣ почти недѣлю, назидая меня своими

словами. Онъ какъ бы возродилъ меня въ духовную жизнь. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что, по возвращеніи въ монастырь моя жизнь измѣнится къ лучшему, не говоря въ духовномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи, что и сбылось на самомъ дѣлѣ. Послѣ сего я не переставала вести съ о. Амвросіемъ переписку. О. Макарій благословилъ меня, первую изъ всѣхъ сестеръ Борисовскаго монастыря, поступить подъ духовное водительство о. Амвросія, какъ Старца. Послѣ меня и прочія сестры поступили подъ его руководство, особенно послѣ кончины о. Макарія. Во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ своей жизни я обращалась за совѣтами къ о. Амвросію. Переписка эта не прерывалась до самой кончины Старца въ октябрѣ 1891 года. Нѣсколько разъ я пріѣзжала къ нему, и всегда выносила великую духовную пользу изъ его мудрыхъ бесѣдъ. Вскорѣ затѣмъ я занемогла какою то неопредѣленною нервною болѣзнью, и пролежала въ ней 21 годъ, не выходя изъ кельи. Болѣзнь эта тоже была предсказана Батюшкою о. Амвросіемъ. Чрезъ 21 годъ, я получила исцѣленіе отъ сей болѣзни, по явленной мнѣ милости отъ чудотворной иконы Божіей Матери именуемой „Козельщанскою“. Помню, что какъ только, по пріѣздѣ въ Козельщину и по входѣ въ церковь, возложена была на меня сія святая икона, я въ тоже время получила исцѣленіе, и укрѣпилась ногами настолько, что могла уже дойти до гостинницы безъ помощи другихъ. Возвратившись въ свой монастырь, я была съ привѣтливостью встрѣчена сестрами и матушкой Игуменьею. Но вскорѣ постигла меня большая скорбь, по злобѣ вражіей. Возстала на меня одна изъ сестеръ, и начала дѣлать мнѣ всяческія притѣсненія. Писала я объ этомъ о. Амвросію, но Старецъ велѣлъ мнѣ терпѣть. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Упомянутая сестра особенно возставала противъ о. Амвросія, всячески его уничижая предъ сестрами; но Батюшка какъ при жизни своей отличался всегда милосердіемъ и любовію ко всѣмъ, такъ и по смерти пребылъ такимъ-же. Спустя года два послѣ его смерти, монахиня эта заболѣла горловою скарлатиною. Болѣзнь усилилась, и доктора рѣшили, что она должна помереть. Но вотъ Батюшка является ей во снѣ, и исцѣляетъ ее. Объ этомъ монахиня тогда же всѣмъ сестрамъ подробно разсказывала, добавляя, что Старецъ грозилъ ей жезломъ за причиненныя ею мнѣ обиды. Послѣ этого видѣнія и исцѣленія упомянутая монахиня прониклась уваженіемъ къ Старцу о. Амвросію.—Помню еще, что когда я лежала въ упомянутой продолжительной болѣзни, вдругъ является мнѣ въ тонкомъ снѣ о. Амвросій и говоритъ: „держись, дѣвка!“ Подумала я, проснувшись, что Батюшка предупреждаетъ меня отъ какого-либо великаго искушенія, что и оправдалось впослѣдствіи. Если меня это искушеніе не постигло, то только по святымъ молитвамъ о. Амвросія. Батюшка тогда еще былъ живъ.

Побывавши въ послѣдній разъ въ Оптиной и у Старца Амвросія, и возвратившись въ свою Борисовскую пустынь, М. Леонида заболѣла, и вскорѣ писала въ скитъ своему родному брату, Іеромонаху

Іосифу, теперешнему скитоначальнику, что когда она жаловалась покойному Старцу на свою долговременную болѣзнь, онъ сказалъ ей: „мы съ тобой въ болѣзни еще не достигли 38 лѣтъ, подобно Евангельскому разслабленному". — Замѣчательно, что на 38 году своей болѣзни схимонахиня Леонида скончалась.

II.

Записанныя слова Отца Амвросія, Старца Оптинской Пустыни [1]).

(Разсказъ четвертый г-жи N. N. въ рукописи).

1879 года августа 20.—При первой моей встрѣчѣ съ Старцемъ Отцемъ Амвросіемъ,—онъ привѣтствовалъ меня словами: „а! воскресшая, иди, иди!"—Потомъ разсказалъ притчу о жасминѣ, какъ одинъ у нихъ монахъ умѣлъ съ нимъ обходиться. Въ ноябрѣ онъ его совершенно обрѣзаетъ, и ставитъ въ темномъ мѣстѣ. Зато потомъ растеніе покрывается обильно листьями и цвѣтами. Такъ и съ человѣкомъ бываетъ: нужно прежде постоять въ темнотѣ и холодѣ, а потомъ ужъ будетъ и плода много. Вечеромъ Батюшка призвалъ меня къ себѣ, и приказалъ мнѣ написать исповѣдь мою, начиная съ шестилѣтняго возраста. Не могу передать, какъ меня это смутило; и само объясненіе для меня было ужасно непріятно, — навело какую-то тяжесть и раздраженіе.

Августа 23.—Сего дня, слава Господу, исповѣдывалась у любвеобильнаго о. Амвросія. Тягота сошла; такъ стало хорошо и отрадно. Онъ велѣлъ мнѣ постъ по средамъ и пятницамъ соблюдать. Объяснилъ прекрасно, въ чемъ состоитъ постъ. На мои слова,—не все-ли равно Богу—какая пища?—онъ отвѣтилъ: „не пища имѣетъ значеніе, а заповѣдь, Адамъ изгнанъ изъ рая не за объяденіе, а за вкушеніе только запрещеннаго. Почему и теперь въ четвергъ или вторникъ можно ѣсть, что хочешь, и не наказываемся за это; а за среду и пятницу наказываемся, потому что не покоряемся заповѣди. Особенно же важно тутъ то, что чрезъ послушаніе вырабатывается покорность.— Путь твой, сказалъ мнѣ Старецъ, странствіе. Странница! любишь Господа? — А Онъ что дѣлалъ? — странствовалъ. Ну, и ты тоже за Нимъ странствуй".—Когда же я ему сказала о моихъ малыхъ средствахъ къ жизни, онъ прибавилъ: „ну на странствіе достанетъ. Такою жизнію вырабатывается смиреніе,—будешь равно съ уваженіемъ относиться ко всѣмъ, и высшимъ и низшимъ". На мое же замѣчаніе, что при странствіи очень трудно держать постъ,—вѣдь не вездѣ готовятъ постное, и это стѣсняетъ хозяевъ,—онъ сказалъ: „попроси, чтобъ тебѣ сварили кашицы, и довольно; а если не захотятъ, то не оставайся тамъ, чтобы не нарушить заповѣди Божіей".

---

[1]) Оглавленіе съ подлинника.

Августа 25 —Когда я сказала Батюшкѣ о моихъ бѣдныхъ родныхъ, которымъ помогаю, и которые привыкли уже отъ меня ждать и получать; онъ сказалъ: „а если у тебя нечего дать, то такъ и скажи,—нѣтъ у меня“. На мое же замѣчаніе, что хотѣлось бы имѣть побольше, чтобы могла раздавать, онъ воскликнулъ: „А гордость-то!—она тутъ и была. Знаешь, какъ богатому трудно войти въ царство небесное“. — Когда я прочла ему свою исповѣдь съ шестилѣтняго возраста, онъ хотя и любвеобильно разрѣшилъ; однако замѣтилъ, что „нужно за грѣхи понести наказаніе здѣсь на землѣ“. Къ этому прибавилъ: „многіе говорятъ,—зачѣмъ наказаніе? Господь милостивъ, и разбойника покаявшагося простилъ, и тотчасъ вволъ съ Собою въ рай. Святые же толкуютъ иначе: разбойникъ несъ уже наказаніе прежде, вися на крестѣ: да и потомъ ему перебили колѣни. Значитъ смерть была мучительная. Вотъ онъ и понесъ наказаніе за свои грѣхи. Такъ и тебѣ въ наказаніе накладываю епитимію по двѣнадцать поклоновъ въ день, на цѣлый годъ, за всю твою прошлую жизнь, чтобъ тамъ въ будущей жизни ужъ больше тебя не наказывали“. На счетъ Е., когда сказала, что мнѣ хотѣлось бы ее воспитывать самой, отвѣтилъ: „и недумай,—не надо; люби ее, вліяй на нее хорошо, и только“. Разсказалъ про одну монахиню, у которой остались сироты. Она и взяла ихъ воспитывать, и такъ привязалась къ нимъ, что меньше стала заботиться о своемъ спасеніи. „Любить надо, говорилъ Старецъ, а привязываться страстно не надо. Заповѣдь повелѣваетъ чтить родителей, и даже награду назначаетъ за это. Но если ты, говоритъ Тотъ же Господь, любишь отца, или матерь, или кого-либо больше Меня, то не достоинъ быть Моимъ ученикомъ. Значитъ, только пристрастіе не позволяется а не любовь“.

1880 года, мая 20.—Пріѣхала я одна въ другой разъ въ Оптину Пустынь, и на другой день 21 пошла въ скитъ къ Батюшкѣ о. Амвросію. Увидѣвъ меня, онъ воскликнулъ: „А! изъ Франціи; ну какъ тамъ идутъ дѣла?“—Плохо, отвѣтила я. Потомъ вызвалъ меня къ себѣ въ келью, и на мою жалобу о жизни велѣлъ запирать комнату. Между прочимъ сказалъ: „у тебя много снисхожденія, а мало терпѣнія. Ничего, все пройдетъ“.

Мая 26. Сего дня Батюшка опять принялъ меня. Я говорила ему о своемъ раздраженіи и осужденіи другихъ.—„Нужно смиряться, сказалъ онъ; раздраженіе и осужденіе происходятъ отъ гордости“. Нарисовалъ цѣпочку колечками, и указалъ, что грѣхи, подобно цѣпочкѣ, связываются одинъ съ другимъ, и происходятъ одинъ отъ другого. На мои слова, что хотѣлось бы пожить въ уединеніи своею самостоятельною жизнію, онъ отвѣтилъ: „когда Лотъ жилъ въ Содомѣ, былъ святъ, а когда вышелъ въ уединеніе, палъ. Осуждать не нужно потому уже, что не знаешь чужой души. На себя больше смотри, и, читая св. книги, къ себѣ примѣняй, и себя исправляй, а не другихъ. А то будешь и много знать, да будешь пожалуй хуже другихъ“. Привелъ поразительный примѣръ: „разбойникъ тридцать лѣтъ разбой-

ничалъ, и, покаявшись, вошелъ въ рай. А апостолъ Іуда находился всегда при Господѣ Учителѣ, и подъ конецъ предалъ Его". Разсказывалъ еще нѣсколько примѣровъ изъ жизни людей современныхъ.— О какомъ-то графѣ Толстомъ, который былъ человѣкъ очень прямой и правдивый. „Умеръ онъ, говорилъ Батюшка; и вотъ одинъ монахъ (Досиѳей) увидѣлъ сонъ: стоитъ народъ и ждетъ кого-то; и только что показался экипажъ, всѣ пали на колѣна. Монахъ же не хотѣлъ стать, но ему велѣли, потому что, какъ говорили, рабъ Божій проѣзжаетъ. Онъ взглянулъ, и увидѣлъ, что ѣдетъ графъ Толстой".— Еще разсказалъ объ одномъ помѣщикѣ, промотавшемъ три имѣнія: „Подъ конецъ жизни онъ пришелъ въ монастырь, и умеръ такъ, что дай Богъ каждому изъ насъ такъ умереть. Хотя и расточителенъ былъ покойный, но былъ и необыкновенно добръ и простъ душею. Вотъ и осуждай людей! Нужно имѣть больше простоты". Даже привелъ еще въ примѣръ Д. В. П—на, который только-что былъ у него, и сказалъ: „какая у него простая душа! Значитъ и въ мірѣ, и вездѣ есть люди Божіи". На мои слова, что хотѣлось бы имѣть болѣе средствъ къ жизни, онъ сказалъ: „не въ богатствѣ дѣло, а въ насъ самихъ. Человѣку сколько ни давай, не удовлетворишь его". Представилъ въ примѣръ одну богачку, бывшую тутъ въ Оптиной пустынѣ: „Она была изъ бѣдныхъ, и вышла замужъ за богатаго, отецъ которому отдѣлилъ при женитьбѣ большое состояніе, а по духовному завѣщанію оставлялъ ему еще большую сумму. Жена осталась этимъ недовольна, и стала подстрекать мужа, чтобы онъ заставилъ отца отдать ему при жизни завѣщанное имъ послѣ смерти его. А вѣдь прежде ничего не имѣла. Вотъ какъ неутомима жажда пріобрѣтенія!"

Мая 27. Слава Господу! Я сегодня опять исповѣдалась у Батюшки о. Амвросія. Вѣрно онъ Батюшка молился за меня грѣшную, почему я гораздо болѣе мира душевнаго ощущала, о чемъ и сказала ему. Какъ онъ однако прозрѣваетъ внутреннее наше состояніе! Началъ съ того, какъ онъ себя теперь чувствуетъ. А затѣмъ уже говорилъ мнѣ: „ревность у тебя не по разуму; оставь другихъ! Иногда тебѣ кажется что-либо по наружности только, а душа каждаго человѣка глубока; почему Господь двукратно запретилъ не только осуждать; но и судить". Я же отвѣтила ему, что Господь же сказалъ: „судите не по наружности, а судите судомъ праведнымъ". Онъ пояснилъ эти слова такъ: „Судъ праведный долженъ относиться къ намъ самимъ, а не къ другимъ, и не по наружнымъ дѣяніямъ должно себя судить, а по внутреннему состоянію или ощущенію". Спросилъ меня о молитвѣ, — что я читаю; и когда узналъ, что я больше молюсь своею молитвою, то замѣтилъ, что „слѣдуетъ прочитывать и молитвы и акаѳисты, а иногда и псалмы. Но если есть внутренняя молитва, то слѣдуетъ тогда остановиться и молиться уже духомъ. Когда же нѣтъ такой молитвы, то читать молитвы". Коснувшись, во время исповѣди не почитанія родителей, я должна была сказать о возмущеніи моемъ противъ излишней и даже, какъ мнѣ казалось,

немного фальшивой снисходительности и угодливости моей матери относительно меня,—чего я безъ возмущенія не выношу.—„Надо судить о человѣкѣ, сказалъ Старецъ, по его характеру. У тебя характеръ болѣе сильный, а у ней слабый, и она дѣйствуетъ по своему, какъ можетъ. Вѣдь и ты сама, обличая другихъ, дѣйствуешь неодинаково, и фальшивишь, когда слабому говоришь болѣе настойчиво и рѣзко, а болѣе сильному и высокому болѣе мягкимъ тономъ". — Когда же коснулось объ отплатѣ зломъ за зло, то я замѣтила, что этого кажется во мнѣ нѣтъ.—„Будто бы?" воскликнулъ онъ. „А однимъ суровымъ взглядомъ своимъ отплатишь иногда такъ, что не забудутъ долго его". Онъ такъ вѣрно показалъ мнѣ мою слабую сторону, что я невольно бросилась просить у него прощеніе. — „А о тебѣ, продолжалъ онъ, развѣ всѣ судятъ праведно? Хвалятъ иногда, не зная хорошо твоего внутренняго состоянія". На это я поспѣшила замѣтить, что именно горе мое, что меня больше хвалятъ, чѣмъ стою я. — Пусть хвалятъ, сказалъ онъ, ты на это не смотри, не отвѣчай и не спорь; а только сама сознавай въ себѣ, стоишь ли ты похвалы, или нѣтъ. Если будешь противорѣчить, то выйдетъ лицемѣріе; вѣдь тонкое чувство удовольствія отъ похвалы все-таки есть въ тебѣ; да и тѣ, которымъ ты будешь противорѣчить, не повѣрятъ тебѣ; по этому когда хвалятъ, не говори ничего, опусти глаза, и молчи".

Мая 30. На слова одной монахини, что ей нужно ѣхать, а то матушка игуменья будетъ сердиться, Батюшка сказалъ: „Бога и своей совѣсти нужно бояться, а не матушки Игуменьи. Страхъ Божій есть начало очищенія совѣсти."—Заговоривъ со мною о моихъ малыхъ средствахъ, совѣтовалъ перемѣнить процентныя бумаги, и жить капиталомъ. Когда же я возразила: надолго ли хватитъ такой маленькій капиталъ? Старецъ сказалъ: „а жизнь твоя развѣ долга?"—„То-то и есть", прибавилъ онъ. „И на жизнь въ монастырѣ хватитъ, хоть въ общежительномъ."—Услыхавъ намекъ на монастырскую жизнь, у меня сердце замерло. Никогда не собиралась я въ монастырь, всегда чувствовала какое-то отвращеніе отъ монастырской жизни. Сдѣлавъ мнѣ какое-то возраженіе, онъ замѣтилъ: „надо-же этимъ кончить,— будетъ тебѣ биться въ мірѣ."—Какія-же могу я, при своей слабости, нести монастырскіе подвиги? спросила я.—„Главный подвигъ въ смиреніи заключается; тѣлесныхъ же подвиговъ, при слабости твоей, не будутъ налагать на тебя", отвѣчалъ онъ. — Но я все-таки замѣтила, что при жизни матери я никакъ не могу этого сдѣлать.

Іюня 2. Вышедъ въ хибарку, Батюшка посидѣлъ съ нами, и разсказывалъ разныя притчи. Между прочимъ сравнивалъ узкій путь къ Царствію Небесному такъ: взялъ свою палку, и показалъ, какъ на ней нельзя поставить двухъ ногъ рядомъ, а одну за другой только, и такъ лѣпиться и идти не раздумывая, да не распрашивая у другихъ о постороннихъ вещахъ. Вообще пораженіе мое, въ отношеніи монастырской жизни, тѣмъ болѣе было для меня еще сильно, что предъ этимъ я молила Господа и Царицу Небесную, чтобъ они от-

крыли мнѣ чрезъ Батюшку свою небесную волю, и что я приму то, что онъ скажетъ. Но и послѣ всего этого никакъ не могу смириться съ монастыремъ.

Іюня 3. Сегодня Батюшка принялъ меня, и встрѣтилъ словами: „ну что, какъ надумалась?“ Я разсказала ему, какъ меня это ужасно поразило, и какое имѣю отвращеніе къ монастырю; а онъ все таки настаивалъ, что мнѣ нѣтъ другого мѣста для жительства, и что давно бы слѣдовало мнѣ быть въ монастырѣ. Въ мірѣ же меня руководитъ одно тщеславіе. Даже доступъ мой въ высшее общество попущенъ былъ мнѣ промыслительно для того только, чтобъ показать мнѣ всю суету и пустоту его. Относительно же формъ и обрядовъ монастырскихъ,—они потому ужъ хороши, что обуздываютъ нашу непокорную природу, и заставляютъ отрекаться отъ нашей воли. Велѣлъ обратиться съ молитвой къ Божіей Матери, и просить, что-бъ Она Сама указала мнѣ путь, какой избрать мнѣ. Почему я и предалась совершенно въ Ея святую волю.

Іюня 4. Все утро сегодня врагъ сильно нападалъ на меня, возмущая даже противъ Батюшки, такъ что подъ конецъ я пала предъ иконой Божіей Матери, и слезно молила Ее защитить меня отъ врага Своимъ заступленіемъ, и указать мнѣ путь, какой мнѣ избрать. Пошла въ скитъ, чтобъ только получить общее благословеніе отъ Батюшки; но была очень поражена внезапнымъ его вызовомъ меня къ себѣ. Я такъ и думала, что вѣрно онъ будетъ меня распекать; но онъ такъ милостиво сталъ ободрять меня, говоря, чтобъ я все обдумала прежде; что онъ меня не непремѣнно посылаетъ въ монастырь; и что монашескую жизнь избираютъ для большаго только совершенства, если кто пожелаетъ.—На мое же сознаніе, что и противъ него даже возмущаюсь, онъ сказалъ: „Это искушеніе отъ врага“. Говорилъ еще, что всякому, по его усмотрѣнію,—свой путь. Одна душа простая, ничего худого не видитъ, а другая напротивъ все подмѣчаетъ и видитъ. Про мать мою сказалъ: „зачѣмъ мечтать о томъ, чего нѣтъ? передай ей мое благословеніе, и скажи, что терпѣніемъ скорбей будетъ спасена“. На мои слова, что стало жалко оставлять всѣхъ въ мірѣ, замѣтилъ: „погоди, какъ пріѣдешь домой, да станутъ рвать на куски, и сама рада будешь убѣжать изъ него.—Читай, когда можешь, молитвы; а когда не можешь, то и пропусти,—молись какъ молилась прежде“. При прощаніи опять сказалъ, чтобъ я пообстоятельнѣе подумала о жизни въ монастырѣ; что онъ меня не торопитъ, а что для совершенства нужно тамъ быть.

1881 года Іюня 2. Сегодня Батюшка о. Амвросій поучительно объяснялъ слова Спасителя: когда ударятъ тебя въ десную ланиту, подставь другую. Вѣдь обыкновеннымъ порядкомъ, когда ударяютъ въ лицо, ударяютъ правою рукою въ лѣвую щеку, а не въ десную. Но Господь хотѣлъ представить десною ланитою оскорбленіе, униженіе, обиду за правое дѣло, въ которомъ ты не виновата. Подставить же лѣвую—значитъ: въ то время, когда безъ вины оскорбляютъ, по-

мяни предъ Господомъ свои грѣхи, которыми ты оскорбляешь Его, и чрезъ это сознаніе смирись, и прими несправедливое поношеніе, какъ уже должное".

Іюня 3. Вчера, при короткомъ моемъ посѣщеніи Батюшки, онъ спросилъ меня,—отъ чего я такъ похудѣла и измѣнилась. На мой же отвѣтъ, что я тяжело провела зиму, съ больною моею любимою племянницею, которая тяжко была больна, онъ неожиданно поразилъ меня словами: „ну, Царство ей Небесное!" – Я стала было говорить, что теперь ей лучше, и что Царица Небесная ее чудомъ исцѣлила чрезъ икону Иверскую. Но онъ опять повторилъ: „Какъ! Развѣ и въ Царство Небесное не хочешь ее пустить?" Слова его меня ужасно смутили, и скорбь страшная легла на сердце. Неужели, думала я, это предсказаніе о скорой кончинѣ дѣвочки?—Вечеромъ же получила ужасное извѣстіе о внезапной кончинѣ другой моей племянницы, Ж. П—ой.

Іюня 4. На другой день я пошла передать Батюшкѣ о полученномъ мною извѣстіи, съ просьбою отпустить меня домой. Но онъ на отрѣзъ отказалъ: „оставайся тутъ; теперь ужъ дѣло кончено, и тебѣ нечего торопиться,—вѣдь не поможешь ужъ". Когда я разсказала подробно, о чудномъ исцѣленіи Е. отъ страшной ея болѣзни, онъ съ укоромъ спросилъ меня,—отъ чего я не привезла ее къ нему.—Велѣлъ непремѣнно привезти; говорилъ, что ей нужна исповѣдь; видно, что она благочестивая дѣвочка, на которую всѣ гадости институтскія легли тяжело, и требуютъ очищенія. На мои же слова,—когда ее привезти,—не весной ли будущаго года,—отвѣтилъ: „ну хоть весной."

Замѣчательно говорилъ, какъ должно принимать неблагодарность людей: „Если дѣлаешь добро, то должно его дѣлать только лишь для Бога. Почему на неблагодарность людей и не должно обращать никакого вниманія.—Награду ожидай не здѣсь, а отъ Господа на небесѣхъ; а если ждешь здѣсь, то напрасно и лишеніе терпишь". Представилъ примѣръ, бывшій здѣсь въ Оптинѣ, во время еще Отца Архимандрита Моисея. Кто то вложилъ большой вкладъ въ здѣшнюю обитель; а по времени, остановившись въ гостинницѣ, потерпѣлъ невниманіе къ себѣ со стороны гостиннаго монаха. Оскорбившись очень этимъ, онъ пожаловался Отцу Моисею, прибавивъ, что его, даже какъ вкладчика, не почтили. Отецъ Моисей отвѣтилъ ему такъ: „если вы сдѣлали вкладъ ради того, чтобы васъ здѣсь ублажали и чтили, а не ради Господа, то напрасно и безпокоились дѣлать это; ибо чѣмъ можемъ воздать вамъ мы бѣдные и грѣшные? Дѣлая же для Господа, человѣкъ не долженъ искать благодарности и особеннаго вниманія отъ тѣхъ, кого онъ ублаготворяетъ".—Этотъ разсказъ для меня былъ очень поучителенъ.

На счетъ осужденія и замѣчанія чужихъ грѣховъ и недостатковъ Батюшка сказалъ: „Нужно имѣть вниманіе къ своей внутренней жизни, такъ что-бы не замѣчать того, что дѣлается вокругъ тебя.

Тогда осуждать не будешь". Привелъ такъ же въ примѣръ одного Царедворца, который жилъ при царскомъ дворѣ, и окруженъ былъ всей мірской суетой, но такъ былъ внимателенъ къ своей внутренней жизни, что ничего не замѣчалъ вокругъ себя. „Такъ и намъ надо жить. Обличать же другихъ не всегда слѣдуетъ." Разсказалъ при этомъ эпизодъ изъ жизни Оптинскихъ Старцевъ: „Пришелъ какой-то къ нимъ монахъ, и началъ разсказывать такое вранье что онъ далъ одному архіерею взятку въ пять тысячъ, а другому три тысячи. Старцы-же, потупя взоръ въ землю, спокойно молчали; чѣмъ выказали свое смиреніе, и пристыдили болтуна. Къ неправдѣ земной нужно относиться равнодушнѣе. Вѣдь Апостолъ сказалъ, что мы ожидаемъ новаго неба и новой земли, гдѣ правда обитаетъ. Значитъ, на нашей землѣ не живетъ правда, почему и огорчаться очень не надо, когда видишь здѣсь на землѣ неправду."

Іюня 7. Батюшка вышелъ, и сидѣлъ въ хибаркѣ. Поздравилъ всѣхъ насъ съ праздникомъ всѣхъ Святыхъ, и къ этому сказалъ: „всѣ они были, какъ и мы, грѣшные люди, но покаялись, и, принявшись за дѣло спасенія, не оглядывались назадъ, какъ жена Лотова." На мое-же замѣчаніе: а мы-то все смотримъ назадъ, сказалъ: „за то и подгоняютъ насъ розгами и бичемъ: т.-е. скорбями да непріятностями, чтобъ не оглядывались." Разсуждая о моей теперешней жизни, сказалъ: „живи пока ужъ такъ, какъ живешь; только почаще запирай свою комнату."

Іюня 9. Сегодня Батюшка на исповѣди говорилъ мнѣ: „положи себѣ за правило не говорить ничего, ни матери, ни сестрѣ, когда бываешь возмущена ихъ несправедливостію. Отойди, и что-бы мать ни говорила, молчи; возьми Евангеліе, и читай, хоть ничего не понимая въ эту минуту. Положи дѣлать все только для Господа, и дѣлай, сколько можешь по силамъ. Возмущаешься же ты больше отъ того, что дѣлаешь не по силамъ, —много берешь на себя, да и не справишься. Силъ-то мало, а хочешь дѣлать много; почему и приходишь въ раздраженіе, что будто бы не цѣнятъ твоихъ трудовъ и жертвъ. А дѣлай по силамъ ради Господа, да и не огорчайся, когда люди не оцѣниваютъ. Помни, что ты вѣдь не ради ихъ дѣлала, а ради Бога; и награды жди отъ Господа, а не отъ людей."

Іюня 10. Сегодня, слава Господу, сподобилась пріобщиться Св. Таинъ. Завтра ѣду: и вечеромъ довольно уже поздно Батюшка вызвалъ меня поговорить на прощанье съ нимъ. Онъ былъ ужасно утомленъ, и лежалъ навзничь, когда вошла я. На мой вопросъ,—зачѣмъ онъ такъ себя утомляетъ,—отвѣтилъ: „что же дѣлать? Всѣ жилы и нервы мои такъ натянуты! Да къ тому-же еще лихорадочное ощущеніе, съ болью въ желудкѣ, чувствую; а нельзя же оставить народъ,— сама видишь, сколько его! Да это все-бы ничего; но меня огорчаетъ то, что еще ропщутъ все-таки на меня. Вѣдь кажется, сами ужъ видятъ, въ какомъ я положеніи."—Я невольно замѣтила ему, что многіе безпокоятъ его пустяками, и что вообще онъ болѣе занятъ

внѣшними дѣлами. Даже, сказала я, и тѣ личности, которыя постоянно уже при немъ находятся, какъ при св. Старцѣ, мало, по моему, проникнуты духовною внутреннею жизнію. На вопросъ его: кто они? я назвала двухъ.—„А ты почему знаешь?“—спросилъ онъ.—Да вѣдь чувствуется это, отвѣчала я; въ одной больше суетности, а зависть то общая; такъ что мы, хоть и грѣшныя, но скорѣе душу положимъ за другихъ, чѣмъ они.—„А у нихъ, можетъ, есть такое тайное добро, которое выкупаетъ всѣ другіе въ нихъ недостатки, отвѣтилъ онъ мнѣ, и котораго ты не видишь. Въ тебѣ-же много способности къ жертвѣ; но Господь сказалъ: Милости хощу а не жертвы. А милости то у тебя и мало; почему и судишь всѣхъ безъ снисхожденія; смотришь только на дурную сторону человѣка, и не вглядываешься въ хорошую; свои-же жертвы видишь и превозносишься ими“.—На мои же слова, какъ хотѣлось бы мнѣ пожить поближе къ нему, Старецъ такъ мѣтко, и вмѣстѣ съ тѣмъ любвеобильно, направилъ укоръ прямо въ сердце мнѣ словами: „нѣтъ, ужъ лучше подальше; а то станешь судить и Старца, что не такъ дѣлаетъ, какъ кажется тебѣ.“—Вчера же на исповѣди, принося покаяніе въ осужденіи ближнихъ, стала я просить у него прощенія, что и на него иногда сѣтую. Онъ тоже такъ снисходительно съ любовью и кротко отвѣтилъ: „Ну, я прощаю,—Богъ съ тобой!“ Эти мнѣ два замѣчанія насквозь всю душу пронзили, и заставили вполнѣ понять, на какомъ гибельномъ пути стою я. Всегдашнее замѣчаніе только лишь дурныхъ сторонъ человѣка означаетъ погибель души. Опытомъ познала я теперь, что оно довело меня до постояннаго раздраженія на людей за ихъ недостатки, и что занята я была собою, какъ непонятою жертвой. Значитъ, кому-же служу я? Ужъ конечно никакъ не Богу. Подумать нужно глубоко объ этомъ.

Іюня 11. Сегодня утромъ было послѣднее мое прощаніе съ Батюшкой, и обличеніе имъ меня было еще сильнѣе прежняго. Я такъ рада и благодарю Господа за это. Обличалъ меня и въ лицемѣріи. Заповѣдалъ мнѣ слѣдовать милости и истинѣ, т.-е. милость оказывать другимъ, а истины требовать отъ себя, т. е. чтобы въ себѣ судить все поистинѣ и правдѣ, а другихъ по милости.—„Вѣдь ты лицемѣрка, сказалъ онъ мнѣ, и лицемѣріе у тебя самое тонкое, такъ же какъ и самолюбіе. Вѣдь ты такъ ловко все узнаешь, такъ ловко заставляешь другихъ высказываться и разоблачаться предъ тобою; тогда какъ сама о себѣ ни гу-гу, никакъ не обличая своего затаеннаго. Простоты вѣдь тоже у тебя мало. Оставь другихъ, а займись слѣдить за собой. За другого вѣдь ты не отвѣчаешь, а только за себя.“ Говорилъ, что нужно серіозно начать работать надъ собою. Велѣлъ мнѣ читать и проходить главы Св. Евангелія отъ Матѳея 5, 6, 7 и 8. На мои же слова, что я ближе была прежде къ Господу чѣмъ теперь, онъ отвѣтилъ: „Знаешь, когда лучъ солнца проникаетъ въ комнату, то какая бездна пыли и паутины видна! Тогда какъ прежде, когда не было луча, воздухъ въ комнатѣ казался чистымъ.“

На счетъ же того, какъ мнѣ трудно быть безъ хорошаго общества людей, болѣе образованнаго, къ которому я привыкла съ малолѣтства, онъ сказалъ, что оно, т. е. такъ называемое хорошее общество сдѣлано было доступнымъ тебѣ для того, чтобъ ты познала всю суету его; а ты не такъ поняла, почему и гонишься за нимъ. Но все-таки, прибавилъ онъ, еслибъ ты оставалась, какъ прочія, безъ него, то еще бы хуже было. У тебя была бы такая зависть къ людямъ и ропотъ, что и Боже сохрани!“ Обличалъ серіозно, но любовь его такъ и проникала во всякомъ его словѣ. Видно, что она нисколько не умаляется отъ обличенія грѣшника. Говорилъ еще, что Господь принесъ не миръ землѣ а мечъ, раздѣляя и отдѣляя въ человѣкѣ дурное отъ хорошаго. Такъ Батюшка нынѣшній разъ проникъ глубоко въ сокровенные тайники души моей, что просто удивилъ. Непостижимая однако прозорливость у Старца! Помоги ему и сохрани его Господь.

1882 года Мая 24. Вечеромъ часовъ въ 7 пріѣхали мы съ Е. въ Оптину пустынь, и очень были рады найдти хорошенькій, чистый номеръ въ деревянной гостинницѣ близь М. И. К...ой, которая, во все время нашего тамъ пребыванія, была къ намъ очень добра, и много этимъ облегчала мою заботу здѣсь о Е.— Батюшку О. Амвросія увидали мы на другой день, и получили его благословеніе. Онъ встрѣтилъ насъ словами: „А! Мудреныя пріѣхали.“ Обласкалъ Е.— Онъ выходилъ въ хибарку, и, пока переодѣвался, далъ Е. держать свой костыль. Потомъ принялъ насъ отдѣльно, и занялся съ Е. тоже отдѣльно. Батюшка произвелъ на нее очень хорошее впечатлѣніе, чему я была очень рада. И вообще, жизнь въ Оптиной ей очень понравилась, и ѣхать скоро назадъ не хотѣла.

Вчера 7 Іюня только могла поговорить подробно съ Батюшкой о своихъ дѣлахъ. Велѣлъ мнѣ предаться совершенно волѣ Божіей, и ждать только отъ Него помощи, которую Онъ, когда нужно будетъ, и пошлетъ,какъ Ему угодно, а не по человѣчески; почему велѣлъ продать билетъ выигрышный, говоря, что это—надежда человѣческая, а не Божія. Также относительно квартиры велѣлъ ждать, пока откроется вакансія тамъ, гдѣ я ожидаю; впрочемъ не стѣснилъ, если можно будетъ, переѣхать и на другую болѣе удобную. Совѣтовалъ мнѣ жить капиталомъ, если очень не достаетъ на жизнь изъ процентовъ; лишь бы не стѣснять себя, и не брать ничего сверхъ силъ. Все непріятное, по его словамъ, у меня происходитъ отъ того, что беру не по силамъ. Привелъ слова изъ Св. Писанія, что „Господь велитъ давать благодушно столько, сколько можешь, и этотъ даръ пріемлетъ; а если хочешь имѣть совершенство, то тогда отдай все, да и ходи съ рукой, прося милостыню, и не огорчайся уже тѣмъ, что не имѣешь ничего, и люди неблагодарны. Смиряйся больше духомъ,—смиреніе и дѣла замѣняетъ. Терпи всѣ невзгоды и предавайся Господу.“ На счетъ Е. велѣлъ не заботиться очень, а предоставить ее попеченію Божіей Матери, Которая, если взялась за нее, то и управитъ. На

счетъ проявленія ея болѣзней, — считалъ это указаніемъ ей на неусердное и разсѣянное повелѣннаго ей чтенія акафиста и молитвы къ Божіей Матери. „Наставляй ее и направляй, говорилъ онъ, очень не тревожься, и не заботься; а только напомни ей всякій разъ, когда ей хуже будетъ, что вѣрно она читала разсѣянно и невнимательно.“ — Вообще, велѣлъ мнѣ больше искать мира и спокойствія сердечнаго. Аферами положительно запретилъ заниматься: „Къ чему это? – говорилъ Старецъ, чтобъ еще больше найти себѣ заботъ, и ужъ окончательно лишиться мира душевнаго! Положись на Господа, и Онъ подастъ, и поможетъ тамъ, гдѣ и не ожидаешь.“ На счетъ же моего замѣчанія о тратѣ на прожитіе капитала, что я его оставляю Е., онъ сказалъ: „ну если что останется, то и ея будетъ“. На замѣчаніе одной знакомой, при первой нашей встрѣчѣ съ Батюшкой, что Е. еще въ первый разъ дѣлаетъ такое дальнее путешествіе, и что я ее привезла въ телѣгѣ на почтовыхъ, Батюшка отвѣтилъ: „что же? Лучше начать телѣгой, потомъ повозкой, а кончить каретой, чѣмъ на оборотъ,—начать каретой, а окончить телѣгой.“

III.

Изъ воспоминаній одной духовной дочери покойнаго, незабвеннаго Оптинскаго Старца Отца Амвросія [1]).

Разсказъ пятый—другой Г-жи **, также въ рукописи.—Этотъ разсказъ особенно многостороненъ, и потому чрезвычайно интересенъ. Онъ съ одной стороны показываетъ, какъ любвеобильный Старецъ Амвросій, истинный рабъ Божій, по примѣру Господа своего, *возмобль своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ* [2]), не переставая руководствовать ихъ ко спасенію до послѣдняго своего вздоха. А съ другой стороны указываетъ намъ и на то, какъ упорна бываетъ борьба ветхаго человѣка, когда христіанинъ начинаетъ подклонять выю свою подъ иго Христово. Человѣкъ долгое время, такъ сказать, колеблется между жизнію и смертію: онъ и вѣритъ и въ тоже время не вѣритъ,—въ одномъ случаѣ изъявляетъ полную вѣру Старцу, а въ другомъ выказываетъ совершенное безвѣріе; проситъ у Старца совѣта, съ искреннимъ желаніемъ послушаться его, и въ тоже время упорно желаетъ исполнить свою волю; кажется, безмѣрно любитъ Старца, и въ тоже время бѣжитъ отъ него, но не обрѣтая душевнаго покоя, опять спѣшитъ къ Старцу. Сознавая пользу откровенія помысловъ, желаетъ упражняться въ семъ спасительномъ дѣланіи, и въ тоже время смущается и стѣсняется до невозможности высказываться; или разсѣявается до совершеннаго забвенія своихъ помысловъ.—Такое колебаніе бываетъ болѣе или менѣе со всѣми, вступившими на путь

---

[1]) Общее оглавленіе всего разсказа съ подлинника.
[2]) Іоанна XIII, 1.

жизни духовной подъ руководство Старца. Предлагаемый разсказъ, скажемъ еще, приведетъ читателей и къ перемѣщенію Старца Амвросія въ Шамардинскую женскую общину, а затѣмъ и къ послѣднимъ днямъ его. Вотъ самый разсказъ:

Какъ я попала къ Батюшкѣ.—

— *Не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ* [1]). Эти Евангельскія слова можно примѣнить къ нашему великому Старцу, Батюшкѣ отцу Амвросію. Силою благодати Божіей, обитавшей въ немъ такъ явно для искренно почитавшихъ его, онъ привлекалъ къ себѣ не только тѣхъ, которые обращались къ нему во всѣхъ скорбяхъ и нуждахъ, прослышавъ о его великихъ духовныхъ дарованіяхъ; но призывалъ къ себѣ и тѣхъ, которые не думали и не считали нужнымъ и даже возможнымъ обращаться къ нему. Изъ числа послѣднихъ была и я грѣшная.

Мірская женщина, рано вышедшая за мужъ, я кромѣ своей семейной жизни ничего не знала. О монастыряхъ, монахахъ и ихъ Старцахъ хотя и слыхала, и видала ихъ еще въ дѣтствѣ; но имѣла самое смутное, и даже превратное понятіе, которое мнѣ было втолковано такими же, ничего не понимающими, людьми, какъ была и я сама. А узнавать что либо подробнѣе о нихъ не считала нужнымъ; короче сказать,—вовсе не думала о томъ.

При всей моей, согласной съ мужемъ, жизни, Господь часто посѣщалъ меня разными скорбями, то потерею дѣтей, то болѣзнями.

Но во всю мою многолѣтнюю замужнюю жизнь ни разу мнѣ не было такъ тяжело, безотрадно, какъ въ 1884-й и послѣдующіе за тѣмъ годы. Будто какая-то безпросвѣтная туча, нагрянули на меня скорби со всѣхъ сторонъ, и съ разу разстроили всю мою семейную жизнь. Потеря, въ слѣдствіе дерзкаго обмана, матеріальныхъ средствъ, собранныхъ многолѣтнимъ трудомъ покойнаго мужа, настолько повліяла на него, что онъ нажилъ болѣзнь, такъ часто случающуюся въ нашъ вѣкъ,—постепенный параличъ мозга, и при этомъ грудную жабу. Невыразимы были и его, и мои страданія. Между прочимъ положеніе въ свѣтѣ, его служба, которую онъ въ началѣ могъ еще продолжать, и дочь, молодая дѣвушка, требовали отъ меня, какъ мнѣ казалось тогда, поддержки знакомства и свѣтской жизни; что мнѣ, при душевномъ моемъ разстройствѣ, нелегко было. Къ тому-же еще, не малую скорбь и заботу составляло намъ съ мужемъ предполагавшееся замужество дочери за избранника нашего родительскаго сердца, впрочемъ не безъ согласія на то и ея самой. Дѣло это, повидимому не безъ причины, тянулось и откладывалось съ году на годъ. Занятія молодаго человѣка требовали постояннаго его присутствія на мѣстѣ его жительства, обѣщая ему блестящую будущность, за которой онъ гнался, какъ за привидѣніемъ, и тѣмъ затягивалъ себя и насъ. Но

---

[1]) Іоанна XV, 16.—Текстъ этотъ выставленъ въ рукописи, какъ епиграфъ.

больше всѣхъ страдало отъ этого мое материнское, любившее и самолюбивое сердце, заставлявшее меня безразсудно тянуть дѣло.

На все же то была воля Божія. Не будь сего, не попала бы я къ дорогому Батюшкѣ, и никогда бы не знала и не увидала другой жизни, противоположной той, которую вела до той поры.

Разъ (помню я,—это было въ началѣ зимы 1884 года,—ровно за два года предъ тѣмъ, какъ мнѣ попасть къ Батюшкѣ) вернувшись съ большого бала предъ самымъ утромъ, съ пустотою въ сердцѣ и тяжестью въ головѣ, какъ это всегда бываетъ при подобныхъ развлеченіяхъ, почти не помолившись Богу, я бросилась утомленная въ постель, и тотъ часъ-же забылась. И вотъ вижу въ легкомъ снѣ: очутилась я въ дремучемъ вѣковомъ лѣсу,—въ такомъ, какой мнѣ приходилось видѣть только въ панорамахъ. Шла я одна по утоптанной дорожкѣ, которая скоро привела меня къ какому-то строенію, и я очутилась предъ небольшими святыми воротами, съ изображеніемъ по сторонамъ св. угодниковъ. Ворота были отворены, и я вошла въ прекрасный садъ. Шла я прямо по усыпанной пескомъ дорожкѣ. Съ обѣихъ сторонъ были цвѣты. Скоро дорожка эта привела меня къ небольшой деревянной церкви. Вошла я по ступенькамъ на паперть. Желѣзная, окрашенная зеленой краской дверь церкви, была извнутри заперта. Когда я подошла къ ней, кто-то отодвинулъ извнутри желѣзный засовъ, и отворилъ мнѣ дверь. Я увидала предъ собою высокаго роста Старца, съ обнаженной головой, въ мантіи и епитрахили. Онъ крѣпко взялъ меня за правую руку, ввелъ въ церковь, круто повернулъ направо къ стѣнѣ, поставилъ меня предъ иконой Божіей Матери. (Ѳеодоровской, какъ я впослѣдствіи узнала), коротко и строго сказалъ: „молись!“ Я и во снѣ—помню—поражена была наружностью Старца, и спросила его: „кто вы, Батюшка?“ Онъ мнѣ отвѣтилъ: я Оптинскій Старецъ Амвросій“. И, оставивъ меня одну, онъ вышелъ въ противоположную дверь церкви. Оставшись одна, и помолившись предъ иконой Царицы небесной, предъ которой меня поставилъ Старецъ, я взглянула налѣво отъ себя, и увидала гробницу или плащаницу. (Дѣйствительно, тутъ и лежитъ плащаница круглый годъ, кромѣ великаго Пятка и Субботы). Я подошла къ ней, помолилась, потомъ посмотрѣла назадъ на всю церковь. Это былъ чудный маленькій храмъ, съ розовой завѣсой на царскихъ дверяхъ, весь залитой какъ бы солнечнымъ свѣтомъ. И, странно, я очутилась вдругъ посреди его, въ бѣлой рубашкѣ, съ распущенными волосами и босая: и такъ молилась и плакала, какъ никогда наяву. Вслѣдъ за тѣмъ я проснулась. Вся подушка моя была залита слезами. Странный небывалый сонъ сдѣлалъ на меня глубокое впечатлѣніе и заставилъ меня задуматься. Мысль же поѣхать, или обратиться къ Старцу письменно, не пришла мнѣ тогда въ голову. Но видѣнный мною сонъ не выходилъ и не изглаждался изъ моей памяти. Съ сего времени прошло еще два года тѣлесныхъ страданій мужа и моихъ душевныхъ мукъ. Поѣздка его больного въ столицу къ знаменитымъ докторамъ,

съ тратою послѣднихъ средствъ на леченіе, не принесла ему никакой пользы, а лишь встревожила его. Рѣшено было нами наконецъ,— не ѣздить больше.

Но вотъ Господь восхотѣлъ еще испытать до конца насъ, для вразумленія нашего. Къ намъ въ домъ занесенъ былъ тифъ чрезъ прислугу, и мы всѣ перезаразились. Первый изъ семьи заболѣлъ тифомъ мой мужъ. Три недѣли могучій его организмъ боролся съ грозившею ему смертію, но вынесъ. На 21-й день горячка оставила его; но сдѣлалось осложненіе. Неизвѣстно отъ чего, заболѣла его пораженная нога, въ верхней части которой образовалась опухоль, съ острой болью по временамъ, особенно по ночамъ, которыя больной проводилъ безъ сна, метаясь отъ боли изъ стороны въ сторону. При томъ нога все больше пухла и рдѣла. Отъ докторовъ, не понимавшихъ болѣзни, не было помощи. Больной лежалъ и страдалъ невыразимо. Рѣшили почему-то наложить бинтъ на всю ногу. Былъ приглашенъ для этого хирургъ. При осматриваніи ноги, этотъ послѣдній опредѣлилъ внутри ея нарывъ, и что нога полна гноя. Сдѣланъ былъ разрѣзъ на три вершка глубины, и выпущена матерія. Больной получилъ облегченіе, но далеко не выздоровленіе. Чрезъ нѣсколько дней начались опять тѣ же страданія,—нога опять пухла. Пришлось въ другомъ мѣстѣ сдѣлать проколъ. Потомъ опять и опять прокалывали нѣсколько разъ; и ранки, выдѣливъ матерію, затягивались. Дошло до того, что невозможно было дальше дѣлать прокола. Всѣ ранки, не смотря на тщательный уходъ, загнаивались; наростало какъ дикое мясо; и докторъ сказалъ, что прокалывать больше невозможно. Больной лежалъ на спинѣ три мѣсяца сряду. Нога была какъ бревно. Нервы были такъ чувствительны, что прикосновеніе бѣлья причиняло ему боль. Не выносилъ онъ малѣйшаго шума. Въ комнату входила только я одна, и то въ чулкахъ по ковру. Опухоль ноги шла все выше и выше. Я не выдержала, и опять послала за докторомъ. Но тотъ, осмотрѣвши ногу, отнялъ у меня уже всякую надежду на выздоровленіе больного. Вотъ тутъ-то мысль обратиться къ молитвамъ великаго Старца въ первый разъ пришла мнѣ въ голову,—что я тогда немедля и исполнила. А сдѣлать это для меня было очень удобно. Я узнала, что одна моя родственница, духовная дочь Старца, гоститъ въ Оптиной. Я подробно описала ей состояніе больного мужа, прося ее передать все Батюшкѣ, и попросить его святыхъ молитвъ. Написала также: „думаю, что ему покажется странно, что мірская женщина обращается къ нему монаху съ этимъ“. Въ такомъ случаѣ просила ее передать ему мой сонъ про него.—Чрезъ нѣсколько дней, послѣ отосланнаго письма, перемѣняя положеніе ноги больного, я съ ужасомъ увидала, что опухоль уже захватила низъ живота. Притомъ страданія больного такъ были велики въ ту минуту, что, не зная чѣмъ ихъ облегчить, я вздумала почему-то вдругъ сдѣлать бинтъ, и перевязать около паху ногу. Больной отъ сильной боли не чувствовалъ, какъ я своими слабыми не-

умѣлыми руками, насколько возможно, приподняла его ногу, и въ нѣсколько разъ обернула бинтъ. Руки у меня тряслись. Туго сдѣлать я боялась. И конечно мой бинтъ, пришедшій почему-то мнѣ въ голову, былъ только утѣшеніемъ для меня самой. Но вотъ, не прошло и часу, какъ больной громко позвалъ меня, сказавъ: „посмотри,— что-то у меня все мокро кругомъ ноги“. Открывъ ногу, я увидала, что самая первая ранка, т. е. первый прорѣзъ, сдѣланный докторомъ за три мѣсяца до этого, который настолько заросъ, что и знака его почти не оставалось, открытъ во всю его бывшую глубину, и изъ него бьетъ матерія фонтаномъ. Трое сутокъ шла матерія безпрерывно; послѣ чего больной замѣтно сталъ поправляться въ силахъ. Списавшись объ этомъ съ своей родственницей, какъ можно было подробно, я къ моему крайнему пораженію узнала, что день и часъ открытія ранки на больной ногѣ мужа совпадали съ часомъ прочтенія моего письма Старцу моею родственницею. Настала весна. Здоровье мужа моего настолько поправилось, что онъ могъ выходить на воздухъ.

Господь посѣтилъ насъ новою скорбію и заботою. Неожиданно пріѣхалъ женихъ нашей дочери. Его пріѣздъ и обрадовалъ и какъ-то испугалъ всѣхъ насъ. Онъ объявилъ, что хочетъ покончить свою погоню за наживой, и уже почти покончилъ съ тѣмъ, чтобы женившись поселиться вблизи насъ въ городѣ. У него были средства, но для семейнаго человѣка недостаточныя; потому нужно было ему пріискать службу; за что мы съ мужемъ и взялись. Затѣмъ онъ уѣхалъ, чтобы, закончивъ всѣ свои дѣла, чрезъ два мѣсяца вернуться къ намъ совсѣмъ.

Оставшись съ заботой, послѣ его отъѣзда, я въ первый разъ написала Старцу сама. Не описывая дѣла подробно, такъ какъ боялась и ему открыть тайну, я назвала только имена дочери и ея жениха, прося его усердно помолиться за здоровье обоихъ. Очень скоро, сверхъ моего ожиданія, я получила отъ Батюшки такой-же короткій отвѣтъ, какъ и мое письмо. „О такихъ-то, писалъ онъ, помолюсь. Но и ты молись сама,—это принесетъ пользу и имъ и тебѣ. Многогрѣшный Іеромонахъ Амвросій“.—Тутъ же мнѣ вскорѣ передали, что Старецъ, вышедъ на общее благословеніе, сказалъ при всѣхъ: „я получилъ письмо изъ г. N отъ г-жи (назвалъ мою фамилію). Чудачка! у ея дочери должно быть есть женихъ; а они это даже и отъ насъ скрываютъ“.—Прошло условныхъ два мѣсяца, а о женихѣ моей дочери не было и слуху. Недоумѣвая и безпокоясь, я письменно спросила его, почему онъ не ѣдетъ и молчитъ, и, хотя не скоро,—получила отвѣтъ; но какой? Не только я не узнала его въ письмѣ, даже и въ почеркѣ было измѣненіе. Это просто было письмо или пьянаго или сумасшедшаго. Оно разрушило всѣ наши надежды, оставляя глубокую рану въ сердцахъ нашихъ. Я не хотѣла отвѣчать на его письмо, но меня къ тому принудили мои. Безсодержателенъ впрочемъ былъ мой отвѣтъ тому, котораго я уже считала какъ бы

своимъ сыномъ, недоумѣвая, что съ нимъ могло случиться. Душевныя силы мнѣ измѣнили на этотъ разъ. Не зная, какъ справиться съ собой,—тѣмъ болѣе, что предстояло скрывать свою скорбь отъ близкихъ и чужихъ,—я придумала пойти пѣшкомъ на богомолье къ мѣстному угоднику, въ надеждѣ—тѣлесною усталостію убить душевную муку. Для меня, не привычной къ ходьбѣ, путь былъ неблизкій. Вышла я съ горничной изъ дома рано утромъ, къ самому дню памяти святаго. Прошла верстъ пять. Отъ непривычки ходить и отъ потрясенныхъ нервъ горемъ силы стали мнѣ измѣнять. Къ вечеру разболѣлась у меня голова, руки и ноги, и я едва дотащилась до мѣста. Сдѣлался жаръ во всемъ тѣлѣ, и отнялась правая рука со стороны больного виска,—чего прежде со мною не было. Придя въ монастырь, гдѣ находятся мощи угодника (подъ спудомъ), я упала на первый попавшійся камень, не имѣя силъ двинуться дальше, и очень раскаяваясь, что не разсудивши о трудности пути и своихъ слабыхъ силахъ, рѣшилась на такое путешествіе. Послала горничную поискать себѣ мѣсто въ гостинницѣ; но она скоро вернулась, сказавъ, что за большимъ стеченіемъ народа нѣтъ нигдѣ свободнаго уголка. Пришлось идти въ село, которое при самомъ монастырѣ, и тамъ искать себѣ пріюта. Тамъ, въ общемъ съ другими богомольцами помѣщеніи, нашелся и для меня уголокъ: досталась мнѣ одна голая скамья; да хозяйка изъ жалости ко мнѣ, такой больной и слабой, дала мнѣ свою подушку. Отъ боли почти не сознавая себя, я какъ была одѣтая, такъ и бросилась на скамью. Но крикъ гуляющаго на улицѣ народа и шумъ приходящихъ къ моей хозяйкѣ гостей не давали мнѣ покоя всю ночь. Къ тому еще невыразимая боль всего тѣла не давала мнѣ возможности даже удобнѣе лечь. Къ утру стихъ уличный крикъ, и я забылась легкимъ сномъ, который меня перенесъ домой. Представилось мнѣ, будто я въ своей гостинной на диванѣ. Но сонъ мой былъ такъ легокъ, что боль во всемъ тѣлѣ и во снѣ ощущалась. Вдругъ будто двери комнаты отворились, и ко мнѣ подошелъ Старецъ монахъ. Протянувъ руки, онъ поднялъ меня, посадилъ и заботливо спросилъ: „что у тебя болитъ?“ Я, очень помню, ему отвѣтила: „руки и ноги, Батюшка, а больше всего голова“,—которую и положила ему на руки. Старецъ своими руками охватилъ мои больныя руки и ноги, а по головѣ по больному мѣсту три раза ударилъ. Тутъ я спросила кого-то, стоявшаго за Старцемъ: „кто это?“ И получила отвѣтъ: „да это-же Старецъ Оптинской Амвросій“. Вдругъ голосъ моей хозяйки разбудилъ меня: „уже пять часовъ, благовѣстятъ къ обѣднѣ;—пойдешь, барыня?“ Я вскочила на ноги. Ни боли головы, ни боли въ тѣлѣ не ощущалось,—я была здорова, бодрая, вся какъ-то ожившая. Я перекрестилась, и, всполоснувъ лицо холодной водой, пошла въ церковь; отстояла обѣдню, молебенъ съ акаѳистомъ угоднику, и уже собиралась идти подкрѣпиться чаемъ, чтобы потомъ пуститься въ обратный путь.—„Какъ?—говоритъ моя горничная, неужели мы, бывши здѣсь, не пойдемъ купаться въ свя-

томъ колодцѣ угодника?“ Я ей попробовала было сказать, что „купальня отъ монастыря въ четырехъ верстахъ,—туда и сюда будетъ восемь верстъ. А намъ надо, во чтобы-то ни стало, къ вечеру быть дома; такъ какъ мужъ мой, не совсѣмъ здоровый, станетъ тревожиться за меня“. Но, вспомнивъ свое дивное исцѣленіе Старцемъ въ эту ночь, пошла. Мы искупались. И такъ какъ на это потребовалось довольно времени: то я, почти не останавливаясь, зашла еще въ церковь, приложилась къ угоднику, и простившись съ хозяйкой, отправилась въ обратный путь, который и совершила такъ легко и бодро, что удивила всѣхъ своимъ раннимъ приходомъ.—Вотъ тутъ уже я рѣшила,—не смотрѣть ни на какія препятствія, а ѣхать въ Оптину къ Старцу, Батюшкѣ о. Амвросію, такимъ дивнымъ образомъ призывавшему меня грѣшную къ себѣ.

Мой пріѣздъ къ Старцу. Первая моя поѣздка въ Оптину устроилась въ первыхъ числахъ Іюля 1886 года. Отправилась я съ одной моей родственницей, которая извѣстна была Старцу и пріѣхала къ намъ погостить, и съ моею дочерью. Всѣ мы втроемъ, какъ сей часъ помню, пріѣхали въ пустынь утромъ довольно рано. Наскоро напившись чаю въ номерѣ, мы поспѣшили въ скитъ. Отпущена была я мужемъ съ дозволеніемъ пробыть въ обители только одинъ день. Отъ волненія, усталости и разныхъ впечатлѣній голова моя кружилась,—и немудрено. Дорожка, ведущая въ скитъ, Оптинскій лѣсъ, святыя скитскія ворота, все было мною узнано, потому что все было точно такъ, какъ мнѣ представлялось въ первомъ моемъ сновидѣніи, и глубоко тронуло меня. Въ отворенныя ворота скита я увидѣла тотъ самый храмъ, въ которомъ была во снѣ.

Войдя въ Старцеву хибарку, мы застали тамъ множество народа. Тѣснота, удушливый воздухъ, и вообще вся обстановка, по непривычкѣ, сильно повліяли на меня. Батюшка скоро позвалъ всѣхъ насъ трехъ вмѣстѣ,—родственницу и меня съ дочерью. Я почти шаталась, когда вошла къ нему. Взглянувъ на Старца, я сразу его узнала; только выраженіе лица его въ это время было иное, какъ представлялось во снѣ. Батюшка взглянулъ на меня строго и такъ испытующе, что я сразу смутилась, и испугавшись, остановилась на порогѣ. Мои подошли первыя,—какъ будто онѣ ничего не замѣтили. Батюшка же сказалъ мнѣ: „долго собиралась,—чего медлила?“ Я ничего ему не отвѣтила, подошла, приняла благословеніе, и стала предъ нимъ на колѣни. Моя родственница начала было что то говорить о себѣ; но Батюшка обратившись къ моей дочери, спросилъ: „ты имѣешь что нибудь сказать мнѣ?“ А та, сильно смутившись, только отвѣтила: „Мать вамъ все скажетъ.“ — Дочь моя съ родственницей вышла, и я осталась съ Старцемъ наединѣ. Смутившись также не менѣе дочери, я растерялась, и начала говорить съ конца, забывъ, что Старецъ видитъ насъ въ первый разъ, и потому съ нашими обстоятельствами долженъ быть незнакомъ. Я начала говорить о непріятномъ, поразившемъ меня, письмѣ жениха моей дочери, о непо-

нятномъ для насъ его поведеніи, и о своемъ оскорбленномъ самолюбіи. Батюшка, не давъ мнѣ договорить, сказалъ: „за чѣмъ отвѣчала?“ Я сослалась на то, что была вынуждена своими. — „Ну, впрочемъ, прибавилъ онъ, твое письмо ничего не значитъ“.—Въ томъ и другомъ случаѣ Старецъ сказалъ правду, хотя я еще не успѣла высказать ему ни о своемъ отвѣтѣ на письмо жениха моей дочери, ни о безсодержательности этого отвѣта. Все это, оказалось, онъ зналъ по своей прозорливости. „Богъ отвелъ его отъ твоей семьи, продолжалъ говорить Старецъ, — онъ не богомольный, не по твоей семьѣ. Вѣдь онъ—(тутъ Старецъ назвалъ его занятіе; они всѣ такіе небогомольные. Если бы состоялся бракъ, онъ чрезъ четыре года бросилъ бы ее.“ — На мое возраженіе, что онъ человѣкъ хорошій, бываетъ въ церкви, и изъ хорошей семьи, Батюшка сказалъ: „былъ хорошъ, могъ измѣниться. Ходитъ въ церковь,—а за чѣмъ? Это не кровь и не плоть твоя,—чего ручаешься? Ты во всемъ виновата. Какая глупость была, тянуть дѣло столько лѣтъ! (Батюшка и это зналъ безъ предварительнаго о семъ объясненія). Бросить теперь-же все, не писать и не узнавать о немъ!“—сказалъ Старецъ строго.—„Забудешь,— прибавилъ онъ мнѣ еще въ утѣшеніе, все пройдетъ. Нападетъ на тебя тоска, читай Евангеліе. Ступай! Слышишь! — отнюдь не узнавать о немъ“!

Я вышла отъ Старца. Въ душѣ у меня все перевернулось. Мнѣ казалось, что онъ разрушилъ всѣ мои надежды. Позвали мою дочь, но она скоро вышла отъ Старца задумчивая. На мои къ ней слова, что я такъ смутилась, что не могла ничего высказать Батюшкѣ, и она также мнѣ отвѣтила: „и я ничего не сказала о себѣ“. Разсуждая такъ между собою, и стоя спиной къ дверямъ, мы не замѣтили, какъ вышелъ Старецъ самъ за нами. Ударивъ насъ слегка палочкой по головамъ, онъ сказалъ: „Ну, этотъ мудреный народъ насильно отсюда не прогонишь.“ — Мы обѣ въ одинъ голосъ сказали: „Батюшка, мы обѣ ничего вамъ не высказали“. — „Ну, приходите въ два часа“, заключилъ онъ.

Вышедши, помнится мнѣ, изъ хибарки, и сѣвши на скамейку около скита, я горько неутѣшно заплакала. Сердце мое разрывалось отъ разрушенной надежды. Мнѣ казалось невозможнымъ, — что Батюшка велѣлъ сдѣлать. Дочь же моя была покойна и весела,—у нея какъ бы вся скорбь отлегла. Впослѣдствіи она передала мнѣ такія къ ней Старцевы слова: „не говори матери, — твой женихъ пропадетъ совсѣмъ“. Это и случилось на самомъ дѣлѣ и очень скоро, — его постигла ужасная участь. Кромѣ того, впослѣдствіи оказалось за нимъ тридцать тысячъ долгу.

Пришедши въ два часа къ Старцу, я приготовилась немного кое-что сказать ему, но Батюшка, не смотря на докладъ келейника, не принималъ меня. Я сѣла на порожкѣ подлѣ иконы Божіей Матери „Достойно есть“, и рѣшилась ждать. Толпа опять нахлынула. Тутъ были монахини и мірскія, давно и только что пріѣхавшія. Всѣхъ

брали, а я все сидѣла. Батюшка не выходилъ для общаго благословенія, и меня не бралъ. Я ждала не смотря на усталось; мои же ходили, отдыхали и опять приходили. А я все сидѣла. Голова моя туманилась отъ непривычной обстановки. Но вотъ въ толпѣ я услыхала, что пріѣзжимъ можно у Старца исповѣдываться, и не пріобщаясь св. Христовыхъ Таинъ. Я попросила келейника передать Старцу мое желаніе исповѣдаться у него, и получила чрезъ него же отвѣтъ: „хорошо“. Опять осталась я ждать; но время проходило, а меня не звали. Я прождала ровно восемь часовъ къ ряду, и Батюшку не видала.

Въ 10 часовъ вечера насъ позвали къ Батюшкѣ въ келью на общее благословеніе. Всѣ кинулись туда. Я попала одна изъ первыхъ, — народомъ меня толкнуло прямо къ Старцу въ ножки. По своему обыкновенію отъ усталости онъ лежалъ на койкѣ. Узнавъ сейчасъ же меня, онъ пригнулъ мою голову къ кожанной подушкѣ, на которой лежалъ, и положилъ свою лѣвую руку всю на меня. Локтемъ прижалъ мою голову къ подушкѣ, и такъ сталъ благословлять весь народъ. Я задыхалась. При моей малѣйшей попыткѣ приподняться, Батюшка еще крѣпче меня прижималъ. Наконецъ, благословивши всѣхъ, онъ поднялъ голову мою, перекрестилъ меня и сказалъ: „приходи завтра утромъ; а въ 12 часовъ, пообѣдавъ, выѣдешь изъ пустыни.“—На другой день утромъ, когда я съ дочерью вошла къ Старцу, онъ спросилъ: „тутъ кто-то желалъ исповѣдаться!“ Я изъявила свое желаніе, и моя дочь тоже. Батюшка оставилъ меня; на мое признаніе,—„во всемъ грѣшна“, Онъ спросилъ: „а лошадей крала?“ Я отвѣтила: „нѣтъ“.—„Ну вотъ, видишь, и не во всемъ“, сказалъ Старецъ, улыбнувшись. На мои слова, что совсѣмъ не умѣю исповѣдываться, Батюшка замѣтилъ: „отъ исповѣди выходишь, какъ святая“.

Отпуская меня, Старецъ строго повторилъ вчерашнее. и еще добавилъ: „видишь, — у насъ была одна такая тёща. Зять придетъ пьяный, а она его отъ дочки прячетъ, чтобы дочь пьянаго мужа не видала, и ее не укоряла. А еще, одна, продолжалъ Батюшка, привезла къ намъ дочку просить благословенія на замужество. Сама въ молодости была красива, а вышла за некрасиваго; дочкѣ же нашла жениха рослаго и красиваго. (Женихъ моей дочери былъ рослый и красивый). А дочка ея, пріѣхавъ ко мнѣ, увидала монастырь да монашенокъ, съ ними и осталась.—У твоей дочери и еще женихъ будетъ, продолжалъ говорить мнѣ Старецъ; но опять ничего не выйдетъ, — ей назначенъ не тотъ“. Батюшка говорилъ мнѣ прямо, не скрывая своей удивительной прозорливости, ни въ моемъ настоящемъ, ни въ будущемъ. Не могла я въ то время вдругъ всего понять и вмѣстить въ себя: настоящее понимала смутно, будущее узналось впослѣдствіи — Старецъ отпустилъ меня съ тѣмъ, чтобы предъ отъѣздомъ моимъ еще позвать.

Размышляя о всемъ, сказанномъ Старцемъ, я рѣшила, что у

моей дочери, должно быть, будутъ два жениха, а выйдетъ она за третьяго. Но и этотъ помыслъ мой не скрылся отъ прозорливаго Старца. Когда я въ послѣдній разъ вошла къ нему съ дочерью и родственницею проститься, онъ указывая на дочь, сказалъ: „ей назначенъ и не тотъ, и не то".—Отпуская насъ, и указывая на мою родственницу, Батюшка сказалъ: „это первое отдѣленіе", на мою дочь—„второе"; а ты, прибавилъ онъ, третье. А знаешь, что дѣлаютъ въ третьемъ отдѣленіи? Сѣкутъ".

Отпуская насъ, Старецъ благословилъ иконочками, и далъ намъ съ дочерью книгу: „Царскій путь Креста Господня". На мою просьбу его св. молитвъ сказалъ: „буду молиться, — не проси". Но я добавила: „если Батюшка, устроится все по моему желанію, то я отдамъ вамъ свою волю", — сама впрочемъ не зная, что говорила. Батюшка улыбнулся и сказалъ: „Ну, съ тобой то мы еще успѣемъ поговорить". Я попросила Батюшку ради Бога, что-бы никто не зналъ того, о чемъ я съ нимъ говорила; но онъ опять, улыбнувшись, сказалъ: „твой секретъ на весь свѣтъ". Мы поѣхали. Когда я была на паромѣ, и случайно взглянула на часы, было 12. Тутъ вспомнились мнѣ вчерашнія слова Старца: „выѣдешь въ 12 часовъ дня изъ пустыни".

IV.

Старческое окормленіе.

(Продолженіе предыдущаго разсказа).

Пріѣхавши домой, сначала, подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго, я была покойна духомъ; но потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становилось мнѣ. Страшная тоска напала на меня. Вспомнилось мнѣ и предсказаніе Старца о ней; и я взялась за чтеніе Евангелія, но отъ наплыва мыслей даже не понимала — что читала. Страхъ чего то и кого то напалъ на меня. Въ душѣ ощущалась борьба. Воображалось, что ради послушанія Старцу я добровольно разрушаю счастіе дочери. Я разболѣлась душой. Днемъ ходила, какъ потерянная. Ночью одолѣвали меня страшные сны. Одинъ изъ нихъ особенно смутилъ меня, потому что сбылся. Потерпѣвъ немного, я написала Старцу, но неоткровенно, а поверхностно. Отвѣта не имѣла. Въ октябрѣ, на короткое время и одна, выпросилась я у мужа поѣхать въ Оптину, на что онъ согласился, хотя не совсѣмъ охотно. Пріѣхавши въ обитель, я пошла къ Старцу. Вдругъ стало мнѣ стыдно, что я такъ скоро пріѣхала опять. Вошедши къ нему въ келью, я сказала: „Батюшка! вы меня не прогоните?" На что получила отвѣтъ: „мы никого отъ себя не гонимъ". Онъ взялъ меня одну. И какъ только я осталась наединѣ съ Старцемъ, какой-то миръ душевный, забывчивость и вмѣстѣ лѣнь напали на меня. Всѣ

мои скорби показались мнѣ такимъ пустякомъ, что стыдно было утруждать Батюшку откровеніемъ всего этого. Такъ я ему ровно почти ничего и не сказала, и не объяснила толкомъ ничего, что незадолго предъ тѣмъ испытывала. Получила только на все одинъ отвѣтъ Старца: „ты его любила (жениха дочери), отъ того и искушеніе".

Вечеромъ взошла къ нему проститься. Батюшка лежалъ. Народу почти не было, и онъ былъ свободенъ. Я попросила его, чтобы онъ отпустилъ меня домой. Онъ сказалъ: „Богъ благословитъ,—поѣзжай". Я попросила его научить меня молиться. Батюшка сказалъ: „молись такъ: Господи Іисусе Христе, помилуй насъ троихъ, и сотвори въ насъ троихъ святую волю Свою.—Слышишь?—иначе не молись".— Опять это мнѣ было сильно не по сердцу. Я молилась и просила всегда у Господа,—чего мнѣ хотѣлось.

Вернувшись домой такъ, какъ потомъ — слыхала — говаривалъ самъ Батюшка,—„съ чѣмъ пріѣхала, съ тѣмъ и уѣхала", и не получивъ отъ Старца ни утѣшенія, ни наставленія за невысказанное мною ему смущеніе, я стала вдвое больше тосковать. Къ тому же и страхъ чего-то сталъ нападать на меня вдвое больше.

Видя меня такою измѣнившеюся и разстроенной, очень близкая ко мнѣ особа, одна знавшая наши домашнія дѣла, у которой моя дочь почти выросла на рукахъ, стала меня смущать просьбой—разрѣшить ей хотя узнать (вопреки Старцевой заповѣди „не узнавать"), что случилось съ женихомъ моей дочери.—„Ну, положимъ, говорила она, вы уже считаете Старца за святаго, и связаны его словомъ; а я то при чемъ тутъ? Наконецъ, мнѣ ваша дочь также близка, и я хочу знать, что съ нимъ сдѣлалось". Искушеніе для меня было слишкомъ велико. Я поддалась, — точно разумъ былъ отнятъ у меня, и сказала: „ну, дѣлайте какъ хотите". Скоро я почувствовала и упрекъ совѣсти. Вѣдь могла же я удержать ее своимъ несогласіемъ, и она бы меня послушалась. Наконецъ, не все-ли это было равно, кто бы изъ насъ ни написалъ,—она или я. Да и онъ хорошо это зналъ.

Наказаніе за непослушаніе Старцу не замедлило воспослѣдовать: Отвѣтъ былъ полученъ. Письмо было полно отчаянія: писали,—просили спасти отъ неминуемой ужасной смерти; для чего требовалась высылка порядочной суммы денегъ. Обращались съ просьбой ко мнѣ. Неопытная, довѣрчивая, непривыкшая къ столкновенію съ разнородными людьми, я повѣрила, тронувшись безвыходнымъ положеніемъ молодого человѣка. Но предварительно послала его письмо цѣликомъ къ Старцу, прося у него благословенія помочь находившемуся въ бѣдѣ, съ вопросомъ впрочемъ,—какъ поступить. Батюшка отвѣтилъ мнѣ телеграммой, значенія которой я тогда не поняла. Спрашивать еще, мнѣ показалось, будетъ долго; побоялась, какъ-бы что не случилось съ нимъ. Деньги наши—послѣднія крохи были у насъ на рукахъ. Я спросила своихъ, — послать-ли, мои согласились. И я послала, не написавъ при этомъ почти ничего, въ надеждѣ, что сами догадаются увѣдомить меня въ полученіи денегъ, и выслать обезпе-

ченіе въ нихъ. Но этого ничего не было. Мнѣ почувствовался обманъ.— Я поѣхала къ Старцу, и, припавъ къ нему, съ раскаяніемъ сказала: „простите Батюшка, я вамъ не повѣрила“. Съ какою любовію и сожалѣніемъ онъ обратился ко мнѣ! — „Отъ чего же ты мнѣ не повѣрила? Впрочемъ, это вамъ всѣмъ полезно,—лучше будете разбирать людей“.

Я осталась тогда около Старца пожить нѣкоторое время, что-бы отдохнуть отъ всѣхъ передрягъ. Разъ, я помню, меня позвали къ нему утромъ. Но лишь только я стала на колѣни передъ Батюшкой, какъ онъ всталъ и ушелъ въ свою спаленку. Я какъ стояла на колѣнахъ, такъ и осталась подлѣ его постельки въ раздумьи, — куда-же это Батюшка ушелъ. Старца долго не было. Наконецъ онъ вернулся, и подойдя ко мнѣ, хлопнувъ меня по головѣ, сказалъ: „монашкой будешь, — только не спѣши“. Какая-то радость и вмѣстѣ испугъ почувствовались мною отъ словъ Батюшки. Я не могла понять, какъ это можетъ быть. Мужъ мой былъ живъ, и еще дочь была на рукахъ.—„Я боюсь“, былъ мой глупый отвѣтъ Старцу. — „*Тамо убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ*“ [1]), сказалъ онъ мнѣ изъ псалтири. Я же продолжала: „я и такъ, какъ стала ѣздить къ вамъ, чего-то стала бояться: на меня нападаетъ страхъ молиться; въ темную комнату боюсь войдти,—кто-то пугаетъ меня; книги мірской не могу читать, — всюду мнѣ попадается противъ религіи, и я вся смущаюсь; дала себѣ слово ужъ больше ничего не читать; прежде-же я этого ничего не замѣчала, и читала спокойно“. „Это все у тебя искушеніе, — все скоро пройдетъ, сказалъ на слова мои Батюшка; читай три раза въ день 90-й псаломъ: Живый въ помощи Вышняго“.

Еще разъ, на общемъ благословеніи, монахини при мнѣ стали дѣлать вопросы Старцу, относительно ихъ монашеской жизни. Мнѣ, ничего этого не понимавшей, показалось до того мелочнымъ и глупымъ, что я подумала,—возможно ли, и какъ не совѣстно спрашивать объ такихъ пустякахъ Старца. Оставшись съ нимъ одна, я высказала ему это. А Батюшка мнѣ отвѣтилъ: „не осуждай,—изъ мелочей составляется крупное“; и добавилъ: „сама такая же мелочная будешь, и спрашивать станешь обо всемъ“. Мнѣ подумалось,—„ну, я до этого не дойду“.

Въ этотъ разъ Батюшка оттягивалъ мой отъѣздъ; оставилъ меня пожить подлѣ себя. Мнѣ онъ сказалъ: „я буду тебя брать, когда придется, и мнѣ будетъ свободно; а ты сиди въ хибаркѣ,—моя хибарка всему тебя научитъ, и терпѣнію и смиренію“. Правду сказалъ Батюшка. Въ этой хибаркѣ мнѣ пришлось многое испытать, потерпѣть и многому научиться.

Уѣзжая въ этотъ разъ отъ него, я сказала: „Батюшка! я что-то привязалась къ вамъ“. Батюшка поднялъ ручку, и погладилъ меня слегка по лбу. Я продолжала: „только я боюсь избаловаться подлѣ

---

[1]) Псал. ХШ, 5.

васъ; дома мнѣ очень трудно живется, а здѣсь хорошо". „Нѣтъ, сказалъ Батюшка, ты подлѣ меня не избалуешься".

Нескоро мнѣ потомъ пришлось поѣхать къ Батюшкѣ. Прошло мѣсяца три слишкомъ. У меня вдругъ умерла мать, очень старая женщина. Съ нею случился ударъ, вслѣдствіе чего она осталась безъ языка. Впрочемъ священникъ успѣлъ ее особоровать и пріобщить Св. Христовыхъ Таинъ. Меня смущала мысль, въ полной ли она была при этомъ памяти. Схоронивъ ее, я тотчасъ же поѣхала къ Старцу. Меня къ нему позвали. Не давъ еще мнѣ переступить порогъ кельи, Батюшка спросилъ съ безпокойствомъ: „что съ тобой случилось"? Я сказала, что у меня умерла мать, завтра ей девятый день, и высказала при этомъ, что меня тревожило. — „Она была въ полной памяти". утвердительно сказалъ Старецъ: „иначе священникъ не пріобщилъ бы ее". И напомнилъ мнѣ одно обстоятельство, при смерти моей матери, ясно доказывавшее, что умирая, она была въ памяти; мною же это упущено было изъ вида. Тогда я совершенно успокоилась, удивляясь прозорливости Старца.

Но чѣмъ дальше я оставалась при Батюшкѣ, тѣмъ болѣе и болѣе нападали на меня искушенія. Сидя цѣлый день въ хибаркѣ, я стала смущаться всѣмъ слышаннымъ кругомъ. Разныя глупыя, непрошенныя, мысли стали осаждать меня. Высказать же ихъ Старцу, казалось мнѣ, стыдно и невозможно; но отъ этого мнѣ становилось все труднѣе и труднѣе, и все мнѣ сдѣлалось въ соблазнъ. Я мучилась и молчала. А прозорливый Батюшка слѣдилъ за мной, и спустя нѣсколько времени, на общемъ благословеніи вдругъ сказалъ мнѣ: „оставь свои дурныя мысли, а то разболится у тебя голова". Онъ такъ поразилъ меня этимъ, что я сейчасъ же попросилась къ нему, и спросила: „почему вы, Батюшка, знаете, что у меня дурныя мысли": Онъ ласково улыбнулся и сказалъ: „Богъ еще больше знаетъ". — Столько мнѣ давалъ отецъ мой; но я безтолковая не понимала, и не вѣрила ему, и не знала, какъ мнѣ поступить.

Въ этотъ же мой пріѣздъ, Батюшка обличилъ меня на общемъ благословеніи, и какъ? Вышелъ онъ по обычаю къ намъ въ хибарку, и сѣлъ на диванчикъ. Насъ было не особенно много. Ближе всѣхъ къ нему стояла на колѣняхъ одна пожилая, и всѣми уважаемая, монахиня, давнишняя духовная дочь Старца. Батюшка взялъ ее голову себѣ въ колѣна, и, ударяя ее по головѣ рукой, сталъ говорить, ни на кого не смотря: „Мать Е.! тебѣ трудно попасть въ святыя: ты ничему не вѣришь, ничего не видишь и ничего не понимаешь, — что для тебя ни дѣлай". — „Батюшка, сказала та удивленно и съ огорченіемъ, Господь съ вами! что вы это говорите? Когда же я вамъ не вѣрила"? Но Батюшка, не слушая ее, продолжалъ, обращаясь къ ней, обличать меня. Онъ тутъ высказалъ все то, что было скрыто въ моей душѣ. Я стояла, какъ приговоренная, краснѣя, и не зная куда дѣваться. Монахиня же пробовала оправдываться. Послѣ я слы-

шала, она говорила: „каково же мнѣ Батюшка сказалъ! Что онъ заставилъ меня потерпѣть! И это потому, что ему нужно было обличить кого-то въ толпѣ; а онъ обратилъ все это на меня". — При этомъ Батюшка тутъ же еще сказалъ: „Смотрите, крѣпко беритесь и держитесь за мою мантію, чтобы не было такъ: разъ одна ухватилась за Старцеву мантію, онъ ее и понесъ черезъ пропасть. Но когда она увидала и дочь свою ухватившеюся за нее, то стала отрывать ее, и обѣ оборвались и полетѣли въ пропасть". Это сказано было тоже мнѣ въ предупрежденіе.

Послѣ всего этого пришло мнѣ сильное желаніе высказывать Старцу все, но я не умѣла за то взяться. Попрошусь къ нему, да то одно, то другое забуду. Обладая вообще хорошею памятью, я недоумѣвала, почему у Старца я все перезабуду, и не смогу ему сказать. Встрѣтилась однажды въ Оптиной съ одной моей знакомой, очень говорливой особой, совѣту которой я никогда бы не послѣдовала, считая себя, какъ мнѣ казалось тогда, умнѣе ея. Разговорившись однажды съ нею, я высказала ей, что все нужное всегда забываю сказать Старцу. На что услышала отъ нея такой отвѣтъ: „да это и со всѣми такъ бываетъ; надо записывать, что сказать,—врагъ крадетъ". Я ей не повѣрила. Но когда я, въ тотъ же день, пришла къ Старцу на общее благословеніе, онъ разглядѣлъ меня въ толпѣ, и подозвавъ, серіозно сказалъ: „Подумай ты, кто былъ Апостолъ Петръ; а и тотъ послушался пѣнія пѣтуха и покаялся; а кто былъ пѣтухъ, — птица". Ясно поняла я, что этимъ хотѣлъ сказать мнѣ Старецъ, т. е. что Апостолъ Петръ, услыхавъ пѣніе пѣтуха, который напомнилъ ему грѣхъ отреченія, покаялся; а я не хотѣла послушать человѣка, говорившаго мнѣ истину, гордилась противъ нея, не желая слѣдовать ея совѣту. Отпуская народъ, Старецъ стукнулъ меня палочкой по головѣ, и сказалъ: „а ты, дуракъ, записывай". Съ тѣхъ поръ я стала записывать понемногу, и неумѣючи. Но тутъ родной Батюшка училъ меня съ терпѣніемъ и любовію, какъ надо записывать.

Скоро пришла мнѣ мысль разсказать Старцу всю свою жизнь и грѣхи съ семилѣтняго возраста заразъ. Пришедши къ нему исповѣдаться, я высказала ему эту свою душевную потребность, и съ полной вѣрой сказала: „вы, Батюшка, сами мнѣ помогите; я многое забыла, и не могу всего сказать". — Началась страшная и до той поры непонятная и недовѣдомая мнѣ исповѣдь. Все забытое, недосказанное и непонятное мнѣ говорилъ самъ Старецъ. Вся моя жизнь, моя душа были открыты предъ нимъ, какъ открытая книга. Ему было все извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ самой. По мѣрѣ вины и обстоятельствъ, онъ или оправдывалъ или обвинялъ меня. Тутъ онъ даже сказалъ мнѣ одинъ грѣхъ, которому, мнѣ казалось, я и непричастна была. Огорчившись, я сказала ему: „Батюшка! въ этомъ случаѣ я даже и не думала ничего дурнаго; развѣ я къ вамъ съ обманомъ пришла"! — „Нѣтъ, сказалъ мнѣ кротко Батюшка, не съ обманомъ. Да ты не

думай объ этомъ, я такъ сказалъ,—забудь". —Взглянувъ при этомъ на Старца, я увидала Батюшкины глазки. Они были открыты во всю ихъ величину, полны необычайнаго огня, и смотрѣли прямо мнѣ въ сердце. Я ушла, но мысль о сказанномъ мнѣ Старцемъ грѣхѣ не давала мнѣ покоя. — На другой день я опять попросилась къ нему и сказала: „Батюшка, вы вчера смутили меня, я ничего не знаю за собой". —„Я тебя не смутилъ, отвѣтилъ мнѣ Старецъ, но хотѣлъ"... и не договоривъ, повторилъ: „забудь". —Послѣ того я строго стала слѣдить за каждымъ своимъ поступкомъ и мыслію. И вотъ скоро, ослѣпленныя до той поры, душевныя мои очи открылись, и я увидѣла, что дѣйствительно невѣдомый мною грѣхъ, о которомъ напомнилъ мнѣ Старецъ, былъ,—въ чемъ я и созналась предъ нимъ.

Случилось со мною, помнится, еще большее искушеніе. Я готовилась къ принятію св. Таинъ Христовыхъ. Исповѣдалась, и осталась, по своему обыкновенію, слушать бдѣніе въ хибаркѣ у Старца. Былъ канунъ какого-то праздника. Народу было много на нашей женской половинѣ. Слушая службу разсѣянно, и предавшись разнымъ мыслямъ о всемъ мною видѣнномъ и слышанномъ, я такъ вдругъ все растеряла, и такъ все у меня перевернулось въ головѣ, что на минуту все забылось, что давалъ мнѣ мой отецъ, и страшное сомнѣніе въ прозорливости Старца, совсѣмъ уже ни на чемъ неосновательное, вкралось на минуту въ мою душу. Болѣе меня опытный въ духовной жизни понялъ бы, и отогналъ непрошенную мысль Я же перепугалась, и стояла растерянно. Мысли больше и больше путались. Началось чтеніе каѳизмъ. Вдругъ, безъ предварительнаго увѣдомленія келейника, показался на порогѣ Старецъ, въ бѣленькомъ балахоникѣ, съ накинутой на плечахъ короткой мантійкой, какъ молился. И вышелъ онъ теперь не такъ, какъ дѣлывалъ всегда,—помолится сначала на икону „Достойно есть", или „Милующую", и пойдетъ благословлять. Нѣтъ. Онъ на порогѣ остановился, взглянувъ куда-то выше нашихъ головъ къ печкѣ, и стоялъ такъ съ минуту. Глазки его были полны необыкновеннаго огня и грозны. Всѣ мы вздрогнули, такъ какъ всѣ до одной замѣтили это. Затѣмъ Батюшка сошелъ съ приступокъ, и сталъ спокойно всѣхъ благословлять направо и налѣво. Дошедши до меня, онъ неожиданно сѣлъ на стулъ, за которымъ я стояла. Когда такимъ образомъ очутилась я подлѣ Старца, и стала предъ нимъ на колѣна, все искушеніе отъ меня тотчасъ отлетѣло; глубокое раскаяніе въ моей непрошенной мысли охватило меня. Батюшка же, приподнялъ свою палочку, и постучавъ ею крѣпко объ полъ, сказалъ: „ужъ я прогоню эту черную галку", и всталъ. Тогда я сказала: Батюшка! возмите меня на минутку, — я къ завтрему готовлюсь". Но Старецъ перекрестилъ меня большимъ крестомъ, и ласково сказалъ: „ну, нѣтъ не могу; завтра придешь".

На утро пріобщившись св. Христовыхъ Таинъ, я пошла къ Батюшкѣ, съ твердымъ намѣреніемъ разсказать всѣ смущавшіе меня противъ него, помыслы, несмотря на то, что послѣ всего, дарован-

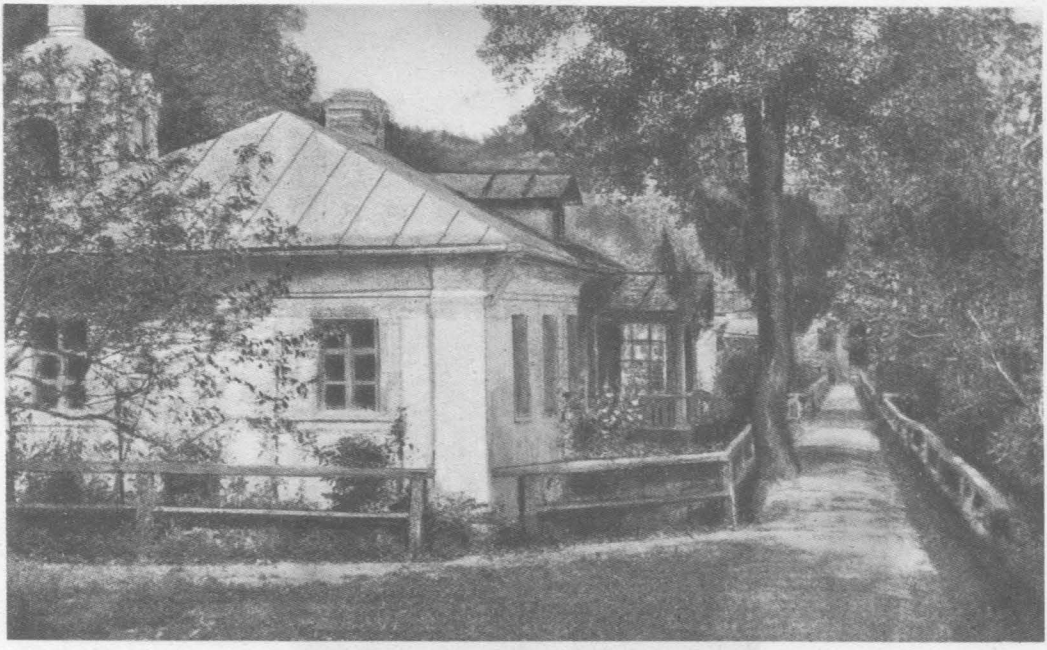
наго мнѣ имъ, мнѣ было предъ нимъ стыдно, и я не знала, какъ начать говорить. Старецъ сейчасъ же меня принялъ. Онъ лежалъ на своей постелькѣ. Личко у него было такое свѣтлое, веселое. Я подошла, и ставъ на колѣна сказала: „простите меня, Батюшка". Батюшка перекрестилъ меня, и такъ скоро весело мнѣ сказалъ: „Богъ тебя проститъ". Мнѣ почувствовалось на душѣ легко. Батюшка не спросилъ меня, въ чемъ я была виновата, и ничего не далъ мнѣ сказать. Но, приласкавъ меня, крѣпко дернулъ за колокольчикъ; а вошедшему келейнику велѣлъ позвать, пріѣхавшихъ изъ далека, какихъ-то монахинь. Меня же оставилъ стоять подлѣ себя, и, положивъ головку на мою голову, говорилъ съ ними, а потомъ всѣхъ насъ отпустилъ. Я вышла радостная, недоумѣвая только, почему я такъ легко отдѣлалась. Батюшка до той поры всегда спрашивалъ, въ чемъ я чувствовала себя виновною. А когда бывало скажешь: „что вамъ говорить?—Вы сами все знаете".—„Я то знаю, отвѣтитъ онъ, да ты-то говори". А тутъ Батюшка прямо простилъ, и совѣсть моя успокоилась.

Прошло послѣ этого дня три, и я уже все забыла. Батюшка вышелъ днемъ на общее благословеніе, и сѣлъ на диванчикъ во второй комнатѣ. Не ожидая, что онъ сядетъ, я осталась назади. За множествомъ народа не попала близко къ Старцу, стояла у притолки, и смотрѣла на него. Въ толпѣ однакожъ онъ нашелъ меня глазами, и улыбнувшись, сталъ разсказывать: „Былъ у меня знакомый протопопъ. Пришелъ къ нему однажды его духовный сынъ исповѣдаться, и послѣ исповѣди согрѣшилъ, — соблазнился и укралъ протопопову дорогую шапку съ бобромъ. Пришедши же домой, пораздумалъ, — какъ же я буду пріобщаться. Пошелъ опять къ своему духовному отцу, и просилъ прощенія, но не сказалъ, въ чемъ согрѣшилъ. Протопопъ тоже не спросилъ, и отпустилъ ему грѣхъ. Когда же онъ ушелъ, тогда только протопопъ спохватился, что обокраденъ, и шапки его нѣтъ". — При этомъ Батюшка прищурилъ глазки, и пристально поглядѣлъ на меня. Я же сейчасъ поняла, въ чемъ дѣло, попросилась къ нему и разсказала все чистосердечно. Онъ посмѣялся этому, и вторично все мнѣ простилъ.

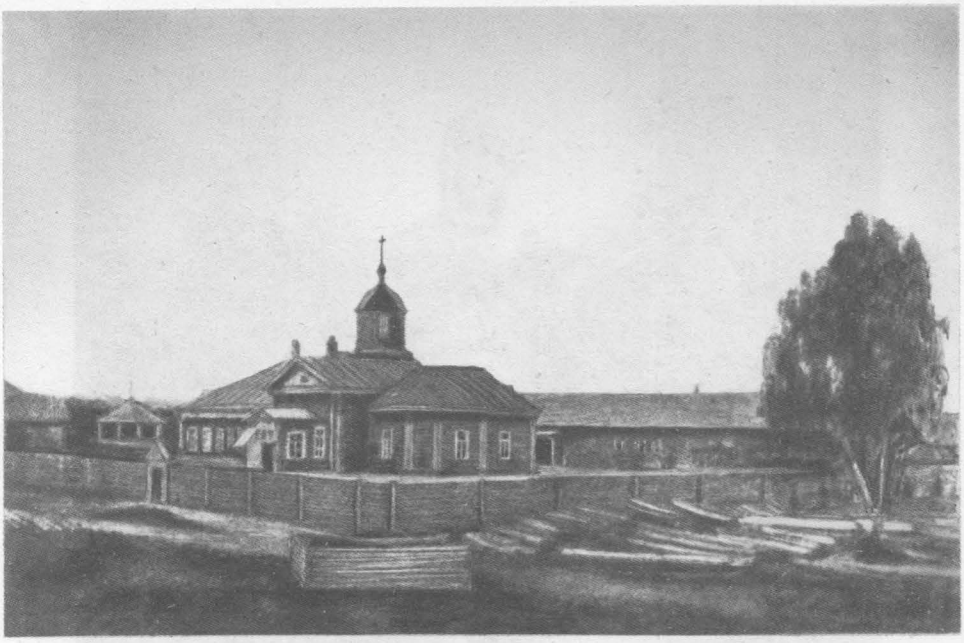
Когда случалось долго не быть у Батюшки, а потомъ бывало мы съ дочерью пріѣдемъ, онъ всегда встрѣчалъ насъ словами: „Ну, пріѣхалъ къ намъ мудреный народъ, теперь не разѣвай ротъ, — живо подхватитъ". Еще, скажетъ бывало: „одна насѣсть, да не одна у нея вѣсть". Это когда въ душевномъ настроеніи случалась какая-нибудь перемѣна,—Батюшка сейчасъ, бывало, замѣтитъ. Когда долго не беретъ, и заскорбишь, онъ скажетъ: „чтобы я принялъ, надо быть поблагоговѣйнѣе". И сейчасъ увидишь, что въ то время была разсѣяна умомъ. Любилъ, чтобы во время церковныхъ службъ мы бывали въ церкви, и говаривалъ: „я богомольныхъ скорѣе беру, а терпѣливыхъ уважаю".

Взявъ меня на свои ручки, и сказавъ,—„ты при мнѣ не изба-

Таким он был в жизни. Старец Амвросий на крылечке

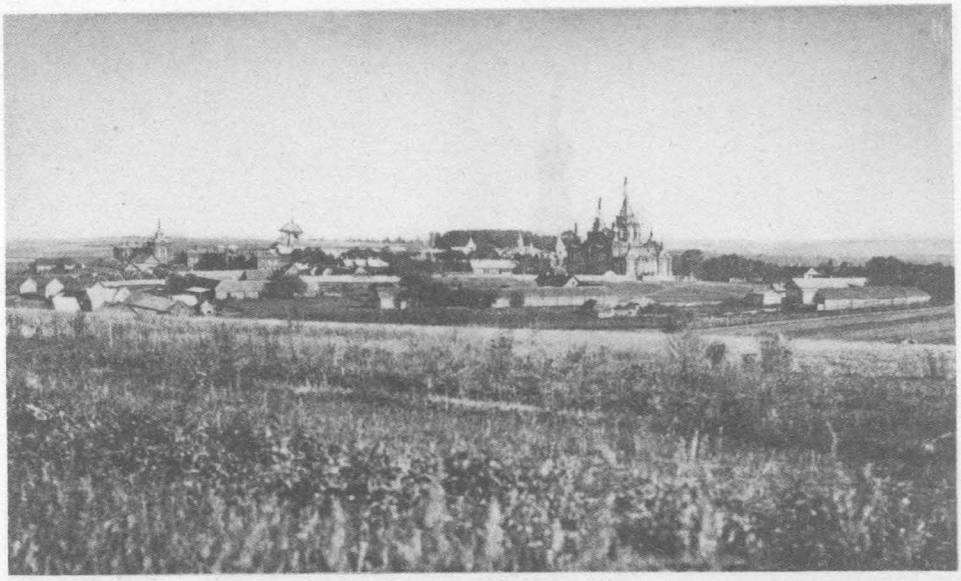


"Хибарка" старца Амвросия в Иоанно-Предтеченском скиту.



Первоначальный деревянный собор
Казанской иконе Божией Матери
в Шамординской обители.
Построен около 1883 г.

Икона Божией Матери "Спорительница хлебов",
написанная по благословению о. Амвросия в 1891 году
и принадлежавшая старцу



Амвросиевская женская пустынь,
основанная старцем Амвросием в Шамордино.
Вид с восточной стороны

Шамордино. Соборный храм с восточной стороны

Келья, где скончался старец Амвросий в Шамординской обители

Старец схиархимандрит Варсонофий
(в миру Павел Иванович Плиханков;
+ 1/14.IV 1913 г.

Старец иеросхимонах Анатолий
(в миру Александр Алексеевич Потапов;
+30/13.VII 1922 г.). Духовник Казанской Амвросиевой
женской пустыни

Последний оптинский старец иеросхимонах Нектарий
(в миру Николай Васильевич Тихонов;
+ 1/14.V 1928 г.)

Старец схиархимандрит Исаакий II
(в миру Иван Николаевич Бобриков;
+8.I/21.II 1938 г.). Последний настоятель

Один из последних оптинских иеромонахов Никон
(в миру Николай Митрофанович Беляев;
25.VI/8.VII 1931 г.), старец

Вид Оптиной Пустыни при большом наводнении
р. Жиздры. 1909 г.

Дорога к монастырю от дальней гостиницы

Преподобный Амвросий Оптинский

Шамордино. Келья старца Амвросия
с надстроенным над нею каменным футляром

луешься", Батюшка постоянно слѣдилъ за мной, ни одного моего помысла, ни одного движенія души моей не пропускалъ безъ вниманія. Разъ тоже я долго гостила около него. Пришла къ нему однажды днемъ довольно рано. Батюшка послѣ обѣда еще отдыхалъ. Въ хибаркѣ почти никого не было. Я сѣла въ первой комнатѣ. На диванчикѣ сидѣла С. игуменія старушка, пріѣхавшая издалека, да еще двѣ монахини изъ разныхъ монастырей. Начался между нами разговоръ касательно ихъ монашеской жизни. Разсказывались разные случаи. Я участія конечно не принимала въ немъ, и, ничего не понимая въ монашеской жизни, только соблазнялась ихъ разсказами. Осудивши ихъ за это въ душѣ, я рѣшилась лучше уйдти отъ грѣха въ другую комнату, гдѣ находится икона Божіей Матери „Достойно есть", или „Милующая". Въ этой комнатѣ я съ самаго своего пріѣзда сиживала. Удалившись сюда, я еще подумала: „тамъ въ другихъ комнатахъ нечего сидѣть, — всегда налетишь на такіе разговоры, которыя тебя разстроятъ". Вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ показался Батюшка. Строго окинувъ меня глазками, когда я поклонилась ему въ ножки, онъ сказалъ: „ты за чѣмъ здѣсь? твое мѣсто тамъ", — и указалъ на слѣдующую компатку; „тутъ сидятъ только по моему благословенію, а тебя я не благословлялъ". Я перепугалась и переконфузилась. Сказано было строго и при всѣхъ. Пришлось удалиться въ слѣдующую комнату, гдѣ съ той поры я и сидѣла. А пришлось мнѣ тамъ посидѣть долго. Батюшка меня не бралъ, и проходя не обращалъ на меня никакого вниманія. Съ той поры рѣдко даже благословлялъ; и какъ я къ нему ни просилась, меня не звали.

Не помню собственно, сколько времени такъ продолжалось; но вѣрно знаю, что довольно пришлось мнѣ потерпѣть. Къ тому же сидѣть здѣсь было гораздо тѣснѣе и душнѣе, чѣмъ въ первой комнатѣ. А еще, сидя здѣсь почти цѣлые дни, и домогаясь какъ-нибудь попасть къ Старцу, я стала, что называется, всѣмъ глаза мозолить, всѣмъ казалась помѣхой. Видя мое утомленное грустное лице, стали надо мной подсмѣиваться. Меня осуждали въ глаза, безцеремонно замѣчая, что прежде Старецъ часто меня бралъ, а теперь оставилъ; перетолковывали это по своему. Одна такъ прямо даже сказала, что она видитъ по моему лицу, что у меня, невысказанный Старцу, тяжелый грѣхъ на душѣ. Я все крѣпилась, терпѣла, хотя частехонько втихомолку горько плакала. Все бы мнѣ не такъ тяжело было переносить это, если бы, какъ мнѣ казалось, не было полнаго оставленія меня со стороны Старца. Батюшка какъ будто не видѣлъ и не замѣчалъ меня. Только въ это время, когда меня такъ оскорбила эта особа своимъ предположеніемъ о тяжкомъ грѣхѣ моемъ, я попросилась къ Батюшкѣ, онъ и позвалъ меня. Я ему сказала про оскорбленіе, но не хотѣла назвать сказавшую это. Думаю, — ужъ пускай буду терпѣть одна, а чтобы ей за меня досталось отъ Батюшки — не надо. Такъ тяжело было у него быть подъ наказаніемъ. Но Батюшка мнѣ прямо отвѣтилъ: „да это та, что гоститъ у М... К..., да она

глупа, а ты не разобрала это. Иди!" — Опять родной Батюшка холодно меня отпустилъ. Я все ждала, что это пройдетъ. Больше и больше разбирала меня тоска, и я наконецъ рѣшилась уѣхать совсѣмъ, и больше сюда никогда не возвращаться. Думаю себѣ: дольше живешь, къ Батюшкѣ больше привязываешься, отъ своей мірской жизни отстаешь; а эта жизнь такъ тяжела, такъ она трудно мнѣ дается; я ничего не понимаю; видно я неспособна, не гожусь для духовной жизни; отъ того Батюшка меня и бросилъ. Но съ другой стороны привязанность моя къ Старцу была уже такъ велика, что я съ отчаяніемъ придумывала, какъ бы мнѣ уѣхать такъ, чтобы Батюшка не догадался, что я прощаюсь съ нимъ навсегда,—такъ скрѣпиться, чтобы не расплакаться.

Я придумала, чрезъ келейника, передать Батюшкѣ, что меня зовутъ домой, и я прошусь войдти къ нему проститься. Думала себѣ: войду на минутку, приму благословеніе въ послѣдній разъ, и больше не вернусь. Такъ жить больше невозможно. Планъ мой созрѣлъ, и рѣшеніе было твердое. Но отъ прозорливаго Старца не скрылось мое намѣреніе. Вышедши къ намъ на общее благословеніе, онъ опять прошелъ мимо меня, не взглянувъ даже на мою сторону; но возвращаясь назадъ, онъ торопливо вдругъ выхватилъ меня изъ толпы, вложилъ мнѣ въ руку свою палочку, и сказалъ: „Ну, ты-то иди впередъ", — и самъ повелъ меня; поставилъ предъ иконою „Достойно есть", и ласково сказалъ: „обожди немного, ты мнѣ нужна, я тебя сейчасъ позову".

Давъ мнѣ съ минутку оправиться, Старецъ позвалъ меня, и, еще непредваренный о моемъ отъѣздѣ, сказалъ: „ты ѣдешь домой? Я тебя прошу,—возьми съ собой одну сиротку. Она невѣста. Ей надо сдѣлать приданое. Она никого не знаетъ, къ кому бы обратиться. Возьми это на себя пожалуйста. Вотъ деньги. Закажи ей все необходимое, и пригляди, чтобы все было сшито. Тогда пріѣдешь; скажешь, что сдѣлала". Я ничего не сказала Батюшкѣ объ испытанномъ мною горѣ, такъ какъ не была еще настолько откровенна съ нимъ. Да притомъ же оно у меня все сейчасъ же и прошло. Ничѣмъ не могъ меня Старецъ такъ утѣшить, какъ поручить мнѣ отъ себя дѣло, и такое святое. Порученіе это конечно и было мною исполнено.

Не попускалъ мнѣ Старецъ долго смущаться и заочно, вдали отъ него, разрѣшая мои неудомѣнія. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ испытывать это. Однажды, помню, я очень скорбѣла. Много было у меня горя и недоумѣній, какъ поступить въ затруднительномъ положеніи. Много разъ писала я Старцу, но онъ оставлялъ меня безъ отвѣта. И вотъ сталъ меня смущать помыслъ, что Старецъ, не читая моихъ писемъ, бросаетъ ихъ. Не стоитъ, значитъ и писать, сказала я себѣ. Но я, грѣшная, забыла въ ту минуту, какъ Старецъ разъ при мнѣ разбиралъ свою почту: бралъ въ руки письма, и, нераспечатывая, однѣ бросалъ подлѣ себя на полъ, и говорилъ: „эти— требующія немедленнаго отвѣта"; а другія клалъ въ сумку, пригова-

ривая: „на эти можно подождать отвѣчать“. Все это Старецъ зналъ, не читая еще писемъ. — Но къ дѣлу. Стоило мнѣ только смутиться на Старца, какъ пришлось скоро и раскаяться въ томъ. Получаю изъ Оптиной отъ своей родственницы письмо. Она мнѣ пишетъ: „Такъ давно не была я у Батюшки. Такъ много накопилось на душѣ. И вотъ наконецъ попала. Батюшка позвалъ меня къ себѣ. Войдя къ нему и ставъ на колѣни, я приняла отъ него благословеніе. Но только хотѣла говорить о себѣ, какъ онъ вынулъ какое-то предлинное письмо изъ подъ подушки, на которой лежалъ, и сталъ его читать, совсѣмъ углубившись въ него, забывъ и про меня. Прочитавъ его отъ доски до доски, онъ сказалъ мнѣ: получилъ письмо отъ... (тутъ названо было мое имя), надо прочитать, что пишетъ. — Хотя, продолжаетъ моя родственница, и самой мнѣ очень нужно было заняться съ Батюшкой; но до того мнѣ пріятно было видѣть любовь и вниманіе Старца къ тебѣ, что я не вытерпѣла, и сажусь тебѣ это написать“. Вотъ я и получила, хотя чрезъ постороннее лицо, отвѣтъ на мое невѣріе, что Старецъ читаетъ мои письма, и перестала на него смущаться.

Еще въ одномъ обстоятельствѣ встрѣтила я затрудненіе. По моему надо было сдѣлать такъ, а Старецъ благословлялъ иначе. Помыслъ говорилъ мнѣ—не послушаться. Но вотъ вижу я во снѣ Старца. Будто нахожусь въ Оптиной, въ пріемной его хибаркѣ; стою предъ нимъ на колѣнахъ. Онъ меня благословляетъ и говоритъ: „я тебя и приласкаю и проберу за непослушаніе“. Я испугалась сна. Пріѣхавъ потомъ къ Батюшкѣ, я разсказала ему этотъ сонъ. А онъ и говоритъ мнѣ, смѣясь: „вѣдь ты все не слушаешься“. Я отвѣтила: „нѣтъ, я буду слушаться“. — „Ну, сказалъ Батюшка, будешь слушаться и хорошо тебѣ будетъ“. Такъ во снѣ Батюшка удержалъ меня отъ непослушанія.

Еще однажды заявилась ко мнѣ, отъ имени Старца, одна молодая дѣвушка, которой будто бы онъ благословилъ, до пріисканія мѣста, пожить у меня. На мой вопросъ, привезла ли она письменное доказательство отъ Старца, она сказала: „Старецъ говорилъ одной монахинѣ, знакомой вамъ, написать мнѣ вашъ адресъ для удостовѣренія; но та почему-то объяснила его только на словахъ“. При этомъ дѣвушка сказала, что ушла къ Старцу тайкомъ отъ родныхъ изъ столицы. Видя ее такой юной, остриженной въ скобку, безъ всякаго багажа, кромѣ маленькаго сакъ-вояжа въ рукахъ, я сильно усумнилась, прислалъ ли ее ко мнѣ Батюшка, (то было время нигилистовъ); потому что вполнѣ была увѣрена, что Старецъ, не сказавъ мнѣ предварительно, никого ко мнѣ не присылалъ. По этому я, не отказавъ ей совсѣмъ, просила только обождать нѣсколько дней, пока я могу устроить ее у себя. Сама же думала выгадать время, дабы письменно спросить о ней Старца. Молодая же дѣвушка помѣстилась пока у одной старушки на короткій срокъ. Но не прошло и дня, какъ она рано утромъ является ко мнѣ совсѣмъ, говоря, что старушка держать

ее не хочетъ. Былъ въ это время какой-то большой праздникъ, и я собиралась идти въ церковь; потому сама къ ней не вышла, а велѣла чрезъ прислугу отказать,—что меня нѣтъ дома. Она ушла. Но не прошло и десяти минутъ, какъ съ почты получаю письмо отъ одной моей родственницы монахини. Она пишетъ: „Была я на-дняхъ въ Оптиной. При мнѣ Батюшка послалъ къ тебѣ молодую дѣвочку-барышню. Занявшись съ нею, онъ сказалъ ей: возьми адресъ у В... Б... и ступай въ N. къ такой-то (мое имя). Она тебя направитъ на путь истинный, т. е. схлопочетъ тебѣ мѣстечко". Опять скорый отвѣтъ отъ родного Батюшки на мое сомнѣніе. — Я тотъ часъ же, вмѣсто церкви, полетѣла за молодой дѣвушкой, которую обидѣла въ такой великій праздникъ, не принявъ ее къ себѣ въ домъ, и уже безотлагательно перемѣстила ее къ себѣ. А за тѣмъ, видя передъ собой, такъ сказать, только взрослаго ребенка, я была въ недоумѣніи, — какое же мѣсто благословилъ ей Старецъ искать; потому, какъ только дѣла мнѣ позволили, взявъ ее съ собою, повезла къ Старцу. Тотъ часъ же, по пріѣздѣ, мы вмѣстѣ съ нею позваны были Старцемъ. Тутъ же находилась у него настоятельница Шамардинской общины. Старецъ, благословивъ насъ, спросилъ молодую дѣвушку, — гдѣ же она думаетъ устроиться, и какъ. А та отвѣтила: „возьмите меня, Батюшка, къ себѣ въ обитель, — прошу васъ". — „Что же ты думаешь тамъ дѣлать?" спросилъ еще Батюшка. — „Все, что заставятъ", отвѣтила она. — „Въ огородѣ землю копать будешь? Капусту рубить?" — „Буду все, что заставятъ", сказала она. Старецъ обернулся на мать настоятельницу, и сказалъ: „ну, чѣмъ круче, тѣмъ лучше. — Вотъ тебѣ мать, сказалъ онъ дѣвушкѣ; а вотъ тебѣ дочь, сказалъ за тѣмъ начальницѣ". Я стояла, какъ громомъ пораженная. Такого исхода для нея я никакъ не ожидала, и испугалась монастыря. Видя меня такой смущенной, Батюшка хлопнулъ меня по щекѣ; и такъ какъ я уже стала къ дѣвушкѣ привязываться, то онъ сказалъ: „ну, пусть она пока побудетъ съ тобой нѣсколько дней; а ты у меня погостишь". — Я же, оставшись одна съ Старцемъ, объ одномъ только просила его, чтобы по крайней мѣрѣ дѣвушка была въ игуменскомъ корпусѣ, сама не зная, почему этого желала. И Старецъ исполнилъ мою просьбу. — Такимъ образомъ я нашла дѣвушкѣ мѣстечко, бывъ тутъ лично не причемъ.

Благодѣтельствуя мнѣ такъ много, по милости своей, Старецъ за грѣхи мои, а главное за невысказываніе ихъ, и наказывалъ меня.

Искушенія меня не оставляли. — Разъ мнѣ пришлось страшно согрѣшить помысломъ противъ Старца. Дѣло было такъ: Батюшка позвалъ меня не одну, а съ другой знакомой. Не помню, что тутъ было говорено. Но Старецъ какъ-то странно, вздрогнувъ, взглянулъ на меня. Это было какъ разъ передъ тѣмъ, какъ смутиться мнѣ какимъ-то помысломъ противъ него. Я знаю, что на меня это налетѣло

вдругъ [1]). Испугавшись этого искушенія, я, выходя отъ Батюшки, поклонилась ему въ ноги, и мысленно каясь, поцѣловала ихъ; но высказать ему свой помыслъ мнѣ показалось невозможно. — Не прошло и дня, какъ я этимъ стала мучиться; и какъ не отгоняла отъ себя мысли, упрека совѣсти отогнать не могла. Мучилась, а обратиться къ Старцу не хотѣла. Между тѣмъ время отъѣзда моего наставало. Два раза Батюшка на общемъ благословеніи, взглянувъ на меня, тихо мнѣ говорилъ: „дуракъ! скажи, что тамъ у тебя?“ Но мнѣ точно кто зашилъ ротъ. Я мучилась и молчала. Уѣзжая, сказала я себѣ: „пріѣду домой, напишу Батюшкѣ,“—такъ будетъ лучше и удобнѣе, и, этимъ успокоивъ себя, уѣхала.

Пріѣхавъ домой, я подробно написала Батюшкѣ о всемъ, со мною случившемся, и просила у него прощенія. Прошло послѣ того недѣли двѣ, совѣсть моя нисколько не успокоивалась, а все мучительнѣе и безпокойнѣе становилось на душѣ. Къ моему утѣшенію, совсѣмъ неожиданно представился мнѣ случай побывать у Старца. Собиралась я съ родными на богомолье. А такъ какъ мы находились отъ Оптиной всего верстахъ въ пятидесяти, то я, подъ разными предлогами, и склонила моихъ родныхъ ѣхать къ Старцу. Сама-же себѣ думаю: Батюшка уже конечно получилъ мое письмо, прочелъ его и все знаетъ. Мнѣ уже ничего не надо объяснять ему. Выпрошу прощеніе, и только.

Одна изъ моихъ родственницъ, ѣхавшая со мною, на грѣхъ ни разу не была у Старца, и не вѣровала ему, и еще на дорогѣ поспорила съ другой, что она Старца ни о чемъ не будетъ спрашивать, а только посмотритъ на него изъ любопытства. Пріѣхавъ въ Оптину, мы пошли къ Батюшкѣ. Былъ вечеръ. Старецъ не позвалъ насъ къ себѣ въ келью, а вышелъ самъ на общее благословеніе. Взглянувъ на меня, онъ сказалъ: *„Аще поспите посредъ предѣлъ, крилѣ голубине посребрены, и междорамія ея въ блещаніи злата* [2]). Я стояла предъ Старцемъ испуганная, въ сильномъ смущеніи. Не понимая значенія словъ псалма, я еще больше смущалась. Протолковывала я ихъ себѣ такъ: всѣмъ кажусь я хорошей, какъ бы посеребреной, а внутренній мой человѣкъ ужасный. Потому я пришла совсѣмъ въ отчаяніе. Едва дождалась я утра, въ надеждѣ остаться съ Старцемъ одной; но не тутъ-то было. Пришедши къ Старцу, всѣ мы сидѣли, ждали; но Батюшка насъ не бралъ. День былъ субботній. Старецъ и самъ готовился къ принятію Св. Христовыхъ Таинъ, и другихъ, готовившихся къ служенію, долженъ былъ исповѣдывать. Дожидались тутъ исповѣди покойный Архимандритъ (Исаакій) и еще нѣкоторые іеромонахи.

---

[1]) Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: „просвѣщеннѣйшіе и разсудительнѣйшіе изъ отцевъ примѣтили еще иной помыслъ, который утонченнѣе всѣхъ вышепоказанныхъ. Его называютъ набѣгомъ мысли; и онъ проходитъ въ душѣ столь быстро, что безъ времени, безъ слова и образа мгновенно представляетъ страсть.“—И далѣе. (Слово XV, отд. 74).

[2]) Псал. LXVII, 14.

Во второмъ часу Старецъ позвалъ насъ къ себѣ всѣхъ вмѣстѣ, и на нашу просьбу взять по одной сказалъ: „не могу.“ Даже та, которая спорила, что ни о чемъ не будетъ Старца спрашивать, горько плакала предъ нимъ, и просила принять ее одну; но Батюшка отказалъ всѣмъ намъ за недосугомъ. Оставаться-же намъ еще на нѣсколько времени въ Оптиной было нельзя. Лошади уже наняты были обратно. Да и мы всѣ уѣхали въ Оптину потихоньку отъ своихъ мужей,—они этого не знали; и потому надо было уѣзжать. Я рѣшилась спросить Батюшку при всѣхъ о своемъ письмѣ, получилъ-ли и прочелъ ли онъ его. Батюшка мнѣ отвѣтилъ: „нѣтъ, не читалъ.“ Но Старецъ такъ мнѣ это сказалъ, что я опять попросилась ради Господа, взять меня одну, хоть на минутку. Батюшка глубоко взглянулъ на меня, и сначала какъ-бы поколебался; но потомъ, махнувъ рукой, сказалъ: „нѣтъ, не возьму.“ Я должна была ѣхать домой, не занявшись съ Батюшкой. Большаго для меня наказанія не могло быть. Въ первый разъ Старецъ, по пріѣздѣ моемъ, не взялъ меня одну.

Мы уѣхали въ ночь. Къ счастію моему дорогой мои всѣ спали, и было темно, и потому я въ волю наплакалась. Пріѣхавъ домой, я еще написала Батюшкѣ. А чрезъ недѣлю подъ предлогомъ 7 Сентября [1]), скитскаго праздника, опять къ нему пріѣхала, удививъ своимъ скорымъ пріѣздомъ Оптинскихъ моихъ знакомыхъ. Но и тутъ не сразу сказала я Батюшкѣ всю правду.

Сначала я выпросилась у него готовиться къ причастію Св. Таинъ; затѣмъ по обычаю исповѣдалась; но и опять промолчала, отложивъ до вечера. Батюшка самъ мнѣ ничего не сказалъ. Но вечеромъ, наканунѣ причастія, послѣ вечерни пошла уже я къ нему съ полнымъ рѣшеніемъ все высказать. Войдя въ хибарку, я тутъ встрѣтила О. Іосифа, и попросила его довести меня до Старца. Батюшка Іосифъ повелъ меня прямо къ нему. Никогда Старецъ не принималъ меня такъ, какъ въ этотъ разъ. Онъ сидѣлъ на краю своей постельки; и когда я вошла, онъ протянулъ ко мнѣ свои ручки, и такъ ласково, ласково отечески принялъ меня. Когда же я бросилась къ нему, онъ съ безпокойствомъ спросилъ меня: „что съ тобой?“ Я сказала, что не буду пріобщаться, не высказавъ вамъ все, что со мной случилось. На мои слова Батюшка сказалъ: „вѣдь я же тебѣ дураку говорилъ нѣсколько разъ,—скажи что у тебя тамъ. Чего же ты не слушалась и молчала? Вѣдь ты замучаешься, если не будешь мнѣ говорить всего.“—Тутъ онъ мнѣ объяснилъ, какъ надо разбирать помыслы, и на нѣкоторые изъ нихъ не обращать вниманія. О словахъ же, сказанныхъ мнѣ изъ псалтири, и такъ меня смутившихъ, Батюшка предварительно спросилъ меня, какъ я ихъ поняла; а потомъ самъ, вѣроятно желая меня утѣшить, своеобразно протолковалъ ихъ мнѣ такъ. Взявъ меня тихонько за плечи, сказалъ: „они значатъ, что когда у

[1]) День памяти Старца Іеросхимонаха Макарія, когда въ скитъ дозволялось входить женщинамъ.

насъ съ тобой выростутъ крылушки, тогда шейка у насъ будетъ золотая, какъ у голубка.“ Такъ, утѣшивъ меня, Батюшка отпустилъ. Съ какою радостію я на другой день пріобщилась Св. Христовыхъ Таинъ!

Отпуская меня въ этотъ разъ изъ Оптиной, Батюшка подарилъ мнѣ свой бѣленькій халатикъ (балахонъ). Только приказалъ своему келейнику дать мнѣ его изъ чернаго бѣлья, самый грязный и самый рваный. Самъ надѣлъ его на меня, и смотря на рваные рукава, сказалъ смѣясь: „ну, ты ихъ какъ нибудь подшей себѣ.“ Онъ и теперь у меня хранится такимъ, какимъ я приняла его изъ рукъ Старца, какъ святынька.

Между борющими меня искушеніями было еще одно. Сталъ нападать на меня въ хибаркѣ неодолимый сонъ. Приду къ Батюшкѣ, сижу и сплю. Засплю, и забуду, что сказать ему. Вообще-же я отъ природы никогда не была сонливой. Пріѣхавъ съ дочерью къ Старцу на короткій срокъ, я пропустила первый разъ. Когда онъ меня бралъ, не занялась съ нимъ, какъ слѣдуетъ и отъ усталости и отъ искушенія,—продремала у него. И записка была въ карманѣ, но она была не вынута и не прочтена. Родной-же Батюшка въ первый день меня звалъ, на другой, послѣдній моего въ Оптиной пребыванія, не звалъ. А дочь моя занялась, и была отпущена совсѣмъ. Къ вечеру я стала волноваться,—ну какъ если старецъ не возьметъ меня; и стала къ нему проситься. Въ десятомъ часу вечера, уже предъ отпускомъ всего народа, Батюшка позвалъ меня, но не одну, а съ дочерью. Когда я стала предъ нимъ на колѣна, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ: „спите и почивайте,—покойной вамъ ночи.“—Я испугалась: „родной мой Батюшка! оставьте меня одну хотя на минутку,—я ничего вамъ не сказала.“ Батюшка оставилъ. Въ кельѣ его горѣли лампадка и маленькая восковая свѣчка на столикѣ. Читать мнѣ по запискѣ было темно и некогда. Я сказала, что припомнила, и то спѣша, а затѣмъ прибавила: „Батюшка! что сказать вамъ еще? Въ чемъ покаяться?—забыла.“—Старецъ упрекнулъ меня въ этомъ. Но вдругъ онъ всталъ съ постельки, на которой лежалъ. Сдѣлавъ два шага, онъ очутился на срединѣ своей кельи. Я невольно на колѣнахъ повернулась за нимъ. Старецъ выпрямился во весь свой ростъ; поднялъ головку, и воздѣлъ руки свои кверху какъ бы въ молитвенномъ положеніи. Мнѣ представилось въ это время, что стопы его отдѣлились отъ пола. Я смотрѣла на освѣщенную его головку и на личико. Помню, что потолка въ кельи какъ будто не было,—онъ разошелся: а головка Старца какъ бы ушла вверхъ. Это мнѣ ясно представлялось. Черезъ минуту Батюшка наклонился надо мной, изумленный видѣннымъ, и, перекрестивъ меня, сказалъ слѣдующія слова: „помни,—вотъ до чего можетъ довести покаяніе. Ступай!“ Я вышла отъ него, шатаясь; и всю ночь горько проплакала о своемъ неразуміи и нерадѣніи. Утромъ рано намъ подали почтовыхъ лошадей, и мы уѣхали. При жизни Старца я не смѣла никому разсказать этого. Онъ мнѣ разъ навсегда запре-

тилъ говорить о подобныхъ случаяхъ, сказавъ съ угрозою: „а то лишишься моей помощи и благодати.“ Теперь-же, послѣ кончины Старца, въ прославленіе имени его записываю [1]).

Еще разъ, помню, Батюшка позвалъ на общее благословеніе всѣхъ насъ, сколько было, къ себѣ въ келью. Народу было много. Это было днемъ передъ обѣденнымъ отдыхомъ. Батюшка сидѣлъ на постелькѣ прямо, спустивши ножки. Я попала къ нему съ боку, и стояла за спинкой кровати, такъ что мнѣ личко Батюшки видно было въ бокъ. Батюшка говорилъ съ кѣмъ-то въ толпѣ, и смотрѣлъ прямо на кого-то. Вдругъ я вижу, изъ его глазъ, на кого-то устремленныхъ, вышли два луча, какъ бы солнечныхъ. Я замерла на мѣстѣ. И все время такъ было, пока Старецъ смотрѣлъ на кого-то. Я тогда не осмѣлилась и ему самому высказать видѣннаго мною,—промолчала. Да! онъ вѣрно зналъ, кому что давалъ.

V.

Старческое окормленіе.

(Продолженіе предыдущаго разсказа. Чудесные случаи и изреченія Старца Амвросія).

Даръ исцѣленія у Батюшки былъ великій. Съ дѣтства я страдала страшными головными болями, доводившими меня до крайняго изнеможенія. Начинались они у меня предварительно разными болѣзненными явленіями; потомъ мучительная боль сосредоточивалась въ какомъ-нибудь вискѣ, и продолжалась она у меня иногда до трехъ сутокъ. Пришедши разъ къ Старцу, едва живая отъ боли въ вискѣ, я тихо шепнула ему на общемъ благословеніи, что очень болитъ у меня високъ. Онъ шибко стукнулъ меня по немъ, и боль мгновенно прошла.

Еще, одну весну много было больныхъ свинкой. Я пріѣхала къ Старцу готовиться. Это было великимъ постомъ. Со мною пріѣхала изъ Перемышля одна барыня, которая и заболѣла свинкой; не смотря на это она все-таки ходила къ Старцу. Отъ нея ли, или сама по себѣ, и я заболѣла также. Опухоль охватила всю нижнюю часть лица и горла. Мучительная боль, жаръ и ознобъ сопровождали ее. Я пришла къ Старцу, и показала ему свою опухшую челюсть. Батюшка пригнулъ мою голову себѣ въ колѣни, и правой ручкой благословлялъ народъ, а лѣвой крѣпко жалъ мнѣ опухоль. Когда я поднялась съ колѣнъ, болѣзнь моя вся прошла, ни боли, ни опухоли не было.

Былъ и еще со мной чудодѣйственный случай. Сильно толкнули меня въ народѣ въ грудь, въ давно болѣвшее мѣсто, которое док-

---

[1]) Записки эти писаны лѣтъ черезъ шесть послѣ кончины Старца Амвросія.

тора велѣли мнѣ всячески беречь отъ ушиба, такъ какъ я едва избавилась отъ начинавшагося въ семъ мѣстѣ рака. Грудь отъ ушиба у меня очень разболѣлась, стала пухнуть и колоть. Я пришла къ Старцу, и, не указывая на больное мѣсто, просто разсказала ему, что со мной случилось. Батюшка-же самъ, зная, что и гдѣ у меня болитъ, перекрестилъ мою больную грудь, и сказалъ: „зачѣмъ руки не держала впередъ?“ Это была правда. На мнѣ былъ платокъ. Что бы онъ не свалился, я перегнула руки назадъ, меня и толкнули. Вскорѣ болѣзнь моя прошла.

Еще помню замѣчательную прозорливость Батюшки. Старецъ почему-то показался мнѣ слабъ, а я въ этотъ день уѣзжала домой, и безпокоилась; и когда онъ подошелъ къ двери, я сзади потихоньку перекрестила его. Вдругъ Батюшка обернулся ко мнѣ лицомъ, и пристально посмотрѣлъ на меня. А я уже опустила руку, и стояла такъ, притворившись, какъ будто ничего не сдѣлала.

Въ послѣдующій затѣмъ мой пріѣздъ народу было очень много, и я боялась за слабость Старца; потому и стала мысленно молиться такъ: „Господи Іисусе Христе, спаси Старца моего Іеросхимонаха Амвросія, и святыми его молитвами помилуй меня грѣшную.“ Не знаю, сколько прошло времени въ такой моей молитвѣ. Но разъ прибѣжала я къ Старцу на благословеніе поздно вечеромъ. Народъ почти уже весь разошелся. Батюшка вышелъ въ хибарку на общее благословеніе, и сѣлъ на диванчикъ. Я была подлѣ него, и мысленно повторяла свою молитву. Онъ, подавъ мнѣ свои ножки, сказалъ: „Переобуй меня.“ И когда я наклонившись, надѣвала ему на ноги носочки, онъ на ухо мнѣ сказалъ, отвѣчая на мою мысль: *Единъ ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ* [1]).

Много припоминается мнѣ разныхъ случаевъ и не касавшихся меня [2]), доказывающихъ прозорливость Старца. Запишу самые выдающіеся.

Такъ онъ при мнѣ исцѣлилъ ударомъ своей палочки, одну Каширскую молодую монахиню, страдавшую страшными судорогами ногъ и всего тѣла.

Одну пріѣзжую барыню при мнѣ толкнулъ народъ. Она не удержалась на ногахъ; упала, ударившись объ шкафъ, и сильно вся разбилась. Когда ее привели къ Старцу, онъ сталъ ее шибко бить своею палочкой по спинѣ. Она потомъ разсказывала, что даже оскорбилась за это на Старца. Но выйдя отъ Батюшки, уже никакой боли не чувствовала отъ ушиба, и тогда только поняла, что Старецъ ее исцѣлилъ.

Пріѣхалъ къ Старцу изъ далека одинъ баринъ вдовецъ, съ двумя молоденькими дочерями. Старшей было лѣтъ 20, а меньшей 17. Обѣ очень красивыя дѣвушки. Старецъ нѣсколько разъ бралъ ихъ вмѣстѣ;

---

[1]) 1 Тим. II, 5.

[2]) И посторонніе примѣры безъ сомнѣнія не оставались безъ вліянія на относившуюся къ Старцу разскащику.

но все вниманіе обращалъ на одну старшую, и ей только давалъ совѣты; меньшую же только благословлялъ. Когда онѣ предъ отъѣздомъ прощались съ Старцемъ, онъ одарилъ иконками и книгами отца и старшую дочь, а меньшей ничего не далъ. На вопросъ объ ней отца, Батюшка сказалъ: „ей ничего не нужно.“—Разставаясь съ Старцемъ, дѣвушка не вытерпѣла, и съ огорченіемъ сказала ему: „Батюшка! что же это вы сестрѣ моей сдѣлали подарочекъ на благословеніе и память о васъ, а мнѣ не дали ничего?“—„Да тебѣ ничего и не нужно, сказалъ Старецъ; развѣ вотъ это тебѣ дать?“ И Батюшка на своемъ столикѣ, который стоялъ у него подлѣ кроватки, разыскалъ какую-то длинненькую, узенькую и пустую коробочку (на подобіе гробика) и подалъ ей. Такъ она и отправилась съ этой пустой коробочкой. По дорогѣ отъ Оптиной до Калуги она простудилась и занемогла. А пріѣхавъ въ Калугу, и остановившись въ гостинницѣ Кулона, дня черезъ три скончалась.

Еще разъ я Петровками въ Оптиной готовилась къ причащенію. Народу пріѣзжаго было очень много. Пріѣхали при мнѣ изъ Курска двѣ госпожи. Одна была помѣщица, а другая городская. Эта послѣдняя, незадолго предъ пріѣздомъ, овдовѣла. Осталась послѣ мужа съ шестью дѣтьми, и съ большимъ какимъ-то дѣломъ на рукахъ, о которомъ и пріѣхала посовѣтоваться съ Старцемъ. Помѣщицѣ Батюшка почему то велѣлъ остаться пожить въ Оптиной; а ту вдову, послѣ неоднократнаго съ нею занятія наединѣ, отпустилъ домой, сказавъ ей, чтобы она предварительно съѣздила въ Тихонову пустынь помолиться угоднику Божію Пр. Тихону. Помѣщицу же, какъ она ни просилась ѣхать вмѣстѣ домой и къ Преп. Тихону, Бятюшка не пускалъ. Я въ то время сильно разболѣлась зубами, и лежала у Батюшки въ хибаркѣ на диванѣ, и потому была свидѣтельницею всего разговора Старца съ ними. Молодая вдовушка уѣхала; а помѣщица осталась, впрочемъ очень недовольная на Старца за то, что онъ ее оставилъ. Прошло дня два, и я стала замѣчать за нею, что какъ только Старецъ выйдетъ къ намъ на благословеніе, ее начнетъ дергать, и извнутри у ней выходятъ какіе-то неопредѣленные звуки. Уйдетъ Батюшка къ себѣ, она сдѣлается спокойной. Къ Батюшкѣ она не просилась, а когда онъ ее позоветъ чрезъ келейника, идетъ. Разъ выходитъ она отъ него, и держитъ въ рукахъ пузырекъ съ святымъ масломъ отъ мощей св. великомученика Цѣлителя Пантелеимона, изъ Батюшкиной кельи. Вѣроятно Старецъ самъ ей далъ его; но она тотчасъ же стала отдавать его мнѣ, упирая на то, что я больна; а ей это не нужно. Наконецъ она не вытерпѣла. Дня черезъ два, безъ благословенія Старца, наняла лошадей и тарантасъ, и съ какими-то двумя попутчиками собралась уѣзжать въ Тихонову пустынь, а оттуда должно быть домой. Садясь въ тарантасъ, она съ однимъ попутчикомъ бариномъ поспорилась за мѣсто, на которомъ ей хотѣлось сѣсть, и такъ въ этомъ случаѣ была настойчива, что тотъ, для прекращенія дальнѣйшаго спора, пересѣлъ на передокъ. Между тѣмъ это

для него было счастьемъ. Какъ только они переѣхали на Оптинскомъ паромѣ рѣчку Жиздру, и стали на подмостки, необъяснимымъ ни для кого изъ насъ образомъ огромная тяжелая цѣпь, на которой укрѣплено было бревно парома, оборвалась, и поднявшееся бревно ударило прямо по головѣ проѣзжавшую въ это время въ тарантасѣ. барыню такъ сильно, что она вся, обагренная кровію, и безъ всякихъ признаковъ жизни, привезена была обратно на гостинницу. Голова ея была проломлена. И хоть она оказалась живою, но безъ памяти. Жизнь ея была въ опасности. Сейчасъ побѣжали сказать о случившемся Старцу. Онъ прислалъ свой балахончикъ, которымъ и велѣлъ покрыть ее. Скоро она опомнилась. Батюшка разрѣшилъ наше недоумѣніе, отъ чего могло оборваться бревно, сказавъ: „много ужъ ихъ (т. е. бѣсовъ) насѣло на него“. — Мы сами всѣ, сколько насъ ни было народу въ монастырѣ, и монахи ходили смотрѣть на паромъ и на толстую оборванную цѣпь. —Такъ барынѣ, добровольно не хотѣвшей послушаться Старца, остаться пожить подлѣ него, пришлось это сдѣлать и по неволѣ.—Тутъ уже я уѣхала изъ пустыни, и не знаю, сколько она прожила въ ней.—Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ пришлось разговориться съ однимъ Курскимъ Архимандритомъ, отецъ котораго былъ священникомъ въ имѣніи упомянутой помѣщицы. Онъ мнѣ сказалъ, что она въ свое время была ужасная крѣпостница и много тяжелыхъ дѣлъ было у нихъ въ семьѣ; отъ чего она сдѣлалась какъ бѣсноватою. Дѣти ее бросили. Вотъ она и собралась къ Старцу за совѣтомъ.

Помню еще, пріѣхали къ Батюшкѣ двѣ сестры, одна замужняя, а другая молодая дѣвушка. Старецъ вышелъ на общее благословеніе. Замужняя и спрашиваетъ его, благословитъ ли онъ ей выдать сестру замужъ въ другую губернію, за полтораста верстъ отъ нихъ, — женихъ очень хорошій человѣкъ. Батюшка взглянулъ на невѣсту и спросилъ: „голова у тебя болитъ“? Она отвѣтила: „да“. — „Лѣвый бокъ болитъ“?—еще спросилъ Старецъ. Та сказала: „очень болитъ“. Тогда, обратившись къ замужней сестрѣ, онъ сказалъ: „какъ же отдавать замужъ?—подождать годъ“.—Батюшка ушелъ; и я слышу,— сестра ей говоритъ: „да развѣ у тебя болитъ бокъ? Ты мнѣ объ этомъ никогда не говорила“. Та тихо отвѣтила: „я скрывала“.

Была я разъ у Старца весною, въ самое половодье. При мнѣ пріѣхала къ нему какая-то вдова лѣсопромышленника, продолжавшая и по смерти мужа заниматься его промысломъ. Водою унесло у нея съ берега, неизвѣстно куда, лѣсного матеріала на тысячу рублей. Она пріѣхала спросить Старца, что дѣлать. Батюшка при мнѣ, на общемъ благословеніи, сказалъ ей утвердительно: „отправляйся въ такое-то мѣсто; тамъ найдешь твой лѣсъ; вернешь его на 500 рублей, а половина пропала“. Она поклонилась Батюшкѣ въ ножки, и поспѣшила уѣхать.

Въ 15 верстахъ отъ Оптинскаго Скита въ лѣсу жилъ сторожъ лѣсной съ женой и двумя маленькими дѣтьми. Однажды лѣтомъ, въ

послѣобѣденную пору, врывается при мнѣ въ хибарку сторожиха съ крикомъ и въ слезахъ. Меньшій сынокъ у нея пропалъ. Дѣло было такъ: жена отправилась за чѣмъ-то въ городъ на лошади, а лѣсникъ въ лѣсъ. Дѣти оставались одни. Старшей дѣвочкѣ было пять лѣтъ, а мальчику ребенку—годъ съ чѣмъ-то. Онъ могъ только ходить, но еще не говорилъ. Увидавъ отъѣзжавшую мать, ребенокъ съ крикомъ погнался за ней. Мать, понадѣявшись на старшую дѣвочку, что она его остановитъ, поѣхала, не оглядываясь. Долго ей чудился крикъ сынишки. Пріѣхавъ изъ города поздно вечеромъ, несчастная мать и вернувшійся изъ лѣсу отецъ не нашли сынишку дома. Въ хатѣ была одна дѣвочка. Всю ночь они проходили съ фонаремъ по всѣмъ лѣснымъ тропинкамъ, а также и утро; но поиски ихъ были тщетны. Выбившись изъ силъ, и рѣшивъ, что ребенокъ съѣденъ волками, оба они черезъ сутки пришли къ Старцу. На мать жалко было и взглянуть. Тотчасъ же они приняты были Старцемъ, который немедленно послалъ ихъ обоихъ отслужить молебенъ предъ Казанскою иконою Божіей Матери, а послѣ вновь отправиться на поиски. Молебенъ былъ отслуженъ; но послѣ этого поиски ихъ были уже ненапрасны. Версты за четыре отъ своей сторожки они нашли своего мальчика здоровымъ и веселымъ. Сидѣлъ онъ подъ кустомъ; и несмотря на то, что прошло болѣе сутокъ со времени его пропажи, не было замѣтно, чтобы онъ былъ голоденъ или плакалъ, а какъ будто спалъ. Все это было при мнѣ, и я сама все это видѣла и слышала.

А еще одинъ случай ужасно поразилъ меня.—Старецъ лѣтомъ въ теплые дни, при большомъ стеченіи народа, имѣлъ обыкновеніе выходить наружу благословлять народъ. Для этого отгорожено было жердями довольно пространное мѣсто отъ хибарки до колодца (вырытаго по указанію и благословенію Старца, для утоленія жажды посѣтителей изъ простонародья). Съ одной стороны этой огорожи могъ проходить Батюшка съ келейниками, а съ другой стоялъ народъ. Батюшка благословлялъ всѣхъ по ряду, и вмѣстѣ занимался, или отвѣчалъ на вопросы посѣтителей.—Недалеко отъ колодца стоялъ мужикъ съ небольшимъ мальчикомъ лѣтъ четырехъ или пяти. Когда приближался къ нимъ Старецъ, крестьянинъ поднялъ съ земли ребенка, чтобы самому и ребенку принять отъ него благословеніе. Но въ это время раздался раздирающій душу крикъ мальчика. Онъ въ страшныхъ, невиданныхъ мною до той поры, судорогахъ изгибался на рукахъ отца. Тѣло его все перегибалось дугой. Несмотря на то, что отецъ его былъ большой здоровый мужикъ, у него не хватило силъ поднести ребенка къ Старцу на благословеніе. Батюшка остановился, строго взглянулъ на отца, и сказалъ: „чужое бралъ“?—„Бралъ; грѣшилъ Батюшка“, былъ отвѣтъ.—„Вотъ тебѣ и наказаніе“, сказалъ Батюшка. Съ этими словами Старецъ пошелъ отъ него; а несчастный мужикъ ни самъ подойти, ни сына подвесть подъ благословеніе не могъ.

А ужъ и милостивъ былъ Батюшка къ кающимся грѣшникамъ.

Разъ пріѣхала къ нему одна особа, у которой былъ на душѣ грѣхъ юности. Но она очень боялась явиться на глаза святому Старцу, а что-нибудь высказать ему не смѣла и подумать; но желала только удостоиться поглядѣть на него и принять отъ него благословеніе. Когда позвали ее къ Батюшкѣ въ келью, онъ, взглянувъ на нее, ласково встрѣтилъ ее слѣдующими словами: „Сидоръ да Карпъ въ Коломнѣ проживаютъ, а грѣхъ да бѣда съ кѣмъ не бываетъ“.—Она залилась горькими слезами, бросилась къ Старцу въ ноги, и призналась въ своемъ грѣхѣ.

Совсѣмъ противоположное было съ другой особой, пріѣхавшей со мною къ Старцу, съ такимъ же грѣхомъ, но не съ цѣлію покаяться въ немъ, а спросить, какъ ей устроиться. Батюшка ее не бралъ. Сначала она ждала, и такъ смѣло просилась къ Старцу; потомъ стала все смиреннѣе и смиреннѣе, Батюшка все не принималъ, несмотря на просьбу не только келейниковъ, но и всѣхъ насъ. Она была моя знакомая, и какъ я ни просила Старца помочь ей, онъ, не отказывая, а напротивъ выслушивая меня, все-таки не бралъ. Дошло до того, что она наплакалась въ волю, а я измучилась изъ за нея. Горе было, что Старецъ не бралъ, и еще было горе, что это стало у всѣхъ на виду,—что онъ ее не бралъ. — Такъ родной Батюшка довелъ ее до сознанія своего грѣха, и заставилъ стыдиться его. Тогда уже и взялъ ее на чистосердечное раскаяніе, и помогъ ей ссвѣтомъ. —Такъ святый Старецъ помогалъ больнымъ душамъ.

Изъ словъ Батюшкиныхъ на общихъ благословеніяхъ много осталось у меня въ памяти, а многое и забылось. Такъ нерѣдко говаривалъ онъ:

„Благое говорить—серебро разсыпать, а благоразумное молчаніе—золото“.

„Лучше предвидѣть и молчать, чѣмъ говорить и потомъ раскаяваться“.

„Вотъ я какъ бы закидываю удочку о многихъ концахъ и крючкахъ. На каждомъ изъ нихъ—добыча. Умѣйте только брать“.

„Отчего человѣкъ бываетъ плохъ? — Отъ того, что забываетъ, что надъ нимъ Богъ“.

„Кто мнитъ о себѣ, что имѣетъ что́, тотъ потеряетъ“.

„Люди съ фарисейскою правдою царствія Божія не наслѣдятъ. Правда наша въ семъ случаѣ выходитъ кривда“.—На вопросъ изъ толпы слушавшихъ: что это Батюшка значитъ? — Старецъ сказалъ: „это тѣ, которые напоказъ молятся, творятъ милостыню“. Лице Старца въ это время было крайне серіозно.

Что несравненно легче изучить дѣло, нежели его исполнить,—говорилъ: „Теорія—это придворная дама, а практика, какъ медвѣдь въ лѣсу“.

„Научить человѣка жизни духовной очень трудно. Это все равно,

продолжалъ Старецъ въ шутливомъ тонѣ, что выучить мужика сказать слово—секретарь. Онъ все будетъ говорить—слекатарь. Ты говоришь ему: вотъ тебѣ рубль, скажи только—секретарь; а онъ выговариваетъ по своему,—слекатарь.—Ну повторяй за мной: Се.—И тотъ говоритъ: се; кре—кре—тарь—тарь. Ну говори теперь одинъ раздѣльнѣй: се-кре-тарь. Говоритъ неспѣша: сле-ка-тарь".

Тутъ изъ толпы кто-то сказалъ: Батюшка! вы говорите часто притчами. Не знаешь, какъ понять.—Старецъ отвѣчалъ: „Свѣтъ раздѣленъ на умныхъ и дураковъ. Вотъ сошлись разъ мудрый и дуракъ. Мудрый, поднявъ палецъ кверху, указалъ на небо, а потомъ показалъ на землю, подразумѣвая при семъ, что Господь создалъ небо и землю. А стоявшій тутъ дуракъ объяснилъ себѣ дѣйствія мудреца по своему: будто онъ ими подавалъ дураку такой намекъ: вотъ я тебя возьму за волосы, вздерну вверхъ; да и брошу на землю. Тогда и дуракъ въ свою очередь поднялъ палецъ, показалъ вверхъ, потомъ на землю и наконецъ провелъ еще рукой кругомъ, подразумѣвая при семъ; а я тебя вздерну кверху, потомъ ударю о земь, и оттаскаю за волосы.—Мудрецъ же его движенія понялъ такъ: Творецъ создалъ небо и землю и все окружающее" [1]).

„У насъ и дурное, да хорошо. У насъ и не мытое бѣлье бываетъ бѣлымъ".

„Неисполненное обѣщаніе все равно, что хорошее дерево безъ плода".

„Купить все равно что вошь убить; а продать все равно, что блоху поймать".

Объясняя псаломскія слова: *Горы высокія еленемъ, камень прибѣжище заяцемъ* [2]), Старецъ говорилъ: „елени, т. е. олени,—это праведники на горахъ, т. е. высоко стоятъ. А зайцы — грѣшники. Имъ прибѣжище—камень. А камень это Самъ Христосъ, пришедый въ міръ не праведныхъ спасать, а грѣшныхъ привесть на покаяніе [3]).

Еще, мнѣ одной сказалъ: „праведныхъ ведетъ въ царство Божіе Апостолъ Петръ, а грѣшныхъ Сама Царица небесная" [4]).

Что каждый человѣкъ причиною своихъ скорбей бываетъ самъ, Старецъ нерѣдко повторялъ поговорку: „всякій самъ кузнецъ своей судьбы".

„Напрошенный крестъ трудно нести; а лучше въ простотѣ сердца предаваться волѣ Божіей. *Не попуститъ бо Богъ искуситися паче*

---

[1]) Подъ мудрымъ Старецъ Амвросій разумѣлъ человѣка благоразумнаго, который на всѣхъ и на все смотритъ съ хорошей стороны, не осуждая ближнихъ за немощи, свойственныя людямъ, считая при томъ себя одного худшимъ всѣмъ. Подъ дуракомъ же разумѣется здѣсь человѣкъ, который хотя и не лишенъ умственныхъ способностей, но, по своему нерадѣнію, далъ имъ превратное направленіе; потому во всѣхъ и во всемъ, по влеченію своего развращеннаго сердца, видитъ одно худое, и все объясняетъ съ худой стороны, считая при томъ себя достойнѣе многихъ, если не всѣхъ.

[2]) Псал. CIII, 18.

[3]) Матѳ. IX, 13.

[4]) Мысли св. Димитрія Митроп. Ростовскаго въ его поученіи въ субботу великаго поста 5 недѣли, „на Похвалу Пресвятой Богородицы.

силы, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе [1]). *Егоже бо любитъ Господь, наказуетъ: біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ. Аще же безъ наказанія есте: убо прелюбодѣйчищи есте, а не сынове*“ [2]). И прибавлялъ: „въ одномъ мѣстѣ молились о дождѣ, а въ другомъ — чтобы не было дождя; вышло же, что Богъ хотѣлъ“.

Одна въ старости очень боялась поступить въ монастырь, и все говорила: не могу исполнить правилъ монашескихъ. Батюшка отвѣтилъ на это разсказомъ: „Одинъ купецъ все также говорилъ: то не могу, другое не могу. Ѣхалъ онъ разъ по Сибири ночью, закутанный въ двухъ шубахъ. Вдругъ увидѣлъ вдали свѣтъ,—точно огоньки мелькали. Сталъ всматриваться и замѣтилъ, что это стадо волковъ приближалось къ нему. Спасенія ждать было неоткуда. Онъ выскочилъ изъ саней, и въ одну минуту влѣзъ на близъ стоявшее дерево, забывъ свою старость и слабость. А послѣ разсказывалъ, что раньше того онъ отъ роду не бывалъ ни на одномъ деревѣ [3]). Вотъ тебѣ и не могу“, добавилъ Старецъ.

Любилъ Батюшка повторять псаломскія слова: „*миръ многъ любящимъ Законъ Твой, и нѣсть имъ соблазна*“ [4]).

На жалобы сестеръ, что досаждаютъ имъ, укоряютъ, или даже бранятъ, Батюшка обыкновенно отвѣчалъ: „благословляющія уста не имутъ досажденія“. — Любя самъ простоту, говорилъ еще: „гдѣ просто, тамъ ангеловъ со сто; а гдѣ мудрено, тамъ ни одного“.

Одной, бывшей при какомъ-то видномъ послушаніи, монахинѣ, когда она пожаловалась Старцу, что ее бранятъ, онъ сказалъ: „кто насъ коритъ, тотъ намъ даритъ; а кто хвалитъ, тотъ у насъ крадетъ“.

Еще, другой, знакомой мнѣ, монахинѣ, жаловавшейся на скорби, отвѣчалъ: „если солнце всегда будетъ свѣтить, то въ полѣ все повянетъ; потому нуженъ бываетъ дождь. Если все будетъ дождить, то все попрѣетъ; потому нуженъ вѣтеръ, чтобы продувалъ. А если вѣтра недостаточно, то нужна бываетъ и буря, чтобы все пронесло. Человѣку все это въ свое время бываетъ полезно, потому что онъ измѣнчивъ“.—И добавилъ ей же: „Когда кашу заваримъ, тогда увидимъ, что творимъ“.—Тогда ни она, ни я грѣшная, не поняли словъ Старца. А ей это было предсказаніемъ, и замѣчательно исполнилось.

Одной начальницѣ монастыря на ея слова, что народъ, поступающій въ обитель, разный, — трудно съ нимъ, — Батюшка сказалъ: „мраморъ и металлъ — все пойдетъ“. Потомъ, помолчавъ, продолжалъ: „Вѣкъ мѣдный, рогъ желѣзный кому рога не сотретъ. Въ священномъ Писаніи сказано: *Роги грѣшныхъ сломлю, и вознесется рогъ праведнаго* [5]). У грѣшныхъ два рога; а у праведнаго одинъ, — это смиреніе [6]).

---

[1]) 1 Кор. X, 13.
[2]) Евр. XII, 6 и 8.
[3]) Страхъ суда Божія и огня геенскаго и безсильныхъ дѣлаетъ сильными.
[4]) Псал. CXVIII, 165.
[5]) Псал. LXXIV.
[6]) Въ противоположность одному рогу праведнаго—смиренію, подъ двумя рогами

Еще Старецъ ей же говорилъ: „оборвешь лычко, потеряешь ремешекъ. Покойный Государь Петръ Великій любилъ пѣть на клиросѣ. Былъ при немъ одинъ діаконъ съ хорошимъ голосомъ, но такой застѣнчивый, и такъ боялся царя, что Государь всегда понуждалъ его пѣть. Потомъ уже діаконъ такъ привыкъ, что своимъ голосомъ покрывалъ голоса всѣхъ пѣвцовъ и даже голосъ самого Государя. Тогда Петръ Великій сталъ дергать его за рукавъ, чтобы остановить; но не тутъ-то было. Государь дергаетъ, а тотъ пуще оретъ".

Тутъ же Батюшка разсказалъ еще о себѣ: „когда я былъ маленькій, очень любилъ стегать одну лошадку въ конюшнѣ у отца. Она была смирная. Но мать моя предостерегала меня: оставь!—А я все не слушался; подползу къ ней, и все ее стегаю. Она же все терпѣла, да какъ вдругъ ударитъ меня задней ногой, такъ и вырвала у меня кожу на головѣ; и до сихъ поръ знакъ есть". При семъ Батюшка показалъ на свою голову. Кому это говорилось, тотъ и понималъ.

На вопросъ кого-то изъ толпы,—сколько разъ надо ѣсть въ день,—Батюшка отвѣтилъ примѣромъ: „Спасался въ пустыни одинъ старецъ, и пришла ему въ голову мысль: сколько разъ надо ѣсть въ день.—Встрѣтилъ онъ однажды мальчика, и спрашиваетъ его о семъ, какъ онъ думаетъ. Мальчикъ отвѣтилъ: „ну, захочется ѣсть, поѣшь". —А если еще захочется, спросилъ старецъ.—„Ну такъ еще поѣшь", сказалъ мальчикъ.—А если еще захочется, спросилъ старецъ въ третій разъ.—„Да развѣ ты оселъ?"—спросилъ въ свою очередь старца мальчикъ".—Стало быть, добавилъ Батюшка, надо ѣсть въ день два раза".

Пріѣхала какъ то издалека къ Старцу, одна барыня у которой дочь жила въ монастырѣ. Это была очень свѣтская особа, ростомъ большая и очень полная. Въ первый разъ она видѣла предъ собою Старца. На общемъ благословеніи, посмотрѣвъ на его слабыя, маленькія и худенькія ручки, она сказала: „ну что можетъ сдѣлать эта ручка?" Старецъ отвѣтилъ ей на это слѣдующимъ разсказомъ: „у моего отца былъ старый домъ, въ которомъ мы жили. Половицы въ немъ отъ ветхости качались. Въ углу залы стояла этажерка. На самой верхней полкѣ ея стоялъ тоненькій, легкій, пустой стеклянный графинъ, а на нижней — толстый глиняный кувшинъ. Вотъ мы, будучи дѣтьми, однажды расшалились, и неосторожно ступили на половицу, на которой стояла этажерка. Она качнулась, и тоненькій графинъ слетѣлъ сверху; самъ остался невредимъ, хотя былъ на полу; а толстому кувшину отшибъ ручку. Мы тогда этому очень удивлялись".

Меня онъ по временамъ встрѣчалъ псаломскими словами: *Терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми, и услыша молитву мою: и возведе*

грѣшника Старецъ можетъ быть разумѣлъ двѣ сродныя страсти—гордость и тщеславіе, которыя св. Іоаннъ Лѣствичникъ уподобляетъ коню и всаднику. (Лѣств. слово XXIII, отд. 38).

мя изъ рова страстей, и отъ бренія тины, и постави на камени нозѣ мои, и исправи стопы моя [1]), и проч.

Говорилъ мнѣ также: „умъ хорошо, два лучше, а три хоть брось".

На мое имя въ рифму говаривалъ часто: „сама не юли, и другимъ не вели".

На тщеславіе: „не хвалися горохъ, что ты лучше бобовъ; размокнешь, самъ лопнешь".

На разсказъ одной, что она избѣжала какой-то опасности; а то могло-бы случиться то и то,—Батюшка, смѣясь, сказалъ: „двѣ женщины жили въ одной избѣ. Вдругъ какъ-то съ печки упало полѣно. Въ испугѣ одна баба и говоритъ другой: хорошо, что моя дочь не за мужемъ, да нѣтъ у нея сына Иванушки, да не сидѣлъ онъ тутъ: а то бы полѣно разбило ему голову".

Разъ мы ужъ очень истомились въ хибаркѣ, въ ожиданіи отъ Старца общаго благословенія. Когда же вошли къ нему, онъ сказалъ: „томлю томящаго мя. Истома хуже смерти".

Еще говорилъ: „въ скорбяхъ помолишься Богу, и отойдутъ; а болѣзнь и палкой не отгонишь".

На мои слова о молодежи, что вести ихъ трудно, Батюшка сказалъ: „не бѣда, что во ржи лебеда; а вотъ бѣды, когда въ полѣ ни ржи, ни лебеды". Прибавилъ еще: „сѣешь рожь, ростетъ лебеда; сѣешь лебеду, ростетъ рожь. *Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* [2]). *И претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* [3]). А ты терпи отъ всѣхъ, все терпи, и отъ дѣтей терпи.

Разъ, помню, мнѣ было уже очень трудно съ больнымъ моимъ мужемъ, такъ какъ онъ былъ не нормальный, и потому всѣ дѣла по хозяйству были на мнѣ. Пришло даже мнѣ желаніе умереть, но Старцу я объ этомъ не говорила. Батюшка вышелъ на общее благословеніе и, взглянувъ на меня, сказалъ: „одинъ старецъ говорилъ, что не боится смерти. Неся однажды изъ лѣсу охапку дровъ, онъ очень изнемогъ. Сѣлъ для отдыха, и въ скорби проговорилъ: хотьбы смерть пришла.—А когда смерть явилась, онъ испугался, и предложилъ ей понести охапку дровъ".

Училъ Старецъ смиренію, чтобы оно было не наружное только, а и внутреннее. На общемъ благословеніи онъ сталъ однажды разсказывать, взглянувъ при семъ на меня: „жилъ въ монастырѣ монахъ, который все говорилъ: ахъ, я окаянный!—Разъ игуменъ пришелъ въ трапезу, и, увидавъ его, спрашиваетъ: ты за чѣмъ тутъ съ святыми отцами?—Монахъ отвѣчаетъ: а за тѣмъ, что и я тоже святой отецъ".

Еще говорилъ: „Распустили про одного монаха слухъ, что онъ святой. И всѣ даже въ глаза ему говорили это. А онъ все называлъ себя грѣшнымъ, и при этомъ смиренно кланялся всѣмъ. Но вотъ разъ

---

[1]) Псал. XXXIX, 2, 3, 4.
[2]) Лук. XXI, 19.
[3]) Матѳ. X, 22.

онъ кому-то по обыкновенію своему сказалъ: я грѣшный; а тотъ ему въ отвѣтъ: знаю, что ты грѣшный.—Онъ такъ и встрепенулся: какъ? Развѣ ты что нибудь про меня слышалъ?"

„А вотъ, говорилъ еще Старецъ, пріѣхалъ разъ въ острогъ покойный Государь Николай Павловичъ, да и сталъ спрашивать арестантовъ, за что каждый изъ нихъ сидитъ въ острогѣ. Всѣ оправдывали себя, и говорили, что посажены въ острогъ безвинно-напрасно. Подошелъ Государь и еще къ одному изъ нихъ, и спросилъ: а ты за что тутъ?—И получилъ такой отвѣтъ: за великіе мои грѣхи и острога для меня мало.—Тогда Государь обернулся къ сопровождавшимъ его чиновникамъ, и сказалъ: отпустить его сей часъ на волю" —И родной Батюшка взглянулъ при этомъ на меня.

Въ это время кто-то изъ толпы сказалъ: Батюшка! Вы кого не смирите? И кто не покорится вамъ? Старецъ въ отвѣтъ на это разсказалъ слѣдующее: „разъ тоже покойный Государь Николай Павловичъ шелъ по улицѣ Петербурга. Встрѣтивъ военнаго писаря, онъ спросилъ: ты откуда? Изъ Депа, Ваше Императорское Величество, отвѣтилъ онъ. — Слово „Депо" — иностранное, — оно не склоняется, замѣтилъ Государь.—А тотъ въ отвѣтъ: предъ Вашимъ Величествомъ все склоняется".

Батюшка въ этотъ разъ съ нами заговорился. Келейникъ давно докладывалъ о какихъ-то, ждущихъ съ мужской стороны; но Старецъ не слушалъ. Вошедши, келейникъ опять доложилъ: Батюшка! Поздно, —уже десять часовъ (вечера). Старецъ не отвѣчалъ. Видно тамъ теряли терпѣніе, и вѣроятно кто-нибудь сказалъ: пустяки съ монашенками толкуетъ Старецъ. Келейникъ опять доложилъ: Батюшка! васъ ждутъ N. N. и N. А батюшка сталъ разсказывать, смѣясь: „Былъ въ Тулѣ; видѣлъ памятникъ, гдѣ написано: подъ камнемъ симъ лежитъ Ларинъ Максимъ; Имъ бы только жить да веселиться; а они изволили на тотъ свѣтъ переселиться [1]). Келейникъ опять повторилъ, кто ждетъ, вѣроятно думая, что Старецъ не слышитъ. Батюшка же спокойно, смѣясь, отвѣтилъ ему: „пустяки мнѣ вотъ въ голову идутъ". И указавъ ручкой на всѣхъ насъ, сказалъ: „и хорошо помню ихъ; а вотъ кто тамъ дожидается, забываю." —Тутъ какая-то изъ Шамординской обители самоувѣренно сказала: „мы знаемъ, что вы, Батюшка, молитесь за насъ каждый вечеръ".—Батюшка сказалъ: „Да, когда не устаю; а то и свинья забудетъ своихъ поросятъ, когда ее палятъ".

---

[1]) Замѣчательно, что всѣ три помянутые лица, ожидавшіе Старца съ мужской стороны, полагали начало иноческой жизни въ Оптиной пустыни; но изъ Оптиной переселились въ разныя мѣста.

VI.

Старческое окормленіе.

(Продолженіе предъидущаго разсказа).

Время шло. Я все ѣздила къ Старцу, больше и больше привязывалась къ нему, и внутренно отрывалась отъ своей мірской жизни. Наружное же мое было все тоже. Между прочимъ я тщательно скрывала свое сердечное влеченіе какъ отъ самого Старца, такъ и отъ всѣхъ.

Старецъ еще раза два намекалъ мнѣ о монастырѣ. Разъ, провожая меня съ дочерью въ путь, сказалъ: „вѣдь вамъ обѣимъ быть въ монастырѣ". Я ничего не отвѣтила на это. А то еще какъ-то, поводя мнѣ ручкой по лицу, спросилъ: „ты знаешь, что я пишу на твоемъ лицѣ?" Не понимая дѣла, я въ свою очередь спросила его: „что Батюшка?"—„Букву Ш на мордѣ, отвѣтилъ онъ; и выйдетъ—Шамордино". Я опять промолчала. Такъ все было для меня сбивчиво, непонятно тогда. Сама я была не свободна. А у дочери было такое душевное устроеніе: поживетъ со мною въ монастырѣ,—и какъ будто ей уже тяжело бывало уѣзжать изъ него; а попадетъ въ міръ, про монастырь забудетъ.—Притомъ-же предсказаніе Старца на счетъ вторичнаго сватовства за нее начинало сбываться. Ей сталъ нравиться другой молодой человѣкъ; и я была не прочь выдать ее за него въ замужество. Но по времени встрѣтилось такое обстоятельство, которое заставило насъ отдалить ее отъ сего молодого человѣка, котораго кстати очень скоро послѣ сего разбилъ нервный параличъ. Такимъ образомъ сбылись и другія слова Старца, сказанныя ей при первомъ нашемъ пріѣздѣ къ нему: „будетъ и другой, но опять ничего не выйдетъ,—ей назначено не это".

Отъ Старца я не давала отставать своей дочери. Часто брала ее съ собой. А разъ отослала ее къ нему съ своей знакомой на два дня. Но прошло дня три, и, къ моему крайнему удивленію, моя знакомая вернулась одна; а дочь осталась. Мнѣ велѣно было сказать, что она захотѣла посмотрѣть вновь устроявшуюся Батюшкину женскую общину, куда и поѣхала съ начальницею общины, которая очень полюбила ее, и вообще обѣихъ насъ, встрѣчаясь часто съ нами у Старца. Я хотя и удивилась этому, такъ какъ моя дочь жила въ полномъ повиновеніи у насъ съ отцемъ, особенно у него больного; но приняла это сначала спокойно. Потомъ, неизвѣстность, когда и съ кѣмъ она пріѣдетъ къ намъ, стала меня безпокоить. А видѣнный мною про нее сонъ окончательно встревожилъ меня.

Въ этомъ снѣ представилось мнѣ, будто я нахожусь въ Шамординѣ, гдѣ никогда не бывала, но мнѣ кто-то говоритъ, что это оно. Помню Св. ворота, и подлѣ какую-то могилу съ крестомъ. Но тогда на самомъ дѣлѣ этой могилы еще не было, потому что покойная на-

чальница общины, матушка Софія была еще жива. Затѣмъ я очутилась въ какомъ-то корпусѣ, съ длиннымъ корридоромъ внутри (теперешній настоятельскій корпусъ). Въ одной изъ его комнатъ, вижу, стоитъ купель, и мнѣ говорятъ, что хотятъ крестить дочь мою. Тутъ я увидала и ее саму. Воспріемники же ея будто—Старецъ Амвросій и матушка настоятельница Софія.

Сонъ этотъ разстроилъ меня донельзя. Притомъ пришелъ мнѣ на память слышанный мною въ хибаркѣ отъ одной разсказъ, въ послѣдствіи оказавшійся не вѣрнымъ, будто Старецъ оставилъ въ своей общинѣ насильно одну молодую дѣвушку, единственную дочь у матери; какъ потомъ мать пріѣхала и, обливаясь слезами, требовала дочь свою назадъ; а потомъ и сама поступила въ монастырь.—Все это, вмѣстѣ взятое, испугало меня. Не столько впрочемъ я испугалась монастыря для дочери, сколько того, что если дочь моя поступитъ въ монастырь раньше меня,—каково мнѣ будетъ разстаться съ нею! Ибо сама я несвободна. И Богъ знаетъ, сколько времени придется мнѣ пробыть съ нею въ разлукѣ.

Разстроивъ себя такимъ образомъ душевно, я разболѣлась и тѣлесно. Слѣдствіемъ сего было то, что я послала къ Старцу письмо, въ которомъ, не объяснивъ ему всей правды, написала только, что я сильно разболѣлась, и потому прошу прислать съ кѣмъ нибудь дочь мою. Мнѣ потомъ передавали, что Старецъ, получивъ мое письмо, вышелъ, въ отсутствіе моей дочери, на общее благословеніе, и сказалъ: „Пишетъ мнѣ такая-то (мое имя), чтобы прислать къ ней дочь. Мы — видите — испугались, что дочку насильно оставятъ въ монастырѣ. Надо ее отправить“. — Отправляя же мою дочь, Батюшка сказалъ ей: „мать твоя заболѣла, и надо тебѣ ѣхать. Ты скажи ей отъ меня, что-бы она жила по моему“.—Была въ то время лѣтняя пора, и Старецъ, указавъ на свое окно, продолжалъ: „вотъ смотри: верхняя часть его открыта, и на меня сверху идетъ свѣжій воздухъ, и я имъ дышу; а нижняя часть закрыта, и сквозной вѣтеръ на меня не дуетъ. Такъ пусть и она живетъ; тогда и болѣть не будетъ“. Я очень поняла, что мнѣ сказалъ Старецъ, и что онъ назвалъ сквознымъ вѣтромъ. Это — тѣ пустыя рѣчи, которыя я слушала, а про верхнее мало думала. Послѣ, пріѣхавъ къ Старцу, я ничего еще не объяснила ему о себѣ; а онъ долгое время, благословляя меня при свиданіи, не пропускалъ, что-бы не сказать мнѣ: „тебя ждетъ та же участь, какъ и г-жу Х. съ дочерью“. — Такъ долго этимъ Батюшка пугалъ меня неразумную; а я ничего не говорила ему объ этомъ своемъ ложномъ страхѣ. Наконецъ уже пришлось мнѣ узнать всю правду, т. е. какъ невѣренъ былъ слышанный мною разсказъ, и покаяться Батюшкѣ, что повѣрила этому разсказу. А Батюшка смѣялся, назвавъ меня дуракомъ, и что у меня все только одно искушеніе. При этомъ онъ разсказалъ извѣстную басню про старика, мальчика и осла, заключивъ: „если слушать чужія рѣчи, придется взвалить осла на плечи“.

Покойный мужъ мой все болѣлъ, и болѣзнь его развивалась все больше и больше. Явилось у меня сильное желаніе уговорить его переѣхать на лѣто въ Оптину, пожить подлѣ Старца, дабы, сколько можно, приготовить его къ смерти. Все равно, мы лѣто проводили всегда на дачѣ. Потому, вмѣсто дачи, я и предложила ему эту поѣздку. Тѣмъ только я и могла уговорить его, что указывала на чудный Оптинскій лѣсъ и на здоровый сосновый воздухъ. Объ монастыряхъ и Старцѣ онъ не имѣлъ никакого понятія, а потому, собственно къ Старцу, онъ никогда не согласился-бы переѣхать на лѣто въ Оптину. Трудно было мнѣ и перевозиться съ нимъ, при условіяхъ его болѣзни. Надобно было туда и обратно нанимать экипажъ; но все это, за молитвами Старца, мнѣ удалось. Хотя и не безъ труда довезла я больного до Батюшки. Старецъ сразу спросилъ его,—думалъ ли онъ когда о смерти, и готовился ли къ ней. А за тѣмъ посовѣтовалъ ему особороваться и причаститься Св. Христовыхъ Таинъ. Больной сначала охотно согласился на это и сталъ готовиться къ исповѣди; но вдругъ, какъ нервно-больной, чѣмъ-то разстроился, заскучалъ, и сталъ собираться, не разсуждая, въ обратный путь домой; отказался даже пойдти и проститься съ Старцемъ. Видя всѣ свои труды напрасными, я въ этомъ горѣ прибѣжала къ Батюшкѣ. Это было рано утромъ. Ворвавшись почти безъ доклада къ Старцу, я горько заплакала, и въ первый разъ высказала ему, какъ мнѣ трудно и тяжело жить. Когда я взглянула на Батюшку, то увидѣла, что у него самого глазки полны слезъ. Но онъ, поднявшись, сталъ сильно бить меня по лицу. Я обиженно спросила: „Батюшка! за что же вы-то меня еще бьете?“ Онъ мнѣ отвѣтилъ: „я тебя бью любя“. Мнѣ какъ-то вдругъ стало спокойнѣе и радостнѣе отъ словъ Батюшки, и я ему сказала: „ну — любя, такъ бейте“. — „Да ты, глупенькая, продолжалъ Батюшка, чего ты такъ огорчилась? Вѣдь вотъ ничего и нѣтъ. Больной твой ужъ самъ пришелъ ко мнѣ, и сидитъ у меня въ мужской пріемной. Только я тебя первую позвалъ, чтобы спросить, что случилось“. Это было для меня непонятно. Я оставила мужа въ самомъ ужасномъ настроеніи. Конечно въ ту минуту, какъ говорилъ со мною Батюшка, больной не могъ придти, потому что не могъ такъ скоро двигаться при своей болѣзни; а Старецъ провидѣлъ перемѣну въ его настроеніи, и потому сказалъ, что онъ придетъ. — Не успѣла я выйдти отъ Старца и посидѣть въ хибаркѣ—отдохнуть, какъ келейникъ мнѣ сказалъ, что мой больной пришелъ, и уже бесѣдуетъ съ Старцемъ. Батюшка прямо взялъ его исповѣдывать, и утѣшивъ и успокоивъ, отправилъ на гостинницу. Съ тѣхъ поръ больной спокойно доживалъ въ Оптиной, и до конца срока не собирался уѣзжать. Особоровался и пріобщился.

При отъѣздѣ нашемъ домой, послѣ проведеннаго нами въ Оптиной лѣтняго времени, Батюшка, провожая насъ, сказалъ мужу: „я совѣтую вамъ подать въ отставку, вамъ дадутъ хорошую пенсію“. Батюшка назначилъ даже цифру. Но мы этого испугались. Насъ тре-

вожила мысль, что если и при всѣхъ удобствахъ жизни больному такъ трудно живется; что же будетъ при тѣсномъ помѣщеніи и маленькихъ средствахъ. Я грѣшная первая попротиворѣчила Старцу. Мысль о скорой кончинѣ мужа мнѣ тогда не приходила въ голову. Батюшка ничего мнѣ не отвѣтилъ; а только, прищурясь, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Мы уѣхали.

Въ ноябрѣ, пріѣхавъ къ Старцу готовиться къ причащенію св. Таинъ, я была встрѣчена имъ, на общемъ благословеніи, словами изъ псалтири: *человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный, такъ отцвѣтетъ* [1]), и проч. Въ этотъ разъ, позвавъ меня къ себѣ одну, и говоря со мною, Старецъ взялъ меня за правую руку, и сталъ тащить съ моего пальца обручальное кольцо; но оно долго ему не поддавалось. Отъ многолѣтняго ношенія его на пальцѣ образовалась какъ бы мозоль. Батюшка все тянулъ его съ пальца. Сердце мое дрогнуло предчувствіемъ. Но я, ничего не сказавъ, стала и сама повертывать кольцо на пальцѣ, чтобы его снять.

Въ этотъ разъ, когда я уѣзжала изъОптиной, Батюшка неожиданно далъ мнѣ дѣвочку Польку, что-бы я помогла ей докончить ея образованіе, и прибавилъ: „вамъ втроемъ будетъ веселѣе“. Но съ ней насъ должно-бы быть четверо; а Батюшка сказалъ— „втроемъ“. Значитъ кто-нибудь изъ насъ, да долженъ былъ убавиться. Еще прибавилъ: „она у тебя въ домѣ и православіе приметъ“. Я безпрекословно охотно взяла къ себѣ въ домъ чужого ребенка и недоумѣвая,— какимъ образомъ можетъ состояться принятіе ею православія у меня въ домѣ,— молчала, думая, что вѣрно она сама говорила объ этомъ съ Старцемъ. Оказалось потомъ, что это было только его предсказаніемъ. Дѣвочка тогда еще и не думала о принятіи православія.

Прошло немного времени. Вдругъ получаю я отъ Батюшки на благословеніе хлѣбъ. Это меня крайне удивило и испугало. Затѣмъ мой мужъ заболѣлъ своей предсмертною болѣзнію. Я написала Батюшкѣ о его болѣзни, и тотчасъ-же получила отъ него отвѣтъ: „скажи отъ меня больному, писалъ онъ, что азъ грѣшный совѣтую ему немедленно пріобщиться св. Христовыхъ Таинъ“. Мужемъ это было исполнено.

Четыре раза снился мнѣ Батюшка, въ теченіи тяжелыхъ предсмертныхъ страданій моего мужа, ободряя и подкрѣпляя меня въ уходѣ за нимъ. Въ послѣднемъ четвертомъ сновидѣніи видѣла я себя въ Оптиной, въ Батюшкиной хибаркѣ. Лежалъ будто-бы тутъ-же у него и мой больной. Батюшка же мною очень недоволенъ, и, не желая меня благословить, отвертывался отъ меня, и укорялъ меня въ непослушаніи. Я проснулась огорченная, и не поняла сна. Дѣло же было вотъ въ чемъ: докторъ строго запретилъ мнѣ давать больному что-либо съѣстное, говоря, что у него полное параличное состояніе желудка, и что съѣстнымъ я только продлю ему мученіе. И духовныя

---

[1]) Псал. CII, 15.

лица говорили мнѣ тоже, что онъ уже готовъ къ исходу, и ему ничего не надо. Но я неразумная, оставаясь съ больнымъ одна, давала ему глотать чего-нибудь жидкаго. Больной самъ этого, какъ видно, не желалъ, крѣпко стискивая зубы; но глоталъ по неволѣ. Такъ я своею любовію мучила его.

Послѣ его смерти пріѣхала я къ Батюшкѣ, который, послѣ обычнаго привѣтствія и высказаннаго имъ ко мнѣ участія, строго мнѣ сказалъ: „А ты все не слушалась ни монашествующихъ, говорившихъ тебѣ, ни доктора,—кормила больного. Теперь клади за это поклоны,— по шести поклоновъ утромъ и вечеромъ“.—И такъ, вотъ чѣмъ былъ мною недоволенъ приснившійся мнѣ тогда Старецъ, и вотъ за что не хотѣлъ перекрестить меня во снѣ. Я была поражена всезнаніемъ Старца, и не находила словъ высказать ему это.—Наложенную имъ на меня епитимію я исполняла. И только незадолго предъ кончиною своею Батюшка вдругъ спросилъ меня: „ты поклоны кладешь?“ На мой утвердительный отвѣтъ онъ сказалъ: „Ну, клади еще до января, а тамъ оставь“.— Старецъ предчувствовалъ свою близкую кончину, и зналъ, что безъ него никто бы не могъ разрѣшить меня отъ епитиміи.

За двѣ недѣли до смерти мужа, дѣловые люди посовѣтовали ему, пока онъ былъ въ памяти, подать въ отставку, говоря, что дадутъ больше пенсіи,— что и было имъ сдѣлано. Прошеніе объ отставкѣ было подано, и передано въ канцелярію Губернатора, для его подписи и отправки въ Петербургъ. На этотъ счетъ мы были покойны, но дѣло вышло не по нашему. Мой мужъ скончался, а прошеніе объ отставкѣ не было подписано, кѣмъ слѣдуетъ, и во время, и завалялось въ канцеляріи. Случилось же это по волѣ Божіей, за непослушаніе наше къ Старцу. Послушались бы мы его полгода назадъ, подали бы тогда въ отставку, и все было бы сдѣлано, какъ слѣдуетъ; и мнѣ бы дали пенсію больше.

Въ самыя предсмертныя минуты, мужъ мой открылъ глаза, и повернувъ ко мнѣ голову, тихо сказалъ: „монахъ пришелъ“. Въ этотъ день я послала телеграмму къ Старцу, прося его отпустить умирающаго съ миромъ. Послѣ-же кончины мужа, я получила отъ Старца слѣдующее письмо, весьма тогда меня утѣшившее. Письмо Батюшки писано было намъ обѣимъ съ дочерью. Вотъ оно: „Миръ вамъ, и Божіе благословеніе; а покойному царство небесное! Онъ много поболѣлъ, и много пострадалъ въ болѣзни. А за терпѣливое перенесеніе болѣзни даруется и милость и прощеніе грѣховъ. Вы теперь осиротѣли. Но сказано: Самъ Богъ — Отецъ сирыхъ и строгій судія за вдовицъ. Силенъ Господь заступить васъ и сотворить о васъ всякое промышленіе, даровать вамъ и мѣсто и пропитаніе. Призывая на васъ миръ и Божіе благословеніе, остаюсь съ искреннимъ благожеланіемъ. Многогрѣшный І. Амвросій“.—Это письмо пришло тогда ко мнѣ какъ разъ во время. Я оставалась съ дѣтьми безъ мѣста и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Каждый пунктъ Батюшкина короткаго,

но многосодержательнаго, письма исполнился на мнѣ. Господь, за его молитвы, и заступилъ и защитилъ меня, и далъ мнѣ мѣсто и пропитаніе.

Послѣ девятаго дня, по кончинѣ мужа, я уѣхала къ Старцу, и такъ какъ наступила весна, то за разливомъ рѣкъ и осталась въ Оптиной до сорокового дня. Наканунѣ этого дня, предъ вечерней, пришла я къ Старцу просить его помолиться за покойнаго; но во множествѣ народа, который толкался подлѣ меня, я въ ту минуту какъ бы забыла, зачѣмъ пришла. Старецъ обратилъ ко мнѣ свое личико, и взглянулъ на меня испуганно и строго.—„Охъ, страшно!—сказалъ онъ,—приговоръ наступаетъ; иди скорѣй молиться въ церковь; и я помолюсь за него". Я очень поняла, о чемъ мнѣ говоритъ Батюшка, и страшно испугалась его словъ и выраженія лица. Ему были открыты и тайны загробнаго міра. Я ушла въ церковь; гдѣ, отстоявъ вечерню, заказала панихиду, а на утро обѣдню съ панихидой.—Придя послѣ обѣдни къ Батюшкѣ, я тотъ часъ была принята имъ. Онъ сидѣлъ весь свѣтленькій, и радостно встрѣтилъ меня. Не успѣла я поклониться ему въ ножки, какъ онъ, хлопнувъ меня по головѣ три раза, сказалъ: „Въ царствѣ небесномъ! Въ царствѣ небесномъ! Въ царствѣ небесномъ!" Личико его все сіяло небесною радостію. И эта радость сообщилась и мнѣ грѣшной.

Время моего отъѣзда домой съ дочерями приближалось. Хлопоты о пенсіи, о мѣстожительствѣ, и одно денежное дѣло тянули домой. Горько и тоскливо было на душѣ. Неизвѣстность томила меня. Батюшка вышелъ на общее благословеніе, гдѣ икона Божіей матери „Достойно есть", и гдѣ мы его ожидали; сѣлъ неожиданно подлѣ меня на стоявшій тутъ комодикъ; пригнулъ мою скорбную голову къ себѣ въ колѣни, и сказалъ: „ты не тужи, что у тебя не ременные гужи. Лыко да мочало оборвалось; связала, и опять помчала".—Одна изъ толпы, слышавшая слова Старца, но не понявшая ихъ, спросила: „что это значитъ Батюшка?" Старецъ отвѣтилъ: „а вотъ ѣхалъ богатый баринъ на тройкѣ; у него и лошади были хорошія, и сбруя ременная. Ѣхалъ и бѣднякъ. У того и лошадь была плохая, и вся сбруя—лыко да мочало. Оба попали въ зажору. У обоихъ сбруя порвалась. Высвободившись кое-какъ изъ зажоры, бѣднякъ связалъ свое лыко да мочало, и поѣхалъ себѣ впередъ; а богатый остался на мѣстѣ,—ременные гужи надо было сшивать".—Этимъ разсказомъ Батюшка предсказалъ, или опредѣлилъ мою послѣдующую жизнь. Такъ она и потекла.

При отъѣздѣ изъ Оптиной, принимая благословеніе отъ Старца, я сказала ему: „одного боюсь Батюшка,—не хватитъ у меня средствъ ѣздить къ вамъ часто".—Батюшка отвѣтилъ: „средства ко мнѣ ѣздить у тебя всегда будутъ. Еще будешь ходить къ намъ пѣшкомъ".—Я тогда не поняла этого, и возразила: „пѣшкомъ? Да развѣ это мнѣ можно?"—Однако слова Старца сбылись. У меня всегда являлись средства ѣздить къ Батюшкѣ, и даже чаще, чѣмъ прежде ѣзжала

въ Оптину. А теперь, живя въ Шамардинѣ, хожу лѣтомъ пѣшкомъ къ нему на могилку, а вмѣстѣ и къ Старцу Іосифу, —Вотъ что означали Батюшкины слова: „еще будешь ходить къ намъ пѣшкомъ".

Тутъ-же, при прощаніи, Старецъ сказалъ еще: „не хватитъ когда-либо у тебя денегъ на твою пріемную дочь (которой надо было еще учиться), или еще на что-либо, бери у меня".—Я же грѣшная отвѣтила ему: „нѣтъ, Батюшка, а вы лучше дайте мнѣ свое Старческое благословеніе, чтобы у меня никогда не прекращались средства мои собственныя на все необходимое. Мнѣ много не нужно".— „Ну, въ такомъ случаѣ, сказалъ Старецъ, дай мнѣ свои руки".— Я ихъ подставила, и Старецъ благословилъ полнымъ крестомъ руки мои, сказавъ: „чтобы у тебя никогда не прерывались деньги! А за то, что ты меня успокоила, взявъ къ себѣ пріемную дочь, Архангелъ Михаилъ будетъ тебѣ во всемъ помощникомъ".—Чрезъ пять лѣтъ послѣ этого умерла моя, единственная родная дочь, на день Архангела Михаила, 8 ноября, принявъ предъ смертію постриженіе въ великій ангельскій образъ (схиму). О ней много тоже предсказывалъ мнѣ Старецъ; но въ то время, какъ говорилось имъ, я ничего не понимала. Такъ, онъ часто говаривалъ ей, встрѣчая ее, Евангельскими словами: *Марія благую часть избра, яже не отъиметься отъ нея* [1]) Называлъ ее часто: „Ты моя роза только до мороза".— А мнѣ на мою заботу объ устройствѣ ея жизни говаривалъ такъ: „ты объ ней не заботься. Ее устроитъ Сама Царица Небесная". И многое другое.

За молитвы и благословеніе Старца Господь устроилъ меня съ дѣтьми. Дали мнѣ единовременное пособіе до пенсіи, которую я могла получать только черезъ годъ отъ дня кончины мужа; и казенное помѣщеніе въ томъ же зданіи, гдѣ мы жили прежде, пока служилъ мой покойный мужъ. Отвели мнѣ сначала три комнаты. Устроившись, я поѣхала осенью къ Старцу, и, пробывши у него нѣсколько времени, собиралась уѣзжать. Батюшка позвалъ меня къ себѣ въ келью, и, занявшись немного со мною, вышелъ, ничего не сказавъ мнѣ,—уходить или еще подождать его. Я оставалась въ недоумѣніи.—Вдругъ Старецъ торопливо вернулся, и увидавъ меня, не говоря мнѣ ни слова, сильно меня ударилъ, и такъ толкнулъ, что я, неудержавшись на ногахъ, стукнулась головой объ дверь, которую шибко распахнула своей особой. Но странно,—отъ удара я не почувствовала никакой боли, и съ удивленіемъ посмотрѣла на Батюшку, не понимая, чѣмъ я провинилась предъ нимъ. При семъ я встрѣтила ласковый и веселый взглядъ Батюшки. Сама тутъ-же чему то разсмѣялась, и не спросивъ его о причинѣ удара, вышла, а потомъ и уѣхала.—Разгадка этого Батюшкина со мною поступка ожидала меня дома. Устройство мое въ казенномъ зданіи и помощь не обошлись безъ завистниковъ и недоброжелателей. Подвели и наговорили было

[1]) Лук. X, 42.

на меня такъ, что я едва удержалась на мѣстѣ, и чуть-чуть не была лишена казенной квартиры. Но все объяснилось, и полученный мною нравственный ударъ прошелъ для меня безслѣдно, да еще какъ будто въ мою пользу, и на посрамленіе оболгавшихъ меня.

И такъ, до пенсіи я жила единовременнымъ пособіемъ, которое мнѣ дали, и продажею кое-какихъ вещей. Но вотъ случилось, что этотъ источникъ изсякъ. До получки пенсіи, до которой оставалось два съ половиной мѣсяца, у меня было всего только три копѣйки, а взять было неоткуда и не у кого. Конечно я могла-бы написать о семъ Старцу, и онъ не отказался-бы помочь мнѣ. Но разъ,—я сама отказалась отъ обѣщаннаго имъ денежнаго пособія, то мнѣ уже до послѣдней крайности не хотѣлось въ этомъ случаѣ безпокоить Старца. Съ такою вѣрою я приняла тогда его благословеніе! Заскучавъ, не зная—что дѣлать, я ушла пѣшкомъ къ особенно чтимой чудотворной иконѣ Царицы Небесной, за десять верстъ отъ города, и рѣшила отдать свои послѣднія копѣйки на свѣчу Ей. День былъ іюльскій жаркій. Я сильно утомилась дорогой, и вечеромъ, возвращаясь къ дому, сказала себѣ мысленно: „Батюшка! что-же ты меня оставилъ безъ помощи? а обѣщалъ“.—Кто-то въ это время шибко проѣхалъ мимо меня на извощикѣ. Я, занятая своими мыслями, не обратила на него вниманія. А вышло такъ: подошла я къ дому, и ѣхавшій подъѣхалъ, и мы вмѣстѣ вошли на крыльцо. Ѣхавшій оказался пріятель моего покойнаго мужа, Тульскій помѣщикъ, котораго я не видала года два. Онъ много былъ обязанъ моему покойному мужу своимъ состояніемъ, и даже косвеннымъ образомъ былъ его должникъ.—Бывъ проѣздомъ въ N., онъ захотѣлъ отыскать и повидать меня. Посидѣвъ у меня, онъ сказалъ: „вы знаете, какъ я былъ друженъ съ вашимъ мужемъ и любилъ его! Въ память этой моей дружбы къ нему, прошу я васъ принять отъ меня 50 рублей“. Я поблагодарила его. Эти 50 рублей и помогли мнѣ съ дѣтьми дожить до пенсіи.

Спустя немного времени по кончинѣ мужа, родной мой братъ сталъ было звать меня жить подлѣ него, на его полномъ содержаніи, до получки мною пенсіи, говоря: „лучше будешь жить у меня, нежели одолжаться посторонними, и занимать казенный уголъ, чрезъ который уже была непріятность“.—Не дѣлая уже ничего безъ благословенія Старца, я написала ему о предложеніи брата, бывъ вполнѣ увѣрена, что Батюшка не замедлитъ мнѣ благословить это. Каково-же было мое удивленіе! Получаю отъ Батюшки очень скорый отвѣтъ. Онъ не только не благословляетъ меня переходить къ брату и пользоваться его содержаніемъ; но, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, велитъ немедленно мнѣ перейти изъ трехъ въ одну комнату, а двѣ отдать. Я ничего не могла понять. Мнѣ показалось это даже ужасно. Послѣ обширнаго помѣщенія, которое занимали мы прежде, и въ трехъ комнатахъ казалось тѣсно. А тутъ Батюшка велитъ намъ втроемъ помѣститься въ одной комнатѣ. Проплакавъ цѣлый день, и

нароптавшись на Старца (признаюсь въ своемъ малодушіи), я стала придумывать, какъ бы устроиться въ одной комнатѣ. И что-же? Какъ стала объ этомъ думать, то такъ хорошо придумала, и устроилась, какъ нельзя лучше.—Это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а въ Мартѣ мой братъ неожиданно умеръ. Хорошо бы мнѣ тогда было, если бы оставила казенную квартиру. Недѣли за двѣ предъ его смертію я была у Батюшки въ Оптиной. На общемъ благословеніи, когда насъ много стояло предъ Старцемъ на колѣняхъ, онъ вдругъ обернулся ко мнѣ, и, какъ-то особенно взглянувъ на меня, сказалъ: „ты смотри, въ карты не играй,—можно и умереть за картами". Я съ удивленіемъ отвѣтила: „Батюшка! Вы знаете,—я въ карты никогда не играю, и не умѣю даже". Но Батюшка, какъ бы не слушая меня, опять повторилъ тоже. Я опять отвѣтила: „никогда не играла, развѣ въ дѣтствѣ въ дурачки, и то плохо".—Что-же? Вскорости братъ мой умеръ отъ нервнаго удара за карточнымъ столомъ.

Много Батюшка и утѣшалъ меня грѣшную, особенно когда бывало заскорбишь, или обидитъ кто. Такъ однажды, въ душевномъ разстройствѣ, пріѣхала я къ нему, незадолго предъ днемъ своего рожденія, и выпросилась у него поготовиться, чтобы на этотъ день пріобщиться св. Христовыхъ Таинъ. О днѣ своего рожденія Старцу сама я не говорила, а сказалъ кто-то изъ постороннихъ. Наканунѣ Батюшка, позвавъ меня исповѣдаться, самъ поздравилъ меня съ завтрашнимъ днемъ, говоря: „а то пожалуй забуду, ваше преподобіе, поздравить". Такъ онъ, шутя, называлъ меня мірскую. А на другой день, когда я пришла къ нему, самъ подарилъ мнѣ свой портретъ, въ знакъ особеннаго его благоволенія.

Разъ пріѣхали мы втроемъ къ Батюшкѣ встрѣчать съ нимъ Новый годъ. На общемъ благословеніи Батюшка благословилъ меня съ дѣтьми образомъ трехъ Святителей; поздравилъ съ новымъ годомъ, и заповѣдалъ намъ утромъ и вечеромъ класть имъ по три поклона; тутъ же и заставилъ насъ на первый разъ положить три поклона. При этомъ онъ разсказалъ слѣдующее: „жили на одномъ островѣ три пустынника, имѣвшіе у себя икону трехъ Святителей. И какъ были они люди простые необразованные, то и молились предъ сею иконою не иначе, какъ простою своеобразною молитвою: „трое васъ, и трое насъ, помилуйте насъ". Такъ они постоянно твердили одну эту молитву. Вотъ пристали къ этому острову путешественники; а старцы и просятъ, чтобы они научили ихъ молиться. Путешественники начали учить ихъ молитвѣ—„Отче нашъ"; а выучивъ, поплыли далѣе моремъ на своемъ кораблѣ. Но, отплывъ нѣсколько отъ берега, они вдругъ увидѣли, что, учившіеся у нихъ молитвѣ, три старца бѣгутъ за ними по водамъ, и кричатъ: „остановитесь,—мы вашу молитву забыли. Увидѣвъ ихъ, ходящихъ по водамъ, путешественники изумились, и, не останавливаясь, только сказали имъ: „молитесь какъ умѣете". Старцы вернулись, и остались при своей молитвѣ".—Потомъ Батюшка приказалъ келейнику подать ему чашку, которую только

что получилъ отъ кого-то въ подарокъ, и отдалъ ее намъ, сказавъ: „вотъ вамъ одна чашка,—пейте изъ ней поочередно всѣ трое".

Тутъ было нѣсколько монахинь изъ обители Шамардинской и жившихъ при Оптиной. Батюшка приказалъ всѣмъ читать 3-ю главу посланія Апостола Іакова. Самъ прочиталъ намъ ее наизустъ, особенно дѣлая удареніе на началѣ этой главы: *Не мнози учители бывайте*, и на концѣ. И сказалъ: „учить—это небольшіе камни съ колокольни бросать, а исполнять—большіе камни на колокольню таскать". Прибавилъ: „хорошо бы вамъ и все это посланіе выучить наизустъ, и каждый день читать".

Мнѣ часто, взявъ меня за подбородокъ, и крѣпко сжимая ротъ, говаривалъ: „помни салазки." Не знаю, что означали эти его слова; а я понимала ихъ такъ, чтобы я побольше молчала.

Какихъ-либо женскихъ украшеній, серегъ или брошекъ, а также головныхъ уборовъ на мнѣ Батюшка не терпѣлъ. И если увидитъ на мнѣ что нибудь такое, то протянетъ свою ручку, возьметъ и до тѣхъ поръ тащитъ молча, пока я не сниму. Такъ я уже и перестала надѣвать на себя какія либо украшенія.—Другихъ же изъ женскаго пола оставлялъ въ покоѣ.

Въ тотъ же пріѣздъ, на праздникъ Крещенія Господня, когда мы пришли къ Старцу, онъ встрѣтилъ насъ, пропѣвъ тропарь Крещенію. Тутъ я увидала у одной монахини, очень хорошо написанный, образокъ св. Амвросія, Батюшкина ангела. И мнѣ очень пожелалось имѣть такой же образокъ, и чтобы Старецъ меня благословилъ имъ. Но денегъ у меня оставалось немного,—только на обратный путь. Идя въ лавочку, чтобы купить образъ, я дорогой разсуждала такъ: „ужъ куда ни шло,—куплю образъ, и какъ нибудь перевернусь: пріѣду домой, тамъ и заплачу ямщику за дорогу." Когда-же я возвратилась съ образомъ къ Батюшкѣ за благословеніемъ, онъ мнѣ сказалъ: „какое же это будетъ мое благословеніе, когда ты образъ сама купила? Ужъ куда ни шло, (при этомъ Старецъ подмигнулъ глазами точно также, какъ я это сдѣлала себѣ дорогой)—сходи въ лавочку, и скажи, чтобы тамъ записали образъ въ мой счетъ; а я ужъ какъ-нибудь перевернусь." И такъ Батюшка благословилъ меня образомъ своего ангела.—Вотъ до чего онъ былъ прозорливъ!

На мои слова: „всѣмъ бы я была довольна, да вы, Батюшка, отъ меня далеко," Старецъ сказалъ: „ближніе мои далече отъ меня стали. Близко да склизко, далеко да глубоко."

Разъ, при отъѣздѣ изъ Оптиной, мнѣ что-то очень тяжело было разставаться съ Старцемъ. Кстати, въ тотъ день Батюшка былъ очень слабъ. Меня же за послѣднее время стала преслѣдовать мысль о смерти Старца. И одного я всего больше боялась, какъ-бы это не случилось въ мое отсутствіе. Я пришла къ Батюшкѣ проститься, и, не смѣя даже произнести предъ нимъ слово „смерть," только сказала: „Батюшка! отъѣзжая всегда отъ васъ, я одного боюсь, какъ бы не случилось это безъ меня."—Родной Батюшка сей часъ-же понялъ,

о чемъ я говорю, и такъ отвѣтилъ мнѣ: „нѣтъ нѣтъ; будь покойна,— при тебѣ.“—Что и случилось послѣ этого разговора чрезъ четыре года. Господь сподобилъ меня быть при кончинѣ Старца, и даже въ самой его кельѣ.

Чрезъ годъ послѣ этого (стало быть за три года до своей кончины) Старецъ сильно заболѣлъ. Я была дома въ своемъ городѣ и, прослышавъ о тяжкой его болѣзни, сильно скорбѣла и безпокоилась, узнавая письменно и телеграммами о ходѣ болѣзни. Сама-же ѣхать не могла,—одно, данное мнѣ Старцемъ, дѣло держало меня.—Вырвавшись только на третьей недѣлѣ великаго поста, когда уже Старцу было немного лучше, я поѣхала къ нему съ дочерью. Вечеромъ поздно Старецъ насъ принялъ. Онъ лежалъ уже въ своей спаленкѣ на постелькѣ. Взглянувъ на Батюшку, я испугалась страшной перемѣны его личика, и слезы невольно потекли у меня изъ глазъ. Батюшка встрѣтилъ меня словами: „хоть плыть, да быть.“ Этимъ онъ опредѣлилъ трудность моего путешествія, при полномъ разливѣ рѣкъ. Затѣмъ продолжалъ: „дураки! вымолили таки меня; остался еще для васъ пожить.“ Я стала подлѣ него на колѣни, и сказала: „Слава Богу!—Батюшка.“ Онъ мнѣ въ отвѣтъ: „дурень! Да вѣдь мнѣ трудно, невозможно становится жить.“ Я ничего не могла на это отвѣтить. Все это говорилъ онъ какъ-бы недовольнымъ тономъ. Вѣроятно, чтобы удержать мои слезы, которыя невольно текли, Старецъ еще продолжалъ: „ну что ты пріѣхала? Я боленъ, заниматься не могу.“ Я отвѣтила: „потому и пріѣхала, что вы больны.“ Дочь же моя добавила: „кстати, Батюшка, и великій постъ,—можно поготовиться.“ „ну что-же? сказалъ Старецъ, я всѣхъ своихъ духовныхъ дѣтей передалъ батюшкѣ о. Іосифу. И вы у него исповѣдуйтесь.“—Но я смекнула дѣло, и скоро отвѣтила: „Да я, Батюшка, недавно передъ масляной готовилась, я подожду,—могу и послѣ Святой.“—Ну зачѣмъ-же откладывать?—сказалъ онъ, идите,—утро мудренѣй вечера,“ и отпустилъ насъ. Я всю ночь проплакала, и промолилась, чтобы Матерь Божія внушила Старцу, при жизни его, не передавать меня другому духовному отцу.

На утро мнѣ еще прибавилось огорченіе. Одна, пришедшая къ намъ въ номеръ, монахиня, духовная дочь Старца, сказала мнѣ, что она уже исповѣдалась у Батюшки О. Іосифа, и стала надо мной подшучивать, и тѣмъ довела меня до большихъ слезъ. Я никому не могла противорѣчить; но и съ собой сладить тоже не могла. Оправившись, насколько это было возможно, чтобы не было замѣтно слезъ, я пошла къ Старцу. Войдя къ нему въ келью, и не успѣвъ еще поклониться ему, я увидала, что онъ сталъ торопливо что-то разыскивать кругомъ себя на кроваткѣ, на которой лежалъ. Досталъ откуда-то изъ подъ подушекъ мантійку, епитрахиль и поручи, которыя были тамъ спрятаны, и сталъ все это спѣшно надѣвать, сказавъ мнѣ: „ну, дуракъ, исповѣдывайся скорѣй; только не говори никому, что я тебя самъ исповѣдалъ. А если спросятъ,—какъ исповѣдалась,—скажи,—

какъ и всѣ. У тебя пока другого отца не будетъ.“ Такой для меня былъ переходъ отъ сильнаго огорченія къ великой радости! Кончивъ мою исповѣдь, и начавъ читать разрѣшительную молитву, Старецъ былъ прерванъ приходомъ къ нему Батюшки О. Іосифа, такъ какъ дверь въ келью мною была не заперта. Я вздрогнула. Показался на порогѣ Батюшка О. Іосифъ, и увидавъ, что Старецъ, по великой своей любви не выдержалъ, и снизошелъ къ моей немощи,—покачалъ головой, и улыбнувшись на Батюшку О. Амвросія, только махнулъ рукой и ушелъ. У Батюшки же о. Амвросія было при этомъ какъ-бы виноватое личико. Послѣ я узнала, что Старцу и докторъ запретилъ, и всѣ очень просили его, начиная съ О. Архимандрита,—чтобы онъ никого не исповѣдывалъ, пока не оправится отъ болѣзни.

Прочитавъ надо мной разрѣшительную молитву, Батюшка вдругъ сдѣлался серіознымъ, и взглянувъ на меня своимъ особеннымъ,—загорѣвшимся внутреннимъ огнемъ,—взглядомъ сказалъ: „слышишь? Ты иди къ О. Іосифу.“ Я же недоумѣвая, отвѣтила ему съ улыбкою: „зачѣмъ я теперь пойду къ нему?“ Но Батюшка опять повторилъ съ добавленіемъ: „слышишь? я тебѣ говорю: если хочешь, иди къ О. Іосифу. Я всѣхъ своихъ духовныхъ дѣтей передалъ ему.“ Я же тогда, опять ничего не понимая, и разсуждая только о настоящемъ, думала: зачѣмъ-же я къ нему пойду, и что ему скажу?—Батюшка подозвалъ меня къ себѣ, и еще въ третій разъ сказалъ мнѣ, но такъ строго, что всякая улыбка слетѣла съ моихъ устъ: „слышишь? Я тебѣ говорю: иди къ О. Іосифу.“ И затѣмъ, по свойственному ему глубочайшему смиренію, прибавилъ: „я васъ поилъ виномъ съ водой; онъ-же будетъ поить васъ чистымъ виномъ.“—Вышедши отъ Батюшки, я стала искать Батюшку О. Іосифа; но къ моему крайнему удивленію не нашла его дома. Оказалось, что онъ посланъ былъ Старцемъ въ монастырь, и во время моей исповѣди входилъ благословиться идти.—Поискавъ Батюшку О. Іосифа, я нечаянно встрѣтилась съ одною бѣлевскою монахинею, духовною дочерью Старца, которая какъ-то испытующе взглянула на меня и спросила: „вы у кого исповѣдались?“ Къ счастію я научена была Старцемъ, какъ отвѣтить, и спокойно сказала: „какъ и всѣ.“—Лжи тутъ не было; исповѣдь была обыкновенная, какъ и у всѣхъ. Она же удовлетворилась моимъ отвѣтомъ.

Скажу еще о прозорливости Старца и о нѣкоторыхъ чудесныхъ случаяхъ.

Разъ тоже пріѣхала я въ Оптину къ Старцу, и еще ничего положительно не думала говорить ему о монастырѣ и о своемъ устройствѣ въ немъ. Дѣти и дѣла держали меня. Мысли свои о монастырѣ я крѣпко скрывала. Вышедъ на общее благословеніе, Батюшка взглянулъ на меня и сказалъ: „о монастырѣ надо говорить наединѣ.“ Пройдя дальше, Старецъ вернулся, и проведя меня рукой по лбу, сказалъ: „шила въ мѣшкѣ не утаишь.“—Я этого сначала не поняла,

и подумала: Батюшка говоритъ что-нибудь о моихъ грѣхахъ.—Позвавъ меня вечеромъ того-же дня, Старецъ,—не помню,—спросилъли меня, или предложилъ мнѣ какое-то занятіе. Но я перепугалась, и сказала: „Да—нѣтъ, нѣтъ, Батюшка, я пойду за вами.“—„А пойдешь за мной, ну такъ подойди ко мнѣ,—я тебя перекрещу.“ И Старецъ перекрестилъ меня большимъ крестомъ. Въ этотъ разъ я высказала ему уже все, что было у меня на душѣ. И потому когда я уходила, Батюшка опять подозвалъ меня, сказавъ: „подойди,—я тебя еще разъ благословлю.“ Личико его было радостное. И онъ тутъ-же велѣлъ одной монахинѣ проводить насъ съ дочерью за него.

Еще случай со мною. Нужно мнѣ было, съ моею дочерью, уѣзжать изъ Оптиной. Былъ конецъ Октября,—самая глубокая осень. День былъ дождливый, грязь невылазная. Батюшка былъ чѣмъ-то занятъ, и принялъ меня только въ два часа дня. Я уже, по правдѣ сказать, и не думала выѣзжать такъ поздно. Но Батюшка, взглянувъ на меня, сказалъ: „если не побоитесь, Богъ благословитъ ѣхать.“ Я отвѣтила: „если, вы, Батюшка, благословите, ничего не побоюсь съ вашимъ благословеніемъ.“ И такъ мы выѣхали изъ пустыни на почтовыхъ въ третьемъ часу по полудни, и доѣхали уже до Андреевской, послѣдней до Калуги, станціи. Дождь усилился; настала непроглядная темь, какая бываетъ у насъ только въ осеннее время, хотя часъ былъ не особенно поздній,—часовъ семь вечера. Лошадей тутъ не было; надо было цѣлый часъ ждать. Староста началъ было уговаривать насъ остаться, за темной ночью и плохой дорогой, которая въ то время особенно была плоха отъ этой станціи до Калуги (теперь тамъ шоссе). Но я ему отвѣтила: „я не боюсь. А если вы не беретесь везти насъ,—это другое дѣло.“—Повезли. Когда мы въѣхали въ лѣсъ, который скоро за Андреевской станціей начинается, то не только не видно было дороги, даже нельзя было разглядѣть тройки бѣлыхъ лошадей, которыя насъ везли. Ямщикъ сталъ ворчать и пугать насъ Выркой (такъ называется мѣсто, гдѣ мостъ черезъ ручей), что трудно будетъ попасть на мостъ. Я опять сказала ему: „боишься,—вернись“.—Ѣдемъ дальше. Такъ называемую Вырку проѣхали благополучно. Но вскорѣ постигла насъ такая неожиданность. Не доѣзжая версты четыре до Калуги, по обѣимъ сторонамъ дороги тянется лѣсъ. Вдругъ не подалеку отъ насъ мы услышали свистокъ, какъ это бываетъ въ городахъ у полицейскихъ. Мы вздрогнули. Въ отвѣтъ свистку раздался другой такой же, а дальше и третій. Дѣло было понятно. Къ дорогѣ кто-то подходилъ. Мы ѣхали шагомъ. Бубенцы и колокольчикъ звенѣли потихоньку. Ямщикъ и мы обѣ перекрестились. Я подумала себѣ: „Батюшка родной! Зачѣмъ же ты насъ отпустилъ въ такую ночь?“—Слышалось, что кто-то уже подходитъ къ намъ. Но въ это самое время вдругъ сзади насъ раздался звонъ колокольчика,—кто-то шибко ѣхалъ. Оказалось,—то была эстафета, которая и догнала насъ въ самое опасное для насъ время.

Всѣ мы трое, благодарственно къ Богу, перекрестились, и уже были спасены.

Въ другой разъ, собираясь, великимъ постомъ на пятой недѣлѣ, въ Оптину готовиться, я взяла съ собой старшую свою дочь. А меньшая моя, крестница, оставалась у моихъ хорошихъ знакомыхъ,—она еще училась.— Очень желалось мнѣ тогда встрѣтить Пасху при Старцѣ. Дѣтямъ я еще ничего не говорила объ этомъ своемъ желаніи, и болѣе полагалась на волю Божію, какъ тамъ Господь устроитъ. Только имъ сильно не хотѣлось этого. Такое напало на нихъ искушеніе. Я же думала и меньшую дочь къ Пасхѣ выписать въ Оптину. Но, пріѣхавъ къ Старцу, я не высказала ему этого.—Не прошло и трехъ дней, какъ пахнуло тепло, и рѣки вскрылись. Путь былъ прегражденъ. Казалось мнѣ,—ѣхать не представлялось возможности; и я въ душѣ торжествовала. Въ субботу пріобщились мы св. Христовыхъ Таинъ. Но вечеромъ того-же дня вдругъ Батюшка позвалъ меня, и сверхъ всякаго моего ожиданія сказалъ: „сейчасъ посылать за почтовыми лошадьми! Завтра рано ѣхать!“ Я сказала: „Батюшка! Почта даже останавливается. Ни на колесахъ, ни на саняхъ нѣтъ никакой возможности ѣхать.“—Но Батюшка строго сказалъ мнѣ: „Такъ вы не слушаться! Вѣдь вы потонете. Сей часъ посылать! Идите.“ Огорченныя и удивленныя рѣшеніемъ Батюшки, мы поспѣшили къ отъѣзду. Дочь моя тогда уже и пожелала было остаться. Признаться сказать, я боялась ѣхать, и проплакала всю ночь. Рано утромъ однако мы выѣхали. Не могу пересказать всю трудность пути. Мы ѣхали и на колесахъ и на саняхъ. Пріѣхавъ въ село Кожемякино, гдѣ мельница, видимъ,— плотину прорвало и воду спустили. Огромное пространство кругомъ было залито водой. Мужики высыпали на улицу смотрѣть на нашу переправу, когда тройка наша подъѣхала къ мосту. Онъ былъ залитъ, и изъ него торчала только одна палка перилъ. Ямщику надо было угадать попасть на него. Намъ сказали, что только предъ нашимъ пріѣздомъ залило мостъ. Ямщикъ положилъ доску на высокую спинку саней, привязалъ ее и посадилъ насъ. Моя дочь, какъ молодая, взгромоздилась на доску, подобравъ ноги и сѣвши бокомъ. Я же такъ не могла, и сѣла прямо. Вещи наши положены были на козлы.— Русскій народъ храбръ. Ямщикъ перекрестился и, подобравъ возжи, ударилъ по тройкѣ, которая бросилась въ пучину. Я закрыла глаза, и забыла подобрать опущенныя свои ноги. Вода и ледъ хлынули въ сани, и мои ноги погрузились до колѣнъ въ воду. Но сильная тройка, направленная лихимъ ямщикомъ на мостъ, выхватила насъ изъ пучины, за молитвами и благословеніемъ Старца. Мы поѣхали дальше. Отъ Кожемякина до г. Перемышля 8 верстъ. Я ѣхала мокрая, подъ сильнымъ весеннимъ вѣтромъ. Когда мы добрались до Перемышля, на моихъ ногахъ образовалась ледяная кора, которую хозяйка постоялаго двора едва могла съ нихъ стащить. Вещи были перемочены. Перемѣниться нечѣмъ. Ноги же мои не только не озябли, но всю ночь горѣли. Ни малѣйшей простуды, ни даже насморка не было. Я крѣпко

проспала всю ночь. На утро мы поѣхали дальше. Нужно было переправляться чрезъ Оку. Пришлось плыть въ казенной огромной лодкѣ верстъ шесть подъ ледоходомъ, который гребцы отпихивали баграми. Подъ самой же Калугой, гдѣ въ другой разъ нужно было переплывать Оку, мы не нашли никакого казеннаго перевоза. Ледъ шелъ Угорскій (изъ р. Угры) сильный, и паромъ еще не былъ устроенъ. Встрѣтивъ тутъ старосту почтоваго двора, мы рѣшились ѣхать въ частной маленькой лодочкѣ, такъ называемой „душегубкѣ", съ какими то гребцами мужичками. Мы сказали себѣ: „если Господь пронесъ насъ тамъ, за молитвами Старца, то безъ сомнѣнія и здѣсь перенесетъ". Но эта переправа была послѣдняя и чуть ли не самая опасная. Надо было плыть съ версту, если не болѣе, противъ теченія, и потомъ выгадать время—между ледоходомъ повернуть лодку по теченію. Господь пронесъ насъ цѣлыми и невредимыми. Мы пріѣхали въ Калугу.—Послѣ, когда я пріѣхала опять къ Старцу, и разсказала ему о трудностяхъ своего путешествія, онъ сказалъ, смѣясь: „а ты впередъ говори свои желанія,—я бы все устроилъ".

Разъ собралась я съ дѣтьми къ Старцу въ Оптину на праздникъ Рождества Христова. Сама-то я уже не ѣла мяса, а дѣтей жалѣла, боясь, какъ бы онѣ не ослабѣли. Да еще думала: пожалуй будутъ жалѣть, что не остались на праздникъ дома. Что-бы не было въ соблазнъ, хоть и мірской прислугѣ на монастырской гостинницѣ, я захватила съ собой самый хорошій копченый и запеченный окорокъ ветчины, думая: буду втихомолку давать имъ по немногу,—все подкрѣпленіе. Но, пріѣхавши, сказала объ этомъ Старцу. Батюшка же мнѣ говоритъ: „не вози никогда мяса въ монастырь. Вотъ одинъ такъ то привезъ; а въ мясѣ завелась трихнина, и онъ отравился". Возвратившись отъ Старца, я сказала своимъ: „Ну, дѣти, подождите три дня; пріѣдете домой, тогда и покушаете мяса". Но, пріѣхавши домой, нашли это мясо, все изъѣденное червями. Такъ и выкинули его.

Бывая въ монашескихъ кельяхъ, и видя тамъ почти у всѣхъ деревянные кресты съ Распятіемъ, я возъимѣла желаніе купить такой же и себѣ. И такъ, купивъ себѣ въ Оптиной очень хорошенькій крестъ, я принесла его къ Старцу, и просила его благословить имъ меня. Батюшка же, взявъ въ руки крестъ, сильно ударилъ имъ меня по головѣ; отъ чего верхняя дощечка съ надписью „Іисусъ Христосъ, и проч." отскочила и покатилась подъ столъ. Я съ сожалѣніемъ бросилась искать ее, и сказала: „какъ жаль, что дощечка отскочила!" Я видѣла, что Батюшка съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за мной. И когда я ее подняла, и приложила къ тому мѣсту, отъ котораго она отклеилась, думая,—дома приклею, дощечка сама собой, подъ пристальнымъ взглядомъ Батюшки, пристала. И вотъ уже много лѣтъ этому кресту, какъ онъ у меня, дощечка такъ крѣпко держится, какъ литая. Сколько дорогъ этотъ крестъ изъѣздилъ со мной, и я его часто клала за пазуху; но дощечка никогда не от-

клеивалась. Такъ крѣпко приклеилъ ее родной Батюшка своимъ взглядомъ.

Весной 1890 года пріѣхала я къ нему готовиться, и должна была придти исповѣдаться. Вдругъ, говорятъ, Батюшка получилъ очень грустную телеграмму о кончинѣ Воронежскаго владыки Веніамина [1]), и, прекративъ пріемъ народа, отпустилъ всѣхъ до двухъ часовъ. Со всѣми и я ушла. Въ два часа прихожу къ Старцу. Онъ позвалъ меня къ себѣ на исповѣдь. Ставъ предъ нимъ на колѣни, я сказала: „Батюшка! вы получили грустную вѣсть,—вашъ любимый Владыка скончался.“— „Да, отвѣтилъ мнѣ Старецъ, двойная скорбь: Этотъ скончался, а нашего возьмутъ въ Воронежскую епархію.“ Я остолбенѣла. Своего Владыку я очень полюбила. Онъ былъ мнѣ помощникомъ въ приведеніи моей пріемной дочери въ православіе; обѣщалъ и на экзаменахъ защитить ее отъ нападокъ на нее со стороны одного учителя. Не понявъ прозорливости Старца, я удивленно спросила его: „Да развѣ объ этомъ говорятъ уже?“—„Да,“ отвѣтилъ онъ, отвернувъ свое личико отъ моихъ вопросительныхъ глазъ,—„слухи носятся. Туда надо хорошаго: а другого такого нѣтъ.“—Въ заботѣ о своей крестницѣ, я сказала: „Господи! кто же теперь поможетъ ей?“ и назвала ея имя. Батюшка утвердительно отвѣтилъ мнѣ: „Да Владыка-же и поможетъ.“—Я вышла отъ Старца въ недоумѣніи, какъ и что это онъ говоритъ,—Владыку нашего переведутъ, да онъ же поможетъ и на экзаменахъ которые у насъ такъ поздно кончались,—къ Іюлю мѣсяцу. А была еще ранняя весна.—Чрезъ нѣсколько времени вдругъ, какъ снѣгъ на голову,—телеграмма изъ Петербурга о назначеніи Преосвященнаго Анастасія на Воронежскую епархію. Ни онъ самъ и никто другой этого не ожидалъ. Между тѣмъ слова прозорливаго Старца, Батюшки О. Амвросія, сказанныя мнѣ въ день кончины Владыки Веніамина, исполнились въ точности. И моей дочери помогъ Преосвященный Анастасій, и его перевели въ Воронежъ.“

Здѣсь прерывается разсказъ Г-жи **, дабы дать мѣсто другимъ лицамъ и другимъ обстоятельствамъ въ жизнеописаніи Старца Амвросія, но не оканчивается. Впослѣдствіи разсказъ этотъ, не теряя своей цѣли—показать, какъ Старецъ окормлялъ душу ко спасенію, будетъ служить кстати и добавленіемъ свѣдѣній о его жизни.

VII.

Кончина первой Шамординской начальницы Софьи Михайловны Астафьевой, и ея преемница.

Давно не говорилось нами о Шамординской женской общинѣ,

[1]) Съ Преосвященнымъ Веніаминомъ Старецъ Амвросій давно имѣлъ духовное общеніе, и всегда былъ съ нимъ въ перепискѣ. По желанію сего Владыки, посылалъ ему иногда Отеческія книги Оптинскаго изданія.

которую, какъ мы видѣли выше, Старецъ Амвросій основалъ, и о которой имѣлъ особенное попеченіе. Посмотримъ, что тамъ дѣлается.

Уже упомянуто было, что тотъ часъ по кончинѣ двухъ дѣвочекъ Ключаревыхъ, наслѣдницъ Шамординскаго имѣнія, въ 1883 году, еще до открытія общины, по распоряженію Старца, начали строиться тамъ корпуса, и приниматься желавшія быть насельницами сего мѣста. Осенью 1884 года уже община была открыта, и опредѣлена первая начальница, Софья Михайловна Астафьева. Впрочемъ не долго пришлось ей начальствовать въ этой юной обители, — всего три года съ небольшимъ. Разумная, хорошо понимавшая и жизнь духовную и дѣла хозяйственныя, всею душею преданная Старцу Амвросію, она, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, вступивъ на путь иноческой жизни, и принявъ самое тяжелое въ обители послушаніе начальницы, стала подвизаться съ великою ревностію. Съ малолѣтства жившая всегда въ нѣгѣ, и вовсе не знакомая съ тѣлесными трудами, она теперь неустанно трудилась, и вовсе не жалѣла себя. Въ мокрую холодную осеннюю погоду, случалось по цѣлому дню, съ утра до вечера, ходила она сама по всей обители, слѣдя за всѣми монастырскими работами, и уже къ ночи возвращалась въ свою келью, вся промокшая и прозябшая. Такая подвижническая жизнь вскорѣ сломила ея некрѣпкое здоровье. Она постепенно стала чахнуть, и мало-помалу таяла какъ свѣча; наконецъ 24 января 1888 года уснула вѣчнымъ сномъ праведницы, получивъ отъ Всещедраго Господа мзду, соотвѣтствующую ея великой святой ревности и трудамъ. — Послѣ, Старецъ Амвросій, при воспоминаніи о ней, нерѣдко говаривалъ съ особеннымъ чувствомъ умиленія: „Ахъ, мать! Обрѣла милость у Господа“.

По кончинѣ Софьи Михайловны, по указанію Старца Амвросія, приняла начальствованіе въ Шамординской общинѣ монахиня Бѣлевскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, м. Евфросинія Розова, начальствующая и теперь.

Скажемъ объ этой особѣ нѣсколько словъ. По жизни духовной и преданности Старцу Амвросію она была и есть достойная преемница Софьи Михайловны. Во все время старчествованія Батюшки о. Амвросія съ 1860 и до послѣдняго 1891 года и дня блаженной его кончины, она была самою преданною и искреннею его ученицею. По близости Бѣлева отъ Оптиной (40 верстъ), имѣла возможность часто лично посѣщать Старца, открывала ему всѣ свои помыслы, получала отъ него разрѣшеніе всѣхъ своихъ недоумѣній, и наставленія,—какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, до мельчайшихъ подробностей, стараясь всячески жить въ полномъ отсѣченіи своей воли, и во всемъ поступать единственно по волѣ, указанію и благословенію Старца.—Слова его были для нея закономъ. Она даже ихъ записывала, чтобы ничто изъ сказаннаго имъ не изгладилось изъ памяти. Для примѣра, какъ Старецъ вникалъ во всѣ подробности многоразличныхъ дѣлъ, всестороннихъ отношеній и вообще всего поведенія

преданной ему ученицы, приведемъ здѣсь нѣкоторыя, извлеченныя изъ ея записей, въ потребное время высказанныя имъ, наставленія, и прежде о молитвѣ церковной и келейной, дневной и ночной и о снѣ; и затѣмъ о чтеніи книгъ, воздержаніи въ пищѣ и питіи и неосужденіи ближнихъ. И такъ какъ главная причина всѣхъ золъ и настроеній въ человѣкѣ есть гордость; то Старецъ всячески старался наклонять свою ученицу къ смиренію; училъ любви къ ближнимъ, простотѣ, страху Божію, откровенію помысловъ, и проч. Вотъ самыя изреченія Старца (это и есть шестой разсказъ въ рукописи о старческомъ окормленіи Іеросхимонаха Амвросія):

„Когда бываетъ бдѣніе, минутъ за восемь (до благовѣста) надо читать вечернія молитвы".

„Послѣ всенощной къ тебѣ придутъ въ келью; то ты встань, зажги свѣчку и скажи: ну-ко сестра Варвара, прочитай-ко вечернія молитвы,—и поочереди. Этимъ отучишь ходить въ келью".

„Когда ложишься спать,—кровать и келью крестить, съ молитвою: „Да воскреснетъ Богъ".

„На ночь ложиться, и утромъ вставать, — всѣ члены крестить можно: сердце съ молитвою. — Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь; а прочіе члены — уши и перси и даже всю, съ молитвою — Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную".

„Шесть часовъ спать; а то (если болѣе) съ покаяніемъ".

„Въ подрясникѣ можно спать, и ничѣмъ не накрываться. Сны не разсказывать".

„Ничего не желай во снѣ видѣть, а то съ рожками увидишь".

„Когда проснешься, сначала перекрестись. Въ какомъ состояніи будешь съ утра, такъ и на цѣлый день пойдешь. У св. Іоанна Лѣствичника объ этомъ написано".

„Утромъ когда проснешься, говори: Слава Тебѣ Боже!—Батюшка о. Макарій всегда это говорилъ. И не должно вспоминать прошедшее и сны".

„Когда нельзя ходить въ церковь, (должно) дома вычитывать: вмѣсто утрени—утреннія молитвы, 12 избранныхъ псалмовъ и первый часъ; а вмѣсто обѣдни третій и шестой часы съ изобразительными".

„Утреннія молитвы читать, и въ это время ничего не дѣлать. И ко всякой службѣ ходить. А то вѣдь тебя даромъ кормятъ. Антоній великій видѣлъ ангела, который показывалъ ему (какъ должно монаху жить); то помолиться, то поработать. А во время работы, — Господи помилуй,—читать".

„Въ праздности грѣхъ время проводить. И службу церковную и правило для работы упускать грѣхъ. А то смотри,—Господь какъ бы тебя не наказалъ за это".

„Къ службѣ церковной непремѣнно должна ходить, а то больна будешь. Господь за это болѣзнію наказываетъ. А будешь ходить, здорова и трезвеннѣе будешь.—Батюшка о. Макарій, случалось, заболитъ, а все пойдетъ въ церковь.—Посидитъ, потомъ въ Архіерей

скую келью выйдетъ; тамъ мѣста не найдетъ, перейдетъ еще въ келью къ о. Флавіану,—тамъ побудетъ; но когда уже увидитъ, что не въ силахъ быть долѣе въ церкви [1]), перекрестится, да и уйдетъ. А то все не вѣритъ себѣ".

„Когда въ церковь идешь, и изъ церкви приходишь, должно читать: Достойно есть. А въ церковь пришедши, положить три поклона: Боже, милостивъ буди мнѣ, и проч."

„Къ началу ходить къ службѣ,—трезвеннѣе будешь".

„Каѳизму иногда стоять, и непремѣнно вставать на слàвахъ".

„Каѳизму попробуй стоять въ уголкѣ, а потомъ выйди на свое мѣсто".

„Въ церкви не должно говорить. Это злая привычка. За это посылаются скорби".

„Чотки даны для того, чтобы не забывать молитву творить. Во время службы должно слушать — что читаютъ, и перебирать (чотки съ молитвою): „Господи помилуй"; а когда не слышно (чтенія), то: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшную".

„Непремѣнно устами читай молитву (Іисусову), а умомъ не полезно, - повредиться можешь".

„Хоть шепотомъ произноси молитву (Іисусову), а отъ умной многіе повредились".

„Во время чтенія Апостола дома можно сидѣть, если кто другой читаетъ. И въ церкви можно сидѣть, когда не въ силахъ стоять".

„Отъ того дремлешь въ церкви, и не слышишь службы, что помыслы бродятъ туда и сюда".

„Прежде всего, нужно милости просить у Господа и молиться: ими же вѣси судьбами, помилуй мя грѣшную".

„Отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждыхъ пощади рабу твою. (Читать): помилуй мя Боже, Отче нашъ, Богородицу, Да воскреснетъ Богъ. И: Боже милостивъ буди мнѣ грѣшной".

„Читайте Отче нашъ, да не лгите: остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ"...

„Христосъ воскресе" — читать, когда положено церковію; а то не должно".

„Надо молиться и прибѣгать къ Царицѣ небесной: помоги, спаси и помилуй".

„Богородицу" читать 12 разъ или 24 раза въ день. Она у насъ одна заступница".

„Богородице Дѣво" читать хоть съ поясными поклонами, какъ

---

[1]) Церковь въ скиту первоначально устроена была, по благословенію и указанію Калужскаго Преосвященнаго Филарета (впослѣдствіи митрополита Кіевскаго) въ видѣ домовой. Въ западной ея части была для него и особая келлія; такъ какъ Владыка этотъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно пріѣзжать въ основанный, по его благословенію, скитъ въ концѣ сырной недѣли, и проводить здѣсь въ уединеніи всю первую недѣлю великаго поста; почему и келлія въ скитской церкви, которую занималъ онъ, называлась архіерейскою.—Тутъ же была келлія, въ которой помѣщался и пономарь, монахъ Флавіанъ, впослѣдствіи Іеромонахъ и казначей Оптиной пустыни.

одной, явившись во снѣ, сказала сама Божія Матерь, прибавивъ, что это для ея же пользы".

„Когда усердно молишься, то такъ и смотри, что искушеніе будетъ. Это и со всѣми случается".

„Не должно говорить, что молишься (или будешь молиться), за другихъ. О. Антоній [1]), и тотъ говоритъ: обязываюсь молиться".

„Не должно тебѣ молиться за сестеръ. Это врагъ, подъ видомъ добра, подущаетъ. Это дѣло совершенныхъ. А ты только перекрестись и скажи: Господи помилуй насъ".

„Правило ко причащенію можно читать самой, и: Господи помилуй".

„Послѣ пріобщенія надо просить Господа, чтобы Даръ сохранить достойно, и чтобы подалъ Господь помощь не возвращаться назадъ, т. е. на прежніе грѣхи".

„Когда пріобщаешься, то одинъ только день не полоскать ротъ и не плевать. Если большая частица (св. Даровъ), то раздроблять (въ ротѣ); а маленькую такъ проглотить, и не обращать вниманіе на хульные помыслы, а укорять себя за гордость и осужденіе другихъ".

„Если пьешь воду или лѣкарство до обѣдни, то не должно антидоръ и вынутую просфору ѣсть".

„Просфору можно стоя ѣсть,—это дѣло благочестія; а кто сидя ѣстъ, того не осуждать".

„Къ образамъ прикладываться, какъ всѣ дѣлаютъ: прежде положить предъ иконой два поклона и приложиться, а потомъ еще одинъ поклонъ".

„Пятисотницу (по немощи или недосугу) отъ вечерни можно раскладывать (на цѣлые сутки)".

„Если съ вечеру пятисотницу не справишь, то утромъ получше молись".

„Своихъ поклоновъ не накладывать; а если хочешь (больше молиться), то ночью вставать".

„Къ пятисотницѣ не прикладывать своихъ выдумокъ, а какъ слѣдуетъ (т. е. какъ положено) молиться".

„Когда справляешь правило (келейное), то опускай занавѣску. А когда посмотришь въ окно, то вспомни, что каяться надо. У Іоанна Лѣствичника написано: если хочешь—что не должное сдѣлать, вспомни, что должно сказать о семъ Старцу, то и остановишься".

„Не должно говорить (случившейся посѣтительницѣ): иду правило справлять, а скажи: пойду по своимъ дѣламъ. А то скажи ей: давай Казанской Божіей Матери акаѳистъ читать".

„Молитву въ кельѣ читать устами: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную. Или: Боже, очисти мя грѣшную. А въ церкви: Господи помилуй. И слушай больше—что читаютъ. А если

---

[1]) Игуменъ Антоній, братъ Оптинскаго начальника о. Архимандрита Моисея, жившій въ Оптиной пустыни на покоѣ.

не слышишь, то всю молитву читай: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную".

„Когда ударятъ къ Достойно (если находишься въ кельѣ), нужно встать и положить три поклона Св. Троицѣ: Достойно и праведно поклонятися Отцу и Сыну и Св. Духу. Просить заступленія Царицы небесной и читать: Достойно есть яко воистину... А если кто чужой будетъ (въ кельѣ), то только перекреститься".

„Съ покровенной главой нужно молиться".

„Когда бьютъ часы, должно перекреститься, съ молитвою: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную; какъ пишетъ св. Димитрій Ростовскій; дла того помилуй мя, что часъ прошелъ, ближе къ смерти стало. Можно не при всѣхъ креститься, а по разсмотрѣнію, при комъ можно; а то и не надо, въ умѣ же молитву должно сотворить".

„Если что представится,—перекреститься".

„Не надо вѣрить примѣтамъ, и не будутъ исполняться".

„Лампаду засвѣчать; а если масла не будетъ, не скорбѣть,—пускай не горитъ".

„Свѣчей восковыхъ въ церкви не ставить, а самой свѣчкой быть".

„Когда въ мірскомъ домѣ бываешь: то какъ въ домъ взойдешь, въ первой комнатѣ креститься три раза; а въ другую комнату (перейдешь), можно одинъ разъ. А когда обѣдать сядешь, за первымъ кушаньемъ только одинъ разъ перекреститься, и на весь обѣдъ".

„Не должно обращаться свободно съ мірскими,—ты ихъ соблазнишь".

„Книги читать по утру съ четверть часа до работы; а потомъ цѣлый день жуй—что читала, какъ овца жвачку".

„Списывать съ книгъ пожалуй можно, только нужно усвоивать; что понятно, то читать. Читать надо меньше, но понимать".

„Только хоть прочитай книгу. Если и не запомнишь ничего въ то время (т. е. во время чтенія), получишь пользу".

„Евангеліе можно сидя читать, только не въ положенное время".

„Предъ причастіемъ читать св. Ефрема Сирина о покаяніи".

„Нужно болѣе читать книги въ этотъ день, (когда причастишься) особенно Новый завѣтъ, посланіе къ Ефесеямъ и Апокалипсисъ".

„Отъ того не любишь отеческихъ книгъ, что онѣ обличаютъ тебя".

„Книги давай читать, хотя и масломъ зальютъ, запачкаютъ,—ничего; только по разбору,—кто читаетъ".

„Книги лучше не раскрывать" (что бы узнать неизвѣстное).

„По воскресеньямъ не работать. А если праздникъ, напримѣръ Іоанна Златоуста и т. п., то къ вечеру можно поработать".

„Чай пить безъ хлѣба. А если сильно захочется, то послѣ чая маленькій кусочекъ можно съѣсть на глазомѣръ".

„Когда по утру чай съ хлѣбомъ пьешь, то скажи себѣ: развѣ

ты на постоялый дворъ пришла?—Это отъ привычки. Съ малаго начнешь, привыкнешь къ большему".

„Чай пить по три чашки безъ хлѣба, и никому этого не разсказывать. А если у кого въ гостяхъ будешь, то раскроши только хлѣбъ, какъ дѣлалъ Митрополитъ Филаретъ (Московскій). Подали ему уху стерляжью, — онъ ушицу поѣлъ, а рыбу только раскрошилъ" [1]).

„Чай постомъ въ другой разъ — съ покаяніемъ".

„Великимъ постомъ поставишь самоваръ, и скажи: кто не хочетъ осуждать, тотъ пей чай. Хоть не осуждайте-то, а то и напьетесь и осуждаете".

„Когда труды, то не принуждай келейныхъ только по три чашки чай пить, а скажи: пейте по вашему правилу".

„Если будешь помногу чай пить, то зубы будутъ болѣть".

„Объястливыя уста — свиное корыто".

„Если будешь пить послѣ правила вечерняго, то нужно положить за это 12 поклоновъ. Не осуждать людей, а сказать себѣ: ахъ, я окаянная!"

„Надо благодарить Господа, что Онъ тебѣ все посылаетъ. Это для трехъ причинъ, — чтобы привесть въ чувство, сознаніе и въ благодарность".

„Какъ будешь кого осуждать, то скажи себѣ: *лицемѣре! изми первѣе бервно изъ очесе твоего*".

„Бревно въ глазу это гордость. Фарисей имѣлъ всѣ добродѣтели, но былъ гордъ, а Мытарь имѣлъ смиреніе, и былъ лучше".

„Если найдутъ помыслы осужденія, то вспомни, что одинъ лошадь укралъ, а другой овцу, т. е. ты лошадь (украла).

„Всѣ помыслы (недолжные) отъ гордости. У тебя есть гордишка".

„Гордыхъ самъ Богъ исцѣляетъ. Это значитъ, что внутреннія скорби (которыми врачуется гордость) посылаются отъ Бога; а отъ людей гордый не понесетъ. А смиренный отъ людей все несетъ, и все будетъ говорить: достоинъ сего".

„Когда чувствуешь, что преисполняешься гордостію, то знай, что это похвалы другихъ тебя надмеваютъ".

„Когда нападетъ гордость, скажи себѣ: чудачка ходитъ".

На объясненіе, что въ разговорахъ съ другими говорю—*я*, Батюшка сказалъ: „о. Архимандритъ Моисей никогда не говорилъ—*я*, а: „это опытомъ удостовѣрено; или скажетъ: „мы".

„Домъ души — терпѣніе, пища души смиреніе. Если пищи въ домѣ нѣтъ, жилецъ лѣзетъ вонъ", (обычное выраженіе: выходитъ изъ терпѣнія).

„Когда разворчишься, то укори себя, — скажи: окаянная! что ты расходилась, кто тебя боится?"

---

[1]) Подобнымъ образомъ поступалъ и Старецъ Амвросій: хлѣбъ скушаетъ малѣйшую часть, а весь ломоть раскрошитъ.

„Если очень защѣпятъ тебя, скажи себѣ: не ситцевая, не полиняешь“.

„Много въ этой головѣ ума, да вонъ нейдетъ“.

„Когда бываетъ такое время, что желаешь — и сама не знаешь чего; то напиши въ умѣ эти слова: кто я и кто ипостась моя? и чего я желаю?—въ гости не ѣду, и дома не остаюсь, — везите меня къ намъ. — Подойди и прочитай“.

„Тщеславіе и гордость одно и тоже. Тщеславіе выказываетъ свои дѣла, чтобы люди видѣли, какъ ходишь, какъ ловко дѣлаешь. А гордость послѣ этого начинаетъ презирать всѣхъ. Какъ червякъ сперва ползаетъ, изгибается, такъ и тщеславіе. А когда выростутъ у него крылья, возлетаетъ на верхъ, такъ и гордость“.

„Тщеславіе, если его тронутъ пальцемъ, кричитъ: кожу деруть“.

„Сказать (хвалящей): не хвали, а то послѣ разсоримся. Лѣствичникъ велитъ опасаться такихъ людей. Лучше принять злословившаго человѣка.

„Если будутъ тебя хвалить, должно молчать—ничего не говорить, какъ написано у Аввы Варсонофія“.

„Похвала не на пользу. Ужасно трудна похвала. За прославленіе, за то, что здѣсь всѣ кланяются, тѣло по смерти испортится,— прыщи пойдутъ. У Аввы Варсонофія написано: Серидъ какой былъ Старецъ! а и то по смерти тѣло испортилось“.

„Уступай N. N. во всемъ, предложи свой совѣтъ, только не настаивай“.

„Надо быть ко всѣмъ почтительной. Будь ласкова, но не ласкательна. Поклонись, да скорѣе мимо проходи“.

„Надо внизъ смотрѣть. Ты вспомни: земля еси, и въ землю пойдеши“.

„Не желай рясофора. Меня самого принудили въ рясофоръ и въ мантію, а я не хотѣлъ и говорилъ о семъ Батюшкѣ о. Макарію,— я самъ не принялъ бы“.

„Смиреніе состоитъ въ томъ, чтобы уступать другимъ, и считать себя хуже всѣхъ. Это гораздо покойнѣе будетъ“.

„Вѣдати подобаетъ, яко три суть совершеннаго смиренія степени. Первая степень покорятися старѣйшинѣ, не провозноситися же надъ равными. Вторая степень покорятися равнымъ, не превозноситися надъ меньшими. Третія степень покорятися и меньшимъ, и вмѣняти себе ничтоже быти, яко единому отъ скотовъ, недостойну сопребыванія человѣческаго“.

„Лѣпо тебѣ смиратися паче иныхъ, въ передней бо мнишися жити. — Это напиши, да къ стенѣ приколи“.

„Прежде надо наружно кланяться въ ноги Старцамъ. Это положили св. Отцы. А потомъ внутри будетъ (ощущаться), точно какъ кто (кланяющійся) бѣденъ; а затѣмъ кучу золота дадутъ, и онъ богатъ будетъ“.

„Сестра! Кайся, смиряйся; сестрамъ уступай—что можно, и не осуждай другихъ,—всѣ съ немощами".

„Кто уступаетъ, тотъ больше пріобрѣтаетъ".

„Смиряйся, и всѣ дѣла твои пойдутъ".

„Умудряйся. Смиряйся. Другихъ не осуждай. Несудите, да несудими будете".

„Иди мытаревымъ путемъ, и спасешься, — говори: Боже милостивъ буди мнѣ грѣшной!"

„Если не имѣешь любви (къ ближнимъ), смиряйся".

„Прочитай—Живый въ помощи Вышняго,—да и иди, прощеніе проси,—на кого немирна".

„Если кто сердится на тебя, то спроси у него причину".

„Если кто не покоенъ (т. е. не миренъ на тебя, а не высказываетъ сего), то угождай ему, будто не замѣчаешь сего".

„Если помыслъ будетъ говорить тебѣ: отъ чего ты этому человѣку, который оскорбилъ тебя, то и то не сказала?—то скажи своему помыслу: теперь поздно говорить,—опоздала".

„Если кого хочешь уколоть словомъ, то возьми булавку въ ротъ, и бѣгай за мухой".

„Будь сама къ другимъ снисходительна".

„Нужно ближняго успокоивать,—и съ тобой тоже можетъ быть".

„Сама живешь нерадиво, а съ другихъ строго требуешь, чтобы исполняли все".

„Ты молчи предъ всѣми, и тебя будутъ всѣ любить".

„Шуточками лучше высказывай, когда непокойна (не мирна на кого) бываешь".

„Не должна вмѣшиваться въ ихъ (вмѣстѣ живущихъ) споръ. А уйди въ свою келью, возьми бутылку воды, и полей между ними; особенно же каждой можно говорить. Скажи N. N.: мы безъ щей насидимся, — ни я, ни ты не умѣемъ варить; а другой скажи: потерпи,—она Петербургская".

Грубо не велѣлъ Батюшка обращаться.

„Не должно выбирать сестру по духу, а то будетъ по плоти".

„Хорошее дѣло, что родные тебѣ не пишутъ. На что тебѣ знать ихнія дѣла? Къ нашему о. А—ію пришла родная сестра, и ходила разыскивать для себя сани. Пошла къ о. Д—оею, къ о. казначею, наткнулась на о. Игумена, тамъ былъ и о. А—ій. Послѣ онъ говорилъ, что такой скорби еще не было ему".

„Смотри на всѣхъ просто".

„Будь проста, и все пройдетъ. Считай себя хуже N. N.—Если будешь внимать себѣ, то найдешь, что ты дѣйствительно хуже N. N.

„Жить просто значитъ не осуждать, не зазирать никого. Напр. идетъ Е—да. Прошла, и только. Это значитъ, думать просто. А то, при видѣ проходящей Е—ды, подумать о ней съ худой стороны: она такая-то, характеръ у ней такой-то. Вотъ уже это непросто".

„Если непокойна N. N., то скажи: всѣ по своимъ мѣстамъ!

Себѣ внимать и Авву Дорооея читать! — Напиши это, и гдѣ-нибудь приколи".

„Ты ей N. N. разъ уступишь, а она тебѣ десять разъ".

„Когда ты не покойна на N. N., то клади поклоны отъ 3 до 9 съ молитвой: Господи, яко-же вѣси, помози рабѣ твоей N. N., и за ея молитвами меня окаянную помилуй.—Тогда клади поклоны, когда непокойна (немирна), а то не надо".

„Истина безъ смиренномудрія основывается на злопамятности. Истина значитъ, — кто ставитъ ланиту и обращаетъ другую; а на злопамятности,—кто оправдывается, что невиноватъ".

„У тебя всегда была эта страсть злопамятность; она скрытна и тонка".

„Внутренняя скорбь значитъ: напр. памятозлобствовать или терпѣть отсѣченіе своей воли: потому, что другой никто не можетъ знать, что у тебя внутри. А внѣшняя скорбь со стороны другихъ".

N. N. чтобы старшая была тебѣ. Убытку не будетъ. Ты все таже будешь. Только кто къ тебѣ придетъ, и что спроситъ, ты скажи: какъ N. N.—а безъ нея ничего не дѣлай, а какъ она скажетъ".

„Кто будетъ спрашивать у тебя совѣта, отказываться должно: не знаю,—что сказать".

„Смѣяться поменьше; а то отъ этого недолжные помыслы приходятъ".

„Смѣхъ изгоняетъ страхъ Божій".

„Если кто будетъ смѣшить, тому уменьшить одну чашку чая".

„За столомъ не смѣяться. Надо знать время на все. Ежели разсмѣются, то одна сжала бы губы, и вышла въ сѣни, положивъ тамъ три поклона".

„Если помыслы будутъ говорить: никакихъ большихъ грѣховъ нѣтъ, что смѣетесь много (большой грѣхъ)".

„Дерзка и смѣла отъ смѣха,—страха Божьяго стало быть нѣтъ".

„Если перебивать разговоръ, то это дѣло дерзости".

„Если кто шутя до кого дотронется, то десять поклоновъ положить".

„Господь тебя избавитъ отъ всѣхъ недолжныхъ помысловъ; только смиряйся".

Молитва: Господи! За молитвами Старца Макарія, избави меня отъ помысловъ.—И меня (Старца Амвросія) пожалуй, если хочешь, помяни".

„Если придутъ хульные помыслы и осуждающіе другихъ, то укоряй себя въ гордости, и не обращай на нихъ никакого вниманія".

„Когда найдетъ день, что будто хорошо живешь—весело и покойно; а вдругъ сдѣлается безпокойство, и помыслы будутъ тебя смущать; тогда скажи себѣ: что-жъ ты теперь смущаешься? А помнишь, когда была покойна".

Вопросъ: какъ стяжать страхъ Божій? Отвѣтъ: „Должно всегда имѣть Бога предъ собою. Предзрѣхъ Господа предо мною выну".

„Страхъ Божій пріобрѣтается еще исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, и чтобы дѣлать все по совѣсти".

„Противъ разсѣянности надо имѣть страхъ Божій. Читай у Аввы Дороѳея о страхѣ Божіемъ, о храненіи совѣсти и о смиренномудріи".

Вопросъ: какъ себѣ внимать, съ чего начинать?— Отвѣтъ „надо прежде записывать: какъ въ церковь ходишь, какъ стоишь, какъ глядишь, какъ гордишься, какъ тщеславишься, какъ сердишься, и проч.".

„Въ кельи не ходить, и къ себѣ гостей не водить. А если въ кельѣ сдѣлается тѣсно духомъ, то въ чуланъ выйдти прочахнуть".

„Если кто скажетъ: зайдите; то скажи: я теперь въ кисломъ расположеніи,—не могу".

„Ты моя дочка. Я самъ такой,—человѣкоугодничаю. Не должно человѣкоугодничать; должно лучше молчать. Положи на вѣсы угожденіе людямъ на одну сторону, а на другую молчаніе; то молчаніе перевѣситъ".

„Вы на меня похожи; я тоже учу,—вы мои дочки". Батюшка о. Амвросій нѣсколько разъ это повторялъ.

„Помыслы записывать каждый день. А когда пойдешь къ М. И. (для откровенія), то выпиши ихъ вообще, на пр. сердилась, и т. п.".

„Надо говорить помыслы М. И.; помыслы и ослабѣютъ. А откуда они, отъ гордости".

„N.N. (Старицѣ или Старцу) все должно говорить; сказать, что осуждаю, и помыслы приносятся, а повторять ихъ не надо. Это врагъ наноситъ. Ефремъ Сиринъ называетъ это лаяніемъ бѣсовскимъ. Если спроситъ N. N.,—какіе? тогда можно сказать.

„Надо говорить: приходятъ помыслы хульные противъ васъ и осуждающіе". (Если бываютъ помыслы противъ Старицы или Старца).

„Свои грѣхи говори, и себя больше вини, а не людей".

„Чужія дѣла не передавай".

„Не разсказывать, гдѣ что дѣлается".

„Батюшка строго приказывалъ—чужихъ грѣховъ не говорить м. Игуменіи, но себя винить".

„Помыслы тѣ надо говорить, которые безпокоятъ. Иной помыслъ цѣлый день приражается, и ничего; а другой въ разъ оцарапаетъ,—тотъ и нужно говорить".

„Не должно никому говорить, какъ м. Игуменія утѣшаетъ, а то зависть будетъ".

„Милостыню подавать, если лишнія деньги будутъ".

„Выработанныя деньги отдавай на общія".

„Когда кто проситъ тебя что купить, покупай до тѣхъ поръ, пока денегъ не будетъ; а тогда скажи, что денегъ нѣтъ".

„У NN. немощь—скупость, а у тебя немощь—раздавать. У насъ

былъ такой-то братъ,—раздастъ, а потомъ и скорбитъ, что того или другого у него нѣтъ".

„Свѣтъ возсіялъ, чтобы іоты не было тьмы".

„Кадка меду, ложка дегтю. Врагъ покажетъ десять разъ правду, а однажды ложь,—все дѣло пропало".

„Нужно себя понуждать гряды копать, и на все".

„Вспоминай Батюшки о. Макарія слова и исполняй, — вотъ и будешь его слушаться".

Отвѣтъ на жалобу о безпамятствѣ: „придетъ время—вспомнишь мои слова, когда нужно будетъ".

„Уныніе значитъ таже лѣнь; только хуже. Отъ унынія и тѣломъ ослабѣешь и духомъ. Не хочется ни работать, ни молиться; въ церковь ходишь съ небреженіемъ; и весь человѣкъ ослабѣваетъ".

„Прелесть нерадѣнія (можетъ быть); а настоящей прелести не будетъ, потому что мы не подвижники".

Вопросъ: помыслъ пришелъ: зачѣмъ спасаться? Не спасемся все равно, какъ ни жить. Къ тому же теперь нѣтъ спасающихся, какъ написано въ видѣніи Аѳонскаго монаха.—Отвѣтъ: „Это сказано къ тому, что теперь совершенныхъ во всемъ нѣтъ; а спасающіеся есть. Не каждый можетъ быть генераломъ; а иной—генералъ, другой полковникъ, маіоръ, офицеръ, солдатъ; и простой человѣкъ такой же какъ и они".

Приведенныхъ здѣсь наставленій Старца Амвросія только малая часть. Остается еще множество отвѣтовъ на самые разнообразные вопросы, и наставленій, чаще всего касавшихся только лично самой вопрошавшей. Но и по приведеннымъ наставленіямъ каждый можетъ судить о достоинствѣ Старца наставника и его ученицы.—Прибавимъ къ сему, что наставленія эти могутъ быть весьма полезны и для всѣхъ, ревнующихъ о своемъ душевномъ спасеніи.

VIII.

Первый и второй пріѣздъ Старца Амвросія въ Шамординскую женскую общину въ 1888 и 1889 годахъ, при новой начальницѣ монахинѣ Евфросиніи, и его тамъ пребываніе.

Ежегодно только по разу, какъ видѣли мы выше, Старецъ Амвросій въ лѣтнюю теплую пору, имѣлъ обыкновеніе ѣздить въ устрояемую имъ Шамординскую общину на нѣсколько дней погостить и посмотрѣть, что въ ней есть, и чего не достаетъ. Посѣщенія эти, будемъ говорить словами самихъ Шамординскихъ сестеръ,—были для нихъ свѣтлымъ праздникомъ. Въ назначенный день, съ самаго утра, въ Шамординѣ все было на ногахъ. Кто съ тщательнымъ усердіемъ приготовлялъ келью для дорогого гостя, кто хлопоталъ въ церкви, чтобы съ подобающею честію встрѣтить своего ненагляднаго Батюшку;

а кто просто ходилъ въ волненіи и радостномъ ожиданіи. Наконецъ служили молебенъ, и всѣ сестры, съ настоятельницею во главѣ, располагались у крыльца настоятельскаго корпуса. Вотъ изъ за опушки лѣса покажется знакомая карета, и у всѣхъ радостно забьются сердца. Лошади быстро несутся, и останавливаются у подъѣзда. Въ окно кареты показывается сѣденькая бородка Старца. И Батюшка съ отеческою улыбкой весело раскланивается на обѣ стороны. — „Батюшка дорогой! сокровище наше, ангелъ нашъ“! слышатся со всѣхъ сторонъ восторженныя привѣтствія обрадованныхъ сестеръ. Батюшка выходитъ изъ кареты и спѣшитъ въ приготовленную для него келью, чтобы переодѣться и отдохнуть; между тѣмъ сестры тотчасъ же бросаются въ карету вынимать Батюшкины вещи. Всѣмъ хочется захватить какую-нибудь изъ этихъ „драгоцѣнностей“. А если которой изъ нихъ это не удастся, она хватается за какой-нибудь конецъ шарфа или рукавъ запаснаго подрясника, и вполнѣ остается счастлива тѣмъ, что и ей пришлось что-нибудь понести. Батюшка же, нѣсколько отдохнувъ, отправлялся въ церковь, гдѣ прикладывался къ св. иконамъ, полагая предъ каждой по три земныхъ поклона; ходилъ въ алтарь; и затѣмъ садился на приготовленное для него кресло, и всѣ сестры подходили къ нему принимать благословеніе. Въ послѣдующіе затѣмъ дни Батюшка ѣздилъ по кельямъ; посѣщалъ устроенную имъ богадѣльню для разныхъ убогихъ, — калѣкъ и слѣпыхъ, и пріютъ для сиротъ, которыхъ уже было набрано человѣкъ до пятидесяти. Малютки привѣтствовали своего дорогого посѣтителя и покровителя пѣніемъ разныхъ молитвъ и духовныхъ стишковъ. Во время переѣздовъ Старца изъ одного корпуса въ другой, толпа народа сопровождала его. Бѣжали за экипажемъ, хватаясь за колеса, чтобы взглянуть на него; а нѣкоторые вскакивали на подножку, и успѣвали спросить что-нибудь.

Пребываніе Старца въ Общинѣ каждый разъ было непродолжительно, — дня два-три и немного болѣе. И если прежде онъ такъ заботливо относился къ основанной имъ Общинѣ, не пропуская ни одного года, чтобы не побывать въ ней: то тѣмъ паче нужно было ему теперь посѣтить обитель, при назначеніи, по его же указанію, новой начальницы, которая прибыла къ своей должности 23 мая 1888 г., дабы на мѣстѣ вознести теплыя молитвы ко Господу и Его Пречистой Матери, какъ о новой матери настоятельницѣ, такъ и о ввѣренныхъ ей духовныхъ чадахъ. Первый такой пріѣздъ Старца Амвросія совершился 19 іюля. Познакомимъ съ нимъ читателей опять собственными же словами Шамординскихъ сестеръ, описавшихъ для себя въ свое время это замѣчательное для нихъ событіе. Читаемъ:

„Во вторникъ 19 іюля пріѣхалъ къ намъ дорогой нашъ Батюшка и пробылъ у насъ до четверга слѣдующей недѣли (до 28-го). Еще въ первыхъ числахъ іюля пронесся слухъ у насъ, что Батюшка собирается къ намъ послѣ Казанской, погостить; но намъ казалось это такой несбыточной мечтой, что мы боялись и радоваться, боя-

лись даже и говорить объ этомъ. Наконецъ, уже за недѣлю такъ до пріѣзда Батюшки, слухъ этотъ сталъ все чаще и чаще повторяться слышавшими отъ него самого.—Говорили, что пріѣдетъ онъ въ пятницу, субботу, воскресенье.—А мы все еще не смѣли этому повѣрить. Какъ наконецъ въ понедѣльникъ начали стекаться къ намъ для встрѣчи Батюшки съ разныхъ сторонъ посѣтители. Тройка за тройкой такъ и мчится къ Шамордину. На гостинницѣ номера всѣ были заняты. Пришлось помѣстить нѣкоторыхъ пріѣзжихъ изъ монашествующихъ въ особыхъ келліяхъ.—Здѣсь ужъ сомнѣнія наши прекратились, и мы стали убѣждаться, что точно ожидаетъ насъ великая радость. Еще дня за три стали мы то и дѣло поглядывать на небо. Чуть набѣжитъ небольшая тучка, чуть нахмурится погода, какъ мы приходимъ уже въ волненіе: что какъ измѣнится погода, пойдутъ дожди; тогда нельзя будетъ пріѣхать къ намъ желанному гостю. Можно себѣ поэтому представить, въ какомъ волненіи находились мы весь день наканунѣ пріѣзда Батюшки.

Наконецъ насталъ и вторникъ. Тотчасъ послѣ обѣдницы, часовъ въ 7 утра, начали устраивать для Батюшки помѣщеніе въ церковномъ домѣ, въ большой комнатѣ,—изъ корридорчика бывшей молельни покойной матушки [1]), которая окончательно теперь разгорожена; такъ какъ пришлось отворить дверь для Батюшки, чтобы ему лучше можно было оттуда слышать, и даже видѣть службу, и выходить чрезъ эту дверь въ церковь, когда ему вздумается. Къ 9 часамъ комната для Батюшки была готова. Ее устлали всю коврами, сдѣлали небольшой иконостасецъ, вставили въ окно жалузи, навѣсили дверь—и все это мечѣе, чѣмъ въ 2 часа; такъ какъ дѣлалось все сообща, дружно и живо. Отцу Іосифу, который также пріѣзжалъ съ Батюшкой, приготовлена была комната отдѣльно. — Церковь также преобразилась. Полъ въ ней устлали коврами, столбы и колонны разукрасили гирляндами папортника и живыхъ цвѣтовъ. Но еще болѣе праздничный видъ придавали ей радостныя сіяющія лица сестеръ, которыя то и дѣло забѣгали туда узнать,—не пріѣхалъ ли кто изъ Оптиной, не слышно ли что-нибудь о родномъ Батюшкѣ, веселъ ли былъ онъ наканунѣ, покоенъ ли? Въ 4 часа пріѣзжаетъ наконецъ одна изъ нашихъ сестеръ съ радостною вѣстью, что въ три часа Батюшка намѣренъ выѣхать изъ Оптиной, и что нужно ожидать его съ минуты на минуту. Вѣсть эта въ одинъ мигъ облетѣла весь монастырь, и всѣ уже были наготовѣ. Въ 5 часовъ прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что Батюшка проѣхалъ уже Полошково. Тотчасъ собрались всѣ въ церковь; зажжена была люстра; отъ паперти до святыхъ монастырскихъ воротъ разостлали ковровую дорожку, по обѣимъ сторонамъ которой разставлены были сестры, всѣ въ полной формѣ. Въ святыхъ воротахъ ожидали Батюшку, священникъ о. Іоаннъ съ св. крестомъ, матушка настоятельница съ нашимъ чудотворнымъ образомъ

[1]) Настоятельницы м. Софіи.

Казанской Божіей Матери, казначея м. Елевферія съ большимъ хлѣбомъ и просфорой на блюдѣ, изукрашенномъ живыми цвѣтами, и всѣ пѣвчія.

„Сестры! Матушка проситъ васъ не разговаривать“, повторяла приказаніе матушки м. Сергія, наша благочинная, устанавливая сестеръ въ линію. Да и не до разговоровъ тутъ было. Каждой хотѣлось сосредоточиться въ себѣ, собраться, какъ говорится, съ своими чувствами. Воцарилась глубокая благоговѣйная тишина, — другого слова я не приберу для ея выраженія. Чувствъ, которыя наполняли каждую изъ насъ, которыя переживались нами въ эти минуты, никогда уже не испытать намъ болѣе: онѣ не повторяются, рѣдкіе онѣ гости на землѣ; ихъ и не передашь. Раздался благовѣстъ, трезвонъ; наконецъ появилась и давно ожидаемая карета, подкатила къ воротамъ, но дверца оставалась запертою, и Батюшка не показывался. Прошло минуты 3—4, появился наконецъ и Батюшка съ противоположной стороны кареты въ полной формѣ,—въ мантіи и крестахъ. Запѣли: „Днесь благодать святаго Духа насъ собра, и вси вземше крестъ свой глаголемъ: „благословенъ грядый во имя Господне!“ Батюшка между тѣмъ сдѣлалъ три земные поклона, и, приложившись къ кресту и образу Царицы Небесной, взялъ икону на руки, и въ сопровожденіи матушки, помогавшей ему нести образъ, двинулся къ церкви. Всѣ мы поклонились ему до земли, но никто не подходилъ къ нему и не тѣснилъ его. На глазахъ у Батюшки были слезы. Да и большинство присутствовавшихъ плакали, но тихо, чтобы не нарушать тишины и стройнаго пѣнія встрѣчнаго гимна. Когда вошелъ Батюшка въ церковь, запѣли: „Достойно есть“; затѣмъ слѣдовала ектенія и т. д., какъ вообще принято встрѣчать высокихъ посѣтителей. Батюшка между тѣмъ ходилъ въ алтарь, прикладывался къ образамъ, и затѣмъ чрезъ южныя двери прошелъ на могилу дорогой покойной матушки Софіи. Нужно было видѣть только выраженіе лица Батюшки въ то время, когда прикладывался къ образу Царицы Небесной въ святыхъ воротахъ, шелъ съ иконой къ церкви и молился на могилкѣ, чтобы оно никогда не изгладилось изъ памяти! Серьезное, сосредоточенное, какое-то вдохновенное, и взоръ его, казалось, такъ и проникалъ небеса. По возвращеніи въ церковь, и по окончаніи многолѣтія ему, Батюшка взошелъ на возвышенное мѣстечко, нарочно для него приготовленное, сѣлъ въ кресло, и сталъ благословлять всѣхъ присутствовавшихъ. Послѣ благословенія Батюшка нѣсколько времени отдыхалъ, а затѣмъ въ тотъ-же день нѣсколько разъ выходилъ въ церковь, осматривалъ ее, и благословлялъ всѣхъ, кто случался тамъ въ то время. Вечеромъ была всенощная, а на другой день обѣдня и молебенъ. Служили: о. Іоаннъ, о. Іосифъ и о. Памва соборомъ. Вслѣдъ за этимъ молебномъ, къ сѣверо-востоку отъ алтаря, отслуженъ былъ еще молебенъ съ водосвятіемъ; послѣ чего былъ крестный ходъ вокругъ церкви и вокругъ всего монастыря. Батюшка самъ участвовалъ въ крестномъ ходѣ, слѣдуя за нимъ въ про-

леточкѣ, и благословилъ, чтобы всѣ наши больныя, разслабленныя и калѣки также принимали въ немъ участіе. Такъ что за толпой сестеръ и мірскихъ слѣдовалъ еще поѣздъ больныхъ, калѣкъ и разслабленныхъ, кто въ линейкѣ, кто въ повозкѣ, кто въ чемъ.—Обошли монастырь; крестный ходъ чрезъ св. ворота направился къ колокольнѣ, гдѣ снова отслуженъ былъ молебенъ съ акафистомъ Казанской Божіей Матери, который слушалъ Батюшка уже изъ комнаты о. Іосифа. Послѣ молебна крестный ходъ, обошедши вокругъ могилки матушки Софіи, возвратился обратно въ церковь. Когда все было кончено, Батюшка вышелъ прикладываться къ образамъ; потомъ ходилъ на могилку, на то мѣсто, гдѣ только что совершено было водосвятіе и на колокольню, и вездѣ долго молился съ земными поклонами. Въ тотъ-же день ѣздилъ Батюшка въ корпусъ матушки, въ часовню св. Амвросія, ходилъ даже на терассу, откуда проѣхалъ въ Тихоновскую часовню, а оттуда пѣшкомъ пришелъ въ хибарку. Вездѣ Батюшка молился съ земными поклонами, и внимательно все осматривалъ. Въ хибаркѣ, остановившись предъ большимъ портретомъ матушки Софіи (въ схимѣ), Батюшка сказалъ: „Мать все видитъ, что тутъ дѣлается“; и затѣмъ взглянувъ на шкафы съ книгами, прибавилъ: „читать и разумѣвать читаемое!.. Изъ хибарки Батюшка вышелъ въ дверь на терассу, прошелъ по галлерейкѣ, посидѣлъ на ступенькахъ, гдѣ любила сидѣть дорогая матушка Софія, и спустившись затѣмъ съ лѣстницы, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ внизъ, по скату горы. „А какое мѣсто-то выбрала мать для своей хибарки!“ Передавалъ онъ на другой день впечатлѣнія свои Еленѣ Михайловнѣ. „Еслибъ только ноги были у меня покрѣпче, такъ бы кажется и ушелъ туда книзу“.

Изъ хибарки прошелъ Батюшка въ „молчанку“. Все ему здѣсь очень понравилось: „и не ожидалъ я, что у васъ тутъ такъ хорошо, говорилъ онъ, просто самъ остался бы кажется жить здѣсь съ вами“.— Потомъ подошедши къ окну, и заглянувъ чрезъ него внизъ къ оврагу, сказалъ: „Да у васъ просто лучше Аѳона здѣсь, лучше Аѳона“. Изъ молчанки Батюшка возвратился домой, и больше никуда въ этотъ день не ѣздилъ.

Въ четвергъ послѣ обѣдни была панихида по матушкѣ Софіи и матери Амвросіи, и затѣмъ общее благословеніе. Въ то время, какъ благословлялъ Батюшка, пѣвчія пѣли ему обыкновенно различныя церковныя пѣсни: „Заступница усердная“, Тропарь св. Амвросію и т. д. пѣли также и: „торжествуй наша обитель“. Въ этотъ же день, послѣ нѣсколькихъ другихъ священныхъ пѣсней, запѣли Пасхальный канонъ. Между тѣмъ Батюшка кончилъ уже благословлять; слушалъ и молился. Когда кончили канонъ, Батюшка самъ благословилъ пропѣть: „Да воскреснетъ Богъ“, и по окончаніи этой пѣсни быстро поднялся съ своего мѣста и скрылся за дверью. Пѣніе всегда слишкомъ сильно дѣйствовало на родного Батюшку. Но что за чудное выраженіе лица было у него все время, пока слушалъ онъ пѣніе! Одинъ взглядъ на него всякаго лѣниваго и нерадиваго невольно заставлялъ

молиться. Въ тотъ-же день утромъ, послѣ краткаго отдыха, Батюшка ѣздилъ на скотный дворъ, осматривалъ постройки, заходилъ и въ „маленькій пріютъ“ и долго тамъ оставался. Заходилъ въ каждую комнатку, благословлялъ всѣхъ дѣтей и бесѣдовалъ съ ними. „Большая“ сказала Батюшкѣ стихи, сочиненія В. ихъ надзирательницы, и сказала ихъ очень мило. Батюшку тронули они до слезъ. Въ тотъ-же день Батюшка ѣздилъ внизъ къ огородамъ. Заходилъ въ сторожку, гдѣ живутъ наши огородницы, гулялъ по горамъ, благословлялъ всѣ колодцы; зашелъ на водокачку, заставлялъ при себѣ накачивать воду, осматривалъ устройство ея и возвратился домой прямо ко всенощной.

На другой день, послѣ обѣдни и общаго благословенія, Батюшка, отдохнувъ немного, пошелъ на могилку. Помолившись и благословивъ ее три раза, какъ всегда, онъ прошелъ на мѣсто водоосвященія и на колокольню, и опять всюду усердно и долго молился. Съ колокольни-же прошелъ прямо въ трапезную. Помолившись здѣсь предъ образомъ Царицы Небесной, онъ прошелъ прямо къ настоятельскому мѣсту, сѣлъ тамъ и благословилъ подавать ему весь обѣдъ по порядку. Каждое кушанье онъ благословлялъ, и отвѣдавъ немного, звонилъ въ колокольчикъ, какъ это дѣлаетъ обыкновенно матушка, давая этимъ знакъ трапезницамъ подавать слѣдующее блюдо. Кушанье изъ чашекъ, благословленныхъ Батюшкой, вылили потомъ въ котлы и ведра, откуда разливали по чашкамъ всѣмъ сестрамъ за трапезой. Изъ трапезной Батюшка прошелъ въ кухню, осматривалъ устройство печки, плиты и котловъ, и дѣлалъ распоряженіе на счетъ различныхъ измѣненій, которыя нашелъ нужнымъ сдѣлать, а именно— на счетъ расширенія трапезной, а также и хлѣбни, куда онъ заходилъ прямо изъ трапезной. Осмотрѣвъ всѣ эти хозяйственныя учрежденія наши, и посидѣвъ нѣсколько минутъ среди дворика, вокругъ котораго расположены эти постройки, Батюшка сѣлъ въ пролеточку свою, и доѣхалъ въ ней до крыльца, чтобы избавить матушку отъ великихъ хлопотъ, ежеминутно повторяемыхъ просьбъ и приказаній не напирать на Батюшку, не тѣснить его, которыя она принуждена была бы употреблять, чтобы доставить Батюшкѣ свободный проходъ отъ хлѣбни до церкви. Самъ Батюшка, сидя близъ хлѣбни, и осматривая расположеніе зданій, не разъ обращался къ сестрамъ съ просьбою стоять поодаль, чтобы ему лучше можно было осмотрѣть все.— „Васъ то я не разъ видѣлъ, а постройки то еще не видалъ“, говорилъ онъ. Но къ сожалѣнію всѣ эти просьбы и убѣжденія имѣли не больше успѣха, какъ стараніе отогнать отъ огня ночныхъ бабочекъ. Попроситъ Батюшка насъ отойти отъ него подальше, мы тотчасъ и отойдемъ; но не пройдетъ и трехъ минутъ, какъ мы снова, сами не замѣчая того и какъ, очутимся около нашего дорогого отца и свѣтильника. Въ тотъ же день, послѣ обѣда и непродолжительнаго отдыха, Батюшка ѣздилъ на гостинницу, былъ у о. Іоанна (священника); оттуда прошелъ къ Ползиковой и къ Ф. Ф. Вечеромъ же былъ въ томъ корпусѣ, гдѣ живетъ м. Магдалина (регентша), такъ какъ

она была въ этотъ день именинница, и возвратился домой уже въ 7-мъ часу вечера.

Во все время, пока былъ у насъ Батюшка, въ тѣ дни, когда не положено всенощной, утрени бывали у насъ съ вечера, вслѣдъ за вечерней, чтобы не прерывать покоя Батюшки поутру. День же проводилъ Батюшка такъ: Послѣ обѣдни выходилъ онъ прикладываться къ образамъ. Сперва къ Царицѣ Небесной; затѣмъ шелъ въ алтарь, изъ алтаря къ чудотворному образу Спасителя, откуда или прямо шелъ на могилку, или же начиналъ всѣхъ благословлять; и затѣмъ уже, отдохнувъ нѣсколько и подкрѣпившись чаемъ, шелъ молиться на могилку матушки и на колокольню. Общія благословенія происходили у насъ въ церкви слѣдующимъ образомъ. На возвышенномъ мѣстечкѣ поставлено было для Батюшки кресло. Батюшка садился въ него. По правую руку отъ него стояла матушка; затѣмъ м. казначея, благочинная и другія старшія образовали изъ себя какъ бы цѣпь для того, чтобы сдерживать напоръ толпы и не позволять слишкомъ тѣсниться къ Батюшкѣ; чтобы не такъ душно ему было. Всѣ подходили по очереди. Всѣхъ просили проходить поскорѣй, и получивши благословеніе отходить, чтобы не задерживать другихъ и не утомлять Батюшку. Всѣ такимъ образомъ получали благословеніе, а между тѣмъ ни тѣсноты, ни давки не было. Отдохнувъ нѣсколько времени послѣ общаго благословенія, Батюшка начиналъ принимать пріѣзжихъ посѣтителей, иногда въ своей комнатѣ, иногда-же для этого выходилъ въ церковь, садился на скамеечкѣ близъ свѣчного ящика, и здѣсь съ ними бесѣдовалъ. Мы же стояли всѣ поодаль, и не могли достаточно насмотрѣться на своего дорогого гостя. Выраженіе лица Батюшки, которое мѣнялось ежеминутно, смотря потому, приходилось-ли выслушивать ему что-нибудь отрадное, или скорбное, ободрялъ ли онъ, или давалъ строгую заповѣдь, обращался ли къ дѣтямъ или къ взрослымъ,—его движенія,—ласкалъ ли онъ кого, или приколачивалъ палочкой,—все—все въ немъ исполнено было такой глубокой совершенной любви, что, глядя на него, самое жесткое грубое сердце невольно дѣлалось мягче, милостивѣе и добрѣе, и какъ бы мрачно ни былъ настроенъ человѣкъ, ему тотчасъ становилось и легче и отраднѣе и свѣтлѣе на душѣ. Невольно припоминался намъ въ эти минуты тотъ Старецъ, который, посѣщая другого великаго Старца, никогда его ни о чемъ не спрашивалъ, но просидѣвъ молча, пока другіе вели съ нимъ бесѣду, удалялся съ ними вмѣстѣ. На вопросъ же,—почему онъ ничего не говоритъ,—отвѣчалъ: „для меня достаточно и посмотрѣть на него“.—Часовъ въ 11 подавали Батюшкѣ лошадь, и онъ отправлялся объѣзжать корпуса и постройки, въ сопровожденіи особо ѣхавшей матушки, которая помогала ему выходить изъ экипажа, ограждала его отъ толпы, и съ которою онъ нерѣдко тутъ же и занимался на счетъ перемѣщенія сестеръ, передѣлокъ, перестроекъ и т. д., и въ сопровожденіи толпы сестеръ и мірскихъ, которыя бѣгомъ мчались за Батюшкиной пролеточкой. Кто тащилъ ему скамеечку,

кто коврикъ, кто мѣшокъ съ чулками. Но вотъ пролетка останавливается. Впередъ пріѣхавшая матушка ожидаетъ Батюшку уже у крыльца того корпуса, куда онъ долженъ подъѣхать. Батюшку на рукахъ почти высаживаютъ изъ экипажа, и ведутъ по кельямъ. Только что войдетъ Батюшка въ двери, какъ онѣ тотчасъ же запираются, и хозяйки остаются наединѣ бесѣдовать съ Батюшкой. Матушка и всѣ, кому только удалось захватить какую-нибудь изъ дорожныхъ принадлежностей Батюшки, какъ-то: мѣшокъ, калоши, ряску, очки, рукавички, стулъ, ожидаютъ Батюшку въ корридорѣ или сѣняхъ; а вся остальная толпа у крыльца корпуса, осчастливленнаго посѣщеніемъ высокаго и дорогого гостя. Но вотъ Батюшка обошелъ уже всѣ кельи, и снова показался въ дверяхъ. Начинается великая суетня: „гдѣ Батюшкина ряска? У кого калоши Батюшкины? Очки, очки давайте скорѣе Батюшкѣ!“ Всѣ суетятся и радуются, что снова видятъ Батюшку. Хозяекъ же указывать нечего, — лица ихъ сами себя выдаютъ. Какъ только замѣтишь сіяющее восторгомъ лицо, такъ прямо и спрашиваешь: „а ты развѣ въ этомъ же корпусѣ живешь?“ „Въ этомъ, въ этомъ! Вотъ намъ нынѣ счастье-то! Батюшка-то родной, посидѣлъ у насъ, помолился, то-то и то-то сказалъ“. — „А что же ты съ нимъ занималась?“ Кто скажетъ: „занималась, да еще какъ хорошо-то! Ужъ такъ Батюшка утѣшилъ меня, родной, ну и пробралъ также, а ужъ за то легко теперь стало на душѣ;“ а кто отвѣтитъ: „Нѣтъ, гдѣ-жъ Батюшкѣ со всѣми теперь заниматься? да мнѣ теперь и не до занятій, — я не знаю, о чемъ говорить теперь съ Батюшкой, у меня и скорбей теперь никакихъ нѣтъ“. Возвращался Батюшка домой часу во 2-мъ, кушалъ, отдыхалъ, а послѣ отдыха снова отправлялся объѣзжать корпуса до всенощной или вечерни. За все время своего пребыванія у насъ, Батюшка перебывалъ во всѣхъ корпусахъ, не пропустилъ ни одной келліи, ѣздилъ и на Лапеху [1]), былъ во всѣхъ сараяхъ и амбарахъ. Во вторникъ принесли Батюшкѣ къ вокзалу носилки, приготовленныя сестрамъ для ношенія камней для постройки храма. Батюшка благословилъ ихъ, и самъ пробовалъ, ловки ли они.

Погода все время была отличная. Въ субботу лишь къ вечеру пошелъ дождь, и шелъ перерывами до половины слѣдующаго дня; а затѣмъ снова прояснилось, и стало еще лучше, такъ какъ не было уже той духоты и зноя, какъ въ первые дни пребыванія Батюшки. Съ субботы стали уже поговаривать, что Батюшка собирается уѣзжать. Но навѣрное дня отъѣзда Батюшки никто еще не зналъ, ни даже матушка; да никто и узнавать не старался. Ну-ко вдругъ скажутъ— „завтра“. Это такъ будетъ грустно, что лучше ужъ подольше не знать объ этомъ, и не горевать прежде времени. Однако, рано-ли поздно, разнеслось печальное извѣстіе: „Батюшка уѣзжаетъ сегодня“. Послѣ обѣдни, молебна и общаго благословенія, Батюшка принималъ

---

[1]) Такъ называется отдѣльная келлія, можетъ быть въ верстѣ отъ монастыря.

многихъ сестеръ и мірскихъ; затѣмъ подали ему кушать. Мы же всѣ почти разошлись по келльямъ съ тою мыслію, что Батюшка вѣроятно будетъ теперь отдыхать, а тамъ мы снова отправимся въ церковь караулить выходъ его, что-бы хоть лишній разокъ взглянуть на него; какъ вдругъ прибѣгаетъ кто-то и говоритъ: „скорѣе, скорѣе собирайтесь въ церковь и въ формѣ, сей часъ будетъ напутственный молебенъ для Батюшки“. Собрались мы всѣ, и узнать нельзя, что это тѣ же лица, которыя наканунѣ еще можно было видѣть такими сіяющими. Головы опущены; кто плачетъ, кто едва удерживается отъ слезъ. Молчаніе глубокое. Начался молебенъ Царицѣ Небесной и для путешествующихъ. По окончаніи его, о. Іоаннъ провозгласилъ многолѣтіе Батюшкѣ, и ждалъ, что онъ выйдетъ прикладываться къ кресту; но вышелъ одинъ о. Іосифъ. Батюшкѣ же родному вѣроятно трудно было выйдти. Эта грустная, прощальная обстановка слишкомъ сильно повліяла бы на его чуткіе нервы. Ждали мы, что онъ выйдетъ на общее благословеніе, но онъ не вышелъ. Присутствующимъ же всѣмъ объявлено было, что Батюшка легъ отдыхать, и потому если желаютъ дождаться выхода его въ церкви, то старались бы сидѣть какъ можно тише. Прошло около часу; въ корридорчикѣ засуетились и вышли сказать, что Батюшка проснулся. Минутъ черезъ пять и Батюшка появился. Серьезный, сосредоточенный, скоро — скоро прошелъ онъ по церкви прямо къ образамъ и въ алтарь. Изъ церкви, чрезъ южную паперть, вышелъ на могилку, въ послѣдній разъ три раза ее благословилъ и возвратился въ свою комнату. Переодѣвшись тамъ, онъ снова вышелъ, и пѣшкомъ прошелъ въ молчанку, гдѣ по его благословенію сооружается какая-то постройка, очень его интересующая. Здѣсь нѣсколько минутъ бесѣдовалъ Батюшка съ счастливцемъ нашимъ Кузьмою, и переодѣвшись и благословивъ насъ, прошелъ въ церковь. Здѣсь въ послѣдній разъ онъ всѣхъ благословлялъ, такъ какъ всѣмъ было заранѣе объявлено, чтобы при прощаніи никто къ Батюшкѣ не подходилъ и не безпокоилъ его. Изъ церкви Батюшка снова прошелъ въ свою комнату. Сестеръ же снова разставили въ два ряда, отъ церковной паперти и до святыхъ воротъ, гдѣ снова, какъ при встрѣчѣ, ожидали Батюшку Матушка съ образомъ Царицы Небесной, и пѣвчія. Настала вновь тишина столь же благоговѣйная, какъ и прежде, но съ оттѣнкомъ скрытой грусти. То и дѣло доносились съ разныхъ концовъ всхлипыванія и сморканья. Когда же появился наконецъ Батюшка, и пѣвчія грустно запѣли „Достойно есть“, заплакали почти всѣ. Батюшка шелъ быстро, и благословлялъ на обѣ стороны. Тамъ, гдѣ онъ проходилъ, кланялись ему въ ноги. Когда же, сдѣлавъ три земные поклона предъ иконой Царицы Небесной, и приложившись къ Ней, Батюшка взялъ ее на руки, и, стоя въ святыхъ воротахъ, въ послѣдній разъ благословилъ ея сестеръ и обитель, какъ-бы поручая ихъ Божественному покрову нашей Заступницы усердной, всѣ вмѣстѣ поклонились мы въ землю и горько заплакали. Батюшка же между тѣмъ, давши матушкѣ приложиться къ иконѣ, вновь

передалъ ее ей въ руки, и быстро скрылся въ каретѣ. Дверца захлопнулась, и карета помчалась. Долго, долго еще, стоя у святыхъ воротъ, глядѣли мы въ слѣдъ удалявшейся кареты, и не могли тронуться съ мѣста. Какая-то тихая грусть наполнила душу, и жаль было растаться съ нею. Какъ пусто стало вдругъ въ Шамординѣ, и долго не могли мы свыкнуться съ этою пустотою, пока снова не вошли въ свою обычную колею. Батюшка уѣхалъ отъ насъ 28-го, въ день празднованія Смоленской иконѣ Божіей Матери. Образъ Смоленской Божіей Матери получила теперешняя Матушка настоятельница на благословеніе отъ обители, принимая ее въ свое управленіе. И въ день празднованія Ей Батюшка всѣхъ насъ поручилъ Всемилостивой и истинной „Путеводительницѣ“ нашей. Матушка съ м. Екатериной (Михайловной) ѣздили провожать Батюшку до Оптиной. Что только тамъ было!—разсказывала матушка. Какъ только узнали, что Батюшка возвратился, вся монастырская братія присыпала къ скиту. Оживленіе было по всему лѣсу такое, какое бываетъ лишь въ свѣтлый праздникъ. Дорожки отъ монастыря къ скиту покрыты были народомъ, стремящимся со всѣхъ сторонъ къ хибаркѣ, чтобы принять благословеніе, или взглянуть по крайней мѣрѣ на Батюшку. Слава Богу, дорога не слишкомъ утомила дорогого Батюшку, такъ что онъ въ силахъ былъ всѣхъ благословить. На другой же день, на вопросъ матушки,—какъ онъ себя чувствуетъ, — отвѣчалъ, что пребываніе его въ Шамординѣ кажется ему сномъ.—Аминь.

Батюшка пріѣхалъ къ намъ 19-го во вторникъ. Въ этотъ день была всенощная Пророку Иліи. Въ среду былъ крестный ходъ. Вечеромъ Батюшка былъ въ настоятельскомъ корпусѣ, въ обѣихъ часовняхъ, хибаркѣ и молчанкѣ. Въ четвергъ была панихида по матушкѣ Софіи и м. Амвросіи. Батюшка ѣздилъ осматривать остальныя постройки за оградой: конный и скотный дворъ, и довольно долго оставался въ младшемъ пріютѣ. Вечеромъ Батюшка ѣздилъ книзу; былъ въ караулкѣ, гулялъ по горамъ, благословлялъ колодцы, осматривалъ водокачку, и вернулся оттуда къ всенощной (Маріи Магдалины). Въ пятницу Батюшка былъ утромъ: въ трапезной, въ кухнѣ, хлѣбнѣ, башмачной, сидѣлъ среди дворика, стоялъ и смотрѣлъ чрезъ калитку. Вечеромъ ѣздилъ на гостинницу, (былъ у о. Іоанна) къ Ползиковой и къ Ф. Ф. Былъ въ своемъ корпусѣ и у м. Екатерины (Михайловны). Въ субботу Батюшка былъ въ молчанкѣ, потомъ въ богадѣльнѣ и у м. Глафиры Мямлиной. Вечеромъ же былъ въ ново-прежнемъ корпусѣ. Воскресенье. Батюшка никуда не выѣзжалъ; въ этотъ день было полгода кончины матушки Софіи. Въ понедѣльникъ послѣ обѣда Батюшка два раза былъ въ трапезной, потомъ въ корпусѣ, гдѣ келлія м. Евменіи, въ пріютѣ старшемъ, въ больницѣ, осматривалъ вновь строющійся корпусъ, былъ въ просфорнѣ, и наконецъ долго оставался въ настоятельскомъ корпусѣ. Во вторникъ утромъ

былъ Батюшка у м. Александры (Николаевны), заходилъ въ кладовую, осматривалъ вѣсы, давалъ ей заповѣдь не обвѣшивать, былъ у м. Алимпіи, м. Елевферіи, Александры Ивановны, м. Сергіи; затѣмъ въ рухлядной; оттуда прошелъ въ вокзалъ, благословлялъ носилки, былъ въ старомъ домѣ. Вечеромъ ѣздилъ на Лапеху. Въ среду ходилъ Батюшка на мѣсто, гдѣ предполагали прежде строить храмъ; вечеромъ же ѣздилъ осматривать амбары и въ Савикъ. Въ четвергъ Батюшка уѣхалъ".

Стихи, которые говорила Батюшкѣ К.

„Отецъ родной, отецъ святой!
Какъ благодарить тебя, не знаемъ.
Ты насъ призрѣлъ, ты насъ одѣлъ,
Ты насъ отъ бѣдности избавилъ.

—

Быть можетъ мы теперь бы всѣ
Скитались по міру съ сумою,
Не знали бъ крова мы нигдѣ,
И враждовали бы съ судьбою.

—

А здѣсь мы молимъ лишь Творца,
И за тебя Его мы славимъ;
Мы молимъ Господа Отца,
Чтобъ насъ сиротокъ не оставилъ!"

Тѣмъ заканчивается разсказъ Шамординскій о посѣщеніи Старцемъ общины въ 1888 году. Прибавимъ къ сему, что вышеозначенные стишки впослѣдствіи положены были какою-то Шамординскою мастерицею на ноты. И послѣ того каждый разъ, какъ Старецъ посѣщалъ въ общинѣ пріютъ, дѣти пѣли для него этотъ кантъ. Серьёзно, задумчиво слушалъ Старецъ эти дѣтскія моленія, и часто крупныя слезы катились по его впалымъ щекамъ. Что думалъ онъ въ эти минуты, — для всѣхъ тайна. Но можно предполагать, что духъ его, проникнутый искреннею дѣтскою благодарностію къ нему бездомныхъ, безпомощныхъ малютокъ, возносился молитвенно къ Царицѣ неба и земли, чтобы Она, и послѣ его смерти, не оставляла ихъ своимъ всемощнымъ покровительствомъ. — Отношенія же Старца къ дѣтямъ вообще были самыя нѣжныя, отечески-любезныя. Упомянутая выше А. А. Шишкова въ своей статейкѣ о Старцѣ Амвросіи напечатала слѣдующее: „я была свидѣтельницею того состраданія и нѣжной любви Батюшки къ болящимъ дѣтямъ, какъ онъ ежедневно, несмотря на свою слабость, ѣздилъ въ больницу ихъ провѣдывать; какъ баловалъ ихъ,— дастъ то конфекту, то пряникъ, приласкаетъ ихъ, пошутитъ".

Проводы Старца изъ Шамординской общины всегда сопровождались обычной суетой, и всегда оставляли въ сестрахъ грустное впечатлѣніе, какъ сейчасъ выше описано. Многія заранѣе уходили впередъ далеко

по дорогѣ, гдѣ онъ долженъ былъ ѣхать, чтобы еще разъ издали поклониться дорогому Батюшкѣ, когда онъ будетъ мимо ихъ проѣзжать.

О посѣщеніи Старцемъ Амвросіемъ Шамординской общины въ слѣдующее лѣто 1889 года сообщаетъ намъ нѣсколько свѣдѣній неизвѣстная особа въ своей статейкѣ подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о Батюшкѣ, Отцѣ Амвросіи“, напечатанной въ Душеполезномъ Чтеніи [1]). Въ сущности, замѣтимъ, посѣщеніе это не отличалось отъ описаннаго. Вотъ самый разсказъ.

„1889 года въ іюнѣ мѣсяцѣ привелъ меня Господь въ первый разъ побывать въ извѣстной всѣмъ, благословенной Оптиной пустыни, въ которую стекалось, особенно тогда, множество людей всякаго званія къ Батюшкѣ о. Амвросію. Давно уже я стремилась всей душой узрѣть чуднаго Старца, услышать душеспасительныя наставленія того, о комъ такъ много поразительно-трогательныхъ разсказовъ пришлось услышать отъ близкихъ и дальнихъ, отъ чужихъ и своихъ. Я же, перенеся, въ непродолжительное время, двѣ мучительныя операціи въ груди, настрадавшись физически и нравственно, въ то время чувствовала особенную потребность въ утѣшеніи и подкрѣпленіи духовномъ. Да при томъ и самый образъ Батюшки, какимъ я себѣ представляла его, влекъ меня издалека какою-то неотразимой силой. По отдаленности отъ желѣзной дороги, ѣхать приходилось на лошади проселкомъ, и въ продолженіи двухъ дней. Явились было сомнѣнія, колебанія и даже страхъ по поводу нездоровья; но, помолившись и уповая на помощь Божію, я все-таки отправилась въ путь“.

„Первый долгій и знойный день путешествія, въ тряской деревенской телѣгѣ, измучилъ и утомилъ меня невыносимо. Едва-едва доплелись мы до ночлега въ крестьянскомъ домикѣ; но къ горю моему, отдохнуть здѣсь не удалось, не смотря на полное радушіе хозяевъ, такъ какъ всю ночь я не могла уснуть отъ терзавшихъ и безпокоившихъ меня насѣкомыхъ. Насилу дождались разсвѣта; я, измученная и совсѣмъ больная, вышла на крыльцо, и позавидовала своему возницѣ, безмятежно спавшему на открытомъ воздухѣ въ телѣгѣ. Съ ужасомъ уже думала я о продолженіи пути, предполагая, что если и доберусь до Оптиной пустыни, то слягу тамъ совсѣмъ больная. Но и возвращаться назадъ съ полпути было слишкомъ тяжело и больно. Долго сидѣла я въ крайнемъ изнеможеніи и раздумьи, не зная,—на что рѣшиться. Солнышко уже взошло. Къ крылечку, гдѣ сидѣла я, подошелъ какой-то старичекъ, не то нищій, не то прохожій, съ сумочкой, и, пристально глядя на меня, поздоровался и сталъ говорить: „вотъ, и Сергій преподобный трудился, и Николай чудотворецъ тоже трудился, и Тихонъ преподобный, — всѣ трудились; за то вотъ въ царство-то и попали. Богъ труды любитъ. Такъ-то! А смерти не миновать, какъ хочешь“.—Удивилась я неожиданному привѣтствію за-

[1]) Въ октябрской книжкѣ за 1899 годъ.

гадочнаго странника, а между тѣмъ чувствую, что страхъ мой предъ труднымъ путешествіемъ куда-то исчезъ. Я сразу какъ-то ободрилась, вразумясь, что вѣрно Господь послалъ мнѣ это внушеніе; и, не смущаясь болѣе ничѣмъ, быстро собралась и, преодолѣвая свою слабость и изнеможеніе, отправилась дальше".

„Чистый утренній воздухъ и пѣніе птичекъ убаюкали меня; а проснувшись, я уже чувствовала себя такъ бодро и хорошо, что почти безъ утомленія доканчивала остальной путь. И когда къ вечеру мы стали наконецъ приближаться чрезъ сосновый прекрасный боръ (со стороны Лихвинской дороги) къ благословенной обители, то радости моей, кажется, не было ничего подобнаго. Кому привелъ Господь побывать тамъ, тотъ знаетъ, какое величественное, совершенно особенное, впечатлѣніе производитъ Оптина пустынь, окруженная зеленью могучихъ сосенъ и елей, и окаймляемая внизу рѣкою Жиздрою. Въ монастырской гостинницѣ мы, въ лицѣ гостинника о. М., встрѣтили своего земляка. Отъ о. М. мы узнали, что Батюшка въ Шамординѣ, и что всѣ богомольцы отправляются туда, чтобы видѣть его. Пока мы бесѣдовали, раздался благовѣстъ ко всенощной. Я поспѣшила въ храмъ Божій, и тамъ имѣла великое духовное наслажденіе присутствовать и помолиться за чуднымъ торжественнымъ богослуженіемъ. Это было наканунѣ праздника апостоловъ Петра и Павла".

„На утро, отстоявъ обѣдню, я поспѣшила въ Шамордино. По пріѣздѣ туда, прежде всего я была поражена огромными толпами народа, которыя съ ранняго утра окружали то помѣщеніе, въ которомъ находился Батюшка, жаждая узрѣть его, и хотя издали получить его благословеніе. И такъ велика была любовь къ нему народа, такъ сильно желаніе видѣть и получить его наставленіе и утѣшеніе, что въ числѣ этого, не знавшаго утомленія и пришедшаго изъ дальнихъ странъ, народа были и такіе, которые ждали по двѣ недѣли, и не теряли надежды быть принятыми имъ, Батюшкою о. Амвросіемъ. Когда я подошла ближе, узнала, что ждутъ выхода Батюшки,—онъ поѣдетъ сейчасъ посѣтить богадѣльню, сиротскій пріютъ и другія благотворительныя учрежденія, устроенныя имъ при содѣйствіи благотворителей. Не видя возможности протискаться къ выходу, я стала поодаль. Вотъ растворились двери; народъ заволновался; послышались восклицанія: „Батюшка ты нашъ! Батюшка!.." Вотъ и онъ возлюбленный Батюшка, отецъ Амвросій, уже согбенный, но благолѣпный старецъ, простой, ласковый, доступный; только его прозорливые глаза свѣтились мудростію и проникали въ самую глубину души. Благословивъ ближайшихъ изъ толпы, Батюшка сѣлъ въ экипажъ и шагомъ поѣхалъ вдоль монастыря. Народъ не отставалъ,—по бокамъ и впереди и сзади бѣжали, ловя его взглядъ, благословляющую руку, и радостные уступали мѣсто другимъ. Я издали слѣдила за этимъ, умиляющимъ душу и совершенно новымъ для меня зрѣлищемъ".

„Посѣтивши всѣхъ своихъ призрѣваемыхъ, Батюшка вернулся отдохнуть въ настоятельскія келліи. Народъ стремительно ринулся

было за нимъ, и неимовѣрныхъ усилій стоило удержать его и затворить двери. Мнѣ досталось великое счастіе быть введенной въ комнаты, благодаря добротѣ матушки игуменіи. Здѣсь, во время слѣдующаго выхода Батюшки, подойдя къ нему совсѣмъ близко, я съ невольнымъ трепетомъ взглянула на этотъ благолѣпный ликъ и на прозорливые, глядящіе прямо въ душу, очи его. Крѣпко припала я къ его, благословившей меня грѣшницу, рукѣ; и когда съ радостными слезами на глазахъ подняла голову, и взглянула еще разъ уже въ слѣдъ ему, я увидѣла, что онъ, Батюшка мой родной, дорогой, оглянувшись, тоже смотрѣлъ на меня пристально, и при этомъ проговорилъ что-то, уходя. Я замерла на одномъ мѣстѣ. А одна старая монахиня, подбѣжавъ ко мнѣ, торопливо говоритъ: „что же вы стоите-то? Вѣдь Батюшка сказалъ: я возьму тебя. Надо было пользоваться, —вѣдь здѣсь по двѣ недѣли живутъ и уходятъ, не увидавши его". А я не смѣла и подумать, что это ко мнѣ относится.—Цѣлый день не давали покоя Батюшкѣ посѣтители, исключая маленькихъ промежутковъ, когда онъ немного подкрѣплялся пищею и отдыхомъ".

„Благодаря добротѣ и привѣтливости игуменіи, меня проводили въ обѣденное время въ трапезную, гдѣ въ это время кормилось безвозмездно множество богомольцевъ. Тамъ на видномъ мѣстѣ, украшенный зеленью, большой прекрасный портретъ о. Амвросія,—точно гостепріимный хозяинъ какъ бы наблюдалъ за угощеніемъ своихъ гостей. —Такъ какъ это былъ день св. апостоловъ Петра и Павла, то одною изъ монахинь тихо, но внятно и выразительно, читалось извлеченіе изъ евангельскихъ сказаній о св. апостолѣ Петрѣ. Всѣ безмолвно внимали этому святому повѣствованію: о живой, горячей вѣрѣ и любви апостола къ возлюбленному Учителю, также о прискорбномъ отреченіи его, и наконецъ о возстановленіи въ апостольскомъ званіи воскресшимъ Господомъ. И такъ чудно хороша казалась мнѣ эта трапеза людей, собравшихся здѣсь изъ разныхъ сторонъ и разныхъ званій, по-братски сидѣвшихъ, трапезовавшихъ и внимавшихъ какъ бы самому великому апостолу, сказавшему: *прежде же всѣхъ другъ ко другу любовь прильжну имѣйте, зане любовь покрываетъ множество грѣховъ*. Будьте *страннолюбцы другъ ко другу*" [1]).

„День склонялся къ вечеру. Въ небольшой домовой церкви Шамординской обители совершалось всенощное бдѣніе. Стройно, благоговѣйно пѣли и читали юныя монахини. Усердно молились богомольцы. А въ прилегающемъ къ церкви темномъ корридорчикѣ опять тѣснились пришельцы, томясь съ ранняго утра и терпѣливо ожидая, когда отворится завѣтная дверь въ Батюшкину келью, освѣщенную горѣвшею предъ иконами лампадкой. Кто стоялъ, кто сидѣлъ здѣсь. А у самой двери, прислонясь отъ слабости къ стѣнѣ головкой, сидѣла молоденькая больная монахиня, и здѣсь же какая-то молодая женщина, истерично рыдающая. Вотъ отворилась дверь. Всѣ встрепену-

---

[1]) 1 Петр. Петр. IV, 8, 9.

лись. Батюшка весь въ бѣломъ, зорко окинувъ взглядомъ всѣхъ, взялъ за руку больную монахиню и ввелъ ее за собою. Дверь опять затворилась. Въ это время плачущая женщина вскрикнула: „Батюшка! —возьмите-же и меня, а то я умру съ горя“,—и зарыдала еще сильнѣе. Вдругъ опять отворилась дверь. Батюшка съ доброю улыбкою взглянулъ на нее и сказалъ: „кто это тутъ умирать-то собирается? Еще пожалуй хоронить придется. Ну иди, иди!“ —Дверь снова затворилась за ними. И когда вышла эта скорбящая душею женщина, лицо ея просвѣтлѣло. Слезы хотя катились еще по лицу, но это были уже не прежнія слезы, и что то радостное, спокойное свѣтилось въ ея глазахъ. Когда я съ участіемъ спросила ее, — утѣшилъ ли ее Батюшка.—„О какъ еще утѣшилъ-то! Точно родной отецъ... Только очень велико мое горе-то,—не скоро излѣчишь его“, сказала она“.

„Въ этотъ моментъ изъ церкви неслось пѣніе: „Хвалите имя Господне! Хвалите раби Господа“.—Глубоко растроганная всѣмъ видѣннымъ мною, я молилась, прося великой милости отъ Бога—быть принятой великимъ Старцемъ. Прошло нѣсколько минутъ, опять отворилась келья. Самъ Батюшка показался въ ней, и назвалъ меня по имени... Я вздрогнула отъ радости и, творя крестное знаменіе, вошла вслѣдъ за нимъ въ его небольшую, полуосвѣщенную заходящимъ солнцемъ, келью. Батюшка сидѣлъ на креслѣ. Я упала передъ нимъ на колѣни и, получивъ его святое благословеніе, наклонилась къ его ножкамъ и припала къ нимъ со слезами радости. — „Ну что же ты скажешь хорошенькаго-то?“—Называя меня по имени, спросилъ Батюшка.—„Батюшка мой! помолитесь обо мнѣ, говорила я. Я имѣла болѣзнь въ груди, вслѣдствіе которой мнѣ два раза дѣлали операцію: рѣзали здѣсь и здѣсь. А докторъ говоритъ, что въ августѣ я должна опять ждать повторенія этой болѣзни. (Говорю объ этомъ, а у самой и страха никакого нѣтъ на душѣ; радостно только глядѣть на Батюшку). Помолитесь за меня, отецъ мой, чтобы Господь исцѣлилъ мое тѣло и мою душу“.—Пока я говорила, Батюшка глядѣлъ на меня своимъ прозорливымъ взглядомъ.—„А какіе у тебя есть еще грѣхи-то?“ — спросилъ совсѣмъ неожиданно для меня Батюшка. Не приготовившись совсѣмъ, я едва нашлась сказать, что суетная я, Батюшка, тщеславная, нерадивая о своемъ спасеніи и... и недавно очень злилась, не за себя впрочемъ.—„Ты недавно злилась? А прежде-то зачѣмъ? А?“ — Я смутилась отъ неожиданности, и едва проговорила: когда, Батюшка?—„А отъ чего началась твоя болѣзнь-то?“ О Батюшка!.. (съ быстротою молніи мнѣ вспомнилось мое тогдашнее душевное состояніе) тогда я чувствовала себя глубоко оскорбленною. Это было большое горе на моей душѣ...—„Вѣдь сама была отчасти виновата тогда?“ говорилъ онъ; а тонъ его голоса кроткій, милостивый.—Да, Батюшка!—Послѣ я сознала, что была не совсѣмъ права. „А если и невинно-то потерпѣть,—развѣ нельзя было? Господь терпѣлъ... За чѣмъ было быть мстительной?“—Но я не желала мстить, Батюшка (много времени спустя я, часто размышляя объ этихъ сло-

вахъ, вразумилась, что онъ не ошибался)—недоумѣвая, говорила я, пробѣгая мысленно прошлое и тѣ обстоятельства моей сердечной жизни, на которыя такъ прозорливо указывалъ Старецъ, — мнѣ только было очень горько, я глубоко на душѣ хоронила это горе. — „То-то вотъ хоронила! Ну, теперь, смотри же, никогда не злись. А теперь не бойся: ничего тебѣ больше не будетъ; ничего не будетъ! Поѣзжай отсюда на Калугу; тамъ побывай у Креста Животворящаго, на Калуженкѣ (явленная чудотворная икона) и у Николая чудотворца въ старомъ архіерейскомъ домѣ (иначе—старый теплый соборъ) возьми святой воды и масла изъ лампадки; воду пей на тощакъ, а масломъ мажься. Господь тебя благословитъ!“ Благословивъ и отпустивъ меня, Батюшка воротилъ меня опять и далъ мнѣ просфору“.

„Невозможно описать и выразить словами того, что чувствовалось тогда на душѣ. Это былъ и благоговѣйный трепетъ предъ праведникомъ, проникнувшимъ своею прозорливостью въ мою грѣшную и настрадавшуюся душу, и читавшаго—такъ сказать—мои сокровеннѣйшія думы и чувства, доселѣ извѣстныя одному Богу, и это была какая-то неземная, восторженная радость отъ общенія, вѣянія этого міра духовнаго... Нѣтъ! Словами, повторяю, не выскажешь, что за чудный, торжественный праздникъ былъ тогда на душѣ,—точно Свѣтлое Христово Воскресеніе. И не потому это было, что опасность страшной болѣзни и операціи, еще болѣе ужаснѣйшей, была устранена словами Батюшки. Я говорила-то объ нихъ, потому что сочувствующія мнѣ изъ монахинь настоятельно посовѣтывали сказать объ этомъ о. Амвросію,—благо это такъ удобно, и просить его св. молитвъ. Такое же точно настроеніе было у всѣхъ, имѣвшихъ счастіе быть принятыми Батюшкою.“

„Когда, поздно вечеромъ, собрались мы въ монастырской гостинницѣ, въ корридорѣ столпились въ кружокъ люди, съѣхавшіеся изъ разныхъ и дальнихъ сторонъ, незнакомые, чужіе доселѣ другъ другу, а здѣсь перезнакомившіеся, и откровенно по братски дѣлившіеся своими впечатлѣніями и своею радостію, по поводу сказаннаго Батюшкою утѣшенія, вразумленія или мудраго совѣта.—Здѣсь же находилась и та плакавшая женщина, и сидѣла уже совершенно спокойно. Я опять подошла и заговорила съ нею.—„Вы вѣроятно лишились недавно кого-нибудь изъ близкихъ своихъ, что такъ разстроены были у Батюшки?“—„Ахъ, нѣтъ, не то совсѣмъ. Если бы я схоронила кого, то, конечно, нашла бы сочувствіе въ людяхъ, а теперь..., теперь меня только презирать бы стали.“—Бѣдная! Но Батюшка вѣдь все-таки успокоилъ васъ, утѣшилъ?“—„О, да, конечно, точно отецъ родной! У меня точно камень тяжелый съ души свалился. Я уже собиралась что-нибудь съ собою сдѣлать... И если бы не онъ, то я не знаю, что бы со мною было даже сегодня.“ Дальше она сказала о себѣ, что и происходитъ-то она изъ такого племени, которое всѣ презираютъ, т. е. еврейка.—„Но какъ-же это вы пришли къ Батюшкѣ-то?“—удивилась я,—„можетъ быть хотите принять хри-

стіанство?“—Она отвѣтила на это что-то уклончивое.—Когда я оставила ее, чтобы найдти себѣ гдѣ нибудь уголочекъ переночевать; оказалось, что всѣ комнаты въ гостинницѣ были переполнены народомъ. И мнѣ пришлось устроиться кое-какъ тутъ же въ корридорѣ на диванчикѣ; а на любезное предложеніе одной госпожи помѣститься въ ея номерѣ, я предпочла остаться совершенно одной, чтобы сосредоточиться хотя немного, и передумать, пережить снова, хотя отчасти, всѣ впечатлѣнія нынѣшняго, счастливѣйшаго въ моей жизни, дня.“

„Утромъ рано, едва я открыла глаза, какъ опять то же радостное настроеніе охватило мою душу, тоже благоговѣніе къ благостному Старцу и горячая беззавѣтная любовь къ нему. Вышедши изъ гостинницы, я съ умиленіемъ глядѣла на окна той скромной, смиренной келліи, гдѣ находился тогда нашъ дорогой Батюшка; земно поклонилась я ему, заочно прося его святыхъ молитвъ о грѣшной душѣ моей; и радостная, счастливая выѣхала изъ этой юной еще обители, которую не промѣняла бы тогда на всѣ сокровища міра.“

„На возвратномъ пути я свято исполнила все, что приказано было мнѣ Батюшкою. Побывала въ Калугѣ у всѣхъ, указанныхъ имъ, святынь, и отслуживъ вездѣ молебны, и получивъ святую воду и масло, я съ миромъ въ душѣ и радостію вернулась домой. По молитвамъ Старца, болѣзнь моя не возвращалась ко мнѣ съ тѣхъ поръ, и этому уже девять лѣтъ. Однажды была опасность, отъ сильнаго ушиба, возобновленія страшной болѣзни; появились даже и признаки ея. Я въ ужасѣ, не видя иной помощи, кромѣ молитвы (Батюшки нашего незабвеннаго уже не было въ живыхъ) опять отправилась къ тѣмъ же святынямъ, какъ и прежде; помолилась тамъ; запаслась своимъ святымъ лѣкарствомъ и, по великому милосердію Божію и молитвамъ Батюшки, снова получила здоровье.“

Мы же, слѣдуя своему порядку, будемъ продолжать разсказъ объ обстоятельствахъ описываемаго Старца, сопутствовавшихъ ему въ послѣдующіе за 1889-мъ годы его жизни.

IX.

Перемѣщеніе Старца Амвросія изъ Оптинскаго Скита въ Шамординскую Общину.

8-го Октября 1889 года Старцу Амвросію исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени прибытія его въ Оптину пустынь. И признательныя сестры Шамординской общины поднесли ему въ этотъ день большаго формата служебное Евангеліе, кругомъ обложенное серебромъ съ позолотою, прекрасной работы. Съ обычнымъ благоговѣніемъ и смиреніемъ принявъ этотъ, въ особенности по содержанію, драгоцѣнный подарокъ, Старецъ передалъ его сначала въ скитскую ризъ-

ницу, гдѣ онъ и хранился нѣкоторое время; но потомъ возвратилъ его въ Шамординскую общину, о которой всячески заботился, и не переставалъ заботиться даже до того, что наконецъ и себя самого отдалъ туда же, какъ сейчасъ увидимъ.

Не имѣется здѣсь въ намѣреніи входить въ тонкія изысканія различныхъ причинъ, почему Старецъ перемѣстился въ Шамординскую общину. Скажемъ просто, какъ въ свое время говорилъ самъ описываемый Старецъ: такова была воля Божія. *А волю его кто противиться можетъ?* [1]) Внѣшнія же обстоятельства, въ которыхъ и выражается о насъ воля Божія, слагались такимъ порядкомъ. Самъ Старецъ Амвросій, какъ извѣстно, доживалъ послѣдніе годы; почему изнуренный безпрестанными трудами и болѣзнями, естественно все болѣе и болѣе ослабѣвалъ въ силахъ, доходя по временамъ, какъ видѣли мы выше, до того, что жизнь его, какъ говорится, висѣла на волоскѣ. Потому посѣтителямъ по долгу приходилось, въ ожиданіи старцева пріема, жить на монастырскихъ гостинницахъ, гдѣ издавна заведено успокоивать ихъ безплатно. Стеченіе же народа было громадное; а по народу таковы были и расходы. По необходимости наплывъ излишняго народа пришлось нѣсколько ограничивать. Но для любящаго сердца Старца Амвросія, жаждавшаго удовлетворять всякія нужды всѣхъ, относившихся къ нему, это было не малою скорбію. Это было еще несогласно съ его крѣпкою вѣрою въ Промыслъ Божій, всегда пекущійся о всѣхъ и о всемъ. Когда же Старецъ нѣсколько поправлялся въ силахъ, множество посѣтителей, и своихъ и чужихъ, съ самыми разнообразными нуждами, а иногда и неумѣстными требованіями, со всѣхъ сторонъ осаждали его, не давая ему, и безъ того обезсиленному, ни отдыха, ни покоя. Старца, такъ сказать, разрывали на части. Потому вѣроятно, какъ мы видѣли выше, онъ, лежа на болѣзненномъ одрѣ, и высказался одной своей духовной дочери такъ: „мнѣ трудно, невозможно становится жить.“ Трудность эта можетъ быть увеличивалась и другими причинами, вытекавшими изъ взаимныхъ отношеній между Старцемъ и его близкими духовными чадами. Но неудобно судить о семъ по однимъ догадкамъ и умозаключеніямъ.

При такомъ положеніи дѣлъ въ Оптиной пустыни, Старца Амвросія еще очень озабочивали дѣла Шамординскія хозяйственныя, которыя, по кончинѣ первой настоятельницы м. Софіи, видимо приходили въ упадокъ. Тамъ, съ самаго открытія общины, производились большія постройки; было потому множество рабочихъ; а хорошаго присмотра теперь за ними не было. Сама новая настоятельница, при всей своей добротѣ была и есть здоровья слабаго, и—не въ укоръ ей сказать—какъ не имѣвшая возможности заниматься хозяйственными дѣлами—не пріобрѣтшая потому въ нихъ опытности. Другихъ же, близкихъ къ ней, лицъ способныхъ къ дѣлу сему не было. За-

---

[1]) Римл. IX, 19.

тѣмъ средствъ ни въ строющейся обители, ни у самого Старца, не было никакихъ; но о семъ никому не было извѣстно. Напротивъ, почти всѣ были увѣрены, что средства неисчерпаемы. Даже самые близкіе къ Старцу благотворители не знали его положенія. Между тѣмъ Старецъ затѣялъ строить въ общинѣ огромный каменный храмъ. И такъ какъ храмъ этотъ предположено было поставить на мѣстѣ уже бывшей въ общинѣ деревянной домовой церкви; то нужно было еще эту церковь перенести на другое мѣсто. Но для сего денегъ потребовалось немного, и вотъ лѣтомъ 1889 года, когда уже сестры общины сами начали рыть канавы для бута подъ новую церковь, прежняя деревянная быстро перенесена была на юго-западную сторону обители. Черезъ мѣсяцъ въ ней уже отправлялась служба. Церковь эта поставлена около монастырскаго кладбища, и въ ней устроенъ придѣлъ въ честь св. иконы Божіей Матери, именуемой „Живоносный Источникъ“ [1]).

Приступлено было затѣмъ и къ построенію новаго храма, по утвержденному плану. Для сего нанять былъ благотворителями архитекторъ, который и содержался на ихъ счетъ два года. Предварительныя работы были начаты: устроенъ кирпичный заводъ, и заложенъ для храма фундаментъ. Но затѣмъ потребовались деньги, а ихъ не было. Сдѣлано было печатное приглашеніе къ пожертвованіямъ ко всѣмъ значительнымъ Московскимъ домовладѣльцамъ отъ имени настоятельницы. Но увы!—сборъ оказался такъ скуденъ, что едва покрылись расходы на печать и почту.—Такія-то крайнія обстоятельства и заставили Старца Амвросія подумать о перемѣщеніи въ Шамординскую общину, хотя можетъ быть на время, для личнаго распоряженія на мѣстѣ.

Настало лѣто 1890 года. Іюнь. Погода теплая, прекрасная. Старецъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, началъ собираться въ Шамордино.—Вообще должно замѣтить, что когда онъ собирался туда ѣхать, не любилъ заранѣе говорить о своей поѣздкѣ; такъ какъ вѣроятно и самъ не могъ опредѣлить въ точности времени своего отбытія, да чтобы и посѣтители не волновались безполезно. Однако, по нѣкоторымъ признакамъ, всѣ уже догадывались, что Батюшка думаетъ ѣхать въ Шамордино. Еще за нѣсколько дней до отъѣзда начнутся въ хибаркѣ разговоры объ этомъ, и распросы другъ у друга, — не слыхалъ ли кто, когда Батюшка ѣдетъ и надолго ли. Не получая же ни отъ кого удовлетворительнаго отвѣта, обращались обыкновенно къ келейнику съ тѣми же вопросами. Келейникъ отвѣчалъ какъ бы нехотя: „ничего еще не слышно“. На нѣсколько времени всѣ успокоивались, хотя по тону келейника и не совсѣмъ довѣрчиво относились къ его отвѣту. Но только что успокоятся, войдетъ въ хибарку какое-нибудь

---

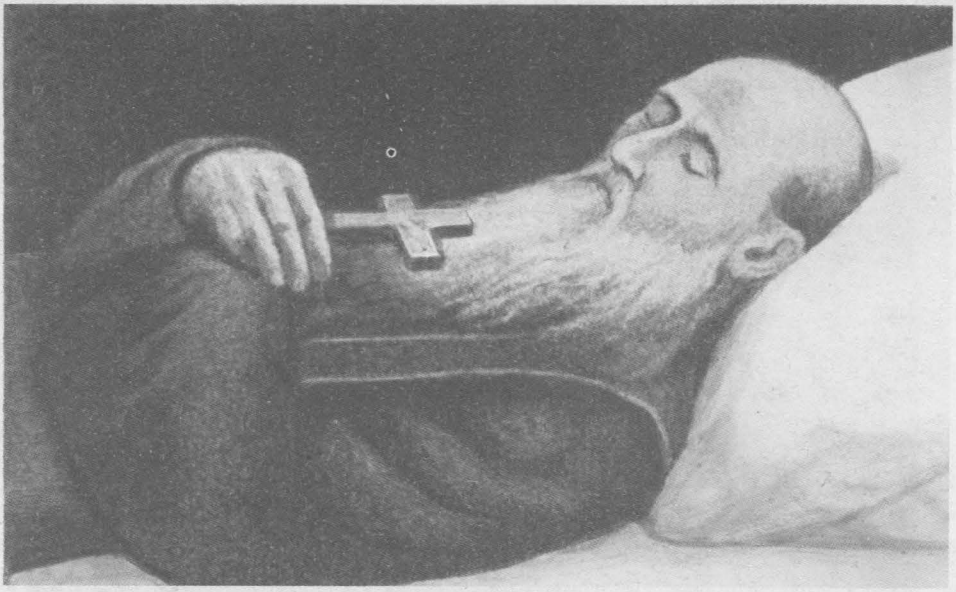
[1]) Предъ самою своею кончиною Батюшка пристроилъ къ этой деревянной церкви цѣлый рядъ большихъ высокихъ келлій, непосредственно сообщающихся съ ней окнами и дверями, для помѣщенія лишенныхъ движенія калѣкъ, дабы имъ изъ этихъ келлій можно было слышать церковную службу.

новое лицо съ тѣмъ же вопросомъ: „говорятъ, Батюшка собирается въ Шамордино?“ Опять начнется волненіе. Пріѣзжіе изъ опасенія, что не успѣютъ съ Старцемъ заняться, рѣшаются наконецъ спросить его самого. Выйдетъ Батюшка на общее благословеніе, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ удобной минуты, когда можно будетъ обратиться къ нему съ этимъ вопросомъ. Но и отвѣтъ Батюшки тоже не успокоивалъ: „думалъ, скажетъ Старецъ, да вотъ за вашими молитвами сегодня съ утра чувствую себя нехорошо“. Послѣ того появлялась скорбь и забота, какъ бы Батюшка не заболѣлъ.

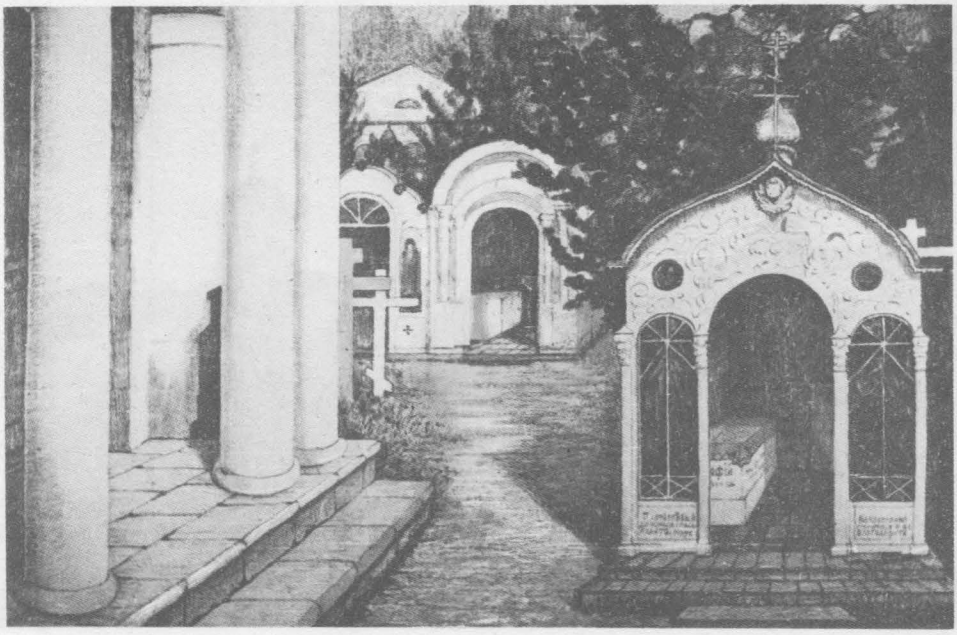
Послѣдній отъѣздъ Старца въ Шамордино имѣлъ нѣкоторыя особенности. Прежде всего сборы въ этотъ разъ затянулись надолго: то одно дѣло задерживало его, то другое. За тѣмъ, всегда прежде Старецъ бралъ съ собою въ общину для послуженія своего старшаго келейника, бывшаго уже въ санѣ іеромонаха, о. Іосифа; но теперь, собираясь къ отъѣзду, почему-то долгое время ничего ему о семъ не говорилъ. Наконецъ уже какъ-то нерѣшительно уклончиво обратился къ нему съ вопросомъ: „какъ же въ Шамордино-то ѣхать?“—Нужно замѣтить, что такъ какъ этотъ старшій келейникъ Старца Амвросія, по его назначенію и благословенію, конечно и съ согласія о. настоятеля, былъ въ это время, какъ упомянуто выше, уже духовникомъ, и начиналъ старчествовать; а потому, и въ отсутствіи Старца Амвросія, къ нему ежедневно ходилъ народъ: то, при разговорѣ объ отъѣздѣ въ Шамордино, онъ спросилъ Старца Амвросія: „а тутъ-то какъ же быть, Батюшка?“ Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Старецъ тутъ же рѣшилъ оставить его въ скиту на своемъ мѣстѣ, а съ собой взять младшаго келейника, монаха Исаію.

Былъ и еще замѣчательный случай. За годъ предъ этимъ послѣднимъ отъѣздомъ Старца Амвросія въ Шамординскую общину, теперешняя благодѣтельница этой обители, Анна Яковлевна Перлова видѣла во снѣ какую-то икону Божіей Матери, и сказала о семъ Старцу: но сколько Старецъ ни показывалъ ей иконъ, ни одной изъ нихъ не оказалось схожею съ видѣнною ею во снѣ. Тогда Батюшка велѣлъ ей, когда отыщется гдѣ-нибудь видѣнная ею во снѣ икона, заказать живописцу таковую написать. По времени оказалось, что то была икона Божіей Матери, называемая „Споручница грѣшныхъ“; каковая и была написана прекрасно, на золотомъ полѣ, въ большомъ размѣрѣ (около 2 арш. вышины). По полученіи Старцемъ этой иконы, она была повѣшена на стѣнѣ, вдоль которой стояла койка, гдѣ Старецъ полулежа принималъ народъ. Когда же онъ намѣревался отъѣзжать изъ скита, велѣлъ о. Іосифу помѣстить эту икону надъ своимъ изголовьемъ, и затеплить предъ нею неугасимую лампаду; что и исполнено было впослѣдствіи, по отъѣздѣ Старца. Это обстоятельство, въ связи съ предыдущими, нѣсколько наводитъ на мысль, что Старецъ имѣлъ предчувствіе, а можетъ быть и вполнѣ зналъ, что онъ оставляетъ скитъ навсегда; а потому онъ и какъ бы поручалъ свой скитъ, а съ нимъ и всю обитель Матери Божіей. И какъ прежде, во время

Старец Амвросий в келье



Великий угодник Божий старец Амвросий на смертном одре

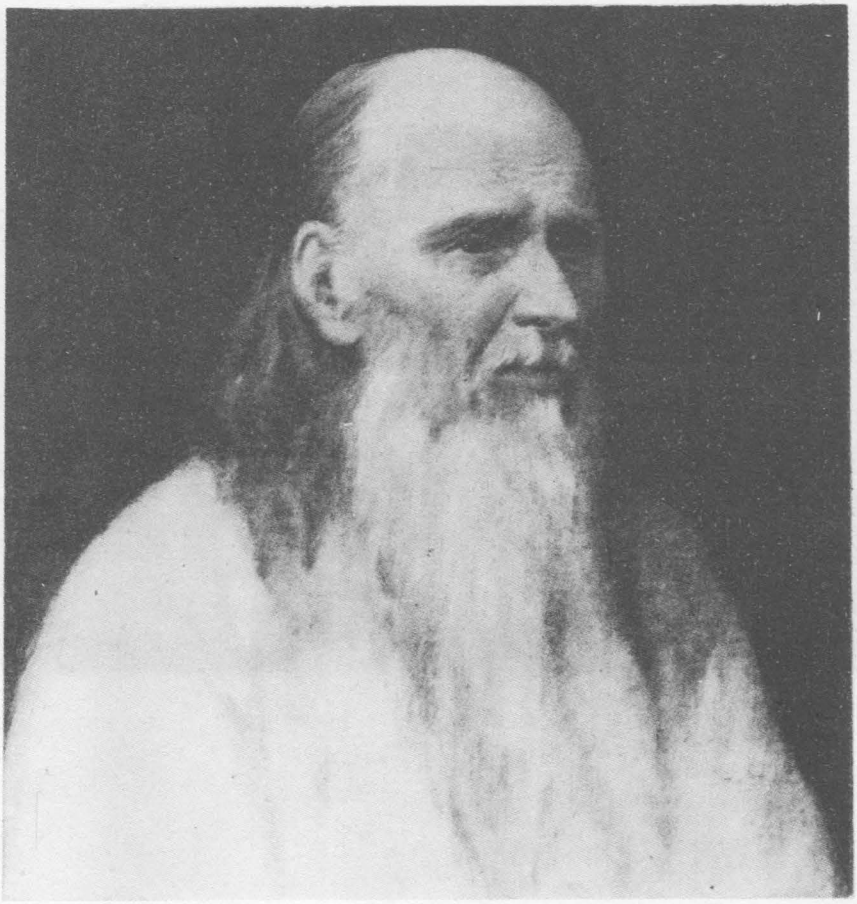


Оптина Пустынь. Могилы старцев

Так выглядела Оптина Пустынь до закрытия в 1923 году

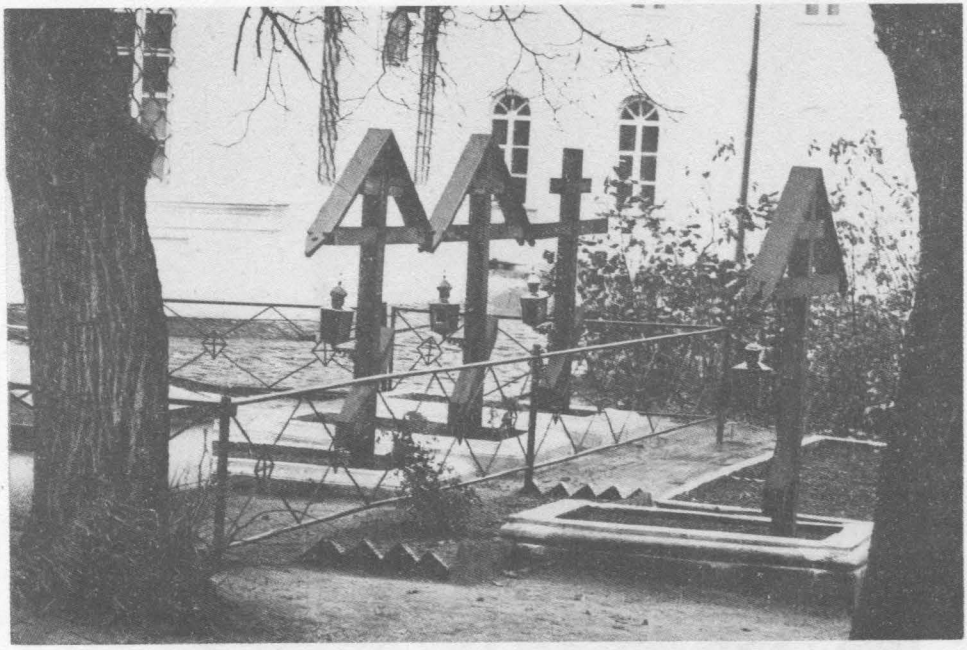
Оптина Пустынь. Годы разорения

И в тяжелые для обители годы верующие
не забывали оптинских молитвенников.
Самодельный крест из веточек отмечал
место погребения старцев.
Гравюра худ. Я.Яковлева 1982 г.



Портрет великого старца
преподобного Амвросия Оптинского
работы иеромонаха Даниила (Болотова; † 1907 г.)

Крестный ход. Первая Пасха возрожденной обители



Могилы оптинских старцев и братьев Киреевских в монастыре

Вновь сияют купола Введенского собора. 1992 г.

Святым воротам Предтеченского скита возвращена былая красота.
Справа - келья преподобного Амвросия в скиту. 1992 г.

Икона с изображением преподобного Амвросия Оптинского

Церковное прославление Св. мощей
преподобного Амвросия

Рака с мощами преподобного Амвросия Оптинского
в Амвросиевском приделе Введенского собора

Святейший Патриарх Московский и всея Руси
Алексий II у раки преподобного Амвросия. 1991 год

Крестный ход в монастыре. 1991 г.

пребыванія Старца въ скиту, посѣтители, входя въ келлію, въ которой онъ принималъ ихъ въ полулежачемъ положеніи встрѣчались прямо съ глазу на глазъ съ лицомъ Старца: такъ теперь, входя въ ту же келлію, при взглядѣ на мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, встрѣчаются съ ликомъ Преблагословенной Дѣвы „Споручницы грѣшныхъ".

Въ пополненіе обстоятельствъ, предшествовавшихъ послѣднему изъ скита отбытію Старца Амвросія, Г-жа ** въ своихъ запискахъ говоритъ: „Въ 90-мъ году лѣтомъ пріѣхала я съ дочерьми на все лѣто въ Оптину. Прошло съ моего пріѣзда недѣли двѣ,—слышу, что Старецъ собирается, по своему обыкновенію, проѣхать въ Шамордино, какъ это дѣлалъ каждый годъ. Утромъ я пошла къ нему, чтобы узнать, какъ мнѣ самой быть,—оставаться ли тутъ и ждать его возвращенія, или же ѣхать за нимъ. Признаться сказать, Шамордино безъ Старца ничего особеннаго не представляло для меня; но Батюшка туда ѣхалъ, и мнѣ захотѣлось. Старецъ почти тотъ часъ же принялъ меня, и сказалъ, что ѣхать за нимъ можно, только не въ тотъ же день; такъ какъ онъ прежде всего поѣдетъ въ Руднево (Шамординская дача); а, по его отъѣздѣ, чтобы я съ дѣтьми и одной барышней, поступавшей въ монастырь, тотъ часъ пошла въ Козельскъ, и отслужила бы тамъ предъ чудотворной Ахтырской иконой Божіей Матери путевой молебенъ о немъ. Монахамъ же велѣлъ идти въ соборъ служить также путевой молебенъ Казанской. — Всѣ мои вещи Батюшка благословилъ отдать батюшкѣ о. Іосифу въ скитъ, а намъ съ собой взять только необходимое. На мой вопросъ: „сколько, Батюшка, тамъ пробудете?"—онъ отвѣчалъ: „думаю, дней десять — не больше, а тамъ не знаю". — Въ этотъ разъ Старецъ все оставлялъ меня подлѣ себя въ кельѣ, и даже при мнѣ принялъ одного, мнѣ знакомаго, пріѣхавшаго къ нему изъ Калуги, іеромонаха О. Л. Точно какъ будто, вспоминалось мнѣ потомъ, Батюшка задерживалъ меня съ намѣреніемъ, въ послѣдній разъ занимаясь со мной въ Оптиной, и въ этой дорогой мнѣ хибаркѣ, гдѣ я видѣла столько радости и утѣшенія отъ него. И правда,—это занятіе Старца со мною и утѣшеніе мнѣ были въ послѣдній разъ".

„За два дня до выѣзда Старца изъ скита сказали мнѣ о семъ, пишетъ бывшая въ Шамординѣ его письмоводительница М. Е. С., потому что наканунѣ я должна была ѣхать въ Шамордино, чтобы приготовить для Батюшки келью. Съ чѣмъ можно сравнить то радостное чувство, когда ожидался Батюшка въ Шамордино или на дачу, гдѣ я могла видѣть его дорогого безъ всякихъ докладовъ, и не на нѣсколько минутъ, какъ въ Оптиной, а такъ же, какъ и келейники, которымъ я всегда завидовала! Даже и прислуживать буду Старцу,—какое это было для меня счастье! Особенно пріятно было на дачѣ, гдѣ первый вечеръ по пріѣздѣ Батюшка могъ провести одинъ и по-отдохнуть. Впрочемъ это невсегда удавалось. Батюшка нашъ нигдѣ отдыха не имѣлъ. Большею частію случалось такъ: утромъ узнаютъ, что Старецъ ѣдетъ часа въ три пополудни, и спѣшатъ раньше его

пріѣхать въ Шамордино, или на дачу, гдѣ ожидаютъ его пріѣзда, въ надеждѣ заняться съ Батюшкой, пока не набралось множество посѣтителей".

Настало наконецъ 2 число іюля, и Старецъ выѣхалъ изъ скита прямо, какъ говорилъ онъ, на дачу—Руднево.

Кстати скажемъ о Рудневѣ нѣсколько словъ. Въ этой деревнѣ—верстахъ въ семи отъ Шамордина [1]) еще покойная м. Амвросія Ключарева, по благословенію Старца Амвросія, пріобрѣла для своихъ внучекъ помѣщичью землю съ усадьбою. Послѣ того тамъ заведено было хозяйство: убирали сѣно, обрабатывали землю, и пользовались доходами. Больше оно ничего собою не представляло. Въ 1890 году пришелъ къ Батюшкѣ о. Амвросію Рудневскій староста съ письмомъ на имя Старца. Въ этомъ письмѣ говорилось, что много лѣтъ тому назадъ въ помѣщичьемъ имѣніи, которое теперь принадлежитъ Шамординской общинѣ, подъ именемъ Рудневской дачи, былъ вырытъ какими-то подвижниками колодецъ, утолявшій жажду многихъ путниковъ; а теперь это мѣсто въ небреженіи. Подпись письма была такая: „любитель благочестія". Въ Рудневѣ Старецъ доселѣ былъ только однажды вскорѣ послѣ покупки Ключаревою Рудневскаго имѣнія, и вѣроятно для того только, чтобы полюбопытствовать, что тамъ есть. Но когда онъ чрезъ письмо освѣдомился о бывшемъ тамъ колодцѣ, то въ то же лѣто, отправляясь по обычаю въ Шамордино, предварительно вознамѣрился проѣхать въ Руднево; а затѣмъ, во время пребыванія своего въ Шамординѣ, уже и часто началъ посѣщать это мѣсто. Сталъ тамъ заводить разныя хозяйственныя постройки, лично указывалъ рабочимъ, гдѣ и что нужно строить, приказывая вмѣстѣ съ тѣмъ строить поскорѣе. Между тѣмъ Старецъ приступилъ къ отысканію древняго колодца. Онъ приказалъ въ одномъ мѣстѣ рыть землю, не оглашая о семъ. Скоро показалась вода. Но странно,—всѣ говорили одно: когда стали давать эту воду больнымъ, въ особенности бѣсноватымъ, страданія ихъ увеличивались. Лѣтомъ 1891 года, бывши въ Рудневѣ, Старецъ самъ осматривалъ мѣсто вблизи вырытаго колодца. Нѣсколько ниже онъ предварительно сталъ на молитву; приказалъ и всѣмъ, бывшимъ съ нимъ, молиться. Послѣ чего и всѣ, вмѣстѣ съ Старцемъ, начали осматривать мѣсто. Но вдругъ, тутъ же находившаяся, настоятельница общины стала чувствовать, что почва подъ нею опускается, и въ страхѣ воскликнула, что она тонетъ. Стали на этомъ мѣстѣ рыть, и нашли старый колодецъ, именно тотъ, о которомъ прочиталъ Старецъ въ таинственномъ къ нему письмѣ. Къ этому колодцу посылалъ потомъ Батюшка нѣкоторыхъ больныхъ обдаваться изъ него водою; также раздавалъ изъ него воду и глину, которыя оказались цѣлебными.

„Больше года, разсказывала вышеупомянутая Г-жа **, страдала я болѣзнію, о которой не могу сказать. Батюшка давалъ мнѣ Руд-

[1]) Руднево отъ Шамордина въ семи верстахъ по проѣзжей дорогѣ, а по ближайшей пѣшеходной въ трехъ верстахъ.

невскую воду. На Пасхѣ я спросила Батюшку, не благословитъ ли онъ мнѣ сходить къ Рудневскому колодцу, и обдаться изъ него водой. Старецъ, не задумываясь, благословилъ. Вокругъ колодца былъ только плетень, и больше ничего. Еще лежалъ снѣгъ; мѣстами виднѣлась мерзлая трава. Такъ было холодно мнѣ раздѣтой, что я, кажется, должна бы замерзнуть, или по меньшей мѣрѣ слечь въ горячкѣ. Но я, какъ лѣтомъ, обдалась водою. Можно судить, какова была вода, когда еще не стаялъ снѣгъ. И я почувствовала себя здоровою. Туда и обратно ходила пѣшкомъ, и за тѣмъ была у Старца. Вообще, эта необыкновенная для меня прогулка подѣйствовала на меня благотворно".—Послѣ, близъ цѣлебнаго колодца построенъ былъ сарайчикъ, приспособленный къ тому, чтобы обдаваться водою [1]).

Но возвратимся назадъ, возобновимъ прерванную нить разсказа. Посѣтивъ на короткое время Руднево, Старецъ Амвросій прибылъ наконецъ въ Шамордино точно такимъ же образомъ, какъ это бывало и въ прежніе годы. Съ такимъ же восторгомъ радости встрѣтили сестры своего дорогого отца, и также были счастливы во время его пребыванія тамъ. А пребываніе это длилось теперь паче обычнаго. Вмѣсто десяти, назначенныхъ самимъ Старцемъ, дней, вотъ онъ живетъ въ Шамординѣ уже недѣли четыре.

„Я все ждала, продолжаетъ свой разсказъ г-жа **, отъѣзда Старца въ Оптину. Жила съ дѣтьми на гостинницѣ въ тѣснотѣ и духотѣ, лишенная самыхъ необходимыхъ вещей, бѣлья и платья. Между тѣмъ время шло, и Батюшка собирался уѣзжать, но то одно дѣло задерживало его, то другое. Батюшка видимо торопился: неутомимо былъ самъ на всѣхъ постройкахъ, и принималъ народъ, стекавшійся въ Шамордино въ огромномъ количествѣ, монаховъ, монахинь и мірскихъ. Гостинницъ для посѣтителей не хватало. Народъ по ночамъ занималъ всю площадь противъ гостинницъ. Къ счастію лѣто было жаркое".

Наконецъ, „въ послѣднихъ числахъ іюля, пишетъ М. Е. С—на, Батюшка собрался уѣзжать въ Оптину, и распорядился, чтобы въ назначенный день съ утра все подготовляли къ его отъѣзду. Меня отправилъ онъ туда наканунѣ, и далъ мнѣ работу, которая должна быть готова къ его возвращенію. Старецъ обыкновенно выѣзжалъ послѣ полуденнаго отдыха не ранѣе 4-го часа. И потому съ шести часовъ народъ уже собирался около скита; а кто ушелъ къ парому; нѣкоторые же отправились встрѣчать Батюшку за рѣку. Но вотъ около 8 часовъ пріѣзжаетъ изъ Шамордина одна сестра съ извѣстіемъ, что Батюшка сегодня не пріѣдетъ, что къ отъѣзду его уже все было готово, но послѣ отдыха онъ почувствовалъ такую слабость, что не только ѣхать, даже и принимать никого не могъ, — остался до завтра. При этомъ извѣстіи конечно всѣ пріуныли, но потомъ начали утѣшать другъ друга надеждою, что Старецъ непремѣнно пріѣ-

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ брошюры „Тяжелая Утрата". 2-е изданіе въ пользу Шамординской женской общины. Стран. 53—54.

ѣдетъ завтра, и въ такомъ ожиданіи разошлись. На другой день уже съ самаго утра начали приходить въ скитъ узнавать, нѣтъ ли какого слуха изъ Шамордина. Но къ вечеру пріѣхали Шамординскія сестры сказать, что Батюшка опять утромъ принималъ посѣтителей, и совсѣмъ рѣшился ѣхать, но въ тѣ же часы, какъ и вчера, почувствовалъ себя очень нехорошо; и когда пріѣдетъ—неизвѣстно. На слѣдующій день мнѣ подали записку отъ Батюшки, чтобы я возвратилась въ Шамордино. Когда я пріѣхала, нашла его слабымъ и очень серіознымъ. Я разсказала ему, что въ Оптинѣ всѣ ждутъ его съ нетерпѣніемъ, и безпокоятся. Батюшка на это отвѣтилъ: „подождемъ воли Божіей“.—Такъ было въ Оптинѣ.

О неоднократныхъ сборахъ Старца къ отъѣзду пишетъ еще г-жа **,—какъ было это въ Шамординѣ: „Два раза въ назначенный день закладывали для Батюшки карету, и всѣ собирались провожать его; но отъѣздъ въ тотъ и другой разъ откладывался. Старецъ такъ ослабѣвалъ, что запирался у себя въ келліи одинъ. Разъ, я это очень помню, Батюшка въ обѣденный часъ вышелъ въ корридорчикъ. Народу почему-то почти не было въ этотъ разъ. Личико его было страдальческое. Увидавъ меня, онъ сказалъ: „иди въ церковь, помолись за меня,—мнѣ тяжело“. Я испугалась и пошла въ церковь молиться. Потомъ спустя нѣсколько времени, на общемъ благословеніи, Старецъ обратившись ко мнѣ, сказалъ: „меня замуравили, или законопатили; сначала мнѣ было трудно, а теперь ничего — легко“. Но я, взглянувъ на Батюшку, не поняла его словъ. — Наступилъ Успенскій постъ, во время котораго Старецъ исповѣдывалъ всѣхъ безъ отказа, кто только просилъ его о семъ. Тутъ были, начиная съ архимандрита и монаховъ Оптинскихъ, монахини здѣшнія и пріѣзжія и множество мірского народа. Откуда Старецъ черпалъ силы? Вѣдаетъ о семъ одинъ только Господь, подававшій ему эту силу. Къ 29 августа, скитскому празднику [1]), Старецъ опять началъ собираться къ отъѣзду въ Скитъ. Насъ всѣхъ послали въ церковь служить путевой молебенъ предъ Казанскою иконою Божіей Матери, признанною Старцемъ за чудотворную. А для Батюшки стали закладывать лошадей. Намъ-никому не велѣно было провожать Старца, въ видахъ его слабости, чтобы ему было покойнѣе. Я стояла въ церкви у окна, чтобы видѣть его отъѣздъ. Но каково же было мое удивленіе! Служба кончилась, а карета для Старца не подавалась. Молча вышли мы изъ церкви, и въ недоумѣніи окружили корпусъ, гдѣ Старецъ находился. Изъ корпуса намъ вышли сказать, что Батюшкѣ сдѣлалось такъ дурно, что онъ ѣхать не можетъ. Слухи носились даже, — не знаю только, насколько это справедливо, — что Старца нашли лежавшимъ на полу въ крайнемъ изнеможеніи. Послѣ сего объ отъѣздѣ его изъ Шамордина не было уже и помина“.

Замѣчаютъ при семъ, что Старецъ въ тоже время неоднократно

[1]) Оптинскій Скитъ—во имя честнаго пророка, предтечи и крестителя Господня Іоанна.

ѣздилъ въ Руднево, и ни разу ничего подобнаго съ нимъ не случалось.

„Послѣ праздника Успенія Божіей Матери, пишетъ М. Е. С—на, вообще Старецъ рѣдко выходилъ на воздухъ; такъ какъ погода въ это время уже мѣнялась, и онъ не могъ выходить, когда было меньше 15 градусовъ. Я не могла себѣ представить, какъ и что будетъ. Наконецъ я рѣшилась узнать отъ Батюшки.—вѣроятно онъ думаетъ остаться на зиму въ Шамординѣ, потому что ѣхать ему теперь никакъ нельзя; а если оставаться, то надо подумать о томъ, чтобы устроить поудобнѣе помѣщеніе и для него самого и для келейника и для пріема посѣтителей. Батюшка помолчалъ немного и говоритъ: „объ этомъ до времени никому ничего не говори; а то въ Оптиной и такъ волнуются".

Началась пристройка, съ западной стороны, къ настоятельскому корпусу. Между тѣмъ Оптинскій настоятель о. Архимандритъ Исаакій, какъ и всѣ братія, со дня на день ожидалъ возвращенія Старца въ Скитъ. Нѣкоторыхъ посѣтителей обители онъ всячески отговаривалъ ѣхать къ нему въ Шамордино, въ полной увѣренности, что вотъ-вотъ Старецъ оттуда вернется. Посѣтители же, поживши день другой въ Оптиной, и не видя возвращенія Батюшки, уѣзжали въ Шамордино. – Не разъ настоятель, при личномъ свиданіи съ Старцемъ, всячески просилъ его возвратиться въ свою обитель: но изъ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ вернуться въ Оптину Батюшка заключалъ, что есть воля Божія остаться ему въ Общинѣ, а потому и о. архимандрита убѣждалъ *смириться подъ крѣпкую руку Божію* [1]). Отецъ же Исаакій, видя, что для Старца въ Шамординѣ начали уже подготовлять зимнее помѣщеніе, находился по этому случаю въ глубокой скорби.

„Отъѣздъ мой домой наставалъ, продолжаетъ разсказывать о себѣ, а кстати и въ пополненіе Шамординскихъ обстоятельстъ, г-жа **, но я не рѣшалась спросить Старца, гдѣ онъ намѣренъ зимовать. Начались заморозки, которые въ тотъ годъ, послѣ жаркаго лѣта, рано наступили. Вещи мои всѣ были въ Скиту. Разъ вечеромъ предъ 7 числомъ сентября [2]), пришла я съ дѣтьми къ Старцу, и рѣшилась спросить его, поѣдетъ ли онъ въ Оптину, и какъ мнѣ быть съ вещами. Батюшка отвѣчалъ мнѣ: „да теперь уже вы поѣзжайте туда на праздникъ, и кстати возьмите свои вещи". Мнѣ стало страшно тяжело, и я сказала: „пускай дѣти поѣдутъ, и возьмутъ вещи, — я не могу". Батюшка спросилъ меня: „отчего"? Я отвѣтила: „ни Батюшку о. Іосифа, ни Скита, ни монастыря я не могу видѣть безъ васъ; мнѣ ихъ горе тяжело". Батюшка сказалъ: „зачѣмъ же такъ? Надо теперь мѣнять свой характеръ, чтобы для тебя было все равно, Оптина — Шамординомъ, а Шамордино — Оптиной". Но я отвѣтила

---

[1]) 1 Петр. V, 6.

[2]) День памяти Оптинскаго Старца Макарія. Въ Скиту, какъ и вообще во всей Оптинской обители, торжество. О семъ было упомянуто выше.

ему: „Батюшка! я скорби батюшки о. Іосифа не понесу; васъ до сей поры тамъ монахи ждали“.—„Ну пошли дѣтей“, заключилъ Старецъ.— И правда, чего я ожидала, то и случилось. Въ первый разъ Скитъ встрѣтилъ праздникъ безъ Батюшки. И дѣти мои вернулись, особенно старшая, съ глубокимъ грустнымъ впечатлѣніемъ. Особенно имъ тяжело было видѣть батюшку о. Іосифа, который даже просилъ мою дочь, какъ она мнѣ сказала, ничего не говорить Старцу о той скорби, которую она замѣтила въ немъ. И слава Богу, что я тогда отказалась поѣхать въ Оптину на праздникъ“.

Теперь уже всѣмъ ясно стало, что Старецъ остался зимовать въ Шамординской общинѣ. „Сколько было по этому случаю толковъ, замѣчаетъ М. Е. С—на, сужденій и разсужденій! Каждый объяснялъ по своему причину Батюшкина отъѣзда изъ Оптиной. Это впрочемъ дѣло обычное,—безъ сего и обойтись не могло. Но тяжелѣе всего было слышать, когда указывали на людей, что Батюшка уѣхалъ чрезъ того-то, или черезъ другого. Меня очень удивляло, какъ можно было подумать, чтобы такой великій Старецъ, прожившій въ обители 50 лѣтъ, въ которые ему пришлось перенести столько трудовъ, скорбей и болѣзней, оставилъ бы вдругъ свою обитель по недоброжелательству какихъ нибудь людей. Такъ какъ Батюшка всегда и во всемъ полагался на волю Божію; то разумѣется, что такое важное событіе, какъ перемѣщеніе его изъ Оптиной въ Казанскую общину, не могло совершиться по волѣ человѣческой“.

Смущеніе же въ Оптиной доходило до того, что Старецъ, для успокоенія смущавшихся и волновавшихся монаховъ, нашелъ нужнымъ послать къ нимъ, отъ 4 Октября 1890 года, собственноручное письмо, которое по его благословенію, и было прочитано въ монастырской трапезѣ, вслухъ всѣхъ братій. Тамъ между прочимъ Старецъ писалъ: „Я доселѣ задержался въ Шамординѣ, по особенному промышленію Божію; а почему,—это должно означиться послѣ.“

Но какъ въ Оптиной ощущалась всеобщая скорбь отъ того, что Старецъ задержался въ Шамординѣ на неопредѣленное время: такъ напротивъ Шамординскія сестры были въ восторгѣ, когда убѣдились, что „дорогой Батюшка“ остался у нихъ на всю зиму. Никому изъ нихъ прежде и мысль объ этомъ не приходила въ голову; да и теперь долго-долго казалось имъ это невѣроятнымъ и несбыточнымъ. „Мы были очень счастливы, пишетъ М. Е. С—на, что нашъ дорогой отецъ съ нами, особенно тѣ, которымъ приходилось быть ближе и чаще у него. Мнѣ и во снѣ никогда не снилось, чтобы я могла когда нибудь прислуживать въ келліи у Батюшки. Помню, въ одинъ изъ пріѣздовъ Старца, во время его отдыха, мы говорили съ м. В. о томъ, какъ мы счастливы, что Господь удостоилъ насъ послужить такому Старцу. И я ей высказала, о чемъ много разъ сожалѣла, что не имѣла возможности всегда келейничать у Батюшки. Вдругъ отворяется дверь, выходитъ Старецъ, улыбается и говоритъ мнѣ: „опоздала, опоздала!“

Такъ совершилось перемѣщеніе Старца Амвросія въ Шамординскую женскую общину!

X.

Келейная жизнь Старца Амвросія въ Шамординской женской общинѣ и его попеченіе о ней.

Оставшись въ Шамординской обители на неопредѣленное время, Батюшка О. Амвросій, и среди множества дѣлъ, не оставлялъ своихъ келейныхъ правилъ. Такъ же, какъ и въ Скиту, ежедневно выслушивалъ положенныя молитвословія. Такъ же подъ праздники бывали у него въ кельѣ всенощныя бдѣнія, которыя первое время служилъ онъ самъ, т. е. произносилъ возгласы, и въ свое время читалъ Евангеліе, а сестры пѣли и читали положенное.—Чудныя были эти минуты, замѣчаютъ Шамординскіе очевидицы, когда на средину комнаты выходилъ согбенный Старецъ, въ коротенькой мантіи и епитрахили, съ открытой сѣдой головой, и какимъ то дѣтски старческимъ слабымъ голосомъ читалъ внятно слова благовѣстія Христова, которыхъ самъ былъ ревностнымъ исполнителемъ и проповѣдникомъ. Съ жадностію ловили каждое, произносимое Старцемъ, слово беззавѣтно преданныя ему, находившіяся при немъ сестры; а нѣкоторыя за невозможностію пробраться въ келлію, гдѣ служилось бдѣніе, залѣзали на чердакъ, чтобы хоть оттуда услышать неясно долетавшіе до нихъ звуки „дорогого Батюшки.“—Впрочемъ такъ было недолго. Болѣзненный Старецъ не въ силахъ былъ самъ служить. Для сего большею частію пріѣзжалъ изъ Скита бывшій его письмоводитель, іеромонахъ о. Венедиктъ.

Особенное благоговѣніе всегда имѣлъ Старецъ Амвросій къ Божіей Матери, какъ къ единой всемощной Предстательницѣ и Заступницѣ рода христіанскаго предъ Ея Сыномъ, Царемъ и Господомъ. Почему ни одного Богородичнаго праздника не пропускалъ онъ безъ того, чтобы не отправить предъ Ея св. иконою келейнаго бдѣнія. Конечно, здѣсь разумѣются болѣе нарочитыя въ св. Церкви празднества.—Въ 1890 году прислана была ему настоятельницею Болховскаго женскаго монастыря, Игуменіею Иларіею, особенная икона Божіей Матери. Царица небесная представлена сидящею на облакахъ. Руки ея простерты на благословеніе. А внизу, среди травы и цвѣтовъ, стоятъ и лежатъ ржаные снопы. Изображеніе Матери Божіей собственно есть снимокъ съ написаннаго Ея лика на иконѣ „Всѣхъ Святыхъ,“ находящейся въ Болховскомъ женскомъ монастырѣ; а снопы ржаные написаны по желанію и назначенію Старца Амвросія, который и далъ этой иконѣ наименованіе „Спорительницы хлѣбовъ.“ Горячія молитвы возносилъ Старецъ предъ этою иконою; училъ и понуждалъ молиться предъ нею и собранныхъ имъ въ общинѣ духовныхъ чадъ своихъ. Въ послѣдній же годъ своей жизни онъ дѣлалъ

снимки съ этой иконы и раздавалъ и разсылалъ многимъ и изъ постороннихъ своихъ почитателей. А не задолго до послѣдней своей болѣзни, въ честь этой иконы, онъ составилъ особый припѣвъ къ обычному Богородичному акаѳисту [1]). Припѣвъ этотъ сестры и пѣли по благословенію Старца, когда въ келліи его читался акафистъ Божіей Матери. Празднованіе этой иконѣ Старецъ заповѣдалъ своимъ чадамъ духовнымъ 15 Октября.—И вотъ первымъ чудомъ милости Божіей и заступленія Царицы небесной, по молитвамъ благодатнаго Старца предъ этою Ея святою иконою, можно считать то, что хотя послѣдній годъ земной жизни его былъ вообще на Руси голодный, но въ предѣлахъ Калужской епархіи, и въ частности около Шамординской общины хлѣбъ родился. Затѣмъ, хотя рожь въ это время была дорога, однако Старецъ, еще при жизни своей, успѣлъ столько ею запастись, что во весь этотъ годъ, и даже слѣдующій за нимъ, въ обители, не смотря на многочисленность ея насельницъ, недостатка въ хлѣбѣ не было. „Спорительница хлѣбовъ“ помогла.—Въ слѣдующее затѣмъ лѣто, уже по кончинѣ Старца Амвросія, послушникомъ Оптиной пустыни, Иваномъ Ѳеодоровичемъ Ч—мъ изъ дворянъ, написанная имъ самимъ икона Божіей Матери „Спорительницы хлѣбовъ“ послана была въ Шятницкую женскую общину Воронежской епархіи. Тамъ по случаю сильной засухи, грозившей неминуемымъ голодомъ, совершено было молебствіе предъ нею; послѣ чего вскорѣ пошелъ дождь, и обитель съ окрестностями спасена была отъ голода. По той же причинѣ много нашлось почитателей Старца Амвросія, желавшихъ имѣть у себя эту икону [2]).

Съ неумолкаемою молитвою и моленіемъ Старецъ всячески заботился о водвореніи внутренняго порядка въ юной своей обители: о благочинномъ отправленіи службъ церковныхъ, о разумномъ и внятномъ чтеніи и пѣніи, о должномъ отношеніи сестеръ къ своей начальницѣ, которая, какъ особа духовная, помогала ему въ духовномъ окормленіи находившихся подъ ея управленіемъ—ревнующихъ о спасеніи душъ, въ особенности новоначальныхъ.

Затѣмъ Старецъ входилъ во всѣ хозяйственныя дѣла. Безъ его совѣта и благословенія ничто въ обители не дѣлалось. Всѣ постройки производились по его плану и указанію.—Вызвавъ изъ Скита нѣкоторыхъ монаховъ, понимающихъ строительное дѣло и вообще хозяйство, болѣзненный Старецъ чрезъ нихъ дѣлалъ свои распоряженія.—При этомъ онъ часто выказывалъ удивительный даръ прозорливости. Придетъ къ нему напр. главный, завѣдывавшій Шамординскими по-

---

[1]) Припѣвъ, составленный Старцемъ: „Радуйся Благодатная, Господь съ Тобою! Подаждь и намъ недостойнымъ росу благодати Твоея, и яви милосердіе Твое“.

[2]) Сказываютъ еще, что весною 1897 г., или около сего, священникъ с. Озерскаго Перемышльскаго уѣзда пріѣхалъ въ Руднево, какъ приходскій пастырь, и тамъ, по случаю бездождія, служилъ на поляхъ молебенъ Божіей Матери, предъ Ея св. иконою „Спорительницею хлѣбовъ“, съ акаѳистомъ, икосы котораго заканчивались вышеупомянутымъ припѣвомъ. Во время служенія молебна давно не бывшій дождь сталъ накрапывать. Когда же послѣ молебна отслужена была еще панихида по Старцѣ Амвросіи, дождь пролился.

стройками, монахъ.—„Ну, о. Іоиль, скажетъ Старецъ, песку теперь тебѣ навозили; аршина... (батюшка точно прикидываетъ въ умѣ) аршина два съ половиной глубины будетъ, или не будетъ?“—Не знаю, Батюшка, отвѣтитъ монахъ, смѣрить не успѣлъ. Еще раза два спрашиваетъ Старецъ о пескѣ, и все не мѣрили. А какъ смѣряютъ, непремѣнно окажется такъ, какъ онъ говорилъ. Или начнетъ Старецъ прикидывать планъ какого-либо зданія,—скажетъ: „аршинъ 46 будетъ?“ Планъ этотъ затѣмъ переиначиваютъ, дѣлаютъ длиннѣе или укорачиваютъ; а какъ зданіе будетъ готово, непремѣнно окажется въ немъ 46 арш.

Кромѣ сего Старецъ по прежнему съ утра и до вечера принималъ народъ, и занимался перепиской съ просившими у него совѣтовъ и наставленій. Въ особенности принималъ онъ самое живое участіе въ ближайшихъ къ нему духовныхъ дѣтяхъ, отнюдь при этомъ не стѣсняя ихъ свободы, а ожидая собственнаго ихъ благаго произволенія въ служеніи Господу. Для примѣра, а кстати и для пополненія Шамординскихъ обстоятельствъ, продолжимъ разсказъ вышеупомянутой Г-жи **). „Къ концу Сентября (1890 г.), говоритъ она, пришла я къ Батюшкѣ узнать отъ него окончательное о себѣ рѣшеніе. Самъ Старецъ не стѣснялъ нашей свободы, и ничего положительнаго еще не говорилъ мнѣ о монастырѣ, предоставляя это на мое усмотрѣніе. Мнѣ же очень трудно было самой рѣшить свою участь. Дѣти мои страшно меня смущали. Въ старшей замѣтно было колебаніе; а меньшая, моя крестница, какъ видно было, ни о чемъ не думала кромѣ настоящаго. Но это-то и было для меня задачею. Весной того года она окончила науку. Надо было теперь подумать, какъ ее устроить, и какое дать ей занятіе. Батюшка скоро меня принялъ, и на мой вопросъ,—какъ мнѣ быть съ своей крестницей, хлопотать ли выдать ее замужъ,—какъ будто ничего не зная, вдругъ спросилъ меня: „а вы-то сами обѣ какъ думаете устроиться?“ Я отвѣтила: „Батюшка, вы сами знаете—какъ: я жду только вашего слова, и изъ вашей воли не выйду.“—„Нѣтъ, сказалъ Батюшка, это ты уже сама скажи.“ Я опять спросила о своей крестницѣ, какъ съ ней-то быть,—за нее хотятъ свататься. Но Батюшка опять задавалъ мнѣ вопросъ: „да вы-то сами какъ устроитесь?“ Такъ я и ушла отъ Старца, ничего отъ него не добившись.“

„Вскорѣ послѣ этого разговора Батюшка неожиданно сталъ посылать меня въ Воронежъ и Задонскъ, помолиться угодникамъ Божіимъ Митрофану и Тихону. Дѣтей же моихъ велѣлъ оставить при себѣ въ Шамординѣ. Поѣздки этой я не ожидала, и мнѣ не хотѣлось уѣзжать отъ Старца такъ далеко. Наканунѣ моего отъѣзда въ Воронежъ онъ позвалъ меня къ себѣ въ келью. Это было во время келейнаго всенощнаго бдѣнія, которое служилось у Старца. Когда я вошла къ нему, запѣли: „Величитъ душа моя Господа... Честнѣйшую Херувимъ.“ Батюшка ручкой остановилъ меня, чтобы я не подходила къ нему близко; а самъ сталъ молиться. Я же, остановившись по-

среди кельи, не полагала поклоновъ, а все смотрѣла на Батюшку. Во время пѣнія „Честнѣйшей“ онъ стоялъ, наклонивъ голову почти къ землѣ. Когда окончилось пѣніе, Батюшка строго сказалъ мнѣ: „отъ чего ты не клала поклоновъ, а стояла такъ? Я отвѣтила: „въ міру я всегда кладу шесть поклоновъ, когда поютъ „Честнѣйшую Херувимъ“; а тутъ опасаюсь,—никто не кладетъ.“ Батюшка опять строго сказалъ: „чтобы вы съ дочерью всегда клали поклоны! Какое вамъ дѣло, что никто не кладетъ? Вы знаете, одинъ видѣлъ, какъ во время пѣнія „Честнѣйшей“ Сама Царица небесная явилась, и подходила къ своей иконѣ. „Вы всегда кладите.“ Мнѣ даже стало жутко. Ужъ не видѣлъ ли это, подумала я, самъ Старецъ, когда стоялъ съ такимъ благоговѣніемъ, наклонившись почти къ землѣ.—Уходя отъ Старца, я просила у него благословенія повидать Воронежскаго Владыку Анастасія, котораго уважала. А Батюшка вмѣсто этого сказалъ мнѣ: „увидишь тамъ слѣпого владыку, побывай у него.“ Что же? Пріѣхавъ въ Воронежъ, я не застала своего знакомаго Владыку Анастасія,—онъ уѣхалъ на цѣлый мѣсяцъ по епархіи; а придя въ храмъ, прямо встрѣтила старца, слѣпого Владыку Іосифа. Не добившись, за множествомъ народа, его благословенія, я попросилась къ нему на домъ. Встрѣтившій меня, его келейникъ спросилъ, желаю ли я одна видѣть владыку, или со всѣми. Я въ душѣ никогда не желала ни о чемъ и никого спрашивать, кромѣ своего Старца; а потому и вошла къ нему со всѣми за однимъ только благословеніемъ. Владыка встрѣтилъ меня вопросомъ: „ты кто такая и откуда?“ Я отвѣтила, и тутъ же добавила: „сей часъ же я пріѣхала изъ женской общины Старца Амвросія.“—„Что Старецъ?“—спросилъ владыка. Я отвѣтила: „очень слабъ.“—„А по скольку народу, спросилъ онъ еще, къ нему заразъ пускаютъ?“ Я отвѣтила приблизительно.—„Ну, продолжалъ Владыка, отъ того онъ такъ и слабъ, что по стольку народу пускаютъ; надо человѣкъ по пяти не болѣе. А ты что тамъ дѣлаешь?“—спросилъ уже меня владыка. Я отвѣтила: „гощу; я привязана къ Старцу, и гощу тамъ праздники и лѣтомъ; хожу въ церковь и къ Старцу на благословеніе.“—„Гощу“, повторилъ мои слова владыка. „Что-то мудрено: люди ѣздятъ изъ монастыря въ міръ гостить, а мы изъ міра въ монастырь. Видите ли, обратился онъ къ одной, сидѣвшей рядомъ съ нимъ на диванѣ, мы привязаны къ Старцу; а ну-ко скажи, спросилъ онъ, опять обращаясь ко мнѣ, что ты у него ищешь!“ Я промолчала. Владыка продолжалъ: „мы и сами даже не знаемъ, что ищемъ у Старца. Ты вдова,—отъ чего нейдешь въ монастырь?“ Я отвѣтила: „я не свободная,—у меня двѣ дочери, одна родная, другая крестная; не знаю какъ онѣ.“—„Ты пойдешь, сказалъ владыка, и дѣти пойдутъ за тобой; иначе ничего не будетъ.“ Тутъ онъ показалъ на кипу маленькихъ книжекъ, лежавшихъ подлѣ него и сказалъ: „на,—выбери своей дочери книжечку“. Я выдернула первую попавшуюся.—„Ну прочти,“ сказалъ владыка. Я прочла: „отъ пьянства.“—„Вотъ, продолжалъ онъ, ты и дочери-то своей не знаешь, что вы-

брать.“ Онъ протянулъ свою ручку, и выдернулъ конечно что ей подходило. Книжка озаглавливалась такъ: „Читай Евангеліе, и будь спокойна.“ Затѣмъ владыка всталъ и, положивъ свои ручки на мою голову, прочелъ какую-то молитву; и наконецъ сказалъ: „кланяйся отъ меня Старцу.“ Уходя, я просила своимъ дѣтямъ его святительскихъ молитвъ, назвавъ ихъ по именамъ. Онъ же, обращаясь къ своимъ посѣтительницамъ, спросилъ: „а третью какъ зовутъ?“ А я, не понявъ вопроса, отвѣтила: „третьей у меня нѣтъ.“ Въ это время кто-то изъ толпы сказалъ: „я—Екатерина“. Владыка замѣтилъ: „Екатеринъ-то много; а у этой рѣдкое имя,“ указавъ при семъ на меня. Такъ онъ зналъ мое имя, котораго я ему еще не сказывала.—Пріѣхавъ къ Батюшкѣ, я все разсказала ему. Онъ былъ очень доволенъ и, потирая ручки, отъ души смѣялся, что владыка ему помогъ. Такое было духовное единеніе у этихъ двухъ святыхъ старцевъ. Дѣтей моихъ Батюшка въ Октябрѣ отпустилъ домой, сказавъ имъ: „пора ѣхать“. А я должна была замедлить свой отъѣздъ на нѣсколько дней, начавъ готовиться къ причастію Св. Христовыхъ Таинъ. Взявъ меня на исповѣдь, Батюшка въ этотъ разъ сказалъ мнѣ: „Ну, теперь я ужъ тебѣ говорю: рѣшайся поступать въ монастырь; дѣвокъ ты гадишь; я васъ при жизни своей устрою.“ На мои слова о крестницѣ сказалъ: „пусть живетъ съ вами пока, а тамъ видно будетъ.“ На мои слова, что я Оптину больше люблю: какіе тамъ храмы, служба, колоколъ!—Батюшка вдругъ всталъ; глазки его заблистали необыкновеннымъ огнемъ; и онъ весело сказалъ въ пророчественномъ тонѣ: „здѣсь все будетъ больше Оптинскаго; здѣсь будетъ то, чего ты и не ожидаешь.“ Мнѣ стало какъ-то спокойно, радостно на душѣ. Но я опять сказала: „я боюсь монастыря ..... Батюшка отвѣчалъ: „все будетъ зависѣть отъ тебя самой; ты знаешь, что значитъ въ переводѣ слово монахъ; онъ долженъ быть одинъ.“ Я сказала: „послѣднее мое дѣло въ міру кончится въ Ноябрѣ, а тамъ я свободна; только останется квартира, нанятая нами на годъ; срокъ ей въ Іюлѣ 1891 года.“ Батюшка отвѣчалъ: „кончишь все,—пріѣдете подъ Троицынъ день совсѣмъ.“ Это замѣчательно вѣрно исполнилось. Я кончила всѣ дѣла и пріѣхала съ дѣтьми въ Шамординскую обитель какъ разъ подъ Троицынъ день на слѣдующій годъ“.

О будущемъ Шамординской обители Старецъ нерѣдко предсказывалъ и другимъ. „Съ какою бывало любовью, замѣчаетъ М. Е. С—ня, слушалъ онъ, когда еще жилъ въ Скиту, если какіе-нибудь посѣтители пріѣдутъ изъ Шамордина и начнутъ разсказывать, какъ имъ тамъ понравилось, и удивляться, какъ быстро выросла эта обитель. Нѣкоторымъ изъ нихъ Батюшка говорилъ: „а если бы знали, что тамъ будетъ!“... Какъ-то двѣ сестры вздумали переходить въ другой монастырь, потому что имъ казалась трапеза скудною. Батюшка, услыхавши объ этомъ, сказалъ: „теперь не хотятъ потерпѣть и понести нужду; а когда будетъ у насъ хорошо, будутъ проситься, а ихъ не примутъ“.

„Въ тотъ вечеръ, продолжаетъ свой разсказъ Г-жа**, когда я пришла съ Батюшкой проститься, долго пришлось мнѣ ждать. Народу было множество. Я все просилась къ Старцу, думая на другой день рано ѣхать. Наконецъ келейникъ меня позвалъ. Я вошла къ Батюшкѣ и остановилась. Онъ лежалъ не на подушкахъ, а такъ на постелѣ. На личкѣ у него выступилъ потъ крупными каплями; глазки были устремлены на св. икону; ротъ открытъ. Я стояла въ недоумѣніи, что дѣлать. Минутъ черезъ пять Батюшка перевелъ глазки на меня, и тихо сказалъ: „дай мнѣ вздохнуть". Я стояла, не зная, какъ мнѣ поступить. Боялась уйти, чтобы не впустили къ Старцу еще народу, и молчала. Наконецъ онъ сказалъ: „подойди ко мнѣ"! И перекрестивъ меня, прибавилъ: „тара бара, а ѣхать намъ пора. Пойди—скажи, чтобы подождали ко мнѣ народъ пускать. Была бы мать дома, не пустили бы ко мнѣ столько народу". (Матушки настоятельницы не было дома). Я такъ испугалась слабости Батюшкиной что сейчасъ же ушла въ церковь служить молебенъ Царицѣ небесной, предъ Казанскою Ея иконою, о здоровьѣ Батюшки. По возвращеніи моемъ изъ церкви, узнаю, что Батюшка, тотъ часъ по моемъ уходѣ, принималъ и весело занимался съ одной знакомой мнѣ монахиней.— На другой день я уѣхала. А пріѣхавъ домой, узнаю, что моей дочери предложили уроки въ одномъ казенномъ заведеніи. Я написала Старцу съ вопросомъ: „можно ли принять мѣсто, и не нарушитъ ли это въ будущемъ наши планы". На что отъ Старца имѣла отвѣтъ слѣдующаго содержанія: „Уроки — не пророки, писалъ онъ. Лучше мѣсто занять, чтобы до іюня не быть безъ дѣла. А когда нужно будетъ, тогда и мѣсто можно оставить. Испрашивая на васъ троихъ миръ и благословеніе Божіе, остаюсь съ искреннимъ благожеланіемъ. Многогрѣш. Іером. Амвросій". Мѣсто дочерью было занято.

Въ ту же осень 90-го года на долю Старца Амвросія выпалъ особенно замѣчательный случай, которымъ онъ среди своей скорбной и многотрудной жизни немало былъ утѣшенъ. Въ предшествовавшее этой осени лѣто на Оптинской монастырской дачѣ такой былъ удачный ловъ стерлядей въ р. Жиздрѣ, какого никто изъ старожиловъ не помнилъ. Поймано было ихъ не одинъ десятокъ, величиною около полутора аршина. По желанію Старца, нѣсколько самыхъ хорошихъ отборныхъ стерлядей послано было къ Двору Его Величества, покойнаго Государя Императора, къ 17-му октября, памяти избавленія отъ смертной опасности Его и всего Его Августѣйшаго семейства. Благостнѣйшій Государь такъ былъ внимателенъ къ сему Оптинскому приношенію, что лично изволилъ принять двухъ Оптинскихъ монаховъ, посланныхъ по сему случаю, подалъ имъ для цѣлованія свою царственную руку, и сказалъ имъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Когда же монахи сказали Государю, что Оптинскіе Старецъ и настоятель кланяются Его Величеству, и сами поклонились ему въ ноги: тогда и Государь, по глубочайшему своему христіанскому смиренію,

изволилъ слегка поклониться въ отвѣтъ на оптинское привѣтствіе, и отпустилъ монаховъ съ миромъ во свояси.

Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, Оптинскіе братія по необходимости стали мало по малу свыкаться съ своимъ нелегкимъ положеніемъ жить и быть безъ Старца. По всей вѣроятности они утѣшали себя въ этомъ случаѣ надеждою, что Старецъ вернется въ Скитъ весною будущаго года. Волненіе нѣсколько поулеглось. Наступилъ Декабрь мѣсяцъ. Шамординскія сестры съ нетерпѣніемъ ожидали 7-го числа. То былъ день Ангела Старца Амвросія, — память св. Амвросія епископа Медіоланскаго. Наканунѣ этого дня пріѣхало изъ Оптиной нѣсколько іеромонаховъ, особенныхъ почитателей Старца, во главѣ которыхъ былъ скитоначальникъ Іеромонахъ Анатолій. Отслужили бдѣніе, и на слѣдующій день соборомъ литургію, съ молебномъ святому, съ возглашеніемъ многолѣтія имянинику. За тѣмъ всѣ служившіе пришли поздравить Батюшку со днемъ Ангела. Лицо у него въ это время казалось очень блѣдное и истомленное. Принимая съ благодарностію поздравленія отъ монаховъ, онъ только смиренно все повторялъ: „ужъ очень много параду сдѣлали“. Послѣ братій приходили поздравлять дорогого имянинника и всѣ сестры. Каждая изъ нихъ поднесла ему какой-нибудь подарочекъ своей работы, кто—четочки, кто носочки, кто фуфаечку сшилъ, а кто икону написалъ. Батюшка съ веселымъ лицемъ принималъ отъ нихъ подарки; благодарилъ всѣхъ, шутилъ и одѣлялъ—кого кускомъ пирога, карамелькой съ билетикомъ, кого пряникомъ; а нѣкоторыхъ мазалъ по лицу пирожной начинкой, доставляя имъ чрезъ это невыразимое удовольствіе. Всѣ въ этотъ день были веселы и счастливы.

„Къ празднику Рождества Христова, сообщаетъ въ своихъ запискахъ новыя свѣдѣнія о себѣ и о Старцѣ Г—жа**, пріѣхала я съ дочерями къ Батюшкѣ въ Шамордино. Старецъ былъ очень слабъ. На новый годъ когда мы пришли его поздравить, онъ долго не выходилъ, и никого не принималъ. Сказали что Старцу очень нездоровится. Наконецъ насъ позвали въ его пріемную. Батюшка сидѣлъ на диванчикѣ, и, вмѣсто поздравленія и привѣтствія, заставилъ пріѣхавшую изъ Оптиной пустыни, проживавшую тамъ на гостинницѣ, М. И. К—ую прочитать Троицкій листокъ, который кончался молитвою пастыря о своихъ чадахъ, гдѣ онъ говоритъ ко Господу: *се азъ и дѣти мои*... И прощается съ своею паствою. Намъ всѣмъ сдѣлалось грустно. У многихъ навернулись слезы. Самъ Старецъ плакалъ. Мы стали по очереди подходить къ нему съ поздравленіями, и принимать благословеніе. Когда я подошла, Батюшка сказалъ мнѣ: „Смотри—не пять, а иди впередъ“. Я вышла въ корридорчикъ, и сѣвши подумала: „Господи! неужели это послѣдній Новый годъ мы встрѣчаемъ съ Старцемъ?“ Почему-то такъ тяжело было у меня на душѣ.—Въ это время вошли къ Старцу сестры пѣвчія, во главѣ съ ихъ регентшей, что бы тоже поздравить его съ Новымъ годомъ. Когда же онѣ благословлялись что-то пропѣть, Батюшка сказалъ: „нѣтъ, пропойте мнѣ—

Ангельскія силы на гробѣ твоемъ, и стрегущіи омертвѣша и проч.— Вы это не совсѣмъ хорошо поете", добавилъ онъ. Этотъ грустный напѣвъ тропаря, и такой неподходящій къ Новому году, а при томъ и слабость Батюшки такъ разстроили меня, что я, заплакавъ, ушла. —Уѣзжая въ этотъ разъ отъ Батюшки, я видѣла одинъ многозначительный сонъ, въ слѣдствіе котораго Старецъ приказалъ мнѣ поискать для него образъ Спасителя въ томъ городѣ, гдѣ я жила, и добавилъ: „ты тамъ его найдешь". И такъ я не малое время искала для Батюшки нерукотворенный образъ Спасителя старинной живописи. Но всѣ мои старанія найти его были напрасны. Разъ же, проходя торгъ, въ самомъ грязномъ мѣстѣ, между всякимъ тряпьемъ, я напала на образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, и купила его для Батюшки. На страстной недѣлѣ я его привезла ему. Съ какою радостію Батюшка принялъ его отъ меня, и сказалъ: „на что же лучше этого терноваго вѣнца!"—и поцѣловалъ образъ. Тутъ же я говорила съ Старцемъ насчетъ чудотворнаго Животворящаго Креста въ Калугѣ. А Батюшка вдругъ сказалъ мнѣ: „хорошо быть у креста Спасителя, но еще много лучше пострадать за Него на этомъ крестѣ". Я же грѣшная, испугавшись, сказала: „это, Батюшка, страдать-то такъ страшно". Личико Старца при этомъ было какое-то особенное: что-то неземное свѣтилось въ его глазахъ".

„Такъ шла и прошла зима 91-го года, и настала Св. Пасха. На первый день праздника, послѣ литургіи, настоятельница по обычаю пришла поздравить Старца съ Свѣтлымъ праздникомъ; а за нею уже и всѣ сестры и нѣкоторые міряне приходили „христосоваться" съ Батюшкой, который всѣмъ подавалъ по красному яйцу и по куску кулича и пасхи. Поистинѣ, замѣчаютъ Шамординскія сестры, свѣтлый былъ праздникъ. У всѣхъ на душѣ было радостно. Да и какъ же могло быть иначе? Пасха,—и любимый Старецъ раздѣляетъ вмѣстѣ это великое торжество.—Каждый день, во всю свѣтлую седмицу, сестры пѣли у него утреню, часы и вечерню. Батюшка самъ подпѣвалъ; иногда задавалъ пѣвчимъ тонъ, поправлялъ ошибки и дѣлалъ разныя замѣчанія. По окончаніи же седмицы, когда пѣвчія стали благодарить Старца за то утѣшеніе, какое онъ имъ доставилъ въ эту Пасху, онъ ласково имъ сказалъ: „спаси Господи"! А потомъ прибавилъ: „будете вы вспоминать эту Святую". Никто не понялъ, и не могъ понять тогда этихъ словъ. И никто не подозрѣвалъ, что на слѣдующій годъ въ пятницу на Свѣтлой недѣлѣ, когда бываетъ празднованіе Божіей Матери „Живоносному Источнику", во имя которой Старцемъ устроенъ придѣлъ въ Шамординской церкви, будетъ совершаться полугодичная память со дня его кончины.

„Съ наступленіемъ лѣта Батюшка по обычаю возобновилъ свои прогулки. Онъ ходилъ по постройкамъ и ѣздилъ въ Руднево, гдѣ гостилъ иногда недѣли по двѣ. Если случался какой-нибудь праздникъ, онъ непремѣнно возвращался въ Шамордино, говоря, что въ праздники привыкъ всегда быть „дома". Такъ въ концѣ іюля отправился

онъ въ Руднево надолго, потому что въ кельѣ его необходимо было сдѣлать нѣкоторыя поправки. Изъ кельи все вынесли; подняли полъ, и началась работа. Между тѣмъ подошелъ праздникъ Преображенія Господня, который Батюшка по нуждѣ согласился провести на дачѣ. 4 Августа настоятельница поѣхала навѣстить Старца; но возвратившись оттуда вечеромъ, объявила, что онъ ни за что не хочетъ оставаться тамъ на праздникъ, и завтра пріѣдетъ. Что дѣлать? По необходимости на слѣдующее же утро, въ той половинѣ, которую занимала настоятельница, устроено было возможно—удобное помѣщеніе для неожиданнаго гостя.

Въ іюлѣ сего же лѣта посѣтила Старца преданная ему духовная дочь, вышеупомянутая А. А. Шишкова. „Въ послѣдній разъ, такъ пишетъ она, я была у Батюшки за три мѣсяца до его кончины. Письменно просила на то его благословенія. Отвѣтъ былъ: „пріѣзжай; очень рады будемъ тебя видѣть“. Вскорѣ, по полученіи письма, пріѣхала я въ общину; вхожу къ Старцу и говорю: „Какъ давно я васъ не видала! Прошлый годъ просила благословеніе пріѣхать, но вы мнѣ его не дали, и я не посмѣла ѣхать. За то какъ обрадовалась я на сей разъ получить его!“ Батюшка благословилъ меня ласково съ веселымъ, сіяющимъ добротою, лицемъ, и сказалъ: „теперь болѣе у меня не спрашивай; можешь пріѣзжать всегда, когда захочешь“. Повторивъ это утвердительно два раза, онъ какъ будто хотѣлъ, чтобы я вникла въ смыслъ сказаннаго.—Въ ту минуту я была очень рада этому позволенію и поблагодарила его. Мнѣ только послѣ сдѣлалось ясно, что этими словами Батюшка предсказывалъ свою близкую кончину.—Въ этотъ же день Старецъ пригласилъ меня къ себѣ ко всенощной въ свою маленькую келлію. Это былъ канунъ какого-то праздника. Читала монахиня каѳизмы. Я подумала, что не совсѣмъ внятно читаетъ. Тотъ часъ Батюшка повертывается и говоритъ: „читайте внятно, а то Шишкова осудитъ“; и посмотрѣлъ на меня выразительно, провидѣвъ мои мысли. Страшно было что-либо подумать при праведномъ Старцѣ. Сей часъ онъ видѣлъ въ глубинѣ души всѣ помыслы ея.—При прощаніи моемъ съ Батюшкой, необыкновенно впечатлительна была его рѣчь о св. Игнатіи Богоносцѣ. Съ какимъ особымъ горячимъ чувствомъ, весь самъ воодушевленный благодатію Божіею, повѣствовалъ онъ о томъ, что Господь всегда пребывалъ въ сердцѣ сего святителя мученика, и имя Іисуса Христа тамъ запечатлѣлось!—„Читала ли ты его жизнь?“—спрашивалъ меня дорогой Батюшка, и приказалъ мнѣ взять его посланія для прочтенія и руководства. Тутъ я узнала, что Батюшка особенно чтилъ сего угодника Божія, и къ нему всегда прибѣгалъ съ молитвою во всѣ трудныя минуты своей жизни“.

Въ то же лѣто,—отмѣтимъ еще особенность,—прибылъ къ Старцу въ Шамордино человѣкъ Божій, именемъ Гаврюша, лѣтъ сорока отъ роду, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Господь уподобилъ дѣтямъ, сказавъ,

что *таковыхъ есть царствіе Божіе* [1]). Онъ жилъ въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловск. губ., былъ разслабленъ, трясся всѣмъ тѣломъ и еле могъ говорить и принимать пищу. Ноги его не дѣйствовали; онъ лежалъ и молился Богу. Примѣчали, что ему многое открыто. Послѣднею весною ему явился Старецъ Амвросій и сказалъ: „приходи ко мнѣ въ Шамордино, я тебя успокою“. Въ то же время онъ всталъ на ноги и объявилъ, что идетъ въ Шамордино. Но такъ какъ ноги его были весьма слабы и походка неровная, то мать его хотѣла его везти по желѣзной дорогѣ, но онъ отказался отъ этой услуги. Старца онъ встрѣтилъ подъ Шамординымъ. Тотъ тихо ѣхалъ откуда-то. Вокругъ него былъ народъ. — „Батюшка! — закричалъ Гаврюша своимъ мало понятнымъ языкомъ, — ты меня звалъ, я пришелъ“. Батюшка тотъ часъ вышелъ изъ экипажа, подошелъ къ нему и сказалъ: „здорово, гость дорогой! Ну, живи тутъ“. И прибавилъ окружавшимъ: „такого у меня еще не было“. — Батюшка очень ласкалъ Гаврюшу. Онъ устроилъ ему уголокъ въ Шамординѣ, а впослѣдствіи и въ Рудневѣ, и Гаврюша все порывался туда ѣхать. — „Батюшка! не хочу въ Шамординѣ; поѣдемъ въ Руднево; въ Руднево хочу“. А Батюшка все успокоивалъ его, что когда приготовятъ для Гаврюши въ Рудневѣ помѣщеніе, они туда и поѣдутъ. Было умилительно смотрѣть, какъ Батюшка занимался бесѣдой съ Гаврюшей, и какъ они ходили по кельѣ, одинъ ковыляя на кривыхъ ногахъ, а другой согбенный, опираясь на свою палочку.

При постоянномъ вокругъ Старца множествѣ разнаго народа, не обходилось и безъ забавныхъ случаевъ. Пріѣхала къ нему одна очень богатая помѣщица съ трехлѣтней дочкой. Пока мать говорила съ Старцемъ, умненькая дѣвочка, предоставленная себѣ, осмотрѣла батюшкинъ покойчикъ, побывала во всѣхъ его углахъ, и наконецъ, наскучивъ своимъ одиночествомъ, стала среди кельи, сложила на груди ручки, и жалостливо глядя на Старца, повела такую рѣчь: „бѣдный старичекъ! такой онъ старенькій, все на постелькѣ лежитъ, компатка у него маленькая, игрушекъ у него нѣтъ, ножки у него болятъ, бѣгать не можетъ; у меня игрушки ѣсть; хочешь, старичокъ, я трусиковъ привезу поиграть тебѣ?“ На эту наивную дѣтскую рѣчь послѣдовалъ и сообразный отвѣтъ Старца: „привези, привези, дѣвочка, сказалъ онъ, вотъ какая ты хорошая; спасибо тебѣ, что старика пожалѣла“. — Дитя, какъ видимъ, говорило по-дѣтски, а Старецъ по-старчески.

Въ заключеніе этой главы, еще и еще укажемъ на особенно выдающуюся черту въ жизни Старца Амвросія, — его неограниченную милостивость къ нищимъ и обездоленнымъ людямъ. Принося въ жертву своей общинѣ, такъ сказать, все — и свое, истощенное болѣзнями, скорбями и старостію здоровье и спокойствіе и наконецъ достояніе, какое только Богъ посылалъ ему чрезъ усердствующихъ благотвори-

---

[1]) Лук. XVIII, 16.

телей, онъ никогда не упускалъ случая помогать и всѣмъ, искавшимъ и ожидавшимъ отъ него помощи. Вотъ уже осень, послѣдняя въ его жизни. Самъ Старецъ хорошо это знаетъ, такъ какъ давно уже сталъ намекать о семъ окружавшимъ его. Знаетъ и то, что въ Шамординской общинѣ большой недостатокъ. Но вотъ въ далекой Москвѣ одинъ человѣкъ, котораго Батюшка призвалъ къ новой жизни, находится въ глубокомъ унынiи. Отъ своей семьи, съ которою онъ давно разстался, и которую считалъ обезпеченною, получилъ онъ скорбное письмо: тамъ нужда, а помочь нечѣмъ. Просить Старца о помощи онъ считаетъ неблаговременнымъ, такъ какъ хорошо знаетъ, что въ Шамординѣ теперь считаютъ гроши. Въ это время убитый горемъ отецъ вдругъ получаетъ съ почты повѣстку на немалыя деньги, и не можетъ понять—откуда. А это благодѣтельный Старецъ Амвросій поспѣшилъ облегчить его горе.

Чтобы имѣть возможность безъ отказа подавать милостыню нищимъ, Старецъ, не смотря на скудость въ общинѣ средствъ всегда старался имѣть въ рукахъ рублей до ста мелкихъ денегъ, которыя онъ и раздавалъ, или самъ, или чрезъ келейника, кому рубль, кому три и болѣе. Изъ этихъ денегъ онъ уже никому не давалъ ни на какiя потребности, ни даже на жалованье рабочимъ. Придетъ бывало наблюдавшiй за постройками монахъ о. Іоиль, и станетъ просить у Старца денегъ для разсчета рабочихъ; Батюшка скажетъ ему даже какъ будто съ оскорбленiемъ: „нѣтъ-нѣтъ, иди-иди; ну тебя совсѣмъ, ты и такъ меня всего обобралъ; иди-иди, ну тебя совсѣмъ!“ Когда же получится откуда нибудь большая сумма, тогда уже Старецъ, съ веселымъ видомъ и присущею ему любовiю, говорилъ: „теперь бери, сколько надо!“

Были люди, осуждавшiе Старца за его милостыню. Даже среди лицъ, особенно преданныхъ ему, часто возникало недоумѣнiе, какъ это онъ, имѣя въ рукахъ такое громадное дѣло, какъ устройство Шамординской общины, вовсе не бережетъ деньги, даже въ самые трудные дни,—какъ будто мiрянъ предпочитаетъ своей обители; такъ какъ Старецъ временемъ раздавалъ нуждавшимся все до послѣдняго рубля. Происходилъ напримѣръ такой разговоръ Старца съ своимъ келейникомъ. Старецъ ищетъ около себя на постели денегъ, чтобы удовлетворить нуждающагося просителя. Вотъ онъ зоветъ келейника. „Поищи-ко, скажетъ, гдѣ нибудь; кажется у насъ гдѣ-то рубль оставался; поищи, – просятъ“. — „Какъ бы вы не велѣли еще вчера отдать, отвѣтилъ келейникъ, такъ бы точно оставался; а теперь ничего нѣтъ. Вотъ все раздаете; а рабочiе жалованья просятъ,—чѣмъ платить будемъ?“ — Чтобы утѣшить келейника, Старецъ дѣлаетъ видъ, будто раскаявается, со скорбiю покачивая головой. Рубль все-таки гдѣ-нибудь отыскивали на долю бѣдняка; между тѣмъ какъ въ Козельскую почтовую контору вскорѣ на имя iеросхимонаха Амвросiя приходила крупная сумма денегъ. Такъ щедро Всеблагiй Господь всегда награждалъ Старца за его милостыню. Получалась такимъ

образомъ возможность и жалованье рабочимъ уплатить, и еще нѣкоторымъ нуждавшимся оказать помощь.—Однимъ изъ послѣднихъ пожертвованій Старца Амвросія было очень значительное количество денегъ, данное имъ на голодающихъ.

Вѣруя въ неложное обѣтованіе Господа воздать за милостыню стократнымъ воздаяніемъ, Старецъ, такъ сказать, сѣялъ съ несомнѣнною надеждою, что община его въ недалекомъ будущемъ пожнетъ обильный плодъ.

XI.

Скорбныя обстоятельства Старца Амвросія въ Шамординской общинѣ, и его предсказанія о близкой своей кончинѣ.

Не на покой, какъ означено въ запискахъ М. Е. С—ной, не на покой переѣхалъ Батюшка о. Амвросій въ устроявшуюся имъ общину, а на большіе труды и скорби. Самъ Старецъ, въ присутствіи окружавшихъ его сестеръ, высказывался такъ: „Матери и сестры! Я у васъ здѣсь на крестѣ“.

„Дѣйствительно, по замѣчанію Г-жи **, для Старца началась теперь жизнь невозможно-трудная. Ни днемъ ни ночью онъ не имѣлъ покоя, и по неудобству помѣщенія (которое до самой его кончины все только устроивалось и подготовлялось) и отъ множества дѣлъ и окружавшаго его народа. Отъ чего у него уже къ осени (1890 года) опухли ножки. Я это замѣтила, и высказала при свиданіи батюшкѣ о. Іосифу. На что онъ мнѣ отвѣтилъ: „этого и нужно было ожидать; Батюшка перемѣнилъ свой образъ жизни, — въ скиту онъ большею частію принималъ посѣтителей лежа, а тамъ онъ принимаетъ всегда почти сидя или стоя“.

Дѣла обременяли Старца собственно Шамординскія; потому что устройство громадной женской общины было въ самомъ разгарѣ, а все попеченіе объ этомъ принято было Старцемъ на себя. Въ теплую лѣтнюю погоду онъ самъ неутомимо являлся для личнаго осмотра на всѣ производившіяся постройки, и видимо торопился, не щадя своего слабаго здоровья.—Кромѣ того онъ самъ же долженъ былъ изыскивать и средства какъ для всѣхъ производившихся построекъ, такъ и вообще для содержанія обители, вмѣстѣ съ дачею Рудневымъ, гдѣ также шли непрерывно работы. А денегъ, какъ замѣчено выше, у Старца не было; и потому онъ перебивался—такъ сказать—кое-какъ. Тратилъ деньги, большею частію заемныя, утверждаясь на преданности нѣкоторыхъ близкихъ къ нему духовныхъ дѣтей, дававшихъ ему обѣщанія къ пожертвованіямъ, иногда посмертнымъ, а иногда повергавшихъ къ его ногамъ послѣднее, хотя небольшое, свое достояніе. — О многолюдствѣ же, столь обременительномъ для слабаго Старца, уже не мало говорено было.

Близкая къ Старцу Амвросію, упомянутая выше М. Е. С—на

сообщаетъ еще, какое онъ испытывалъ нравственное мученіе. „Сильно скорбѣли Оптинцы, пишетъ она; а каково было Батюшкѣ, одному Богу извѣстно. Всѣмъ имъ онъ сочувствовалъ, всѣхъ жалѣлъ. Нелегко ему было утѣшать ихъ и уговаривать покориться волѣ Божіей. Тяжело и вспомнить эту осень (1890 г.), особенно первое время. Почти каждый день кто-нибудь пріѣзжалъ оттуда. Всѣмъ хотѣлось услышать отъ самого Батюшки что-нибудь утѣшительное. Бывало скажутъ, что пріѣхалъ такой-то изъ Оптиной; Батюшка уже не заставлялъ ихъ долго ждать,—съ особенною любовію принималъ и утѣшалъ. Но очень часто, послѣ такихъ посѣщеній, онъ дѣлался чрезвычайно озабоченнымъ и разстроеннымъ. Принесешь бывало Батюшкѣ обѣдъ,—постоитъ въ кельѣ, такъ и унесешь назадъ,—ни къ чему и не дотронется“.

При томъ здоровье Старца, съ теченіемъ времени, стало ослабѣвать до послѣдней крайности, а ропотъ на него посѣтителей увеличивался; такъ какъ въ особенности теперь, при огромномъ стеченіи народа, многимъ изъ нихъ приходилось очень долго ждать его пріема. А Старецъ и радъ бы былъ удовлетворить всѣхъ, но силы совсѣмъ оставляли его. Часто въ наступившую зиму, какъ передаютъ Шамординскія сестры очевидицы, приходилось видѣть его лежащимъ навзничь въ полномъ изнеможеніи. Блѣдное истомленное лицо его выражало страданіе; голосъ совершенно покидалъ его, и глаза были закрыты. Глядя на полуживаго Старца, сердце сжималось отъ жалости. Самъ онъ нерѣдко со скорбію говорилъ: „вѣдь не вѣрятъ, что я слабъ,—ропщутъ“.—И однако жъ этотъ полуживой Старецъ не только никогда не терялъ присутствія духа, но также всегда былъ спокоенъ и веселъ, какъ и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и своею веселостію и шутливыми разсказами умѣлъ разгонять въ окружавшихъ его самое мрачное уныніе. Въ эту послѣднюю зиму пребыванія его въ Шамординской общинѣ, всѣ сестры обители, отъ чрезмѣрной слабости Старца и отъ другихъ разныхъ непріятностей, были однажды въ мрачномъ настроеніи духа. Болѣзненный Старецъ собралъ послѣднія свои силы, и съ веселымъ видомъ вышелъ въ комнату, куда собрались и сестры. Сначала онъ кое-кому изъ нихъ по одиночкѣ говорилъ что-нибудь въ утѣшеніе, отъ чего всѣ лица мало по-малу прояснялись; а наконецъ вообще предъ всѣми такъ насмѣшилъ, что разогналъ и послѣдніе остатки унынія.—А еще однажды окружавшія Старца сестры, стали говорить ему со скорбію: „какое намъ счастіе жить при васъ и имѣть васъ, Батюшка! А придетъ время,—не станетъ васъ съ нами. Что мы тогда будемъ дѣлать?“—Батюшка усмѣхнулся; оглянулъ всѣхъ сидѣвшихъ съ такою любовію, съ какою умѣлъ глядѣть онъ одинъ, и, покачавъ укоризненно головой, сказалъ имъ въ утѣшеніе: „ужъ если я тутъ съ вами все возился, то тамъ-то отъ васъ ужъ вѣрно не уйдешь“.

Но едва проходила одна скорбь, какъ готова была для болѣзненнаго Старца другая; вѣрнѣе же сказать, то и дѣло прилагались

скорбь къ скорби, болѣзнь къ болѣзни. Разъ какъ-то вскорѣ послѣ Пасхи (1891 г.) настоятельница общины, только что поставленная по его указанію, вошла къ Старцу въ келлію по какому-то дѣлу. Но какъ здоровье ея было очень слабо, то она вдругъ почувствовала себя очень нехорошо. Лицо ея помертвѣло, дыханіе прекратилось, и она упала безъ чувствъ. Смутился Старецъ. Самъ, еле передвигая ноги, подошелъ къ видимо умиравшей, и трясущимися слабыми руками помогалъ сестрамъ положить ее на стоявшую вблизи койку; наконецъ, какъ бы прося ее не покидать его, удрученнаго болѣзнями и скорбями, Старца, сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: „мать, подыши еще“! И скоро, по молитвамъ Старца, дыханіе ея возобновилось, и она была пріобщена Св. Христовыхъ Таинъ.—Но затѣмъ болѣзненные приступы къ сердцу, неоднократно и прежде съ нею повторявшіеся, вслѣдствіе чего она падала въ обморокъ или омертвеніе, миновались совсѣмъ; вмѣсто же того направились къ зрительнымъ органамъ, и произвели слѣпоту. Въ серединѣ лѣта она уже ничего не могла видѣть,—могла только различать, какъ и теперь различаетъ, бѣлый цвѣтъ отъ чернаго. — Сама она, вслѣдствіе потери зрѣнія, стала тяготиться должностію настоятельницы, и просила у Старца совѣта, что ей дѣлать,—не подать ли прошеніе объ отставкѣ. Но Батюшка на это не согласился, сказавъ: „сама не подавай; а если велитъ подать начальство, то подай“. На ея возраженіе, что она теперь слѣпая, и уже не имѣетъ надежды возвратить зрѣніе, онъ спокойно ей отвѣчалъ: „ну что-жъ; да ты пишешь лучше меня“. Вообще, какъ замѣтно было, насчетъ потери настоятельницею зрѣнія Старецъ былъ покоенъ, и только всячески убѣждалъ ее не малодушествовать, часто повторяя; „мать! претерпѣвай и не унывай“, приводя и слова Св. Писанія: *Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* [1]), и: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* [2]).

Рядомъ съ описанными скорбями и крайнимъ недугованіемъ Батюшки о. Амвросія постоянно было неблаговоленіе къ нему высшаго духовнаго начальства, въ особенности обострившееся къ концу его жизни. О семъ цѣлая исторія. Выше было упомянуто, что въ началѣ лѣта 1890 года выбылъ изъ Калуги Преосвященный Анастасій на Воронежскую епархію. На мѣсто его въ Калугу назначенъ былъ Тамбовскій Преосвященный Виталій, который по обстоятельствамъ долго не являлся къ мѣсту своего назначенія. Пріѣхалъ онъ уже къ осени, когда Старецъ Амвросій имѣлъ свое пребываніе въ Шамординской женской общинѣ. Перемѣщеніе Владыки Виталія съ Тамбовской на Калужскую епархію имѣло на него сильное удручающее вліяніе, какъ высказался онъ однажды настоятелю Перемышльскаго Троицкаго монастыря игумену Ѳеодосію. Но къ этой скорби Преосвященнаго Виталія прибавлялись здѣсь новыя скорби. Ему хотѣлось, вскорѣ по пріѣздѣ въ Калужскую епархію, видѣть извѣстнаго всему почти

[1]) Лук. XXI, 19.
[2]) Матѳ. X, 22.

православному міру, Оптинскаго Старца Амвросія, дабы утѣшиться его духовною бесѣдою; но узнавъ, что Старецъ живетъ въ женской обители, медлилъ ѣхать въ Оптину пустынь, въ ожиданіи, что онъ скоро воротится въ свой Скитъ. Между тѣмъ время шло, а Старецъ не возвращался. И то еще для Владыки было непріятно, что Старецъ самовольно отлучился изъ своей обители въ другой уѣздъ [1]), и очень долго живетъ на сторонѣ, да при томъ еще въ женской обители. Но послѣдующія обстоятельства еще болѣе стали огорчать Преосвященнаго. „Съ зимы 90—91 года, какъ говоритъ въ своихъ запискахъ г-жа **, поднимались недобрые слухи на Старца. По случаю его пребыванія въ женской обители, недоброжелатели его распускали о немъ самыя безобразныя нелѣпости. Помутили и новаго Владыку. Бывши тамъ близко, и невольно слыша все это, я сильно тревожилась; безпокоить же Старца еще не рѣшалась, зная, что это—одно искушеніе, вражіе возстаніе за его добродѣтельную жизнь, за его великую любовь къ ближнимъ. Носился слухъ, что въ этомъ случаѣ кто-то особенно повліялъ на Владыку. О недолжномъ якобы пребываніи Старца въ женской обители писали будто бы даже въ Петербургъ".

Прибавимъ къ сему еще то, что многочисленные посѣтители Старца Амвросія развозили и разносили по разнымъ мѣстамъ разные слухи объ Оптинскихъ и Шамординскихъ дѣлахъ, часто совсѣмъ невѣрные. О Старцѣ каждый толковалъ по-своему,—его судили и осуждали многіе. Такимъ образомъ по всѣмъ мѣстамъ Россіи, гдѣ только было извѣстно имя Старца Амвросія, пронесся о немъ *злъ глаголъ*.— Должно отмѣтить здѣсь, какъ особенность, что среди почитателей Старца Амвросія, во все время, до самой его блаженной кончины, былъ также извѣстный всему православному люду, по своей высокодуховной жизни, Кронштадскій Протоіерей, о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ. Несмотря на всѣ нелѣпые, распространявшіеся о Старцѣ, слухи, онъ всегда питалъ къ нему любовь о Господѣ и уваженіе. Нерѣдко Шамординскія сестры, по благословенію Старца Амвросія, ѣздили въ Кронштадтъ къ о. Іоанну. Узнавши откуда онѣ, о. Протоіерей имѣлъ обыкновеніе говорить: „а, это отъ Старца Амвросія; о, великій Старецъ! Земной поклонъ ему отъ меня".

Между тѣмъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше говоръ о Старцѣ усиливался, и возмущалъ уже смущеннаго Владыку, который, въ разговорѣ съ нѣкоторыми лицами, со скорбію и въ недоумѣніи восклицалъ: „что это тамъ у нихъ дѣлается". Нерѣдко онъ чрезъ благочиннаго монастырей, настоятеля Калужской Тихоновой пустыни, архимандрита Моисея требовалъ даже, чтобы Старецъ непремѣнно возвратился въ свой монастырь. Неизвѣстно, что Старецъ отвѣчалъ на эти требованія Владыки. Вѣроятнѣе всего онъ говорилъ тоже, что было написано имъ въ свое время и Оптинскимъ братіямъ, что онъ „задержался въ Шамординѣ по особенному промышленію Божію". Старецъ

---

[1]) Оптина пустынь Козельскаго уѣзда, а Шамординская община—Перемышльскаго.

высказывалъ самую суть дѣла, но его не хотѣли понять, и принимали слова его за одну пустую отговорку, не имѣвшую якобы никакого значенія.—На угрозы же, что его могутъ отвезти въ Оптину и по неволѣ, болѣзненный Старецъ со скорбію говорилъ: „Я знаю, что не доѣду до Оптиной; если меня отсюда увезутъ, я на дорогѣ умру“.

„Одинъ близкій къ Владыкѣ человѣкъ, продолжаетъ разсказывать г-жа **, зная, что я часто ѣзжу къ Старцу, просилъ меня предупредить его о грозившей ему непріятности. Но пока я собиралась ѣхать, находилась въ смущеніи. Не зная же, чѣмъ себя успокоить, я, призвавъ заочно молитвы Старца, раскрыла псалтирь, думая, что откроется Батюшкѣ. Открылись слова псалма: *О тебѣ враги наша избодемъ роги, и о Имени Твоемъ уничижимъ возстающія на ны* [1]). Эти псаломскія слова до того меня тогда успокоили, что я веселая поѣхала къ Батюшкѣ. Говоря съ нимъ, я сказала ему: „за васъ, Батюшка, я передъ всѣми поцѣлую Крестъ и Евангеліе“. Смиренный Старецъ выслушалъ меня, и кротко сказалъ: „Крестъ и Евангеліе никогда ни за кого не цѣлуй. Можетъ быть я и въ самомъ дѣлѣ такой, какъ о мнѣ говорятъ“. Такое было у Батюшки самоуничиженіе! Слова же псалма утѣшили его, и онъ заставилъ меня повторить ихъ; но при этомъ строго запретилъ мнѣ впередъ прибѣгать къ этому способу, сказавъ: „тебѣ рано“.—Предъ самымъ же моимъ переѣздомъ въ Шамординскую общину разнесся слухъ, что Владыка, растроенный разными, доходившими до него, рѣчами, сказалъ: „я самъ поѣду, посажу Старца въ карету, и увезу въ Оптину“. Пріѣхавъ съ дѣтьми въ обитель на жительство, я попадала къ Старцу только на общихъ благословеніяхъ. Батюшка, какъ нарочно, не бралъ меня. Его дѣла и мои собственныя томили меня, но всего болѣе — боязнь, что нагрянетъ Владыка, и Старцу сдѣлаютъ насиліе. Просили Старца принять меня келейники и я сама, говоря, что мнѣ нужно. Но Батюшка выйдетъ, ласково благословитъ меня и скажетъ: „ничего тебѣ не нужно, — подожди“. Такъ я попала къ Батюшкѣ одна только недѣли черезъ три по пріѣздѣ исповѣдываться. Это было въ началѣ іюля 1891 года. Я сказала Батюшкѣ: „я рвалась къ вамъ не для себя, но сказать про намѣреніе Владыки“. Батюшка былъ въ это время страшно слабъ. Народъ совсѣмъ задавилъ его. Голосъ у него совсѣмъ упалъ,—что стало часто у него являться за послѣднее время. Хибарка его для пріема народа только отдѣлывалась; а самъ онъ помѣщался въ лѣтнемъ помѣщеніи покойной настоятельницы, матушки Софіи. Батюшка мнѣ отвѣтилъ: „Живъ Господь Богъ мой, и жива будетъ душа моя; а ты знай, что надъ всѣми владыками есть Вышній Владыка; ѣхать въ Оптину я не собираюсь; да и куда я теперь поѣду“? И Батюшка развелъ руками около себя. Затѣмъ продолжалъ: „развѣ только“... Голосокъ у Батюшки такъ при этомъ

[1]) Псал. XLIII, 6.

упалъ, что я только разслышала: „конецъ сентября и начало октября“. Батюшка прочелъ надо мной разрѣшительную молитву, и отпустилъ меня. Начало его словъ меня успокоило. Я поняла, что Вышній Владыка защититъ Старца; но конецъ я не разобрала хорошо, и потому недоумѣвала, куда же Батюшка скроется. Ни въ Оптину не поѣдетъ и въ Шамординѣ не останется; ужъ не въ затворъ ли? И эта мысль меня ужаснула. Въ Рудневѣ—Шамординской дачѣ Старецъ все что-то устроивалъ; и я подумала, ужъ не туда ли. Отъ смерти же Батюшкиной я была далека. Эта мысль тогда мнѣ и въ голову не приходила. Насталъ Успенскій постъ, и я опять попала къ Старцу на исповѣдь. Кончивъ ее, я сказала: „Батюшка! а вѣдь слухи-то о пріѣздѣ Владыки не прекращаются; я ужасно боюсь за васъ“. Но Батюшка всталъ и, повернувъ меня къ двери, слегка ударилъ по затылку и сказалъ: „пойди ты!... Я только и думаю, какъ бы мнѣ остаться одному“.

„Батюшка!—спросила Старца еще одна монахиня, говорятъ Владыка сюда ѣдетъ; что вы ему скажете“?—„Я скажу, тихо отвѣтилъ Батюшка, я скажу, ищите прежде воли Божіей“...

Вскорѣ за симъ пріѣхалъ къ Старцу близкій къ нему, духовный его сынъ, настоятель Перемышльскаго Троицкаго Лютикова монастыря, игуменъ Ѳеодосій съ такимъ же опасеніемъ. — „А знаете ли, Батюшка, сказалъ онъ, что васъ ожидаетъ?“ Грустно Старецъ поникъ головой. Ясно провидя духомъ козни исконнаго невидимаго врага рода человѣческаго, теперь съ особеннымъ ожесточеніемъ вооружавшагося противъ него за его неисчисленныя добродѣянія людямъ, онъ сказалъ: „да, о. Ѳеодосій, весь адъ возсталъ на меня“.—Этотъ о. игуменъ прежде не разъ испрашивалъ у Старца благословеніе уволиться отъ настоятельской должности на покой. Старецъ на это отвѣчалъ: „намъ съ тобой, о. Ѳеодосій, тогда будетъ покой, когда пропоютъ надъ нами со святыми упокой; да и хорошо если, еще удостоимся“. А въ другой разъ на ту же просьбу о. игумена, Батюшка сказалъ утвердительно въ шутливомъ тонѣ: „живи тамъ, гдѣ живешь (т. е. въ Троицкомъ монастырѣ), пока не прогонятъ“. Потомъ прибавилъ: „а Оптиной пустыни все таки тебѣ не миновать“. Оба эти предсказанія Старца, уже послѣ кончины его, исполнились вточности. Такъ сложились обстоятельства, что о. игумену пришлось отказаться отъ занимаемой имъ должности, и помѣститься въ Оптинскомъ скиту, гдѣ онъ живетъ и доселѣ.

Въ эту наступающую, послѣднюю для Старца Амвросія, осень пріѣхалъ къ нему въ общину проживавшій при Оптиной пустыни К. Н. Леонтьевъ, чтобы получить отъ него благословеніе поѣхать въ Москву для лѣченья. Прощаясь съ нимъ, Старецъ неоднократно обнималъ его, говоря: „прости, прости меня!“ Такое прощаніе показалось Леонтьеву знаменательнымъ. И дѣйствительно,—оно было послѣднее. Вскорѣ за тѣмъ сначала скончался Старецъ, а потомъ и Леонтьевъ въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ.

Между тѣмъ все лѣто 1891 года въ Шамординѣ ожидали своего новаго Архипастыря. Настоятельница и сестры тревожились и волновались, и обращались къ Старцу съ разными вопросами.—„Батюшка! какъ намъ встрѣчать Владыку?“ Въ ободреніе ихъ Старецъ спокойно отвѣчалъ: „не мы его, а онъ насъ будетъ встрѣчать“. — „Что для Владыки пѣть?“ Старецъ сказалъ: „мы ему аллилуіа пропоемъ“. Еще какъ-то сказали ему: „Батюшка! Говорятъ, Владыка хочетъ много спрашивать у васъ“. Онъ отвѣтилъ: „мы съ нимъ потихоньку будемъ говорить,—никто не услышитъ“. Одному изъ близкихъ монаховъ, на его сообщеніе о пріѣздѣ Владыки, сказалъ: „ну чтожъ,—ступай въ церковь, и приготовь мѣсто, гдѣ мнѣ стоять“. — Такими отвѣтами Старецъ очевидно намекалъ на свою близкую кончину; но этихъ намековъ никто изъ окружавшихъ его въ то время не понималъ. У нѣкоторыхъ сестеръ даже было предчувствіе близкой кончины Батюшки, но ему не хотѣлось вѣрить; думалось напротивъ, что Старцу невозможно такъ скоро умереть. Такъ пишетъ М. Е. С – на: „Не смотря на великое счастіе, что Батюшка у насъ, все предчувствіе чего-то страшнаго не давало мнѣ покоя; и мысль — не послѣдніе ли дни Батюшка нашъ проводитъ съ нами, — все отравляло. Я боялась съ кѣмъ нибудь заговорить объ этомъ, чтобы не услышать отъ другихъ, что и имъ приходятъ тѣ же мысли. Какъ то въ разговорѣ съ М... я рѣшилась спросить, какъ она думаетъ объ этомъ. М... мнѣ на это тоже сказала, что она боится очень радоваться, — Богъ знаетъ, надолго ли такъ будетъ. Вѣроятно и многимъ приходила эта мысль. Отъ Батюшки мы никогда не слыхали прямого указанія на его близкую кончину. Нѣкоторыя распоряженія его какъ будто указывали на это; но тогда все какъ-то иначе объяснялось, и только послѣ кончины Старца стало все понятнымъ.—За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Батюшки одинъ Петербургскій художникъ, который иногда обращался къ нему за денежною помощію, прислалъ Казанскую икону Божіей Матери, копію съ чудотворнаго Ея образа, и при ней имена своей семьи, прося Батюшку помолиться за нихъ. Батюшка велѣлъ положить записку въ кіотъ за икону и сказалъ: „Царица небесная сама будетъ молиться за нихъ“. Эту икону послѣ несли передъ гробомъ Батюшки.– Одинъ бѣдный семейный человѣкъ, которому Батюшка много разъ помогалъ, предъ послѣднею его болѣзнію, письменно обратился къ Старцу съ просьбою помочь ему купить теплую одежду. Батюшка послалъ ему—сколько нужно было, и при этомъ продиктовалъ нѣсколько словъ, прибавивъ въ концѣ: „помни, что это тебѣ послѣдняя отъ меня помощь“. Мнѣ пришлось писать эту записку, но послѣднія слова ея меня нисколько не смутили. Я объяснила ихъ себѣ такъ, что нужно было написать это ему въ предупрежденіе, чтобы не слишкомъ надѣялся.—Принесли Батюшѣ икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ [1]), которая долгое время стояла у него въ пріі-

[1]) Эта икона принесена была, какъ мы видѣли выше, Г-жею**, собственный разсказъ которой помѣщается здѣсь.

емной на столѣ. Одна пріѣзжая монахиня, сидя въ этой кельѣ въ ожиданіи пріема Батюшки, первая замѣтила на этой иконѣ выступившія капли, на подобіе мура, и сообщила о семъ М... Когда монахиня уѣхала, принесли икону къ Батюшкѣ, разсказавъ ему о появившихся на ней чудесныхъ капляхъ. Долго онъ смотрѣлъ на нее и сказалъ: „будутъ скорби и тому, кто первый увидалъ это, и живущимъ здѣсь". Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда этой монахини, Батюшка получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она увѣдомляла его, что тотъ часъ, по возвращеніи въ свой монастырь, ей пришлось перенести неожиданно большую скорбь. Это было въ началѣ сентября; а черезъ мѣсяцъ и нашей обители пришлось переживать потерю нашего незабвеннаго великаго Старца, отца и благодѣтеля".

Замѣчательно, что и самое его послѣднее общее пасхальное поздравленіе заключало въ себѣ также намекъ на близость его кончины. Начавъ истолкованіемъ слова „Пасха", что оно означаетъ переведеніе отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси, и что въ этотъ праздникъ обрадованные христіане братски привѣтствуютъ другъ друга Воскресеніемъ, прощая все и ненавидящимъ ихъ, Старецъ въ этомъ послѣднемъ посланіи своемъ говоритъ за тѣмъ о любви къ Богу и ближнимъ, о необходимости душеполезныхъ наставленій, а слѣдовательно и наставниковъ и о разумномъ пониманіи Слова Божія, молитвенно прося во всемъ этомъ помощи Божіей. То было, такъ сказать, послѣднимъ завѣтомъ Старца, приближавшагося къ переходу отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси.

Еще: не задолго до своей кончины Старецъ говорилъ въ шутливомъ тонѣ окружавшимъ его сестрамъ: „смотрите,—идетъ осень; и тамъ и сямъ достанется и уткамъ и гусямъ". За тѣмъ усмѣхнувшись, прибавилъ: „гуси потащутъ, а утки поплачутъ".

„Въ Сентябрѣ, продолжаетъ въ своихъ запискахъ вышеупомянутая Г-жа**), Батюшка вдругъ заторопилъ меня съ дочерьми одеждою (монашескою), велѣлъ скорѣе сшить и сказалъ, — что для сего требуется; такъ какъ мы ничего не знали, — даже по сколько аршинъ надо каждой, и добавилъ: „я васъ самъ одѣну". Надо еще сказать, что за недѣлю до этого моя меньшая дочь (крестная) объявила Старцу, что она ни за что не отстанетъ отъ насъ,—чѣмъ Старецъ несказанно утѣшился. 20 сентября онъ самъ насъ одѣлъ, и прочиталъ положенную для сего молитву. При этомъ крупныя слезы показались у него на глазахъ. Кончивъ молитву, онъ спросилъ меня: „а что же камилавки, апостольники?" Я въ недоумѣніи посмотрѣла на Батюшку. Мнѣ этого не было сказано, и я не приготовила. Старецъ сказалъ: „ну походите пока въ платочкахъ". И за тѣмъ прибавилъ: „скоро будетъ новое быстрое проявленіе." На другой день рано Батюшка позвалъ меня исповѣдываться. И это была послѣдняя моя у него исповѣдь. Батюшка поздравилъ меня въ новой одеждѣ, сказавъ: „такъ тебѣ много лучше". И прибавилъ: „говори мнѣ теперь только свои грѣхи, а о дѣлахъ оставь; я боленъ, очень боленъ, я очень плохъ".

Какъ что-то затуманило мнѣ голову. Я мыслію далека была отъ смерти Батюшкиной, и не поняла его словъ.—„Хотѣлъ сегодня пріобщиться, продолжалъ Старецъ, а меня остановили; говорятъ,—пріѣдутъ С... изъ Оптиной; а Богъ знаетъ, пріѣдутъ ли они еще“. И личико Батюшки было грустное. Я же подумала: кто это можетъ и смѣетъ мѣшаться въ дѣла Батюшкины? И не сказавъ ему ничего, ушла.—Вскорѣ я еще разъ попала къ Батюшкѣ съ какою-то скорбію. Старецъ уже сильно разнемогался, но меня принялъ. Когда же я заплакала, онъ, проведя ручкой мнѣ по лицу, сказалъ: „еще у тебя и не такъ слезы польются; польются онѣ у тебя рѣкой, да и то все пройдетъ“. На мою же скорбь сказалъ: „вѣдь вы дураки; а какъ мнѣ-то за васъ достается!“

Въ заключеніе всего подивимся великодушію облагодатствованнаго Старца. Въ устрояемой имъ общинѣ было, какъ и теперь, болѣе 500 сестеръ, пріютъ, богадѣльня, больница. Годъ голодный, хлѣбъ поэтому дорогой. На обители его накопился большой долгъ. Настоятельница слѣпая. Самъ онъ въ опалѣ у начальства, обезславленъ, и при томъ на краю гроба. Какая адамантовая душа не могла бы дрогнуть при семъ? Но Старецъ оставался покоенъ духомъ.

XII.

Послѣдніе дни жизни Старца Амвросія.

Сей часъ мы видѣли, что Батюшка О. Амвросій началъ уже сильно разнемогаться. Еще въ концѣ Августа одинъ посѣтитель, кандидатъ Московской духовной академіи, Ѳ. И. Д—ій такъ писалъ о немъ въ своемъ письмѣ къ близкому ему человѣку: „когда я вошелъ въ комнату (старца) и—надо признаться—не безъ нѣкотораго трепета и замиранія сердца, то увидѣлъ маленькаго старичка (когда-то онъ былъ высокъ ростомъ) лѣтъ подъ восемьдесятъ, въ простенькомъ тепломъ подрясникѣ и въ монашеской шапочкѣ, сидящаго въ креслѣ, блѣднаго и слабаго до послѣдней степени. Кожа едва облегаетъ кости, нижняя губа трясется; такъ и думаешь, что онъ вотъ-вотъ сей часъ умретъ. Если что живо въ этомъ почти мертвомъ тѣлѣ, такъ это глаза небольшіе, свѣтлокаряго цвѣта, лучистые, добрые, наблюдательные и проницательные. Въ нихъ будто сосредоточивается вся жизнь, и они представляютъ удивительный контрастъ съ мертвенною блѣдностію лица и поразительною слабостью тѣла. Подлинно—духъ бодръ, плоть же немощна“.—Батюшка, по обычаю своему съ любовію принялъ посѣтителя, и не мало бесѣдовалъ съ нимъ; предрекъ ему службу въ Польскомъ краѣ; за тѣмъ говорилъ о Московской академіи; вспоминалъ про добрѣйшаго профессора Ѳеодора Александровича Голубинскаго, и полюбопытствовалъ о томъ, остался ли кто изъ его потомковъ. Наконецъ разговорились о высо-

копреосвященнѣйшемъ Московскомъ Митрополитѣ Филаретѣ. Про него Старецъ Амвросій разсказалъ между прочимъ слѣдующее: Когда прекратились его поѣздки въ Петербургъ, онъ хотѣлъ отказаться отъ митрополіи и проситься на покой. Но прежде чѣмъ принять такое важное рѣшеніе, митрополитъ вызвалъ въ Москву престарѣлаго, и всѣми уважаемаго, настоятеля Шєсношскаго монастыря игумена Назарія [1]), и высказалъ ему свое намѣреніе.—„Что же вы, владыка святый, намѣрены дѣлать на покоѣ?“ — спросилъ о. игуменъ митрополита.—„Конечно, отвѣтилъ митрополитъ, въ уединеніи бесѣдовать съ Богомъ, молиться“. — „Ну, погодите, возразилъ о. Назарій, сперва побесѣдуйте съ бѣсами, а потомъ видно будетъ“. Послѣ такого разговора митрополитъ, какъ извѣстно, не привелъ въ исполненіе своего намѣренія.—Такъ Старецъ, даже и въ послѣдніе дни своего земнаго существованія, былъ ко всѣмъ внимателенъ, ласковъ и любезенъ!

Всѣмъ было видно, что Батюшка еле — живъ; но, какъ замѣчено выше, никто изъ окружавшихъ его не ожидалъ близкой его кончины. Для него въ началѣ сентября приготовлена была, этимъ лѣтомъ исправлявшаяся, келья. По обычаю отслуженъ былъ молебенъ съ водосвятіемъ, и Старецъ изъ келлій настоятельницы перешелъ въ нее. Настоятельница же, всегда и во всемъ поступавшая по волѣ Старца, въ то время спросила его: „а гдѣ же мнѣ, Батюшка, благословите жить?“ — „Теперь, отвѣтилъ онъ, можешь жить,—гдѣ захочешь“.—„То есть, какъ же это?“—„Да такъ, гдѣ хочешь, тамъ и живи,—хоть тутъ, хоть тамъ“.—Опять намекъ на близость кончины, не понятый начальницей.—Въ общинѣ къ этому времени хотя работы, по недостатку денегъ, сократились, но самыя необходимыя постройки все еще продолжались. Нѣкоторыя, особенно расположенныя къ Старцу, лица, по его благословенію, строили для себя въ общинѣ келліи, чтобы помѣститься здѣсь поближе къ Батюшкѣ; между тѣмъ какъ дни его были уже сочтены. О сихъ послѣднихъ дняхъ мы и разскажемъ, со словъ Шамординскихъ очевидицъ, сколько возможно, подробнѣе—день за днемъ.

21 сентября была суббота. По обыкновенію пріѣхалъ изъ скита іеромонахъ служить у Старца бдѣніе; но Батюшка съ утра чувствовалъ себя слабѣе обыкновеннаго, а къ концу дня такъ ослабѣлъ, что не могъ слышать пѣнія, и чувствовалъ ознобъ.—„Батюшка ослабѣлъ, батюшка захворалъ“,—слышалось во всѣхъ концахъ монастыря. Всѣ сильно встревожились, хорошо понимая, что для слабаго, почти восьмидесятилѣтняго, Старца нужно немного, чтобы подкосить его жизнь. Съ другой стороны мысль о томъ, что Батюшка можетъ умереть, была такъ ужасна, и казалась такой невѣроятной, что никто на ней не останавливался. Всѣ успокоивали себя тѣмъ, что „Богъ милостивъ; да Батюшкѣ и нельзя умирать,—онъ такъ еще нуженъ“.

---

[1]) Впослѣдствіи Валаамскій настоятель, проведшій остатокъ дней своихъ и скончавшійся въ Саровской пустыни Тамбовской губ.

Подобная борьба страха и надежды испытывалась и прежде каждый разъ, когда Старецъ сильно заболѣвалъ. Такъ было и теперь.

22-го въ воскресенье Батюшка сталъ жаловаться на боль въ ушахъ; не смотря на то, онъ продолжалъ заниматься монастырскими дѣлами, даже принималъ нѣкоторыхъ посѣтителей, шутилъ, и вообще былъ веселъ.

„На слѣдующій день 23-го, читаемъ въ запискахъ М. Е. С-ной, боль въ ушахъ Старца усилилась; онъ сталъ плохо слышать, и очень мало принималъ посѣтителей, такъ какъ говорить ему было трудно. И всѣ просили его дать себѣ отдыхъ; но Батюшка вставалъ, ходилъ по кельѣ и бралъ по нѣсколько человѣкъ на благословеніе. Вечеромъ Старецъ велѣлъ читать ему вслухъ. Когда я спросила, не трудно ли ему будетъ слушать, при боли въ ушахъ, — онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ. Какъ будто задумался на нѣсколько минутъ, и сказалъ вслухъ: „это послѣднее испытаніе, — потерялъ слухъ и голосъ". Впрочемъ голосъ (какъ говорилось выше) давно у Батюшки сталъ ослабѣвать, такъ что къ вечеру онъ говорилъ иногда шопотомъ.—Такъ всѣ далеки были отъ мысли лишиться Батюшки, и такъ болѣзнь его казалась не похожею на предсмертную, что слова его — „это послѣднее испытаніе"—я объяснила себѣ такъ, что Батюшка испыталъ всѣ болѣзни, а слухъ у него всегда былъ очень хорошъ, — теперь и это потерялъ".

Слѣдующіе за тѣмъ два дня Старецъ былъ все въ томъ же положеніи, но почти не принималъ, такъ какъ совершенно потерялъ слухъ и голосъ. „Народъ, замѣчаетъ М. Е. С—на, съ утра до вечера не отходилъ отъ крыльца его келліи. Сколько было скорби, сколько пролито слезъ! Нѣкоторымъ нельзя было долго ждать; просили чрезъ келейника заочно благословенія и отвѣта на свои вопросы. Чтобы не утруждать Батюшку разговорами, въ крайнихъ случаяхъ вопросы предлагали ему письменно".

26-го въ четвергъ Старецъ чувствовалъ себя хуже,—жаловался на сильную боль въ ушахъ, лицѣ, головѣ и во всемъ тѣлѣ. Въ одномъ его ухѣ оказался нарывъ. Ухудшеніе здоровья болѣзненнаго Старца всѣхъ очень смутило. Тутъ же рѣшили телеграммой вызвать изъ Москвы доктора Бабушкина, который, живши прежде въ Калугѣ, часто пользовалъ его. На это и Батюшка охотно согласился.

27-го въ пятницу нарывъ въ ухѣ у Старца прорвался, и боль немного поутихла; а вечеромъ пріѣхалъ Московскій докторъ. И прежде неоднократно пріѣзжавшій къ Старцу во всѣхъ случаяхъ его рѣзкихъ заболѣваній, онъ всегда на вопросы о его здоровьи отвѣчалъ успокоительно, и большею частію такъ: „я бываю здѣсь для формы; еслибы это былъ обыкновенный больной, то я сказалъ бы, что ему жизни на полчаса; но вѣдь это о. Амвросій, — онъ можетъ и годы прожить". Такъ докторъ и теперь, по своему обыкновенію, всѣхъ успокоилъ, сказавъ, что опаснаго ничего нѣтъ, что это инфлуэнца въ ушахъ; далъ нѣкоторыя успокоительныя средства, и предписалъ

больному полнѣйшее спокойствіе. Старецъ послѣ того какъ будто сталъ чувствовать себя лучше. Но онъ не могъ въ точности выполнить докторскій совѣтъ — дать себѣ на нѣкоторое время отдыхъ; и лишь только почувствовалъ малое облегченіе, сталъ опять, хотя по немногу, принимать посѣтителей. И такъ какъ разговаривать съ ними теперь препятствовала ему глухота, то вопросы писались для него на бумагѣ большими буквами, а онъ давалъ на нихъ устные отвѣты.— Между тѣмъ огорчаемый непослушаніемъ нѣкоторыхъ изъ сестеръ обители, Старецъ со скорбію говорилъ: „вотъ Богъ отнялъ у меня слухъ и голосъ, чтобы не слышать, какъ вы просите благословенія жить по своей волѣ, и чтобы не говорить, потому что не слушаетесь“.

29-го въ воскресенье Батюшка вдругъ вышелъ изъ своей кельи, и сказалъ, что онъ забылъ помолиться предъ иконою Царицы небесной „всѣхъ скорбящихъ Радости“. Онъ пожелалъ, чтобы предъ этою иконой въ его кельѣ отслужили молебенъ, — что конечно тотъ часъ же и было исполнено. Сестры и мірскія толпились у дверей. Каждому хотѣлось постоять этотъ молебенъ, помолиться о выздоровленіи дорогого отца, и выпросить себѣ радость у „всѣхъ скорбящихъ Радости“.

„1-го октября вечеромъ (вторникъ), продолжаетъ въ своихъ запискахъ Г-жа**, моя дочь родная попала съ моимъ письмомъ къ Старцу. Сама я боялась проситься часто. На мое письмо Батюшка, прочитавъ его все, сказалъ моей дочери: „скажи матери,—все пройдетъ, устроить я больше уже ничего не могу; а я васъ отдалъ Царицѣ небесной“. И такъ какъ я помѣщена была съ дѣтьми на гостинницѣ, гдѣ дано было мнѣ послушаніе принимать пріѣзжій народъ: то на мои слова, что разнесли слухъ, будто Старецъ помѣстилъ меня съ дѣтьми внѣ ограды за наказаніе, онъ сказалъ: „врутъ, —а за послушаніе“. На мои еще слова, что далеко, и Батюшка тамъ меня забудетъ, отвѣтилъ: „развѣ далеко; мы васъ помнимъ, очень даже помнимъ, и во всемъ поможемъ“. Такъ утѣшивъ меня на Покровъ Царицы небесной, и подаривъ чотки моей дочери, Батюшка, отпуская ее, сказалъ: „вѣдь это не надолго тебѣ; я тебѣ дамъ келью лучшую изъ всего монастыря“. Черезъ два года послѣ этого она скончалась“.

Докторъ же, пробывъ при Старцѣ до 2-го октября (среда), поѣхалъ на нѣсколько дней къ своей родственницѣ. Уѣзжая, онъ сказалъ, что болѣзнь Батюшки идетъ правильно. Старецъ самъ провожалъ доктора въ другую комнату, и много говорилъ съ нимъ.—Первые два дня послѣ того больной чувствовалъ себя порядочно. И хотя боль въ ушахъ не уменьшалась, и появлялись малые нарывчики то въ томъ ухѣ, то въ другомъ, но лихорадочнаго состоянія не было. Батюшка продолжалъ употреблять прописанныя докторомъ средства, и въ обители всѣ были покойны.

4-го въ пятницу Старецъ сказалъ, что боль въ головѣ у него

усиливается, а къ вечеру былъ жаръ. Всѣ послѣдующіе затѣмъ, дни у него была лихорадка черезъ день, большую часть котораго онъ проводилъ какъ бы въ забытьи. Впрочемъ, несмотря на свою крайнюю слабость, онъ по временамъ могъ безъ посторонней помощи вставать съ постели, ходилъ по комнатѣ, и даже призывалъ нѣкоторыхъ нужныхъ ему людей, и дѣлалъ распоряженія по постройкамъ.— Въ этотъ день одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Старца, іеромонахъ Іосифъ, бывши въ Шамординѣ, желалъ у него исповѣдаться; но видя, что Старецъ очень слабъ, боялся безпокоить его. Между тѣмъ лишь только онъ сдѣлалъ маленькій намекъ, что желалъ бы исповѣдаться, Батюшка сейчасъ же надѣлъ епитрахиль и поручи, и самъ подалъ ему исповѣдную книжку. И о. Іосифъ имѣлъ счастіе теперь исповѣдаться у него въ послѣдній разъ; послѣ чего, простившись съ Старцемъ, уѣхалъ въ Скитъ. Въ наступившую затѣмъ ночь, по разсказу о. Іосифа, долго онъ почему-то не могъ заснуть, и въ это время слышалъ, что будто кто-то проговорилъ: „Старецъ умретъ“. Слова слышались явственно.

„За недѣлю до кончины Старца (числа 3-го) пополняетъ о немъ въ своихъ запискахъ свѣдѣнія г-жа **, пріѣхалъ и остановился у меня на гостинницѣ одинъ молодой монахъ съ Кавказа. Ему очень нуженъ былъ совѣтъ Старца. Онъ вышелъ изъ своего монастыря по непріятности съ игуменомъ, и пошелъ по Россіи искать монастырь, гдѣ бы могъ устроиться. Прослышалъ о великомъ нашемъ Старцѣ, и пріѣхалъ къ нему. Говоря со мною, онъ высказался, что ему больше всего понравилось въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ, но тамъ его не берутъ; а бралъ и очень уговаривалъ его остаться у него настоятель Коренной пустыни Курской губ., но тамъ ему не нравится. Я ему объяснила, что нашъ Старецъ очень занемогъ, и трудно за его слабостію теперь попасть къ нему; но все-таки, желая ему помочь, стала хлопотать о немъ чрезъ келейниковъ. Прошло такъ дня два. На третій день (5-го числа), по совѣту келейника, я сказала ему, чтобы онъ ждалъ въ пріемной у Старца цѣлый день; лучше остаться безъ обѣда, да попасть на минутку къ Старцу. Онъ меня послушался. И когда отпускали народъ къ обѣду съ мужской половины, онъ спрятался за дверь, и такъ незамѣченный остался. Въ два часа, когда келейники отдыхали, Батюшка шибко позвонилъ, и вошедшей прислуживавшей монахинѣ сказалъ: „позови мнѣ того, кто стоитъ за дверью“. Она, выйдя на мужскую половину, не нашла тамъ никого, и вернулась сказать Батюшкѣ, что тамъ никого нѣтъ. Старецъ вновь послалъ ее за тѣмъ же. Къ крайнему своему удивленію она нашла за дверью монаха, и позвала его къ Батюшкѣ.—Потомъ монахъ этотъ со слезами мнѣ разсказывалъ: Батюшка благословилъ его, и сказалъ торопливо, сейчасъ отпуская его по крайней своей слабости: „въ Троицко-Сергіеву Лавру не ходи,—тамъ тебя не примутъ, и тебѣ не полезно будетъ; а иди или назадъ въ свой монастырь, — игуменъ тебя проститъ; или поступай въ Коренную пустынь,—тамъ тебя охотно возь-

мутъ“.—Затѣмъ Старецъ выдернулъ изъ-подъ своей подушечки Троицкій Листокъ, и отпуская подалъ его ему. Заглавіе листка было: „Не испытывай Старцевъ“. Въ чемъ мнѣ монахъ и признался, горько раскаяваясь, что его больше влекло къ Старцу любопытство. — Надо замѣтить, что, по кончинѣ Старца, у сестеръ обители и до сей поры ведется такое обыкновеніе: въ случаѣ какого-либо недоумѣнія класть Троицкіе листки подъ подушечку Старца и выдергивать [1]). По вѣрѣ ихъ всегда дается имъ подходящій отвѣтъ. — Дней за пять до кончины Старца (5-е число—суббота) я въ послѣдній разъ попала къ нему, и сказала нѣсколько словъ. Въ этотъ день съ утра онъ почувствовалъ себя нѣсколько лучше, и вышелъ въ свою пріемную келью, гдѣ благословилъ нѣсколько собравшихся тамъ сестеръ. Одну изъ нихъ спросилъ: „есть ли у тебя басни Крылова“? На ея утвердительный отвѣтъ Батюшка приказалъ ей прочесть вслухъ басню подъ заглавіемъ—„Ручей“ [2]).—Батюшка любилъ басни Крылова, находя ихъ вполнѣ нравственными, и часто для преподаванія своихъ мудрыхъ совѣтовъ, или для обличеній, прибѣгалъ къ нимъ.—Я же, не зная, что Старецъ въ этотъ день въ состояніи былъ выходить къ посѣтителямъ, попала къ нему съ дѣтьми въ этотъ день вечеромъ. Батюшка насъ позвалъ, а вмѣстѣ съ нами позвалъ и убогаго Гаврюшу, пришедшаго къ Старцу и принятаго имъ за четыре мѣсяца до своей кончины, который и проживалъ подлѣ Старца съ его келейниками. Батюшка былъ очень-очень слабъ, но принялъ насъ съ обычною своей любовью, сидя еще на постелькѣ. Отъ радости его видѣть я не знала—что сказать о себѣ, да такъ ничего и не сказала; но спросила совѣта объ одномъ серіозномъ чужомъ дѣлѣ, и Батюшка разсказалъ мнѣ, какъ поступить. Тутъ же неожиданно спросилъ меня: „ты, говорятъ, любишь убогаго Гаврюшу“?—Я же, не зная что на это отвѣтить, подумала: кто же могъ это Батюшкѣ сказать? — И только отвѣтила ему: онъ ко мнѣ ходитъ.—Батюшка продолжалъ: „возьми его къ себѣ на гостинницу; мои келейники расхворались (они оба въ это время были больны); я тоже боленъ; ходить за нимъ некому“. Я сказала: съ радостію возьму.—И кого бы я не взяла для Батюшки? Такъ я убогаго и увела съ собой. А старецъ сейчасъ же велѣлъ ко мнѣ прислать и всѣ его вещи, которыми самъ же его снадбилъ. — Раньше же, когда Батюшка былъ поздоровѣе, онъ заѣхалъ ко мнѣ однажды на гостинницу, и, указывая на одну келью, сказалъ: „а тутъ у тебя будетъ жить тотъ, кто долго проживетъ у тебя“. Убогій и попалъ прямо въ эту келью“.

---

[1]) Въ келліи, гдѣ скончался Старецъ Амвросій, въ Шамординской обители, постелька его съ подушечками и другія вещицы хранятся въ томъ же видѣ, какъ были при его жизни на память о немъ.

[2]) Заключительное нравоученіе басни такое:

„Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко
Лишь только отъ того, что мало въ нихъ воды“!

„Подъ слѣдующій день (6-е число—воскресенье) у Старца было бдѣніе. Въ половинѣ всенощной сказали, что Батюшка почувствовалъ себя дурно, и сталъ тяжело дышать. Отворили всѣ двери настежъ. Мы перепугались. Потомъ всѣхъ насъ отпустили; и было намъ сказано, что Старцу хуже. Началось тяжелое время. Мы собирались толпами въ пріемныя хибарки, и молча, затаивъ даже дыханіе, стояли. Рѣдко кому удавалось сидѣть. Почти все время по очереди читали акаѳисты".

6-го числа, читаемъ въ запискахъ М. Е. С—ной, послѣ обѣда Батюшка позвонилъ, и вошедшему келейнику сказалъ: „пойди, посмотри, кто тамъ на крыльцѣ просится опять въ монастырь". Когда келейникъ сказалъ, что тамъ много народа; то Батюшка опять строго сказалъ ему: „пойди сейчасъ, узнай". Черезъ нѣсколько минутъ келейникъ возвратился и говоритъ, что дѣйствительно тамъ стоитъ бывшій Оптинскій послушникъ, братъ М ....., который ушелъ изъ Оптиной на Аѳонъ, а теперь, уже въ мірскомъ платьѣ, пришелъ просить у Батюшки совѣта, въ какой монастырь ему опять поступить. Батюшка сейчасъ же велѣлъ позвать его, нѣсколько минутъ говорилъ съ нимъ, и благословилъ ему идти въ Глинскую пустынь".

7-е число—понедѣльникъ больной провелъ повидимому обыкновенно. Къ вечеру онъ почувствовалъ сильную жажду, и часто просилъ пить.—Въ этотъ день настоятельница обители испытывала ужасное искушеніе. Душа ея находилась въ такомъ безотрадномъ положеніи, что нигдѣ и ничто не могло подать ей малѣйшее утѣшеніе. Это, какъ она выражалась, было какъ бы предощущеніемъ адскихъ мученій. Вошедши въ келлію болящаго Старца, она объяснила ему свое страшно-тяжелое положеніе. Оказалось, что и самъ Старецъ въ этотъ разъ находился подъ такимъ же невыразимо-томительнымъ искушеніемъ. Вѣроятно, ему промыслительно попущено было испытать на нѣкое время какъ бы оставленіе его Богомъ, дабы дать ему вполнѣ уразумѣть бѣдность и немощь естества человѣческаго. Это было подобіемъ того, какъ Господь среди крестныхъ страданій взывалъ къ Богу Отцу: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ* [1]). Потому, получивъ отъ настоятельницы объясненіе, Старецъ отвѣтилъ ей такъ: „я чувствую то, чего во всю жизнь мою не испытывалъ".

Замѣтимъ при семъ, что, видя крайнее изнеможеніе Старца, въ одинъ изъ предсмертныхъ его дней, духовникъ его о. Ѳеодоръ сказалъ ему: „Батюшка! вотъ вы умираете, на кого обитель свою оставляете"? Крестоносный и крестолюбивый Старецъ отвѣтилъ ему такъ: „обитель оставляю Царицѣ небесной; а я свой крестъ позолотилъ".

Во все время своего болѣзненнаго состоянія Старецъ пользовался сочувствіемъ высокаго посѣтителя Оптиной пустыни, Его Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. На увѣдом-

[1]) Матѳ. XXVII, 46.

леніе его оптинскимъ настоятелемъ о. архимандритомъ Исаакіемъ о чрезмѣрномъ ухудшеніи Старцева здоровья, Его Высочество изволилъ почтить настоятеля слѣдующими двумя телеграммами. Въ одной было сказано:

„Нѣжно тронутъ доброй молитвенною памятью. Встревоженъ болѣзнью Старца. Помоги Господь. Константинъ".

Въ другой: „Дорогая мнѣ память близкой сердцу моему Оптиной пустыни глубоко меня умиляетъ. Скорблю о болѣзненномъ Старцѣ Амвросіи. Молю Бога ниспослать святой обители душевный свѣтлый миръ и радость о Господѣ. Константинъ".

Но продолжимъ дневникъ теченія предсмертной болѣзни Батюшки о. Амвросія.

8-го числа—вторникъ, въ шесть часовъ утра Старецъ сказалъ, что его очень знобитъ, и въ лицѣ онъ очень измѣнился. Спустя нѣсколько минутъ, съ больнымъ сдѣлался жаръ, и онъ забылся. Черезъ часъ попросилъ ухи, но вдругъ такъ ослабѣлъ, что съ трудомъ могъ назвать—чего хотѣлъ. Жаръ усилился и начался бредъ. Сейчасъ же послали въ Скитъ за скитоначальникомъ іеромонахомъ о. Анатоліемъ и за о. Іосифомъ (теперешнимъ Старцемъ). Послѣдній вскорѣ пріѣхалъ, и по пріѣздѣ тотчасъ же, какъ замѣчаетъ г-жа ** въ своихъ запискахъ, „торопливо прошелъ къ Старцу; а чрезъ нѣсколько времени вышелъ, и сказалъ намъ всѣмъ: напрасно вы здѣсь толпитесь: вѣдь Старецъ не говоритъ, и нѣтъ надежды на его выздоровленіе.—До той же поры намъ все подавали ее".—Вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ и о. Анатолій. Весь этотъ день больной все болѣе и болѣе слабѣлъ, такъ что уже и говорить не могъ. Жаръ у него усиливался, доходя до 40°. Вѣроятно Старецъ испытывалъ въ это время мучительныя въ тѣлѣ боли, не дававшія ему спокойно лежать въ постели; потому что онъ то и дѣло подавалъ знакъ бывшему при немъ о. Іосифу съ келейникомъ о. Александромъ, чтобы его подняли; но лишь только поднимутъ, онъ опять давалъ знакъ, чтобы его положили въ постель. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ трясся какъ въ лихорадкѣ.—Къ вечеру возвратился московскій докторъ отъ своей родственницы, но уже нашелъ Старца безнадежнымъ. Ему вдругъ сдѣлалось такъ плохо, что—думали—онъ уже кончается, и потому о. Іосифъ прочиталъ для него отходную. Рѣшено было наконецъ Старца особоровать. Пока шли приготовленія къ соборованію, было уже 11 часовъ вечера. И вотъ скитоначальникъ о. Анатолій съ о. Іосифомъ и духовникомъ Старца о. Ѳеодоромъ начали чинъ елеосвященія, во время котораго Батюшка лежалъ уже безъ сознанія. Тяжелое хриплое дыханіе его вѣроятно отъ скопившейся мокроты, которую Старецъ не имѣлъ силъ отхаркнуть, слышно было за двѣ комнаты. Сестры стояли въ пріемной и молились. Когда кончилось соборованіе, стоявшія тутъ молитвенницы входили къ Старцу по три, чтобы взглянуть на свое угасавшее свѣтило, и на вѣки проститься съ дорогимъ любвеобильнымъ отцемъ, къ которому онѣ привыкли прибѣгать во всякой скорби, и который

всегда такъ утѣшалъ ихъ и ободрялъ. Едва сдерживая рыданія, боясь нарушить тишину, сестры молча кланялись Старцу въ ноги, и цѣловали безъ движенія лежавшую его руку, которая горѣла огнемъ, заглядывали при томъ въ лицо, желая яснѣе запечатлѣть въ себѣ дорогія черты; затѣмъ тотчасъ же выходили въ противоположную дверь. У нѣкоторыхъ таилась еще слабая надежда, что быть можетъ это еще не конецъ, быть можетъ снова откроются эти глаза, и будутъ ласково смотрѣть на нихъ, быть можетъ рука эта еще не разъ осѣнитъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, или съ отеческою любовію похлопаетъ по головѣ виновную. Но нѣтъ,—то была напрасная надежда.

„Когда мы взошли къ Старцу, дополняетъ въ своихъ запискахъ Г-жа **, я слышала,—Батюшка тяжело вздохнулъ, и даже вырвался стонъ изъ его груди. Я рѣшилась не уходить изъ хибарки; а потому, отдѣлившись отъ толпы, не замѣтно для всѣхъ спряталась за дверь подъ какое-то, висѣвшее тамъ, Батюшкино платье, которое ему теперь уже болѣе не требовалось, и сѣла на полъ, рѣшившись тутъ ждать конца батюшкиной жизни, думая, что конецъ будетъ въ эту ночь“.

Послѣ 12-ти часовъ ночи на 9-е число у Старца показалась испарина, и жаръ началъ спадать. Это нѣсколько ободрило всѣхъ. Потомъ онъ пришелъ въ сознаніе, чего всѣ очень желали и ожидали, чтобы сообщить его Св. Христовыхъ Таинъ. Между тѣмъ, продолжаетъ Г-жа **, „батюшкинъ духовникъ о. Ѳеодоръ принесъ и Св. Дары; но Батюшка въ это время заснулъ, и о. Ѳеодоръ остался дожидаться его пробужденія въ томъ корридорчикѣ, гдѣ я сидѣла. Прождавъ напрасно немалое время, утомленный о. Ѳеодоръ, уже во второмъ часу ночи, поставилъ у Батюшки въ кельѣ Св. Дары, и пошелъ отдохнуть. Спустя нѣсколько минутъ послѣ его ухода, Старецъ очнулся, но ничего не говорилъ, а только пожатіемъ руки показалъ ходившимъ за нимъ келейнымъ, что онъ ихъ узналъ. Сейчасъ позванъ былъ, отдыхавшій близъ Старца, батюшка о. Іосифъ, который и пріобщилъ больного Св. Христовыхъ Таинъ въ послѣдній разъ. Видно, на это была особенная воля Божія, чтобы самый близкій и любимый Старцевъ ученикъ и преемникъ въ послѣдній разъ пріобщилъ его, какъ и прежде приносилъ ему Св. Дары въ бытность его въ Оптиной. Тутъ уже я, забывъ весь страхъ, вышла изъ своей засады, и видѣла, какъ Старца пріобщали. Сначала, при поднесеніи Батюшкѣ Св. Даровъ для сообщенія, онъ не разъ отстранялъ ихъ своей рукой. Долго не могли понять, почему такъ Старецъ дѣлаетъ, и спрашивали его, но онъ отвѣчать уже не въ силахъ былъ. Потомъ догадались, что онъ желалъ, чтобы батюшка о. Іосифъ перекрестилъ его собственною его рукою; такъ какъ самъ онъ въ ту минуту не могъ ее поднять. За тѣмъ показали ему дароносицу, а онъ показалъ видъ, что можетъ глотать. Дали ему сначала іорданской воды, и онъ проглотилъ, послѣ чего и сообщили его Св. Христовыхъ Таинъ. Успокоившись наконецъ, что Старецъ пріобщился, я ушла домой“.

Послѣ принятія Св. Христовыхъ Таинъ, Старецъ весь этотъ день не терялъ сознанія; выпилъ нѣсколько глотковъ кофе; вставалъ съ постели, когда нужно было отодвинуть отъ стѣны его кровать для того, чтобы удобно было вокругъ нея ходить прислуживавшимъ; сдѣлалъ даже нѣсколько шаговъ къ своему столику. Но это было самое короткое время. Когда подошла къ нему настоятельница, онъ уже опять лежалъ, и ласково посмотрѣвъ на нее, тихо промолвилъ: „плохо, мать!“ Нѣсколько разъ послѣ того показывалъ онъ рукой, что чувствуетъ сильную боль въ головѣ. Самъ снялъ шапочку, и показалъ, чтобы ему покрыли голову платкомъ.

Весь этотъ день, какъ и почти всѣ предшествовавшіе ему, были безотлучно при Старцѣ для послуженія завѣдывавшій Шамординскими постройками, скитскій монахъ о. Іоиль съ другимъ Старцевымъ келейникомъ, о. Исаіею. Прочимъ, желавшимъ войдти къ нему въ келлію, чтобы послужить ему, Старецъ знáкомъ руки не дозволялъ входить.—Замѣтимъ при семъ, какъ глубоко благодаренъ былъ отходившій Старецъ упоминаемому здѣсь о. Іоилю за его дѣятельную помощь по устроенію обители. Бывши еще нѣсколько въ силахъ, онъ однажды съ любовію обнялъ его, и долго что-то говорилъ, но уже такъ нѣмо, что тотъ ничего не могъ понять.

Узнавши о чрезмѣрной необычной слабости Старца, Оптинскій настоятель архимандритъ Исаакій, съ іеромонахомъ Макаріемъ (Струковымъ) въ этотъ же день пріѣхали проститься съ нимъ. При видѣ крайне изнемогшаго больнаго, оба они плакали. Батюшка ихъ узналъ, и устремивъ на нихъ глубокій пристальный взглядъ, поднялъ руку и снялъ съ себя шапочку. Это было со стороны Старца послѣднимъ прощальнымъ знакомъ съ ними. По выходѣ изъ Старцевой кельи, о. архимандритъ, объятый сильною скорбію, сказалъ, что онъ никакъ этого не ожидалъ; а о. Макарій изъявилъ желаніе, по примѣру другихъ, отслужить молебенъ предъ Казанскою иконою Божіей Матери. Всѣ, бывшія при Старцѣ, кому можно было отлучиться, пошли въ церковь; служили и молили Бога и Пречистую Божію Матерь о его выздоровленіи. Присутствовавшимъ тутъ предложено было положить за него по десяти поклоновъ. Всѣ же вообще сестры, понявъ, что онѣ навсегда лишаются своего покровителя, еще и прежде и послѣ того, не переставали изливать свою скорбь въ слезныхъ молитвахъ предъ чудотворнымъ ликомъ Богоматери. Въ церкви безостановочно служились молебны съ колѣнопреклоненіемъ, и всѣ почитатели Старца, какъ одинъ человѣкъ, съ воплями просили выздоровленія своему дорогому Батюшкѣ. Однако Господь не внялъ ихъ горячимъ молитвамъ; а только ниспослалъ имъ Свою всесильную помощь,—съ покорностію Его святой волѣ перенести, промыслительно назначенное для нихъ, тяжелое испытаніе. „Съ двухъ часовъ дня, замѣчаетъ Г-жа **, Старцу сдѣлалось очень трудно. Онъ лежалъ безъ движенія на правомъ боку и тяжело дышалъ“.

Въ этотъ же, весьма скорбный для Шамординскихъ сестеръ,

день, неожиданно получена была отъ Калужскаго губернатора телеграмма о томъ, что въ слѣдующее 10-е число октября Калужскій Преосвященный Виталій выѣзжаетъ изъ Калуги въ Шамординскую обитель. Цѣль его давно уже была извѣстна. А потому это неожиданное извѣстіе, и при томъ въ такое тяжкое время, смутило всѣхъ.

Между тѣмъ Старцу становилось все труднѣе. Къ вечеру у него опять появился сильный жаръ; а съ шести часовъ онъ уже не поднималъ головы, и лежалъ въ одномъ положеніи. Всю ночь дыханіе его было тяжелое. Глаза были устремлены кверху, а уста быстро шевелились. По замѣчанію монаха И. Ѳ. Ч—ва, дежурившаго въ эту ночь около Старца, больной вплоть до утра шепталъ молитву.

„Ночью, продолжаетъ въ своихъ запискахъ Г-жа **, опять стали пускать насъ къ Батюшкѣ, но только по одной, чтобы, тихо подходя къ нему, кланяться ему въ землю и тотъ часъ же отходить. Я грѣшная попала въ третьемъ часу пополуночи. Когда я вошла и поклонилась Старцу, я почувствовала на себѣ его взглядъ, тотъ особенный взглядъ Батюшки, которымъ онъ иногда смотрѣлъ. Батюшка проводилъ меня глазками до самой двери. Я сама себѣ въ этомъ не повѣрила. Мнѣ сказано было, какъ и всѣмъ, что Старецъ уже болѣе никого не узнаетъ. Въ этомъ заблужденіи такъ бы я и осталась, если бы не увѣрилъ меня въ противномъ другой подобный примѣръ. Одна изъ нашихъ монахинь, М. О. Ч—ва вспомнила, что у нея есть дорогая святыня, маленькій кружевной покровъ съ личка святителя Тихона Задонскаго; и ей пожелалось положить его на головку умирающаго Старца. За этимъ она и пошла съ моею родною дочерью (теперь покойною) въ хибарку, чтобы съ мужской стороны передать покровъ келейнику. Имъ посчастливилось. Келейникъ въ ту минуту дежурилъ подлѣ Старца одинъ. Это былъ о. Исаія. Онъ впустилъ ихъ, чтобы они сами положили покровъ на голову Старца. Возложивъ на него пелену, онѣ молча поклонились ему въ ножки, и поцѣловали ручку. Батюшка ихъ, какъ и меня грѣшную, обдалъ полнымъ любви взглядомъ; и когда онѣ уходили, проводилъ ихъ глазками до двери“.

Такъ закончилась послѣдняя въ жизни великаго Старца Амвросія ночь!

XIII.

Кончина Старца Амвросія, чинъ погребенія и поминальная въ Шамординѣ трапеза.

Неоднократно Батюшка о. Амвросій говаривалъ близкимъ своимъ: „вотъ цѣлый вѣкъ свой я все на народѣ,—такъ и умру“, смиренно прибавляя къ сему: „все вожусь съ другими, а о себѣ-то Богъ вѣсть, когда придется подумать“.—Дѣйствительно, такъ и пришлось Старцу умереть на народѣ, который неотступно тѣснился около двери его

келліи, не смотря на то, что онъ уже не могъ ни слышать, ни говорить; а въ самый часъ кончины Старецъ уже положительно окруженъ былъ народомъ. Но продолжимъ разсказъ о послѣднихъ часахъ его жизни.

10-е октября четвергъ. Къ утру этого дня силы Старца совсѣмъ оставили его. Онъ лежалъ безъ движенія. Глаза опустились внизъ, и остановились на какой-то точкѣ, и уста перестали шевелиться. Пульсъ становился все слабѣе и слабѣе. Дыханіе было рѣдкое, но, по замѣчанію очевидца іеромонаха Іосифа, спокойное.

Видя, что Старецъ совсѣмъ приблизился къ исходу, о. Іосифъ поспѣшилъ отправиться въ скитъ, чтобы взять оттуда хранившіяся въ келліи Старца для его погребенія вещи, — мухояровую старую мантію, въ которую онъ нѣкогда былъ облеченъ при постриженіи и власяницу, да еще холщевую рубашку Старца Макарія, къ которому Батюшка о. Амвросій, какъ выше сказано, во всю свою жизнь питалъ глубокую преданность и уваженіе. На этой рубашкѣ была собственноручная надпись Старца Амвросія: „по смерти моей надѣть на меня неотмѣнно“.

„Въ келлію къ Батюшкѣ, добавляетъ въ своихъ запискахъ Г-жа**, я попала за 20 минутъ до его кончины. Знать, это случилось по волѣ Божіей. Меня пропустила одна раба Божія. Старецъ все такъ же лежалъ, какъ и ночью. Дыханіе становилось рѣже. Когда я вошла, на колѣнахъ подлѣ него стоялъ о. Исаія. О. Ѳеодоръ (по прочтеніи въ послѣдній разъ въ 11 часовъ дня канона Божіей Матери на исходъ души) осѣнялъ Старца крестомъ. Остальныя, присутствовавшія тутъ, монахини стояли кругомъ. Я помѣстилась въ ногахъ“. Какъ только кончили отходную, и Старецъ началъ кончаться. Лицо стало покрываться мертвенною блѣдностію. Дыханіе становилось все короче и короче. Наконецъ онъ сильно потянулъ въ себя воздухъ. Минуты черезъ двѣ это повторилось. За тѣмъ, по замѣчанію Г-жи **, „Батюшка поднялъ правую ручку, сложивъ ее для крестнаго знаменія, донесъ ее до лба, потомъ на грудь, на правое плечо, и донеся до лѣваго, сильно стукнулъ объ лѣвое плечко, видно потому, что это ему стоило страшнаго усилія; и дыханіе прекратилось. Потомъ онъ еще вздохнулъ въ третій и послѣдній разъ“... Было ровно половина 12-го часа дня.

Долго еще стояли окружавшія одръ мирно почившаго Старца, боясь нарушить торжественную минуту разлученія праведной души съ тѣломъ. Всѣ находились какъ бы въ оцѣпенѣніи, не вѣря себѣ, и не понимая, что это сонъ или правда. Но святая душа его уже отлетѣла въ иной міръ, дабы предстать престолу Всевышняго въ сіяніи той любви, которою онъ полонъ былъ на землѣ. Свѣтелъ и покоенъ былъ его старческій ликъ. Не земная улыбка озаряла его. „Мы тихо подошли, замѣчаетъ Г-жа **, и поцѣловали открытыя еще теплыя ножки Старца. За тѣмъ насъ вывели“.

Едва только всѣ опомнились, какъ поднялся страшный вопль и

рыданіе. Услышавъ это смятеніе, находившіяся въ сосѣднихъ комнатахъ догадались, въ чемъ дѣло; поняли, что то, о чемъ онѣ боялись даже подумать, совершилось, и что уже все кончено. Вѣсть о кончинѣ Старца съ быстротою молніи облетѣла весь монастырь, и раздирающіе душу крики Шамординскихъ насельницъ слились въ одинъ какой-то общій ужасающій стонъ безпомощности и безнадежія. Теперь уже не у одной Г-жа **, какъ предрекалъ ей упокоившійся Старецъ, лились слезы рѣкой.—Недѣли за три до кончины Старца, человѣкъ Божій Гаврюша сдѣлался унылъ, и сталъ напѣвать: „со святыми упокой“. А когда Старецъ скончался, онъ неутѣшно оплакивалъ его кончину, повторяя: „умру, умру!“ [1])—Скоро впрочемъ первый взрывъ страшнаго горя немного поутихъ, и перешелъ въ болѣе сосредоточенную скорбь.

Между тѣмъ нужно было подумать о томъ, чтобы приготовить тѣло Батюшки къ погребенію. Какъ разъ къ этому времени возвратился изъ скита іеромонахъ Іосифъ, съ нужными для опрятанія старцева тѣла вещами, и съ монахомъ Гавріиломъ, обязаннымъ за послушаніе опрятывать тѣла покойниковъ. Сначала, по завѣщанію Старца, надѣли на него вышеупомянутую холщовую рубашку Старца Макарія, потомъ сверхъ этой рубашки власяницу, а затѣмъ уже по обычаю прочія монашескія одежды и схиму. Наложенный на лицо его большой параманъ былъ наглухо пришитъ къ схимѣ. Пока монахи опрятывали тѣло, тутъ же рядомъ читали псалтирь. Опрятанное тѣло на тюфякѣ руками Старцевыхъ учениковъ вынесено было въ залъ настоятельницы. При видѣ безжизненнаго холоднаго тѣла дорогого отца, сестры снова разразились громкими рыданіями. Въ залѣ тѣло положено было на приготовленный столъ, и сейчасъ же совершена была первая панихида о упокоеніи новопреставленнаго Старца іеросхимонаха Амвросія.

Тотъ часъ же, по случаю кончины Старца, разослано было множество телеграммъ въ разные концы Россіи ко всѣмъ, особенно близкимъ къ нему, почитателямъ и духовнымъ его дѣтямъ. И во первыхъ увѣдомленъ былъ о семъ Его Императорское Высочество, Великій Князь Константинъ Константиновичъ, который не такъ давно былъ посѣтителемъ Старца и имѣлъ бесѣду съ нимъ. Въ отвѣтъ на это увѣдомленіе Оптинскимъ Скитоначальникомъ, іеромонахомъ Анатоліемъ, сей послѣдній имѣлъ счастіе получить отъ Его Высочества изъ Ильинскаго слѣдующую, дышашую теплымъ чувствомъ, отвѣтную телеграмму:

„Всею душею раздѣляю скорбь вашей святой обители объ утратѣ незабвеннаго Старца, и радуюсь съ вами объ избавленіи праведной его души. Сотвори ему, Господь, вѣчную память. Благодарю отца Скитоначальника за извѣщеніе. Константинъ“,

---

[1]) Скоро этотъ убогій придумалъ себѣ дѣло. Онъ подходилъ къ каждому встрѣчному съ кружкой и просилъ „на монастырь“, гдѣ онъ живетъ, т. е. на Шамординскую обитель. Нѣкоторые отъ него слыхали: „буду соборъ строить“.

„Отправлена была телеграмма и въ Калугу къ мѣстному епископу Преосвященному Виталію, но она уже не застала его въ Калугѣ. Въ самую минуту кончины Старца Амвросія Владыка выѣзжалъ изъ Калуги, направляясь для свиданія съ нимъ въ Шамординскую общину. Какъ болѣзненный человѣкъ, отъѣхавъ отъ Калуги только 28 верстъ, онъ остановился для отдыха и ночлега въ находящемся на пути Перемышльскомъ Троицкомъ Лютиковомъ монастырѣ. Наступалъ вечеръ. Преосвященный сидѣлъ въ залѣ съ настоятелемъ монастыря, о. Игуменомъ Ѳеодосіемъ и велъ разговоръ о разныхъ предметахъ. Между прочимъ коснулся онъ и Старца Амвросія, изъявивъ на него нѣкоторое недовольство, за то, что Старецъ, по его выраженію, не имѣетъ послушанія высшей власти. Какъ разъ въ это время настоятельскій келейникъ подалъ своему о. Игумену, привезенную на его имя изъ г. Перемышля, телеграмму. Ничего особеннаго не подозрѣвая, о. Игуменъ тутъ же въ присутствіи Владыки, раскрылъ телеграмму. „Но лишь только, сказывалъ самъ о. игуменъ Ѳеодосій, прочиталъ я, что Старецъ іеросхимонахъ Амвросій скончался, руки у меня задрожали, и слезы полились изъ глазъ. Глядя на меня, Преосвященный спросилъ: что тамъ такое?—Я только отвѣтилъ: грустное извѣстіе, Ваше Преосвященство.—Не удовольствовавшись такимъ моимъ отвѣтомъ, онъ опять спросилъ: да что такое? — Я опять повторилъ тотъ же отвѣтъ.—Да что тамъ такое?—уже тревожно спросилъ Владыка въ третій разъ. Вмѣсто отвѣта я подалъ ему телеграмму. Взглянувъ въ нее, Преосвященный сказалъ: это что же такое? Старецъ скончался? — Какъ видите, отвѣтилъ я. — Пораженъ былъ Владыка этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ. Онъ обратился къ св. иконамъ, всплеснулъ руками, и воскликнулъ: „Боже мой! Что же это такое? Неисповѣдимы судьбы Господни“!.. Тутъ же онъ рѣшилъ на утро, вмѣсто Шамординской общины ѣхать, и поѣхалъ сначала въ Оптину пустынь.—Весьма удивленъ былъ еще Преосвященный, когда узналъ, что Старецъ Амвросій скончался въ половинѣ 12-го часа дня, именно въ то самое время, когда онъ садился въ экипажъ съ тѣмъ, чтобы выѣхать изъ Калуги. „Теперь я вижу, сказалъ онъ при семъ, что это—Старецъ пригласилъ меня на отпѣваніе. Простыхъ іеромонаховъ епископы не отпѣваютъ; но этотъ Старецъ такъ великъ, что его непремѣнно долженъ отпѣть епископъ. Меня доктора отпустили съ условіемъ, чтобы я нигдѣ не служилъ; но теперь я считаю обязанностію отпѣть Старца“.

Наступала ночь. Суета и движеніе въ Шамординской обители утихли. Народъ разошелся на отдыхъ; но не разошлись окружавшія тѣло новопреставленнаго Старца сестры. Онѣ всю ночь не отходили отъ дорогихъ останковъ Батюшки. Имъ было слишкомъ тяжело. Единственное для себя утѣшеніе онѣ теперь находили только въ томъ, чтобы неотлучно быть около почившаго своего дорогого отца, который еще такъ недавно былъ съ ними, такъ привѣтливо говорилъ, такъ ласково смотрѣлъ на нихъ. — Ровно въ половинѣ 12-го часа

ночи пришли іеромонахи, и послѣ панихиды положили многопотрудившееся тѣло Старца въ простой, обитый простою черною матеріею, гробъ, накрывши его до половины также простымъ, общимъ для всѣхъ монастырскихъ покойниковъ, ветхимъ покровомъ. Такъ этотъ великій рабъ и угодникъ Божій, всю свою жизнь проведшій во смиреніи и самоуничиженіи, и по кончинѣ своей восхотѣлъ себя сравнять съ послѣдними монастырскими послушниками! — Больно было сестрамъ видѣть, какъ Батюшка уже и тѣломъ переселился въ свое новое жилище; больно было думать, что чрезъ нѣсколько дней гробовая крышка и совсѣмъ сокроетъ его отъ взоровъ ихъ. Сестры попеременно читали псалтирь, и всякій разъ, когда произносилось имя „новопреставленнаго отца нашего іеросхимонаха Амвросія“, всѣ находившіяся въ залѣ клали земные поклоны. Невыразимо тяжело и болѣзненно отзывались эти слова въ истерзанныхъ скорбію сердцахъ.

„По усиленной просьбѣ духовныхъ дѣтей Старца, передаетъ Г-жа**, іеромонахомъ В. расшитъ былъ наглазникъ (большой параманъ), и намъ показали лицо Старца. Оно было чудное, свѣтлое и съ выраженіемъ привѣта, такое, какое бывало у Батюшки, когда онъ встрѣчалъ, послѣ долгой разлуки, дорогихъ своихъ духовныхъ дѣтей. Отъ жара ли свѣчей, или тѣсноты даже капельки пота были замѣтны на свѣтломъ личикѣ Старца, какъ у живого. Но тутъ случилось со мною нѣчто, изъ ряду вонъ выходящее. Я стояла съ правой стороны гроба, подлѣ самаго подсвѣчника, такъ близко, что мои руки касались края гроба; смотрѣла пристально на родного Батюшку, стараясь запечатлѣть въ своей памяти навсегда черты его лица. Сзади меня неподалеку находилась дверь кельи М. Т., Батюшкиной внучки, въ которой послѣднее время часто Батюшка находился и занимался съ народомъ. Слышно, кто-то оттуда сзади подошелъ ко мнѣ, и съ праваго моего плеча нагнулся надъ самымъ моимъ ухомъ; и вотъ я услыхала недовольный, даже гнѣвный, громкій голосъ самого Батюшки о. Амвросія. Смыслъ словъ его выражалъ то, — за чѣмъ смотрятъ его лицо. Это была одна минута. Съ страшнымъ испугомъ я отлетѣла въ противоположную сторону, и очутилась у дверей настоятельскихъ келлій. Не скоро я оправилась отъ испуга. Больше я лица Батюшкина уже не видала, хотя его открывали много разъ до того времени, какъ совершенъ былъ надъ нимъ чинъ погребенія. Я каждый разъ отходила. Сказала я тогда объ этомъ только одному батюшкѣ о, Іосифу. — Чтобы разъяснить это обстоятельство, я должна нѣсколько отклониться въ прошлое. Почти за четыре года до кончины Старца умерла матушка Софія, первая настоятельница Шамординской общины. Бывши еще мірской, я пріѣзжала на похороны ея. Послѣ похоронъ поѣхала въ Оптину къ Старцу, чтобы побывать у него лично для себя, а кстати и выразить ему сожалѣніе о кончинѣ его любимой ученицы м. Софіи. Попала я къ Батюшкѣ поздно вечеромъ, и была принята имъ на общемъ благословеніи. Тутъ много было пріѣхавшихъ сестеръ изъ Шамордина. На выраженное мною сожалѣніе

о покойной Батюшка сказалъ: „да! мало пожила, а заставила многихъ полюбить себя“. На мои же слова: „какъ она мертвая была хороша! Спаси Господи сестеръ,—онѣ мнѣ ее открывали и показывали, хотя я и не просила ихъ объ этомъ“, —Батюшка грустно сказалъ: „прибѣжали ко мнѣ всѣ въ слезахъ въ первую минуту. (м. Софія скончалась въ Оптиной, и тѣло ея перенесено было въ Шамордино). Позволь, да позволь расшить схиму и открыть, чтобы имъ смотрѣть; а схимниковъ по уставу открывать не слѣдуетъ. Я на ихъ горе поддался; а теперь кто видѣлъ ея лицо, и клади поклоны цѣлый годъ, съ молитвой: Господи Іисусе Христе, помилуй меня грѣшную, и прости мою неслыханную дерзость смотрѣть лицо схимника, — и при этомъ три поклона утромъ и вечеромъ“. Я такъ и клала поклоны съ молитвой цѣлый годъ. Вотъ Старецъ и за себя былъ недоволенъ, что дерзко смотрѣли его лицо, а больше всѣхъ я грѣшная“.

Въ слѣдующее 11-е число, пятницу, какъ въ Шамординской Казанской женской общинѣ и Оптиной пустыни, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ совершались уже заупокойныя литургіи по Старцѣ Амвросіи.—Во второмъ часу дня отслужили послѣднюю надъ нимъ въ келліи панихиду, и затѣмъ гробъ съ тѣломъ почившаго былъ вынесенъ изъ настоятельскаго корпуса въ церковь, гдѣ продолжалось чтеніе псалтири, и неумолчно пѣлись панихиды, при неутѣшномъ плачѣ, наполнявшихъ храмъ, духовныхъ чадъ и почитателей Старца.

Въ слѣдствіе же разосланныхъ всюду телеграммъ, со всѣхъ сторонъ начинали теперь прибывать въ общину посѣтители. Во всѣхъ поѣздахъ, ѣхавшихъ въ этотъ и слѣдующіе дни, по Курской, Рязанской и другимъ дорогамъ то и дѣло слышались разговоры о кончинѣ Старца Амвросія. Многіе ѣхали именно на похороны. Почтовая станція въ Калугѣ осаждалась просьбами о лошадяхъ. Ко дню погребенія, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Виталіемъ, разновременно прибыли: благочинный всѣхъ Калужскихъ монастырей, настоятель Тихоновой пустыни архимандритъ Моисей и другіе настоятели и настоятельницы ближайшихъ къ Оптиной пустыни монастырей изъ своей и изъ чужихъ епархій, и много другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, такъ что въ обители не доставало и помѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ по всѣмъ дорогамъ шли пѣшеходы, такъ что къ этому времени скопилось въ Шамординѣ до восьми тысячъ народу.

Между тѣмъ изъ любви и уваженія къ почившему Старцу, между Оптинскимъ братствомъ и Шамординскою общиною возникло недоразумѣніе, гдѣ погребсти тѣло дорогого для обѣихъ сторонъ покойника, —въ Оптиной или Шамординѣ. Для разрѣшенія этаго вопроса сочли нужнымъ даже отнестись въ Св. Сѵнодъ, откуда вскорости и получена была телеграмма, за подписью первенствующаго члена Сѵнода, С.-Петербургскаго Митрополита Исидора, повелѣвавшаго погребсти тѣло Старца Амвросія въ Оптиной пустыни.

Всю, слѣдующую на 12-е число ночь панихиды по Старцу слу-

житься продолжались. Служили ихъ по просьбѣ сестеръ и посѣтителей, то по собственному желанію и усердію прибывшіе іеромонахи и священники. Народъ во все время, пока открыто было тѣло почившаго, приносилъ платки, куски холста и другія вещи, прося приложить ихъ къ тѣлу Старца, и принималъ ихъ обратно съ вѣрою и благоговѣніемъ, какъ святыню. Нѣкоторыя матери прикладывали къ нему своихъ маленькихъ дѣтей.

12-го октября въ субботу настоятелемъ Лихвинскаго Покровскаго Добраго монастыря, игуменомъ Агапитомъ, прибывшимъ къ погребенію Старца, прежде жившимъ при немъ не малое время въ Оптинскомъ Скиту, отслужены были соборне: молебенъ съ акаѳистомъ предъ чудотворною Казанскою иконою Божіей Матери, литургія и панихида надъ гробомъ Старца. Затѣмъ опять продолжались весь день и ночь частныя панихиды.

12-го воскресенье. День былъ ясный и теплый, какіе рѣдко бываютъ въ октябрѣ. Яркіе лучи утренняго солнца обливали блескомъ тихую Шамординскую обитель, и проникая чрезъ окна въ церковь, весело играли на золотыхъ украшеніяхъ иконостаса и на большихъ подсвѣчникахъ, стоявшихъ около гроба. Въ этотъ день назначено было Преосвященнымъ Виталіемъ отпѣваніе въ Бозѣ почившаго Старца. И потому съ самаго ранняго утра народъ длинной вереницей двигался къ церкви. Вся площадь передъ нею была усыпана пестрою нарядною толпой. Все имѣло видъ не присутствія въ храмѣ покойника, а какого-то необыкновеннаго свѣтлаго духовнаго торжества. Наконецъ въ 8 съ половиною часовъ звонъ колоколовъ возвѣстилъ приближеніе архипастыря, имѣвшаго ночлегъ въ Оптиной пустыни. Подъѣхавъ къ корпусу, гдѣ ему приготовлено было помѣщеніе, онъ спросилъ: „гдѣ находится тѣло почившаго Старца“? Узнавъ же, что оно находится въ церкви, Владыка пожелалъ прежде всего поклониться ему, и, не входя въ домъ, пошелъ пѣшкомъ въ церковь. Между тѣмъ въ церкви ожидали Преосвященнаго не тотчасъ по его пріѣздѣ въ Общину, а спустя полчаса времени, назначеннаго для отдыха болѣзненнаго Владыки, какъ было ранѣе о семъ объявлено, и потому пѣли въ это время панихиду. Владыка неожиданно вошелъ въ храмъ какъ разъ въ то время, когда, по окончаніи непорочныхъ „Благословенъ еси Господи“ пѣли „аллилуіа“, какъ, выше мы видѣли, предрекалъ о семъ покойный Старецъ. Сестры, увидѣвъ своего новаго архипастыря, котораго такъ давно вмѣстѣ съ своимъ Батюшкой готовились встрѣчать, не выдержали натиска воспоминаній, несоотвѣтствовавшихъ скорбной дѣйствительности, и громко разрыдались. Не вдругъ онѣ могли придти въ себя и пропѣть входную Владыкѣ, который предварительно прошелъ въ алтарь, и, приложившись къ св. престолу и св. иконамъ, подошелъ потомъ ко гробу, низко поклонился, трижды осѣнилъ усопшаго крестнымъ знаменіемъ, и тотчасъ удалился изъ храма.

Спустя нѣсколько времени, Преосвященный снова прибылъ въ

церковь для служенія Божественной литургіи, начало которой назначено было въ девять часовъ, и уже встрѣченъ былъ двумя архимандритами, двумя игуменами и четырьмя іеромонахами, готовившимися къ сослуженію съ нимъ. По прочтеніи входныхъ молитвъ, Владыка по обычаю облачился, и началась служба. На правомъ клиросѣ пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, а на лѣвомъ сестры общины. Послѣ причастнаго стиха, съ благословенія Преосвященнаго, на амвонъ вышелъ воспитанникъ московской духовной академіи, іеромонахъ Григорій Борисоглѣбскій [1]), нарочито прибывшій изъ Сергіева Посада на погребеніе Старца Амвросія, и произнесъ прекрасное слово [2]), въ которомъ ясно изобразилъ значеніе покойнаго Старца, какъ въ частности для Оптиной пустыни и Шамординской общины, такъ и вообще для монашества и для всей Россіи. Какъ отличительныя черты почившаго, онъ выставилъ его широкую, не имѣвшую границъ благотворительность, его самоотверженную любовь ко всякой душѣ христіанской, при какихъ бы условіяхъ она ни находилась, его простоту и глубокое смиреніе.—Слова проповѣдника по временамъ заглушаемы были рыданіями благочестивыхъ слушателей.

По окончаніи литургіи, Преосвященный Виталій, и съ нимъ 28 священнослужителей, всѣ въ бѣлыхъ облаченіяхъ, выступили на средину храма для отпѣванія. Тутъ были: о. архимандритъ Моисей, благочинный монастырей и настоятель Тихоновой пустыни, о. архимандритъ Исаакій, настоятель Оптиной пустыни, о. игуменъ Ѳеодосій настоятель Перемышльскаго Троицкаго монастыря, о. игуменъ Агапитъ настоятель Лихвинскаго Покровскаго Добраго монастыря, о. игуменъ Игнатій настоятель Бѣлевскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, о. игуменъ Гервасій настоятель Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря, Протоіерей г. Бѣлева Іоаннъ Аѳанасьевичъ Делекторскій, Протоіерей г. Козельска о. Александръ Елеонскій, два іеромонаха—воспитанники Московской академіи, отцы Григорій и Трифонъ, и прочіе іеромонахи и іереи. Величественно и трогательно было это священное зрѣлище. Благоговѣйное служеніе архипастыря, стройное пѣніе обоихъ хоровъ, трогательныя пѣснопѣнія погребальнаго монашескаго чина, множество молящихся съ горящими въ рукахъ свѣчами, и наконецъ среди блестящей обстановки бѣдный гробъ съ лежащимъ въ немъ, повитымъ схимою, дорогимъ для всѣхъ присутствующихъ покойникомъ,—все это производило на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Многіе плакали навзрыдъ.—Предъ пѣніемъ кондака „со святыми упокой“, студентъ Московской духовной академіи, іеромонахъ Трифонъ [3]) также, какъ и іеромонахъ Григорій, нарочито прибывшій къ погребенію Старца, произнесъ краткую, но глубоко

---

[1]) Впослѣдствіи инспекторъ Московской духовной академіи, и наконецъ настоятель посольской церкви въ Константинополѣ, архимандритъ скончавшійся 18 ноября 1893 года.

[2]) См. въ приложеніи № 4 слово іеромонаха Григорія Борисоглѣбскаго.

[3]) Въ настоящее время архимандритъ, ректоръ Московской духовной семинаріи.

прочувствованную рѣчь [1]). на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній о духовномъ общеніи съ почившимъ, какъ его послушникъ и ученикъ, хотя недолго поживший при немъ въ Оптиной. Свою рѣчь проповѣдникъ заключилъ поклоненіемъ гробу Старца.

Насталъ наконецъ часъ обычнаго прощанія съ покойнымъ. Раздались печальные стройные звуки дивно высокой священной пѣсни: „Пріидите послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему“... Снова вопли и рыданія огласили храмъ. Первымъ подошелъ къ гробу Преосвященный. Трогательна была минута прощанія его съ тѣмъ, къ кому онъ ѣхалъ, какъ живому, но котораго судилъ ему Господь застать умершимъ. Владыка взялъ лежавшую на аналоѣ предъ гробомъ Казанскую чудотворную икону Божіей Матери, и съ глубокимъ молитвеннымъ чувствомъ трижды благословилъ ею усопшаго, низко полонился ему, облобызалъ его главу и руки, и еще троекратно благословилъ его своимъ святительскимъ благословеніемъ. За Владыкой стали прощаться — духовенство, настоятельница, сестры и народъ. Особенно трогательно было прощаніе сестеръ. Скорбь о кончинѣ Батюшки увеличивалась для нихъ еще скорбію о томъ, что дорогіе останки его похоронены будутъ не у нихъ, а въ Оптиной пустыни. Долго длилось это искреннее слезное послѣднее цѣлованіе. Наконецъ, уже около трехъ часовъ пополудни, Преосвященный сдѣлалъ отпустъ. Провозглашена была Старцу вѣчная память. На тѣло почившаго о Господѣ возлитъ былъ Владыкою крестообразно елей съ виномъ, освященный во время соборованія, и посыпана была, по чину Св. Церкви, земля. Затѣмъ тотчасъ же наглухо прибита была гробовая крышка. Въ три часа все окончилось. Священнослужащіе, во главѣ съ Владыкой, и прочіе гости отправились въ покои настоятельницы; а гробъ остался на прежнемъ мѣстѣ, и опять начались непрерывныя панихиды. Народъ то и дѣло подходилъ къ гробу своего любимаго Батюшки, и съ глубокими вздохами и поклонами, крестясь, цѣловалъ гробовую крышку. Нѣкоторые, наклонившись, прикладывали къ ней свои головы. —Въ покояхъ настоятельницы собравшимся гостямъ предложена была поминальная трапеза, за которой было человѣкъ до 500. На ней присутствовалъ и Преосвященный. Предметомъ его разговора за обѣдомъ былъ главнымъ образомъ почившій Старецъ. — Замѣтить при семъ должно, что Владыкѣ, за его участіе въ похоронахъ Старца, весьма благодарны были всѣ, знавшіе и чтившіе покойнаго.

Но въ то самое время, какъ гости подкрѣплялись предложенной трапезой, произошло одно замѣчательное событіе, которое произвело на всѣхъ присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе. — Къ покойному Старцу Амвросію часто ѣзжала благотворительница Шамординской Общины, супруга извѣстнаго московскаго торговаго дѣятеля Сергѣя Васильевича Перлова, съ своею замужнею дочерью, у которой не было дѣтей. Эта бездѣтная дочь ея просила у Батюшки совѣта и благосло-

---

[1]) См. въ приложеніи № 5 рѣчь іеромонаха Трифона.

венія,—взять какого-нибудь ребенка въ усыновленіе. Въ 1890 году, почти въ самую же половину октября, Старецъ сказалъ ей въ отвѣтъ на ея желанія: „погодите; чрезъ годъ я самъ укажу вамъ для усыновленія ребенка". За обѣдомъ, пріѣхавшіе на похороны Старца, молодые супруги съ горечью вспомнили слова его, и пожалѣли, что кончина Батюшки не дала ему исполнить своего обѣщанія. Но еще не успѣлъ окончиться обѣдъ, какъ пронесся слухъ, что у крыльца начальническаго корпуса, гдѣ гости обѣдали, нашли подкинутаго младенца. Сначала, разумѣется, слухъ этотъ многимъ пришелся не по сердцу. Но когда объ этомъ услыхала бездѣтная дочь г жи Перловой, она кинулась къ малюткѣ, и съ чувствомъ глубокаго умиленія воскликнула: „это Батюшка послалъ мнѣ дочку". И ребенокъ увезенъ былъ ею въ Москву.

По окончаніи трапезы Преосвященный пожелалъ посѣтить келліи покойнаго Старца. Вошедши въ нихъ, онъ помолился, и трижды осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ постель, на которой Старецъ преставился. Затѣмъ онъ долго еще благословлялъ гостей, сестеръ и многочисленныхъ богомольцевъ, толпившихся у крыльца настоятельницы, и уже при наступившихъ сумеркахъ возвратился въ Оптину пустынь.

Не пройдемъ молчаніемъ и слѣдующаго обстоятельства. Въ началѣ своей предсмертной болѣзни Старецъ Амвросій велѣлъ одной монахинѣ читать книгу Іова. Въ ней между прочимъ сказано, что отъ смрада ранъ сего праведника бѣжала даже его жена. Этимъ примѣромъ, какъ думается, Старецъ предуказывалъ на то, что и съ нимъ подобное случится послѣ его кончины. Дѣйствительно, отъ тѣла покойнаго вскорости сталъ ощущаться тяжелый мертвенный запахъ. Впрочемъ объ этомъ обстоятельствѣ давно еще онъ прямо говорилъ своему келейнику о. Іосифу. На вопросъ же послѣдняго, — почему такъ?—смиренный Старецъ сказалъ: „это мнѣ за то, что въ жизни я принялъ слишкомъ много незаслуженной чести".—Но вотъ дивно, что чѣмъ долѣе стояло въ церкви тѣло почившаго, тѣмъ менѣе сталъ ощущаться мертвенный запахъ. Отъ множества народа, въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ, почти не отходившаго отъ гроба, въ церкви была нестерпимая жара, которая должна бы была способствовать быстрому и сильному разложенію тѣла; а вышло наоборотъ. Въ послѣдній день отпѣванія Старца, по замѣчанію архимандрита Григорія, составителя его жизнеописанія, отъ тѣла его уже сталъ ощущаться пріятный запахъ, какъ бы отъ свѣжаго меда. И вышеупомянутый игуменъ Агапитъ свидѣтельствуетъ, что на третій день послѣ кончины Старца, прикладываясь къ его рукѣ, онъ нарочно втягивалъ въ себя воздухъ, и ощущалъ, хотя еще немного, запахъ пріятный, именно такой, какой бываетъ отъ нетлѣнныхъ тѣлесъ угодниковъ Божіихъ.

XIV.

Перенесеніе тѣла Старца Амвросія въ Оптину пустынь, преданіе его землѣ, поминальная въ Оптиной трапеза, и заключительныя о Старцѣ свѣдѣнія.

Всю ночь съ воскресенья на понедѣльникъ Шамординскій храмъ былъ полонъ народа. Около гроба почившаго Старца, какъ и прежде горѣло множество свѣчей, разливавшихъ яркій праздничный свѣтъ на всю церковь. То и дѣло клубился ѳиміамъ, пѣлись панихиды; а въ сторонѣ продолжалось чтеніе псалтири. Почитатели Старца почти безостановочно прикладывались къ гробу.

14-го въ понедѣльникъ опять служилась соборная литургія съ панихидой. Служилъ скитоначальникъ іеромонахъ Анатолій [1])—обѣдню съ одною парою іеромонаховъ, а на панихиду къ нимъ присоединилось еще нѣсколько паръ. По окончаніи панихиды и обычнаго прощанія, уже въ 11-мъ часу дня гробъ поднятъ былъ руками сестеръ, поставленъ на обычныя монастырскія носилки, и въ преднесеніи св. иконъ и хоругвей сначала обнесенъ былъ вокругъ церкви, а затѣмъ чрезъ монастырь, мимо настоятельскаго корпуса и заложеннаго Старцемъ каменнаго собора, гдѣ въ то время стояло большое живописное распятіе Спасителя, направился въ свою родную Оптину пустынь. Святыя же иконы, кромѣ одной вышеупомянутой Казанской и хоругви возвращены были назадъ. Для сестеръ общины настала теперь ужасно-тяжелая минута. Ихъ дорогой любвеобильный Батюшка тѣломъ своимъ навсегда теперь покинулъ свое любимое дѣтище, на которое имъ положено было столько силъ и труда. Нѣкоторыя изъ нихъ отправились сопровождать гробъ. А оставшіяся со слезами, или съ подавляемою гнетущею скорбію, слѣдили за удаляющимся дорогимъ своимъ сокровищемъ. Жгучую свою скорбь онѣ впрочемъ растворяли надеждой, что „родной Батюшка“ не оставитъ ихъ,—духомъ своимъ всегда пребудетъ съ ними, и во всемъ будетъ помогать имъ. И это вѣрно. Молитвы почившаго неусыпнымъ стражемъ охраняютъ созданную имъ обитель; и самъ онъ какъ прежде, такъ и теперь является для обитательницъ ея ангеломъ хранителемъ.

Погода въ этотъ день была ненастная. Холодный осенній вѣтеръ насквозь пронизывалъ путниковъ; а непрерывный дождь, то стихая, то усиливаясь, совершенно растворилъ землю. Но ничто не могло попрепятствовать почитателямъ Старца выказать ему свое усердіе. Гробъ все время, до самой Оптиной пустыни, несли на рукахъ попеременно то сестры общины, то Оптинскіе монахи, или и нѣкоторыя мірскія лица, желавшія до самаго конца доказать свою любовь

[1]) Этотъ скитоначальникъ долженъ бы быть, послѣ кончины старца Амвросія, главнымъ старцемъ въ обители; но Господь не судилъ ему долго пожить. Черезъ два года съ небольшимъ, послѣ Старца Амвросія, и онъ преставился ко Господу.

и преданность къ своему почившему наставнику. А былъ одинъ въ числѣ почитателей Старца, даже изъ именитыхъ людей, который всю дорогу несъ его гробъ безсмѣнно, переходя только во время остановокъ съ одной стороны на другую. Тысячи народа, на протяженіи болѣе версты, шли и ѣхали за гробомъ. Шествіе было медленное. Часто, не смотря на дождь и холодъ, останавливались для совершенія заупокойныхъ литій. Къ концу впрочемъ шествія, по случаю проливнаго дождя, литіи служились уже на ходу безъ остановокъ. Когда подходили къ лежащимъ на пути селамъ, перенесеніе останковъ Старца сопровождалось погребальнымъ колокольнымъ перезвономъ. Священники въ облаченіяхъ, съ хоругвями и иконами, выходили на встрѣчу изъ церквей. Выступали поселяне, молились, многіе изъ нихъ цѣловали гробъ покойнаго, и затѣмъ присоединялись къ сопровождавшимъ его. Такимъ образомъ, по мѣрѣ приближенія къ Оптиной пустыни, толпа все росла и росла. Гробъ почившаго Старца безсмѣнно, отъ Шамординской общины и до самой Оптиной пустыни, сопровождалъ въ облаченіи одинъ іеромонахъ Иларій, который во все время шествія служилъ и литіи [1]). Замѣчательно, что горѣвшія свѣчи, съ которыми несли тѣло покойнаго Старца, во все продолженіе пути, не смотря на сильный дождь и вѣтеръ, не угасали.

Наступалъ вечеръ, и уже нѣсколько темнѣло, когда гробъ Старца проносили чрезъ послѣднюю деревню Стенино, находящуюся въ верстѣ отъ Оптиной. Уныло гудѣлъ большой семисотенный Оптинскій колоколъ, рѣдкими мѣрными ударами потрясая воздухъ, и далеко разнося печальную вѣсть о приближеніи почившаго. Тутъ вышло ему на встрѣчу все духовенство города Козельска и граждане, присоединившись къ многочисленной толпѣ народа. Шествіе еще было далеко. Какъ черная туча, двигалось оно къ обители. Высоко надъ головами сопровождавшихъ, сквозь вечерній полумракъ, виднѣлся черный гробъ, таинственно освѣщаемый яркимъ пламенемъ горѣвшихъ свѣчей. Колеблясь отъ шествія несшихъ его, онъ точно плылъ по воздуху. Поистинѣ, это трогательное печально-торжественное перенесеніе тѣла почившаго Старца, по замѣчанію многихъ, скорѣе походило на перенесеніе мощей, и производило на всѣхъ присутствовавшихъ умилительно-благодатное впечатлѣніе.

На неширокой рѣчкѣ Жиздрѣ, протекающей подъ самымъ монастыремъ, чрезъ которую обыкновенно всегда переѣзжаютъ на паромѣ, на этотъ разъ временно устроенъ былъ мостъ. На берегъ этой рѣки, въ срѣтеніе почившаго вышли въ облаченіяхъ два архимандрита съ многочисленнымъ духовенствомъ изъ монашествующихъ и прибывшихъ священниковъ, и со всѣми братіями обители и мірскими посѣтителями, съ иконами, хоругвями и зажженными свѣчами, и остановились у моста. А тамъ за мостомъ, отдѣлившись отъ всѣхъ, не обращая

[1]) Напечатано было въ нѣкоторыхъ статьяхъ, что въ лежащихъ на пути деревняхъ почти предъ каждымъ домомъ служили литіи, и гробъ Старца сопровождали мірскіе священники; но все это неправда.

вниманія на грязь и дождь, въ скромной одеждѣ шелъ на встрѣчу гроба, съ грустнымъ выраженіемъ лица, іеромонахъ Іосифъ, болѣе 30 лѣтъ неотлучно находившійся при покойномъ Старцѣ, теперешній его замѣститель по старчеству. Не пропустимъ здѣсь безъ вниманія замѣчанія теперешняго Старца о. Іосифа. Осень, такъ передаетъ онъ, когда скончался батюшка о. Амвросій, была сухая, и грозила на будущій годъ неурожаемъ, но со дня перенесенія тѣла его изъ общины въ Оптинскій монастырь, какъ испрошенная имъ у Господа милость, пошли дожди.

Величественное было зрѣлище, когда перенесенный черезъ мостъ гробъ Старца внесенъ былъ въ ряды многочисленнаго сонма священнослужителей въ блестящихъ облаченіяхъ, и несмѣтныя толпы народа съ той и другой стороны соединились вмѣстѣ. Похоронный перезвонъ колоколовъ, пѣніе пѣвчихъ, развѣвавшіяся хоругви, и это необозримое множество народа и впереди и сзади далеко далеко за рѣкой, и наконецъ этотъ бѣдный гробъ, къ которому устремлены слезливые взоры всѣхъ присутствующихъ, къ которому неслись со всѣхъ сторонъ сердечные вздохи, съ горячею мольбой о упокоеніи души почившаго въ небесныхъ обителяхъ, съ тайною скорбію сердца о потерѣ дорогого отца, и съ прошеніемъ его ходатайства у престола Всевышняго Отца небеснаго,—все это поражало сердца всѣхъ, собравшихся отдать послѣдній долгъ Старцу.

Было пять часовъ вечера. Тутъ же на берегу рѣчки предварительно отправлена была заупокойная литія, и шествіе направилось къ сѣвернымъ вратамъ обители. Снова величаво заколыхался гробъ надъ головами иноковъ, и вошелъ въ родную обитель, которая теперь встрѣтила давно ожидаемаго ею дорогого упокоившагося Батюшку уже праздничнымъ звономъ. Какъ только гробъ внесенъ былъ въ ворота, ихъ поспѣшили затворить, вслѣдствіе сильнаго напора въ безпорядкѣ толпившихся посѣтителей. Впрочемъ это было на короткое время. Когда толпа нѣсколько поуспокоилась, ворота были опять отворены.

Внесенный въ обитель гробъ съ тѣломъ почившаго Старца поставленъ былъ въ холодномъ Введенскомъ соборѣ, который блисталъ праздничнымъ освѣщеніемъ,—зажжены были люстра и множество свѣчей. Настоятель обители, о. архимандритъ Исаакій, съ нѣсколькими парами іеромонаховъ, отслужилъ надъ почившимъ панихиду. Тѣмъ и закончилась встрѣча новопреставленнаго Старца. Времени было уже часовъ шесть.—Когда Преосвященному Виталію донесено было подробно о томъ, какъ совершилось перенесеніе тѣла Старца Амвросія, онъ возблагодарилъ Господа за то, что Его помощію все устроилось хорошо; а іеромонаха Иларія, все время сопровождавшаго тѣло покойнаго, на слѣдующій же день, во время своего архіерейскаго служенія, наградилъ набедренникомъ.—Спустя немного времени, началось торжественное всенощное бдѣніе въ теплomъ Казанскомъ храмѣ; между тѣмъ какъ гробъ съ тѣломъ Старца оставался въ Вве-

денскомъ соборѣ, гдѣ безостановочно чрезъ всю ночь совершались панихиды, и храмъ былъ полонъ молившагося народа.

„Помню, пишетъ о себѣ Г-жа **, разъ мы отлучились (изъ храма, гдѣ былъ покойный) чтобы занять себѣ гдѣ-нибудь номеръ въ гостинницѣ, немного согрѣться и сколько-нибудь обсушиться,—перемѣниться было нечѣмъ. Всѣ пошли, какъ были въ церкви, мокрыя, полузамерзшія; и—о чудо!—никто изъ насъ не только не заболѣлъ, но даже не получилъ и насморка, хотя были съ мокрыми ногами, и стояли въ холодномъ соборѣ".

Въ слѣдующій день, 15 го Октября—вторникъ, гробъ перенесенъ былъ въ Казанскій соборъ. Въ десятомъ часу началась литургія, которую, не смотря на свое слабое здоровье, совершалъ опять самъ Преосвященный Виталій, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ Моисея и Исаакія, трехъ игуменовъ и пяти іеромонаховъ. На правомъ клиросѣ пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, а на лѣвомъ монастырскихъ. Церковь была переполнена молящимися. Къ литургіи прибыли свѣтскіе представители г. Козельска,—исправникъ, городской голова и нѣсколько гласныхъ.—Въ концѣ Божественной литургіи, Владыка, обратясь къ народу, произнесъ прекрасную трогательную рѣчь [1]). Въ ней онъ указалъ на то, что старчество, процвѣтавшее въ Оптиной пустыни, процвѣтало особенно въ лицѣ почившаго Старца Амвросія. Выразилъ свое сердечное сожалѣніе о томъ, что не пришлось ему лично бесѣдовать съ этимъ достоуважаемымъ Старцемъ, войдти съ нимъ въ духовное общеніе. Затѣмъ описалъ ту величайшую скорбь, которую испытываютъ Оптинскія братія, потерявъ своего Старца, Шамординская обитель—своего отца и покровителя, и наконецъ вся Россія—руководителя и опору въ слабое вѣрою время. Предложилъ въ утѣшеніе всѣмъ скорбящимъ, что Старецъ покинулъ ихъ лишь тѣломъ, но духомъ пребываетъ съ ними, видитъ всѣ ихъ дѣла и мысли, и молится за всѣхъ. Закончилъ Владыка свою рѣчь приглашеніемъ всѣхъ присутствовавшихъ помолиться о упокоеніи души почившаго, а вмѣстѣ и просить за себя его молитвеннаго ходатайства предъ престоломъ Божіимъ, присовокупивъ, что молитва наша будетъ ему пріятна, если будемъ подражать ему въ любви Христовой.—Выразительность произношенія и пастырски-властный тонъ святителя—проповѣдника производили сильное впечатлѣніе на слушателей, вызывая у нѣкоторыхъ слезы умиленія.

По окончаніи литургіи, Преосвященнымъ отслужена была панихида, въ которой участвовали сорокъ священнослужителей, всѣ въ бѣлыхъ парчевыхъ ризахъ. Въ концѣ панихиды, послѣ 9-ой пѣсни канона, помянутый выше академикъ, о. іеромонахъ Григорій, съ благословенія Преосвященнаго, обратился къ почившему Старцу съ краткимъ прощальнымъ словомъ [2]), въ которомъ высказалъ послѣднее ему привѣтствіе отъ лица всей Московской духовной академіи,

[1]) См. въ приложеніи № 6 рѣчь Преосвященнаго Виталія.
[2]) См. въ приложеніи № 7 рѣчь іеромонаха Григорія.

коснувшись его подвиговъ въ пустыни, безчисленныхъ добродѣяній ближнимъ, заслуженнаго почившимъ прославленія на землѣ и удивленія ему отъ всѣхъ, его знавшихъ. —Свое слово юный проповѣдникъ заключилъ земнымъ поклоненіемъ усопшему Старцу.

Послѣ паниxиды гробъ почившаго поднятъ былъ на руки священно-служителями, и въ преднесеніи св. иконъ и хоругвей погребальное шествіе направилось къ приготовленной могилѣ. За гробомъ слѣдовалъ Преосвященный въ полномъ архіерейскомъ облаченіи съ прочими священнослужителями. Печальный похоронный перезвонъ, сливаясь съ пѣніемъ погребальныхъ пѣснопѣній, сопровождалъ тѣло свято-почившаго Старца къ мѣсту его упокоенія.

При жизни покойный Старецъ Амвросій, благоговѣя предъ своимъ духовнымъ наставникомъ Старцемъ Макаріемъ, нерѣдко имѣлъ обыкновеніе говорить: „великій человѣкъ былъ батюшка о. Макарій! — вотъ привелъ бы мнѣ Господь хоть у ножекъ его лечь.“ — Посѣщавшіе Оптину пустынь безъ сомнѣнія помнятъ, близъ юго восточной стѣны лѣтняго Введенскаго собора, слѣва отъ дорожки, бѣлую часовню надъ могилой Старца о. Макарія. Рядомъ съ этой часовней и приготовлена была могила для новопреставленнаго Старца Амвросія.— Послѣ заупокойной литіи, совершенной Владыкой, и по возглашеніи почившему вѣчной памяти, гробъ опущенъ былъ въ приготовленный въ могилѣ осмоленый ящикъ, который и закрытъ былъ особой крышкой. Владыка первый бросилъ горсть земли въ могилу; а затѣмъ около нея была такая тѣснота и давка отъ множества народа, что многимъ изъ священнослужителей не пришлось и земли бросить на гробъ. Послѣ надъ нимъ сдѣланы были своды. И вотъ появилась наконецъ новая свѣжая могила, въ которой сокрыто драгоцѣнное сокровище, сосудъ Божіей благодати, храмъ великой и святой души — многотрудное тѣло Старца іеросхимонаха, Батюшки отца Амвросія! — Припомнимъ при семъ, что, какъ выше упомянуто, Старецъ Амвросій, пламенно при жизни молившійся, побуждавшій и присныхъ своихъ молиться усердной Заступницѣ рода христіанскаго, предъ Ея св. иконою, названною имъ „Спорительницею хлѣбовъ“ заповѣдалъ имъ праздновать Ей 15-го Октября. Въ этотъ же день и тѣло его предано было землѣ Замѣчательное совпаденіе!

„Когда Батюшку схоронили, замѣчаетъ одинъ наблюдатель изъ свѣтскихъ лицъ, кто-то изъ ближайшихъ къ нему монаховъ стоялъ у могилы, сложивъ руки на груди крестообразно, и опустивъ въ нее глаза. Всѣ отправились въ трапезу. Прошло часа два времени. Тотъ же монахъ все еще стоялъ въ томъ же самомъ положеніи у могилы Батюшки“.

„Удивительно, говоритъ еще тотъ же наблюдатель, что въ обоихъ монастыряхъ (Оптинскомъ и Шамординскомъ) гдѣ Старецъ жилъ, его потеря переносится легче. Тамъ скорбятъ искренно, глубоко, но безъ отчаянія. Съ самымъ близкимъ къ Батюшкѣ лицомъ можно говорить о немъ. Всѣ спокойны, сдержанны и дѣлаютъ свое дѣло.

Только иногда какъ-то съ болью передернется лицо монаха, или застанешь его въ тяжелой задумчивости. А иногда среди разговоровъ о Старцѣ, вдругъ кто-нибудь тихо промолвитъ со вздохомъ: „Эхъ батя, батя!“ — и все утихнетъ; и столько покорной скорби послышится въ этихъ короткихъ словахъ. Съ кѣмъ ни заговоришь о немъ, всѣ его любятъ, всѣ имъ облагодѣтельствованы. — „Да кого онъ-то не любитъ?—вотъ общій голосъ“.

Въ два часа по полудни предложена была, собравшимся на погребеніе Старца, гостямъ поминальная трапеза, въ которой, какъ и прежде принялъ участіе Преосвященный Виталій. Она была устроена въ старой больничной церкви во имя Владимірской иконы Божіей Матери. Какъ прежде въ Шамординской общинѣ, когда отслужено было надъ тѣломъ почившаго погребеніе, такъ и здѣсь теперь въ нѣсколько перемѣнъ пообѣдало около 500 человѣкъ.—Въ концѣ трапезы, когда провозглашена была новопреставленному Старцу Амвросію вѣчная память, Владыка обратился къ присутствовавшимъ гостямъ съ словомъ. Пригласивъ всѣхъ къ молитвѣ объ усопшемъ, святитель и отъ себя и отъ Оптиной обители выразилъ благодарность тѣмъ лицамъ, которые почтили память Старца своимъ нарочитымъ прибытіемъ на его погребеніе. Особенно же онъ благодарилъ благотворительницу Шамординской общины, А. Я. Перлову, представителей г. Козельска съ духовенствомъ исправникомъ и головой городскимъ во главѣ, и посланцевъ отъ Московской духовной академіи—двухъ вышеупомянутыхъ іеромонаховъ академиковъ, посылая ей свое соутѣшеніе ея вѣрою и святительское благодарственное благословеніе за великую радость, доставленную участіемъ прибывшихъ обѣимъ обителямъ, и всѣмъ многочисленнымъ участникамъ печальныхъ торжествъ. Между тѣмъ какъ надъ свѣжей могилой приснопамятнаго Старца Амвросія, до самой поздней ночи, слышалось пѣніе панихидъ, въ присутствіи со слезами молившихся почитателей его.

Такъ закончилось печальное, но въ тоже время и отрадное, торжество отшествія праведной души въ страну невечерняго свѣта, гдѣ шумъ чистѣ празднующихъ и неизглаголанное веселіе!

Предъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ Калугу 16 Октября, Преосвященный Виталій обратился къ собравшимся въ Казанскомъ храмѣ братіямъ съ прощальною рѣчью, въ которой снова помянулъ великія заслуги почившаго Старца; кратко, но ярко описалъ его духовный образъ, дышавшій высокою христіанскою любовію, и призвалъ еще разъ братію къ сохраненію сего образа въ своихъ сердцахъ и уподобленію ему. Помянувъ о старчествѣ, какъ особенности Оптиной пустыни, Владыка пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ къ молитвѣ о томъ, чтобы Господь не оставилъ обители своимъ покровительствомъ, и воздвигъ бы ей новаго свѣтильника, преемника въ Бозѣ почившаго Старца Амвросія. Преподавъ за тѣмъ братіямъ архипастырское благословеніе, Владыка отправился съ миромъ въ путь.

А мы, горя любовію къ почившему, милостивому Батюшкѣ, о. Амвросію, опять перенесемъ къ нему свои мысли и чувства.

Долго-долго, послѣ блаженной его кончины, Оптинцы и Шамординскія сестры не могли успокоиться. Все казалось имъ, что будто что-то дорогое—невозвратимое ими потеряно; кругомъ какая-то пустота, которую ничѣмъ наполнить не было возможности.—Однажды Шамординскія пріютянки вздумали пропѣть тѣ стишки, которые въ свое время пѣлись ими для Батюшки: „Отецъ родной, отецъ святой"... Но лишь только началось пѣніе, какъ вдругъ у всѣхъ полились слезы, и вмѣсто пѣнія произошло горькое рыданіе.

Въ Оптиной надъ могилою Старца вскорѣ поставлена была трехстѣнная часовня, четвертой своей стороной примкнутая къ часовнѣ Старца Макарія, подобная сей послѣдней, съ приличною надписью; а внутри—мраморная гробничка тоже съ надписью: „*Быхъ немощнымъ яко немощенъ, да немощныя пріобрящу: всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. IX, 22)".—Съ боку этой гробнички оставлено отверстіе, откуда почитатели покойнаго Старца берутъ песокъ въ помощь и благословеніе.

Проходя мимо этой часовни, одинъ посѣтитель обители увидѣлъ, что ее краситъ старый маляръ. — „Вы знали Старца?" — спросилъ онъ —„Какъ мнѣ было его не знать, моего благодѣтеля?"—отвѣтилъ тотъ. „Разъ говорю я ему: Батюшка! мнѣ вѣдь жить недолго остается; видите, здоровье мое какое". А онъ мнѣ отвѣчаетъ: „только ты сперва меня помажешь."— „Не понялъ я тогда, что бы это значило; а вотъ и пришлось надъ нимъ часовню красить." И маляръ продолжалъ молча свою работу.

Впрочемъ время и обстоятельства сглаживаютъ сердечную горесть, какова бы она ни была. Безутѣшна была скорбь почитателей Батюшки о. Амвросія тотъ часъ послѣ его кончины; но скоро они стали утѣшать себя мыслію, что Старецъ умеръ только тѣломъ, а духъ его живетъ вѣчно, по слову Премудраго: *праведницы во вѣки живутъ* [1]). Эти слова подтверждаются и самымъ дѣломъ.

Во первыхъ, что ни говорилъ Старецъ о будущемъ, все или уже исполнилось, или приходитъ въ исполненіе. Напримѣръ, лежа на смертномъ одрѣ, онъ обѣщалъ, какъ мы видѣли выше, Г-жѣ ** во всемъ помогать; и вотъ что она пишетъ: „Не прошло и трехъ или четырехъ дней послѣ кончины Батюшки, когда тѣло его еще находилось въ Шамординѣ, я была въ страшномъ горѣ, доводившемъ меня почти до отчаянія. По временамъ у меня вырывался ропотъ: Боже мой, говорила я себѣ, что же это сдѣлалъ Батюшка? Только принялъ насъ, сейчасъ же одѣлъ въ монашеское платье, и самъ бросилъ. Все это смутно, помню я, переходило въ мысляхъ моей больной головы. Забывшись гдѣ-то, въ церкви или дома, легкимъ сномъ (мы въ церкви ночевали, а домой только на короткое время

---

[1]) Премудр. Солом. V, 15.

прибѣгали), я увидала Батюшку подходящимъ ко мнѣ. Онъ былъ въ черномъ своемъ халатикѣ и шапочкѣ. Сидѣла я будто на какой-то длинной лавкѣ, или диванѣ. Поспѣшно подошедши, Батюшка сѣлъ поодаль отъ меня на другомъ концѣ. Поднявъ ручку, онъ съ упрекомъ и недовольствомъ въ голосѣ громко сказалъ мнѣ: „я васъ никогда не брошу". Я такъ и вскочила. Сонъ былъ такъ явственъ, что когда я проснулась, даже голосъ Старца звучалъ у меня въ ушахъ. И на душѣ у меня стало спокойнѣе."—Много и еще разсказано этою Г-жею замѣчательныхъ видѣній Старца во снѣ и даже на яву. Батюшка, какъ живой, утѣшалъ, вразумлялъ и укрѣплялъ ее въ различныхъ искушеніяхъ; послѣ чего миръ водворялся въ душѣ ея.

Или: предсказывалъ Старецъ процвѣтаніе созданной имъ Шамординской обители. Немного прошло времени со дня его кончины, а слова его уже оправдываются на дѣлѣ. Громадный каменный соборъ, которому Батюшка положилъ только основаніе, теперь уже почти готовъ. Поставлены огромные каменные корпуса,—трапезный, богадѣленный и другіе. Въ общинѣ заведены разныя художественныя рукодѣлья: живопись, фотографія, чеканная работа—золочсніе и серебреніе, тканье великолѣпныхъ ковровъ, шитье золотомъ и шелками. Есть тамъ и переплетчицы книгъ и краснописцы, и проч. Такъ что уже и теперь, по замѣчанію нѣкоторыхъ, Шамординская обитель, по предсказанію Старца Амвросія, во многомъ опередила Оптину пустынь [1]); но обстоятельства, конечно устрояемыя, по его молитвамъ, Промысломъ Божіимъ, подаютъ въ будущемъ надежду еще на большее и большее процвѣтаніе.

Во вторыхъ, живетъ Старецъ Амвросій вѣчною жизнію, какъ получившій веліе дерзновеніе ко Господу; ибо вотъ теперь, по кончинѣ его, уже бываютъ отъ него исцѣленія.

Въ Октябрьской книжкѣ „Душеполезнаго Чтенія" за 1897 годъ помѣщено письмо нѣкоего Николая Яковлевича Широкова, Вятской губ. Глазовскаго уѣзда, къ теперешнему Оптинскому Старцу о. Іосифу. Въ немъ между прочимъ читаемъ слѣдующее: „Я, говоритъ Широковъ, весьма былъ боленъ,—страдалъ болью ногъ и головы. 26 Ноября прошлаго 1896 года приноситъ отецъ мой отъ сельскаго нашего священника книгу „Душеполезное Чтеніе", въ которой я и нашелъ статью про о. Амвросія. Прочитавъ ее и размысливъ немного, началъ я душевно молиться къ о. Амвросію объ исцѣленіи моихъ недуговъ, и помоливши, тонкимъ сномъ уснулъ. Только что успѣлъ заснуть, какъ вдругъ заблисталъ предо мною необычайный свѣтъ, который вскорѣ изчезъ,—только остался одинъ слѣдъ отъ него въ

[1]) Сказано это не въ униженіе Оптиной пустыни. Да не будетъ сего. Обратить должно вниманіе на то, что Шамординская обитель, со всѣми своими заведеніями и со всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ порядкомъ, есть дѣло рукъ Оптинскихъ. Оптинскій Старецъ ее основалъ, и при помощи Оптинскихъ же монаховъ поддерживалъ. Да и теперь тѣ же Оптинцы поддерживаютъ ее главнымъ образомъ въ нравственномъ отношеніи. О внѣшнемъ же благоустройствѣ заботится Московскій Почетный Потомственный Гражданинъ Сергѣй Васильевичъ Перловъ, устроя всѣ капитальныя зданія обители на свой счетъ.

видѣ облака; и вдругъ слышу шаги идущаго человѣка. Въ скоромъ времени вижу предъ собою мужа, украшеннаго сѣдинами, въ мантіи, съ крестомъ на груди. При семъ я постараюсь описать его примѣты: росту онъ не высокаго, лицо истощенное постомъ, и потому оно весьма свѣтлое, носъ съ горбинкой, волосы сѣдые не весьма густые, брада его сѣдая тоже не густая; а голосъ его весьма звучный. Кромѣ того, на лѣвой его рукѣ были четки, а въ правой рукѣ посохъ. Вотъ онъ подошелъ къ моему ложу и говоритъ: „чадо Никóлае! востань, поспѣши въ церковь, отслужи молебенъ св. Амвросію Медіоланскому, и получишь облегченіе скорое". Онъ взялъ меня за руку, благословилъ, и дотронулся своимъ посохомъ до моихъ ногъ, которыя и почувствовали скорое облегченіе. Далъ мнѣ что-то въ родѣ просфоры поѣсть, и вдругъ въ головѣ у меня зашумѣло. Я тогда весьма ужаснулся, и думалъ, что ужъ головы у меня нѣту на плечахъ. Но вотъ сей старецъ покрылъ ее мантіей, и вскорѣ я почувствовалъ облегченіе. Старецъ еще разъ благословилъ меня, и я сподобился облобызать его свѣтлую руку; и при семъ осмѣлился спросить его: какъ васъ звать по имени?—Онъ мнѣ отвѣтилъ: „кому, говоритъ, я велѣлъ тебѣ отслужить молебенъ, того и я ношу имя,—я іеросхимонахъ Амвросій изъ Оптиной пустыни". Сказавъ это, онъ сдѣлался невидимъ. Пробудившись, я весьма обрадовался, что выздоровѣлъ; и родные сему тоже очень обрадовались.—Все-таки объ этомъ явленіи я не открылъ имъ вскорѣ, а записалъ оное только въ свою памятную книжку. Но вотъ нынѣ опять явленіе это повторилось. О. Амвросій явился мнѣ во гробѣ лежащимъ, повитый въ схиму, и говоритъ: „что же ты, рабъ Божій Николай, умалчиваешь о дѣлахъ милости Божіей, т. е. не сообщаешь Оптиной пустыни о исцѣленіи"? Только поэтому-то я и осмѣлился сообщить о вышесказанномъ вашему высокопреподобію, и при семъ просить васъ, о. Іосифъ, не оставить безъ вниманія мой разсказъ, и для пользы другихъ помѣстить его хоть на одной страничкѣ жизнеописанія отца Амвросія".

Еще подобный отрывокъ изъ ненапечатаннаго письма къ Людмилѣ Осиповнѣ Раевской, живущей въ Шамординской общинѣ, отъ 23 Февраля 1898 года:

„Вчера пріѣзжалъ В. и разсказывалъ, что одна дама, родственница Л—го, ему писала изъ Москвы, что у ней мужъ былъ очень боленъ. Доктора отказались лѣчить, и онъ совсѣмъ умиралъ. Въ одну ночь видитъ онъ около себя у постели старца, который надъ нимъ молился, и говоритъ: „отслужи молебенъ св. Амвросію Медіоланскому," и скрылся. Больной сказалъ это женѣ, и они отслужили молебенъ. Онъ пріобщился, и съ тѣхъ поръ началъ поправляться; даже всталъ съ постели, но никому не говорилъ объ этомъ явленіи Старца. Когда же онъ сталъ чувствовать себя совсѣмъ хорошо, ему опять явился этотъ же Старецъ (бывшій больной его узналъ) и говоритъ: „ты теперь совсѣмъ здоровъ; зачѣмъ же ты скрываешь, и не говоришь объ своемъ исцѣленіи? Надо говорить; а старецъ предъ

тобой—Оптинскій Амвросій". И скрылся. Когда В. разсказывалъ, я позавидовала; а на душѣ какая-то радость стала,—я не могу высказать. Родной нашъ и насъ можетъ быть не оставляетъ".

Присовокупимъ къ сему, что приведенные здѣсь два случая исцѣленій отъ почившаго Старца не единственные.

Въ заключеніе всего сказаннаго предложимъ вниманію читателей два знаменательныхъ сновидѣнія одной Шамординской сестры, рисующія, какъ мы вѣруемъ, загробную участь описаннаго здѣсь, великаго Оптинскаго Старца, Батюшки о. Амвросія. Вотъ ея разсказъ:

„За нѣсколько времени до кончины Батюшки видѣла я, будто стою въ прекрасномъ саду. На высокихъ деревьяхъ трепещутъ листки, и всякій листокъ все повторяетъ молитву: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. — Въ саду будто стоитъ свѣтлый храмъ. Вошла я въ него, и вижу,—куполъ у него недостроенъ. И подумала я, какъ это храмъ не оконченъ. Тогда послышался мнѣ голосъ: это жилище приготовлено для Старца Амвросія, и скоро будетъ окончено".

„А какъ Батюшка уже умеръ, видѣла я, что стоитъ его гробъ. И вотъ спустились четыре ангела въ бѣлыхъ ризахъ,—такія блестящія на нихъ ризы,—а въ рукахъ у нихъ свѣчи и кадило. И спросила я: почему это они, такіе свѣтлые, спустились ко гробу Батюшки?—Они мнѣ отвѣтили: это за то, что онъ былъ такой чистый". —Потомъ спускались еще четыре ангела въ красныхъ ризахъ, и ризы ихъ были еще красивѣе прежнихъ. И я опять спросила, — а они отвѣтили: это за то, что онъ былъ такой милостивый,—такъ много любилъ.—И еще спустились четыре ангела въ голубыхъ ризахъ невыразимой красоты. И я спросила: почему они спустились ко гробу. И мнѣ отвѣтили: это за то, что онъ такъ много пострадалъ въ жизни, и такъ терпѣливо несъ свои кресты" [1]).

Конецъ второй части,

и Господу Богу слава!

---

[1]) Изъ Мартовской книжки „Душеполезнаго Чтенія" за 1894 годъ.

Приложения

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Жизнеописание преподобного старца Амвросия, составленное архимандритом Агапитом - немеркнущий памятник русской агиографии начала века. Оно сочетает в себе исчерпывающий подбор сведений, строгую продуманность изложения и боговдохновенную озаренность в осмыслении жития тогда еще не канонизированного святого. Это житие пастыря, написанное пастырем, житие старца - другим старцем.

Архимандрит Агапит, в миру Алексей Иванович Беловидов, родился в 1843 г. в семье священнослужителя. Окончил Тамбовскую духовную семинарию. Пострижен в мантию 17 июня 1872 г. в Оптиной Пустыни; 28.VII.1876 г. посвящен в иеромонахи, а в 1881-м награжден набедренником. В августе 1883 г. иеромонах Агапит был определен настоятелем Лихвинского Покровского Доброго монастыря, 13.IV.1890 г. возведен в сан игумена. О. Агапит был пожалован наперсным крестом (1886), орденом Святой Анны III степени (1894) [1]. В 1894-1897 гг. он - настоятель Мещовского Георгиевского монастыря, где становится архимандритом (26.V.1896) и местным благочинным (с 19.IX.1896). В следующем году старец по своему прошению был помещен на покой в Козельскую Введенскую Оптину Пустынь, где с 24 октября 1897 г. проживал в Иоанно-Предтеченском скиту [2].

"Маститый", как называет его скитский летописец, архимандрит Агапит являлся одним из столпов оптинского благочестия. Духовным окормлением у о. Агапита пользовались многие скитские братия, в их числе старцы: о.Нектарий (Тихонов), о.Варсонофий (Плиханков). Преданным учеником старца был монах Феодот (Герасимов, † 16.I.1900), замечательный подвижник Оптиной.

Труд по составлению жизнеописания преп. Амвросия велся о. Агапитом по соборному благословению оптинских старцев во главе с о. Иосифом (Литовкиным). Он задумывался как наиболее полный материал для грядущей канонизации святого, в которой не сомневалась его многотысячная паства. 10 марта 1900 г. в Скитской летописи появляется запись: "О. Архимандрит Агапит составил полное жизнеописание Старца Иеросхимонаха о. Амвросия. Рукопись одобрена Преосвященным Макарием, Епископом Калужским и Боровским. Вопрос о том, когда и на какие средства будет печататься рукопись, еще окончательно не решен. Материалом для составления сего жизнеописания послужили

---

[1] ОР РГБ. Ф. 213. 53. 13. Л. 1.
[2] Там же. Ф. 213. 1. 3. 1906 г.

преимущественно сказания о жизни Старца братий монастыря и Скита, которые собирал и редактировал один из братий Скита''. Кто был этим собирателем пока остается загадкой; возможно здесь участвовал и сам летописец, послушание которого исполнял тогда о. Варсонофий.

В сентябре того же года скитяне получили тираж ''Жизнеописания...'': ''Книга отпечатана в Москве в Типографии [А.И.] Снегиревой в количестве 1900 экземпляров. Из цензуры вышла 27 августа сего года и предназначена в пользу Оптиной Пустыни'', - отмечает Летопись 10 числа.

Перу о. Агапита принадлежит по-видимому ''Житие молдавского старца Паисия Величковского'', выпущенное Пустынью в 1906 г. Писал он и духовные стихи (''Злоумный разбойник'', 1898-1902) [3].

В 1907 г. о. Агапит выбыл из состава братства Предтеченского Скита и ''вследствии болезни ног, поместился в монастырской больнице'', где проживал уже до самой своей кончины [4]. В марте 1912 года после удаления старца Варсонофия в Старо-Голутвин монастырь, старшая скитская братия просила архимандрита Агапита занять должность скитоначальника и братского духовника, однако он ''по преклонным летам от сего предложения отказался'' [5]. Вместо него на эту должность был временно назначен иеромонах Нектарий. По его свидетельству, о. Агапит, прозревая будущее разорение обители, решил, что не в силах будет перенести столь тяжелой скорби.

В 1913 г. он, вместе с о. Анатолием (Потаповым) был приглашен для рассмотрения дела имяславцев в Москву, но оба старца так и не выехали, хотя согласились с посланием Святейшего Синода, осудившим новоявившуюся ересь.

Несмотря на тяжелую душевную болезнь, омрачившую последние годы жизни старца, он сохранял твердость духа, а в минуты возвращения к нему ясного сознания, к нему даже приходили за наставлением последние старцы Пустыни - о. Анатолий и о. Нектарий. Скончался приснопамятный архимандрит Агапит в промежутке между 1920-1922 гг. [6].

Р. БАГДАСАРОВ

---

[3] ОР РГБ. Ф. 213. 53.14.

[4] Там же. Ф. 214. 367. 31 дек. 1907.

[5] Там же. Ф. 213. 3. 23. Л. 18-19.

[6] Приношу благодарность о. Александру Марченкову за предоставление неопубликованных воспоминаний о старцах Нектарии и Агапите, содержащих эти сведения.

№ 1.

Аттестатъ Александра Михайловича Гренкова.

Объявитель сего, студентъ Александръ Гренковъ, Тамбовской Епархіи и округа, села Большой Липовицы, Дьячка Михаила сынъ, имѣющій отъ роду 22 года, [1]) обучался съ нисшихъ классовъ въ Тамбовскихъ Духовныхъ Училищахъ: Чистописанію, Россійской Грамматикѣ, Пространному Катихизису, Священной исторіи, Географіи, Ариѳметикѣ, Славянской Грамматикѣ, Церковному Уставу, Нотному Пѣнію, языкамъ Латинскому и Греческому. Поступилъ въ Семинарію 1830 года, сентября 1-го дня, и совершилъ въ оной учебный курсъ, при способностяхъ *очень хорошихъ*, при прилежаніи *постоянномъ*, при поведеніи *очень добромъ*. На окончательномъ испытаніи оказался успѣвшимъ: по классу чтенія священнаго Писанія *похвально;* въ наукахъ: Богословскихъ *весьма хорошо*, Церковно-Историческихъ *весьма хорошо*, Философскихъ *очень хорошо*, Физико-математическихъ *изрядно*, Словесныхъ *похвально*, Гражданской Исторіи *похвально*. Въ языкахъ: Еврейскомъ *изрядно*, Греческомъ *изрядно*, Французскомъ *хорошо*, Татарскомъ *хорошо*. Принадлежитъ къ первому разряду учениковъ. Сего 1836 года іюля 12 дня Семинарскимъ Правленіемъ, съ утвержденія его преосвященства, преосвященнѣйшаго Арсенія, епископа Тамбовскаго и Шацкаго и кавалера, возведенъ на степень студента, имѣющаго право Университетскаго студента, на основаніи § 62. Начертанія правилъ объ образованіи духовныхъ училищъ Высочайше утвержденнаго. Падучей болѣзни не имѣетъ. Нынѣ онъ, Гренковъ, уволенъ въ Тамбовское Епархіальное Вѣдомство. Въ свидѣтельство чего отъ правленія Тамбовской семинаріи и данъ ему сей аттестатъ за нижеслѣдующимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати. Іюля 15 дня 1836 года. Семинаріи ректоръ, архимандритъ Адріанъ. Семинаріи инспекторъ, архимандритъ Лаврентій. Секретарь Александръ Новосельскій. Письмоводитель Павелъ Гавриловскій № 378 [2]).

№ 2.

Подлинное письмо Г-жи П. Л—ой.

„Мнѣ видѣлась (во снѣ) большая толпа, въ средѣ которой была и я. Всѣ мы стояли у собора какой-то обители. Вдругъ раздался ударъ какъ бы грома. Всѣ въ трепетѣ спрашиваютъ причину. Открываются св. ворота, и возвѣщаютъ: „грядетъ Спаситель!“ Господь шелъ мимо насъ въ одеждѣ пас-

---

[1]) Годы въ аттестатѣ выставлены неправильно. Въ концѣ сего аттестата годъ окончанія Александромъ Михайловичемъ семинарскаго курса означенъ 1836-й; а извѣстно, что поступилъ онъ въ монастырь 1839 года 29-ти лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно онъ окончилъ курсъ 26-ти лѣтъ.

[2]) Аттестатъ хранится въ архивѣ Оптиной пустыни.

туха. Пройдя, онъ всталъ противъ толпы. Обождавъ немного, и озаривъ всю толпу Своимъ свѣтозарнымъ взглядомъ. Онъ поманилъ кого-то изъ толпы. На зовъ Его вышла крестьянка. По мѣрѣ того, какъ она твердо, не уклоняясь ни даже взглядомъ, шла ко Господу, лучи свѣта прорывались изъ нея, слабо освѣщая ее. Но когда она подошла ко Господу, стала облита свѣтомъ, какъ фатой, изъ подъ которой видна была вся красота ея.—Господь опять позвалъ. На зовъ Божій опять пошли мужикъ въ лаптяхъ и всѣ люди простаго быта — бабы, дѣвушки и проч.; но ни единаго изъ дворянъ, а толпа наша стала рѣдѣть.

Меня это изумило. Что за причина, что не видно никого изъ нашихъ? Господь ли не зоветъ, или никто неотликается на зовъ Его. А Спаситель пересталъ уже звать, скрестивъ руки, глядя на толпу какъ бы въ ожиданіи кого то. Тогда я подумала: видно, по случаю Эмансипаціи, сперва Господь звалъ крестьянъ; а теперь дѣло за дворянами. Мысль эта перешла въ душѣ въ вѣроятіе; и начала я думать: вотъ позоветъ меня также Господь. Къ этой мысли весьма естественной грѣховное сердце мое начало городить тьму предположеній. И начала думать я: почему же не меня, — вѣдь я дѣлаю же то и се и проч. Однимъ словомъ душа моя мгновенно прочла сама себѣ цѣлою хартію дѣлъ, будто бы имѣющихъ право на зовъ. Короче сказать, душа взошла въ губительную сферу самоправедности. Но все это было такъ естественно, положительно, что даже совѣсть моя не вопила, что останавливаюсь на такомъ хрупкомъ фундаментѣ. А Господь между тѣмъ все стоитъ, обозрѣвая насъ, и никого не зоветъ. Тогда мысль привела меня къ дѣйствію.

Недерзновенно, но какъ бы съ правомъ горячаго желанія выглянула я изъ толпы, и осмѣлилась сама спросить Господа, напоминая Ему: „не меня ли Господи?“—Грозно взглянулъ на меня Господь. Въ его взглядѣ былъ такой укоръ, пронизавшій душу!. . Онъ махнулъ рукой, и поняла душа моя: „отойди,—знать тебя не хочу“. Я упала отъ горести и сокрушенная этимъ взглядомъ. Надъ головой моей слышались слова нѣкоторыхъ: „зачѣмъ такое отчаяніе, горе? Видно, смерть дѣтей, предстоящая бѣдность съ потерею состоянія; но вѣдь это все поправимо, время и случай могутъ исправить“.

Не только слова толпы, но самыя горести, о коихъ вѣщали, казались мнѣ ничтожными въ сравненіи съ той громадою горя, которое напирало на душу мою.—„Все это ничто, говорю я,—меня Господь отвергъ, а вѣдь безъ Господа жить нельзя“.—Горе все сильнѣе и сильнѣе удручало меня. Сердце разрывалось на подобіе, какъ бы его сокрушали млатомъ. Это состояніе горести было выше всякаго выраженія.

Изможденная силилась я привстать, и когда только восклонила голову, вижу, — стоитъ надо мною Господь съ распростертыми объятіями, говоря: „вотъ какъ ко Мнѣ приходить надо! вотъ такъ ко мнѣ приходятъ!“—Вмѣсто прежняго строгаго взора, взоръ Его былъ уставленъ на меня съ полною любовію и милостію, такъ что до сихъ поръ памятенъ мнѣ этотъ взглядъ“.

№ 3.

Четыре письма Іеросхимонаха Амвросія къ разнымъ лицамъ.

Письмо первое къ настоятельницѣ N. Общины.

Возмогай о Господѣ и въ державѣ крѣпости Его, памятуя псаломское слово: Господь крѣпость людемъ Своимъ дастъ, Господь благословитъ люди Своя миромъ. И паки: миръ многъ любящимъ законъ Твой, и нѣсть имъ соблазна.

Правда, что и людямъ Божіимъ и мнящимся любить законъ Божій

нельзя обойтись безъ нѣкіихъ треволненій и потрясеній душевныхъ отъ окружающихъ обстоятельствъ, сопряженныхъ со многими неудобствами и встрѣчающимися непріятностями. Поэтому люди Божіи для нашего воспоминанія и укрѣпленія оставили въ Писаніи о себѣ такое свидѣтельство: проидохомъ сквозѣ огнь и воду, и извелъ ны еси въ покой. Отъ тяжкихъ и лютыхъ скорбей аки огнемъ горѣла ихъ внутренность; а со внѣ поливали какъ водою, разными непріятностями и поношеніями Водою очищается всякая нечистота, а огнемъ очищается самое золото. И о святыхъ сказано: яко злато въ горнилѣ искуси ихъ, и яко всеплодіе жертвенное пріятъ я. Не знаю, матушка N, въ какомъ ты находишься положеніи и расположеніи. А что въ настоящую пору приходитъ мнѣ на мысль, то и пишу тебѣ. Можетъ быть духоносныя слова Св. Писанія потребны тебѣ въ настоящую пору къ душевному твоему подкрѣпленію и утвержденію. Бываютъ такія минуты и съ праведниками Божіими, то-естъ требующія подкрѣпленія.—Пророкъ Илія, заклавшій безбоязненно нѣсколько сотенъ студныхъ жрецовъ предъ лицемъ всего Израиля, вскорѣ убоялся угрозъ одной безстудной женщины, и бѣжалъ въ пустыню, умоляя Бога о принятіи души его. Безъ помощи Божіей человѣкъ какъ человѣкъ, ни что же болѣе; а человѣкъ яко трава. А съ помощію Божіею одинъ человѣкъ, какъ пророкъ Илія, воюетъ противъ цѣлаго народа.

Поэтому, по слову Давида, возверзимъ печаль свою на Господа, и той насъ пропитаетъ. Юнѣйшій быхъ, ибо состарихся (т. е. отъ юности до старости) не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы. Впрочемъ для испытанія нашего и въ обителяхъ попущаются Промысломъ Божіимъ лишенія и недостатки на время, но потомъ восполняются. Тѣмъ и другимъ обучаемся во всемъ предаваться Промыслу Божію и всесвятой волѣ Его. Въ началѣ письма хотѣлъ написать тебѣ извиненіе и попросить прощеніе, что долго молчалъ, и только сбирался писать тебѣ, но отъ недосуга не могъ; а написалось иное.

Не знаю, пригоднымъ ли окажется написанное; но сказано негдѣ: еже писахъ, писахъ.

Письмо второе къ Благочинной Т. монастыря монахинѣ А.

Прости, что вскорѣ немогъ отвѣчать на послѣднее письмо твое, въ которомъ пишешъ о неожиданномъ столкновеніи съ сестрою, повидимому, для тебя самою близкою. Не вотще въ писаніи сказано: „и ближнія мои отдалече мене сташа“. Да и безъ писанія опытъ показываетъ, что оскорбленное самолюбіе и самихъ близкихъ далеко другъ отъ друга поставляетъ. Что дѣлать? у всѣхъ насъ немощь одна,—желаніе быть всегда правыми; и желаніе этой правости и другимъ досаждаетъ, и людей дѣлаетъ виноватыми предъ судомъ Божіимъ; потому что, какъ говоритъ св. Исаакъ Сиринъ, самооправданіе въ законѣ Евангельскомъ не назначено, т. е. не означено, вѣрнѣе не допущено; а сказано прямо и ясно: аще кто тя ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую. Основываясь на Евангельскомъ законѣ, всѣ святые и духоносные отцы единогласно утверждаютъ, что на всякое искушеніе побѣда—смиреніе съ терпѣніемъ. Смиримся и понудимся потерпѣть и мы, и обрящемъ покой душамъ нашимъ, по наставленію Самаго Господа, глаголющаго: „научитеся отъ Мене, яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ“. Къ тому же помяни слова блаженныя памяти О. Иг. Антонія, имъ нѣкогда тебѣ сказанныя: „пока мы находимся на землѣ, нигдѣ безъ скорби пребыть не можемъ; хотя бы залезли на облака, и тамъ отъ скорбей не уйдешь; по свидѣтельству Самого Господа: въ мирѣ скорбни будете. Но дерзайте, рекъ Господь: Азъ побѣдихъ міръ“. Слова эти показываютъ, чтобы

мы не отчаявались въ скорбяхъ, но надѣялись на помощь Божію, которую всегда и должны призывать или вѣрнѣе сказать, испрашивать отъ Господа. Придержись также совѣта Варсануфія Великаго: аще смиришися и оставиши волю свою созади, то на всякомъ мѣстѣ обрящеши покой. Скорбныя искушенія понуждайся переносить повозможному благодушнѣе, памятуя свои обѣты монашескіе и призывая Божію помощь.

Привѣтствую о Господѣ килейную твою Марію, и обѣимъ вамъ желаю мирнаго и терпѣливаго пребыванія.

Письмо третіе къ Графу А. П. Т. (Объясненіе сновидѣнія). Писано въ концѣ 1866 года.

Одинъ благочестивый священникъ Тверской епархіи видѣлъ во снѣ обширную пещеру, слабоосвѣщенную одною лампадою; въ пещерѣ много духовенства; за лампадою образъ Божіей Матери, предъ образомъ стояли въ облаченіяхъ архипастырь Московскій [1]) (находящійся въ живыхъ) и покойный протоіерей Ржевскій о. М., родитель означеннаго священника, въ жизни своей отличавшійся особеннымъ благочестіемъ. Всѣ стоятъ въ безмолвіи и и въ страхѣ. У входа въ пещеру самъ священникъ, и одно мірское лицо, духовный сынъ покойнаго протоіерея: оба они дрожатъ, а войдти не смѣютъ. Среди безмолвныхъ моленій слышатся ясно слѣдующія слова: „мы переживаемъ страшное время, доживаемъ седьмое лѣто". Съ сими словами пробужденіе въ большемъ волненіи и страхѣ. Сонъ повторяется до трехъ разъ все тотъ же, безъ малѣйшаго измѣненія, явный и страшный.

Ни священникъ, видѣвшій это, ни духовный сынъ о. М., оба рѣшительно ничего не понимаютъ, что значитъ сонъ, ни даже откуда онъ.

Рѣшать подобныя вещи неудобно. Впрочемъ, чтобъ васъ не оставитъ безъ отвѣта, скажемъ нѣсколько, какъ думаемъ объ этомъ, основываясь на свидѣтельствѣ Божественныхъ и св. отеческихъ Писаній.

Были примѣры, что нѣкоторые довѣрялись всякимъ снамъ, впадали въ обольщеніе вражіе и повреждались. Поэтому многіе изъ святыхъ возбраняютъ довѣрять снамъ. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ въ 3-й степени говоритъ: вѣрующій сновидѣніямъ во всемъ неискусенъ есть, а никакому сну не вѣрующій любомудрымъ почесться можетъ. Впрочемъ сей же святый дѣлаетъ различіе сновъ и говоритъ, какимъ вѣрить можно, и какимъ вѣрить не должно. Бѣсы, пишетъ онъ, нерѣдко въ ангела свѣтла и въ лице мучениковъ преобразуются, и показуютъ намъ въ сновидѣніи, будто мы къ нимъ приходимъ; а когда пробуждаемся, то исполняютъ насъ радостію и возношеніемъ; и сіе да будетъ тебѣ знаменіемъ прелести. Ибо ангелы показуютъ намъ во снѣ муки и судъ и осужденіе, а пробуждшихся исполняютъ страха и сѣтованія. Когда мы во снѣ вѣрить бѣсамъ станемъ, то уже и бдящимъ намъ ругатися будутъ. Тѣмъ только вѣрь снамъ, кои о мукѣ и о судѣ тебѣ предвозвѣщаютъ; а если въ отчаяніе приводятъ, то знай, что и оныя отъ бѣсовъ суть (отд. 28).

А ближайшій ученикъ Семеона Новаго Богослова, смиренный Никита Стифатъ еще яснѣе и опредѣленнѣе пишетъ о сновидѣніяхъ. Онъ во 2-й сотницѣ, во главѣ 60, 61, 62 и 63 говоритъ: Одни изъ сновидѣній суть простые сны, другіе—зрѣнія, иные—откровенія. Признакъ простыхъ сновъ такой, что они не пребываютъ въ мечтательности ума неизмѣнными, но имѣютъ мечтаніе смущенное и часто измѣняющееся изъ одного предмета въ другой; отъ каковыхъ мечтаній не бываетъ никакой пользы, и самое то мечтаніе по возбужденіи отъ сна погибаетъ, почему тщательные и должны это презирать.

---

[1]) Митрополитъ Филаретъ.

Признакъ зрѣній такой, что они, вопервыхъ, бываютъ неизмѣнны, и не преобразуются отъ одного въ другое, но остаются напечатлѣнными въ умѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ и не забываются. Вовторыхъ, они показываютъ событіе или исходъ вещей будущихъ, и отъ умиленія и страшныхъ видѣній бываютъ виновны душевной пользы, и зрящаго, по причинѣ страшнаго неизмѣннаго видѣнія зримыхъ, приводятъ въ трепетъ и сѣтованіе; и потому видѣнія такихъ зрѣній за великую вещь вмѣнять должно тщательнымъ.

Простые сны бываютъ людямъ обыкновеннымъ, подверженнымъ чревоугодію и другимъ страстямъ; по причинѣ мрачности ума ихъ воображаются и наигрываются разныя сновидѣнія отъ бѣсовъ. Зрѣнія бываютъ людямъ тщательнымъ и очищающимъ свои душевныя чувства, которые чрезъ зримое въ сновидѣніи благодѣтельствуемы бываютъ къ постиженію вещей Божественныхъ и къ большему духовному восхожденію. Откровенія бываютъ людямъ совершеннымъ и дѣйствуемымъ отъ Божественнаго Духа, которые долгимъ и крайнимъ воздержаніемъ и подвигами и трудами по Бозѣ достигли степени пророковъ Церкви Божіей, какъ говоритъ Господь чрезъ Моисея: аще будетъ пророкъ въ васъ, во снѣ явлюся ему и въ видѣніи возглаголю къ нему (Числ. 12, 6). И чрезъ пророка Іоиля: (2, 28) и будетъ по сихъ: излію отъ Духа моего на всяку плоть, и пророкутъ сынове ваши и дщери ваши, и старцы ваши сонія узрятъ; и юноты ваши видѣнія увидятъ. (Добротолюбія 7, 2).

На основаніи словъ смиреннаго Никиты, означенное сонное видѣніе можно отнести къ числу зрѣній. Обширная пещера, слабо освѣщенная одною лампадою, можетъ означать настоящее положеніе нашей Церкви, въ которой свѣтъ вѣры едва свѣтится; а мракъ невѣрія, дерзко-хульнаго вольнодумства и новаго язычества, превосходящаго дѣлами своими древнее язычество, всюду распространяется, всюду проникаетъ. Истину эту подтверждаютъ слышанныя слова: „мы переживаемъ страшное время“. Живой святитель и покойный протоіерей, въ облаченіи молящіеся вмѣстѣ предъ иконою Божіей Матери, даютъ разумѣть, что и прочее видѣнное духовенство было двоякое. Видно, достойные пастыри, живые и отшедшіе ко Господу, взирая на бѣдственное состояніе нашей Церкви, и умоляютъ Царицу Небесную, да распростретъ Она Всевышній Покровъ Свой надъ бѣдствующею Церковью нашею, и да защититъ, и да сохранитъ слабыхъ, но имѣющихъ благое произволеніе ко спасенію. Оба стоящіе у входа въ пещеру, которые дрожали отъ страха и войдти не смѣли, можетъ быть, означаютъ людей съ живымъ участіемъ и со скорбію и даже со страхомъ взирающихъ на печальное событіе настоящаго времени, въ отношеніи вѣры и нравственности, но не прибѣгающихъ къ Царицѣ Небесной, и не молящихся Ей о покровѣ и помощи, подобно молившимся въ пещерѣ. Слова „мы доживаемъ седьмое лѣто“ могутъ означать время послѣднее, близкое ко времени антихриста, когда вѣрныя чада Единой Святой Церкви должны будутъ укрываться въ пещерахъ, и только всесильныя молитвы Божіей Матери могутъ тогда укрыть ихъ отъ преслѣдованія слугъ антихриста. Настоящему времени особенно приличны апостольскія слова: дѣти, послѣдняя година есть, и якоже слышасте, яко антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози быша: отъ сего разумѣваемъ, яко послѣдній часъ есть (2 Іоан. 2, 18). Въ настоящее время нѣкоторые добровольно уже принимаютъ печать антихриста на челѣ и на десной рукѣ; потому что ради свѣтскихъ приличій и мірскихъ выгодъ стыдятся ограждать себя крестнымъ знаменіемъ: и сперва поступаютъ такъ въ обществѣ ради стыда и ради человѣкоугодія, а потомъ отъ обычая не полагаютъ на себя крестнаго знаменія и дома, передъ вкушеніемъ пищи и питія и въ другихъ случаяхъ, чѣмъ сотворяютъ радость велію врагамъ душевнымъ, для которыхъ они, будучи неограждены силою креста и молитвы, дѣлаются игралищемъ и посмѣшищемъ.—Седьмое число въ церковной числительности великое имѣетъ значе-

ніе. Срокъ времени церковнаго числится седмодневными недѣлями. Православная Церковь содержится и руководствуется правилами седьми Вселенскихъ Соборовъ. Седмь таинствъ и седмь дарованій Св. Духа въ нашей Церкви. Откровеніе Божіе явлено было седьми Азійскимъ церквамъ. Книга судебъ Божіихъ, видѣнная въ Откровеніи Іоанномъ Богословомъ, запечатана седмью печатями. Седмь фіалъ гнѣва Божія изливаемыхъ на нечистивыхъ и проч. Все это седмиричное исчисленіе относится къ настоящему вѣку, и съ окончаніемъ онаго должно кончиться. Вѣкъ же будущій въ Церкви означается осьмымъ числомъ.—Шестой псаломъ надписаніе имѣетъ такое: Псаломъ Давиду, въ конецъ въ пѣснехъ, о осьмомъ,—по толкованію—о осьмомъ днѣ т. е. о всеобщемъ днѣ воскресенія и грядущаго страшнаго суда Божія, котораго боясь, пророкъ молитъ Бога, во умиленіи сердца, о оставленіи грѣховъ: „Господи да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене“, и пр.—Недѣля Антипасхи, или св. Ѳомы, въ цвѣтной Тріоди называется недѣлею о осьмомъ, т.-е. вѣчномъ днѣ и нескончаемомъ, который уже не будетъ прерываться темнотою ночей. „Нощи не будетъ тамо“, т.-е. въ небесномъ Іерусалимѣ, говорится въ Откровеніи (23, 5).—Блаженъ, кто сподобится наслаждаться блаженствомъ блаженнаго и нескончаемаго дня сего, еже буди всѣмъ намъ получити благостію и милосердіемъ и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа, Ему же подобаетъ слава и держава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Повторимъ опять слова смиреннаго Никиты, что зрѣнія въ сновидѣніяхъ посылаются для пользы душевной, и потому должно дорожить ими тщательному. Кромѣ сказаннаго, другая ближайшая польза отъ означеннаго видѣнія можетъ быть слѣдующая. Извѣстно, что между покойнымъ протоіереемъ и находящимся еще въ живыхъ архипастыремъ было нѣкоторое недоразумѣніе. Первый о послѣднемъ отъ нѣкоторыхъ случаевъ иногда выражался довольно рѣзко предъ своими дѣтьми и близкими. Но путаницы и недоразумѣнія бываютъ только между живыми; смерть же обнажаетъ истину, какова она есть. Можетъ быть, по молитвамъ покойнаго о. М., всеблагій и премудрый Промыслъ Божій, устрояющій всегда полезное для рабовъ своихъ, показалъ въ означенномъ видѣніи обоихъ молящимися вмѣстѣ, чтобы объ одномъ уничтожить невыгодное и неполезное для нѣкоторыхъ мнѣніе, а другаго совершенно избавить отъ вины, если бы какая была отъ неблаговременной ревности. Единъ Господь знаетъ тайныя намѣренія и тайныя причины, по которымъ человѣкъ дѣйствуетъ такъ или иначе: люди же смотрятъ только на лицо, или на внѣшнія дѣйствія, не постигая тайныхъ намѣреній сердечныхъ.

Недоразумѣнія бываютъ и между святыми. Св. Кириллъ Александрійскій, отъ неправильныхъ слуховъ, имѣлъ невыгодное мнѣніе о св. Іоаннѣ Златоустѣ, и при жизни его и даже по смерти; но Царица Небесная чрезъ особенное видѣніе уничтожила это недоразумѣніе и примирила ихъ. А между Серапіономъ арх. Новгородскимъ и Іосифомъ игуменомъ Волоколамскимъ было не малое время не только недоразумѣніе, но даже и самое судьбище. Незлобивый и довѣрчивый Серапіонъ, по вмѣшательству нѣкоторыхъ лицъ, подвергъ было суду мудраго и дальновиднаго Іосифа, и сей вызвалъ его въ Москву къ верховному суду; и Серапіонъ остался виновнымъ. Незадолго только до ихъ смерти упразднилось недоразумѣніе, и водворился между святыми святый миръ. Теперь мощи обоихъ свидѣтельствуютъ о ихъ правости и святости.

Не облѣнимся написать и о третьей душевной пользѣ. Смиренный Никита говоритъ, что тщательный можетъ извлекать себѣ пользу и изъ самыхъ простыхъ сновъ, познавая чрезъ нихъ расположенія и дѣйствія своей

души и тѣла. Познавши наклонности и недуги свои внутренніе, онъ можетъ, если хочетъ, употребить и приличныя для нихъ врачевства. Склонный къ сребролюбію видитъ во снѣ золото, которое онъ умножаетъ лихвою, или скрываетъ въ тайномъ мѣстѣ, или подвергается суду какъ немилосердый, или истязываетъ отъ другихъ. Подверженный сластолюбію и невоздержанію—видитъ во снѣ, или различныя снѣди, или предметы соблазняющіе. Недугующему гнѣвомъ и завистію въ сновидѣніяхъ представляется, будто онъ гонимъ, или звѣрьми, или ядовитыми пресмыкающимися, или вообще подвергается какимъ страхованіямъ и боязни. Если кто любитъ суетную славу, то мечтаются ему похвалы и торжественныя встрѣчи отъ людей, начальственные и властительскіе престолы. Исполненный гордости и киченія мечтаетъ во снѣ, будто онъ разъѣзжаетъ на великолѣпныхъ колесницахъ, и иногда будто на крыльяхъ летаетъ по воздуху, или всѣ трепещутъ его великой славы. Напротивъ же, Боголюбивый человѣкъ будучи тщательнымъ въ дѣланіи добродѣтельномъ, и праведенъ въ подвигахъ благочестія (то есть не уклоняясь, ни въ безмѣрность, ни въ оскудѣніе), и будучи чистъ душею отъ пристрастія и привязанности къ вещественному и чувственному, зритъ въ сновидѣніяхъ исходъ вещей будущихъ и откровеніе вещей страшныхъ, и пробуждаясь отъ сна застаетъ себя всего молящагося съ умиленіемъ души и тѣла, такъ что находитъ на ланитахъ своихъ слезы, а въ устахъ бесѣду съ Богомъ.

Всеблагій Господь, по неизреченному человѣколюбію своему, да вразумитъ всѣхъ насъ, и наставитъ на все полезное и душеполезное и спасительное.

Письмо четвертое къ тому же лицу.

Выписка изъ письма, полученнаго въ Скиту отъ 7 іюля 1871 г.

„Какъ будто нахожусь въ своемъ домѣ, и стою въ прихожей; далѣе комната, въ которой на простѣнкѣ между оконъ находится икона въ большомъ размѣрѣ Бога Саваоѳа, издающая ослѣпительный свѣтъ, такъ что изъ другой комнаты (т.-е. прихожей) нельзя было смотрѣть на нее. Затѣмъ еще далѣе комната, въ которой находятся протоіерей М. А. и покойный митрополитъ Филаретъ, и эта комната вся наполнена книгами: по стѣнамъ отъ потолка до пола книги; на длинныхъ столахъ грудами книги; и мнѣ непремѣнно нужно пройдти въ эту комнату, но меня удерживаетъ страхъ, какъ пройдти черезъ такой поражющій свѣтъ. Но необходимость принуждаетъ преодолѣть страхъ, и я съ ужасомъ, закрывъ рукою лицо, перехожу первую комнату, и, войдя въ слѣдующую, вижу протоіерея М. А. въ переднемъ углу. Онъ читаетъ книгу. А ближе къ двери стоитъ митрополитъ, одѣтый въ простую черную рясу; на головѣ скуфейка; въ рукахъ разогнутая книга; и головою показываетъ мнѣ, чтобы и я нашелъ подобную книгу, и развернулъ ее. Въ то же время митрополитъ, поворачивая листы своей книги, говоритъ: Римъ, Троя, Египетъ, Россія, Библія.—Вижу, что и въ моей книгѣ крупным словами написано: „Библія“.

„Тутъ сдѣлался шумъ, и я проснулся въ большомъ страхѣ.—Много думалъ: чтобы все это значило? Мнѣ сонъ кажется грознымъ, и лучше бы ничего не видать. Нельзя ли опытныхъ въ духовной жизни спросить о значеніи этого сновидѣнія? Самому мнѣ внутренній голосъ объясняетъ сонъ, но объясненіе такое ужасное, что не хотѣлось бы согласиться съ нимъ.“

Объясненіе Старцемъ сновидѣнія.

Кому показано было это замѣчательное сонное видѣніе, и кто слышалъ тогда многозначительныя слова, тому по всей вѣроятности и внушено было,

чрезъ ангела хранителя, объясненіе видѣннаго и слышаннаго, какъ и самъ онъ сознается, что ему внутренній голосъ объяснялъ значеніе сна. Впрочемъ и мы, какъ вопрошенные, скажемъ свое мнѣніе, какъ о семъ думаемъ.

Видѣніе ослѣпительнаго свѣта отъ иконы Господа Саваоѳа, и въ слѣдующей затѣмъ комнатѣ видѣнное множество книгъ, и стоящіе тамъ съ книгами покойные: митрополитъ Филаретъ и протоіерей М. А., и произнесенныя однимъ изъ нихъ слова „Римъ, Троя, Египетъ, Россія, Библія“ могутъ имѣть такое значеніе.

Вопервыхъ, все касающееся до сотворенія міра, судьбы народовъ и спасенія людей Господь Вседержитель открылъ избраннымъ святымъ мужамъ, пророкамъ и апостоламъ, просвѣтивъ ихъ свѣтомъ Своего Божественнаго познанія, а ими все это передано людямъ, и написано въ Библіи, то-есть въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Вовторыхъ, множество другихъ, видѣнныхъ тамъ книгъ, можетъ означать то, что всѣ, сказанное въ Библіи прикровенно и неясно, объяснено другими избранными отъ Бога святыми мужами, пастырями и учителями единой, соборной, апостольской, православной Церкви.

Въ третьихъ, что митрополитъ Филаретъ и протоіерей М. А. видѣны были съ книгами въ рукахъ, можетъ означать, что они въ продолженіи своей жизни поучались о судьбахъ человѣчества не изъ простыхъ книгъ человѣческихъ (въ которыхъ нерѣдко встрѣчаются мнѣнія неправильныя, вводящія въ заблужденіе), а изъ книгъ библейскихъ, и сказанное въ Библіи, прикровенно и неясно, толковали не по своему разумѣнію, а какъ объяснено въ книгахъ мужей Богодухновенныхъ, и просвѣщенныхъ свыше свѣтомъ Божественнаго познанія; къ чему побуждали и видѣвшаго, чтобы и онъ на все искалъ объясненіе не въ простыхъ книгахъ человѣческихъ, а въ книгахъ святыхъ и богодуховенныхъ отцевъ православной Церкви.

Въ четвертыхъ, что протоіерей М. А. стоялъ въ переднемъ углу, который обычно признается молитвенныхъ, можетъ означать, что онъ не только поучался сказаннымъ образомъ, но и молился о вразумленіи свыше.

Въ пятыхъ слова „Римъ, Троя, Египетъ“ могутъ имѣть слѣдующее значеніе:

Римъ, во время Рождества Христова, былъ столицею вселенной, и съ возникновеніемъ патріаршествъ имѣлъ первенство чести. Но за властолюбіе и уклоненіе отъ истины впослѣдствіи подвергся отверженію и уничиженію.

Древняя Троя и древній Египетъ замѣчательны тѣмъ, что за гордость и нечестіе наказаны, первая разореніемъ, а вторый различными казнями, и наконецъ потопленіемъ Фараона съ воинствомъ въ Чермномъ морѣ. Въ христіанскія же времена, въ странахъ, гдѣ находилась Троя, основаны были двѣ христіанскія патріархіи, Антіохійская и Константинопольская, которыя долгое время процвѣтали, украшая православную Церковь благочестіемъ и правыми догматами, но впослѣдствіи, по недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ, подверглись владычеству варваровъ-магометанъ, и доселѣ несутъ это тяжкое рабство, стѣсняющее свободу христіанскаго благочестія и правовѣрія. А въ Египтѣ вмѣсто древняго нечестія, въ первыя времена христіанства, такое процвѣтало благочестіе, что пустыни его населялись десятками тысячъ монашествующихъ, не говоря уже о численности и множествѣ благочестивыхъ мірянъ, отъ которыхъ они происходили. Но потомъ, по причинѣ распущенности нравовъ, и въ этой странѣ послѣдовало такое оскудѣніе въ христіанскомъ благочестіи, что въ нѣкоторое время въ Александріи патріархъ оставался только съ однимъ пресвитеромъ.

Въ шестыхъ, послѣ трехъ знаменательныхъ именъ „Римъ, Троя, Египетъ“ помянуто имя и Россіи, которая въ настоящее время хотя и считается государствомъ православнымъ и самостоятельнымъ, но уже элементы иноземнаго иновѣрія и неблагочестія проникли, и внѣдриваются и у насъ, и угро-

жаютъ тѣмъ же, чему подверглись вышесказанныя страны. Затѣмъ слѣдуетъ слово „Библія“. Другаго еще государства не помянуто. Это можетъ означать, что если и въ Россіи, ради презрѣнія заповѣдей Божіихъ, и ради ослабленія правилъ и постановленій православной Церкви, и ради другихъ причинъ, оскудѣетъ благочестіе, тогда уже неминуемо должно послѣдовать конечное исполненіе того, что сказано въ концѣ Библіи, то есть, въ Апокалипсисѣ Іоанна Богослова.

Справедливо, видѣвшій это сновидѣніе, замѣчаетъ, что объясненіе, которое ему внушаетъ внутренній голосъ, ужасное. Страшно будетъ второе пришествіе Христово, и ужасенъ послѣдній судъ всего міра, но не безъ великихъ ужасовъ будетъ передъ тѣмъ и владычество антихриста, какъ сказано въ Апокалипсисѣ: и въ тыя дни взыщутъ человѣцы смерти, и не обрящутъ ея, и вожделѣютъ умрети, и убѣжитъ отъ нихъ смерть (Апок. 9, 6). Пріидетъ же антихристъ во времена безначалія, какъ говоритъ Апостолъ: дондеже держай отъ среды будетъ (2 Сол. 2, 7); то-есть когда не будетъ предержащей власти.

Въ седьмыхъ, кромѣ общаго значенія знаменательнаго сего сна для видѣвшаго должно быть тутъ и значеніе частное, особенное, собственно для него самаго. Вотъ уже въ другой разъ, въ знаменательныхъ снахъ, онъ видитъ по смерти вмѣстѣ двухъ означенныхъ лицъ митрополита Филарета и протоіерея М. А.; тогда какъ по его мнѣнію они въ жизни своей различно и мудрствовали, различно и дѣйствовали. О. протоіерей въ словахъ и дѣйствіяхъ держался всегда манеры прямой, обличительной, а иногда даже и рѣзкой. Митрополитъ же Филаретъ держался въ обращеніи и дѣйствіяхъ манеры мягкой и уклончивой, за что отъ перваго подвергался иногда и явному нареканію, почему близкіе о. М. имѣли не всегда выгодное мнѣніе о преосвященномъ Филаретѣ, и никакъ не думали, чтобы по смерти они были вмѣстѣ. Но Сердцевѣдецъ Богъ, судящій все по намѣреніямъ, а не по однимъ дѣйствіямъ, судилъ быть сему иначе, показывая въ знаменательныхъ снахъ обоихъ вмѣстѣ, и одинаково заботящихся и по смерти своей объ участи правовѣрныхъ и о вразумленіи близкихъ своихъ. Не вотще и Апостолъ говоритъ: тѣмже прежде времене ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь, иже во свѣтѣ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя. И тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога (1 Кор. 4, 5). Преподобный Макарій Египетскій пишетъ въ бесѣдахъ своихъ, что и самая благодать не измѣняетъ двухъ свойствъ въ характерахъ человѣческихъ, суроваго и мягкаго: имѣющій суровый и обличительный характеръ не можетъ быть спокоенъ тогда, когда будетъ умалчивать; а имѣющій характеръ мягкій и уклончивый можетъ потерять миръ душевный, если будетъ другихъ рѣзко обличать. Съ чѣмъ согласны и слова Апостола, глаголюща: кійждо своею мыслію да извѣствуется, овъ убо сице, овъ же сице.—Незадолго до своей смерти Московскій митрополитъ Филаретъ при случаѣ сказалъ одному Оптинскому старцу: „я всегда держался и держусь такого правила: гдѣ не предвижу успѣха, тамъ не начинаю дѣйствовать“.

Всеблагій Господь да вразумитъ всѣхъ насъ во благое, душеполезное и спасительное, и да помилуетъ по неизреченному Своему человѣколюбію!

№ 4.

Слово іеромонаха Григорія (Борисоглѣбскаго, впослѣдствіи архимандрита) сказанное 13-го октября, въ концѣ литургіи, предъ совершеніемъ чина погребенія надъ тѣломъ почившаго о Господѣ Старца, Іеросхимонаха Амвросія.

Что нынѣ за велелѣпное торжество въ сей бѣдной обители? Въ простомъ и маленькомъ храмѣ идетъ торжественная служба. Самъ архипастырь

съ благолѣпнымъ великимъ сонмомъ священнослужителей днесь предстоитъ въ сей церкви. Зачѣмъ—далѣе—здѣсь эти несмѣтныя толпы народа, которыхъ не могъ вмѣстить храмъ? Что ихъ привлекло сюда?—Но не дивитеся сему. Въ этой бѣдной обители живетъ человѣкъ, котораго знала вся святая Русь, къ которому издавна еще шли несмѣтныя толпы народа со всѣхъ ея концевъ; въ его тѣсной монашеской келіи перебывали и святители, и князья, и вельможи, и мужички, и богачи, и бѣдняки; имя этого человѣка было извѣстно и въ царскихъ палатахъ и въ деревенскихъ избахъ. Тутъ-батюшка, старецъ Амвросій, великій пастырь-печальникъ Русской земли. Онъ то и привлекъ сюда нынѣ сей великій сонмъ его почитателей. Его ради и совершается сія торжественная Божія служба.—Но зачѣмъ печаль на всѣхъ этихъ лицахъ? Зачѣмъ эти непрерывавшіяся денно и нощно горячія слезы и рыданія? Зачѣмъ этотъ четвородневный плачъ? Правда, и келлія старца и стѣны этого святаго храма привыкли къ искреннимъ и горячимъ слезамъ приходившихъ сюда. Печальникъ Русской земли умѣлъ заставить плакать тѣхъ, которые забыли слезы съ самаго дѣтства. Сіе мѣсто было по преимуществу мѣстомъ плача. Но то обычно бывали или слезы умиленія, или слезы покаянія. Тѣ слезы и рыданія сопровождали рожденіе духовной жизни. Не тѣ стоны и не тѣ рыданія слышатся теперь здѣсь. Церковные вопли: Со святыми упокой, вѣчная память,—немолчно вотъ уже четвертый день оглашаютъ то мѣсто, гдѣ чаще молились только о мирѣ, жизни здравіи, и спасеніи. Что же это? Неужели тотъ, кто самъ произвелъ столько духовныхъ рожденій, кто умѣлъ прямо таки воскрешать отъ нравственнаго омертвенія, отъ котораго широкою рѣкой лилась благодать мира, жизненнаго успокоенія, который самъ умѣлъ утирать всякія слезы и утѣшать во всякихъ тягчайшихъ невзгодахъ, неужели этотъ человѣкъ самъ отдался смерти, самъ перешелъ въ ту область, гдѣ знаютъ только одно будущее воскресеніе, самъ явился виновникомъ этихъ неутѣшныхъ слезъ?!

Да, батюшки о. Амвросія больше уже нѣтъ. Хотя и теперь привлекъ сюда эти многочисленныя толпы онъ же, но только за тѣмъ, чтобы проститься съ ними навсегда, Онъ во гробѣ. И сіе—великое, страшное событіе. Это—потеря всеобщая, потеря невознаградимая.—Тѣ замѣчательные глаза, оживлявшіе почти совсѣмъ омертвѣвшее тѣло, въ которыхъ всегда свѣтился огонекъ неба, такъ дѣйствовавшій на сердца человѣческія, лучи котораго будто проникали въ самую глубь души собесѣдника и читали тамъ, какъ на бумагѣ, лѣтопись прошлаго и настоящаго, эти глаза померкли и закрылись мертвенною печатью. Ужъ больше имъ не пронизать души человѣческія!—Тѣ учительныя уста, сильныя не препретельными человѣческой премудрости словами но явленіемъ духа (1 Кор. II, 4), сильнѣйшей любви къ ближнему, умѣвшія самымъ безыскуственнымъ словомъ побѣждать избалованные краснорѣчіемъ и наукой умы, уста дышавшія только миромъ, любовію и утѣшеніемъ, теперь замкнулись навсегда. Ужъ больше мы не услышимъ благословеній батюшки; ужъ больше не раздастся его святая рѣчь. По внушенію Церкви, намъ чудится, что эти мертвыя уста, вмѣсто словъ жизни и утѣшенія, взываютъ къ намъ словами смерти: восплачите о мнѣ друзья и знаеміи! — Тѣ сильныя въ своей немощи руки, которыя утирали безчисленныя чужія слезы, теперь сами орошены слезами. Раньше онѣ направо и на лѣво благотворили всѣмъ и каждому, а теперь не поднимутся больше для благотвореній. Раньше онѣ не только твердо несли свой крестъ, но имѣли неимовѣрную силу помогать въ несеніи многочисленныхъ жизненныхъ крестовъ; а теперь онѣ сложились сами въ крестъ на страдальческой груди; и эта грудь понесетъ съ собою тяжесть этого креста въ могилу.—Увы! старца не стало.

Плачь, святая Русь! Ты лишилась въ этомъ нищемъ духомъ и тѣломъ отшельникѣ своего великаго печальника, любившаго тебя всею силою христіанской любви, отдавшаго тебѣ всю свою жизнь и, можно сказать, принес-

шаго тебѣ ее въ жертву. Ужъ больше ты не придешь къ Оптинскому старцу о. Амвросію съ своими скорбями и горестями за утѣшеніемъ. Ужъ больше ты не пошлешь къ нему ни Достоевскихъ, ни Толстыхъ, чтобъ имъ поучиться у простого монаха высшей наукѣ: умѣнію жить по человѣчески, по христіански. — Возрыдай горько, святая Оптинская обитель! Ты лишилась своего старца, который былъ носителемъ святыхъ преданій старчества, издавна украшавшемъ тебя. Ты лишилась своего наилучшаго сына, болѣе 50 лѣтъ служившаго тебѣ вѣрою и правдой, воздвигшаго тебѣ прекрасный храмъ, и все время отечески заботившагося о твоемъ духовномъ процвѣтаніи. Ужъ больше вы, Оптинскіе иноки, въ минуты, когда тяжесть иноческаго креста сильнѣе сдавитъ силы вашего духа, когда душа возскорбитъ и востоскуетъ глубже обыкновеннаго, не пойдете вы за вѣрнымъ облегченіемъ къ дорогому батюшкѣ о. Амвросію. Плачь горькими слезами и ты здѣшняя Шамординская община! Плачь такъ, какъ плачетъ малый ребенокъ, потерявшій своихъ родителей и не знающій: кто-то заступитъ ему вмѣсто усопшихъ, кто-то приласкаетъ, накормитъ напоитъ его. Въ почившемъ ты лишилась своего духовнаго отца, который любилъ тебя всею силой своей самоотверженной пастырской любви. Онъ тебя родилъ рожденіемъ духовнымъ на свѣтъ Божій; онъ, какъ нѣжная мать, лелѣялъ тебя во дни твоего младенчества; онъ отдавалъ тебѣ всѣ, стекавшіяся къ нему пожертвованія; онъ устроилъ тебѣ сей храмъ святый; онъ отдалъ тебѣ всѣ послѣдніе дни своей многострадальной жизни, которые провелъ въ твоихъ стѣнахъ, чтобы на закатѣ своихъ дней своимъ присутствіемъ, своимъ глазомъ и словомъ сильнѣе вдохновить трудящихся надъ твоимъ устроеніемъ духовнымъ и тѣлеснымъ. Онъ отдалъ тебѣ самый лучшій разцвѣтъ своего пастырскаго дѣланія. Плачте матери и сестры! Вашего отца и благодѣтеля, вашего старца и батюшки не стало. Вы остались горькими сиротами [1]).

Но да не будетъ скорбь наша неутѣшна. Да не смущается сердце ваше; не печальтесь, братіе, что этотъ пастырь—аскетъ предъ своею смертью не сдѣлалъ такъ, какъ дѣлаютъ люди міра сего. Не скорбите, что его стяжанія не переписаны подробно въ завѣщаніи, что его наслѣдство не раздѣлено между нами. Сокровищъ, которыми владѣлъ пастырь—аскетъ, такъ много, что ихъ не вмѣстить листамъ завѣщанія; они такъ велики, что ихъ и не подѣлить всѣмъ намъ; они таковы по самому существу своему, что каждый изъ насъ подходите къ этому гробу, и берите въ свою душу столько изъ этихъ стяжаній, сколько можетъ вмѣстить душа каждаго. Не думайте, что этого наслѣдства не хватитъ всѣмъ намъ. Его достанетъ и присутствующимъ и отсутствующимъ; его много останется и на будущее время, если только благоговѣйная память сумѣетъ передать потомству дивный образъ почившаго —И такъ, пріидите отцы и братіе, матери и сестры къ сему гробу; тутъ сложено сокровище, которое покойный заботливо собиралъ во всю свою жизнь долголѣтнюю, и бережно сохранилъ до самаго послѣдняго, смертнаго часа.

Пріиди прежде всего къ этому гробу весь христіанскій православный міръ и научись у этого человѣка, бѣжавшаго отъ міра въ пустыню, тому, какъ жить тебѣ по христіански, по Божіи, въ юдоли міра. Внимательнѣе читай его „духовную“ и бережнѣе храни его завѣты. Се—воистину христіанинъ, въ немъ же себялюбія нѣсть.—Всякое напоминаніе о смерти, этомъ неизбѣжномъ концѣ нашей земной жизни, обычно заставляетъ насъ задумываться о смыслѣ жизни. Этотъ гробъ, поглотившій того, кто пользовался всеобщей любовью, кто расточалъ добро направо и налѣво, особенно располагаетъ насъ думать объ этомъ жизненномъ смыслѣ.—Ужасъ и трепетъ объ-

---

[1]) Это несовсѣмъ вѣрно: потому что и по кончинѣ Старца Амвросія, оставшіеся въ живыхъ Оптинскіе старцы принимали и принимаютъ въ Шамординской общинѣ живое участіе.

емлетъ душу, когда вспомнишь и сопоставишь: какъ мы должны жить, и какъ мы живемъ на самомъ дѣлѣ. Припомните ученіе Спасителя. Вспомните Его св. Евангеліе. Къ какому жизнеустроенію тамъ призываются христіане? Жизнь для неба, жизнь для Бога, — вотъ наше земное призваніе. Небо родило насъ, Господь вложилъ въ насъ Свой образъ. На небо же, къ Тому же Господу мы и должны идти послѣ здѣшней жизни. Земля — гостинница, куда зашли мы лишь какъ бы по пути, подобно вотъ этимъ богомольцамъ, которые налегкѣ пришли сюда, и кое-какъ расположились на три-четыре дня въ первомъ попавшемся уголкѣ, и живутъ, довольствуясь самымъ необходимымъ, смотря на окружающую ихъ обстановку, какъ на чужое, имѣющее для нихъ только временное значеніе. Намъ на землѣ не нужно никакихъ привязанностей. Что намъ богатство, что намъ знатность, что намъ слава, что намъ удовольствія, что намъ личная польза! Все это — временное, все это земное. Все это дальше такого же тѣснаго, бѣднаго гроба, да темной дышащей тлѣніемъ, могилы за нами не пойдетъ; все это останется здѣсь. Что намъ себялюбіе, когда все Евангеліе, весь Божескій законъ только объ одномъ и говорятъ; одному только и научаютъ: любви! Люби Бога, люби ближняго; живи отнюдь не для себя, а для блага тѣхъ, кои возлѣ тебя. Въ исполненіи этой заповѣди, въ любви—главный и существенный признакъ того, кто хочетъ быть истиннымъ ученикомъ и послѣдователемъ Господа Іисуса. Что за блаженныя были времена первыхъ вѣковъ христіанства, когда всѣ христіане жили, какъ одинъ человѣкъ, когда стяжанія приносились ихъ владѣльцами къ ногамъ св. апостоловъ, когда не боялись никакихъ мученій за Христа, и охотно шли на всякую казнь, когда любовь была единственнымъ закономъ.—А что теперь? Простите мнѣ, иноки и инокини, если я заставлю васъ оглянуться своимъ духовнымъ взоромъ на тотъ грѣшный міръ, который вы оставили. Оглянитесь и вы туда, міряне, откуда пришли въ это святое мѣсто. Какъ тамъ живутъ? О чемъ больше думаютъ? Куда стремятся? Кто станетъ говорить, что христіанскій міръ живетъ совсѣмъ забывши Бога?! Кто станетъ отрицать, что всѣ тѣ несмѣтныя толпы народа, которыя ежедневно шли сюда, къ покойному старцу, за христіанскимъ наставленіемъ, суть все люди, не потерявшіе вѣры въ иной, высшій міръ, въ божественную правду и иное—не мірское утѣшеніе?! Но въ общемъ, своемъ подавляющемъ большинствѣ — этотъ міръ служитъ больше сатанѣ, чѣмъ Богу, больше работаетъ для земли и ветхаго человѣка, чѣмъ для неба и духа. Присмотритесь вы ближе къ этой житейской суетѣ міра Съ утра до поздней ночи, отъ ночи до утра міръ суетится для себя. Бываютъ, правда, минуты—войдетъ человѣкъ въ храмъ; обниметъ его сила иной, небесной жизни — и онъ въ горячей молитвѣ забудетъ міръ съ его страстями, съ его безбожіемъ въ жизни; духъ его понесется на небо; онъ готовъ послѣ жить только для неба, готовъ обнять своими объятьями все человѣчество; онъ съ умиленіемъ смотритъ на свои грѣхи и пороки, — и въ его душѣ разливается какой-то особенный миръ... Но вотъ онъ опять внѣ храма; проходитъ два три момента— и увы! гдѣ прежній миръ?! Гдѣ прежнія любовь и вѣра?! Духъ суеты мірской, какъ ураганъ въ пустынѣ, дохнетъ на прослезившагося человѣка своею страдной, житейской заботой,—и снова начинается старая жизнь по плоти, снова открывается работа міру и страстямъ. И такъ до новаго момента поднятія духа. Приглянитесь вы къ обыденной жизни, какъ она идетъ? Что больше всего тревожитъ родителей въ будущемъ ихъ дѣтей? Вы думаете — сдѣлать ихъ хорошими христіанами? воспитать въ нихъ самоотверженную любвь къ ближнимъ? научить ихъ о себѣ заботиться послѣ того, какъ будутъ окончены уже заботы о ближнемъ, и спѣшить помощью изъ своего имущества всякому, истинно нуждающемуся ближнему? Увы! Если отъ всего этого прямо не наставляютъ удаляться, какъ отъ странныхъ предразсудковъ, то объ этомъ во всякомъ случаѣ молчатъ; и выходитъ, что сынъ мечтаетъ

о доходномъ мѣстѣ, а дочь — о богатомъ мужѣ. Того, что зовутъ христіанскимъ идеализмомъ, вы не найдете въ этой жизни. Пожалуй, встрѣтите его въ молодомъ, школьномъ поколѣніи; но тутъ онъ зачастую бываетъ естественнымъ, а не благодатнымъ христіанствомъ. Да и эти юнцы, лишь только перешагнутъ пороги школъ, теряютъ всю дѣтскость своихъ душъ, и изъ дѣтей становятся самыми расчетливыми, экономными хозяевами, знающими только самихъ себя. А какъ относятся люди другъ къ другу? Что прежде всего въ этихъ отношеніяхъ? Себялюбіе, которое во всемъ видитъ и ищетъ только своей пользы. Что мнѣ говорить о тѣхъ страшныхъ грѣхахъ, которые порождаются этимъ самолюбіемъ. Пастырское сердце почившаго навѣрное хранитъ въ себѣ и понесетъ съ собой въ могилу обширнѣйшую лѣтопись этихъ грѣховъ, повѣданныхъ ему на духу.—И такъ, забывающій Бога христіанскій міръ! приди сюда и посмотри: какъ нужно устроять свою жизнь. Опомнись! оставь мірскую суету и познай, что на землѣ нужно жить только для неба. Вотъ предъ тобою человѣкъ, который при жизни былъ славенъ во всѣхъ концахъ Руси, а по смерти удостоился такихъ и искреннихъ слезъ воздыханій. А отчего? Въ чемъ его слава? Единственно только въ томъ, что онъ умѣлъ жить по Божіи, какъ подобаетъ истинному христіанину. Не думай, что жить на землѣ только для Бога — нельзя. Се гробъ, который обличитъ тебя. Въ чемъ—вы спросите—смыслъ такой жизни? Въ одномъ полномъ умерщвленіи всякаго самолюбія. Что у него было для себя? Ничего. Оставивъ міръ, родныхъ и знакомыхъ, онъ еще смолоду пошелъ въ монастырь, гдѣ, живя въ убогой келліи, питаясь самою скудною пищей, когда достаточно окрѣпъ въ борьбѣ съ плотскимъ человѣкомъ, всего себя отдалъ на служеніе ближнему. Съ утра до вечера онъ жилъ только на пользу ближнихъ. Онъ никому и никогда не отказывалъ въ совѣтахъ. Со всѣми обращался ласково. Часто къ вечеру у больного старца до того утомлялся языкъ, что онъ не могъ даже и говорить. А сколько онъ благотворилъ. Скольких людей онъ поднялъ на ноги, не однимъ только совѣтомъ, но и денежною помощью. А посмотрите на эту обитель: ее создала и воспитала его любовь. Онъ жилъ жизнью другихъ, радовался и печаловался радостями и печалями ближнихъ. У него, можно сказать, не было своей личной жизни. — И такъ, христіанинъ, приди къ этому гробу и научись тому, что на землѣ нужно жить только для неба, что такое жизнеустроеніе возможно и осуществимо, и что основаніе этой жизни—въ полномъ дѣятельномъ самоотреченіи во благо ближнихъ.

Пріидите, далѣе, ко гробу этого великаго схимника иноки и инокини, и слушайте его посмертный иноческій урокъ; наслѣдуйте его дорогое стяжаніе, купленное имъ цѣною многолѣтнихъ аскетическихъ подвиговъ и страданій, слезъ и молитвъ, скорбей и болѣзней. Кто въ стѣнахъ сей святой обители инокинь въ виду этого, повитаго схимой, усопшаго дерзнетъ говорить противъ иночества? Кто осмѣлится сказать, что монашество отжило свой вѣкъ, что иноки—не нужные никому люди? Да не дерзнетъ никто: се—царство рѣдкаго по своей высотѣ и благоплодности подвижничества. И этотъ гробъ—наилучшій проповѣдникъ монашества. — Но покойный своею жизнью въ правило монашескаго житія вноситъ одно, правда, не новое, а только нѣсколько забытое въ послѣднее время, необыкновенно высокое и плодотворное начало. Монахъ, какъ показываетъ и самое слово, главнымъ образомъ—такой человѣкъ, который удаляется отъ міра, отъ мірскихъ людей, и живетъ отдѣльной, уединенной жизнью; монаха отдѣляетъ отъ міра глубокая, непроходимая пропасть, на которой онъ намѣренно разрушаетъ всякія средства и путь сообщенія съ міромъ. Удалившись міра, монахъ иночествуетъ. Если міръ служитъ плотскому себялюбію, то монахъ умерщвляетъ его; онъ предпринимаетъ подвиги, прямо направленные къ подавленію этого себялюбія своего плотскаго человѣка. Если міръ служитъ себѣ самому, то монастырь непре-

станно молится и воспѣваетъ Господу. Всѣ эти основныя правила убѣдительно напоминаетъ и подтверждаетъ намъ, возлюбленные собратья, и почившій. Самъ удалившійся въ пустынь, самъ пріявшій великую схиму, самъ почти безвыходно пребывшій въ монастырѣ болѣе 50 лѣтъ, строго на-строго подтвердитъ намъ прежде всего, чтобы мы — иноки — дальше и дальше бѣжали отъ міра, отъ его тяжкихъ соблазновъ Тотъ, кто самъ желалъ непрестанно молиться и печаловался, что приходящіе къ нему не оставляютъ и времени для молитвы, кто умеръ съ крестнымъ знаменіемъ, замершимъ на челѣ, кто врачевалъ молитвой недуги души и тѣла, кто самъ строго блюлъ всѣ монашескіе молитвенные уставы, тотъ, конечно, завѣщаетъ намъ строгое соблюденіе молитвенныхъ правилъ. Кто наконецъ самъ строго блюлъ всѣ вообще иноческіе обѣты, тотъ и намъ завѣщаетъ то-же. Да что мнѣ и говорить объ иноческомъ подвижничествѣ покойнаго. Эти близкія къ нему лица, эти стѣны лучше меня знаютъ его неимовѣрно тяжелые подвиги. Его тѣсная келлія разскажетъ вамъ, какъ этотъ постоянно болѣющій, почти всегда умирающій, старецъ, утомленный безпрерывно тянувшейся дневной бесѣдой съ посѣтителями, съ измученной грѣхами каявшихся пастырскою совѣстью, бывало, ставъ на постели, еле-еле держась полумертвой рукой за протянутую около постели, вверху, проволоку внимательно, слезно выслушивалъ всенощную. А сколько одинокихъ теплыхъ моленій, горькихъ слезъ, глубокихъ поклоновъ, видѣли эти стѣны?! Это ихъ тайна! Пусть ее его смиреніе понесетъ съ собою въ могилу, а его келлія безгласно хранитъ ее у себя. Да, это былъ подвижникъ, какихъ можно рѣдко найдти. И теперь его мертвыя уста—прислушайтесь! — вслухъ всего иночества вѣщаютъ объ усиленно строгомъ храненіи иноческихъ обѣтовъ и уставовъ. Но къ этому завѣту жизнь этого старца прибавляетъ еще одинъ. Посмотрите, братіе, кого здѣсь больше: монаховъ или мірянъ? Зачѣмъ тутъ, у гроба схимника, все время жившаго въ монастырѣ, зачѣмъ тутъ собрались эти несмѣтныя толпы мірянъ? Зачѣмъ этотъ плачъ міра о семъ инокѣ? Затѣмъ, что усопшій, живя внѣ міра и бѣгая его, умѣлъ жить для него. Повѣрьте, что ни въ одной пріемной комнатѣ любаго мірскаго человѣка, пастыря или сановника, не перебывало столько мірянъ, сколько побывало ихъ въ тѣсной, убогой келліи этого отшельника. Повѣрьте, что этотъ, весь во злѣ лежащій міръ (1 Іоан. V, 19) ни отъ кого не получилъ столько совѣтовъ и наставленій и письменныхъ и устныхъ, сколько далъ ихъ ему усопшій. Его имя столь же дорого инокамъ, какъ и мірянамъ. Отчего это? Оттого, что онъ умѣлъ силою своей вѣры и любви раздвигать тѣсныя стѣны своей келліи на необъятныя пространства. Оттого, что онъ, какъ пастырь, зналъ, что тамъ, въ грѣшномъ, но ищущемъ Бога, мірѣ, много алчущихъ и жаждущихъ Христова слова, любви и вѣры, любилъ этотъ міръ и отдалъ ему всю свою жизнь Онъ шелъ въ міръ весь, и проповѣдывалъ всей твари. Къ нему шли изъ міра всѣ труждающіеся и обремененные, и онъ успокоивалъ ихъ. Онъ жилъ для міра; онъ былъ въ немъ Апостоломъ Христовымъ.—„Любите людей, служите имъ“,—вотъ что вѣщаютъ намъ въ завѣтъ омертвѣвшія уста почившаго. Не всѣ, конечно, изъ насъ могутъ вмѣстить эту тяжкую заповѣдь такъ, какъ умѣлъ и могъ исполнять ее почившій. Рѣдкій, рѣдкій монахъ можетъ нести тяжелое бремя такого мірскаго учительства, какое несъ покойный. Но подражать непремѣнно именно его подвигу и не надо: надо усвоить себѣ тѣ силы духа, кои подвигали его на сіе, надо возжечь намъ въ себѣ ту любовь къ дѣлу Христову, къ Его необъятной паствѣ, которую имѣлъ покойный; надо умѣть жить жизнью другихъ, болѣть ихъ болями и скорбями и беззавѣтно нести свои духовныя сокровища на пользу ближнихъ. Для этого монаху не надо идти въ міръ. Сей послѣдній, томясь жаждой истинной жизни во Христѣ, самъ придетъ къ нему. Куда, какъ не въ монастыри, непрерывной вереницей тянется нашъ православный людъ за утоленіемъ этой жажды?! Онъ въ порывѣ своей религіозности, по-

нимая религію и Церковь именно какъ нѣчто совершенно противоположное земному и мірскому, скорѣе всего идетъ за этимъ въ монастырь. И ты, иночество, служи, служи искренно и беззавѣтно, какъ служилъ покойный о. Амвросій этому люду. Благоговѣйно, съ чувствомъ горячей, слезной пастырской любви совершайте службы Божіи. Гдѣ мірянину, какъ не въ монастырѣ, послушать настоящей службы, справляемой по уставу? Гдѣ ему послушать настоящаго истинно церковнаго древне-русскаго пѣнія, какъ не въ храмахъ святыхъ обителей? И ты, иночество, свято храни уставы и церковное пѣніе, и служи симъ міру. Гдѣ мірянинъ настраивается особенно религіозно? Опять въ монастырѣ. Идетъ онъ въ стѣны св. обители, гдѣ почиваютъ ли мощи Угодника, пребываетъ ли чудотворная св. икона; идетъ, и благоговѣйнаго страха полно его сердце. Онъ прислушивается къ каждому звуку, онъ назидается каждою надписью, каждой священной картиной. Знай это, иночество, и благоговѣйно храни эту религіозную настроенность мірянина. Служи ему въ обители всѣмъ, чѣмъ можешь: проповѣдуй ему неустанно; повѣрь, что монастырскую проповѣдь онъ сохранитъ надолго; пройди съ нимъ по всѣмъ своимъ святынямъ, по всѣмъ церквамъ; все покажи и разскажи ему. Прими подъ свой кровъ убогаго, больнаго, сироту. Когда ты, инокъ или инокиня, станешь на молитву, то не забудь усердно помолиться и за грѣшный міръ: ему нужна твоя молитва.—Итакъ, русское иночество, помни и свято блюди посмертный завѣтъ старца Амвросія: люби и грѣшныхъ людей, и служи имъ чѣмъ можешь.

Пріидите, наконецъ, ко гробу сего великаго пастыря, пастыри Церкви русской, и научитесь у сего отшельника, оставившаго міръ, пастырствовать въ мірѣ. Хотя у этого монаха-схимника и не было прихода, прямо ввѣренной ему паствы; однако едва ли и многіе и архипастыри имѣли такъ много пасомыхъ, такъ много духовныхъ чадъ, какъ покойный батюшка о. Амвросій. Тутъ всякій, кто только ни приходилъ къ нему, кто ни открывалъ ему своей души, всякій становился сыномъ многолюдной его паствы. Тутъ было удивительное общеніе душъ пастыря и пасомыхъ. Пріидите, пастыри, и научитесь здѣсь пастырствованію. Вы скажете: зачѣмъ и какъ намъ учиться пастырствованію, когда сила послѣдняго подается всѣмъ пастырямъ одинаково въ хиротоніи? Да, правда, эта сила одна у всѣхъ. Но умѣть ею пользоваться для дѣла Христова далеко не всѣ могутъ одинаково. И воистину сказать: едвали многіе пастыри умѣютъ пастырствовать такъ, какъ должно, и какъ именно пастырствовалъ покойный. Какая сила влекла къ этому старцу-монаху людей всякихъ званій и положеній? Какою мощью онъ невѣрующихъ заставлялъ вѣрить, въ отчаявшихся – поселялъ надежду, злыхъ—дѣлалъ добрыми? Что помогало ему по вѣрѣ приходившихъ къ нему творить прямо чудесные дѣянія: исцѣлять отъ болѣзней, прозрѣвать будущее и т п. Да вотъ именно его пастырское умѣнье пользоваться благодатію Христовой. — Не мнѣ говорить о недостаткахъ нашего пастырства. Но я скажу только о тѣхъ отличительныхъ чертахъ пастырствованія покойнаго, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ нашихъ теперешнихъ пастыряхъ. Сравните вы отношеніе пасомыхъ къ любому священнику и приходящихъ къ покойному старцу. Тамъ они — каждый—твердо помнятъ свое положеніе и званіе: мужикъ подходитъ послѣ барина, богатый прежде бѣдняка. Придите вы къ священнику въ семью, какъ знакомый; зачастую вы просидите цѣлый вечеръ, и не услышите ни слова о духовномъ, о церкви, о небѣ; все тѣ же разговоры о мірскомъ, что и у васъ. Не такъ у старца. Предъ нимъ всякій человѣкъ чувствовалъ себя только мірянином; княжескіе титулы и графскія достоинства, слава и богатства, и знатности, преимущество образованія – все оставалось за порогомъ его келліи: всѣ одинаково видѣли въ немъ только Христова пастыря и становились на колѣна. Всѣ говорили съ нимъ, и онъ всѣмъ говорилъ лишь о духовномъ; сказанное имъ что-либо и житейское непремѣнно истолковывалось, какъ рѣчь

о чемъ-либо духовномъ. Се—знакъ того, что тутъ религія понималась, какъ царство Божіе, какъ царство совѣсти, какъ нѣчто такое, что совершенно противоположно міру. На батюшку смотрѣли именно, какъ на служителя Бога. И онъ властительствовалъ надъ совѣстью; ее онъ врачевалъ — Чѣмъ и какъ умѣлъ покойный пастырь всѣхъ утѣшать и обновлять? Страдавшимъ казалось, что онъ будто самъ облегчалъ ихъ скорби и печали душевныя, какъ бы беря ихъ на себя. Кромѣ личнаго благочестія, кромѣ строгаго и суроваго аскетизма—чего нерѣдко можно найдти и у многихъ изъ нашихъ пастырей—почившій имѣлъ то, безъ чего если я говорю языками человѣческими и ангельскими, то я мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій; если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы преставлять, то я ничто; и если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе—нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы (1 Кор. XIII, 1—3). Онъ имѣлъ ту высочайшую христіанскую любовь, которая долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ (—4—6). Эта-то любовь, не знавшая никакого самолюбія, о которой засвидѣтельствуютъ всѣ, кто только зналъ почившаго, любовь, которая заставляла его сливаться своей пастырской душей съ пасомыми, она-то и давала ему такую силу въ области ихъ совѣсти. Его самоотверженную любовь нельзя иначе описать, какъ именно приведенными словами св. апостола. Вотъ пастыри, чему поучитесь у этого праведнаго мужа-пастыря. Кто станетъ отрицать, что служба церковная, требоисправленія—главная обязанность пастыря? Никто, конечно. Безъ св. Таинствъ нѣтъ и св. Церкви. Но требоисправленія и службы не все пастырство. Властительство надъ совѣстью, воспитаніе ея—вотъ вторая обязанность пастыря. Не забывайте, что службы и таинства—для спасенія; а оно должно усвояться сознательно; а для сего надо работать надъ душей.

Итакъ, пріидите всѣ, цѣлуйте его послѣднимъ цѣлованіемъ, и берите каждый, чья душа сколько можетъ, завѣщанныхъ имъ намъ въ наслѣдство сокровищъ. Смотрите больше на этого человѣка, пока его духовный образъ въ виду этого гроба еще живо предносится нашему взору.

Довольно. Поминальная трапеза окончилась. Духовное утѣшеніе пришло къ концу. Но чьи же это плачи и рыданія? Кто это еще остался не утѣшнымъ? Чья это скорбь не утишилась и тѣми стяжаніями, какія оставилъ почившій? Это плачутъ его сироты, сестры сей св. обители. Ихъ скорбь о смерти своего отца усугубилась еще потерей такъ нѣжно лелѣянной ими надежды похоронить останки основателя обители въ ея стѣнахъ. Родная могила будетъ не у васъ. Покойный поселится на могильный покой въ своей Оптиной пустыни. Быть можетъ, ваша женская благоговѣйная нѣжность и лучше бы хранила мѣсто упокоенія дорогихъ останковъ, какъ самый дорогой уголокъ. Вы окружили бы ее заботливыми попеченіями. Но знайте, что бережное храненіе вами въ цѣлости и чистотѣ духовнаго образа почившаго гораздо угоднѣе ему и полезнѣе вамъ, чѣмъ сохраненіе его могилы. Въ этомъ лишеніи вашемъ Господь даетъ вамъ испытаніе, которымъ искушается твердость и сила вашей любви къ усопшему. Любите его духъ и не имѣя постояннаго напоминанія о немъ посредствомъ могилы. Помните и свято храните его совѣты и завѣты и, повѣрьте, что онъ будетъ такъ же къ вамъ близокъ, какъ и при жизни. Повѣрьте еще, что если бы было можно, то всѣ города и веси Русскіе, гдѣ только знали покойнаго (а гдѣ его не знали?) заспорили бы о преимуществѣ имѣть у себя его могилу; прежде всего и главнѣе всего—онъ всегдашній сынъ своей св. обители, Оптиной пустыни, родившей его въ иночествѣ. Утѣшьтесь и отпустите гробъ его съ миромъ въ родную страну, къ ногамъ его великаго учителя, гдѣ ему такъ хотѣлось опочить могильнымъ сномъ.

Вѣрусмъ, братіе что всемилосердный Господь, по молитвамъ св. Церкви, призритъ съ небесе на праведную жизнь почившаго, на его великую любовь и труды во имя Христово, и даруетъ ему мѣсто упокоенія со святыми. Помяни насъ тогда, почившій, въ своихъ молитвахъ! А теперь, братіе, пока его душа еще витаетъ здѣсь, у своего тѣла, и взываетъ къ намъ устами Церкви о молитвахъ, помолимся о ней, Господу. Нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ. Ты, Господи, единъ еси кромѣ грѣха. Прости, Господи, усопшему рабу Твоему новопреставленному старцу Оптиной пустыни іросхимонаху Амвросію всѣ его грѣхи, и грѣхи юности, и старости, и вѣдѣнія, и невѣдѣнія, и слова и дѣла, и помышленія. Вся ему прости, яко Ты благъ еси и человѣколюбецъ. Аминь.

№ 5.

Рѣчь о. іеромонаха Трифона.

Давно уже тѣлесно изнемогалъ въ Бозѣ почившій, возлюбленный отецъ нашъ. Надо было удивляться, какъ выдерживалъ онъ столь тяжелые труды. И одна четверть ихъ была бы невыносима для обыкновеннаго человѣка. Только сила Божія, поддерживавшая его, только благодатная помощь Бога совершала чудо, постоянно повторявшееся, и къ которому мы какъ будто уже привыкли: — видѣть умирающаго постоянно воскресающимъ для воскрешенія омертвѣлаго духа ближнихъ своихъ. Мы это видѣли. Мы должны были понять, что будетъ же конецъ этой многострадальной жизни, что не всегда онъ будетъ съ нами. Но вотъ, когда пріиде часъ воли Божіей, насъ какъ громомъ поразило, и мы стоимъ теперь съ недоумѣніемъ: неужели его уже нѣтъ, неужели мы его никогда уже не увидимъ, не услышимъ его кроткаго голоса, не узримъ его озаренное любовію лицо, неужели навѣки сокрылось солнце, согрѣвавшее своимъ тепломъ, озарявшее своими лучами безпросвѣтный, часто невыносимый, мракъ столь многихъ и многихъ жизней... — Его уже нѣтъ съ нами, и мы его уже никогда здѣсь не увидимъ...

Воспоминанія быстрою чредою проносятся предо мною. Мнѣ вспоминается, какъ въ первый разъ я, еще юношей, со страхомъ стоялъ передъ нимъ... Какъ сумѣлъ онъ утѣшить меня и успокоить, съ какимъ восторгомъ я возвратился къ себѣ. Вспоминается, какъ въ своей маленькой скитской келліи онъ благословилъ меня облечься въ иноческую одежду, съ какимъ благодушіемъ смотрѣлъ онъ тогда на меня, какія наставленія давалъ мнѣ... Вспоминается, какъ ровно годъ тому назадъ прибылъ я сюда, волнуемый различными сомнѣніями; съ какою лаской, съ какой любовью онъ разрѣшилъ всѣ сомнѣнія, не дававшія мнѣ покоя. И вотъ ровно черезъ годъ я еще увидѣлъ его; но уже сомкнулись очи, языкъ не глаголетъ, и онъ уже не обѣщаетъ молитвъ, а самъ проситъ нашихъ молитвъ... Ты самъ, возлюбленный нашъ, постоянно повторялъ, и незадолго до кончины своей, утѣшая меня въ потерѣ отца, сказалъ еще разъ, что смерть посылается милосердымъ Господомъ въ самое лучшее время для человѣка, когда его душа наиболѣе къ ней пріуготовлена. — И хотя твоя блаженная жизнь была постояннымъ и неуклоннымъ служеніемъ Богу, тѣмъ не менѣе, проходя по законамъ духа различныя стени совершенства, ты теперь „вошелъ въ гробъ“ (Іона прор.), „какъ пшеница созрѣлая, во время пожатая, или якоже стогъ гумна во время свезенный“... И да послужитъ намъ это утѣшеніемъ; ибо, получивъ дерзновеніе у Господа, онъ тамъ явится нашимъ предстателемъ и заступникомъ, гдѣ не въ гаданіи, но лицомъ къ лицу, блаженныя души созерцаютъ Господа, гдѣ свѣтозарные ангелы воспѣваютъ Ему непрестанно Трисвятую пѣснь...

Не время и не мѣсто дѣлать теперь подробное описаніе качествъ дорогого нашего въ Бозѣ почившаго великаго старца. Его жизнь пренадлежитъ будущему и не забудется никогда. Ибо только тѣ, которые искали земной славы, прогремѣвши короткое время, послѣ смерти быстро забываются, и заростаетъ тропа къ ихъ могиламъ. „Память же праведнаго съ похвалами, и въ роды родовъ не изгладится“...

И теперь можно засвидѣтельствовать, что отличительнымъ качествомъ нашего дорогаго старца была та добродѣтель, которая является свойствомъ вѣрныхъ учениковъ Христа,—безъ которой всѣ остальныя добродѣтели „какъ мѣдь звенящая, или кимвалъ брящающій“, по словамъ апостола. Это христіанская о Бозѣ любовь... Не та пристрастная языческая любовь, любящая только любящаго его, и дѣлающая добро только тѣмъ, которые почему нибудь полезны или пріятны для нея. Но та любовь, которая во всѣхъ людяхъ видитъ прежде всего образъ и подобіе Божіе,—и любитъ его, и плачетъ объ его искаженіяхъ, если замѣчаетъ ихъ. И не гордымъ словомъ упрека встрѣчаетъ слабости и немощи человѣческія, но всѣ ихъ несетъ на себѣ. Та любовь, которая душу свою кладетъ за ближнихъ своихъ,—выше которой, какъ засвидѣтельствовано Словомъ Божіимъ, ничего не можетъ быть. Та любовь, которая заставила одного святаго въ молитвахъ съ дерзновеніемъ возвать къ Богу:—„Господи если я пріобрѣлъ благодать предъ Тобою, если я достигъ царство небесное, то вели и братьямъ моимъ войти со мною: а безъ нихъ и я не пойду туда“... Вотъ этой-то любовью было проникнуто все существо нашего батюшки. Засвидѣтельствуетъ это всякъ сколько-нибудь знающій о. Амвросія. Свидѣтельствомъ этого вся жизнь его. И въ самомъ дѣлѣ, не богатство и знатность, не какіе нибудь таланты, развлекающіе суетность человѣка,—нѣтъ: смиренная келья, убогій одръ, и на немъ полуразслабленный съ виду старецъ привлекалъ къ себѣ Православную Русь... И знатные и убогіе, и ученые и простецы, и духовные и мірскіе, мущины, женщины и дѣти—всѣ стекались сюда... И какъ часто случалось, что человѣкъ, разъ пріѣхавшій, и можетъ быть изъ простаго любопытства, подъ обаяніемъ святой души старца оставался здѣсь навсегда, бросивши вся „красная міра“ и посвятивъ себя служенію Богу. Не только слова и рѣчи, но и самый видъ, прикосновеніе, самое присутствіе сильнаго духовно человѣка уже благотворно и спасительно дѣйствуетъ на существо другаго человѣка, врачуя его недуги, возбуждая его къ доброму, вызывая въ немъ молитвы и слезы...

А возможно ли перечислить всѣ отдѣльные случаи благотворительности старца! . Кто захочетъ отчасти познакомиться съ нею, то пріиди и виждь... Посмотри на эту обитель... Здѣсь не разсуждали, можетъ ли всѣхъ принятыхъ прокормить и содержать монастырь. Нѣтъ. Здѣсь не было мѣста этимъ малодушнымъ разсужденіямъ. Здѣсь твердо вѣрили словамъ Христа: если и птицъ Богъ грѣетъ и питаетъ, если и траву на полѣ, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, какъ и Соломонъ не одѣвался во всей славѣ своей,—„то кольми паче васъ“... „Наипаче ищите Царствія Божія, и это все приложится вамъ“. Особенно любилъ дѣтей почившій,—онъ и самъ имѣлъ дѣтскую, незлобивую душу. Пусть близко стоявшіе къ дѣлу раскажутъ, въ какомъ иногда ужасномъ видѣ принимались они въ основанный имъ дѣтскій женскій пріютъ. Всѣхъ принимали, и всѣмъ давали истинно христіанское воспитаніе, и нѣкоторыя изъ нихъ содѣлались уже невѣстами Христовыми. Надо было видѣть нашего батюшку посреди дѣтей, окружавшихъ его, обнимающихъ и цѣлующихъ,—какъ былъ онъ тутъ особенно трогателенъ, какъ часто мы видѣли тутъ его слезы душевнаго умиленія... И вотъ, возлюбленный нашъ, ты въ послѣдній разъ предсталъ предъ нами, окруженный многочисленнымъ освященнымъ соборомъ, съ самимъ владыкою архипастыремъ нашимъ во главѣ; и ты просишь у этого сонма свя-

щенноиноковъ, изъ которыхъ многіе твои ученики, а нѣкоторые и сами сдѣлались наставниками другихъ, иноковъ и инокинь; просишь и всѣхъ здѣсь присутствующихъ духовныхъ дѣтей твоихъ словами священнаго пѣснопѣнія: „непрестанно молитеся о мнѣ Христу Богу,—да вселитъ мя, идѣже свѣтъ животный“. И вѣрь и надѣйся, возлюбленный нашъ, что не только устами, но и сердцемъ воззовемъ, и всегда будемъ взывать, пока есть духъ въ тѣлѣ нашемъ, къ милостивому Богу: „со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль ни воздыханіе,—но жизнь безконечная, но радость, но успокоеніе вѣчное или вѣчный покой“.

№ 6.

Рѣчь Преосвященнѣйшаго Виталія, Епископа Калужскаго и Боровскаго.

Возлюбленные отцы и братія! Съ тѣхъ поръ, какъ я прибылъ на паству Калужскую, и вошелъ въ дѣла ея управленія, я имѣлъ сердечное желаніе, по крайней мѣрѣ около года, лично побывать въ Оптиной пустыни, и познакомиться съ старцемъ, іеросхимонахомъ Амвросіемъ.—Извѣстно, что въ нашемъ отечествѣ находится четыре лавры. Нужно ли подробно характеризовать эти лавры, отличающіяся отъ другихъ монастырей и своимъ особымъ положеніемъ, и значеніемъ въ нашей церковной жизни, и числомъ своихъ иноковъ, а также и своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ? Есть у насъ и другія святыя обители менѣе знаменитыя, но занимающія однако выдающееся мѣсто среди нашихъ монастырей. Къ числу таковыхъ относится и достоуважаемая, знаменитая Оптина пустынь, столь славная своимъ старчествомъ.—Когда я выѣхалъ изъ своего епархіальнаго города Калуги въ эту пустынь, то и не думалъ о кончинѣ преставльшагося старца о. Амвросія.

Но судьбы Божіи неисповѣдимы!

Душевно скорблю, что я не имѣлъ возможности осуществить своего сердечнаго желанія—войти въ духовное общеніе съ почившимъ въ Бозѣ великимъ старцемъ, у гроба коего мы теперь предстоимъ. Скорбимъ мы нынѣ всѣ, отцы и братія! Но больше всѣхъ скорбитъ и печалуется искренно и горько братія сей св. обители, Оптиной пустыни, гдѣ почившій старецъ о. Амвросій подвизался болѣе 50 лѣтъ, и гдѣ онъ не мало потрудился въ устроеніи ея внутренней и внѣшней жизни. Скорбитъ о немъ неутѣшною скорбью Казанская обитель Шамординская, которая обязана ему и своимъ основаніемъ и благоустройствомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Скорбитъ о немъ и вся здѣшняя область, представители которой въ лицѣ разныхъ достопочтенныхъ лицъ съ городскимъ головой и гласными гражданъ гор. Козельска во главѣ, находятся теперь въ семъ св. храмѣ. Мы видимъ здѣсь присутствующими многихъ и очень многихъ почитателей старца и изъ другихъ различныхъ мѣстностей нашей св. Руси. Въ особенности мы считаемъ долгомъ указать въ этомъ случаѣ на достопочтенную благотворительницу Шамординской обители боголюбивую Анну Яковлевну Перлову. Не перечисляемъ всѣхъ почитателей старца. Имя его почитаемо даже за предѣлами нашего отечества.

Въ лицѣ почившаго о Господѣ іеросхимонаха Амвросія достолюбезно и глубокоуважаемо для всего православнаго Русскаго народа особенно то, что извѣстно намъ подъ именемъ, такъ-называемаго, старчества, ярко процвѣтшаго въ Оптиной пустыни. Старецъ—это подвижникъ, трудящійся на нивѣ Христовой, и денно и нощно пребывающій въ исполненіи закона Божія, и дѣлающійся такимъ образомъ надежнымъ руководителемъ и воспитателемъ и другихъ на пути ко спасенію. Св. апостолъ языковъ говоритъ: *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9). Почему? Потому что, исполняя законъ, онъ при помощи благодати Божіей, воплотилъ его въ своей жизни и дѣя-

тельности такъ, что самъ сдѣлался закономъ для другихъ. И кто не усматривалъ всего этого въ лицѣ высокаго старца — подвижника, іеросхимонаха Амвросія?! Кто въ немъ не находилъ своего мудраго совѣтника, руководителя и наставника на всякую истину?! Вотъ тайна, въ которой заключается вся разгадка того всеобщаго уваженія къ старцу со стороны знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и убогихъ, ученыхъ и некнижныхъ и всѣхъ, кто къ нему по желанію или даже изъ за одного любопытства обращался.

Старчество, развившееся на почвѣ христіанскихъ началъ, представляетъ собою цвѣтъ иноческой жизни. Господь нашъ Іисусъ Христосъ училъ: люби Господа Бога твоего и ближняго твоего, какъ самаго себя. Вотъ двѣ заповѣди, въ которыхъ заключается весь законъ. Обращаясь къ Своимъ ученикамъ, Спаситель сказалъ имъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. XIII, 34). Св. апостолъ Павелъ говоритъ: если не имѣемъ любви, то всѣ наши дѣла, а тѣмъ болѣе слова, все вообще наше внѣшнее благочестіе, есть не что иное, какъ мѣдь звѣнящая и кимвалъ бряцающій (1 Кор. III, 1—3). Любовь Христова заключаетъ въ себѣ вообще всѣ христіанскія добродѣтели, и служитъ союзомъ совершенства. *Любовь* Христова, по ученію великаго Апостола, *долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ* (4 — 7). Вотъ этою то любовью, спасающею насъ, и былъ проникнутъ великій старецъ Амвросій, воспитавшійся и созрѣвшій въ знаменитой Оптиной пустыни. Вотъ почему, повторяю, достолюбезно и глубоко чтимо имя великаго старца Амвросія не только у насъ, въ предѣлахъ православной Руси, но оно также извѣстно и уважаемо далеко—на востокѣ.

Скорбимъ мы, отцы и братія, скорбимъ глубоко о кончинѣ преставльшагося раба Божія, старца іеросхимонаха Амвросія. Но прошу всѣхъ и молю: *да не скорбите*, братіе и сестры, *якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Солун. IV, 13)! Памятуйте, что между здѣшнимъ міромъ и міромъ загробнымъ существуетъ духовная непрерывная связь. Тѣло старца бездыханно, и сдѣлалось во гробѣ неспособнымъ къ проявленію жизнедѣятельности духа, жившаго въ немъ и оживлявшаго его. Мы вѣруемъ, что душа старца и теперь съ нами, все видитъ, съ нами и скорбитъ, и радуется. Вознесемъ теплыя молитвы ко Всевышнему объ упокоеніи души преставльшагося раба Божія, іеросхимонаха о. Амвросія, да вселитъ Онъ его душу съ лики праведныхъ въ своихъ блаженныхъ обителяхъ. Будемъ просить и молить старца да ходатайствуетъ и онъ своими молитвами предъ Престоломъ Божіимъ о нашемъ спасеніи. Душѣ старца будетъ пріятна наша молитва, если, подобно ему, будемъ утверждать свою жизнь на началахъ любви Христовой. Да престанутъ отъ насъ всякаго рода пререканія и раздѣленія и да царствуетъ между нами единеніе любви во имя Господа, Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ Аминь.

№ 7.

Послѣдняя надгробная рѣчь іеромонаха Григорія (Борисоглѣбскаго, впослѣдствіи архимандрита).

Еще малое время, — и сырая земля плотно придавитъ собою крышку этого гроба. Еще нѣсколько, очень немного, мгновеній — и мрачные, сырые своды холодной могилы на вѣки, до вожделѣннаго гласа трубы архангеловой, сокроютъ отъ сего міра эти дорогіе останки этого великаго мужа, любвеобильнѣйшаго пастыря земли Русской, незабвеннаго батюшки о. Амвросія.

Еще нѣсколько мгновеній, и твое длинное, вельми трудное и тяжелое странствованіе земное окончится. Позволь же мнѣ въ эти послѣдніе моменты твоего земного хожденія принести тебѣ послѣдній привѣтъ отъ твоихъ вѣрныхъ собратій по пастырскому служенію— отъ Московской Духовной Академіи.

Родившись въ духовной средѣ, ты получилъ воспитаніе нужное пастырю. Но тогда, какъ твои собратія по школѣ скоро же подъяли на себя пастырское иго, ты, подобно великимъ святымъ отцамъ древности, бѣжалъ въ сію пустыню, и тутъ добровольно возложилъ на себя иго подвижника. Долго, долго ты шелъ отъ мѣры въ мѣру совершенства по этому тяжелому пути умерщвленія ветхаго человѣка. Наконецъ, когда ты пріуготовилъ себя достаточно для служенія ближнимъ, Господь воздвигъ тебя, какъ яркій свѣтильникъ, стоящій высоко, и ты свѣтилъ своимъ пастырскимъ, Христовымъ свѣтомъ въ теченіе тридесяти лѣтъ на всю нашу св. Русь. Не намъ исчислять: сколько ты душъ просвѣтилъ этимъ свѣтомъ, сколькихъ ты привелъ или удержалъ при Христѣ. Если бы ты могъ открыть свои глаза, если бы ты могъ приникнуть своимъ слухомъ, то увидѣлъ бы, сколько тысячь собралось отдать тебѣ послѣднее цѣлованіе, ты увидѣлъ бы, сколько слезъ пролито надъ тобой, ты услышалъ бы, что вся Россія скорбитъ неутѣшно о твоей смерти. Ты былъ всероссійскимъ великимъ пастыремъ.

И на тебя смотрѣли всѣ съ удивленіемъ. Мы питомцы духовныхъ школъ, готовящіеся къ пастырству и наши руководители смотрѣли на тебя, какъ на образецъ и примѣръ пастырствованія. Начальники, наставники и питомцы нашей, наприм., Академіи всѣ были при твоей жизни проникнуты чувствомъ благоговѣйнаго уваженія. Многіе изъ нихъ пользовались твоими совѣтами. И ты любя духовное юношество, умѣлъ посѣлять въ обращавшихся истинный духъ пастырства—аскетическій, самоотверженный, дышащій любовью. Повѣрь что память о тебѣ русское духовенство, русское духовное юношество сохранитъ свято и благоговѣйно.

Много пролито прощальныхъ благодарственныхъ слезъ надъ тобою. Прими, наконецъ, послѣдній слезный привѣтъ отъ своихъ собратій по пастырскому служенію. Прими послѣднее „прости“ отъ Московской Духовной Академіи, о которой ты еще такъ недавно воспоминалъ съ любовью въ бесѣдѣ съ однимъ изъ ея питомцевъ; — отъ той Академіи, которая свято чтитъ и благоговѣйно бережетъ память протоіереевъ А. В. Горскаго и Ѳ. А. Голубинскаго, которыхъ ты при случаѣ всегда любилъ вспомнить и помянуть добрымъ словомъ, а портретъ послѣдняго изъ нихъ ты даже имѣлъ постоянно въ своей уединенной келліи. Ты встрѣтишься теперь тамъ съ ними. Помолись вмѣстѣ съ ними о томъ, чтобы ими и тобой любимая школа дѣйствительно служила дѣлу Христову такъ, какъ это нужно по Евангелію: самоотверженно, любвеобильно, безкорыстно и мирно, такъ, какъ служилъ ты. Аминь“.